

**НОННА
ОРЕШИНА**

**МИНА
ЗАМЕДЛЕННОГО
ДЕЙСТВИЯ**

*Остросюжетный
психологический роман*

Казань
Татарское книжное издательство
2003

УДК 882-93
ББК 84(2Рос=Рус)-4
О63

Орешина Н.Н.

О 63 Мина замедленного действия. — Казань: Татарское книжное издательство, 2003. — 543 с.

Поиск Себя в себе, возрождение души и воспитание характеров героев романа происходят на торных дорогах и тайных тропинках, которые приоткрывает им судьба. И хотя автор не стремился преднамеренно к детективным интригам и приключенческим решениям, в наше безумно интересное, невероятно сложное и страшное время события могут разворачиваться стихийно, засасывая и сминая человека. Никто ни от чего не застрахован и спасти может только...

Но об этом — в романе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	6

Часть первая. ТЁЗКИ

Глава 1. Ску-у-учно...	8
Глава 2. Вкус мечты	38
Глава 3. Бумеранг	75

Часть вторая. А ЖИТЬ НАДО...

Глава 4. Скользя по течению времени	108
Глава 5. Сюрпризы судьбы	148
Глава 6. На перепутье тревожных дорог	194

Часть третья. ВСЁ ТАЙНОЕ...

Глава 7. В поисках истины	226
Глава 8. Гость поневоле	268
Глава 9. Могила Пирата	293

Часть четвертая. НА ГРАНИ

Глава 10. Дела сердечные	330
Глава 11. Друзья и враги	369
Глава 12. Зачарованный остров	402

Часть пятая. ВЫСОТА

Глава 13. Верочка	434
Глава 14. Колокол Богородицы	462
Глава 15. И один в поле воин	501

ОТ АВТОРА

Я никогда не сочиняла детективы, не люблю боевики и мало работала в приключенческом жанре, отдавала предпочтение авиационным темам и психологическим мотивам поступков своих героев.

Но начала писать рассказ о жизни современного подростка в большом городе, и получилась почти приключенческая повесть. В ней обыденность, романтика, трагизм переплелись так естественно, а судьбы героев завязались в такой своеобразный, роковой узел, что, пытаясь распутать его, пришлось сотворить почти детективный роман, где размышления о сегодняшних деловых и личных проблемах уживаются с достаточно острым сюжетом.

Стараясь не навязывать персонажам своего произведения решения и поступки, подчиняясь, в основном, логике и динамике событий, происходящих вроде бы без моего авторского участия, я следила за главными героями — подростком Стасом и молодым человеком Станиславом (по прозвищу Стальной). Сама с нетерпением, любопытством и трепетом ожидала: куда и к чему приведут их торные дороги и тайные тропинки Судьбы в наше безумно интересное, невероятно сложное и страшное время, когда события разворачиваются порой стихийно, засасывая и сминая, когда никто ни от чего не застрахован и трудно жить, хотя и по-разному, всем. Когда среди людей человек чувствует себя подчас совершенно одиноким, и найти самого Себя, спасти поможет только...

Но об этом речь впереди.

Часть первая

ТЁЗКИ

ГЛАВА 1

Ску-у-ugno...

и стрелял почти не целясь, зная наверняка, что его пули попадут туда, куда должны. От грохота выстрелов уже не ломило барабанные перепонки, руки не чувствовали тяжести оружия, но и прежнего восторга от сознания своего всемогущества тоже не было. Разнообразие смертей — на все вкусы — уже не поражало воображение, азарт погони не будоражил, не заставлял напрягать все мускулы стосковавшегося по движению тела. Изначальные «я все могу», «со мной ничего не случится» обесцвечивали события, превращая ужасное порой почти в смешное.

— Убавь звук, — раздраженно сказала мама, входя в комнату и как всегда торопливо закручивая на затылке длинные волосы. — И не надоел тебе этот кошмар? Уже по утрам начали боевики показывать. Лучше бы все сразу перестреляли друг друга, заодно и сценаристов с режиссерами. Может, тогда наступит нормальная жизнь...

— Зло бессмертно, — лениво протянул Стас, ловя себя на мысли, что подражает кому-то из суперменов.

— А добро изначально и вечно, — возразила мама. И торопливо: — Сегодня я дежурю в ночь, с утра — на «скорой». Раньше завтрашнего вечера не жди.

— Не надо на «скорой», — запротестовал Стас.

Мать задумчивым взглядом окинула долговязую фигуру сына.

— У тебя руки из куртки по локоть вылезли, и джинсы короткие. А что на ногах! Только весной импортные кроссовки купили... Какую только дрянь не везут! Ну, будь повнимательней, сын. Не опоздай в школу, — она коснулась губами его лба.

— Будь спок, ма, — Стас вяло махнул рукой. Традиционный ритуал прощания как бы проводил черту под маминой опекой, из которой он вырос незаметно и, как ему казалось, навсегда.

Когда дверь захлопнулась, Стас вышел в коридор, зажег бра над зеркалом и внимательно осмотрел костлявого паренька, глядевшего на него из стеклянной глубины. Вихрастый, лобастый, глаза серые, их портят по-девчачьи длинные ресницы и тонкие брови дугой — подарок отца. Стас попытался нахмуриться, но брови взлетели, как крылья бабочки. Тогда он надул щеки и скривил рожицу, но настроение не улучшилось. Идти в школу категорически не хотелось.

В прошлые годы после каникул он мчался в класс, предвкушая, как все будут галдеть, рассказывая о своих приключениях и поездках, чуточку привирая, как привирает рыбак-любитель, показывая, какая рыбина сорвалась у него с крючка. Этой осенью желающих делиться летними впечатлениями прибавилось. Одним просто не о чем говорить: какие приключения могут случиться во дворе и прилегающем к нему пространстве? А тем, кого родители возили в заграничные, трудно описать словами то, что можно только видеть и чувствовать. И они неловко отмалчиваются или шушукуются между собой. Даже весной школа не казалась, как сейчас, тюрьмой. Впрочем, с весны произошло много событий. Не в школе — в семье. Даже не много, всего одно, поделившее жизнь на «до» и «после»...

К горлу подступил комок, глаза сощурились, и боль в сердце стала вытеснять ненависть. Как там, на экране телевизора, тлеющего дежурным красным огоньком. И так же хотелось убить...

Телефонный звонок — как очередь из пулемета. Стас снял трубку.

— Здравствуй, сын, — до отчаяния знакомый голос был, как всегда, тих и неопределен. — Как дела? Мама дома?

Стас молчал, и голос отца стал настойчивее:

— Не дури, Стасик, я же знаю, это ты. Позови маму.

Это детское, почти забытое «Стасик»...

— Говорит автоответчик. Дома никого нет. Просьба не беспокоить. Гуд бай, — четким металлическим голосом, подражая роботам из фантастических фильмов, произнес Стас и повесил трубку. Тотчас снова раздались звонки, но он выскочил на лестницу, с силой захлопнув дверь, словно так можно было оборвать крик телефона.

Выбежав на улицу и глянув на часы, Стас присвистнул — на первый урок можно не спешить. Жаль... Динам Машинич, то бишь Даниил Матвеевич, обещал провести эксперимент. Это его любимое занятие. Ребятам оно нравится, потому что домашнее задание он тогда не спрашивает, лишь задает вопросы на сообразительность. С сообразительностью у Стаса все обстоит благополучно. Следующий урок — литература. На нем тоже можно посидеть — Раечка-Раиса похожа на Русалочку из диснеевского мультика, только с ногами, и не просто с ногами, а прямо-таки голливудскими.

Третий урок — английский...

«Английский язык — пропуск за границу, в бизнес и в Интернет», — любил повторять отец. Почему он звонил? Он не подавал признаков жизни с лета. Рюкзак и сумка, собранные мамой, так и стоят под вешалкой, в углу. Может, хотел забрать? Хотя вряд ли это барахло ему теперь понадобится. Новое купит, теперь он богатенький...

Стас со злостью наступил на оранжевую головку единственного на клумбе цветка, вдавил его в траву. Темная волна накрыла с головой, принося боль и странное наслаждение. Она давно копила силы, наслаивалась и была сначала как зыбь, — раздражало все, даже мама с ее бесконечными дежурствами в роддоме, уже не модными платьями; куриные окорочка на плите, торопливо пожаренные и снабженные, как ценником, запиской: «Ешь все, я уже пообедала».

Незаметно зыбь переросла в волну, но сейчас она выбрасывала на берег памяти лишь счастливые моменты детства, когда у родителей было много друзей, они вместе отмечали праздники, семьями ездили на рыбалку и за грибами, без всякой опаски ночевали в палатках на берегу реки. Он помнил себя — голопузого, искусанного комарами, пропеченного солнцем, и то невероятное ощущение вольности, беззаботности и счастья, какое доступно лишь наивным дикарям, живущим жизнью природы.

Тогда была совсем другая, предсказуемая жизнь, и в мультиках зайцы могли победить волков, а добро превращало чудище в прекрасного принца. Постепенно милых рисованных героев мультяшек заменили компьютерные уродцы. Они пугали и притягивали, как и боевики с их кровавыми разборками и страстно обнаженными телами...

Родители торопливо переключали программу, попадая тоже на разборки, но политические, и прикипали к экрану, словно вместе с мерцающим светом просачивалась парализующая волю, толкающая на слепые действия или тупое бездействие Сила.

Эта непонятная сила в сознании подрастающего Стаса колебалась и вспучивала почву под ногами. Что-то быстро нарастало и медленно взрывалось внутри пространства, в котором они жили, и словно бы ниоткуда на пики богатства возносились самые нахрапистые и дальновидные. Уступы благополучия брались расторопными, реже — трудолюбивыми. Кто-то срывался и разбивался или, отделавшись испугом и синяками, снова карабкался к призрачному богатству, не понимая, что жадному достаточно не будет никогда... А те, кто не уяснил происходящего, не нашел в себе силы куда-то мчаться, толкаясь и грызаясь, остались на Равнине. Стиснутые Холмами, зажатые между Гор, кусочки Равнины оказались теперь Ущельями, куда солнце проникает редко. Но в тени нужды сад не вырастишь. Вот и расплзается болото отчаяния. Кое-где в трясины появляются кочки — обманчиво твердые островки...

Когда отец Стаса, толковый архитектор, после разного рода замен и перемещений по службе вдруг оказался не у дел, такой спасительной кочкой для него стала строительная фирма с ограниченной ответственностью «Надежда».

«Надежда с ограниченной ответственностью. Ее создатель, похоже, юморист!» — пошутила мама, когда отец сообщил, что принят на фирму с баснословным, по меркам безработного, окладом.

«Ты, видимо, еще не начала продавать вещи! — рассердился отец. — Такая работа действительно надежда и мечта: проектировать и строить коттеджи на любой вкус и финансовые возможности заказчика. Утрясать все формальности — забота директора. Женщина, скажу тебе, незаурядная: красива, умна, с характером».

«Смотри, не заразишься от нее ограниченной ответственностью, — насторожилась мама. — Она хоть замужем?»

«Не интересовался, — отец выгнул бровь. — Уж не ревнуешь ли? Кажется, сын у нее есть, взрослый. Это тебя успокаивает?»

«С ограниченной ответственностью покоя быть не может...»

«Ну, знаешь!..» — разговор перешел в ссору, и не последнюю. Отец негодовал, но мама словно в воду глядела: через полгода он собрал чемодан со своими вещами и, сказав, что за остальными пришлет машину, ушел, одним махом вскочив на уступ новой жизни.

... Аллея сквера, по которой, забыв о времени, брел Стас, закончилась. Похоже, и литература накрылась. Если учесть предыдущий прогул и несколько опозданий, не миновать записи в дневник. Сейчас маме только этого не хватало!.. И еще — контрольная по алгебре на последнем уроке. Новая тема — как плавание в тумане среди рифов, где нет маяка. Когда был отец... Об отце — стоп.

На перекрестке Стас остановился, терпеливо пережидая, когда красный цвет светофора сменится на зеленый. Бежать, как делал это всегда, лавируя между машинами, не хотелось. Все вокруг было скучным, чужим. Впервые пришла мысль о смерти, и он, покосившись на колеса проносащихся мимо машин, представил себя, смятого железной лавиной, — впечатляющий кадр. Но за кадром маячила мама, ее застывшие от боли глаза, как в тот момент, когда отец уходил с чемоданом...

Стас вздохнул и, на всякий случай, сделал шаг назад. Рывкнув сиреной, рядом пронеслась пожарная машина.

«Вот случилось бы сейчас что-нибудь: мафиозная разборка с перестрелкой, или кто-нибудь гранатой из автомобиля жахнул, или в школе произошел пожар, не слишком большой, чтобы только сегодня не учиться. Жаль, нельзя остановить время или хоть отодвинуть события. К примеру, контрольную по алгебре на неопределенный срок. А если...» — мысль толкнулась с очередным ударом сердца и понеслась, обрастая деталями, но на сей раз не фантастическими, а вполне реальными.

Светофор перемигнул с красного на зеленый, и в образовавшемся «зебровом» коридоре Стас прошел чинно, как все. Лишь на другой стороне улицы торопливо оглянулся.

Телефон-автомат оранжевым ухом прилип к стене дома на углу. Прохожих мало, и каждый занят своими делами. Стас повернулся спиной к проносящимся мимо машинам и не спеша набрал ноль-два.

— Милиция? — спросил он низким тревожным голосом, чуть растягивая слова, как делает это Раечка-Раиса, когда читает стихи. — Мне случайно стало известно, и мой гражданский долг заставляет известить вас, что в школе номер семь заложена мина замедленного действия. Она может причинить детям вред. Благодарю за внимание.

Мужской голос попытался что-то спросить, но Стас аккуратно повесил трубку на рычаг. Его трясло от волнения и смеха.

«Вот переполох-то поднимется!» — Стас прибавил шаг, потом побежал: не хотелось пропустить начало событий, сценаристом которых он стал.

Чтобы сократить путь, Стас свернул в узкий проезд между зданиями и оказался на Мещанке — тихой патриархальной улочке, каких немало еще спрятано за многоэтажными домами, гордо выпятившими многоярусные груди с балкончиками и лоджиями. Здесь еще не вырубил столетние липы, не покрыли асфальтом отполированный веками булыжник. Но украшенные затейливой резьбой почерневшие от времени дома обреченно глядят на редких прохожих провалами выбитых окон. Они уже простились со своими хозяевами-счастливчиками, успешными переехать в район Нового города, а невезучие ждут, и кое-где пестреют занавески, на подоконниках царствуют фиалки и герань, а на крылечках лежат плетенные из лоскутков коврики. Временами что-то где-то стучит, трещит — это деловые люди выдирают полы и рамы из покинутых домов. Вечерами бесшумно скользят неуловимые тени, тусклый свет пробивается из внутренностей разоренных комнат, — бомжи устраиваются на ночлег, ужиная тем, что раздобыли за день.

Раньше, когда улица еще была жива, Стас побаивался ходить здесь: собаки, охранявшие пороги своих домов, были брехливыми и злыми, а мальчишки колотили всякого чужака, идущего без взрослых. Теперь мальчишки разъехались, собаки, лишившись хозяев и присмирев, были заняты своими животами, приросшими к спинам, и гонялись за кошками, такими же тощими и несчастными.

Стас миновал двухэтажный дом без крыши, обогнул дурно пахнущую помойку, возле которой копошилась старуха. Облезлый кот терся об ее ноги, прося погладить, но та, не понимая, сердито гнала его...

Вот и большой, заросший травой и кустарником двор, а там уже и ворота без створок, за ними — кипящая жизнью улица и всего два квартала до школы.

— Привет, тетка, — улыбчивый ледяной голос нельзя спутать ни с каким другим.

Стальной сидел на лавочке, привалившись спиной к бревенчатой стене дома. Темные очки отражали по-осеннему неяркое солнце. Черная куртка из тонкой кожи застегнута наглухо, стильные джинсы не вяжутся с ботинками на тяжелой подошве, какие носит в боевиках братва. В приклеенной к губам улыбке чувствуется сила куда опаснее кулаков и круглых плеч любых телохранителей. Хотя никаких телохранителей у Стального нет, лишь небольшая «семейка» пареньков на два-три года старше Стаса.

— В школу опаздываешь? Что за причина? — Стальной протянул руку. Ладонь была холодной, а может, показалась такой разгоряченному бегом Стасу. — Ну что, надумал? Посоветовался бы с отцом.

Последняя фраза прозвучала неестественно, хотя все, что касается отца, теперь всегда кажется Стасу фальшью.

— У меня нет отца, — твердо сказал он и, чтобы раз и навсегда закрыть эту тему, жестко добавил: — Он умер.

— Умер? — улыбка отклеилась от губ Стального. Он снял с глаз очки, и взгляд полоснул, как стальной клинок, — значит, не только из-за созвучия с именем дали его тезде такое крутое прозвище.

— Между прочим, не так давно твой «умерший» папаша в эти задворки наведывался. Свою новенькую «Тойоту» он легкомысленно на улице оставил... — Стальной, не спеша, водрузил очки на тонкий нос и усмехнулся: — Неужто о машине не знаешь?

— Зато ты много знаешь, — набычился Стас.

— Даже слишком, — без притворства вздохнул тетка. — Так много, что когда-нибудь поплачу сь. Но ты не ответил — заработать хочешь?

Этот вопрос он задавал Стасу еще в первую встречу. Тогда Стас отмолчался, боясь сказать «да», которое может затянуть его невесть в какие передряги, и не в силах произнести «нет», что означало бы еще больше отдалить мечту.

— Думаешь, я не заметил, какими глазами ты смотрел в том магазинчике на компьютер? — Стальной понимающе усмехнулся. — Показалось даже: дай возможность — стащишь.

Стас почувствовал, как мгновенно пересохло во рту. Хотел крикнуть, что на черта ему эта сомнительная работа, раз о нем так думают, но в глубине двора кто-то тоненько пискнул:

— Она же сломается!.. — И уже тише, обреченно: — Лучше я сам...

Стас обернулся. Он все время чувствовал: что-то происходит у него за спиной в тени забора. И отсутствие семейки Стального в первый момент удивило, потом забылось.

— Ко мне, — негромко произнес Стальной, как говорят «к ноге!» послушному псу.

Три спины у забора раздвинулись, и из тени на свет выплыло что-то большое, крылатое, блеснувшее на солнце туго натянутой пленкой. Путаясь в обрывках бумаги и шпагата, торопливо шагнул вперед худосочный пацан в зеленой куртке. Лицо его было бледно, но губы плотно сжаты, и над тонким ободком очков решительно сошлись брови.

Братуха отодвинул пацана мускулистым плечом, проворчал:

— Вот, хилял мимо, втихаря протащить хотел, блин, — и поднял руку еще выше. Мощные пальцы его впились в хрупкий серебристый фюзеляж. Грубое лицо с распухшим после драки носом расплылось в ухмылке. — Посмотреть бы надо, как летанет эта хреновина.

— Клевая птичка-невеличка, взаправду понтовая! — зататорил тощий длинноволосый, с ухватистыми руками Зятек.

Стальной распределял дальность родства в семейке явно по степени личной симпатии. Смекалистому Сынку он доверял больше всех. Сейчас Сынок молчал, не вмешивался, невзрачное лицо его с водянистыми глазами навывкате ничего не выражало.

Братуха прицелился моделью, как камнем, в конек крыши, но прозвучала команда: «Дай сюда!», и рука замерла. Ноги Братухи сами собой двинулись к дому, и модель покорно легла на лавку.

— Чистая работа, — Стальной вертел модель, и его длинные гибкие пальцы словно липли к ней. Сквозь прозрачную пленку на больших крыльях были видны реечки, палочки, крохотные металлические детали. — А ну, конструктор, доложи.

Пацан с надеждой потянулся к нему, заговорил сбивчиво:

— Это модель планера. Я сделал несущую плоскость прозрачной, чтобы лонжероны и нервюры были видны. Узлы поворота элеронов и на хвостовом оперении — из проволоки. Я бы и фюзеляж целиком прозрачным сделал, но при посадке нижняя часть быстро изнашивается.

— В берлоге нашей такая «птичка» зашибательно глянется... — Сынок протянул руку к модели, но взять ее у Стального не решился.

Пацан метнулся к планеру, заслоняя его.

— Пожалуйста, отдайте. Я полгода делал, для соревнований.

— Делал хорошо — берег плохо, — Стальной взвесил мо-

дель на ладони. — Первый этап соревнований проведем здесь. И если игрушка эта полетит...

— Куда же ей лететь? — взмолился пацан. — Тут стены, заборы. Даже если с высоты запущу, где сядет? Она же радиоуправляемая, а пульта у меня нет, — для убедительности он коснулся тонкой проволоочки, натянутой от кабины к выступающей части хвоста.

— Радиоуправляемая? — В голосе Стального прозвучала заинтересованность, и пацан, обманутый дружелюбным тоном, посветлел.

— Сегодня на стадионе тренировочные полеты. Завтра — соревнования. Приходите. Воздушный бой кордовых моделей увидите, полет таймерных, и как моя фигуры сложного пилотажа выполняет.

— А сейчас пусть хотя бы полетит, — в голосе Стального звякнул металл, и пацан его услышал.

— Хорошо, — он решительно отобрал у Стального планер. Тезка, усмехнувшись, кивнул Братухе, и тот встал в воротах, Сынок — в проходе около помойки, Зятек — возле дыры в заборе.

Видя, что пути отхода перекрыты, пацан медленно, как на эшафот, стал подниматься по разрушенной стене каменного дома.

«Ему легче прыгнуть с этой стены самому, — понимая свое бессилие, подумал Стас. — В боевике на экране супергерой уложил бы всю семейку: Братухе — в зубы ногой, для Зятка и кулака хватит, Сыночку — по шее, а Стальному — в живот головой, чтобы перелетел через скамейку. И ведь улица рядом, люди, милиция...»

Словно в подтверждение его мыслей коротко взвыла сирена. Ей откликнулась вторая, и Стас, внезапно вспомнив, куда и зачем бежал, закричал возмущенно, ликуя в душе:

— Вы тут треплетесь, а там школу взрывают! Я ж почему бежал... Все интересное из-за ерунды пропустим.

— Откуда знаешь? — живо обернулся к нему Стальной.

— Туфту на уши вешает, чтоб нас увести! — закричал Зятек.

— Не слышите разве, как «пожарка» и «скорая» надрываются? — Стас ринулся было к воротам, но, зная, что никто без команды Стального с места не двинется, притормозил.

— Глянь, Братуха, что там на горизонте? — Стальной встал с лавки, качнулся с пятки на носок, покрутил, разминаясь, плечами.

Братуха выглянул за ворота.

— Да вроде менты на двух тачках. Третья прохиляла...

— Что ж, двинулись, — в Стальном словно пружинка распрямилась.

Проходя мимо Стаса, Братуха зловеще шепнул:

— Коли приколослся и зря нас сорвал... И тезка тебе не поможет.

Когда Зятек и Сынок догнали всех, Стас незаметно оглянулся.

Пацан, обняв модель, сидел на уступе стены.

«Только бы не свалился», — с тревогой подумал Стас, но обернуться еще раз не рискнул.

— Так кто же тебе про школу вякнул? — Братуха еще злился, что рыбка сорвалась с крючка, и веселья не получилось.

— Может, сам бомбочку и заховал? — хихикнул сзади Зятек.

Стас не удостоил их ответом, лишь когда Стальной поднял на него испытующий взгляд, пояснил небрежно:

— На углу дежурка стояла, рация работала. Услышал, сообразил. Рванул дворами, а тут вы с развлечениями... — он чуть переиграл, в голосе прозвучало презрение. Стальной отреагировал мгновенно:

— Не забывайся! — в резком тоне больше удивления, чем угрозы.

Стаса поражали, порой пугали странные отношения с человеком, который был старше его года на четыре, а держал себя так, словно прожил не один десяток лет. Они встретились не в самый лучший для Стаса день и в самом неожиданном месте еще весной.

... Магазинчик с шикарной вывеской и пластиковой дверью размещался в подвале. Крутая, под мрамор, лестница вела в небольшую комнату с низким потолком, яркими светильниками и широкими полками, на которых было все, о чем может только мечтать человек, неосторожно заглянувший в виртуальный мир.

Года два тому назад, после рокового знакомства у одноклассника Ника с компьютером, Стас начал копить деньги. Он откладывал все, что давала на завтраки мама или дарил на праздники отец. Утаивал мелкую сдачу, если ходил за молоком и хлебом. Он мечтал о том дне, когда сможет поменять свои деньги на доллары: их трехзначная цифра в прейскуранте цен выглядела не так устрашающе, как количество нулей в цене рублевой. Но через год, подсчитав свой капитал, понял, что, двигаясь такими темпами, ему удастся сесть за собственный компьютер лет через тридцать. Поэтому на сбережения свои Стас купил самую толстую книгу о работе на персональном компьютере и записался в библиотеку, где можно было бесплатно просматривать журналы, выискивая статьи на популярную тему.

И еще он пристрастился ходить по магазинам, приглядываясь, прицениваясь, выбирая самый дешевый «компик» из самых хороших. А также принтер, сканер и все атрибуты, прилагающиеся к ним.

Минимаркет в подвале нравился ему потому, что находился по дороге в школу, и там всегда было мало посетителей. Постоянный и единственный продавец Мишелик быстро оказался в курсе печалей Стаса и, сочувствуя ему, помогал разбираться в инструкциях и компьютерных схемах, а Стас без просьб и намеков мыл шваброй ступеньки лестницы и пол в комнате, чего дома никогда не делал.

В тот день Мишелика не было. Вместо него, загромождающая тучной фигурой салон, около полок с аппаратурой топтался немолодой господин в отлично сшитом костюме и с бабочкой вместо галстука.

«Очевидно, хозяин», — подумал Стас и хотел было спросить, что случилось с Мишеликом, но тут распахнулась дверь, и вошел одетый с иголки блондинистый парень среднего роста. Второй парень только заглянул, но остался за дверью, и в душе у Стаса шевельнулось дурное предчувствие. Он подался к прилавку, чтобы в случае чего защитить кассу, если уж не удастся спасти компьютеры. Но парень, кивком поздоровавшись с продавцом, спросил, привезли ли заказанный на днях принтер и, пока тот ходил в подсобку, окинул взглядом лежащий на полках товар, а заодно и Стаса. На мгновение в холодных глазах его мелькнуло удивление. Стасу даже показалось, что парень хочет о чем-то его спросить, но тут вернулся продавец.

Парень достал бумажник, отсчитал нужное количество купюр и лишь оглянувшись на дверь, как появился круглолицый крепыш, тот, что с ним пришел. Он молча взял коробку с принтером и направился к лестнице. Белобрысый кивнул продавцу, еще раз взглянул на Стаса и вышел. Продавец проводил его тяжелым, завистливым взглядом.

«А тебе чего надо? — неожиданно закричал он и двинулся на Стаса животом, грудью, зажимая его между полкой и прилавком. — Чего смотришь, а не покупаешь? Стащить надумал? А ну, покажи ранец!..»

Стас попятился, но сзади была стена. От обиды и стыда перехватило дыхание. Он попытался вырваться из пахнущих потом и одеколоном тисков, но набитый книгами ранец шаркнул по краю полки. Что-то с шумом упало на пол.

«Буянишь! Вот я сейчас милицию... — взвизгнул продавец и потянулся к телефону. Но достать его можно было, лишь отойдя от Стаса. — Молодые люди! — крикнул он вслед уходящим. — Помогите задержать хулигана».

Входная дверь приоткрылась. Белобрысый парень заглянул, не переступая порог. Острый взгляд его прищуренных глаз встретился с растерянным взглядом широко распахнутых глаз Стаса.

«Да будет вам, — холодно улыбаясь, сказал он продавцу и, шагнув в салон, поднял упавшую коробочку, сунул ее на полку. — Вот и все, никакого ущерба. — И, заметив, что продавец все еще зажимает Стаса в углу, нахмурился: — Парнишку знаю. Или этого недостаточно?»

В тоне негромкого голоса прозвучало то, что заставило продавца отступить назад, и Стас пулей вылетел из салона. На лестнице остановился, поджидая своего спасителя.

«Спасибо вам... Только я и не думал ничего брать».

«О компьютере, небось, мечтаешь? — Парень смотрел на Стаса с покровительственной улыбкой. — Подзаработать хочешь?»

«Да, разумеется, да!» — едва не выпалил Стас, но в этот момент они вышли на улицу, и парень спросил круглолицего: «Братуха, а где Сынок?»

«Да мотор шмонает. Зятек похавать в кафешку за угол слинял. Али ты ему приказ дал?» — Братуха смачно сплюнул себе под ноги, и первый порыв Стаса увял. Вспомнились коварные сети наркодельцов с телеэкрана и мамины слова, повторяемые по любому поводу: «Прежде чем принять решение, обязательно подумай».

И когда белобрысый повторил вопрос, Стас неопределенно пожал плечами: «Я подумаю».

«Ну, думай, думай... Думать не вредно, если время есть», — по губам парня блуждала неопределенная улыбка.

«Слышь, Стальной, может, мне мотор пошмонать для скорости?» — нетерпеливо предложил Братуха. Но рядом, скрежетнув тормозами, остановился «Москвич». Из него, освобождая место рядом с водителем, выбрался невзрачный Сынок. Из-за угла, прижимая к груди объемистый сверток, вывернулся Зятек. Все быстро забрались на заднее сиденье. Стальной сел впереди и еще раз взглянул на Стаса.

«Мы еще встретимся», — никакой угрозы в тоне голоса не было, но по спине у Стаса побежали мурашки, и где-то глубоко в подсознании проклюнулось дурное предчувствие.

Была еще одна встреча, летом, но вспоминать о ней не хотелось.

К школе подойти не удалось. Тротуар был перекрыт ограждением. Помахивая жезлом, на проезжей части орудовал гаишник, пытаясь развести скопившиеся на перекрестке машины и пропустить «скорую» и «пожарку». Усилитель на крыше мили-

цейской «Волги» приказывал жильцам соседствующих со школой домов временно покинуть квартиры, но окна и балконы еще гуще обрастали любопытными. Угроза не воспринимается всерьез, пока не свершится.

В толпе, набежавшей, как всегда, словно бы ниоткуда, Стас улизнул от «семейки» и по витой ограде взобрался на крышу гаража, где уже обосновались парень с девушкой и несколько пацанов. Отсюда был хорошо виден школьный двор. Обрамленный узорчатой оградой, он напоминал корзину для цветов. Но сейчас никаких цветов на огромной клумбе не было: кто же станет, выскакивая из школы, мчаться к улице в обход, боковыми дорожками?

Сейчас во дворе творилось невообразимое: мальчишки и девчонки, в восторге от неожиданной и бессрочной перемены, визжали и лупили друг друга портфелями, не обращая внимания на учителей, которые пытались выдворить их на улицу. Распахнутая, как горланящий зев, входная дверь школы выплескивала новые порции голов, рук, ног, мелькающих на ступеньках мраморной лестницы, на которой зимой в гололед доводилось шлепаться хоть раз каждому.

Вот в двери застряла неразлучная троица — Ромка, Андрияха и Тим. Кто-то поддал сзади, и они вывалились, размахивая портфелями. Показалась розовая шапочка Ксюши, рядом засветилась непокрытая золотистая головка — Лиля сбегает по ступенькам, держась за перила. Она всегда боится споткнуться, сторонится толкотни, и Стас еще с первого класса старается незаметно ее оберегать.

В прошлую зиму он провожал Лилю до дому, уверяя, что им по пути, благословляя шестые уроки второй смены и темноту. С наступлением весны все стало сложнее, но он умудрялся дежурить в классе вместе с ней и только ей таскал теплую воду из крана в подвале, доверху наполнив ведро.

Но дежурить после уроков приходилось лишь раз в неделю, а провожать домой Лилю стал рыжий парень из одиннадцатого. Сейчас рядом с Лилей никого не было, и Стасу смертельно захотелось очутиться там, вместе с ребятами, и так же орать и толкаться, незаметно оберегая солнечную девочку в голубой куртке.

«Черт дернул меня опоздать на физику! — подумал Стас и рассмеялся, сообразив: — Не случись этого, не было бы и всей кутерьмы».

Парень с девушкой оглянулись на него, не подозревая, кому обязаны редким зрелищем. Не подозревали постовые, пожарные, врачи «скорой», среди которых могла быть мама. Не подозревали больные, к которым не доехала «неотложка», перенадресованная на ЧП.

Шевельнувшееся в душе чувство вины было неприятно, и Стас решительно переключил мысли и внимание на опустевший двор.

Последней из школы вышла директриса. Учитель физкультуры тащил за ней портфель, разбухший от школьных документов.

Несколько военных в камуфляжной форме пересекли двор. Один из них нес сумку с миноискателем и щуп. Догоняя остальных, пробежал кинолог с угольно-черной немецкой овчаркой. Собака натягивала поводок, но не сильно, давая возможность парню поспеть за ней.

Тучка прикрыла солнце, ветер взметнул рыжую листву, закружил и сдул с крыши гаража. Капли дождя покрыли асфальт веснушками.

— Холодно, — сказала девушка, — пойдем в кафе, согремся.

— Подожди, вдруг найдут. А то и взорвется, — парню явно не хотелось пить кофе, но девушка, подобрав подол, начала слезать по ограде, и парню ничего не осталось, как последовать за ней.

«А я чего тут? — изумился Стас. — Я-то знаю, что ничего не будет», — и, улучив момент, когда постовой отошел, перебежал на другую сторону улицы. Прижимаясь к стене дома, он стал пробираться к толпе школьников, вытесненных за трамвайную линию. Но двое пожарных прошли мимо, пришлось заскочить в подъезд. Пожарные долго совещались о чем-то возле крышки канализационного люка. А, когда ушли, подъехал «УАЗик» с зарешеченным окошком на задней двери. Стас глянул на него, и в животе похолодело.

«Трушу? Вот еще! Просто хочу есть. И чего они там копаются?»

Тоскливое чувство одиночества почти физической тяжестью навалилось на плечи. Последнее время оно навещало его все чаще, и это ощущение груза снаружи и пустоты внутри сминало, сплющивало, словно вокруг был не воздух, а многотонный пресс воды, и он лежал на дне океана, как плоская камбала, оба глаза которой устремлены в неустроенность реального мира. И нет выхода, даже лазейки на поверхность, где ласковое солнце для избранных, где вечнозеленые острова под безоблачным небом, и бананы без кожуры, залитые кокосовым соком, падают прямо в рот, как в рекламных роликах.

Впрочем, можно и без сладкой экзотики. Достаточно свежего ветра, надежной палубы под ногами, уверенности в рулевом и его команде, пока сам за штурвал своей собственной жизни не встал.

... Военные вышли из школы. Получив сигнал отбоя, облег-

ченно рывкнула сирена пожарной машины, за ней уехала «скорая» — все проснулось от спячки, и Стас, независимо посвистывая, направился к милицейскому «УАЗику», где уже крутилось несколько пацанов. Почти одновременно с ним к машине подошел проводник с собакой.

Вблизи немецкая овчарка не казалась такой черной: живот и галстучек на груди отливали серебристо-серым. Глаза смотрели миролюбиво, и шла она гордо, с чувством исполненного долга.

«Эх, псина, зря я тебя поработать заставил», — подумал Стас.

Словно уловив внезапно возникший импульс, собака приостановилась и, натянув поводок, подошла к Стасу, обнюхала его колени и опущенные руки. Она подошла именно к нему, хотя рядом стояли пацаны и два милиционера. Внимательные карие глаза с узкими зрачками пристально глянули в распахнувшиеся от неожиданности глаза Стаса. Он испугался так, что задрожали колени.

«Узнала! — и тут же одернул себя: — Запах же по телефону не передается!» — Стало смешно и свободно. Он хотел потрепать пса по загривку, но не решился, сказал только, давась от смеха:

— Взрывчатки и наркотиков у меня нет. Колбасы тоже.

— Служебную собаку колбаса не интересует, — подозрительно глянув на Стаса, сказал проводник. Лицо его было серьезно.

Пес перевел взгляд на хозяина, вильнул кончиком хвоста и легко прыгнул в открытую заднюю дверцу машины. Проводник забрался следом, и «УАЗик» тронулся.

В школьном дворе уже всюю галдели старшекласники, не зная, идти ли им снова на занятия или — по домам. До конца смены еще оставался час с хвостиком, тот самый, предназначенный для контрольной, и сверхподлостью будет, если она все-таки состоится.

— Ты о чем с ментом трепался? — Петя-Петушок, подкравшись неожиданно, хлопнул Стаса по плечу. — Знакомый, что ли?

— Пес знакомый, — буркнул Стас.

— Откуда знаешь? А звать как? — захлебнулся вопросами Петушок.

— Кого? Собаку или хозяина? — отмахнулся Стас и, заметив золотой венчик волос над голубой курточкой, рванул к школе.

Лиля стояла, чуть откинув голову, словно пучок кудряшек на затылке был действительно золотым и тяжелым. Глаза цвета весеннего неба чуть прикрыты ресницами, на удивление

черными. Если бы Стас не знал ее с первого класса, то руку бы дал на отсечение, что ресницы подкрашены. Но Лиле ничего не надо подкрашивать. Она всегда — как майский день, порой ослепительно солнечный, временами с капризным дождичком, а то и тучка набегает, грохоча и сверкая короткой грозой.

Рядом с Лилей, услужливо держа на вытянутой руке наушники, но не снимая с брючного ремня современный японский плеер, стоял коротконогий и толстенький Ник. Музыка шлягера была давно знакома, но слова Стас мог разобрать только сейчас.

... Как плыть по морю, но на самолете,

Лететь по небу, но на корабле... — лукаво вопрошала певица, не зная, как совместить любовь моряка и летчика.

— Какая славная песня, — дослушав последние такты музыки, со вздохом сказала Лиля. Ник торопливо ей поддакнул.

— Аранжировка нормальная, а слова — глупее не бывает, — с непонятной досадой буркнул Стас.

— Это ты еще глупый, — снисходительно глянула Лиля на Стаса, потом перевела лукавый взгляд на Ника. — У женщин свои проблемы.

— Тоже мне, проблема!.. — Сжигая все мосты, Стас почувствовал странное облегчение. Съехидничал: — Садись себе на гидросамолет, плыви и лети — невелика хитрость.

— Дурак! — Лиля крутанулась на каблуках и скрылась в толпе.

— Побежала свой гидросамолет искать, — фыркнул Ник. — Знаешь чернявого такого, из десятого? И-го-го-рь... И чего в нем нашла?

Стас пожал плечами. События закончились, жизнь серым колом покатила дальше, оставляя за собой единственную и скучную дорожку, с которой, не набив шишек, не сойдешь. На что намекал Стальной? Как можно подзаработать? Надо было спросить... А если ответ будет таким, после которого уже невозможно отказаться?

— Поищем наших, — предложил Ник и, встав на цыпочки, завертел головой. — Вон Петушок и Ленька с Ксюшей. Двинули к ним?

Здесь судачили о том, о чем знала уже вся школа: звонила женщина, возможно, ее найдут, потому что все звонки в милицию записываются на магнитофон, а голоса можно сличать, как почерк.

Стасу захотелось ляпнуть: «Ни в жизнь не найдут!», и посмотреть, какая будет реакция. Но он подавил смешок и с безразличным видом поинтересовался, будет ли контрольная. Разговоры переметнулись на алгебру. Похоже, никто из ребят

не заметил его отсутствия. Динам Машиныч был занят опытом, Раечка-Раиса тех, кого нет, в журнале отмечать забывает. Английский еще не начался.

На крыльцо вышла директор школы и что-то объявила.

— Ура! — заорали те, кто стоял ближе.

— Даешь по домам! — догадливо подхватили вокруг и орущей, визжащей лавиной вывалились на тротуар и проезжую часть дороги.

Машины завизжали тормозами, возмущенно зарывкали гудки, где-то залился трелью милицейский свисток. Но обошлось, и через минуту-другую все вернулось в привычную колею. Школа и двор притихли, отдыхая перед второй сменой.

Стасу некуда было спешить и, выскочив вместе со всеми на улицу, он остановился в раздумье. Очень хотелось есть, но в школьной столовой был перерыв между сменами, а идти домой — какой смысл? Мама, правда, говорила про щи в холодильнике и кашу, но, чтобы оценить такую еду, стоило проголодаться посерьезнее.

— Я на углу тебя искал, — запыхавшийся Ник радостно ткнул Стаса локтем. — Вчера новый диск купил, где динозавры и побоище чудищ. А программа зависла. И отец, как назло, в отъезде.

— В магазине покупал или с рук? — встрепенулся Стас, чувствуя, что жизнь обретает смысл.

— У Ваньки-Встаньки, что в переходе торгует. Неужто вирус?..

— Ведь предупреждал: без лицензии диски — дрянь, чем хочешь «компик» заразить. Дискетку с антивирусной программой, что я для тебя у Ромки скачал, никому не отдал? — Стас ускорил шаг. Ник, едва поспевая за его длинными ногами, что-то путано объяснял. Стас плохо слушал его. Чувство голода исчезло, да и о какой еде можно теперь думать, если предложена совсем иная пища... Этой изысканной пищей невозможно пресытиться, потому что в геометрической прогрессии разрастается аппетит не желудка, а ума.

Стоит коснуться кнопки включения, как системный блок оживет огоньками и начнет дышать мерно, успокаивая; цветной заставкой вспыхнет экран монитора, зазвучит музыка. Лишь дотронешься до податливых клавиш или почувствуешь под пальцами, ставшими чуткими, точными, мягкую округлость пластиковой «мыши», и — войдешь в таинства параллельного мира.

Этот мир — игровой, графический, деловой, кажется реальнее мира действительности и приносит необычные радости, волнения. Здесь есть свои законы, не подчиниться которым невозможно. Даря шанс, они заставляют размышлять и всласть

комбинировать, становиться изобретательно дерзким и чувствовать себя властелином виртуального мира или букашкой в нем — это уж кому что дано.

Стас недолго ходил за стрелкой курсора как за поводырем, бездумно тыкаясь в раскрывающуюся перед ним информационную память искусственного мозга. Свою способность вживаться в условности компьютерного мира он осознал быстро, сравнивая себя с друзьями-счастливчиками, которые имели возможность сидеть перед собственным монитором каждый день и сколько влезет. То, на что у Ника ушел год, Стас уловил часов за двадцать, раздробленных многодневными перерывами.

Это было мучительно, как если бы увлекательный приключенческий фильм на самом интересном месте прерывался бездарной рекламой. Порой он чувствовал себя чеховской Каштанкой, проглотившей сало и ниточку, тянущую кусочек из вечно голодного желудка. Но он научился ее перекусывать: набравшись терпения, ждал, когда пресытившийся хозяин отвалится от компьютера, предоставляя гостю жизненное пространство замысловатой игры. Завладев «мышью», Стас легко вписывался в заданный темп и, концентрируя сознание, наращивал скорость. Воображение делало его теми существами, что волею их создателя могли двигаться, жить на экране, даже своеобразно мыслить. Нравилось, мгновенно становясь следователем, психологом, испытателем, улавливать замысел и логику придумавшего игру автора-фантазера и побеждать его.

Однако Стас не засиделся на детском уровне и в роли подручного. Ему быстро надоели прыгающий Маугли и бестолковый Аладдин, средневековые рыцари и квадратноголовые громилы с их набором сверхсовременных убойных средств. В отведенные ему у чужих компьютеров крохи времени он строил фантастические машины или чудо-города. Как опытный ловец, неторопливо вскрывал раковины новых файлов, выискивая жемчужины знаний, и дефицит воздуха у ныряльщика становился для него дефицитом времени.

Моментами Стасу казалось, что он задыхается, силясь подняться на поверхность то ли сундук с бесценными сокровищами Али-Бабы, то ли ящик Пандоры со всеми его бедами. Иногда «компик» артачился, потом сдавался, как укрощенный мустанг, и на какое-то время Стас успокаивался. Потом начинал безнадежно мечтать о шлеме виртуальной реальности из недалекого будущего. Но однажды, случайно заглянув на свою беду в сеть Интернет, прилип к ней мыслями, как неосторожная бабочка к паутине. Теперь он рвался оседлать этого гениального монстра. В воображении Стаса он рисовался как гигантский спрут, многоглазый, многоязыкий, с миллионами щу-

палец и присосок, с мозгом во все неизмеримое, нетленное тело.

Стасу повезло: почти у всех его одноклассников были компьютеры, в которых постоянно что-то зависало, терялось, «глючило». Поэтому его звали часто и охотно. Но только у Ника «компик» был подключен к сети Интернет, и родители не ограничивали сына и его толкового друга в общении с ней.

На сей раз побродить в информационном мире Стасу не довелось. Рядом с подъездом, насупившись тонированными стеклами, стояла жемчужно-черная «Тойота». Притулившаяся рядом, покрытая пылью и потеками грязи «Нива» напоминала вола, вернувшегося с пахоты. Трудно было определить и цвет припаркованного «Мерседеса»...

Увидев машину отца в неурочное время, да еще в таком неприглядном виде, Ник присвистнул.

— Я, пожалуй, пойду... — остановился Стас. Но Ник потащил его по лестнице. Открыв своим ключом дверь, он тихо, не включая светильников в форме женских головок, прокрался по ковровой дорожке к двери своей комнаты и поманил рукой Стаса. Но из кухни выглянула мать и позвала Ника к себе. Стаса она не заметила.

Из-за неплотно прикрытой двери кабинета доносились мужские голоса. Спорили о стройматериалах и счетах в банке. В разговор вплетался властный женский голос. Один раз Стасу почудилось, что он слышит голос отца, и стало неприятно. Не нравилось, настораживало все: крадущиеся шаги Ника, плотно прикрытая дверь в кухню, брошенные второпях на столике с витыми ножками дорогие куртки, и разговор, для чужих ушей явно не предназначенный. Глупо, конечно, стоять на пороге, но Стас надеялся, что Ник о нем вспомнит, и свидание с компьютером все-таки состоится. Да еще из кухни доносился такой аппетитный запах, что в животе у Стаса заурчало.

Он уже повернулся, чтобы уйти, как железная дверь распахнулась и, отесняя Стаса в глубь коридора, вошли двое крепких мужчин. Под куртками, застегнутыми наглухо, угадывались бронежилеты, в оттопыренном кармане того, что повыше, явно лежала «пушка».

— Ты чего тут? — тяжелая рука сжала плечо Стаса.

— С мальцом ихним он только что вошел, — успокоил тот, что пониже ростом. Но высокий недоверчиво крутанул лобастой головой.

— Не только что, а шесть минут назад. Что он эти шесть минут делал? — лобастый говорил тихо, но именно этот тихий, невыразительный голос напугал Стаса. Он съежился, пряча глаза.

— Ну, и что же ты тут услышал? — тот, что пониже,

остроглазый, улыбочивый, смотрел на Стаса с усмешкой. — А где же твой дружок?

— Ника мать на кухню забрала, а я замок не смог открыть, — обретая дар речи, промямлил Стас.

— О тебе, значит, дружок напрочь забыл? Все они такие... — тем же насмешливым тоном проворчал остроглазый, и Стас не понял, кого он имел в виду — дружков или тех, кто совещаются в кабинете.

— Чеши отсюда, пацан, с реактивной скоростью и не приывкай по чужим порогам околачиваться, — высокий посторонился, пропуская.

Стас торопливо выскользнул за дверь. Лицо горело. Припомнилась глупая сценка в компьютерном магазине. Но тогда было просто обидно, а сейчас Стас презирал себя за то, что позволил больно, без вины щелкнуть по носу. И где — на пороге дома друга!..

«Телохранители, тоже мне!.. — с раздражением думал он, спускаясь по лестнице. — Да если б не я был, а кто другой, да с «пушкой»... Нет, больше сюда — ни ногой. Нику объяснять не стану, просто... Но разве просто — вот так, самому, лишиться себя единственной радости? Эх, если бы у меня был свой компьютер...»

Пообедать Стасу в столовой не удалось: из-за тревоги электрические плиты выключили и ничего горячего повара не приготовили. На витрине скучали только вчерашние булочки, все остальное прожорливая вторая смена уже умяла. Стас вытряхнул из кармана монеты, буфетчица отсчитала несколько булочек, выставила стакан сладкого чая и, захлопнув окошко раздаточной, начала мыть пол в зале, давая понять, что расслаживаться нечего.

Стас вышел на улицу. Солнце уже склонялось к горизонту — день, начавшийся бестолково, заканчивался бессмысленно. Стасу казалось, что он ощущает дряблость времени, этот ленивый, неумолимо уходящий поток минут и секунд, который складывается в часы и годы. Наверное, так обреченно вытекает жизнь из умирающего тела.

«У тетки в семейке живут, поди, по-другому», — мысль пришла и застряла. Раньше загадочность этого «по-другому» отталкивала больше, чем манила. Чувство опасности, развитое мамой еще с детства, сигналоло, наподобие красной мигалки, запрещающей вход. Сейчас хотелось притушить сигнал тревоги и, не пытаясь взвешивать все «за» и «против», ринуться очертя голову, как с обрыва, в надежде, что высота не окажется роковой.

Но где теперь тезку искать? Каждая встреча была случайной. Вторая — в начале лета.

... Дамба, соединяющая центр города и район притихших новостроек, напоминала удава, растянувшегося между двумя берегами водоема. Знойно полыхало в поднебесье солнце. Измученные теснотой улиц машины, вырвавшись на опьяняющий простор, неслись, обгоняя друг друга. Чинно двигались троллейбусы, держась дугами за провода. Стас шел по тротуару, отделенному от крутого спуска к воде красно-белыми столбиками, и наперегонки с солнцем ел мороженое. Полоска пляжа у воды напоминала лежбище тюленей, и где-то здесь обещала ждать его неразлучная троица. Ромка сам звонил, но разве найдешь сейчас ребят в этой мозаике тел.

Стас хотел повернуть назад, но неожиданно рядом притормозила машина. Знакомый голос окликнул его, заставив вздрогнуть и резко обернуться, мгновенно радуясь и тут же пугаясь, не зная, бежать ли подальше или стоять на месте: это была первая встреча Стаса с отцом после его ухода.

«Здравствуй, сын, — отец высунулся из окошка вишневых «Жигулей». Лицо его было, как всегда, идеально выбрито, четкие дуги бровей приподняты в удивлении, и глаза в пушистой оправе ресниц светились радостью. — Я вам звонил, но никто не брал трубку. На телефонной станции сказали, что на линии все в порядке. А у вас?»

«У нас тоже все в порядке», — разжал губы Стас. Он обрадовался бы этой неожиданной встрече, но за рулем сидела красивая женщина. Стасу не было видно ее лица, но только красивой женщине могли принадлежать такие нежные руки и длинные, гибкие пальцы с нанизанными на них изящными кольцами. Одна рука лежала на колене, обтянутом белоснежными джинсами, другая — на руле. Алые лепестки ногтей нетерпеливо постукивали по затейливой оплетке.

«Подожди, я хотел...» — отец достал бумажник, не тощий и трепаный, что носил всегда, а благородно блеснувший натуральной кожей, но Стас не стал ждать, когда его рука доберется до недр многочисленных отделений. Стараясь придать голосу побольше издевки, он сказал: «Адью!» и стал спускаться по насыпи, зная, что машина сюда не съедет, а вот отец, если захочет...

Услышав, как щелкнул замок открываемой дверцы, он напрягся, не позволяя себе обернуться. Но секунду спустя дверца захлопнулась со звуком, похожим на выстрел в спину. Машина рванула дальше — останавливаться на мостах и дамбах запрещено. Какое-то время Стас видел вишневые «Жигули», ехавшие возле тротуара, потом машина перешла на скоростной ряд, затерялась в общем потоке.

Стас хотел стащить мокрую от пота майку, но кулак сжимал обертку с остатками растаявшего мороженого. Он отбро-

сил ее, а пальцы остались липкими. Надо помыть их водой, и самому кинуться в прохладу и чистоту, уходя в недосягаемую, спасительную глубину. Когда же, побултыхав в воде руками, Стас обернулся, в груди у него неприятно дрогнуло — за спиной стояли трое.

Он не сразу узнал семейку Стального. Широкое лицо Братухи загорело, мускулистое тело на крепких ногах выглядело внушительно. Зато в Сынке все было хрупко, ненадежно, и солнце по нему прошло как бы невзначай, пятнами. Долговязый, длинноволосый Зятек напоминал голенастого, ошпаренного цыпленка.

Кивком поздоровавшись, Братуха махнул рукой в сторону «грибка», что отбрасывал на песок диск тени. Солнце стояло в зените, тень была маленькой, она едва вмещала единственную фигуру, вокруг которой возникла пустота, огороженная невидимой, но осязаемой стеной. За ней возлежали мужские и женские тела, с визгом носилась малышня, в оазисе же царила тишина. На песке была расстелена большая карта города, разрисованная цветными пятнами и непонятными значками. Рядом валялась черная сумка на длинном ремне.

«Здравствуй, — Стальной приподнялся и вяло пожал пальцы Стаса. Он был в плавках и белой рубашке. На шее поблескивала тонкая цепочка с золотым крестиком. Темные очки надежно скрывали выражение глаз. — С кем это ты сейчас разговаривал?» — он кивнул в сторону шоссе и, перехватив любопытный взгляд Стаса, брошенный на карту, свернул ее и положил в сумку.

«Да так, знакомый», — Стас сбросил майку, шорты, стащил кроссовки и с разбега нырнул в воду, едва не стукнувшись головой о дно. Проплыв на глубине, сколько хватило сил, вынырнул и, убедившись, что расстояние от берега приличное, перешел на кроль.

Плыть, нежась в воде, можно бесконечно. Еще приятнее просто лежать на спине, раскинув руки, наслаждаясь прохладой и покоем.

Но покой длился недолго. Вода передала равномерные всплески, кто-то плыл в сторону Стаса надежным мощным брассом.

«А ты хорошо ныряешь, — поравнявшись, Стальной тоже лег на спину, и какое-то время они лежали неподвижно, чуть пошевеливая руками. Молчание нарушил Стальной. — Тебя Стасом зовут?»

«Откуда знаешь?» — от удивления Стас хлебнул воды, закашлялся.

«У тебя на лбу написано, — без тени иронии сказал Стальной. — Значит, мы — тезки. Бывает же... Класс, скорее всего, восьмой, а школа та, что возле маркета в подвале. Угадал?»

«В девятом», — стараясь хоть как-то досадить всезнающему тезке, буркнул Стас, но на Стального это не произвело впечатления.

«Мать где работает?» — тон его голоса был категоричен.

«В роддоме», — боясь, что за этим последует вопрос об отце, Стас перевернулся и, не торопясь, поплыл к берегу. Ему неприятен был этот допрос, подозрительна карта с загадочными значками. К хозяину ее у него было более сложное отношение, но разбираться в нем Стасу не хотелось.

«Семейка» сидела под грибком. Парни играли в «ножички».

Узкое острое лезвие поблескивало на солнце, падая то с руки, то с колена, то с головы, по рукоятку уходя в песок. Особенно ловко получалось у Сынка. Братуха досадливо морщился, Зятек явно злился. Но стоило появиться Стальному, и нож исчез. Братуха подтолкнул локтем Сынка, и тот, скорчив несчастную рожицу, дурачась, заканючил:

«Концы отдаем... Пошамать бы надо...»

Братуха с готовностью кивнул, а Зятек облизнул губы.

Бросив холодный взгляд на семейку, Стальной начал одеваться. Стас ждал, когда они уйдут, чтобы вытянуться под грибком. Но одному — скучно, значит, предстоит искать неразлучную троицу.

«А тебе, тезка, особое приглашение нужно?» — в тоне Стального звучал не приказ, скорее просьба, и Стас начал карабкаться по склону, одеваясь на ходу. У обочины уже притормаживала потрепанная «Волга». Стальной привычно расположился на переднем сиденье, ребята юркнули на заднее. Увидев пятого пассажира, шофер — немолодой и хмурый мужчина — запротестовал.

«Ничего, они тощие, — успокоил шофера Стальной. — В случае, если патруль на перекрестке, Сынок пригнется».

Семейка потеснилась, и Стас захлопнул за собой дверцу. Ему нечасто доводилось ездить на легковушках, и сейчас он с удовольствием откинулся на спинку сиденья. Она была мягка, уютна, и Стас подумал, что из окна машины окружающая жизнь воспринимается не так, как видится глазами пешехода, торопливо идущего по тротуару. Из машины все кажется чище, благополучнее. И нет дела до людей, томящихся на транспортных остановках, есть только собственный комфортный мирок и личные проблемы.

В боковом стекле красно-белым пунктиром пронеслись столбики ограждения, поверхность водоема сияла пронзительно, но выжженный склон и полоска пляжа уже не казались изнурительно жаркими — ветерок из приоткрытого окна обдувал лицо. Ехать так — не то, что трястись в переполненном автобусе. А если сидеть на переднем сиденье, еще лучше — за

рулем, направляясь куда захочешь, летя, обгоняя всех и только вперед...

«Твоя колымага может быстрее?» — не поворачивая головы, недовольно спросил Стальной. Шофер не ответил, но прибавил газ, обгоняя троллейбус. На приборной панели торопливо замигал зеленый огонек. Справа проплыл синий бок с намализованной на нем женской ногой в полуспушенных колготках.

Удар сзади был неожидан и силен. Стаса резко вдавило в сиденье, потом бросило вперед и в сторону. Он стукнулся головой об обод бокового стекла, плечом почувствовал, как предательски щелкнул замок двери.

«Если выбросит, то под колеса троллейбуса...» — мелькнувшая мысль заставила, сжавшись в комок, вцепиться в спинку переднего сиденья. Испугаться он не успел. Дверца застонала, но не открылась. Машина оглушительно скрежетнула и, уткнувшись во что-то, замерла. Стас, не сразу придя в себя, зашарил рукой, но замок заклинило. Братуха выскочил из машины, парни — следом.

Шофера и Стального на своих местах уже не было.

Сильно гудела голова, и в ушах стоял звон, поэтому, выбравшись из машины, Стас не сразу понял, о чем кричит коротко стриженный, похожий на боксера парень. Потрясая увесистым кулаком, он показывал то на «Волгу» с разинутым, как пасть кашалота, багажником, то на троллейбус, замерший в полуметре от машины. Его тупорылый «Джип», похожий на бульдога с никелированным намордником, глухо рычал невыключенным мотором и, казалось, готов был, как ни в чем не бывало, снова влиться в поток объезжающих его машин.

Шофер «Волги», с осунувшимся посеревершим лицом, пытался что-то сказать, но его голос тонул в ругани парня. Девушка — водитель троллейбуса стояла молча, в волнении теребя воротничок блузки.

«Он далеко был, но на такой скорости... Вы же видели, я включил сигнал обгона», — взгляд шофера молил девушку быть честным свидетелем. Но та лишь растерянно моргала подкрашенными ресницами.

«У меня свидетели есть, — орал парень, тыча пальцем в сторону «Джипа», — друг и девчонки. И никаких ко мне претензий...»

«Уходим», — негромко проговорил Стальной и стал протискиваться сквозь толпу зевак, вылезших из троллейбуса.

Ребята потащились следом. Стас задержался. Ему казалось нечестным смяться втихую, не попытавшись помочь человеку, который выручил их и на какое-то время даже стал спутником. Но Сынок, вернувшись, потянул Стаса за руку.

Они обогнули «Волгу», и только тут Стас увидел, что ма-

шина стоит, притершись правым боком к бетонному столбику, надломленному в основании. Передняя дверца цела, но задняя сильно вмята — так вот почему ее не удалось открыть.

«Во блин! Фартово руль успел вывернуть, — Братуха с видом знатока одобрительно покачал головой. — Классный водила, а то греметь бы нам, елки-моталки, аж до воды. И чувиха с рогатого, — он кивнул на троллейбус, — круто тор-мознула».

«Придется быку раскошелиться», — позлорадствовал Зятек.

«Как же, держи карман шире, — охладил его Сынок. — С такой глоткой, да корешами, которые что хошь наплетут... Еще за поцарапанный бампер с мужика сдерет».

Парни заспорили и начали спускаться к узкой полоске песка, тропинкой убегающей к близким уже домам. Стас не выдержал:

«Подождите! Я же ясно видел, как зеленый огонек замигал...»

«И что с того? — хмыкнул Стальной. — Я тоже видел. А кто мы — случайные пассажиры, незаконно подобранные в запретном месте».

«Мы — свидетели», — запротестовал Стас, но Братуха перебил:

«Бачу, менты тебя, сопляка, не хомутали, хрюкалку не чистили. Тухляки кого хошь заканают и козлить заставят».

«Да о чем доносить? В чем признаваться? Что ехали, что сигнал обгона шофер включил...» — Стас почувствовал тошноту. Кружилась голова, и слова Братухи доносились сквозь звон в ушах.

«А сколько нас ехало? — голос Стального был холоден и бесстрастен. — Хочешь, чтобы в нагрузку бедолагу еще и за нарушение правил перевозки пассажиров штрафанули? Сами разберутся. Вот только... — Стальной отогнул широкий ремень, с внутренней стороны которого был приторочен узкий потайной кошелек, и, вытащив аккуратно сложенную купюру, протянул ее Зятюку. — Пулей слетай. Да так отдай, чтобы никто не заметил».

Длинные ноги Зятюка замелькали по косогору. Видно было, как он скрылся за корпусом «Волги». От центра неся вой сирены.

«Как ты? — Стальной внимательно посмотрел Стасу в лицо. Улыбки на губах не было. — Голова болит? Тебе одному досталось».

Только теперь Стас почувствовал тупую боль в правом виске, и щеку жгло. Проведя рукой по лицу, нащупав пальцами вспухающую шишку и что-то неприятно липкое, он присел у воды и начал горстями лить на голову живительную прохладу.

Вернулся Зятек и принялся сбивчиво рассказывать про «гашников», и как он сообразил засунуть деньги шоферу в карман, но глаза его юлили. Стальной слушал с неизменной улыбочкой, взгляд его становился все холоднее, пока не заledenел совсем.

«Проверь», — приказал он Сынку.

«На, на, смотри!» — Зятек начал выворачивать карманы.

«Поищи-ка», — голос Стального был неестественно спокоен.

Сынок полез наверх. Вернулся быстро и, протягивая Стальному все так же аккуратно сложенные деньги, злорадно глянул на Зятка:

«Под камень заховал, фуфло. Решил сприватизировать... Сбежать, что ли, отдать?»

«Я тоже пойду», — Стас вытер лицо подолом майки.

«Никто никуда не пойдет, — в голосе тетки зазвенел металл. — Представление окончено, все расплзаются по хазам, — словно в подтверждение его слов дрогнула и заскользила по проводам дуга троллейбуса. — А бабки, Сынок, возьми себе».

Не взглянув на сжавшегося Зятка, Стальной зашагал по тропинке у воды. Его нагнал Сынок, и они пошли рядом, что-то обсуждая. Зятек с видом каторжника поплелся сзади. Руки висели как плети, и ноги он подволакивал, словно на них уже были надеты кандалы.

«Врубчивый наш Стальной, нехилый, — Братуха, похоже, не обиделся, что деньги достались одному Сынку. — Вот как нас стругает. Счас погребем в тошниловку, а то и в кабак. Стальной до белого и краснухи не охоч, но сегодня, чую, под жабры кинем: как-никак, может, от Косой слиняли. Оседлаем столик квартетом, балдежную шамовку порубаем, какой ты и не нюхал, небось».

«Нас же пятеро», — напомнил Стас. Его забавлял братухин сленг, и он старался запомнить слова, чтобы удивить ребят в классе.

«Ты о мазепе этом? — Братуха мотнул головой в сторону Зятка. — Да он теперь месяц, не меньше, кулаки грызть будет и соплями закусывать. На хаузе у него одна пьянь, фатер-мутер и объедков после разгуляевки щенку своему не кинут».

«У тебя тоже родители в загуле?» — Стас чувствовал, что ходит по краю запретного, с любопытством и холодком страха заглядывая туда, как в пропасть.

«Не-е, — Братуха посмотрел на Стаса доверчиво, голос у него потеплел, — у меня только тетка. Клевая. Чтоб на пенсусе ее не осесть, горбачусь. Можно бы и по-крупному, да Стальной от ментов вытащил, когда меня чуть в исправилровку не

захомутали. Я ему и Дядечке по гроб жизни обязан. Чумовой мужик был, хоть и крутой. Стальной сам перед ним трухал малость».

«А сейчас он где?» — Стасу не следовало задавать этот вопрос. Лицо Братухи потемнело, на скулах проступили желваки.

«При тугриках мужик был. Сам наркотой не кайфовал, но, видать, бодяжил. Стальной-то в курсе, да молчок. Завалили Дядечку... Кто, кто? Почему знаю! — Братуха зыркнул на Стаса подозрительным взглядом. — Ты че мне мозги трахаешь? Не нависай. Подфартило, что с нашим — тезки и он корешится с тобой. А так — еще лошадка темная. Вот когда подкуем...»

Стас резко остановился. Раздражение, накопившееся за весь невезучий, бестолковый день, злобой ударило в голову. В висках заломило еще сильнее, и к горлу подкатила тошнота.

«Да пошли вы все...» — Стас чувствовал, что выругается сейчас грязно, как не ругался никогда. И будет бит, но все равно станет драться.

«Братуха! Тезка! Чего вы там?..» — миролюбивый голос Стального отрезвил, но не успокоил.

Стас ощутил, как в чистоте окружающего пространства стало сгущаться что-то тяжелое. Оно пеленало непонятной враждебной силой. И если сдаться ей, он сам, как Личность, перестанет существовать и будет еще одним «корешем» еще в одной «семейке», каких, наверное, множество, заменивших настоящую семью в непонятно кем и для чего разоренном Доме.

«Тошнит меня...» — не взглянув на Стального, огрызнулся Стас и зашагал вверх по склону к остановке троллейбуса.

Вскоре он уехал в лагерь, и до этого дня они не встречались.

Стас и не заметил, как, доев булочки, забрел в парк. Золотое кружево берез казалось небрежно наброшенным на плечи темных густых елей. Кое-где обезглавленные еще в младенческом возрасте под Новый год, они упорно росли новыми, даже двойными вершинками. Листья-монетки под ногами, шурша, нашептывали что-то грустное. Неприметная боковая аллея завела в тупик. Стас присел на дряхлую скамейку под столетним дубом, чувствуя себя его ровесником. На душе было тоскливо, муторно, и ничего не хотелось.

Внимание привлекло тонкое, похожее на комариное, жужжание. Оно доносилось из-за дощатого забора, отгородившего от парка заброшенный стадион. Вход — с улицы, и, чтобы удовлетворить свое любопытство, Стасу предстояло лезть через забор или искать в нем дыру. Вставать и что-то делать не хотелось, но еще больше не хотелось сидеть.

Дыра нашлась быстро, пролезть в нее не составило труда, но ничего особенного на изъеденном дождями футбольном поле не происходило: несколько взрослых парней и десяток пацанов гоняли летающие модели. Они-то и жужжали так настырно.

Издали зрелище не впечатляло, и Стас собрался было уходить в ту же дыру, но в лучах закатного солнца что-то знакомо блеснуло. Он зашарил взглядом, отыскивая утреннего знакомого, но пацана-очкарика среди моделлистов не нашел. А планер, как на привязи, шел по кругу над беговыми дорожками, снижаясь. Одно крыло его было приспущено к земле, второе, розоватое от заката, вздернуто в небо, с которым планеру явно не хотелось расставаться.

Вот модель, скользнув к центру поля, неожиданно выписала сначала правое кольцо, потом левое. Пролетела по прямой и плавно притерлась к пожелтой траве. Стас перевел дыхание: один момент ему казалось, что модель неизбежно клюнет и разобьется, но чья-то воля приподняла серебристый нос ровно настолько, насколько потребовалось.

Стас снова обвел стадион взглядом и увидел знакомую зеленую куртку. Пацан спускался с уцелевшей зрительской трибуны. Стас зашагал по беговой дорожке, и к планеру они подошли одновременно.

— Здорово у тебя получилось, — Стас не пытался скрыть восхищение, и пацан, зардевшись, ответил ему так же искренно:

— Попотеть пришлось: ближе к вечеру потоков восходящих, ясно, нет, держаться не на чем, того гляди, в нисходящие угодишь. Хорошо, хоть пульт управления новый, и планер руки слушается.

Стас, не поняв про потоки, насчет пульта управления сооразил:

— Это вроде как для лунохода — дистанционное управление? — он потянулся к желтой коробочке, висящей у пацана на животе, и стал рассматривать рычажки и сложенную антенну.

— Меня Пашей зовут, — пацан посмотрел на Стаса с благодарностью. — Здорово ты от «Прозрачного» парней увел, иначе... Завтра в десять — торжественное открытие. Приходи. И друзей своих...

— Какие они мне друзья?! — Стаса самого удивило пренебрежение, с каким он выпалил эту фразу. Странное чувство шаткого равновесия, какое бывает, когда стоишь в центре качающейся на упоре доски, исчезло. И нет больше необходимости балансировать, прячась за неопределенное: «Надо подумать». Теперь он точно знал, что ответить Стальному, чего бы это ни стоило.

... Воскресный день стал для неизбалованного подобными праздниками Стаса неожиданным подарком. И хотя жизненное пространство его было ограничено размерами допотопного стадиона, а время — несколькими часами, Стасу казалось: в этот день во всем мире все воспринимается так, как видит и чувствует он сам.

Воздух звенит разноголосым тархтением моторчиков. Яркие окрашенные короткохвостые кордовые модели парами носятся по кругу, вздымаясь и падая, ловко отрубая друг у друга выющиеся за ними пестрые ленты. Чинно плывут в вышине свободнолетающие модели. Разноцветные планеры бесшумно кружат в небе, на удивление чистом и солнечном, словно для этого крылатого праздника матушка-природа собрала все оставшееся до зимы тепло.

— Если у мэра города стадиончик выпросим, то соорудим кордодром — это круглая площадка, огороженная сеткой, чтобы модель, если с кордов сорвется, зрителей не поранила. Но мне больше свободный полет нравится. Вот материал нужный соберу, а сейчас он дорого стоит, и самолет-амфибию начну делать. С мотором летать надежнее, но тут свои каверзы, — Паша сокрушенно крутит головой.

— Ты так говоришь, словно не моделька, а сам летаешь, — чувство легкой зависти, усиливаясь, гложет Стаса.

— А как же? — от удивления Паша даже останавливается. — Если сам как бы моделью не станешь, ничегошеньки не получится — гробанешься, едва взлетишь. Тут надо... Как бы тебе объяснить...

Они поднимаются по лестнице, ведущей к балкону на самом верху трибуны, перешагивая отсутствующие ступеньки, обходя трухлявые места. Паша несет «Прозрачный», на шее у Стаса на ремне приятной тяжестью висит пульт управления. Легкий ветерок обдувает лицо. До того момента, когда судья вызовет Пашу на старт, еще есть время, и они не торопятся.

— Тот, кто управляет моделью, не оператором называется, а пилотом. Мы — пилютируем. Нет, пока сам не полетаешь, не поймешь.

— А трудно этому научиться? — самолюбие мешает Стасу задать этот вопрос, но любопытство оказывается сильнее.

— Я два планера разбил, пока уловил ощущение — лечу сам. Три степени свободы, невозможность остановиться и дефицит времени.

— И сколько же в воздухе можно продержаться? — Стас пытался представить себя на Пашином месте, но перед глазами маячили лишь изрыгающие пламя закамуфлированные истребители, брюхатые бомбардировщики и вертолеты, с хищным оскалом рвущиеся к земле.

— У самолета все определяет запас топлива, а планер, если погода парящая, в «термиках», с утра до вечера летать может. Когда я с отцом в Крыму был, и он мировой рекорд длительности полета на планере перекрыть хотел, папин друг и я папу с ложечки кормили и ночью спать не давали. Он и стоя, и сидя, а лежа еще удобнее, пилотировал. У него пальцы от напряжения опухли, но больше двадцати часов в воздухе продержался. Немного до мирового не дотянул — ветер сменился, турбулентность пошла.

— Ночью ведь этих самых «термиков» нет, и как же твой отец в темноте планер видел? — попытался поддеть Стас.

— Он на плоскостях и фюзеляже фосфоресцирующие ленты наклеил, и гора там, имени пилота Климентьева, особенная. На склонах ее такие мощные потоки обтекания, что не только модели, но и настоящие планеры сутками в воздухе могут держаться. Только не засни! Там много рекордов поставлено, и... — голос Паши сник, и он добавил почти про себя: — ...И памятников погибшим.

Стас хотел расспросить обо всем подробнее, но они уже достигли балкона со сломанными перилами.

— К краю не ходи — рухнуть может, — предупредил Паша и, забрав у Стаса пульт, начал выдвигать телескопическую антенну. И разом тщедушная фигурка его обрела устойчивость, лицо повзрослело, даже очки, оседлавшие вздернутый нос, казались теперь значимее. Руки уверенно легли на пульт управления.

— Приподними-ка планер, — попросил он Стаса, — только крепче за фюзеляж держи, а то ветер...

Стас бережно поднял «Прозрачный» и едва не выпустил его, когда вздрогнула и отклонилась часть крыла — одного, другого.

— Элероны слушаются, — бормотал про себя Паша, — теперь руль высоты... Норма, — и уже Стасу: — Лишний разок проверить не повредит. Мало ли какие помехи в эфире.

Минут десять оба прислушивались к судейским командам и пояснениям комментатора. Слова, произносимые в мегафон, были слышны отлично, но Стас понимал не все. Это был новый для него язык, состоящий из странных, интригующих терминов, за каждым из которых — определенные действия, связанные воедино.

Но вот прозвучало:

— Радиоуправляемая модель планера — «Прозрачный». Конструктор и пилот Павел Красиков. Восьмой класс школы номер десять...

Паша поднял руку — пронзенный солнцем, планер ка-

зался хрустально хрупким, немислимо было швырнуть его с такой высоты. Но прозвучало: «Старт», и Паша словно выпустил на волю птицу. Рука его скользнула к пульта, пальцы прихватили рычажки управления, и «Прозрачный», обретая жизнь, пошел по кругу зигзагами, точно принохиваясь. В одном месте его приподняло на воздушном бугорке, и планер, приспустив крыло, закрутил виток, потом второй, третий, каждый раз отвоевывая кусочки высоты. Но такой скорости подъема планеру показалось мало. Бросив тощий «термик», он направился к центру стадиона, выискивая сильные потоки воздуха.

Стас оторвал взгляд от неба и обернулся к Паше. Хотелось задавать бесконечные «почему», но Паша его бы не услышал...

Он стоял, запрокинув голову, чуть расставив для надежности ноги и в то же время вытянувшись ввысь, словно отрываясь от гнилых досок. В нем все летело за и вместе с планером, только руки с живущими как бы сами по себе пальцами спокойно трудились, старательно выполняя заданную им работу. Тонкое жало антенны слегка покачивалось и, становясь продолжением рук, передавало приказы их обладателя.

«Прозрачный» перемещался плавно, его развороты, змейки напоминали бесшумный танец. Лишь прищуренные глаза Паши за стеклами очков да побледневшее лицо выдавали напряжение.

Найдя сильный поток и крутой спиралью набрав нужную высоту, «Прозрачный» на секунду приостановился, как бы подчеркивая: «Внимание, начинаю!», и ринулся вниз, закручивая петлю. Но вот его серебристый нос уже в прежней точке и устремляется вверх, ложась в «мертвой петле» на спину. Блеск плоскостей на мгновение притухает и тут же разгорается — планер заканчивает вертикальную восьмерку. И вдруг вспыхка — одна, вторая, третья...

— Выполняются «бочки», — возвестил комментатор. Наверное, он все время говорил о «Прозрачном», как до этого о других моделях, но с момента старта планера Стас мало что слышал.

«Бочки» на вертикали, на вираже — теперь, видя, как вспыхивают в повороте плоскости, Стас начинал понимать чуждый ему язык. Но как хотелось не просто понимать, а разговаривать на нем, и чтобы собственные руки властвовали на пульте управления и — в небе.

Только сделает он не планерок, а модель боевой машины — истребителя или бомбардировщика. И чтобы стреляла она по команде, и сбрасывала бомбы.

Такого, определенно, никто еще не придумал...

ГЛАВА 2

Вкус мечты

от уже неделю каждый день после школы, наскоро поев и кое-как сделав уроки, Стас мчится в другой конец города, где в здании бывшего аэроклуба приютилась авиамодельная мастерская.

В большой, длинной комнате на стеллажах вдоль стен, в проеме между окнами, под потолком стоят, висят, возносятся на тонких стержнях и прочных подставках, под разными углами и креном сотни две летательных аппаратов любых размеров, с одной плоскостью и с двумя, с прямыми, скошенными, треугольными крыльями, с пропеллерами и винтами, с моторами и реактивными двигателями, даже с велосипедными педалями и вообще без ничего. Все это поблескивает лаком и разноцветной пленкой, вздрагивает, когда резко хлопают дверь, а если открыть форточку, колышется, словно оживая.

Первые дни Стас с жадностью разглядывал летающие и нелетающие копии старинных и современных самолетов. Все у них было сделано, как у настоящих, каждая деталь, даже колесики шасси и боевое снаряжение, даже заклепочки на плоскостях. Оознавательные знаки нарисованы там, где надо, в кабинах поблескивают крохотные приборы, а летчики, в соответствующих их времени летных комбинезонах и шлемах, сжимают в руках штурвал или ручку управления.

— Мне так не сделать, — восхищенно вздыхал Стас.

— Для начала и не требуется, — утешал Паша, — подыщем что-нибудь попроще. А уж потом, когда руку набьешь...

Стас набивает руку, примостившись рядом с Пашей за широким столом, заваленном чертежами, обрезками фанеры, ткани и разноцветного пластика. Вкусно пахнет древесной стружкой, неприятно — клеем, от запаха лака щекочет в носу. Монотонно шаркают лобзики, иногда постукивает молоточек, временами взвизгивает дрель — десятка два ребят разного возраста сосредоточенно пилят, клеят, шуршат чертежами, лишь изредка перебрасываясь деловыми фразами. Даже не верится, что все они — такие же школьники и на переменках, как все одноклассники, орут, толкаются и бегают друг за другом. Подобное выглядело бы здесь как перестрелка в храме.

Стаса увлекало ощущение чего-то настоящего, живущего реальными событиями; нравилось смотреть, как работает Паша и другие ребята, как затейливо вырезанные пластинки фанеры собираются в скелетик сначала непонятно чего. Лишь обтянутый пленкой или тканью, он обретает форму крыла или фюзеляжа.

ляжа, но только состыкованные части превращаются в конкретное изделие для коллекции или для полета.

В общем, нравилось все. Не нравились только собственные неуклюжие руки. Моментами Стас ненавидел свои бестолковые пальцы. Они непростительно часто ломали бесценно-дефицитное полотно лобзика, зашлифовали фанеру не по линии чертежа, а нож, вместо того, чтобы резать твердый картон, протыкал руку. По ночам израненные пальцы болели, почерк в тетрадах стал еще корявее.

Однажды, когда, забыв все обиды, Стас заглянул к Нику, клавиатура компьютера показалась неприязненно к нему настроенной. Она выдавала на экран самые нелепые действия, а «мышь» захромала. И Стасу остро, как никогда, захотелось сбежать из колготного, требовательного реального мира, который причиняет душевные страдания и физическую боль, в беспечную игровую иллюзию, в потрясающую воображение бесконечность Информационного поля, пленившего Земной шар, и, зависнув, остаться там навсегда.

«Тебя, наверное, дома заждались», — тактично напомнила о том, что время позднее, мать Ника. Стас не стал уточнять, что дома никого нет и, если бы не снег и холод, он бродил бы по городу до утра. В серой обыденности очередного дня бледно светился, пока не разгораясь, лишь маленький, еще не ставший его, мир Пашиной мастерской.

... — А, черт! — полотно лобзика громко хрустнуло, и острый обломок впился в руку. Стас, как в детстве, прижал ранку к губам и, чувствуя набегающие на глаза слезы, выскочил за дверь. Плечи свел озноб. В сумрачном свете единственной лампочки гулкой коридор казался тоннелем в никуда. Из щелей в раме окна дуло, низкий подоконник был ледяным, но Стас сел на него, чувствуя солоноватый привкус крови и отращение к себе.

— Сильно поранился? Дай перевяжу, — Паша, с бутылочкой йода и бинтом, стоял рядом. В мастерской считали, что роль медбрата ему удастся лучше, чем другим.

— Не надо... — Стас нехотя поднялся и, сплюнув кровь в ведро для мусора, прижался к теплему радиатору батареи.

— Ты не огорчайся, — неуверенно сказал Паша и, положив бинт и йод на подоконник, тоже прижался к батарее. — Все через это проходят. Нужно набраться терпения и очень хотеть.

На нижнем этаже поминутно, как при неторопливой прицельной стрельбе, хлопала входная дверь. Растревоженным роем пчел гудели голоса будущих шоферов — клуб автолюбителей процветал. Учебные классы платных курсов сияли неоновым светом, урчание двигателя несуществующего автомобиля игрового автомата было слышно даже здесь. Кто-то мчался по

воображаемому шоссе, пытаюсь не нарушать кем-то придуманные правила дорожного движения.

— Ничего у меня не получается. Нет, нет, молчи! — думая, что Паша начнет приводить какие-то убедительные примеры, как делает это мама, когда хочет его уговорить, Стас даже уши зажал руками. Но Паша молчал, и Стас почувствовал себя виноватым. — Ты не думай, мне все здесь нравится, я очень хочу научиться делать, как ты, но где-то вот здесь... — Стас ткнул себя кулаком в грудь, — ... будто душит. Может, оттого, что на одном месте сижу? Хотя за компьютером я могу целый день проторчать и времени не замечу. Глаза потом болят, спину ломит, а на душе — соловьи...

С минуту Паша о чем-то размышлял, наконец, сказал решительно:

— Пойдем, я тебя познакомлю...

Они поднялись по лестнице на третий этаж. Дверь, выходящая на площадку, была закрыта, но Паша нажал какую-то защелку, и они вошли в широкий, хорошо освещенный коридор. Первое, что бросилось Стасу в глаза, — растянутый под потолком круглый белый купол парашюта, и что-то непонятное, висящее под ним.

В самом светлом месте коридора расположились два длинных стола. На одном из них лежал еще парашют, но с желто-синим ячеистым куполом. Молодой рослый мужчина в летном комбинезоне что-то делал с ним, движения рук его были неторопливы, плавны, как пассы заклинателя. Услышав шум, он поднял голову и, узнав Пашу, приветливо махнул рукой.

— А, модельный бог! Подопечного привел? Или сам попрос и прыгать собрался? — еще не потерявшее загар, скуластое лицо мужчины, утратив выражение сосредоточенности, округлилось улыбкой. Внимательные серые глаза изучающе глянули на Стаса и снова остановились на Паше.

— Нет, еще год... — вздохнул тот. — И нечего, Глеб, меня дразнить, все равно ведь очкариков в спортсмены не берете.

— Не берем, — Глеб перевел взгляд на парашют. Руки его ловко скользили по материалу, складывая купол каким-то особым способом. — Но в данном «несчастном» случае есть заманчивый выход...

— Тандем! — ахнул Паша и от избытка чувств так резко вскинул голову, что очки съехали на кончик носа. — Прыжок с инструктором — для немощных любителей острых ощущений вроде меня.

— Какие же они острые, если знаешь, что за твоей спиной инструктор... — с сомнением покачал головой Глеб. — Хотя для обучения тандем полезен. Но наша цель сейчас более прозаичная.

— Платные прыжки для толстосумов? — поправляя очки, понимающе прищурился Паша. Инструктор сокрушенно пожал плечами:

— Надо выживать. Парашютный спорт — удовольствие дорогое. Романтикой бензобак не заправишь, и без регламентных работ самолету не летать. Раньше нам ВДВ — десантники своих призывников подбрасывали. За счет этого мы спортсменов готовили. А сейчас...

Они так увлеклись разговором, что Стас почувствовал себя лишним, а потому совершенно свободным. Обогнув столы, он подошел к висящему парашюту и стал рассматривать сплетение прочных широких лент и прикрепленный к ним пустой матерчатый ранец. Две свисающие ленты так и просились обхватить ими ноги и защелкнуть карабины. Две верхних петли легко пропустили руки, блестящая пряжка охотно сомкнулась на груди, ранец плотно обнял спину.

Странное чувство уюта и волнения — такое Стас не испытывал еще никогда. Он поднял голову — лучами расходящиеся стропы, казалось, исчезали в пушистом облаке, а облако плыло по небу и солнечный свет пронизывал его, отчего все вокруг становилось не по-земному прекрасным. И он бестелесно плыл в этом Прекрасном, которое было в нем самом...

Необычное ощущение из прошлого или будущего длилось как вспышка. Через мгновение в глаза ударил электрический свет, над головой оказался порядком запылившийся капроновый купол. Но подвесная система, спеленавшая тело, осталась такой же надежной и удобной, как одежда, к которой давно привык.

Стас, оттолкнувшись, качнулся сильно, как на качелях. Заметив, что Паша и Глеб повернули в его сторону головы, подумал: «Ох, и влетит же мне!» Но инструктор словно только этого и ждал.

— Сейчас высоту наберем, — сказал он просто, как о само собой разумеющемся, и включил на стене рубильник. Негромко заурчал мотор, что-то скрипнуло, защелестело, и стропы, дрогнув, поползли вверх. Стас почувствовал, что поднимается к потолку. Когда расстояние от пола оказалось метра два, движение прекратилось. Глеб подошел ближе и приказал негромко, но четко произнося слова:

— Правой рукой берешься за левую ляжку... Выше, ближе к стропам. Так... Теперь левой рукой — правую... Разворот в-пра-во!

В первый момент Стас ничего не понял, но руки сами ухватили над головой ляжки с зацепленными на них пучками строп, и потянули сначала слегка, потом в полную силу. Ладони почувствовали грубость материала, и тело медленно развернулось в сторону двери.

— Молодец, соображаешь, — голос инструктора утратил командные нотки. — Теперь разверни купол влево. Так, хорошо...

Сверху Стасу было видно расплывшееся в улыбке лицо Паши, захотелось крикнуть что-нибудь задорное. Но серьезное выражение на лице Глеба ясно давало понять, что это не игра, и от того, как справится гость с заданием, зависит итог их знакомства.

— К приземлению приготовиться! Голени, ступни — вместе, ноги в коленях чуть согнуты... Соберись. Взгляд на землю... Земля! — Глеб нажал кнопку рядом с рубильником, и Стас рухнул вниз.

Удар был сильный, показалось, что не ноги коснулись пола, а сам пол хлестнул ступни. Но равновесие Стас не потерял и, довольный собой, глянул на инструктора.

— Устоять на ногах в момент приземления престижно, но не обязательно, — инструктор словно читал его мысли. — А вот стопы должны касаться земли одновременно и непременно всей подошвой.

— А если не всей? — Стасу хотелось продлить минуты нового ощущения действительности. Разговор касался неведомого, в котором таилась интригующая опасность. Хотелось раскручивать это рискованное, цепляясь вопросами, как зубчиками шестеренки.

— Если не всей, то есть перспектива походить с месяц на костылях. — Глеб говорил без улыбки и явно не шутил.

— Ух ты! — весело ужаснулся Стас. — А можно мне завтра прийти?

... Хранилище — это небольшая комната со стеллажами, на которых в строгом порядке стоят сумки с парашютами. Здесь витает особый, ни с чем не сравнимый запах, тревожный и загадочный. Шторы на окне задернуты: парашюты во время покоя не любят солнечных лучей, хотя в собранном виде напоминают туго сжатые бутоны, готовые расцвести при первой же возможности.

Большинство парашютов в сумках распушены, значит, бездельничают давно и в скором времени работать не собираются. Глеб достает из кармашков, вшитых в ранец, паспорта и, проверив дату последнего осмотра, одни парашюты оставляет на месте, другие Стас уносит на укладочные столы.

Увидев впервые внутренности ранца, все эти чехольчики-газыри, в которых строго, как волосок к волоску, надо укладывать длиннющие стропы, резинки сот, шнурочки-завязочки и прочие приспособления, позволяющие куполу быстро и безотказно раскрываться, Стас пришел в восторг и — в уныние: разве запомнишь все? Но через неделю руки, став ловкими и

памятливыми, перебирали сложенные аккуратными дольками полотнища, глаза зорко выискивали протершиеся места, а стропы лились между пальцами шелковистыми струями.

Когда же Глеб начал учить его премудростям многоэтапной укладки парашюта, разъяснив, что случится, если где-то будет сделано не так, как предписано, Стас потерял покой — в душе затлела искорка страха.

Это был еще неведомый Стасу вид страха — не за себя. Пугало то, что может случиться только потому, что именно он не заметил, не сумел, перепутал... Разумеется, Глеб все перепроверял, да и, готовясь к прыжку, каждый должен лично уложить ранец. На крайний случай есть еще запасной парашют, но...

Это «но» снилось Стасу теперь каждую ночь. Чаще всего он видел падающую с нераскрывшимся парашютом маму и просыпался в поту. Иногда — себя, но даже во сне он знал, как выбросить «запаску», и страх стирался необходимостью действий. Однажды под куполом, перехлестнутым стропами и похожим на увядающий цветок, очутилась Лиля. Она кричала, звала его, а он падал рядом вообще без парашюта, и не мог ей помочь. Отца он не видел ни разу.

Воображение накручивало подробности еще и потому, что свободное от дел время он проводил в учебном классе, где Дух неба обитал наглядно, проливая пригоршни, а то и ушаты романтики с небольших черно-белых и увеличенных цветных фотоснимков.

Парашюты круглые или плоские, как ячеистое крыло, парили в синеве, опускались на землю, ластились к ногам или непокорно вздымались за спинами своих повелителей, а то и тащили их по траве или снегу. Лица юношеские и девичьи, сосредоточенные, смеющиеся, восторженные, стянутые касками, шлемами и без них, летные куртки, строгие комбинезоны или просто брюки и свитера, словно владельцы их вернулись с загородной прогулки, — все создавало ощущение беспечного небесного праздника.

И только лицо паренька с поднятыми к облакам васильковыми глазами на портрете в траурной рамочке тоскливой нотой врывалось в ликующую симфонию неба.

Но грусть не подавляла Стаса. Она лишь усиливала значимость того, что ему предстояло. Это будет весомее, круче, чем Пашины модели и компьютеры друзей, чем все телебоевики вместе взятые!

Это будет. А пока... Пока что они трудились с Глебом одни. Второй инструктор — Василий Иванович был в отпуске, а командир сильно поредевшего за последние годы звена, устав обивать пороги чиновников в родном городе, уехал в Москву

отвоевывать или выпрашивать средства для выживания. Спортсмены же, в надежде на лучшие времена, занимались своими земными делами.

В одну из суббот последнего месяца уходящего года Стас, влетев через две ступеньки на парашютный этаж, не нашел Глеба ни в коридоре, ни в хранилище, ни в классе. Заметив, что дверь инструкторской приоткрыта, он постучал и сунул голову в комнату.

— Чего застрял? Заходи, — позвал Глеб. Он сидел за письменным столом и просматривал бумаги. Два других стола пустынно поблескивали лаком, на четвертом в ожидании хозяина дремал блестящий истребитель на подставке, в пластмассовой карандашнице скучала одинокая ручка. На столе у Глеба тоже был самолет, чуть неуклюжий Ан-2 — подарок Паши. Чтобы не смести бумагами, Глеб отставил его на пустой стол, и Стас решил расположиться там же.

— На книжной полке возьми что-нибудь о подготовке парашютистов, — не отрывая взгляда от стола, сказал Глеб. — В воздухе голова должна работать в первую очередь. Тренируй.

Стас выбрал несколько книжонок и разочарованно вздохнул: не так представлялся ему сегодняшний день. Накануне Глеб обещал рассказать все о тандеме, который по разным причинам никак не удавалось опробовать. Брезентовая сумка его с красной меткой, потяжелее и пообъемистее других, притягивала взгляд Стаса каждый раз, когда он входил в хранилище.

Можно, конечно, потренироваться с «запаской». Поднять подвесную систему, подставив стремянку, влезть в лямки, прицепить на груди ранец запасного парашюта. И, зажав в ладони вытяжное кольцо, выдернуть его, разом чувствуя, как по волшебству в объятиях возникнет ворох материала, на мгновение ощутить безволие его и ловкость своих рук, отбросивших материю вверх, подальше, давая возможность куполу глотнуть набегающий поток. И все — в стремительном падении... Но в помещении трудно представить, как, обретая силу, спасательный купол подхватит обреченное тело, затормозит падение и благополучно опустит на землю. Здесь купол просто свалится на пол, запутается в стремянке и надо будет складывать его вновь.

— Что вздыхаешь? Иди, побросай «запаску» в свое удовольствие, — пронизательность Глеба каждый раз удивляет Стаса.

— В свое удовольствие можно только прыгать. А сейчас — канитель одна, — насупился Стас, запоздало понимая, что инструктор может отправить его домой.

Но Глеб, отложив бумаги, устало откинулся на спинку

стула. Похоже, мысли его витали не здесь, родились не сейчас, а потому заговорил он о другом и не так, как всегда:

— То, что мы делали все это время, не канитель, а подготовка к прыжкам — конкретная и необходимая. Канитель — то, что происходит последние годы и вне этих стен...

Глеб резко встал и подошел к окну. На скулах всегда спокойного лица горели красные пятна, а пальцы вдавились в подоконник, словно инструктор боялся потерять равновесие. Глаза бесцельно смотрели на улицу, где сверкали витрины самодовольных магазинов, пестрели крикливые рекламы; где, обгоняя друг друга, мчались щеголеватые машины и торопливо шагали люди, занятые собственными проблемами, — текла обычная сегодняшняя жизнь.

— Когда я был таким, как ты, существовал спортивно-технический авиационный клуб, — Глеб произносил слова медленно, словно рассматривая то, о чем говорил, со всех сторон. — Парашютное, планерное, самолетное звенья. Подростки шли валом. А сейчас... Что можем мы предложить сейчас молодежи? Основы воздушного спорта подмываются со всех сторон. Планеристы как-то живут, подлетывают с «резинки». Летчики, не имея бензина и запчастей, уже давно и наглухо двигатели зачехлили и разбрелись на вольные заработки. Мы еще пытаемся существовать, на что-то надеемся. Наверное, есть, должен быть какой-то выход, но пока его не видно...

Никто, никогда не говорил еще со Стасом так — на равных.

— Но ведь сейчас твердят о свободе действий, призывают к инициативе, — осторожно напомнил он, боясь вспугнуть неожиданное откровение. Казалось, что Глеб забыл, с кем говорит, и обнаружит вдруг, что вместо достойного собеседника в душу лезет пацан.

— Свободы — захлеб... Но свобода в ее обычном понимании — делай, что хочешь и как хочешь, — для занятий небесных опасна. У неба свои законы, они написаны кровью тех, кто не знал или пренебрег ими. На плохом бензине или сомнительной матчасти можно ездить, но не летать! Изношенный купол сгодится для тренажера, а в воздухе обязательно порвется... В авиации нужна не лихая свобода, а разумная дисциплина и немалые средства. Где их взять?

Инструктор сел за стол, помолчал, собираясь с мыслями. Стас ждал настороженно, и Глеб заговорил снова:

— В праздники, по просьбе городских властей, иногда выполняем показательные прыжки. Раза два во время весенней распутицы десантировали в отдаленные районы почту. С картографами летали... Можно, используя тандем, заработать, по выражению Паши, на «толстосумах». Но это все — для под-

держания штанов, как говорится. А спорт... Из нескольких десятков парашютных клубов сейчас в стране лишь единицы еще живут. Все зависит от глав города, от спонсора — «добротного дядюшки», если такой найдется... За границей прыжки — платные. Что у нас, узнаем, когда командир вернется. Но где возьмут деньги школьники, студенты? Доступны прыжки станут, в основном, обеспеченным, а значит, немолодым людям. Как же вас, пацанов, растить?

Инструктор посмотрел на Стаса так, словно ждал от него ответа. Словно все, на что он надеялся, зависело от паренька, сидящего перед ним и тоскующего о Небе, которого еще совершенно не знал.

— Парашютный прыжок — это безопасный выход юношескому лихачеству, боевому задору. Это возможность испытать себя и самоутвердиться... Интуитивно вы это чувствуете. Не так давно появлялись твои сверстники, но, поняв неопределенность нашего положения, уходили разочарованные. Этой осенью заглянули трое, а остался ты один. Чем подростки сейчас живут? По сомнительным интересам группируются, головы на мотоциклах ломают, по подворотням травку курят, хулиганят от безделья или того хуже... А те, кто по домам сидят — телевизионной резней да мордобоем упиваются. Вы же не замечаете, что не лжегероев на экране убивают, а души ваши! — Глеб опустил голову, пряча глаза.

Стасу казалось, что сдержанный, обычно скупой на слова инструктор сам удивлен своей внезапной вспышкой.

— Но есть еще такие, как Паша, — тихо напомнил он.

— И как ты... — медленно проговорил Глеб, поднимая на Стаса остывающие, уже почти спокойные глаза. — И еще много других, кто ни туда, ни сюда — между добром и злом, в быстрине жизни. И неясно, к какому берегу она их, в конце концов, прибьет.

Стасу почему-то вспомнилась семейка Стального. Он даже засмеялся от внезапно пришедшей на ум идеи.

— Хотите, я платных желающих приведу? Не совсем «толстосумы», но при деньгах. Те самые, что ни туда, ни сюда... Не для тандема, а самостоятельно прыгнуть, — Стас затаил дыхание, ожидая ответ. Больше всего он боялся, что инструктор отшутится.

— Ну, что же... — Глеб внимательно посмотрел на Стаса. — Если только эти желающие подходящего возраста, медкомиссию пройдут и подготовку по полной программе... Да, чуть не забыл сказать: завтра не приходи. А в воскресенье, в восемь ноль-ноль встретимся в вестибюле. Экипировка — максимумом зимняя. Поедем на аэродром. Бензин привезли, надо самолет облетать. Чему удивляешься? Я же летное училище

закончил, но пока до части добирался, полк расформировали. Хорошо хоть в школе парашютами увлекался и в училище много прыгал. А сейчас больше на земле... Да ничего, вот облетаем нашего «Антошу» и на той неделе с телевизионщиками вокруг города покругим. Тебе, конечно, к ним соваться нечего. Но послезавтра, за все твои труды, во второй полет, если в первом все будет нормально, возьму, — Глеб улыбнулся и посмотрел на Стаса. — Да что с тобой? Чего побледнел? От радости или боишься?

— В воскресенье мы учимся, — Стас медленно, как во сне, встал.

— Что за аврал в городе? Будних дней не хватает? — удивился Глеб и стал собирать со стола бумаги.

— Это не в городе, а в нашей школе, — голос захрипел, сорвался.

— Только в одной школе? — Глеб наморщил лоб, припоминая. — Это не у вас ли в ноябре мину искали?

Стас молча кивнул. Он знал — на этот раз пропустить занятия нельзя. Директор предупредила: в случае прогула в понедельник без родителей в школу не приходите. Маму трогать нельзя. Что ж, мудра истина: бумеранг, запущенный глупой рукой, может снести дураку голову.

Мальчишки толкались. Они всегда толкали друг друга, норовя наскочить на девчат, почувствовать обжигающее тепло плеча или груди, с податливо-мягкими запретными бугорками.

Стасу тоже нравилась эта пока еще невинная возня. Вспоминающиеся при этом любовные сценки на телеэкране будоражили воображение, но он скорее умер бы, чем признался в этом. А пацаны откровенничали всюю, бессовестно привирая и многозначительно подмигивая девчонкам. Но те были заняты своими секретами, и пацанам страсть как хотелось их узнать.

Участвовать в куче-мале, устроенной Андрюхой, Ромкой и Тимом на бывшей клумбе, куда зимой сметали снег с дорожек, Стасу не хотелось. Лили не было. Родители выстроили в пригороде коттедж и теперь на машине возили ее в школу и обратно. Привалившись спиной к дереву, Стас отбивал рукой снежки, летящие в лицо. Торопиться, рассчитывая каждую минуту, приятно чувствуя, как уплотняется время, спешить сейчас некуда. Дома никто не ждет: мама лишь ночевать приходит, хватаясь за работу, как за спасательный круг, и не только ради денег, которые перестали платить вовремя...

Глеб всю неделю будет на аэродроме. Самолет облетан и нужна только хорошая погода, чтобы провести телевизионные съемки.

В понедельник, застав Глеба уже одетым и куда-то спеша-

щим, Стас не успел расспросить, как прошел облет, не капризничал ли «Антоша», и как смотрится с высоты земля?.. Не успел или не захотел? Узнать со слов то, что можно было увидеть самому — все равно, что голодному слушать об угощениях на званом обеде, который прозевал.

Стас жалел, что не догадался взять из кабинета инструктора книги, раздумывал, не поискать ли в библиотеке что-нибудь парашютное. Но идти никуда не хотелось. Неделя, начавшаяся неудачно, так и текла в сером тумане мелких будничных событий.

Прошедший месяц многому научил: не трата время на споры, делать все, что поручила мама; придя к выводу, что слушать объяснения учителя выгодно — дома меньше учить — пересел на первую парту, с которой все сбегали, потому что стояла она вплотную к учительскому столу.

Он старался плыть по волнам обязательной школьной жизни без всплесков, не высовываясь и не уходя в глубину общественных дел. Впрочем, никаких мероприятий теперь не проводилось. Стоило динькнуть последнему звонку, и половина класса мчалась к ожидающим их машинам — многие теперь жили далеко. Остальные расползались поодиночке — кто куда.

Учителя, барахтаясь на мелководе житейских проблем, были заняты больше собой. В коридоре, в учительской обсуждали то задержку зарплаты и дороговизну, то болезни и лекарства. Теперь и учителям случалось опаздывать на уроки — транспорт подводил... Заболевших подменять было некому, и счастливые пацаны и девчонки мчались без курток и шапок в магазин за «Чупа-чупсами» или «Сникерсами» — кому что по карману.

Замерзшие носы и уши на другой же день давали о себе знать, и треть класса в школу не приходила. А те, кому не повезло, завидовали счастливым, которые могли нежиться в постелях. Так и существовали учителя и ученики, как казалось Стасу, словно в двух разных плоскостях, стараясь соприкоснуться друг с другом не как бревно и пила, а как две пилы, стремящиеся сохранить в целостности свои зубья.

Но Стаса это мало волновало. С тех пор, как судьба приоткрыла ему щелочку совсем в иной, многообещающий мир не виртуальных, а вполне реальных событий, все остальное поблекло, отодвинулось, забылось совсем... Но вот случилась заминка, и он стукнулся лбом в невидимую стену, не пропустившую его в небесное заветное.

Сделав подарок, судьба решила проверить, заслужил ли он его.

«Неоспоримое достоинство человека, связавшего себя с авиацией, — это умение ждать, — сказал как-то Глеб полушу-

тя. — Ждать подходящей погоды, разрешения на полеты, команды начальства, горючего... Единственное спасение — с толком заполнить время».

Стас откачнулся от дерева и тут же схлопотал снежок в голову, но не оглянувшись. Он вспомнил о деле и заспешил — надо наверстать два бестолково потерянных дня.

Если признаться самому себе честно, то о семейке Стального он заикнулся не только из финансовых соображений. Еще не осознав до конца подспудного течения своих чувств, он понимал: это будет что-то вроде вызова на бой, и рингом станет не помоечный двор или пляж, а Небо. Хотя бой вряд ли получится: чего ради Стальному менять свои планы? Но можно похвастаться: что мне ваш денежный промысел, когда настоящее дело есть! Только прыжок-то они смогут купить именно потому, что деньги есть. И получают они его без волнения, без ожидания, и... без трепетной радости желания.

«Чего это я разошелся? — Стас лихо проехал по ледяной дорожке. — Еще надо Стального убедить, а для начала семейку найти. Только где искать? Не только фамилий, даже имен не знаю. И где живут...»

Стас завернул в проходной двор, где в последний раз встретил тезку. Попетлял среди закутанных снегом мертвых домов. Присмотрелся к окнам живых. Что-то подсказывало ему — неспроста семейка околачивалась здесь осенью. Но никаких особых следов, кроме протоптанных прохожими тропинок, не обнаружил и, приняв решение ходить в школу только этим путем, отправился в минимаркет в подвале. Но вместо компьютерной техники здесь царствовали теперь импортные вина, и не было смысла спрашивать дородную продавщицу о блондине по имени Станислав.

По дороге домой Стас зашел в библиотеку и полистал журналы в обложках небесного цвета.

С любопытством и чувством зависти он рассматривал парашютистов. Они неслись к земле в затяжном прыжке с застегнутыми ранцами, распахнутыми руками — словно хищные птицы. Спортсмены слетались, образуя пары, звезды, круги, а то и целое распластанное скопление, похожее на плоский остров в небе.

Глядя на многоярусные этажерки из куполов «мягкое крыло», на крохотные фигурки в паутине строп, бесстрашно балансирующие на упруго проминающемся материале, Стас, чувствуя непрочную зыбкость всего сооружения, даже вспотел от волнения.

Меньше эмоций вызывали спортивные самолеты, вертолеты, хотя лица парней и девочек, сидящих в кабинах, светились счастьем, и чистая радость их переливалась в душу Стаса,

помогая обрести надежду, становясь залогом осуществления Мечты.

... Лишь в пятницу Стас нос к носу столкнулся с Сынком в том самом дворе, где виделись в последний раз.

— Чего шмонаешь? — резко спросил тот вместо приветствия.

— Тезку ищу, — так же резко отбил его выпад Стас.

— Зачем нужен? — Сынок смотрел неприязненно: не забыл еще, как Стас увел их от «Прозрачного», а мина в школе не сработала.

— Ему и скажу, — стараясь выглядеть независимо, Стас поправил ранец на плече и сунул руки в карманы.

— Ну, жди, — хмыкнул Сынок и, обогнув угол дома, скрылся.

Стоять на ветру было холодно, и очень скоро у Стаса замерзли ноги, а куртку насквозь прошил мороз. Сынок не появлялся.

«Все равно дождусь, — отбивая ногами чечетку, думал Стас, — второго такого случая не будет». Он не заметил, что Сынок уже вывернулся из-за угла и стоит, наблюдая, как Стас, скрестив руки, хлопывает себя по плечам. Наконец, сам замерзнув, Сынок свистнул и побежал трусцой по чуть приметной тропинке.

Дом, к которому они подошли, был явно нежилой. Окна первого этажа забиты старым железом, входная дверь болтается на расшатанных петлях. В тесном коридорчике темно, пахнет мышами и гнилой картошкой.

— Ты че, заснул? — Сынок потянул на себя вторую дверь, обитую войлоком.

Стас перешагнул порог и оказался в жарко натопленной комнате. Дневной свет заменяло яркое пламя керосиновой лампы. Она стояла на перевернутой кастрюле посередине большого стола, застланного цветастой клеенкой. На столе лежали остатки еды и какие-то свертки, вкусно пахло копченостями и свежим хлебом.

На кровати с никелированными боковушками сидел Братуха. За его спиной посапывал во сне Зятек. Стальной расположился возле печки в разлапистом кресле и пошевеливал кочергой догорающие угли. В углу возвышался допотопный холодильник, на нем стоял телевизор на батарейках, темный экран отражал пляшущий свет. У двери на гвоздях висели куртки, со стен взирали полуголые красавицы и мощные парни демонстрировали свои бицепсы.

Сынок сел на единственный стул. Стас, коротко поздоровавшись, остался стоять у двери.

— Стул, — негромко приказал Стальной, и Сынок, нехотя поднявшись, поволок стул ближе к креслу. Сам устроился на

низкой лавочке, прижался спиной к теплым кирпичам и будто слился с ними.

— С чем пришел? — Стальной отложил кочергу, но дверцу печи не закрыл. Видно было, как по красным углям бегают синеватое пламя.

Стас растерялся. Он долго ждал этой встречи, мысленно проигрывал с десятков вариантов ее, а придумать первую фразу забыл. Все убедительные доводы вылетели из головы. Только сейчас, в этой уютной берлоге, он понял безнадежность своей затеи. Но отступить было некуда. Четыре пары недоброжелательных глаз упорно держали его под прицелом. Лишь во взгляде Стального тлела искра интереса.

— Похоже, подзаработать надумал? — снисходительная насмешка в голосе тезки ошпарила Стаса. Ответ родился сам собой:

— Ты предлагаешь мне деньги заработать, а я могу подсказать вам, как деньги потратить.

Первым хохотнул Сынок, потом смысл сказанного дошел до Братухи и проснувшегося Зятка. Один смеялся сонно, повизгивая, другой гоготал баском. Тезка молчал, и лишь когда Зятек всхлипнул от смеха в последний раз, выпрямился в кресле, потягиваясь.

— Ну, слушаю.

— Есть возможность прыгнуть с парашютом. По-настоящему, с самолета. Высота — тысяча метров. Парашют тренировочный типа... — Стас чувствовал: надо завалить информацией и задеть самолюбие. — Занятие, как понимаете, не для слабонервных. Можно, конечно, подождать, когда тандем опробуют, чтобы с инструктором за спиной на землю взирать. И в этом случае эмоций — полные штаны. Но одно дело за пассажира быть и совсем другое — вольным летателем.

Стас ожидал нового взрыва смеха, но семейка молчала. Раньше всех опомнился Сынок.

— Да на фига нам это! — на лице его вспыхнул гневный румянец.

— Не вякай! Фартово ведь, — осадил его Братуха. — Я еще шнуренком был... Так вот, в какой-то совдеповский выпендрож парашютистов на стадионку бросали. Один возле меня жахнулся. Купол балдежный, о-о-громный, чуть меня, блин, не припечатал. Чувак крутой, в шмотках летческих, и шлем — отпад! — круглые щеки Братухи засияли.

— Определенно, мой инструктор Глеб, — кивнул Стас, хотя совсем не был в этом уверен. — Он мастер парашютного спорта и летчик. Вот погода разъяснится, полетит с телевизионщиками город снимать. И мне предлагал, да в школе сейчас с прогулами строго.

— Заливает все! — просыпаясь окончательно, закричал с кровати Зятек. — Про мину набрехал и сейчас...

— На мину и менты купились, — запротестовал Братуха, и Стас подумал: «Ну, этот уже готов. Кто следующий?»

— Офанател на парашютах, так и сигай сам, — Сынок зло сплюнул в печку. Угли зашипели, и Стас решил подсыпать немного перца:

— Плохая примета — в огонь плевать... Теперь тебе прыгать и вправду не стоит.

— Еще бабки платить, чтоб гробануться, — не унимался Зятек. — Вот если бы за зелененькие... — Он уже не лежал, а сидел на кровати, свесив босые ноги. Неопределенного цвета свитер туго обтягивал худые плечи и впалую грудь.

«Пропустит ли его медицина? — усомнился Стас. — Что же получается: один «за», двое «против». Главное слово за Стальным».

— Ты, тезка, иди. Мы тут сами покумекаем, — Стальной поднял с пола кочергу и стал ворошить вспыхнувшие искрами угли. Стас встал и направился к двери. Негромкий голос тезки догнал его:

— К какому сроку нужен ответ?

— Чем раньше — тем лучше, — бросил Стас. И уже взявшись за ручку двери: — Сами найдете или мне сюда зайти?

— Я позвоню, — рассеянно улыбнулся Стальной. И только выйдя на улицу Стас сообразил, что не сказал номер своего телефона.

Стальной позвонил через день, спросил, куда прийти. Договорились о встрече во вторник, в вестибюле клуба. Понедельник Стас приберег для разговора с Глебом, но все получилось иначе.

Приехавший из столицы командир звена привез хорошие новости: в штабе воздушно-десантных войск разрешили, как и раньше, отобранным для них призывникам устраивать проверку на пригодность.

— И за два прыжка можно определить, каким десантником парень станет, — пояснил Глеб на ходу. Он спешил в военкомат согласовывать разные вопросы. — Теперь хлопот не оберешься, но это означает жизнь... Я о тебе командиру говорил, обращайся к нему.

Командир звена — Сергей Михайлович — постарше Глеба, пониже ростом и совсем не героической внешности, хотя мастер спорта, а в былые времена и член сборной команды страны. Он немногословен, нетороплив в движениях, но прицельный взгляд карих глаз проникает, кажется, в самые потаенные мысли. И хотя Стаса так и подмывало поделиться своей удачей в отношении семейки, заводить разговор с командиром на

эту тему он не решился: скажет, чего доброго, «нет», тогда и Глеб не поможет.

Чтобы разрядить распирающие его чувства, Стас спустился к Паше, но тот уже вторую неделю болел.

«Какой же я друг, если столько времени ничего не знал, — записывая Пашин адрес, корил себя Стас. — Сейчас же к нему поеду».

Но не получилось: командир, сказав, что надо подновить в учебном классе облупившиеся столы, поставил перед Стасом распечатанную банку с голубой эмалью, подсказал, где можно найти кисти и ушел в кабинет. Однако вскоре появился в рабочем халате и принялся так умело грунтовать щербины на столах, что стало ясно: и начальство здесь не боится черной работы.

Между делом командир задавал вопросы. Стас отвечал коротко, словно заполняя анкету: кто, где? На вопрос: «Почему решил заняться парашютным спортом?» ответил откровенно — случайно получилось. И только хотел заикнуться о семейке, но вошел вызванный из отпуска Василий Иванович.

Второй инструктор был уже в возрасте, с сединой в волосах и морщинками у глаз. Он тоже взял кисть и принялся за работу. Одновременно они обсуждали столичные новости и местные проблемы, о которых Стас даже не подозревал, и мало что понял. Но уяснил главное: появилась возможность сохранить команду и дать «старичкам»-разрядникам попрыгать. С новичками-перворазниками — сложнее, но есть кое-какие соображения.

Потом инструктор и командир ушли в кабинет, и Стас, вымыв в керосине кисточки, собрался было домой, но тут появился Глеб.

— Можно я вас дождусь? — понимая, что инструктор сначала зайдет к командиру, попросил Стас. Глеб посмотрел на залитые темнотой окна и устало кивнул — ладно, жди.

Ждать пришлось часа два. За это время Стас успел надраить шваброй не только пол в коридоре, но и в классе, в инструкторской, сам удивляясь тому, как здорово все у него получается.

Убрав ведро и швабру, он вымыл руки и начал изучать на полках в комнате Глеба обложки книг. Нашел даже несколько художественных о военных летчиках и об испытателях, но о парашютистах не было ни одной повести, даже рассказа. Это показалось Стасу несправедливым, и он решил раздобыть в библиотеке что-нибудь подходящее его теперешнему настроению.

Было время, когда больше всего на свете он любил читать. С восторгом уходя в придуманную писателем жизнь и стано-

вьясь частицей этой жизни, он воображал себя то странствующим рыцарем, то золотоискателем в белом безмолвии Клондайка; исследовал с геологами тайгу, совершал подвиги, спасая кого-нибудь. Верил фантастам, улетая с ними на другие планеты. С фонариком под одеялом разгадывал закрученные детективные истории.

Потом увлечение книгами кончилось. Это момент совпал с появлением на тумбочке напротив дивана цветного телевизора, взамен старенького черно-белого. Магия сочных красок пленяла, обманчивая доступность происходящего на экране настырно лезла в душу и утверждалась там, перерождая мозг, перенацеливая желания. Телегипноз дурманил, поработал. Лишь оторвав себя от зловредного ящика, можно было понять: читательское воображение — это плод собственного умственного труда, трепет личных чувств, а «телек» предлагает легкую, вкусную, но уже переваренную в чужих умах и душах пищу. Хочешь не хочешь, а глотай то, что дают, не замечая, как вместо свежего, дышащего хлеба тебе подсовывают, хоть и ванильный, но сухарь. Порой заплесневелый...

Занятый своими мыслями, Стас не заметил, как открылась дверь, и вздрогнул, когда Глеб сказал весело:

— Жизнь обретает смысл. Надолго ли?.. Но будем оптимистами, — он сел за стол и глянул на Стаса. — Выкладывай свои проблемы.

Стас слишком долго томился, а потому сообщил, не вдаваясь в подробности: кандидаты на платные прыжки появятся завтра.

— Оперативно сработано, — в тоне голоса Глеба чувствовалась неопределенность. Похоже, инструктор о чем-то размышлял, и сообщение Стаса вынуждало положить конец его колебаниям. — Разрешение на платные прыжки теперь есть, но как-то рука не поднимается брать деньги с молодых, тем более, с перворазников.

— Парни-то молодые, только нельзя их бесплатно... — заметив, как недоуменно Глеб приподнял бровь, Стас заторопился: — Это те, кто «между добром и злом», как вы тогда сказали. Чем занимаются — не знаю, но деньги у Стального, то есть Станислава — тезки моего, водятся. И все, что не оплачено, даром, он не оценит.

— А ты, я вижу, психолог, — Глеб задумчиво потер рукой подбородок. — Ладно, поговорю с командиром. Думаю, возражать не будет.

Стас очень боялся, что семейка не придет или опоздает. Но чуть не опоздал сам: после шестого урока объявили, что будет классное собрание. Обсуждали успеваемость, поведение и про-

чую чушь, которая ни от каких разговоров и пожеланий измениться не может.

Впервые Стас сидел не дергаясь, уверенный, что теперь-то уж фамилия его, как иллюстрация плохого или хорошего, не прозвучит. Так и случилось. Только в конце директор школы сообщила, что по факту злостного хулиганства — телефонного звонка про подложенную в школу мину, возбуждено уголовное дело, и что установлено: звонил подросток, а не женщина, как думали сначала. Виновник будет непременно выявлен и наказан.

— Что же, его тогда повесят? — фыркнул кто-то из ребят.

— Не повесят, но неприятности, притом большие, неизбежны, — директор обвела строгим взглядом класс, и глаза Стаса опустились сами собой, а плечам стало зябко. Однако никто ничего не заметил.

Заглянуть домой времени уже не было. Как назло, остановились трамваи, пришлось бежать квартала четыре. Стас пролетел мимо припаркованных возле клуба машин, но его окликнули. Увидев в приоткрытом окне вишневых «Жигулей» Стального, он затормозил, взрывая ботинками снег. Появление у тезки машины не удивило: восемнадцать есть, так почему бы не побаловать себя игрушкой? Последнее время Стаса не волновали приобретения такого рода.

Выбравшись из машины, Стальной неторопливо запер ее и пошел за Стасом в клуб, где их поджидала семейка. Братуха и Зятек крутились возле автотренажера, заглядывая через плечи шоферов-любителей. Сынок читал плакаты и объявления, развешенные на стенах.

Стальной негромко свистнул, словно подзывая отвлекшегося пса, и все начали подниматься по лестнице. Стас шел впереди, чувствуя себя радушным, хотя и придирчивым хозяином. Открыв защелку, он распахнул дверь и, отступив назад, пропустил гостей в парашютное жилище, злорадно подмечая робость Зятка и нацеленный на белый купол взгляд Братухи. Сынок и Стальной остались невозмутимы.

— Раздевайтесь, — Стас кивнул на вешалку, прибитую возле двери. — Ноги вытирайте: парашютам противопоказаны влага и пыль.

Он окинул взглядом чистый пол, пожалел, что не развернул на укладочных столах цветные парашюты; заглянув в учебный класс, убедился, что эмаль схватилась, столы сияют небесной голубизной, и пригласил семейку, предоставив их летящим стенам и Духу романтики, не заблудившемуся в лабиринте плотских желаний.

Глеб и Василий Иванович были на совещании у командира. Стас лишь слегка приоткрыл дверь, но Глеб заметил его и вышел.

— Привел? Тогда позанимайся с ними. Я через час освобожусь.

Учебный класс дух романтики вселить в семейку не успел.

— Буза, с тряпкой прыгать, — ворчал Зятек. — Меня летом братан двоюродный на рыбалку брал — вот кайф! Когда рыбнадзор за нами увязался, ух, как поперли! Да где им догнать, когда мы на двух моторах.

— А черная рамочка — это значит гробанулся парень? — в ехидном голосе Сынка сквозит неприязнь.

— Сдрейфил... — с презрением глянул на него Братуха и, забыв о Стальном, пошел к подвесной системе. — Че тут куда цеплять?

Включая рубильник, Стас испытывал приятное чувство ответственности. Подражая Глебу, коротко разъяснял, четко подавал команды, чувствуя на себе взгляд Стального. Тот сидел на углу стола и наблюдал за тем, как Братуха, с легкостью работая лямками со стропами, разворачивался в разные стороны.

Но когда Стас, предупредив: «Земля!», нажал кнопку сброса, Братуха, приземлившись, на ногах не удержался и шлепнулся, перекатился на спину. Парни злорадно загоготали.

— Правильно, что перекатился, смягчая удар, — инструкторским тоном сказал Стас. — Еще лучше — на бок, не подставляя руки.

Братуха, бросив на Стаса благодарный взгляд, уступил место Зятыку. Глядя, как тот барахтается на высоте, похожий на длинноногого паука, даже Стас не удержался от улыбки. Но Зятек с разворотами справился, лишь при команде «Приготовиться!» глаза его округлились, и Стасу стало не по себе. Однако кнопку сброса он нажал без промедления, и Зятек, вцепившись мертвой хваткой в лямки, отчаянно прижав ступни одна к другой, приземлился неожиданно ловко. Устояв на ногах, удивленно хмыкнул, потом посмотрел на купол и на Стального с недоумением и радостью.

— Все в норме. Молодец, — понимая, как важна Зятыку похвала, сказал Стас и окликнул Сынка, ожидая услышать ворох колкостей и ехидства насчет «скорой помощи» и траурных рамочек. Но тот, молча застегнув карабины, терпеливо дождался, когда поднимется на высоту, и уверенно проделал все как положено. Приземлился мягко, как хищный лесной зверек, привыкший охотиться на деревьях.

— Из тебя, наверное, хороший спортсмен получится, — не удержался Стас. — Это я честно, безо всякого...

— Много ты сечешь... — дернул плечом Сынок и присел рядом со Стальным. Тезка, понимая, что пришла его очередь, поднялся, но к тренажеру не подошел, а направился к двери, бросив через плечо:

— Машину проверю. А вы — по второму кругу. Скоро вернусь.

«Не вернется, — разочарованно посмотрел ему вслед Стас. У него сразу пропал интерес ко всей этой затее. Подумал с досадой: — И на черта мне все это? Прыгал бы сам и — порядок».

Когда количество приземлений перевалило за дюжину, и Стасу надоело включать рубильник и командовать, появился Глеб. Какое-то время он стоял, наблюдая, потом махнул Стасу рукой:

— Кончай! — и, оглядев всех внимательно: — Ты говорил, четверо будет. Кто-то не пришел?

— Я пришел, — донеслось от двери. Стальной, как равный, протянул Глебу руку и кивнул на тренажер: — Может, не обязательно? У меня первые разряды по гимнастике и по плаванью.

Это было сказано небрежно, но оглушило Стаса, как разорвавшаяся под ногами петарда, брошенная озорным пацаном. Похоже, и в семейке этого не знали — на лицах парней застыли все оттенки недоумения. Только Глеб остался невозмутим.

— В таком случае, вам не будет сложно сымитировать развороты и приземление, — и, видя, что Стальной колеблется, поторопил: — Не будем терять время. Нам надо еще познакомиться и побеседовать.

Движения тетки были спокойны, четки. Не дожидаясь команд, он сделал все, как надо. Пружинисто приземлившись, в упор посмотрел на Глеба, словно приглашая его помериться характерами.

Но инструктор, не обратив на это внимания, повел всех в класс, сел за стол и, положив перед собой обычную школьную тетрадь, стал записывать фамилии и прочие данные новичков.

Стас, поколебавшись, с учениками ему сесть или с инструктором, занял промежуточное положение — чтобы видеть сразу всех и самому в то же время оставаться со всеми. Только теперь пришло на ум, что у парней, кроме кличек, есть имена и фамилии.

У тетки фамилия была на удивление нежная — Любочкин. У Зятка энергичная — Силин, и имя под стать — Михаил. Братуха гордо заявил, что он — Алексей Орлов. А Сынок, краснея, проямлил: «Игорь Пузанов», и семейка переглянулась, сдерживая улыбки.

Глеб невозмутимо продолжал заполнять следующие графы.

Тезке было девятнадцать, и учился он на втором курсе экономического института. Братуха — на год младше, весной должен идти в армию. Сынок и Зятек летом отпраздновали

шестнадцать, но были, как и Стас, в девятом классе. Один отстал по болезни, другой — по семейным обстоятельствам. Глеб ничего не уточнял, и Стас подумал, что парни могли бы соврать, но не захотели. Они выглядели иначе: притихли и в то же время осмелели, а Братуха, как оказалось, умел говорить на обычном, не сленговом, языке.

Закрыв тетрадь, Глеб взял со стола несколько листков, отпечатанных типографским способом, и раздал их всем, включая Стаса.

— Приклейте к медицинской карте фотографии, пройдите осмотр в поликлинике или с автолюбителями. Но услуги медкомиссии платные.

— Нет проблем, — за всех ответил Стальной и спросил тоном, каким говорят, когда покупают обыкновенную вещь в магазине: — А сам прыжок во сколько обойдется?

Стас, вздрогнув, подумал: «Как же оценить парашютный прыжок в рублях и копейках? Это не предмет, на создание которого затрачено конкретное количество материала, времени, умения. Это... Это все равно, что сказать, сколько стоит Мечта... Но мечту невозможно купить или заказать. Никто не знает, как и почему она возникает. Скорее всего, мечта вспыхивает, воспламеняясь от чужого Огня сразу или, слабо затлев, прячется в глубинных слоях Души, под спудом житейской суеты и случайных желаний. Но стоит надежде проклюнуть щелочку, и мечта взвивается факелом, сжигая стоящие на пути препятствия, ослепляя противника, освещая будущее и зажигая другие трепетные души. Или угасает, так и не вспыхнув, если надежда преждевременно умерла...»

Глеб, глянув в напряженное лицо Стаса, перевел глаза на Стального и сказал:

— На сегодняшний день по ориентировочным расценкам один парашютный прыжок, в общей сложности, будет стоить... — инструктор назвал сумму, и Стас мысленно ахнул, потому что равнялась она одной трети маминой месячной зарплаты. Но тезка, очевидно, предполагал цифру более внушительную, а потому, умножив ее в уме на четыре, небрежно кивнул и поинтересовался, когда намечаются прыжки.

— Погода позволит — управимся до Нового года. Две ближайшие недели будем заниматься в удобное для вас время.

— Если это так обязательно, парни пусть потрудятся. Лично у меня свои планы, и я предпочитаю сдать все, что нужно, экстерном, — Стальной смотрел на Глеба испытующе, с привычной улыбкой.

— Нужны не только теоретические знания, а устойчивые навыки, тренировка, — терпеливо пояснил Глеб. — Небо по блажек не делает, в небе — все равны.

— Насколько я знаю, в списке опасных профессий парашютизм стоит на семнадцатом месте. Первые же места занимают испытатели, горнолыжники, автолюбители и... домашние хозяйки с бытовым травматизмом, — ироничная улыбка Стального была уже явной.

Глеб тоже улыбнулся, но снисходительно, как ребенку: .

— Это при условии безопасности прыжка. Слагается же она из добротной матчасти — самолета, парашюта и отличной подготовки спортсмена. Все что касается теории, вы можете изучить самостоятельно — литературой обеспечу, зачет приму. Но подготовку на тренажерах, особые случаи и укладку парашюта — со всеми и в полном объеме.

— Спасибо, — понимая, что дальнейший спор бессмыслен, кивнул Стальной. Боевая ничья его вполне устраивала.

— Завтра — первое занятие, в шестнадцать тридцать. За старшего — Романов, — Глеб кивнул в сторону Стаса. — А теперь — по домам.

Инструктор ушел, и Стальной заспешил, поторапливая семейку. Уже одевшись, спросил, не поднимая глаз на Стаса.

— С нами поедешь?

— Дело есть, надо с Глебом обсудить, — соврал Стас. Хотелось сохранить дистанцию. Но если раньше он отстранялся опасаясь, теперь им руководило чувство превосходства или снисхождения — Стас не мог это определить, но что-то отразилось на его лице.

— Как знаешь... — нахмурился Стальной и вышел.

В душе у Стаса заскребло. Он вспомнил, что уже поздно и трамваи плохо ходят. Значит, домой он доберется после восьми, и если мама пришла, то уже волнуется... Но за всем этим рассудочным и понятным притаилась крохотная заноза сомнения, а может, вины, объяснить которую Стас не мог. Поэтому он поспешно выдернул ее и побежал в инструкторскую звонить домой.

Две недели прошли как два дня. И хотя в инструкторскую стали приходиться бывшие спортсмены, почуяв, что парашютное звено оживает, Глеб проводил занятия с семейкой, не дополняя ее никем. Стальной, не воспользовавшись правом вольного посещения, был подчеркнута пунктуален, и семейка ни разу не опоздала. На занятиях парни вели себя как паиньки, хотя Стас перехватывал иногда неприязненный взгляд Сынка, бросаемый на Стального. А Зятек пришел однажды с фингалом, объяснил, что стукнулся о косяк, и что у него теперь болит голова. Глеб предложил ему сходить к врачу, а то и вовсе от прыжков отказаться.

Стальной только глянул, и Зятек уткнулся в тетрадь, забормотал, заучивая названия частей парашюта. Он трудно запоми-

нал, туго соображал, и Стас, чувствуя свою ответственность перед Глебом, помогал ему. Зато Братуха словно с многолетней привязи сорвался. Оттесняя Стаса, он вешал схемы и плакаты, жадно разглядывал их, готов был не вылезать из подвесной системы и чуть не каждый день переукладывать свой парашют.

Но больше всех удивлял Стаса тезка. Он словно уже проходил когда-то парашютные премудрости и все знал.

— Может, прыгал уже? — поделился Стас своими мыслями с Глебом.

— Он каждый вечер берет методические пособия, те самые, что ты в руках держал, а прочесть не удосужился, — засмеялся инструктор.

— В группу спортсменов запишете? — ревниво спросил Станислав.

— Сначала надо прыгнуть, а там поглядим...

... Прыжки были назначены на воскресенье, последнее в уходящем году. Накануне синоптики обещали морозец и хорошую видимость, но работающий где-то на Севере «холодильник», видимо, испортился. Морозца хватило лишь до утра, и стершиеся шины старичка-автобуса с трудом цеплялись за клочки асфальта, сереющие в снежном месиве.

Василий Иванович, негромко чертыхаясь, все же довез командира, Глеба, Стаса и молчаливого механика дядю Гришу до аэродрома в намеченное время. Семейка трястись в автобусе отказалась.

— Пусть едут сами, — пожал плечами Глеб. — Народа достаточно, чтобы вытаскивать, если завязнут.

Но «жигуленок» не завяз и на место приехал первым. Как это удалось, одному Стальному было известно.

Надежда на то, что вдали от города снежный покров останется прочным, растаяла, как только они увидели летное поле. Оно было тускло, дрябло, хмурое небо наваливалось на землю рыхлыми облаками и сеяло то ли дождь, то ли слипшиеся капли тумана.

Приказав не выгружать парашюты, инструктора отправились в здание СКП — стартового командного пункта, вторым этажом которого была застекленная глазастая башенка для руководства полетами. Под нахмуренной ржавой крышей окна башенки сумрачно смотрели на Стаса и семейку, разминавшую ноги возле «Жигулей».

Стальной выбираться из машины не спешил. Взгляд его равнодушно скользил по кромке леса, отгородившего летное поле, по деревянным сараям, где хранились планеры, по облезшему эллингу — прибежищу самолетов. На мгновение взгляд задержался на Ан-2. С зачехленным брезентом двигателем «Антоша» напоминал добродушного дворнягу в наморднике.

Стас, поймав себя на том, что смотрит вокруг глазами тетки — разочарованно и насмешливо — почувствовал обиду и в то же время вину, словно сам нес ответственность за безлюдье, запустение на аэродроме и за плаксивую погоду, навеянную зловредным циклоном.

— Может, в город рванем? — Сынок облокотился на капот машины.

— Чего сопли морозим? — радостно занял Зятек.

Стальной вскинул на Стаса ледком подернутые глаза.

— Пойду, узнаю... — не в силах противиться молчаливому приказу, пробормотал Стас и направился к кирпичному зданию СКП, но из двери вышел Глеб и, махнув рукой в сторону самолета, зашагал по раскисшему снегу. Когда парни догнали его, сказал бодро:

— Прыжкам — отбой, но первая часть сегодняшней программы не отменяется. Потренируемся на отделение от самолета, потом покрутимся на лопинге, — и, присмотревшись к разочарованным лицам Стаса и Братухи, улыбнулся. — Ну, раскисли под статью погоде. В авиации главное — уметь ждать, надеяться и ни в коем случае не зевать. Все остальное само собой приложится.

В фюзеляже было гулко и холодно. Обтянутые дерматином сиденья не сулили тепла, и все столпились в задней части самолета, у открытой двери. Глеб показал, как надо стоять у проема, как отталкиваться ногой, в каком положении тела начинать отделение от самолета, чтобы не дать потоку воздуха развернуть, закрутить.

Метровая высота от железного порожка до лужицы, образовавшейся под ним, воображение не вдохновляла, но вынужденные движения под четкие команды: «Приготовиться!», «Поешел!», «Отставить...» согрели, толчая и шуточные подначки друг друга развеселили. Даже Стальной прыгнул два раза и, отойдя в сторону, наблюдал за остальными, то хмурясь, то посмеиваясь. Лицо его невольно расслабилось, глаза потеплели. Стасу казалось, что тезка забыл о том, что он «стальной», и ему тоже приятно поребячиться.

Не сразу заметили, что исчез Сынок, но отыскивали быстро. Он сидел в кабине, зажав в ладонях штурвал и прикипев взглядом к приборной доске, где загадочно поблескивали стеклышки и стрелки.

— Никак в летчики намылился? — изумился Зятек, первым обнаружив беглеца, но, напоровшись на колючий взгляд, забормотал: — Да я ж ничего... Мне плевать, хоть летчиком, хоть пулеметчиком.

Сынок двинул его локтем под дых, но Глеб быстро навел порядок.

— Освободить кабину и впредь без разрешения не лезть, — в резком тоне угадывалась улыбка, и Сынок вскинул на инструктора просящие глаза. Тот засмеялся: — Ладно уж, только пересядь в правое кресло, а я движок погоняю: небось соскучился без работы.

Заняв левое, командирское кресло, Глеб что-то перещелкнул на приборной доске, нажал, и двигатель самолета рыкнул, чихнул сизым дымком. Затарахтел, сначала негромко, спросонок, потом зарокотал, сотрясая фюзеляж, передавая въедливую вибрацию телу, каждой клеточке его, жилке, задевая потаенные струны души. И летное поле за стеклами кабины внезапно распахнулось, дымка тумана рассеялась, словно бешеное вращение слившегося в прозрачный круг винта сбило, развеяло бахрому плаксивых облаков, и вот-вот проглянет солнце.

— Может, все-таки получится — прыгнуть? — Стас оттеснил Братуху и, насколько было возможно, втиснулся в небольшую кабину.

— С прыжками повременим, — рука Глеба сдвинула назад рычаг с желтым набалдашником. Зычный рокот увял, двигатель залопотал шепеляво, и прозрачный круг зачернился проявляющимися лопастями. А солнце, раздумав здороваться с землей, снова юркнуло в облачное одеяло. Глеб выбрался в фюзеляж, кивнул:

— Можете атаковать кабину, но рукам волю не давать.

Стас нацелился на командирское место, но Стальной опередил.

«Еще успею», — не испытывая досады, подумал Стас и встал рядом. Братуха примостился около Сынка, Зятек застрял в дверях.

— Никогда не думал, что в «Антошиной» малогабаритной кабине может уместиться целая семья, — пошутил Глеб, не подозревая, как точно попал в цель. Стоя в фюзеляже и не видя передней панели, он называл приборы, их назначение. Это был не бездушный плакат и не компьютерная картинка, а все — живьем, готовое к работе. И если это — лишь примитивная кабина долгожителя, то что же делается в хоробах современного лайнера или в утробе сверхзвукового истребителя, где властвует один человек!..

Стас не смог бы отделить свои размышления от того, что говорил Глеб. Состояние предельной сосредоточенности позволяло, как ему казалось, улавливать мысли Сынка, Братухи, Зятка — они отражались на их лицах. Только Стальной прятался за непробиваемой улыбочкой. Но все равно семейка жила сейчас ударами единого сердца, одним дыханием, многоглазо перемещая общий взгляд, и мысли текли в едином русле действительности и желаний. Сумев сотворить невероятное,

Глеб невольно включил в семью и Стаса, и самого себя, не претендуя на роль лидера, а просто став им.

— Теперь разомнемся на лопинге, — слова инструктора не сразу дошли до сознания Стаса. Вернуться к действительности ему помог крепкий толчок — Стас мешал тезде встать.

Выкрашенный в оранжевый цвет лопинг стоял за зданием СКП и казался необычными долговыми качелями. Прочная металлическая рама на тугих растяжках, к верхней ее перекладине подвешена на стержнях жестко укрепленная платформочка для ног — сооружение внушало невольное уважение и любопытство.

Глеб, затанув ремнями стопы и продев для страховки руки в ременные петли, качнулся — раз, второй, взлетая с каждым толчком все выше, и вдруг крутанул вокруг перекладины полный оборот, еще и еще, ускоряя вращение.

— Ух, ты! — всхлипнул от восхищения Зятек. — У нас во дворе качели были клевые, но чтобы так зашибательно...

Закончив вращение, Глеб еще не успел остановиться, а Зятек уже стоял рядом, настороженно поглядывая на всех как ошетилившийся песик, у которого могут отобрать вкусную косточку.

— Помоги ему закрепить ноги, — поманил инструктор Братуху, определяя тем самым очередность.

Зятек, умело спружинив в коленях, надавил на платформочку, и та легко унесла его вверх.

— Э-э-х! А у нас качели верещали, как недорезанные, — весело закричал Зятек, и голос его взлетел и упал вместе с ним. Качнувшись еще несколько раз и с воплем достигнув верхней точки, он на мгновение застыл вниз головой. Но не сумел перевалить тело на другую сторону петли, заскользил обратно, крякнул с досадой: — А, блин! — и на этой порции злости, выжав ногами, прочертил полный круг. Шапка его свалилась, описав собственную дугу. Все грохнули хохотом, а Зятек крутился и орал:

— Качели отец похерил. А сейчас — эх! Пон-то-во!..

Он не слышал приказ остановиться, и Глебу пришлось нажимать рычаг тормоза, отчего платформочка начала сначала шаркать о настил, а потом и совсем замерла. Зятек, еще не остывший от нахлынувших на него чувств, досадливо морщился и тут же улыбался, вспоминая, наверное, что-то из детства.

Братуха долго не мог выйти на «солнце», лицо его багровело, он злился и этим мешал сам себе. Все вразнобой пытались ему подсказать, но получалось еще хуже, и Братуха, в конце концов, совсем перестал раскачиваться. Остановившись, торопливо выпутался из ремней и пошел куда глаза глядят. Когда Стальной его окликнул, огрызнулся не оборачиваясь:

— Уж и до ветру сбегать нельзя?..

Сынок восторгов не проявлял, хотя без особого труда сделал два оборота и хотел остановиться, но Глеб сказал:

— У летчика должен быть хороший вестибулярный аппарат, иначе пилотаж не выполнишь, — и Сынок, довольно улыбаясь, покрутился еще, хотя вряд ли понял мудреное слово.

Наблюдать за парнями было забавно. Стас даже не подозревал, как может высветиться характер в таком, вроде, пустячном занятии. Еще остался Стальной. Стас даже шаг назад сделал, чтобы было ясно: следующим к лопингу пойдет тезка. Себя он оставил «назаглатку» самому себе.

Небрежно скинув на руки Сынка куртку, Стальной встал на платформочку и, дождавшись, когда Зятек застегнет ремни крепления, резким движением красиво изогнувшегося тела послал себя вверх так стремительно, что все ахнули. На следующем махе белый свитер с черными джинсами легли на горизонт, на третьем — достигли вертикали, на мгновение задержались, словно пробуя на вкус высоту окончившегося взлета. Еще мах — и Стальной закрутился, но в обратную сторону. Потом снова сменил направление вращения и замелькал черно-белым пунктиром, выписывая сплошное колесо.

— Чувствуется, что гимнаст, — лицо Глеба сияло. Он положил руку Стасу на плечо. — Ты давай, не подкачай, а то тезка твой совсем зазнается.

Стас чувствовал, что в душе у него все остыло. Он так пристально изучал других, что на себя ни желания, ни волнений не осталось. И спина замерзла, ноги одеревенели. Хорошо, Глеб сам застегнул страховочные ремни. От его рук исходили тепло и уверенность.

«Я должен!» — мысленно приказал себе Стас и качнулся не так сильно, как хотелось, но уже на следующем взлете понял, почему не получилось у Братухи: надо уловить и держать ритм. Это как в музыке, не в современной канонаде ударника, а как в песне, которую давным-давно пел отец, подбрасывая вверх сынишку:

«Все выше и выше, и вы-ше», — с каждым взлетом слова все упорнее рвались на волю и, не выдержав, Стас запел во все горло:

— ... *Стремим мы полет наших птиц, — размеренный толчок, еще толчок. — И в каждом пропеллере ды-шит Спокойствие на-ших гра-ниц!..*

Земля встает на дыбы, нависает над головой, в висках, тяжелея, бьется кровь, мгновениями холодеет сердце, несясь в полукружье бездны. Переворот — все внутри ухаает, сжимается в леденящий падающий комок, и вновь душа распахивается на взлете...

Если это так здорово, каким же чудом должен стать прыжок!

...Новый год решили встречать вдвоем, хотя приглашали мамину сослуживцу и старые друзья семьи.

Два дня Стас мыл, вытряхивал, протирал — наводил порядок в запущенной за последнее время квартире. Мама заранее напекла коржи и сделала традиционный торт «Наполеон». Не было неизменной утки с яблоками, зато на столе, застланном праздничной скатертью, угнездились в старинной вазочке фаршированные яички, холодец томно разнежился в овальном блюде. А вкуснейшие домашние колбаски с салом и чесноком, секрет приготовления которых передавался в мамином роду по женской линии, источали божественный аромат. И хотя вместо обязательной елки в конце стола стояли в вазе лишь ветки голубой пихты, но на них сияли самые красивые игрушки, и смолистый дух заполнял комнату.

Гирлянды лампочек Стас протянул от окна до двери, восстановив даже те, что когда-то были забракованы отцом. Мысль, что он может делать все сам, и даже лучше, приятно тешила самолюбие.

Мама надела красивое платье, купленное давно и оказавшееся тогда тесноватым. Теперь, сильно похудев, она выглядела хрупкой девушкой с большими печальными глазами и пепельной косой вокруг головы. Стас впервые облачился в белоснежную рубашку с жестким воротничком и подаренный мамой модный и, наверное, дорогой, галстук, с изображением чего-то летящего, с извивами молний и струй.

В таком наряде Стас чувствовал себя неудобно, но огорчать маму не хотелось. В конце концов, можно предположить, что это — карнавальный костюм, который обязывает быть супервежливым, как киношные аристократы и мафиози на официальных приемах. И Стас галантно преподносил своей даме брусничную наливочку, подкладывал вкусные кусочки, и сам ел вилкой и ножом, правда, недолго.

У Стаса в подарок маме был приготовлен большой календарь. На нем мальчик-Новый год спускался на парашюте на заснеженную поляну в лесу, а трое зайчат, радостно встречающих его, походили на Ромку, Андрюху и Тима. Толстенький волчонок напоминал Ника, а в рыжей лисичке Стасу чудилось что-то Лилино...

Мама, считая, что сын пропадает у авиамodelистов, о грядущем прыжке не догадывалась — так лучше. Вот отцу бы он сказал, тому отцу, прежнему.

Все было как в прошлом и позапрошлом году, только третьим членом семьи стал телевизор. Но воспринимался он теперь иначе.

Стас с удивлением смотрел на красивых, со вкусом одетых певиц, с достоинством державших себя на сцене певцов, со-

всем не похожих на привычных звезд шоу-бизнеса. Возможно, он видел все мамиными глазами, потому что это был ее любимый канал, который Стас обычно не включал. А сейчас они вместе беззаботно смеялись, восхищались незатейливо прекрасным, и Стас начинал понимать, почему цветной экран становится другом и утешением для одиноких.

Потом была комедия, мамина любимая, но она уже уснула там, где сидела, на диване, уютно поджав под себя ноги. Стас прикрыл ее пледом, убрал со стола и, вымыв посуду, лег в комнате родителей на двухспальную кровать, как никогда чувствуя свое одиночество.

Сон не шел. Морозные узоры на окнах лучились светом фонарей. Свет фар проезжающих по улице машин поблескивал в ледяных листьях и цветах, легкие отсветы падали на стену и перемещались по ней, пока не тонули в углу, где над туалетным столиком висело овальное зеркало. Последняя искра вспыхивала в нем, на мгновение призрачно озаряя комнату. Тогда становилась видна картина в старинной раме — березы над зыбкой водой. Рядом с картиной всегда висели две фотографии: портрет бабушки и свадебное фото, где мама улыбалась, а папа слегка хмурил красивые брови.

Вот блик света мазнул по стеклу бабушкиного фото, а на месте свадебного исчез, словно провалился в черную дыру. Черный квадрат прожигал темноту и звал, вытаскивая из-под одеяла.

Не зажигая свет, Стас прошлепал к стене и, сняв довольно толстую дощечку, понес ее к окну. Остановившись, внимательно пригляделся... Из глубины старого дерева на него, не мигая, смотрели живые страдающие глаза.

Стас обмер. Мгновение стоял не дыша. Потом вспомнил, что давно, еще в старой квартире, над бабушкиной кроватью висела старинная икона, и бабушка рассказывала внуку о Боге, его сыне — Иисусе Христе, и учила молиться, пока папа, узнав об этом, не устроил маме скандал. После смерти бабушки икона хранилась в шкафу, завернутая в ее фартук, в который внук когда-то выплакивал свои детские горести.

Наверное, мама повесила икону давно. Но почему же он не замечал ее раньше? Даже вчера, убираясь... А может, икона находит человека сама, когда это ему особенно нужно?..

Дерево дощечки в руках, казалось, источало тепло. Стас прислонил икону к раме окна так, чтобы на нее падал свет с улицы и, положив руки на подоконник, прижался к ним подбородком. Теперь глаза его были на уровне глаз Спасителя. Умные, внимательные, они излучали доброту и смирение, страдание и жалость, легкий укор и всепонимающее прощение. И надежду, без которой невозможно не только жить, но даже умереть.

Было еще то, чего Стас объяснить не мог. Оно шло, мягко

сгущаясь, обволакивая тихой непрерывной волной, наполняя потрясенную душу, ту Душу, о которой часто говорят, еще чаще забывают и не знают, где она находится... Сейчас Стас чувствовал ее не внутри, а вне себя, и его крохотное «Я» объединялось с бесконечной, безмерной Вселенной.

Время перестало существовать, и подоконник, комната — все исчезло. Остались только доверчиво вопрошающие глаза с живыми, расширенными зрачками.

— Господи, если Ты есть, если Ты так велик и могуществен... — Стас был не в силах оторвать взгляд от высветившегося Лица. — Я не знаю, как надо Тебя просить. Даже не знаю, о чем можно... Если Тебе не трудно, то подари мне, пожалуйста, компьютер и парашютные прыжки, сколько можно... И чтобы отец вернулся, и чтобы мама стала счастливой...

Мелькнувшее воспоминание о Лиле, Паше, Глебе он тут же отмел, решив, что на всех внимания у Бога не хватит. Наверное, последняя мысль была лишней или неверной. Она отвлекла, и состояние полуреальности, похожее на то, какое ощущаешь, засыпая или пробуждаясь, исчезло. Босые ноги почувствовали холодный пол, руки на подоконнике затекли, глаза заслезились и старая икона казалась теперь всего лишь осколком древности, случайно попавшим в недостойные руки.

Стас осторожно повесил икону на прежнее место и торопливо юркнул под одеяло. Сон пришел мгновенно, спокойный, крепкий... Оборвал его телефонный звонок: Ник и Петушок звали побродяжничать по городским елкам.

Мама уже накрыла стол для завтрака-обеда и, плотно поев, Стас помчался в Ледяной городок на площади, где назначили встречу.

Ледяной замок и снежные скульптуры, уже обезглавленные веселящимися варварами, слегка подтаяли, но окрепший в новогоднюю ночь мороз придал им запоздалую твердость, а долгожданное солнце в утешение зажгло тысячи звезд и радуг в оживающей глубине. Вовсю гремела бесшабашная музыка, крутилась платная карусель и мохнатые пони катали детвору, зарабатывая себе на пропитание. Визжа и сшибая прохожих, неслись с железных горок пацаны, а раскрасневшиеся парни футболили банки из-под пива. Иногда в стороне от праздной толпы мелькали понурые фигуры, собиравшие бутылки из-под вина и объедки. Легкомысленные голуби путались у них под ногами.

Когда Ледяной замок надоел, поехали на елку в Новый город, оттуда — в Старый сад, где раньше дорожки заливали водой, превращая все в большой, заросший деревьями, каток. В дощатом павильончике за гроши выдавали напрокат коньки с черными ботинками — для всех и с высокими белыми — только для фигуристов.

У папы были свои коньки с белыми ботинками, и хотя никаких особенных фигур он делать не умел, зато красиво катался и, проезжая мимо сына, обязательно трепал его по голове, отчего Стасу делалось невероятно весело. С чувством превосходства поглядывая на таких же, как он, малявок, копившихся на аллее для начинающих, Стас мечтал о том дне, когда они — большой и маленький — поедут парой, оба в белых ботинках и одинаковых свитерах.

Но вот уже несколько лет дорожки не заливают, а на месте павильончика построен белокаменный ресторан «Лилия» с лепестками полукруглых веранд. Завешенные кружевными занавесями стекла вспыхивают, отражая свет мигающих гирлянд, что цветной паутиной растянулись от большой елки к деревьям. Там, где когда-то была лавочка, на которой отец и Стас переобувались, сейчас стоит «Вольво». На темной эмали тоже пляшут суматошные всполохи света.

Ник и Петушок умчались в сторону истошно скулящих качелей. Стас отстал, делая вид, что разглядывает сказочные существа, вырезанные из фанеры. После лопинга на примитивное детское сооружение не хочется даже смотреть.

— С Новым годом! — задняя дверца «Вольво» приоткрылась, и Лилюно лицо отчетливо проявилось в цветном полумраке. — Садись, погрейся, а то очень скучно.

Вздвогнув от неожиданности, Стас качнулся в сторону Лили, но тут же представил себя рядом с ней, в душевной полутьме, и почувствовал, как жаром полыхнули щеки и уши.

— Лучше сама вылезай. Погуляем. В конце аллеи беседка есть, — Стас говорил, боясь, что Лиля захлопнет дверцу, и это окончательное «все» будет уже по его вине.

Но Лиля выбралась из машины, зябко кутаясь в длинную пушистую шубку. Стас ни разу не видел ее в этой шубке, похожей на дымчатое облако, да еще на таких огромных каблуках, и теперь с удивлением разглядывал высокую стройную девушку. Эта девушка была совсем другой Лилей, очень красивой, но чужой, и он не испытывал к ней нежности, а потому не робел.

— Я не могу уйти далеко от машины: папа не оставил мне ключ. Он скоро придет, только разберется с метрдотелем, — поймав удивленный взгляд Стаса, Лиля улыбнулась смущенно и в тоже время гордо. — Да, ты ведь не знаешь — папа построил этот ресторан и назвал в мою честь. Это самый красивый ресторан в городе.

«Как и ты», — подумал Стас, но сказал совсем другое и совершенно не тем тоном, каким хотел бы сейчас говорить:

— Что-то не очень его осаждают. Дорогой, наверное?

— Дело не в цене, — деловито возразила Лиля. — Нет

стоянки для машин, а на общественном транспорте наши посетители не ездят. Вот будет разрешение мэра... — она не закончила. Полный мужчина в замшевой куртке шел к машине, разговаривая с пожилым господином и невзрачной дамой в элегантном норковом манто.

Лиля подбежала к отцу и зашептала что-то, взяв его под руку. Отец возразил. Лиля повысила голос, и до Стаса донеслось:

— ... вы же с мамой приглашаете, и я хочу... Не в День рождения, а сейчас, — она притопнула ногой и, подойдя к машине, потянула Стаса за руку.

— Папа и я приглашаем тебя к нам. Не пугайся, фрак не обязателен, да и ужинать мы будем у меня, наверху. Видик посмотрим, мне новые кассеты подарили. Там и «Звездные войны» есть, но одной смотреть неинтересно.

Стас знал, что надо отказаться. Раньше он сделал бы это обязательно, а потом мучился, злясь на себя и весь мир. Сейчас все казалось любопытной авантюрой. Он пожалел, что на нем не праздничная рубашка и галстук, но потом подумал, что должен быть таким, какой есть. И почему бы не посмотреть, как живет Лиля?

Заметив, что Стас колеблется, она засмеялась и подтолкнула его к машине, где на заднем сиденье уже расположилась невзрачно-элегантная дама. Стас, пропустив Лилю, занял место возле окна и утонул в бархате обивки, в запахах духов и нежащем тепле. Невольно вспомнилась неудачная поездка с семейкой.

— Этим летом я на «Волге» ехал, и нас «Джип» шиба-нул... — прошептал он Лиле на ухо и, опасаясь, что она вообразит, будто «Волга» его собственная, добавил: — Не один я был, с парнями. Так, случайную подхватили.

— И сильно разбились? — ахнула Лиля.

— Да нет, только меня о дверцу стукнуло, а вот машина...

— Счастливо отделался. У папы, когда он еще в горькоме работал, сотрудник со всей семьей на «Жигулях» — в лепешку. А недавно...

— Разве можно в дороге, да еще в гололед, на такую тему... — недовольно зашипела дама.

Лиля тихонько хихикнула и, отстраняясь от нудной соседки, прижалась к плечу Стаса. Ее легкие волосы шелковистой волной упали ему на шею, зашекотали щеку. От них пахло лесом. Руки девочки лежали на коленях, кончики пальцев высывались из меха, будто лапки котенка. Стасу очень хотелось погладить эти лапки, но он опасался — как бы не показали коготки.

Коттедж, во дворе которого остановилась машина, был величиной, наверное, в шесть таких, как у Стаса, двухкомнатных

«хрущевок». Нижний этаж его сиял огнями, от ажурных ворот к застекленной веранде стелилась вычищенная до узорчатых плит прямая дорожка. Небольшие яблони обозначали будущий сад. В стороне, отражая огни, поблескивала теплица, а у самого дома росла довольно большая голубая пихта. На ней висели игрушки и чуть позванивали на ветру незажженные лампочки.

Лилин отец задержался, чтобы завести машину в гараж. Гости остались с ним, а Лиля потащила Стаса к дому. Проходя мимо пихты, сказала с досадой:

— Почему-то гирлянда не горит, а то было бы так красиво.

— Давай посмотрю, — в надежде на то, что удастся оттянуть знакомство с домом и всеми, кто в нем находится, Стас приостановился. Но Лиля решительно тряхнула волосами.

— Нет, нет, папа завтра электрика вызовет, — и, уже войдя в просторную прихожую, отделенную от холла разрисованной стеклянной стеной, с удивлением обернулась. — А ты действительно можешь?

— В этом году дома сам все гирлянды собрал, — не удержавшись, похвастался Стас, на что Лиля тут же съехидничала:

— Только в этом? — и выжидательно подняла на Стаса лукавые глаза.

Нет, не зря мама упорно учила Стаса подавать ей пальто и пропускать вперед даже в собственной квартире. Стас ловко подхватил готовую упасть с Лилиных плеч невесомую шубку. Высокие ботиночки расшнуровывать, ясно, не стал, сделав вид, что занят собственной курткой, на которой, к счастью, еще не оборвалась вешалка. Запихнув подалее порядком разбитые ботинки, надел предложенные ему тапочки и, вовремя увидев выходящую из холла женщину, успел поздороваться первым.

— Очень приятно, — удивляясь, что дочь не одна, проворковала Лилина мама, как две капли воды похожая на Лилю, но только в будущем, лет через двадцать. — Очевидно, вы — одноклассник. Ты, доченька, не говорила, что у вас в школе есть такие красивые мальчики. А кто у вас, молодой человек...

Но тут вошла невзрачно-элегантная дама, за ней — пожилой господин, и Лилина мама распахнула им свои объятия.

— Сколько лет, сколько зим вы нас не навещали...

Лиля потащила Стаса в большой, нарядный холл, отделанный темным деревом и чеканкой, потом по лестнице, завитком поднимающейся на второй этаж. Стас еще не пришел в себя от «красивого мальчика», но Лиля быстро его успокоила:

— У мамы все мальчики — красивые, а девочки — очаровательные. И она убеждена, что «яблоко от яблони...» Еще она не успела спросить, чем ты увлекаешься. Компьютером, да? О, мама будет в восторге, хотя мне не покупает, считает, что вредно для здоровья.

На втором этаже тоже был холл, но небольшой, с низким столиком и креслами перед электрическим камином. В холл выходило несколько дверей. Лиля толкнула самую дальнюю, щелкнула выключателем и розовый свет залил уютную комнату.

— Это моя светелка. Располагайся, а я что-нибудь вкусненькое принесу. Если надо, позвони домой, телефон — на секретере.

Лиля убежала, а Стас, набрав номер на светящейся плоской трубке, стал разглядывать комнату, похожую на пирожное.

Пышная кровать под розовым шелковым покрывалом с воланами, такие же занавески на окне. Два кресла и тахта обтянуты плюшем с розовыми цветочками. Напротив, у стены — небольшой телевизор и видик на специальной тумбочке, заполненной кассетами. На полках секретера теснятся книжки в нарядных переплетах.

Мама подняла трубку не сразу, голос у нее был расстроенный.

Стас хотел спросить, что случилось, но в комнату вошла Лиля. Она несла поднос с пирожными и фруктами. Поэтому Стас лишь коротко предупредил, что придет поздно, и, отключившись, поспешил к Лиле очень даже вовремя.

Потом она сбегала за бутылкой «Фанты», жареным миндалем и двумя высокими стаканами из голубого стекла. Сбросив тапочки, села в кресло, поджала под себя ноги. Спросила, хрустя миндалем:

— Видик будем смотреть или разговаривать? Давай сначала разговаривать. Тебе кто из наших девчонок больше всех нравится?

Наверное, она ждала, что Стас скажет «ты», но он молчал. Захотелось рассказать про Глеба и Пашу. Его так подмывало поговорить о предстоящем парашютном прыжке, что он даже взял пирожное, хотя терпеть их не мог, но надо же было чем-то забить рот.

— Так и знала: никто... — вздохнула Лиля разочарованно. — А Ксюша? Она так модно одевается! На дискотеке, заметил, какой брючный костюмчик на ней был? Словно от Кардена. На самом деле они с матерью сами шьют. Только Ксюшка умрет, а не признается, — Лиля улыбнулась снисходительно и еще больше стала похожа на мать.

Потом выбралась из кресла, взяла банан и посмотрела на Стаса густо-синими в тени ресниц глазами. Сказала требовательно:

— Теперь твоя очередь задавать вопросы, — и села на тахту.

Стас догадался: надо спросить, нравится ли ей он? Это было бы продолжением трепетной игры, которую любят, очевидно, все девчонки. Но ему не хотелось играть.

Казалось, что он перерос одноклассников не только ростом, а еще чем-то, мучительно формирующимся не в теле, даже не в уме — в душе. И он спросил то, что само собой всплыло, как пена в закипающем бульоне. Если ее не снимешь, перекипишь в себе — заляжет на дне души осадком.

— Тебе нравится быть богатой? — он ждал, что Лиля засмеется или рассердится. Но она даже не удивилась, а как-то по-новому, внимательно посмотрела на Стаса. Доела банан и пересела в кресло.

— Я уже думала об этом. Мама говорит, что деньги — это все: красота, здоровье, спокойствие, хотя с тех пор, как мы сюда переехали, все время чего-то боится. Собаку завести хочет, но и собак она боится тоже... — Лилия помолчала, лицо ее стало задумчивым. — Папа убежден, что деньги — не самоцель, а стимул для активной работы. Ресторан построил, теперь казино... Задумал новый стадион для города, с теннисными кортами и бассейном под крышей из стекла. Он считает: деньги должны работать, а если дались легко и их слишком много — это развращает человека.

«И унижает, если их мало», — подумал Стас, но сказал иное:

— Понятие «много» зависит, наверное, от аппетита? Ведь одному и «немного» достаточно, а другому сколько ни дай — все мало.

— А ты... — Лилия запнулась, смутилась, пытаясь подобрать слова так, чтобы не обидеть. — Вы бедно живете?

Стас растерялся. Подобный вопрос так обнаженно никогда не приходил в голову. Даже когда отец был без работы и сейчас, оставшись вдвоем, мама не считала себя и Стаса бедными. Просто у них, при существующих ценах, не на все хватает денег... А, пообщавшись с семейкой Стального, поняв отношения в ней, Стас начал испытывать чувство независимости, порой даже гордости, хотя глупо гордиться безденежьем, надо просто не стыдиться его.

— Бедный — это когда больной, бездомный или совсем одинокий. И еще — когда тебя предают... — мысли шли сами собой, раскручивая клубочек сомнений, раздражения, протеста, скопившихся в душе. — Если подумать, человеку для того, чтобы просто жить, надо не так уж много: собственную комнату, удобную одежду, здоровую пищу...

— И еще автомобиль, — улыбнулась Лилия. — А когда все это есть, захочешь уже не комнату, а коттедж, омары с устрицами и личный самолет... Знаешь, давай лучше фантастику посмотрим, а то гости скоро разъедутся будут. И тебя подвезут.

Стас промолчал. Он жалел о затеянном им разговоре, досадовал, что не сумел сказать главного, того, что уловил, еще не

поняв до конца, совсем недавно, может быть, этой ночью, когда вся Вселенная сконцентрировалась в нем и сам он был как Вселенная. И это единственное, что можно копить бесконечно, не боясь, что украдут или сам потеряешь — богатой должна быть Душа...

Приятель Лилиных родителей высадили Стаса на углу его улицы и поехали дальше. Тихо падал крупный снег, плетя кружева на ветвях деревьев. От огней города — ярких гирлянд на улицах, от световых волн бегущих реклам беззвездно-облачное небо казалось розовым, как продолжение Лилиной светелки. В окнах еще не уснувших домов горели елки. Вокруг не было ни души, и улица казалась незнакомо-сказочной — идти бы по ней и идти, до рассвета.

Стас открыл дверь своим ключом и вошел осторожно, думая, что мама спит. Но в столовой горел свет.

— ... я не могу. Понимаешь, не могу сейчас, хотя хочу. Очень. Но обстоятельства складываются так... — отец с шумом отодвинул стул и нервно заходил по комнате, чего раньше никогда не делал, даже волнуясь. И голос был для него слишком громкий.

Мама что-то тихо ответила. Стас не разобрал слова, но уловил дрожь в ее шепоте. Звякнул стакан, наверное, мама налила воду. Она всегда пила, когда нервничала.

Стас шагнул назад и прикрыл дверь. Поднявшись этажом выше, сел на подоконник и приготовился ждать — хоть час, хоть до утра.

В душе происходило странное: там словно рвалось полотно, и навечно задернутые шторы раскрывались, грозя впустить свет. Душа сопротивлялась, желая этого и страшась, как боится давно сидящий в темнице узник ослепнуть от внезапных солнечных лучей.

«Я же люблю его, люблю!» — сжалось, останавливаясь, сердце и тут же заторопилось, глаза и переносицу обожгло. Она и не уходила никуда, эта любовь, просто замерла, застыла кристалликом боли. И вдруг растопилась, заливая волной безысходности.

Сейчас он любил отца больше, чем тогда, когда мог каждый вечер разговаривать, спрашивать, спорить. Спор затевал он сам. Дух противоречия казался признаком силы воли и неотъемлемой частью ума. Может, все получилось по-другому, если бы каждое утро не начиналось с «я хочу», «мне не нравится», «все знаю сам»... Отец сдавался. Мама переводила разговор на другую тему, и Стас чувствовал себя победителем. Пиррова победа! Теперь — один, потому что без отца теряет и маму.

От осознания своей вины все в Стасе оцепенело. Только сердце, отдаваясь в висках, билось, как потерявший голос колокол.

Знакомо шелкнул, открываясь, замок. Звук шагов начал стихать и оборвался стуком парадной двери. И у Стаса в груди тоже все оборвалось: отец ушел. К той...

Так пусть будут прокляты ее холеные руки с кольцами и цвета крови ногтями, так хищно, подло вцепившиеся в то, что им не принадлежит... Пусть будут прокляты ее отпрыски и родня — все, к чему она прикасается, пусть! Пусть...

Обессиленный, он сидел какое-то время без мыслей, без желаний и, сам не зная чего, ждал. Потом спустился на свой этаж, потоптался у двери. Не найдя в кармане ключ, позвонил.

Мама, открыв, свет в коридоре не включила и торопливо ушла в ванную. Стас сбросил куртку, надел тапочки, еще хранящие тепло ног отца, и пошел в кухню. Долго мыл руки, лицо холодной водой и, лишь успокоившись окончательно, направился в комнату.

На столе одиноко стояла бутылка шампанского. И два бокала — один пустой, второй — нетронутый, очевидно, мамин. Стас отнес на кухню пустой бокал и, взяв из серванта чистый, налил себе.

Он ждал маму, следя за тем, как поднимаются со дна пузырьки газа и лопаются, достигая поверхности. Сквозь грани бокала и пузырьки просвечивало что-то большое, беловатое. Оно стояло около окна и за веткой пихты было плохо видно, но ощущалось инородным телом в привычной обстановке комнаты.

Осторожно, словно боясь вспугнуть Синюю птицу, Стас поднялся и шагнул к окну, уже понимая, но еще не веря своим глазам: на письменном столе, занимая все его пространство, стоял компьютер.

Системный блок, россыпь черных и красных букв на клавиатуре, и хвостатая «мышь» на резиновом коврикe с леопардами — все было материально и никуда не собиралось исчезать. На экране монитора царилa ночь, компьютер спал, не слыша прерывистого дыхания Стаса. Но вот он загорелся трехцветным глазом, задышал, запикал по-птичьи. Вспыхнувшая заставка перекрасилась в панораму гор и моря с бегущими к берегу пенистыми волнами, с фигурками, сидящими на золотом песке...

Когда-то они так мечтали поехать все вместе в Крым.

Мамина щека прижалась к его затылку, руки легли на плечи.

— Спасибо, сын, — шепнула она. — Я боялась, что ты не примешь папин подарок. Он сейчас был здесь. И не надо думать о нем плохо.

В искусственном небе проплыло белое облачко, похожее на парашют. В прекрасной музыке звучала тоска и надежда.

У Стаса еще хватило сил выключить компьютер по всем правилам.

ГЛАВА 3

Бумеранг

то жизнь многогранна, Стас понял давно. В его воображении она представлялась чем-то вроде вращающегося шара с цветными гранями, озаряющими то медленно, то быстро текущие отрезки времени.

Вот блеснуло обжигающе-золотистой радостью, и тут же подползла сумрачно-лиловая грань непонятной хандры. Неожиданно заискрилась бодрящая зелень, выманивая из удрученности в состояние желанья и действий. Нежданно-негаданно, как в Лилиной светелке, вспыхнуло нежно-розовым. А потом оборвалось бесцветной гранью неопределенности и сомнений...

Наверное, для каждого есть властвующий в нем граненый шар. Мелькающие отсветы его пляшут, перемешиваясь с отсветами других шаров, соперничая, искажаясь или обостряясь. Лишь когда грани совпадают по времени, и поток единого цвета устремляется в одном направлении, тогда Душа, становясь огромной и легкой, взлетает и парит в общем порыве чувств. Грядущий отрезок времени озарился для Стаса и семьи единой голубой гранью. Она сияла, пропитывая радостью весь мир, заставляя облака расступиться и небо пролиться синевой.

... Они стоят на стартовой линии готовности в защитных касках, неуклюжие от надетых на них ранцев. И хотя парашюты были уложены собственноручно, под наблюдением Глеба, однако Зятек тревожно ерзает. Ему кажется, что подвесная система подогнана у него плохо, и все тянет или болтается.

Братуха шикает на него, с нетерпением поглядывая на самолет и недовольно — на Василия Ивановича: тот поставил его последним. Он еще не понимает, что именно поэтому будет прыгать раньше всех. Сынок воспринимает все как досадную необходимость. Стальной спокойнее обычного, и улыбочка его приобрела ироничный изгиб. За все утро Стас не услышал от него ни слова, будто тетка на этот день дал обет молчания.

Василий Иванович закончил завершающий осмотр ранцев, когда из здания СКП вышли командир звена и Глеб. Сергей Михайлович, прежде чем подняться в самолет, обошел его, придиричливо приглядываясь. О чем-то спросил механика, вылезшего из фюзеляжа.

Глеб остановился перед строем невольно подтянувшихся ребят.

— Все в норме, — буднично доложил Василий Иванович. — Что там?

— Порядок, — кивнул Глеб, — на прыжки «добро» есть. Синоптики усиление ветра не обещают.

На инструкторе уже надет меховой шлем и парашюты, но он их словно не замечает, как перестают ощущать тяжесть рабочей одежды на теле. Кроме маленького страховочного прибора, размещенного в кармашках всех ранцев, у Глеба над «запаской» Стас заметил круглые окошечки высотомера и секундомера — атрибуты прыжков далекого будущего, в которое Стас еще не решался заглянуть.

— Итак, — Глеб внимательно посмотрел на отвлекшегося Стаса, — все, что надо, теоретически, вы усвоили. И, как показали зачеты, — хорошо. Осталась самая ответственная и увлекательная часть, — инструктор пробежал по лицам парней взглядом, стараясь встретиться с глазами каждого. Он был как всегда спокоен, но Стасу казалось, что Глеб еле сдерживает нетерпение, умея его обуздать.

— Порядок покидания самолета, — продолжал инструктор, — Алексей, Игорь, Михаил садятся по правому борту и будут прыгать в первый заход. Два Станислава — по левому и — во второй заход. Все делать по команде. Метеоусловия: высота облачности — две тысячи метров, температура у земли — минус восемь, ветер — северо-восточный, три метра в секунду. Так что плавно будет сносить в сторону строевых. Слушать подсказки Василия Ивановича по мегафону с земли. Помнить — но-ги! — Глеб присмотрелся к обуви парней и, убедившись, что все советы его учтены, скомандовал: — Вперед!

Стас знал: если он войдет в самолет раньше тетки, то будет прыгать последним, а значит, увидит каждого в тот решающий миг, которого ждут и страшатся, с замиранием сердца представляя его...

Стальной замешкался, наклонился, поправляя шнуровку ботинка. Стас умоляюще взглянул на Глеба.

— Ну, давай, — кивнул в сторону самолета инструктор.

Фюзеляж наполнился звуками. Командир, надев наушники, переговаривался с кем-то, предупреждая о начале полетов. Гулко множились стуки, скрипы, шарканье ног. Вспыхивали и тут же гасли короткие фразы. Всколыхнувшийся было спор между Зяtkом и Братухой мгновенно стих, стоило войти Глебу.

Инструктор, втащив подвесную лесенку, закрыл на защелку лязгнувшую дверь. В фюзеляже стало уютнее. Зарокотал двигатель, задрожали стенки, потолок, пол.

Глеб, подходя к каждому, вынимал вытяжной фал из-под резинки на ранце и защелкивал карабины на тросах, протянувшихся по обе стороны прохода от кабины в хвост самолета.

«Теперь мы как на привязи», — подумал Стас, и в этот

момент двигатель вышел на полные обороты. Фюзеляж отчаянно затрясся, самолет сдвинулся с места, заскользил лыжами по необкатанному снегу, чувствуя каждый бугорок, складочку.

Внезапно толчки прекратились — лыжи оторвались от наста, и «Антоша» понесся по воздушному пути.

«Все! Теперь на землю попасть можно только с парашютом», — на секунду Стас почувствовал себя в кресле врача, готового выдернуть ему зуб. Только сейчас не смалодушничай, не сбежишь...

Наверное, семейка испытывала что-то похожее. Сынок побледнел и начал покусывать губы. Зятка затрясло. Братуха, вытянув шею, заглядывал в иллюминатор, где уходила вниз выбеленная снегом земля. Обретая шаткое равновесие, самолет скользил по воздуху, то чуть проваливаясь, то «вспухая» на небесных ухабах, и тогда в груди и в животе Стаса все тоже падало и вздымалось. Незнакомое чувство не пугало, хотелось испытывать его много раз.

Набрав высоту, «Антоша» опустил крыло, и, словно опираясь им на вздыбившийся горизонт, сделал разворот — первый виток спирали, по которой он будет карабкаться до тысячи метров.

Глеб время от времени говорил высоту, показывал ориентиры. Все липли к иллюминаторам, обсуждая увиденное, лишь Стальной едва поворачивал голову и больше смотрел себе под ноги, изучая узоры на резиновой дорожке.

Короткий рык сирены, красная вспышка лампочки на переборке — все долгожданно и внезапно, как залп. Глеб скомандовал:

— Приготовиться! — и, распахнув дверь фюзеляжа, встал у кромки, хладнокровно глядя вниз, оценивая подстилающую поверхность.

Ворвавшийся поток воздуха окатил тело снаружи, а внутри словно обожгло кипятком. Движением руки инструктор поторопил первую тройку. Зятек вскочил суетливо, Сынка парашюты, похоже, придавили, и ноги перестали слушаться. Братуха встал, поскользнулся, ругнулся с досады и уже спокойно шагнул к проему в фюзеляже.

Глеб, стоя у обреза двери, перегородил рукой путь — еще рано.

Двойной вскрик сирены — красным пунктиром мазнула лампочка.

— Пошел! — Глеб отвел руку и положил ее на плечо Братухе.

Застрав на мгновение, словно вспоминая, какой ногой надо оттолкнуться, Братуха рванулся вперед, на секунду заслонив собой кусок белесого неба, и исчез в пустоте.

Глеб проводил его взглядом и обернулся к Зятюку.

— Ой, мамочки! — пискнул тот, когда рука инструктора, ставшая чем-то вроде шлагбаума, переместилась от двери на его плечо. Зятек, неосмотрительно глянув вниз, попятился было, но выпускающий легонько подтолкнул. Тот заорал и провалился, а на его месте уже застыл, вытаращив глаза, Сынок. Таким он и лег на поток воздуха, не дожидаясь, когда инструктор к нему прикоснется.

Убедившись, что все купола благополучно раскрылись, Глеб втащил в фюзеляж оранжевые чехлы, отстегнул от троса карабины фал, свернул все и, убрав за перегородку в хвосте самолета, присел на край скамьи.

— Первый заход отработали, — Глеб улыбнулся. — Идем на второй.

«Антоша», старательно выписав круг, снова лег на «боевой» курс. Глеб выжидательно посмотрел в сторону кабины, словно подгоняя командира, и тут же прозвучал первый сигнал.

Стас вскочил и подтолкнул Стального. Тот вяло поднялся, придерживая рукой за стенку.

— Давай, давай! — нетерпеливо поторопил его Стас, пытаешься сдержать странную вибрацию во всем теле. Но это был не страх. Стас так старался все рассмотреть, понять и запомнить, столько эмоций забрали у него другие, что на себя уже не хватало.

Двойной сигнал — рука Глеба, открывая путь в Небо, освободила дверной проем. Стальной сделал последний шаг, глянул вниз и отшатнулся, схватился за обрез двери. Колени у него подогнулись.

— Ты чего? — удивился Стас и только тут увидел лицо тезки.

— Не волнуйся, — Глеб взял Стального за плечи, — это бывает. Ты подготовлен лучше других, ты — спортсмен. Собери волю. Давай... — Глеб подтолкнул его, но руки Стального свело судорогой. В широко раскрытых, остекленевших глазах стоял ужас. Он ничего не слышал, не понимал — высота гипнотизировала, убивая все чувства.

— Готов? — Глеб поднял глаза на Стаса и, протянув руку, быстро и твердо перещелкнул карабин его вытяжного фала вперед. Посторонился, оттесняя Стального в глубь фюзеляжа. — Давай!

Километровая бездна дохнула ветром, холодом и пустотой. Миллионами поколений выработанный инстинкт самосохранения закричал телу: «Стой! Мы не птицы, нам не дано летать!». Грудь полоснул кнут ужаса, но рука готовно легла на «запаску», одна нога встала в упор, другая оттолкнулась резко, и он провалился в никуда.

Тело, теряя вес, словно ахнуло, крутанулось безвольно, как в невесомости, зато сознание, концентрируясь, обострило все ощущения. Время, замедляясь, стало растягивать секунды, давая возможность заметить язычком пламени вспыхнувший у двери фюзеляжа чехол, сдернутый фалом, и белесый, стремительно развернувшийся сгусток капрона; услышать шелест строп, вырывающихся из ранца, тающий гул уходящего самолета — все одновременно, мгновенно, но на всю жизнь впечатываясь в память чувств... И тут же с силой встряхнуло, дернуло вверх — распахнувшийся купол оборвал падение.

Стас вскинул глаза и придирчиво осмотрел напрягшееся полотнище. Воздух под ним был плотен, упруг, а эластичные стропы стали твердыми, как штыри. Весь парашют казался теперь целостной, жесткой конструкцией. Стас, подтянув под себя лямку, удобно сел, повел взглядом и обмер от восторга.

Насыщенное рассеянным светом небо было везде — сверху, внизу, вокруг. Девственной белизной стелилась земля. Безбрежье новорожденного снега, круговая линия горизонта, отодвинутая далеко за шетину растянувшегося леса, за атласно-белую ленту реки, за строения муравьиного города — все было незнакомо, нереально.

Все было Чудом, и он парил, словно облако, вроде бы и не снижаясь, сам чудо из чудес, подвешенное на вполне реальных стропах, под существующим куполом, одна половина которого светилась — в той стороне протаивало облака солнце. Сам воздух не чувствовался — парашют плыл по ветру. Странное безмолвие, как будто выключены все звуки. И — свобода. Не просто свобода трехмерного пространства, а свобода раскованной, стяхнувшей все страхи и сомнения ликующей души. Вольность мысли — все проблемы, заботы, горести остались там, на земле, их словно и вовсе не существует.

На такой высоте можно ощущать себя героем, суперменом, олимпийским богом! Сам новоявленный олимп политиков и магнатов отсюда выглядит ничем, потому что их меркантильные Вершины кажутся лежащими в одной плоскости с Долинами простых людей, и небесное светило дает им одинаковое право на мечту... Пусть имущие думают, что все земное можно купить. Даже парашютный прыжок, оказывается, имеет денежную цену. Но, уплатив ее, войдя на две минуты в Небо, успеешь ли проникнуться его очарованием и тайной? Здесь избранность определяется не толщиной бумажника, не буграми накачанных мускулов, не готовностью нажать гашетку или кнопку сброса смертоносного груза — все решает состояние души.

Только в небе можно осмыслить по-настоящему чудо сотворения мира, совершенство природы и задуманную Свыше

необходимую гармонию человека с лучшими деяниями его. Только здесь удастся понять то возвышенно прекрасное, что на земле заслоняется мишурными заботами: жаждой власти, шакалей грызней и дурманящим запахом крови, пролитой с бездумной жестокостью.

Отсюда, с Высоты, даже смерть видится иначе. Да есть ли вообще небытие смерти? Что-то должно же быть в человеке вечно, иначе зачем эта жизнь, а в ней труд, добро, окрыленность желания? Умирая, человек ничего не заберет с собой: ни ценности, ни привязанности, ни чувства. Даже память о себе — прекрасную или дурную — он оставит другим...

В вечность бессмертия можно унести лишь свое обновленное Этой жизнью, возвысившее себя или измельчавшее «Я», одно-единственное во Вселенной, в бесконечном времени мироздания.

Мысли возникли как залп фейерверка — вспыхнули, замерцали, распустились вторым ярусом дивно, чудно и погасли разом. Стас вздохнул прерывисто, отгоняя тающие дымки. Он предвидел все это, предчувствовал, но никакой фантазии не хватило бы вообразить, не испытав, что такое счастье исполненной мечты.

«Господи, если Ты есть, спасибо!» — невольно родилось в душе.

— Ноги — вместе. Но-ги! — донесся с земли усиленный мегафоном голос, и Стас вздрогнул. Взгляд метнулся вниз, прикидывая расстояние до снега. Мгновенный испуг сменился чувством облегчения: высота еще есть. Значит, кричали не ему.

Стас не сразу понял, что таракашка на снегу — Братуха. Он пытается собрать парашют, раздуваемый ветром. Значит Василий Иванович, стоящий невдалеке, кричал Зятюку. Голубоватая тень от купола плывет по снегу, сближаясь, по мере снижения, с парашютом. Вот слились в единое — Зятек приземлился.

Какое точное слово: при-земле-ние. Оказаться при Земле, прикоснуться, прильнуть к ней... Купол тащит Зятюка. Что с ним?.. Все нормально — побарахтался, повозился с полотнищем, укрощая его, встал. А где Сынок?

Стас искал глазами. Третий купол сносило в сторону строений как семечко одуванчика на пушинке. Сынок висел спиной по ходу движения, но ничего не пытался предпринять.

«Ну, развернись, скрести лямки!» — мысленно закричал Стас.

— Разворот по ветру! Лицом — к строениям! — озвучил его мысли мегафон. И чуть погодя: — Но-ги!

Сынок шлепнулся на снег боком, вскочил и, пытаясь пога-

сильно вспухающий купол, повалился на него, смешно раскинув ноги и руки, хотя проще было, еще лежа, потянуть на себя нижние стропы.

«Слава богу, семейка на земле. А где же Стальной?» — Стас обшарил взглядом небо, но собственный купол закрывал обзор. Зато на земле было теперь видно все очень отчетливо: и Василий Иванович с мегафоном, и приземлившийся в стороне самолет.

Вон и Глеб идет. Остановился, запрокинул вверх голову.

«На меня смотрит, — обрадовался Стас. — Любопытно, как я выгляжу с земли?» — мысль споткнулась, холодом обожгло живот, словно снег уже впился в оголенное тело. Совсем близко — старые следы, подернутые корочкой льда, и свежие, залитые тенями.

Белая земля хищно бросается вверх, под ноги. Стас успева-ет почувствовать их оттренированную сомкнутость, руки заученно отжимают тело на лямках, стропы и купол плавно пружинят, предупреждая, оттягивая удар. Все тело напрягается — сейчас... вот... всё!

Ступни даже не обожгло: сугроб пуховой подушкой бросился под ноги, самоотверженно подставляя покатый затылок. Сообразив, что стоит выше колен в снегу, Стас расслабился и был наказан: непогашенный купол повалил его лицом на ледяную корку. Заботливый сугроб оказался коварным. Он не давал шагнуть. Руки по плечи тонули в снегу, а парашют елозил, пытаясь выдернуть незадачливого ездока и потащить его по жесткому насту куда вздумается.

Внезапно он присмирел. Стасу удалось сесть и протереть забитые снегом глаза. Проморгавшись, он увидел, что рядом, сжимая его купол в объятьях, стоит Сынок. Расплывшееся в ухмылке лицо сияет.

— Ну и физия у тебя, словно по стиральной доске тащили. И тогда, в тачке, одного тебя шибануло — все не в кайф, — голос у Сынка ехидный, как всегда.

Стас дотронулся рукой до щеки, и на ладони остались быстро таящие красные снежинки.

— А ну, покажи, — Глеб подошел, присел на корточки перед Стасом. — Ничего, заживет до свадьбы. В медпункте врач сидит, скучает. Сходи, обрадуй старушку. А мы с Василием Ивановичем по разочку прыгнем. Не все же только вам, — Глеб шутил, но глаза его озабоченно шурились.

Подошел Братуха, сбросил с плеч сумку с парашютом, равнодушным взглядом скользнул по лицу Стаса, спросил:

— А Сталь... Станислав где? Че его не бачу?

— Да вон он... — нахмурившись, Глеб кивнул в сторону дороги. Как раз в этот момент вишневые «Жигули» выезжали с аэродрома.

— Ниче не понял, — набычился Братуха. — Он же во втором заходе с тобой, тезка, должен был...

— Должен, да не обязан, — быстро сообразил Сынок. — Сдрейфил наш Стальной, в портки наложил!

— Ты че, да я тебе... — двинулся на него с кулаками Братуха и замер, растерянно переводя взгляд с Глеба на Стаса. Вид у него был несчастный.

— На послепрыжковом разборе все обсудим, — инструктор взглянул на часы. — В одиннадцать тридцать сбор в здании СКП, в классе.

Глеб ушел. Стас, оттягивая неизбежный разговор, собирал купол, старательно вытряхивая из него снег. Две пары неприязненных глаз буравили ему спину.

— Да не знаю я, почему он... — испытывая одновременно досаду, смущение и злорадство, пробормотал Стас. — В обрез двери вцепился, молчит, глаза стеклянные. Может, Глеб объяснит, он с ним остался. Даже сам не прыгнул, а хотел.

Подбежал запыхавшийся, взмокший Зятек. Последние метров сто он волочил переносную сумку с парашютом по снегу, и Стас, увидев такое безобразие, вскипел. Не давая отдышаться, заставил вытряхивать из сумки и купола ледяную крупу. Потом понес свой парашют в автобус, предоставив семейке возможность наедине обсудить случившееся. В глубине души ему даже было жалко их. Но не Стального.

Потом все вместе смотрели, как снижаются плоские, с чуть вогнутыми краями, парашюты мастеров — желто-зеленый Глеба и бело-оранжевый Василия Ивановича. Сближаясь и расходясь, они выписывали спирали, то широкие, чуть не во весь аэродром, то сильно креня «мягкие крылья» вокруг своей оси. Вальсировали парой. А под конец, разойдясь на приличное расстояние, спланировали точнехонько и почти одновременно в крест, выложенный из черных полотнищ на снегу.

Все было так необычно и красиво, что парни, напроць забыв о Стальном, спорили, удивлялись, даже матерились от восхищения, благо, некому было на них цыкнуть.

Стаса они принципиально не замечали.

... — Прошу каждого, в порядке очередности прыжка, доложить впечатление и замеченные у себя ошибки, — усаживаясь за стол вместе с Василием Ивановичем, распорядился Глеб. Раскрасневшееся, довольное лицо его приобрело мальчишески-задорное выражение. Стасу казалось, что инструктор был бы не прочь порассуждать и о собственном прыжке.

— А че, фартово! — заулыбался Братуха. — Я в военкомате так и скажу: желаю в десантники. У меня супротив других козырь есть — прыжок. А если еще дадите, то и больше. Ошибочек, вроде, не было.

Зятек тоже был доволен, но больше самим собой, таким ловким и героическим. Насчет второго прыжка не заикнулся, а, услышав предложение Глеба, неуверенно кивнул и, опустившись на свое место, крепко задумался.

Сынок восторгов не проявлял, но толково объяснил причину своего приземления спиной и сражение с куполом.

— А у тебя что? — глянув на Стаса с упреком, спросил Глеб.

— Размечтался, на других засмотрелся и о времени забыл. Я вот все думаю: почему оно такое разное — время. Если в жизни, то замедляется, когда скучно, а убыстряется, когда и без того некогда. За компьютером сидишь — реальное время мчится, как сумасшедшее, а виртуальное не замечаешь. В небе же растягивается, даже секунды дробятся. В первые три все ведь заметил... А потом, когда в сугроб угодил... Честное слово, я больше никогда не зазеваюсь, — взмолился Стас, сообразив вдруг, что ссадина на щеке может стоять ему длительного, а то и вечного отлучения от неба.

— Не паникуй, — понимающе улыбнулся Глеб, — никто тебя от прыжков отстранять не собирается. Ошибки свои заметил — хорошо, честно признался в них — отлично. А что касается вашего товарища... — Глеб обвел задумчивым взглядом осиротевшую семейку. — «Отказники» — случай редкий и рассматривается как чрезвычайное происшествие. Мы, инструктора, виним обычно себя: не вселили уверенность, недостаточно тренировали. В случае Любочкина — иначе... Существует врожденная боязнь высоты, но знаю случаи, когда ее побеждали. Что помешало сейчас вашему товарищу, сказать трудно. Но предупреждаю: никаких насмешек, ему и так тошно. Искренне жаль парня. Я его на индивидуальную акробатику нацелить хотел, но... А теперь Василий Иванович разберет ваши ошибки в воздухе и на финише — при приземлении.

Ошибок было предостаточно, пришлось парням попотеть и покраснеть. Но все переживания окупилась подарком, который сделал командир звена. Поздравив со вступлением в парашютное братство, он вручил каждому значок — покрытый эмалью бело-синий парашютик с подвешенным под ним ромбиком, на котором была выбита единица.

— Число на подвеске будет меняться в зависимости от количества прыжков, пока не заработаете более нарядный значок спортивного разряда. Потом и до «мастера» недалеко. А пока, — в ровном голосе Сергея Михайловича пробились торжественные нотки, — приколите себе на грудь это наглядное доказательство вашей смелости и гордо носите его.

Стас и семейка сидели пунцовыми от смущения: с ними никто никогда не разговаривал так.

До конца каникул оставалось еще пять дней, но парашютный этаж заполнили спортсмены-разрядники. Не только укладочные столы, даже пол был устлан парашютами, возле которых возились девчата и парни. Поэтому Глеб сказал, чтобы с неделю ни семейка, ни Стас и носа не показывали — все равно даже зрителями на аэродром попасть не удастся: автобус маленький.

Так появилась у Стаса возможность заглянуть к Паше домой. Но тот уже выздоровел и уехал на каникулы с отцом в Москву. Наконец-то с тихой, умиротворенной душой Стас мог засесть за компьютер.

Виртуальный мир был по-прежнему ярок и многолик, но уходить в него надолго уже не хотелось. Действительность таила в себе не меньше сюрпризов, загадок и задач, решая которые можно было испытать настоящие чувства, а не суррогатные радости, которыми даже невозможно поделиться. Вот если бы подключиться к сети Интернет, выбрать информацию обо всем парашютном и отдать собранный материал в звено...

Но подключение стоит дорого. Можно заработать на каком-нибудь заказе, как делал однажды по просьбе Никиного отца. Тогда мысль о деньгах в голову не приходила, но теперь, имея собственный «компик»... Нужен стартовый капитал, а где взять займы?

Стас подумал о Стальном. Неделю тому назад это было бы неприятно, однако возможно. Парашютный этаж сблизил их. Но в тот момент, когда Глеб, отодвинув Стального, перещелкнул карабин и сказал Стасу: «Давай!», судьба разлучила тезок — одного отправила в небо, другого ссадила на землю.

Стасу казалось: решил сложный внутренний спор, который велся между ним и Стальным с момента их первой встречи, с небрежно брошенной фразы: «Подзаработать хочешь?»

«Я выиграл, но что?» — думал Стас. Теперь, когда чувство противостояния притупилось, ему было даже жалко Стального. Все может случиться в миг слабости, но малодушный побег с аэродрома... Впрочем, у тезки семейка есть, пусть сами и разбираются.

... Шагая в школу после каникул, Стас и предположить не мог, что парашютный значок и ссадина на щеке произведут такой сногсшибательный эффект. Все время до звонка и половину урока литературы он отвечал на сумбурные вопросы да еще отлавливал летящие к нему на парту записки. Наконец Раиса Павловна не выдержала.

— Романов, выйди, пожалуйста, к доске и объясни всем, что с тобой произошло, — уж чего-чего, а язвить она умела.

Пришлось рассказывать все, начиная с соревнований авиа-моделистов, неудачи в мастерской на втором этаже и триумфа

на третьем, открывшего ему путь в настоящее, большое Небо. Откровенное признание в том, что боевое ранение — итог не героизма, а беспечности, подняло его авторитет на недостижимую высоту.

Закончил Стас свое повествование под трель звонка, но Раечка-Раиса не расстроилась из-за сорванного урока. Она сказала, что в ее студенческие годы авиационные виды спорта были повальным увлечением, и даже она разок прыгнула с парашютом, что осталось лучшим воспоминанием молодости.

Ребята заорали: «Ура!», а Стас улыбнулся, великодушно отдавая частицу своей славы. Однако к концу дня, когда вос-торг ребят поостыл, Стас с удивлением заметил, что нашил себе не только поклонников, но и недоброжелателей, притом из числа лучших друзей. Ник и Петушок, возмущенные тем, что он не позвал их с собой, вообще перестали разговаривать. Ромка, Андрюха и Тим шушукались с ребятами, подбивая сколотить команду и утереть «герою» нос. Даже Лиля, с гордым молчанием принявшая все случившееся, уходя из школы, уже во дворе, упрекнула:

— У нас с тобой получился такой задушевный разговор, да еще в первый день Нового года, а ты скрыл... — глаза у нее стали совсем зимние, будто озера подернулись льдом.

— Я же тогда еще не прыгнул, — Стас не отрывал взгляд от ее глаз. — Хотел сказать, но побоялся сглазить. Удача ведь, как погода, — неустойчива.

— Пожалуй, ты прав, — кивнула Лиля, и на льду озер появились проталинки. — Только ты мне никогда не ври. Это очень обидно, когда близкие друг другу люди обманывают... У тебя есть еще какие-нибудь секреты?

Стас подумал о семейке и кивнул.

— Расскажешь? И я — тебе. А то трудно в себе таить. И еще...

Но тут точкой-тире прогудела машина. Лиля быстро чмокнула Стаса в щеку и побежала. В обычной дубленке, в сапожках на низких каблуках — такая привычная, родная.

«Это счастье уже сверх меры», — чувствуя, как отчаянно-сладко сжимается сердце, подумал Стас и оглянулся, готовый ринуться на любого, кто попытается омрачить разлившийся вокруг розовый свет.

Но никто на его счастье не покушался. Одноклассники уже промчались, спеша избавиться от крепостных стен науки, малышню мимолетные поцелуи заинтересовать не могли. И Стас заторопился, надеясь, что радости этого дня не кончились, и стоит заглянуть на парашютный этаж.

Открыв секретную защелку и распахнув дверь, Стас застыл на пороге, потому что шагнуть было некуда. Пол расцвел устан-

ными на нем парашютами: круглыми обычными и щелевыми; в две оболочки слоистыми «мягкими крыльями» и маленькими оранжевыми вытяжными, и еще стабилизирующими, похожими на сморщенные дыни — все напоминало запущенный огород.

— Куда прешь? Стой! — голос Братухи раздался так неожиданно, что Стас вздрогнул. Вот уж кого не ожидал он встретить сейчас.

Братуха возник в дверях хранилища, предупредил уже мирно:

— По стенке пройди. Вот напрыгали вчерась, аж три полета по полной загрузке, а теперича суши, — в ворчании таилась радость, и Стас, чувствуя нарастающую досаду, ревниво спросил:

— Сам-то, небось, тоже прыгнул?

— Ага, — расплылся в улыбке Братуха. — Я здесь теперича корешем стал. Помогаю, как ты раньше. Только меня больше Василий Иванович привечает. Классный мужик. У него младший братан десантником был, с Афгана не вернулся. Чем-то, говорит, я с ним схож...

Чувство ненужности своей, обида подталкивали Стаса развернуться и уйти, но здравый смысл твердил: «Сам раззявился, засиделся в своем компьютерном мирке... А что особенного случилось? Вот увижу Глеба, и все разъяснится».

— Где все? — Стас торкнулся в инструкторскую — заперто.

— Командир с Глебом двинули на аэродром, там у «Антоши» движок забарахлил... Василий Иванович пошамать домой пошел. Обещал и мне жратухи принести. Так что я сейчас за бугра здесь, — в голосе Братухи чувствовался вызов, тревога, и Стас, снисходительно усмехнувшись про себя, предложил:

— Давай-ка твой «огород» прополем. Запасные парашюты на стены повесим, там крюки специальные есть. Надо бы стремянку...

— В хранилище видел, — облегченно засуетился Братуха.

Когда все, что можно, было повешено и сдвинуто так, чтобы не мешало ходить, Братуха и Стас уселись на подоконник. Братуха хотел было закурить, не из желания, а для понта, даже в карман полез, где всегда держал дорогие сигареты для случайных приятелей, но покосился на парашюты и поглубже засунул зажигалку.

— Может, в класс пойдем? — предложил Стас. От сырых парашютов воздух в коридоре стал влажен, и плечам было зябко.

— Не... Здесь теплее, — замотал головой Братуха.

Стас спорить не стал. Ему самому хотелось ощущать свое единение с тем почти одушевленным существом, каким становится парашют в своей стихии — в Небе, где хочется с ним разговаривать, хвалить или умолять... Все это еще предстоит узнать и прочувствовать. А сейчас парашюты дремлют, набирая сил для ответственной работы.

— Остальных из берлоги, поди, не вытянешь? — как мож-

но безразличнее поинтересовался Стас, стремясь навести разговор на тезку. Любопытно было узнать, как сложились теперь отношения в семейке.

— А не к чему им прыгать, — Братуха небрежно дернул плечом. — Зятек в мореходку еще ране намылился, а покамест в речном технаре на камбузе пристроился, посуду драит. Сынок к бабке с дедом в деревню отчалил. Они его давно сманивали, да Стальной подначивал: охота, что ль, в навозе хлюпать. Будто мы по грязи мало шастали. А старики дом в наследство сулят. Вот и вздумал Сынок на тракторе подучиться. Так что теперича Стальному в одиночку тусоваться с картой своей.

— Да чем же вы занимались? — боясь опять, как тогда на пляже, неосторожным словом испортить разговор, спросил Стас.

— Шлендали по пустырям да трущобам, шмонали, где застрой нет. Стальной на карте помечал: зеленым — овражек, али от хат свободно. Сиреневым — развалюхи, что не снесены. А красным — того гляди место захапуют. Какие-то значки метил. Весь город исхиляли.

— Зачем это ему? — удивляясь своей еще смутной догадке, настороженно спросил Стас.

— Лях знает, — Братуха досадливо сморщился. — В откровенку с нами он не больно-то... Меня для мордобоя держал. Сынок — тот глазастый, вроде бы как в разведке. А Зятек сам прибился, когда фатер-мутер метелить его круто стали. Так в берлоге и жил. В одиночку-то Стальному, хоть не трус, задворками ходить в облом, боязно. Тут и кодлой сдрейфишь. Раз «жмурика» нашли, в петле болтался. Бомжи шизанутые сколь раз с дубинами махаловку затевали. А сколь гадости всякой побачили! — Братуха хотел сплюнуть, но сдержался. Поерзал, удобнее устраиваясь на подоконнике. Стас терпеливо ждал, и Братуха заговорил снова:

— Сначала Стальной все про клады нам заливал, в стенах, мол, купчишки, еще те, прежние, золотишко сховали. И мы как дурни стены крошили, в подвалах зырили — сплошь прокол. Разок узел со шмотками сыскали. Почуяли — без мокрухи не обошлось. Там и бросили. Еще на ящик с железьяками подфартило: «пушка» ржавая, патронов горсть да пара «лимонок». Стальной с ходу запрет навесил. Так я поутру туда сунулся, да — фигушки. Видать, хозяин объявился али кто другой... Не знаю в точности, на кого Стальной пахал и что с того имел, только нам жратухой платил, а бабками так, тьфу, одна видимость.

— Что ж теперь, Стальной один остался? — с сомнением глянув на Братуху, Стас начал переворачивать лежащий рядом купол.

— Че... один? — Братуха потянулся, зевнул. — У него ма-

ман — баба классная, тачку вон подарила. Хауз клевай... В том месяце у них прокол какой-то, видать, вышел. Сынок-то наш дошлый, все разнюхал, понял, что не светит больше, и укатил.

Братуха тоже принялся перетряхивать купола. Неожиданно остановился и, не глядя на Стаса, попросил:

— Ты меня больше Братухой не кличь. Алексей я. Просто Леха...

... Несколько дней парашютный этаж напоминал деловито жужжащий улей. Спортсмены укладывали парашюты. Стас и Леха подсуетились и тоже обзавелись собственными, записанными за ними в специальный журнал.

Потом командир звена предупредил, что инструктора и он берут выходные. Поэтому Леха решил смотаться в райцентр к родственнику, который занимает какую-то немалую должность. И если хорошо его попросить, то, может, даст денег, чтобы дотянуть до весны, пока Леху на солдатские харчи не зачислят.

А Стасу в голову пришла идея: поставить компьютер в инструкторской и работать на нем — что попросят, если расходы по Интернету сможет взять на себя звено. Тогда решится и проблема времени: не придется разрываться между двумя страстями. Правда, Стас никак не мог придумать, что же такое полезное «парашютное» можно выудить из мировой информационной сети. Поэтому срочно требовалась хотя бы поверхностная разведка.

На переменке Стас подошел к Нику. Былые отношения с ребятами восстановились, но лишь после того, как он поклялся, что поговорит лично с командиром звена о включении всего класса в летные ряды. На все мероприятия — музеи, поездки за город записывала всегда Лиля, как староста класса. Поэтому и сейчас объединить жаждущих было поручено ей. К концу уроков Лиля протянула Стасу сплошь исписанный фамилиями листок. Себя она поставила в конце и не совсем твердой рукой.

«Я с тобой на тандеме прыгну», — мысленно пообещал Стас. В глубине души он понимал: когда дело дойдет до парашютного этажа, половина смельчаков отсеется, и к прыжкам доберутся лишь единицы. Но все равно этот всеобщий порыв доказывал, что не умерла еще романтика, о которой так печалился Глеб.

— Знаешь, Ник, я еще не успел свой «компик» к Интернету подключить, а дело срочное, — Стас старался говорить чуть небрежно. — Твой-то как, еще фурычит?

— Нельзя к нам сейчас, — Ник вздохнул. Последнее время он был рассеян, нахватал троек, хотя с первого класса тянул на медаль.

— Заболел кто? — чувствуя неловкость, спросил Стас. Не будь он так увлечен собой, давно бы знал, что происходит с другом.

— Все здоровы, — Нику явно не хотелось вдаваться в подробности, но Стас смотрел с таким сочувствием. — На работе у отца неприятности. Кто-то его подвел, а теперь с него спрашивают. Еще звонки с угрозами. Мама плачет, боится меня в школу отпускать.

— Скажи маме, что я буду тебя провожать, — решительно свел брови Стас, прикидывая, когда сможет теперь попадать на парашютный этаж. Вторым слоем, как в разрывах тумана, возникли другие мысли. В голове что-то складывалось, как на картинке из детских кубиков. На каждом отдельном кубике воспоминания были отрывочны, но в целом...

— Спасибо, не надо. Лиля по пути заводит. Ее шофер меня как ценную посылку с рук на руки маме сдает, — невесело пошутил Ник.

... Стас шел по улице, не замечая встречных. Информация собиралась в голове, словно в компьютере, с учетом места и времени, но только с конца: проблемы Ника, признание Братухи и карта Стального; слова отца, сказанные маме в первый день Нового года: «Обстоятельства складываются так, что...» Уверенный женский голос и невнятный — отца, доносившиеся из кабинета в квартире Ника. Строительная фирма с ограниченной ответственностью «Надежда»...

Рисунок на сложенных кубиках и «компьютерный» ответ в голове — сошлись: Стальной искал места под коттеджи, отец планировал, рассчитывал, а материалы для строительства поставлял отец Ника. Но что-то не вышло, и обманутые «Надеждой» хозяева невыстроенных коттеджей подняли бунт, подали, наверное, в суд, а могут предпринять и что-то посерьезнее...

«Надо спасать отца, — решение вырвалось из вороха мыслей стремительно и четко. — Как? Это додумается потом. Главное — увидеть его, сказать, что когда не срабатывает основной купол, непременно есть запасной. Надо только не растеряться и все сделать правильно... Но где отца искать? Дал ли он телефон офиса маме? У Стального, определенно, есть, и берлога ближе. Но что тезде там делать?»

Стас нырнул в знакомые ворота, обогнул угол дома. Ночной буран замел тропинки и на крыльце, перед покосившейся дверью, следов нет. Значит, берлога пуста и надо уходить. Но повернуться и сделать шаг назад мешал запах, чуть уловимый, жилой.

Первая дверь протестующе закрипела, вторая открылась войлочно-мягко, впуская Стаса в угарную духоту. На столе еле тлел фитилек керосиновой лампы, освещая какие-то бумаги со столбиками цифр в принтерной распечатке, и карту. На кровати, закрывшись с головой одеялом, кто-то спал. Стасу показалось, что это Зятек, и он нетерпеливо потряс спящего за плечо.

— Кто? Зачем? — Стальной, сбросив одеяло, сел и не-

сколько секунд сидел неподвижно, вытаскивая себя из сна. Потом пробормотал: — Чего тебе? — и снова повалился на подушку.

— Ты на фирму, что коттеджи строит, на «Надежду» работаешь? — не здороваясь, выпалил Стас. — Мне адрес офиса нужен, телефон.

Стальной неторопливо слез с кровати и обулся. Он был в своем неизменном свитере, только теперь не белоснежном. Рукава испачканы сажей, на груди — желтое пятно... Наклонившись, тезка достал из-под стола бутылку с коньяком, поискал глазами стакан и, не найдя его, хлебнул из горлышка. Усмехнулся:

— Тебе не дам. Рано, — и снова убрал бутылку под стол.

В нем не было прежней самоуверенности, привычная улыбочка опустила уголки рта. Небрежно упавшая на лоб прядь волос и между бровей морщинки — у Стаса сжалось сердце. На мгновение почудилось, что не тезке, а ему самому грозит неизвестно что. И это от него сбежала семейка, поняв, что вольготной жизни пришел конец, и это на нем висит позор малодушия, а может, еще что-то...

Стасу казалось, что разделяют сейчас его и тезку не четыре года, а все сорок. И он робел перед этим внезапно постаревшим человеком, как никогда не робел перед Стальным.

— Тебе-то вряд ли попадет, хотя я мало что знаю... — Стасу хотелось сказать что-нибудь теплое, и если не утешить, то хоть подбодрить. Но словами не получалось, и он положил ладонь на влажную и горячую руку тезки. — У тебя жар, может, простудился?

Стальной не ответил, высвободил руку и пошел к печи, достал из топки закоптившийся чайник, со стуком поставил его на стол.

— Кофе пить будешь? Кружки на полке возьми, только вымой из ведра, а то тараканы... И куртку хоть расстегни, запаришься.

Они пили крепкий растворимый кофе без сахара, заедая его чипсами. Больше ничего съестного не было.

— Мать все взяла на себя, — Стальной прерывисто вздохнул и, найдя среди бумаг пачку сигарет, закурил. Глотнув дым, закашлялся, и Стас понял, что курить он начал недавно. Но тезка быстро справился с кашлем и, щурясь от дыма, продолжал: — Она всегда умела принимать рискованные решения и, как говорят боксеры, держать удар... Для нее я всегда был вторым — после работы на разных ответственных совдеповских должностях. Нет, ты не думай, она меня любит и ни в чем не отказывает. Но когда у нее появляется... близкий друг, я становлюсь третьим. Она умеет выбирать умных, порядочных друзей, которые готовы на ней жениться. Но мама говорит, что не хочет себя ничем

связывать и все еще помнит отца... Он был испытателем грузовых машин, а умер от инфаркта в сорок лет. Тогда я был чуть поменьше тебя. Когда мы встретились в подвале магазинчика... Ты очень похож на своего отца. Но в тот раз я еще сомневался, а вот летом, на пляже, рядом с маминой машиной... Ты чего?

«Наверное, что-то случилось с лицом», — отвлеченно, словно о постороннем, подумал о себе Стас, заметив, как тезка торопливо достает из-под стола коньяк. Глоток обжег горло, кипящей лавой проник в желудок. Стас хватил ртом воздух.

— Ты что же, раньше не понял? Мы же с тобой с недавних пор вроде бы как сводные братья. Родственнички... — он усмехнулся.

Стас молчал, не отрывая взгляд от стола, где в светлом пятне лежала рука Стального. Такая же тонкая кисть, музыкальные пальцы, но только в более прочном, мужском исполнении. Пальцы нервно барабанили по клеенке, как те, униженные кольцами, по рулю вишневых «Жигулей» — те, что он проклял ночью, когда приходил отец.

— Достаточно того, что мы — тезки, — чувствуя, как начинают постукивать зубы, процедил Стас и, разжав кулаки, с удивлением посмотрел на ладони со следами от впившихся в них ногтей.

— Тезки так тезки, — с усталым безразличием согласился Стальной и, помолчав, заговорил о другом, наверное, о том, что мучило его последнее время. — Отца твоего я не осуждаю: такие умеют себя любить. И с матерью — моей мудрейшей Надеждой Эдуардовной согласен: отсутствие денег лишает человека свободы, а потому...

— А погоня за ними делает рабом, — глянул исподлобья Стас.

— Ты говоришь так, потому что у тебя никогда не было больших денег, — Стальной прищурился, лицо его потемнело.

— И не надо! Таких денег, как твои, как у матери твоей... Прыжок парашютный купить смог, а счастья от него — не получилось! — Стас понимал, что нельзя бить лежачего, что это жестоко, но остановить себя не мог. — И дружбу не купишь!..

Стасу казалось, что он кричит, а Стальной не слышит, только все ниже и ниже клонит голову. Потом вскинул ее, и Стас увидел такое же, как в самолете, окаменевшее, без кровинки, лицо. Только глаза были не остекленевшие, а горящие злобой и презрением.

— Подлюги мать на гвозди бросили, воспользовались, что некому защитить. А она отца твоего, раззяву, выгораживает. Предатель он... Сначала твою мать бросил, теперь мою готов заложить. Благо, есть куда смыться — прежнее семейство примет. И ты — не лучше...

— Не смей про отца! — их разделял большой стол, за которым не одно поколение мирян пило чай, справляло свадьбы и поминки.

— Уходи... Уходи от греха подальше, — одними губами, без голоса, попросил Стальной и зажмурил глаза, словно боялся, что его взгляд, как лазерный луч, может разрезать Стаса. — Мне казалось, ты не такой, как все... Думал — подружимся.

— Гусь свинье не товарищ! — бросил через плечо Стас, схватил ранец и шибанул дверь так, что она, распахнувшись, ударилась о стену. Вторая дверь, ухнув, сорвалась с петель. Мороз обжег горло и лицо. Темнота ослепила. Сугробы хватали за ноги, мешая бежать. Небо было нестерпимо черно, звезды на нем горели яростно, словно бросая вызов земле с ее глухо-темными, умирающими домами, и соседями-многоэтажками, сияющими окнами, за которыми жили сотни людей, не знающие друг друга и безразличные.

На припорошенной ледяной дорожке Стас поскользнулся, упал, больно ударившись затылком, и заплакал навзрыд, как плакал только в детстве. Но тогда рядом были мамины колени или папино плечо. А сейчас его окружала загромажденная чернотой пустота. За ветхими заборами, в провалах окон домов, в замороженных печных трубах что-то шуршало, потрескивало, всхлипывало. Где-то в глубине невидимых дворов взвизгнула и тонко заскулила собака. Она скулила надрывно, умоляя кого-то, потом взвыла безнадежно и внезапно смолкла.

Стас с трудом поднялся. Сообразив, что забыл перчатки в берлоге, на столе, засунул стынущие руки в карманы и побрел, пошатываясь, в сторону дома.

... Под утро, во сне, Стас увидел тараканов, больших и поменьше. Они ползли на него со стола, из стаканов и опрокинутых бутылок. Это было так мерзко, что, вырвавшись из сна, он приподнял подушку и начал лихорадочно стряхивать рукой простыню, как будто пакость из сновидения могла пробраться в действительность.

— Ты заболел? — спросила мама, когда Стас вышел на кухню и с безразличным видом стал жевать то, что было в тарелке.

— У папы неприятности? — Стас не отводил взгляд от стола.

— Да, — мама помолчала, колеблясь, стоит ли говорить, а может, собираясь с духом. — Они взяли деньги с заказчиков, но те, кто должен был поставить стройматериалы, подвели, потому что их тоже кто-то обманул — это ведь как карточный домик: толкни одну карту и все рухнет. Что-то там еще с банком, где деньги лежали, и вообще... Заказчики грозят в суд подать. Их тоже понять можно.

— Зачем же папа тратился на компьютер?

— Глупенький, для них это — что веточка в лесу. Возможно, просто взял свой, из офиса, пока там все не опечатали.

— Мы можем что-то для него сделать?

Мать покачала головой и прижала Стаса к себе. Он не отстранился, коснулся губами ее пальцев, ощущая заливающую душу нежность, которой стыдился в последнее время, вообразив себя взрослым.

Беда не приходит одна, поэтому, когда в конце уроков, кроме классной руководительницы Татьяны Владимировны, появилась директор школы и молодой симпатичный капитан милиции, Стас не удивился. Только подумал с издевкой над собой: «Похоже, бумеранг перестарался и, завернув на второй круг, уж теперь-то наверняка снесет мне голову».

Хмуря брови, капитан сказал ровным, сухим голосом о том, что имея магнитофонную запись ложного сообщения о спрятанной в школе mine, криминалистам не сложно, сличив голоса, обнаружить виновного. И только добровольное, чистосердечное признание может смягчить приговор суда.

Класс оторопело притих, лица ребят настороженно вытянулись. Директор, понимая, что испуг — не лучший стимул для откровения, поспешила хоть немного обнадежить:

— Все может ограничиться лишь возмещением расходов на вызов саперов, спецмашин, кинолога с собакой и прочее.

В памяти Стаса отчетливо всплыла морда овчарки, укоризненно глянувшие на него глаза. Он подумал, что обязательно вырастит такого же пса и научит его прыгать с парашютом: мало ли где может понадобиться умная собака с находчивым, смелым проводником.

— ... И будет самым разумным, если шут-ник, — капитан произнес это слово отдельно, с ударением, — набравшись смелости, сам признается сейчас передо мной, учителями и своими товарищами.

Наступила долгая, тяжелая тишина. Наверное, долгой она показалась лишь Стасу, а продолжалась ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы встать и, словно увязая по колено в снегу, сделать несколько шагов от своего места до учительского стола.

Потом он повернулся и встретился с одним, общим взглядом одноклассников, замерших в недоумении. И, словно падая в пропасть, понимая, что нет парашюта и даже «запаски», Стас сказал:

— Это я позвонил в милицию.

Казалось, ребята должны были заорать, кто возмущенно, кто весело, но класс молчал. И Татьяна Владимировна, и директор школы, и симпатичный капитан — все замерли. Никто не ожидал, что это произойдет так быстро.

Стас понимал, что, скорее всего, никому не удалось бы распознать его голос, и он продолжал бы спокойно жить, но... как тезка, чувствуя удручающую тяжесть малодушия...

Первым пришел в себя капитан. Покосившись на парашютный значок Стаса, он не стал произносить осуждающих слов, а просто уведомил, что он, Станислав Романов, имя и фамилию подсказала капитану учительница, вместе с родителями должен завтра, в такое-то время прибыть в отделение милиции, в кабинет ответственного по делам несовершеннолетних, то есть к нему — капитану Калинкину.

— Романов! — окликнула директор, встревоженная отсутствующим выражением на лице Стаса. — Ты сам родителям скажешь или ...

— Сам скажу, не беспокойтесь, — Стасу казалось, что слова произносит кто-то другой, а сам он наблюдает за этим «другим» как бы с высоты, все подмечая и понимая, потому что Высота — в небе она или в душе — это мерило, созданное природой для оценки человеческих возможностей и совести.

— Что ж, тогда договорились, — капитан взглянул на Стаса почти с сочувствием и повернулся к директору. — Надо кое-что обсудить.

Они ушли. Стас сел на свое место и начал собирать учебники. Пробормотав что-то о забытом в учительской журнале, попыталась сбежать и Татьяна Владимировна, но вездесущий Андрюха — любитель разбираться во всем «до донышка», перехватил ее у двери вопросом:

— А сколько Стасу платить придется, вы не знаете?

— У капитана надо было спрашивать, — отмахнулась учительница, но ребята загалдели, и ей пришлось вернуться. — Где-то слышала: тысяч пять-шесть. — Помолчав, добавила сердито: — Это в том случае, если срока лишения свободы не дадут. Но уж на педсовете школы тогда... Такой позор! — она не нашла слов и уже без колебаний, гневно вскинув голову, стремительно вышла из класса.

Ребята заговорили все разом. А Стас помертвел: он-то знал, что ни завтра, ни через месяц таких денег у него с мамой не появится.

— Неужто могут в тюрьму посадить? — ужаснулся Ромка.

— Деньги внесет и — порядок. Вот только из школы... — Тим сделал красноречивый жест рукой.

— Не выгонят, — заверил Андрюха. — Школу-то кончать надо...

— Где ж ты деньги возьмешь? — Ник глянул на Стаса с тревогой.

— А признавался зачем? — закричал с задней парты Ромка. — Думаешь, ходил бы так мент, если бы по голосу понять

можно было? Про контрошку по алгебре, что сорвалась, вызнал, вот и вычислил.

— Разве у нас одних в этот день была? — вмешалась Ксюша.

— А зачем звонил?.. Сам виноват!.. — зашумели девчонки. Поднялся невообразимый гвалт. Но тут зазвенел звонок. Стас взял ранец и, не оглядываясь, вышел из класса. Ему казалось, что этого никто не заметил, и, вливаясь в орущую, бегущую орду в коридоре, он немного расслабился. Но около лестницы его нагнал голос Лили.

— Постой! — она торопилась, а ее толкали, загораживали дорогу. Стас отошел к стене и опустил ставший непосильно тяжелым ранец.

— Ты ничего не говори, только слушай... — Лиля покраснела, завитки растрепавшихся волос упали на лоб, а встревоженные глаза лучились так солнечно, что Стас на мгновение даже зажмурился.

Она поняла по-своему изменившееся выражение его лица.

— Успокойся... Я папу, если надо будет, попрошу. Он с директрисой поговорит, и она не откажет, потому что папа обещал, в порядке спонсорской помощи, отремонтировать школу.

— Не вздумай! — разом оцетинился Стас, и это помогло ему вырваться из оцепенения. — Поклянись, что ничего не скажешь!

— Вот теперь ты похож на себя, — с облегчением вздохнула Лиля, — а то я даже испугалась. И еще... — она запнулась и посмотрела почти умоляюще Стасу в глаза. — Мне на Новый год подарили двести долларов. Никто не спросит, что я с ними сделала. Пожалуйста, возьми. Отдашь, когда сможешь. Прошу тебя...

У нее было такое милое, несчастное лицо, что Стас не сумел ответить резко. Рука его нашла ее пальцы, крепко сжала их.

— Спасибо, я подумаю.

Лиля облегченно вздохнула и уже лукаво, как всегда:

— На День рождения мой придешь? Он через два дня, в субботу. Как занятия кончатся, так и поедем всем классом, папа автобус пришлет. Подарков не надо, я сама давно хочу всем-всем и себе подарить праздник. Папа уже заказал длинный стол и скамейки. Поставим на аллее, возле пихты. Она еще не разряжена и гирлянды горят. Ты обязательно должен быть, иначе я все отменю. — Лиля шутя надула губки и, показав Стасу кончик языка, убежала.

... Остаток дня и всю ночь Стас провел за компьютером. Не торопясь, вникая во все детали, он изучал каталоги, просматривал файлы, заглянул в «корзину», стараясь найти следы предыдущих хозяев. Но ценная информация была предусматри-

тельно изъята из компьютерной памяти, лишь кое-где попадались обрывки, мусор, относящийся к строительно-архитектурным делам. Стасу осталось только все подчистить и переписать с дисков несколько случайных игр. Спать он лег под утро, поставив стрелку будильника так, чтобы успеть до прихода с ночного дежурства мамы умыться и позавтракать. Но будильник не зазвонил, мама не пришла. Разбудил его телефон.

— Ты еще дома? — удивилась мама. — Опять первого урока нет? Все ясно — начинается эпидемия гриппа. Не забывай есть чеснок. Чихать начнешь — антигриппин в аптечке.

Не вникая в смысл слов, Стас слушал мамин голос, набираясь от него сил. Потом заварил крепкий чай, капитально поел и занялся делом: достал с балкона санки, с антресолей — коробку из-под большого телевизора и погрузил в нее системный блок, монитор и все остальное, переложив газетами.

Тащить вниз здоровенную коробку, ухватившись руками за прорези в картоне, было неудобно и тяжело. Пришлось отдыхать на каждой площадке, а спустившись, привязывать коробку к санкам, отчего Стас окончательно взмок. Но морозец остудил. Санки бежали бодро, и до отделения милиции он добрался быстрее, чем хотел.

Дверь распахнулась с шумом, полозья скрежетнули о порог, и Стас ввалился в комнату дежурного, где за высоким деревянным барьером, держа возле уха телефонную трубку, сидел майор милиции. Трубка едва не выпала у него из руки, так стремительно повернул он в сторону двери голову. Напряженное выражение на его лице сменилось недоумением, мохнатые брови удивленно вскинулись.

— Ты куда?! — окликнул Стаса молоденький, остроглазый сержант, торопливо выбираясь из-за перегородки, напоминающей высокую тумбочку, установленную возле двери. — Что в коробке? А ну покажи!

— Мне надо к капитану Калинкину, — растерянно пробормотал Стас и начал развязывать заледеневший узел. — Позовите, пожалуйста.

Сержант, прищутив глаза, внимательно осмотрел Стаса с головы до ног, потом взглянул на майора. Тот кивнул, и сержант, вернувшись за свою тумбочку, позвонил Калинкину.

Через несколько минут капитан уже стоял в дверях, с недоумением разглядывая Стаса и сержанта, присевших на корточки возле приоткрытой коробки с непонятным грузом.

— А, это ты... Один? Где родители? — спросил Калинкин сухо.

У Стаса пересохло в горле, подготовленная фраза показалась неубедительной. Он медленно выпрямился, пробормотал:

— Вместо денег у меня — компьютер. Он дорого стоит. Берите.

Во взгляде капитана мелькнуло удивление, даже растерянность. Он обернулся к дежурному, хмыкнул:

— Это, товарищ майор, тот анонимщик, что мину нам на шею повесил. В школе вчера признался, а сегодня с компенсацией заявился. Сам себе, выходит, суд учинил и приговор вынес. Шустрый...

— Надо бы проверить этого шустряка, не ворованная ли вещица. Может, в школе и стянул, — дежурный был немолод, опытен и недоверчив. — Раз одну пакость надумал, долго ли еще нашкодить?

Пол покачнулся у Стаса под ногами, он сжал зубы, и тело подобралось, как перед ударом о землю.

— Компьютер мне отец подарил! — теперь голос звенел.

— Спокойно! — Калинин предупреждающе приподнял ладонь. И уже сержанту: — Зафиксируй-ка у себя сие явление. Пацана с собой заберу. А багаж... Можно оставить у вас, товарищ майор, на время?

Дежурный открыл дверку в деревянном барьере, капитан, подняв коробку вместе с санками, перенес за ограждение, поставил в угол.

Стас проводил компьютер тоскливым взглядом и побрел по длинному коридору вслед за Калининным. То, что казалось простым и естественным, как зимний снег, вдруг обернулось против него самого, словно на чистую белизну выплеснули ведро помоев... Огорчения, сомнения, с болью принятое решение — все стало лишь прелюдией к предстоящему неизбежному, унижительному и муторному.

В небольшой комнате с двумя столами и зарешеченным окном никого не было. Предложив Стасу повесить куртку на вешалку, капитан сел за стол и отодвинул от себя лист бумаги, давая понять, что разговор будет неофициальный.

— Расскажи-ка все по порядку, — дождавшись, когда Стас уселся напротив него, Калинин ободряюще улыбнулся. — Фамилию и прочие данные о тебе я в компьютер наш вчера внес. Уточним только: мать в больнице кем работает? А у отца, видимо, новое место службы?

— Мать в роддоме, хирургом. Она очень хороший хирург, — пытаясь увести разговор от отца, уточнил Стас. А в уме заметалось: «Если станет известно, что фирма прогорела, что ведется следствие, то взятый из офиса компьютер... Отца могут обвинить в воровстве. И только я один буду виноват в этом...»

Мысли вязли, тонули. Наверное, так гибнут в болоте: сначала предупреждающе хлюпает под подошвой, потом нога ощущает, как вязко идти. Когда погружаешься по колено, понимаешь, что болото непроходимо. Хочешь повернуть обратно, но ухаешь по пояс. Хватаешься за что попало, кричишь —

никто не услышит и не протянет руку. А липкая грязь поднялась до сердца. Трясина засасывает...

— И долго мы будем молчать? — В голосе Калинкина пробивалось раздражение. Стас с трудом разжал пересохшие губы:

— Отец не живет с нами. Уже почти год.

— Не живет, а компьютер дарит, — капитан пододвинул к себе лист бумаги, вскинул на Стаса недовольные глаза. — Ну и как же тебе пришла в голову мысль о mine? Один звонил или с товарищами?

Стас плохо слышал, что говорил капитан. Он пытался понять, почему въедливо, противно вибрирует там, где сердце, и колени трясутся так, что приходится зажимать их руками. Потом он почувствовал, как к губам прикоснулся холодный край стакана.

— Первый раз с парашютом прыгал? Как там, в небе, не страшно? — голос капитана шел издалека и тоже через дрожание.

Стас взял из его руки стакан и стал пить воду мелкими глотками, приходя в себя. Потом поднял на Калинкина измученные глаза:

— В небе прекрасно. Страшно на земле.

— Расскажи, — поймав во взгляде Стаса что-то важное для себя, попросил капитан. — Про небо, и про землю... В детстве я мечтал летчиком стать, но надо же кому-то на земле порядок наводить.

Они проговорили часа три. Приходил и уходил хозяин соседнего стола, кто-то звонил по телефону. Потом Калинкина куда-то вызвали, и Стас сидел, думая о том, что месяца два тому назад «подкладывал» в школе несуществующую мину совсем другой Стас, оглушенный телепальбой, жаждущий происшествий, вообразивший себя супервсем: боевиком, полицейским, гангстером. А по существу, взъерошенный пацан, брошенный обстоятельствами на край водоворота жизни, которая только начинается и непонятно что обещает.

Вернувшись, Калинкин начал торопливо одеваться. И Стас, догадавшись, что капитана зовут более срочные и серьезные дела, поспешно натянул свою куртку.

— Я тебе верю, понимаю, — сказал Калинкин, когда они шли по коридору. — Но без суда не обойдется. Думаю, все ограничится штрафом. — И уже на улице, садясь в милицеевскую машину, торопливо: — Завтра жду тебя с матерью. А сейчас к дежурному подойди...

Машина, озабоченно рывкнув сиреной, вклинилась в поток несущихся по дороге машин. Стас, проводив ее усталым взглядом, подумал вяло, что выслушивать еще раз обидные слова майора у него ни желания, ни сил уже нет, и самой дальней дорогой побрел домой.

Ближе к вечеру позвонила Лиля. Не уточняя, почему он не был в школе, продиктовала задание на дом, напомнила о Дне рождения.

Потом вышел на связь Ник и сообщил, что Ромка подслушал разговор директрисы с Татьяной Владимировной. Он не все разобрал, однако понял, что из школы Стаса исключать не собираются, но наказание какое-нибудь придумают. Ромка тоже позвонил и выложил красочные подробности с ворохом собственных эмоций.

Потом пришла мама и начала отчитывать Стаса за то, что висит на телефоне, а уроки не делает. Потом... потом она вошла в столовую и обнаружила, что компьютера нет. Это был самый неподходящий момент, потому что все жизненные силы у Стаса иссякли.

Мама посмотрела на его измученное лицо и, напоив чаем с медом, отправила спать, отложив все объяснения до утра.

... Всю ночь он летал. Он не он, а большая, мощная птица парила над морем, зорко вглядываясь в скользкую, мерцающую воду, и, заметив верткую серебристую рыбину, камнем падала вниз, на лету напрягая когти, пробивая упругую водную пленку. Сжимала их, но чувствовала лишь влагу, а не плотное бьющееся тело.

С криком досады птица взмывала в небо и снова терпеливо кружила над искрящейся солнцем гладью. Потом птица взметнулась к зениту, плавясь в золотисто-жарких лучах. И во сне Стас понял, что все-таки это не он, а Стальной летит, простирая огромные, в полнеба, крылья. Но вдруг падает, прижимая их к туловищу...

Встречный поток воздуха, становясь жестким, как металлический гребень, расчесывает перья, стараясь выдрать их и разметать по всей земле еще до того, как птица ее достигнет. Уши ломит, грудь обжигает боль, в висках бьют молоты, и крик, опережая его самого, ударяется в застывшее льдом море...

Стас закричал во сне, и мама услышала. Когда он открыл глаза, еще задыхаясь, чувствуя, как бухает в груди сердце, мама уже сидела рядом, сонная, испуганная, и трогала его лоб.

— Надо померить температуру, — она хотела встать, чтобы принести градусник.

— Я здоров. Посиди, — Стас придержал ее за руку. Укутал одеялом и тоже сел, откинувшись на спинку дивана.

Слова рождались легко. Они копились так давно и ждали только случая, а теперь текли потоком горечи, досады, отчаяния. Впервые он не думал о том, как поймут его и что подумают. С облегчающим душу эгоизмом он переливал темную энергию своих чувств в хрупкий сосуд другой души, не задумываясь, выдержит ли она эту тяжесть.

Мама выдержала. Она приняла откровение сына, как принимала, наверное, новорожденных, — уверенно и бережно, без суеты, зная наперед, что нужно делать дальше.

— Попробуем распутать клубок проблем, найдем кончик... Что тревожит тебя больше всего? Суд? Да, это горько и стыдно. Но раз виноват — отвечай. И держи себя с достоинством. Пока, как мне кажется, это тебе удавалось. А что касается каких-то денег...

— Не каких-то, а очень больших, — Стас шмыгнул носом, почувствовал, как защипало глаза. — Ты прости меня.

— Уже простила. Но папин подарок... И это понимаю. Только надо было посоветоваться со мной. Вместе мы всегда что-нибудь сообразим... Есть две тысячи, скопила тебе на куртку и ботинки. Возможно, выплатят на работе то, что задержали за прошлый год. Остальное займем. Разве у нас нет друзей? А что касается папы... Не забывай, он — мужчина, и сам должен найти выход из тупика, в который себя загнал. В жизни безвыходных тупиков нет, но нужен оптимизм, убежденность и непременно — воля. Ты, к счастью, не в отца. У тебя все это есть.

Стас уткнулся носом в ее плечо, чувствуя себя маленьким, оттаявшим и почти счастливым. Пробормотал:

— Не обижайся, что скрыл про парашюты. И не сердись, потому что я все равно буду прыгать.

— Тоже мне конспиратор, — улыбнулась мама. — Я догадалась, когда на днях твой свитер стирала. К утру, когда он высох, опять значок приколола. Ждала — сам расскажешь. Но в последнее время мы с тобой как встречные поезда на полустанке — даже поговорить некогда. Обещаю, теперь все будет иначе.

Счастье как солнце. Во всей полноте его сияние ощущается лишь после бури и грозových туч, когда, умытое слезами дождей, очищенное от сомнений, оно возникает в Небе и в Душе, высушивая холодные росы, отогревая каждую былинку, оттаивая застывшие сердца.

«Что можно еще желать? — думал Стас, торопливо шагая в школу. — Судьба снова повернулась ко мне светлой гранью...» Вчерашний день вспоминался как сотворенная кем-то Свыше вереница чудес.

Первое чудо, конечно, не безоблачно. Его омрачает туча судейской мантии, предвещающая самый сумрачный в жизни Стаса день. Но это не сегодня, это — потом, хотя и в недалеком, но все-таки будущем. А настоящим чудом была первая фраза капитана Калининского, адресованная Стасу после того, как он познакомил его с мамой.

«Почему не забрал компьютер? Я же велел тебе подойти к дежурному, он был предупрежден. Из-за тебя мне сделали

замечание», — Калинин сердито посмотрел на Стаса, но, заметив, как засияли его глаза, смягчился. И уже в этом улыбочивом настроении сказал маме о том, что, учитывая чистосердечное признание Стаса, положительную характеристику из школы и отличный отзыв инструктора парашютного звена, куда Калинин уже успел позвонить, можно не сомневаться, что суд ограничится минимальной суммой штрафа.

Стас, осмелев, спросил, нельзя ли часть этой суммы отработать. Он готов подметать улицы, а еще лучше — чистить клетки в собачьем питомнике или убирать конюшни, где стоят милицейские кони.

Капитан улыбнулся и с интересом глянул на Стаса, а потом с любопытством — на его мать.

«Это было бы отлично, — сказала мама. — Я сама хотела устроить Стаса поработать во время каникул в больницу нянечкой. — И, пристально глянув в глаза капитана, добавила: — Мой сын не боится работы и знает, что грязь — просто грязь, легко смывается...»

Чудо второе поджидало Стаса на парашютном этаже и было озвучено Лехиными устами: в воскресенье — прыжки, и в плановой таблице их фамилии стоят рядом. А парашюты Леха разместил в хранилище поближе к двери, чтобы первыми их забрать.

Глеба Стас, к сожалению, не застал.

Третьего чуда могло и не быть, не загляни Стас к Паше. Забыв о времени, они говорили об авиационных делах. Стас, с эмоциями, — о прыжках. Паша, с чувством гордости, — о летательном аппарате, который предложили разработать и построить в мастерской для метеоразведки.

Радиатор батареи грел руки, тусклая лампочка позволяла видеть лица друг друга, и коридор уже не казался тоннелем в безнадежность. Стас проговорился, что идет на день рождения, и Паша тут же исчез в мастерской. Вернулся, неся на ладони модель вертолета. Она была так хороша, что у Стаса не хватило духа отказаться.

«Подходящей коробочки нет, но ты заверни в целлофан, а сверху завяжи бант из ленты. Девчонкам это нравится», — посоветовал Паша. Стас смутился: ведь он и словом не обмолвился о Лиле, неужели все так явно написано на его лице?

Четвертое чудо произойдет очень скоро. Он войдет в класс и отдаст Лиле подарок. Нет, лучше когда они будут одни...

Стас посмотрел на часы и понял, что опять опаздывает. Перебежав дорогу, он мельком глянул на злополучный телефон-автомат и свернул на Мещанку.

Освещенная встающим из-за горизонта низким солнцем, она казалась на удивление пригожей. Выбеленные зимой-чистюлей дома бросали на неезженую дорогу прозрачные тени, в

заледенелых кронах деревьев каждая веточка отливала серебром, а закрученные наплывы пушистого снега делали крыши похожими на воздушные пирожные. В бахrome сосуллек вспыхивали радуги, а ледяная дорожка, на которой он упал в ту жуткую ночь, была надежно устлана белым ковром.

Вот и последний двор, за воротами — улица. Огибая угол дома, вглубь уходит цепочка одиноких следов. Обратных следов нет — значит, Стальной в берлоге. Возможно, жить больше негде, раз коттедж пришлось отдать. И с машинами, конечно, распрощались...

Меньше всего Стасу хотелось сейчас видеть тезку — сводного брата или кем он там себя считает. Но память тревожили слова: «Думал, подружиться...» А что он, Стас, крикнул ему тогда в ответ? «Гусь свинье не товарищ!» Только кто есть кто?

«Сейчас я уж точно похож на самодовольного розового поросенка», — Стас потер замерзшие руки и, вспомнив, что перчатки остались в берлоге, на столе, обрадовался появившемуся предлогу.

Поправив на плече растолстевший от Пашиного подарка ранец, Стас зашагал к крыльцу, стараясь ставить ноги след в след, чтобы не заснежить брюки, собственноручно поглаженные с вечера.

Наружная дверь уже не болталась на петлях, а валялась возле крыльца. Войлочная же подалась легко. Стас вошел и, привыкая к контрастному свету керосиновой лампы, остановился на пороге.

Было не по-жилому холодно, стены комнаты тонули в глухой темноте, хотя лампа горела на полный фитиль, ярко освещая клеенку и перчатки, лежащие на краю стола.

Тезку Стас увидел не сразу. Тот сидел на кровати пригнувшись и что-то держал перед собой.

— Привет, — сказал Стас и, сделав шаг, протянул руку к перчаткам. — Я вот зашел...

Стальной медленно поднял голову и отрешенно посмотрел на него. И только тогда Стас понял, что у него в руках.

— Не подходи... — хрипло выдавил Стальной. Но Стас и без того замер, не сводя глаз с небольшого бугристого предмета, похожего на круглый темно-зеленый плод.

— Ты что?! Убери... — выдохнул Стас, понимая, что уже поздно, что шпенек с колечком в левой руке тезки — это вытащенная из гранаты чека. И через секунду...

— Уходи! Ти-кай! — заорал Стальной и, откинувшись назад, что было сил пнул ногами стол.

Удар пришелся по ранцу, и Стас грохнулся спиной о войлочную дверь, потом головой о пол в коридоре... В то же мгновение оглушительный взрыв потряс стены дома. Что-то

посыпалось, зазвенело. Стасу показалось, что от боли и грохота он теряет сознание, проваливаясь в черноту. Но когда открыл глаза, чернота осталась только там, за распахнутой в комнату дверью. А в проеме другой двери светило солнце и, лежа на полу, Стас различал синеву неба, похожего на то, что видел в проеме фюзеляжа самолета.

«Надо туда...» — подумал Стас и попытался сесть, но мешал ранец. Он сбросил его. Дощатые стены качнулись, но не упали.

Цепляясь за косяк, Стас поднялся, тупо соображая, куда же надо идти. Хотелось туда, где небо, но чернота притягивала, не пугая и не зовя. Просто он знал, что надо идти в страшную черноту неизвестности.

Но в комнате уже не было темно. В окно, выбитое взрывом, сочился призрачный свет, оголяя кровать и то, что на ней лежало. Опрокинутый стол загораживал вход, и с порога почти ничего не было видно. Но в этом ничего...

Стас попытался сдвинуть стол, но тот не шелохнулся. Зато в груди что-то оборвалось и потекло нарастающей болью.

Прижав локти к ребрам, Стас навалился на стол тем боком, в который боль еще не проникла, и крышка стола нехотя заскребла пол. С нижней стороны она была темной и в ней, как гвозди, торчало несколько осколков.

«Мои», — безразлично подумал Стас и подошел к кровати. Все происходящее казалось ему нереальным.

Стальной лежал, откинувшись на спину. Лицо — бледное, чистое, было мертво, но глаза жили. Они смотрели на Стаса в упор.

— Вот... и прыгнул... — серые губы едва шевельнулись, но Стас уловил то, что они пытались сказать.

И только тогда действительность обрушилась на него, ворвалась в сознание горьковатым дымом, шлепками падающей штукатурки, треском горящего сухого дерева и злым теплом, бьющим в спину.

Стас оглянулся — на полу корчилась в огне керосиновая лампа. Пламя облизывало стену, но в дверь еще можно было выскочить.

Метнувшись взглядом к Стальному, Стас лишь теперь увидел набухающие кровью кисти, рассеченную на рукавах кожу куртки. Торчащий из порезов серый мех быстро превращался в красный.

Мгновенный ужас отшатнул, засуетил Стаса, отбросил к двери, потом обратно. Холодом обожгло грудь, как во сне, завяли ноги, взопрела спина.

— Мамочка... ма-ма! — дрожали губы. Но что-то властно приказывало в нем: «Спокойно! Что бы сделала сейчас мама?..»

Жгут... Он поискал глазами, поднял полотенце, сдернул с шеи шарф. Туго перетянуть, сжать выше локтей добротную

кожу и толстый мех оказалось трудно. Полотенце трещало, шарф растягивался, но струйки крови, стекавшие из-под обшлагов, иссыкли.

Там, где кисти — уже красное месиво, и под глубокими порезами на животе и груди раскисло, набухая. Заставить себя откинуть полу куртки Стас не мог.

«На руках не донесу, надо волоком, на матрасе...» — необходимость действия стирала все посторонние мысли и чувства.

Огонь уже лизал порог. Стас бросился к ведру, из которого в прошлый раз брал воду, споласкивая кружки. Но сейчас ведро было пусто. Сдернув с уцелевшего окна штору, Стас начал сбивать пламя с порога, но оно перекинулось на косяк двери, и он понял, что опоздал... Осталось выбитое окно возле кровати. Подсознательно Стас помнил о нем все время, но рама скалилась зубьями сохранившегося стекла.

Пробравшись через кровать к окну, Стас попытался распахнуть раму. Старая замазка, схваченная облупившейся масляной краской, напоминала камень, шпингалеты было легче вырубить, чем открыть. И Стас ударил с размаха по деревянным створкам плечом.

С такой же силой боль ударила в ребра. Охнув, он закусил губу и саданул сильнее. Старая рама затрещала, и Стас вывалился вместе с ней.

Наверное, на две-три секунды он потерял сознание, но снег обжег холодом и помог прийти в себя. Снег забился в нос, в уши, за шиворот, он не давал встать, и Стас барахтался в тупом отчаянии, пытаясь выбраться из сугроба и дотянуться до окна, из которого слоями плыл дым.

Ноги, не находя опоры, месили рассыпчатый снег, кончикам пальцев не хватало вершка, чтобы вцепиться в оконный проем.

«Не влезу», — понял Стас, и от бессилия своего ему стало жутко: он здесь, тетка — там. Их разделяет не стена дома, а момент, когда он вывалился вместе с рамой. Жизнь и смерть — все решает миг, который невозможно вернуть... Бежать на улицу, звать людей — они не успеют. И он останется с ними в безопасности, а тетка — один, беспомощный, в огне... Как же после этого дальше жить?

Почудился стон, а может, звенело в ушах. Голова была налита свинцом и болью, от которой моментами он глух и слеп. И снова — стон... Стас бросился к крыльцу, загребая снег руками, отталкиваясь коленями...

Наконец ступеньки, коридорчик, полный удушливого дыма и проблесков огня. Нога зацепилась за что-то — ранец. Отдаленно, словно из другой жизни, мелькнуло в памяти легким мазком:

«Пашин вертолет сломался... Лиля ждет...» — а рука уже раздергивала «молнию». Стащив куртку, Стас накрылся ею с

головой и метнулся к двери. Жар полоснул, опалив руки. Пламя, как хищный зверек, цапнуло искусственную кожу, но Стас был начеку и, скинув куртку, выскочил из вспыхнувшего факела.

«Вот так!» — с лихой злостью подумал он, чувствуя прилив незнакомой ему силы, изгоняющей из тела боль, а из души — страх.

— Ты потерпи, — не вглядываясь в лицо тетки, но чувствуя, что тот жив, сказал Стас и, плотно закутав его в одеяло, приподнял сначала ноги, потом повернул отяжелевшее тело. Поправил плечи, голову и, ухватившись за углы матраса, начал втаскивать его на подоконник не торопясь, хотя на полу, возле кровати, уже начала потрескивать краска, а дым разъедал глаза и в горле першило. «Только бы не уронить... Только бы не сделать хуже... Только бы хватило сил...» — твердил Стас как заклинание.

Когда часть матраса и голова тетки свесились из окна, он понял, что ему не удержать раненого, и тот упадет в снег, уже примятый и жесткий. Цепляясь за стенку оконного проема, Стас с трудом выпрямился. Он боялся, что боль, захлестнув его снова, не даст крикнуть.

— Помогите! — голос ударился о стену соседнего бревенчатого дома и утонул в снегу. — По-мо-ги-те!

Но Мещанка молчала, улица рядом грохотала бездушной жизнью машин, и прохожим было все равно, что делается за чужими заборами. Никто не слышал взрыва, не обращал внимание на дым, еще недостаточно густой и удушливый. Весь мир был нем, и даже небо, предусмотрительно отгородившись облаками, не желало смотреть на грешную землю.

«Господи! Дай мне силы... Помоги ему выжить... Я больше никогда Тебя не побеспокою и ничего не попрошу. Только помоги мне сейчас!..» Стас вздохнул со всхлипом и спрыгнул вниз.

Ударившая по ребрам боль была привычна, снег уже не мешал движениям. Отбросив крупные осколки стекла, обломки рамы и стараясь не обрушить уцелевшую часть сугроба под окном, Стас начал стягивать матрас, придерживая безвольное тело тетки, подставляя голову, плечи, спину. Двойная боль наваливалась, давила, казалось, что до этого и не боль была вовсе, а лишь ее предчувствие. «Только бы не упасть, только бы...»

Лишь когда один конец матраса устойчиво опустился на макушку сугроба, а второй плавно отделился от окна, Стас привалился вместе с ним к плотному снегу и на несколько секунд замер. Потом осторожно стал выбираться из-под матраса, стараясь отодвинуть его подальше от образовавшейся под окном утрамбованной впадины.

Голова тетки оказалась на уровне его лица. Тонкая шея с выпирающим кадыком, прозрачная с желтизной кожа. Ввалившиеся глаза закрыты... Стасу показалось, что тетка умер. Он

приложил щеку к его губам, пытаясь уловить теплое дыхание. Внутри все обессилело и словно умерло.

Стальной глаза не открыл, но светлые ресницы его дрогнули.

— Ты только не умирай, — надеясь, что тезка слышит его, зашептал Стас. — Я все сделаю... Только не умирай. Пожалуйста.

Матрас сдвинулся с места почти сразу. Стараясь оттащить его подальше от дома, готового взорваться огнем, Стас пятился, падал и лежа подтягивал матрас к себе, не разжимая судорожно сведенных на его углах пальцев. За ним стелился широкий след примятого снега и тонкий пунктир алой полоски посередине.

Когда в спину уперся чей-то взгляд, Стас почувствовал его и обернулся. Посреди двора стоял пацан лет десяти и смотрел на него, на то, что лежало на матрасе, на дышащий дымом дом. Рыжий колли, натягивая поводок, раздувал ноздри, принюхиваясь к запаху свежей крови. Шерсть на загривке топорщилась.

— Позови кого-нибудь, — теряя голос, попросил Стас и сел в снег. — Скорее позови! — собрав последние силы, он крикнул, но пацан даже не сдвинулся с места.

Убедившись, что ничего интересного больше не произойдет, он дернул встревоженного пса и потащил его к воротам.

«Не позовет», — Стас чувствовал, как рядом с болью и отчаянием закипает опустошающая, сжигающая душу злость и — безысходность...

Что пацану эта алая полоска на снегу и дым? Пустяки по сравнению с реками бутафорской крови и морями искусственного огня, полыхающего с цветных экранов. Что ему чужая боль и смерть? Игра, даже тогда, когда она не актерская, когда это — жизнь... Люди, настоящие люди, где вы?

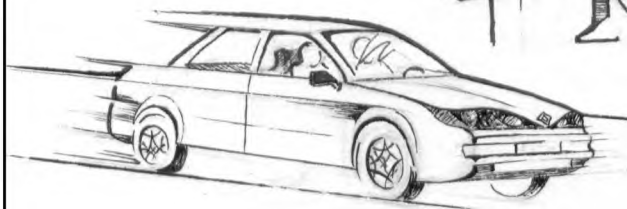
Ноги словно онемели, тело пригвоздил к земле кол боли, только руки со странно вздувшейся кожей были еще подвижны. Стас откинул край набухшего одеяла и начал кидать на тезку пригоршни снега, надеясь приостановить кровь. Пузыри на обожженной коже лопались, и кисти покрывались красной слизью, но боли в руках Стас не чувствовал. Мучительно болело сердце, отстукивая торопливо и гулко.

— Не умирай. Я с тобой... — Стас был уверен, что, вбивая свое страстное, неистовое желание, переливая спасительную энергию своей жизни, он сможет удержать еще тлеющую другую жизнь. И душа срасталась с душой, вселяя веру, помогая обрести желание жить. — Ты никогда не будешь больше один. Только не умирай...

... Взвыла и смолкла у ворот сирена. Голоса, топот ног... Кто-то спешил на помощь...

Часть вторая

**А ЖИТЬ
НАДО...**

ГЛАВА 4

Скользя по течению времени...

Он знал, что умер. Это была не мысль, не чувство, а состояние, которое владело всем его существом, вернее, тем, что еще осталось от ощущения себя. Тело, уже не испытывая боли, знало, что оно мертво, и мозг, стирая все мысли, понимал, что это конец. А душа, безразличная ко всему, погружалась в лучезарное сияние, безжизненно чистое, покойное, и растворялась в умиротворяющем свете, который приносит благодать небытия.

Каким-то странным, не по-земному тонким, потусторонним чутьем он понимал, что это и есть тот, другой мир, где не нужна плоть, а потому нет и не может быть страданий. Он хотел туда, за Грань, откуда нет возврата, и уже почти был там... Но кто-то из грубого внешнего мира, откуда он, отчаявшись, пытался бежать, мешал, удерживая страстью своего желания, упорством своей воли, не давая сиянию смерти растворить последнюю крупичку осознания его Я. И не хватало сил сопротивляться чужой животворящей энергии, не было возможности оборвать настойчивое требование «Живи!»

«Уйди! — концентрируя остатки сознания, мысленно приказал он и, разом почувствовав свое изувеченное, страдающее тело, понял, что не умер. — Не хочу жить...». Но в глубине уходящего Я уже затеплилось сомнение, и грань того, другого мира отодвинулась. Благодать сияния погасла, все захлестнула раздирающая, нестерпимая боль, и он, теряя сознание, провалился в спасительную темноту.

... Жизнь возвращалась медленно. Даже не жизнь, а существование между бессознанием, мучительным сном и тяжелой дремой — странным сумеречным состоянием с вереницей узнаваемых и чужеродных образов, клочков размытых воспоминаний из реального прошлого и смутных, не осуществившихся желаний. Иногда он понимал, что его окликают по имени: «Станислав...» Созвучие букв было длинно, чуждо. Понятнее прозвище Стальной, но его не произносили.

Сознание приходило и уходило, он скользил по течению времени без берегов, вplывая в воспоминания, растекаясь по поверхности событий, но не погружаясь в их суть. Иногда он ощущал себя в своей комнате лежащим на шкуре медведя, и длинный мех знакомо щекотал голые ноги и шею; то созерцал из окна вишневых «Жигулей» смазанные скоростью дома и деревья; то брел среди безликих трущоб. Идущие сзади него

переговаривались. Он не мог вспомнить лиц спутников, и это мучило запоздалым предчувствием беды...

Временами всплывало лицо матери, надменно-красивое, но чаще каким было в их последнюю встречу: сухие, без слезинки глаза полнились презрением и ненавистью ко всем. Даже к нему...

Сознание, защищаясь, стирало видение, застилая его белизной снега и синевой неба, в бездонную пустоту которого надо зачем-то прыгать. Все в нем спорило между «надо», «хочу» и — «не могу». Было странно ощущать в себе это немощное, в детстве преодоленное «не могу». Но что-то сковывало, сминало, замораживая страхом и стыдом. Потом наваливалась другая пустота — одиночество...

Свет керосиновой лампы чертил на столе желтый круг. Казалось, за этим световым пятном нет ничего — вакуум... А не было всего лишь круглой физиономии Братухи, хитроватого прищура бесцветных глаз Сынка и вечно шмыгавшего носом Зятка — не было братвы, семейки. Не было жгуче-черных летящих бровей Тезки. Презрительно брошенное: «Дружбу не купишь!» и стало одним из тех камней, что обрушили лавину накипевших проблем. Вот и сорвался, пытаюсь очистить себя в смерче огня и боли...

Заботливый мозг не успевал заблокировать память, и тело вскидывалось, как от мощного разряда тока. Нестерпимая боль вырывала стон, но физическое страдание было спасением.

Он начинал отмечать обрывки событий, происходящие в настоящем: укол иглы в ягодицу или в руку, скользящее движение прохладной влаги на пересохших губах, струю живительного газа, бьющую через ноздри в легкие. И — звуки.

Звуков много: звенящих, трескучих, хлопающих. Они режут слух, пугают своей неузнаваемостью, раздражают, мешая уйти в благодатный покой сна. Каждый звук кажется слишком громким, особенно голоса: шелестящие шепотом, рокошующие, монотонно бубнящие... Он не пытается вслушиваться, о чем говорят. Иногда отчаянным протестом вспыхивает желание сорвать обручи боли, стянувшие грудь и живот, освободить связанные неподвижностью руки. Мгновенное усилие тонет в устойчивом безразличии. Но это уже безразличие жизни.

... Однажды зыбкое равновесие полусознания нарушилось, и хотя тело продолжало качаться, то всплывая на поверхность бытия, то проваливаясь в смутную нереальность, что-то упорядочилось в мыслях, и Станислав услышал ворчливо произнесенное:

— Все жизненные параметры в норме... Непонятно, почему вы, молодой человек, не желаете прийти в сознание? — в рокошующем басы сквозило раздражение, от шумного человека с

командным голосом исходила неприязнь. Это казалось дисгармонией с тем, что так заботливо окружало его все последнее время, и Станислав задержался на гребне окончательно вернувшейся жизни. Когда шум цокающих, шаркающих, скребущих шагов зачеркнулся хлопком двери, он попробовал приоткрыть глаза. Солнечный свет обжег их и заставил зажмуриться. Заломило виски, затылок обозначился тупой болью.

«Так и надо, не вылезай», — подумал Станислав о себе как о постороннем. Удивился тому, что в голове появилась мысль и он может этому удивляться. Вслед, словно разбуженные, пришли воспоминания. Они были неприятны, и он попытался прогнать их, как прогоняют настырного комара, а тот надсадно жужжит, не давая вернуться в безмятежность покоя.

Все постепенно расслаивалось: внешний мир наполнялся жизнью, в то время как собственно Он сам забивался в раковину, словно улитка. Временами, возвращаясь к действительности и приоткрывая глаза, Станислав видел потолок: солнечно-дневной или желтый от электрического света. То глухо-черный — его он боялся и торопливо зажмурился. Темнота высасывала силы, возвращая старые чувства: обиды, страхи, безысходность — все, от чего он пытался бежать и не смог, потому что ему помешал Кто-то...

Этот Кто-то был рядом, в той же комнате, и Станислав ощущал его присутствие по легкому цоканью пружин кровати, по шепоту, движениям или ровному дыханию спящего; по какой-то неясной связи, незримо соединявшей их. Этот Кто-то был необходим и в то же время неприятен: не позволив перебить Грань, он вернул его в страдания и проблемы, вновь обрекая на то, что в целом называется жизнь.

Ощущение неприязни и досады окончательно вытаскивало из состояния безразличия, и он начинал вслушиваться в голоса. Ломкий мальчишеский басок был знаком. Слегка напрягшись, Станислав вспомнил, что в той, прежней жизни он принадлежал тому, кто был его тезкой и в некотором роде родственником, не по крови, а по судьбе. Остальные голоса не вызывали ни воспоминаний, ни чувств.

Но вот приходил Ее голос... Он проникал с поверхности жизни в глубину души и что-то перестраивал там. Голос был низким, грудным, по-женски мягким, но решительным. Станислав пил его, как грудное молоко, питаясь приходящим ощущением действительности, проникаясь состраданием к себе, отдавая душой, и тело переставало казаться бременем — просто измученная ранами плоть.

Он слышал ее шаги, когда Она шла по коридору, легко касаясь пола стопой. Знал, когда войдет, еще до того как откроется дверь, пропуская ее в палату. Знал, потому что

волна покоя, исходящая от нее, обволакивала тело, снимая боль. Он ощущал Ее взгляд, направленный на него, и чувствовал себя от макушки до пят упакованным во что-то баюкающе-исцеляющее. Его начинали качать волны уже не океана страданий, а тихого озера приятно-непонятных видений, и в нем, как в новорожденном, возникало смутное удивление от первозданности окружающего пространства.

— Как дела, сын? — Она говорит тихо, без интонаций. Станислав знает, что вопрос задан не ему, и это вызывает беспокойство.

— Все по-старому, ма. Он глаз не открывает, но уже не стонет... Скажи по-честному, он не умрет?

«Он — это Я», — понимает Станислав и настораживается.

— Перестань себя изводить, Стас. Он — парень крепкий, поднимется. Ты сделал все, что мог.

— Это он сделал больше, чем мог. Иначе носила бы ты сейчас цветы на две могилы...

— В том, что произошло, ты упорно меняешь акценты. В разговоре со следователем в этом был смысл: великодушие — это нормально. Но по сути... Это же его решение — с гранатой...

Станислав не расслышал, что ответил тезка. Он отпрянул, если только можно сделать это, лежа на постели пластом. Память тела вернула мышцам невероятное мгновенное усилие того неистового толчка ногами. Они ударили по краю дубового стола в пружинистом изгибе разом распрямившегося тела. Удваивая силы, хлестнула вспышка досады, ужаса и злости. «Принесло же! Какого черта! Ему-то зачем в мертвяки?..» — всплеск мыслей оборвался оглушительным, сминающим взрывом огня, ударом раскаленного воздуха и жалящих осколков.

...Воспоминание было так ярко и физически ощутимо, что Станислав застонал. Ее ладонь легла ему на голову, губ коснулась прохлады кисловатой воды. Запахло лимоном и чем-то еще, исходящим только от нее: лекарственной ромашкой и парным молоком. Сейчас несколько минут она будет принадлежать только ему, и там, где коснутся ее обтекающе-уютные руки, утихнет боль. Чувство сладостного покоя разольется в душе, расслабляя судорожно напряженное тело.

Наверное, губы его дрогнули и мысль отразилась на лице, потому что теплая ладонь погладила его по щеке, и нежный голос шепнул:

— Теперь все будет хорошо. — Влажное дыхание коснулось лба, и Станиславу нестерпимо захотелось увидеть ее лицо. Но под сжатыми веками скопилась влага, она брызнет, если поднять ресницы.

Он переждал спазм в горле и приоткрыл глаза. Ее лицо

было таким, как он ожидал: обыкновенным и прекрасным. В памяти всплыл пейзаж — поля до горизонта, на возвышенности белеет церквушка. Легкие всполохи озаряют небо и воды тихой, как ее глаза, реки.

«За что тезде, а не мне судьба сделала такой подарок?..»

Ее руки ненадолго покинули его, но вскоре приоткрыли одеяло. Хрустнуло стекло ампулы, запахло спиртом. Сильные пальцы коснулись кожи. Только Она могла превращать укол в комариный укус.

— Скоро обход. Если раньше придет ваш лечащий врач, скажи, что Станислав очнулся, но почему-то не хочет вступать с нами в контакт. — Ее рука в последний раз вспорхнула над его головой, отбросила прядь волос со лба. — Побегу в свое отделение. Здесь недалеко, по внутреннему переходу. Ночью поступили три роженицы. Одна уже в моем возрасте... Отчаянная женщина: пятого рождает. Это в наше-то неустроенное время! — Она тепло рассмеялась. Слова были предназначены обоим, но Станислав присвоил их себе. Захотелось пройти с ней переходом, увидеть новорожденного, как Она держит ребенка, спеленатого, беспомощного... И оказаться на его месте.

Звук ее шагов, похожий на шорох листьев, затих. Станислав с трудом разлепил ресницы и, осторожно приоткрыв глаза, стал рассматривать то, что стояло рядом: угол столика, капельницу на высоком штативе и тонкий шланг, протянутый к сгибу его локтя. Забинтованные руки выделялись на зеленом одеяле, напоминая брошенные на лужайке бревнышки. «Бревнышки», как бы сами по себе, жили ноющей болью. Останавливать на них взгляд не хотелось.

Потолок уходил высоко вверх, противоположная стена была близко. И в этом сужающемся пространстве на одного была втиснута у окна вторая койка. На подоконнике, заменившем тумбочку, громоздились книги. От изящного японского плеера к подушке тянулись тоненькие провода. Ободок наушников прижимал темные вихры...

Четкие дуги бровей над светлыми глазами взметнулись в радостном удивлении. Взгляды встретились. Очень долгую и тихую секунду тетки всматривались друг в друга.

— Привет, — улыбнулся Стас. — Долго же ты возвращался... Хочешь, я включу звук погромче? Мне Ник плеер притащил и кассет дюжину. Тут забавная песня есть про моряка, летчика и девчонку, которая не знает, в кого влюбиться.

Станислав прикрыл глаза. Его раздражала щенячья жизнерадостность тетки. Почему на ушах нет заслонок, как на глазах? Он попытался сдвинуть с места руки, но тут вошел шумный человек со свитой врачей. Белый халат с засученными рукавами едва сходиллся на животе, ворот рубашки был рас-

стегнут. Волна энергии и жара, исходившая от него, словно ударила, вздыбив кровать, и Станислав не успел снова заслониться ресницами.

— Так-так! Мы уже смотрим во все глаза, и на юном челе отражаются разумные мысли, — напористо хохотнул Шумный, втягивая его в жизнь. — И как же мы себя чувствуем? — не дождавшись ответа, определил сам: — Сносно... Завтра на перевязку. Температура чуть повышена — значит, поколем еще. И кроме физраствора — бульон и жидкую кашу. Вы не возражаете против манной каши, на молочке?

Станислав понимал, что шумный человек обращается к нему. Но отвечать не хотелось: слова — никчемность, они отдаляют, а не сближают людей. Но Шумный продолжает жужжать, как назойливая муха, и отстанет, видимо, лишь получив ответ. Надо произнести что-нибудь короткое, в одно слово... Но губы не слушаются, горло мертво, словно, став без пищи и воды ненужным, оно атрофировалось.

«Так даже лучше», — устав от небольшого усилия, Станислав снова ощутил безразличие и попытался увести себя в полузабытье, где можно расслабиться наедине с собой. Но остаться с самим собой на этот раз не получилось, хотя Шумный со своей свитой вскоре ушел, погудев возле Стаса и тоже назначив ему перевязку.

«Все-таки тезку задело... — вяло подумал Станислав, смутно припоминая удушливый дым. — Значит, что-то горело, и он меня вытащил. Зачем?» — почему-то только сейчас он окончательно осознал, что не умер. Просто не хочет жить.

Мысли наслаивались, возвращая в то беспросветное отчаяние, когда он решил: под *этой* жизнью надо подводить черту, потому что она не состоялась. Потому что потеряно все, что нажито... И невозможно вернуть каких-никаких, но все же друзей. И матери он не нужен... Есть только скрытая, но реальная Сила, которая смяла все. Опасность была ощутима, как приставленный к горлу нож, и унижительна, потому что раньше это чувство возбуждало, будоража кровь, концентрируя мысли и толкая на дерзкие, но верные решения.

Всю жизнь он приучал себя ничего не бояться, все предусмотреть и добиваться того, что хотел. Но в защитной броне самомнения появилась брешь. Причиной этому стал... тезка. Нет, дело не в парашютном прыжке. Все началось раньше, когда случай свел их в компьютерном маркете и догадка подтвердилась: новый деловой партнер и близкий друг матери, поселившийся под одной крышей, — это отец пацана, ставшего сиротой при живом родителе... Возникло любопытство, шевелулось чувство вины. Захотелось приголубить...

Когда на его вопрос: «Подзаработать хочешь?» Стас отве-

тил: «Я подумаю», что-то зацепило душу, застряло, как соринка в глазу, от которой не больно, но она мешает смотреть... Тезка клевался, как испуганный вороненок, отстаивая свои взгляды, на глазах превращаясь в орленка... Как долго он не мог догадаться о пересечении их судеб. А потом узнал, и все же полез спасать...

«Странно, — Станислав уже не пытался сопротивляться мыслям, — каждая новая встреча расшатывала уверенность в правильности моего представления о жизни, внося сначала лишь мизерные поправки. В целом же все обрушилось внезапно, как шквал на суденышко в открытом море, не дав времени убрать паруса и выправить нос против волн. Я прозевал девятый вал, который ударил в борт, перевернул, разбил... Слишком поздно стало очевидным, что жизненные ресурсы исчерпаны... И если начинать существование заново, то только в новом теле, в ином времени, на этой или другой планете — если такое возможно. А если нет, то пусть ничто, нигде, никогда! Это лучше, чем воскреснуть, как сейчас, в ухудшенном варианте: со сломанной волей, искалеченным телом и опустошенной душой, безучастно ощущая вялое течение бесконечного времени. И нет того, ради чего стоило бы держаться за возвращенную Создателем и этим пацаном совершенно не нужную жизнь...»

Он плакал, повернув голову и утопив, насколько можно, в подушке лицо. Плакал от жалости к себе, от неприязни ко всем, от бессилия. Плакал впервые после смерти отца, не надеясь на облегчение, понимая, что уже не скоро сумеет уйти в тот сияющий мир, где отец ждет его и где возможно вечное успокоение.

— ... Мы все пороги обили. К мэру города не подступиться, а чиновники, к которым нас его помощник отсылает, смотрят оловянными глазами, словно не понимают, о чем идет речь... В общем, накрылся наш стадион, а мы уже столбы для кордодрома поставили, сетку на заводе выпросили... А тут приехали эти — на «Джипе». Стоят и смотрят, как наши модели летают, зубы скалят. За босса у них здоровый такой господин, челюсть, как бампер его машины.

«Бугров Тарас Игнатьевич...» — вяло удивляясь точности сравнения, подумал Станислав и открыл глаза.

Возле постели тезки сидел на корточках парнишка в очках и что-то складывал на полу, постукивая дощечками. Вот он выпрямился и поставил на подоконник длинную легкую полочку в два этажа.

— Внизу книги держи, они тяжелее, а тетради наверх клади. Сидя достанешь?.. стаканчик для карандашей, углубление

для разной мелочи. Ребята советовали под красное дерево отлакировать, а я подумал, что для больницы пусть лучше светлым будет.

— Все-то у тебя, Паша, здорово получается! — в голосе Стаса восхищение и зависть. — Разбери еще на подоконнике, а то ничего не найду. Что-нибудь взять — целая проблема. Вот уж не думал, что без них так муторно жить, — Стас кивнул на забинтованные руки.

— Очень болят? — дрогнувшим голосом спросил Паша.

— Сейчас почти не болят. Скоро новая кожа нарастет. А вот у него... — тезка понизил голос, и Станислав не услышал, что тот зашептал другу. Невольно скосил глаза на свои руки-полешки и попробовал пошевелить пальцами. Но под бинтами защипало, заныло, и мысли застряли на ощущении злобной боли. Когда она, насытившись, отпустила, Паша уже говорил на прежнюю тему:

— ... У дверей мэрии мы пикет выставили и возле машины ждали. Милиционер нас чуть не арестовал... На прием записались — трехмесячная очередь. А по стадиону уже с теодоли-том ходят, замеряют.

«Дурачье... Чтобы к Виктору Борисовичу прорваться, надо секретарше Мариночке в ящик — тот, что немного выдвинут, духи положить или баночку икры, на худой конец, шоколад подороже. Деньги — ни-ни! Это расценится как взятка», — мысль пришла исподволь, насильно втягивая в проблемы живущих. Мать обсуждала свои дела с главой города на банкетах и презентациях, а он заглядывал к мэру потом, что-нибудь подписать. Мариночка протягивала ему худую руку с накладными ногтями и, если в приемной не было посторонних, подставляла нарумяненную щеку. Возле губ и у глаз, выдавая возраст, лучились морщинки. Наверное, поэтому Мариночка особо благосклонно относилась к воспитанным молодым людям.

— ... И спонсор наш, говорят, обанкротился. Надежды на материалы — тью-тью. Я самолет-амфибию уже отчаялся закончить. Попробовали подзаработать: летающие игрушки делали. А кто и куда продавать пойдет? В магазинах не берут — импортных самолетов навалом.

«Игрушки — туфта! — разговор раздражал Станислава, но остаться вне него не получалось. — Вот если бы флюгера для коттеджей: драконы, крылатые кони, двуглавые орлы — озолотиться можно...»

Мысль плеснулась, как вода на пологий берег, — зашипела пеной и откатилась назад, оставив на песке ленивые струйки, неспособные сдвинуть даже мелкие камушки. Дремотное безразличие отключило от голосов, но не успокоило. Мордастый

Бугор ухмылялся теперь уже ему, как в тот день, когда они впервые схлестнулись в офисе матери. Тогда стало ужасающе ясно, что добросовестной, едва окрепшей строительной фирме «Надежда» не устоять перед монолитом с криминальным духом. Мать еще надеялась на свой ум, связи и законы. Но это все равно что надеяться на светофоры и правила дорожного движения, когда в город въезжает вражеский танк.

А ведь как хорошо было задумано, как отлично все начиналось... Это были счастливые дни — больше двух лет тому назад. Тогда мать, без обид и упреков, как умела только она, расставшись с разочаровавшим ее близким другом и его преуспевающим банком, отлеживалась дома, наслаждаясь телевизором, чтением книг и сном.

У Станислава тоже был период успокоения и внутреннего триумфа: он с медалью окончил школу и поступил в институт; занял первое место на городских соревнованиях по плаванию, по гимнастике получил очередной разряд; и еще у него был первый в жизни любовный роман с потрясающе красивой женщиной. Он чувствовал себя совершенно взрослым, и мать, когда сын оставался дома, вела с ним разговоры, как с равным, о политике, которую считала опасной игрой бездельников, об издержках и козырях бизнеса, об опасностях и прелестях самостоятельного дела и шансах войти в элиту городских предпринимателей.

Станиславу льстило, что мать советовалась с ним, и мысли крутились в ускоренном темпе. Это он предложил размещать коттеджи на не пригодных для муниципального строительства местах. И умно, красиво было задумано: коттеджи должны гармонично вписываться в панораму города, разрежая многоэтажки, подчеркивая их высоту и солидность, сами оставаясь неповторимыми, — так маленькие бусинки высвечивают драгоценные камни в дорогом ожерелье.

Они перерыли десятки иллюстрированных каталогов, мать обзвонила друзей и специалистов, съездила проконсультироваться в Москву. Она вгрызалась в дело, как всегда, уходя с головой, молодея, несмотря на бессонные ночи и груды окурков ее помощников, которых умела найти и увлечь. Она никогда не ошибалась в выборе друзей. Но на этот раз... Может, это возмездие за то, что увела мужа у любящей жены. Отца — у сына.

Сердце сжалось, жаром полыхнуло от макушки до пяток: внезапно с болезненной отчетливостью он понял, что это Ее — женщину, пахнущую молоком и ромашкой, — обокрала его мать.

«Теперь все стало еще сложнее. И это странное чувство к Ней... Господи, на какие муки ты оставил меня в этой жиз-

ни!» — Станиславу казалось, что боль в его сердце кричит на всю палату, и те, у окна, могут ее услышать... Усилием воли он открыл глаза.

Но Паша уже ушел, а Стас спорил с медсестрой, доказывая, что уколы ему отменили. Больничная жизнь текла в привычном русле, внося успокоение безразличия, — единственное чувство, за которое еще можно было спрятаться.

... Во сне Станиславу привиделась карта города, которую он мог бы нарисовать с закрытыми глазами. В серые квадраты построенных раньше и недавно многоэтажных домов вкрапчивались бесформенные зеленые, сиреневые и красные лоскуты. Карта ширилась, сползала со стола, достигала стен. Круша их, вылезала за пределы дома, растекалась по дворам и улицам. Она оживала, линии кварталов стремились совпасть с тротуарами и шоссе. Под ногами коробилось.

Станиславу уже негде было стоять, и он взлетел невысоко, только бы не попасть в это дикое перемещение. Зеленые пятна стали обрастать травой, в сиреневых что-то рушилось, на месте красных влажно заблестело, и Станислав подумал, что это — кровь. Но это были раскаленные угли. По ним перебегали пепельные тени и голубоватые молнии... Порыв ветра, разбойничий свист — он сорвался с мясистых губ Бугра, оттяпавшего стадион у авиамоделистов. Теперь он пытался спалить город и на пепелище возвести себе дворец... А город пылал. Станислав чувствовал, что тоже сейчас загорится, но выше взлететь не мог — кто-то крепко держал его за плечи.

— Станислав, проснитесь... — Ее голос, ее лицо в свете дежурной лампочки. Лампочку зажигают лишь в экстренных случаях. — Пришла Надежда Эдуардовна... Не волнуйся, все будет хорошо.

От двери бесшумно отделилась фигура. Шагов он не услышал, и это удивило: мама любила высокие каблуки и умела выразительно цокать ими. Сейчас она несла замшевые сапожки в руке, и это было так на нее не похоже, что у Станислава тревожно сжалось сердце.

— Я подожду вас за дверью, — тихо сказала Она, и Станислава поразила мысль: какие же невероятные события должны были случиться, чтобы свести этих женщин вместе...

Мать присела на табурет, поджав под него ноги. Из-под припущенных ресниц Станислав видел ее осунувшееся, заостренное тенями лицо: тонкие брови четко очерчены, длинные ресницы подкрашены, волосы уложены в строгую прическу. Как всегда, из-за помады на губах она не смогла его поцеловать, лишь прижалась щекой к щеке, заполняя пространство вокруг себя ароматом терпких духов.

«Она — в порядке, — с облегчением и обидой подумал

Станислав. — Как всегда, выстояла, а может, победила. У нее просто не было времени прийти раньше — дела прежде всего. Могла бы не спешить: я даже не вспомнил, что детей, когда им плохо, тянет к матери».

Мать молчала, всматриваясь в его лицо, и совсем не ко времени Станислав вспомнил, что в детстве обожал ее, но боготворил отца, с нетерпением ожидая из командировок — частых, длительных и небезопасных. Отец испытывал большегрузные машины то на Севере, то в песках, то преодолевал водные рубежи — болота и речушки. Был даже в джунглях и привез сыну пробковый шлем с москиткой.

Мать доставалась Станиславу тоже лишь маленькими порциями: утром, когда они вместе завтракали, наспех, потому что ее ожидала машина. Иногда вечером, если возвращалась не слишком поздно, она заходила в детскую пожелать спокойной ночи, не сняв деловой костюм. От нее, кроме запаха сигаретного дыма, исходила какая-то плотная, напористая волна, еще не остывшие глаза блестели азартом словесного боя. Усталость лишь замедляла движения, придавая фигуре устойчивую опору для следующего витка стремительной карьеры, вознесшей ее от секретаря-машинистки до секретаря райкома партии. А когда рухнула старая и закрутилась новая жизнь...

— Как ты мог? Ты ударил меня сильнее, чем другие... — шепот матери пробился сквозь туман воспоминаний, возвращая в настоящее. — Из любой проблемы, даже самой отчаянной ситуации есть выход. Я доказывала это десятки раз. А ты!.. Так малодушно...

Станислав зажмурился, как от пощечины. Она умела бить, заставляя подняться... Так было с отцом — старательным, бесконечно влюбленным в нее человеком, способным нести средний деловой и житейский груз. Она же пыталась сделать из него тяжеловеса, и обычный водитель такси стал испытателем... Но зачем же бить сейчас лежачего?

Мать говорила что-то, наклонясь низко и жарко дыша в лицо. А в памяти звучал другой ее голос, на грани крика. Она сидела в изящном кресле на тонких ножках и казалась выточенной из камня:

«... Вы, кажется, не понимаете, что произошло! Мы живем уже не в своем доме, машин нет, денег — тоже. Одни долги... Что ты молчишь, Константин? Ведь ты не только архитектор. Ты был обязан все отслеживать. И проморгал... Почему должна тащить я одна? всю жизнь меня окружают не мужчины — тряпки!»

Константин Витальевич, до синевы бледный, опирался спиной о косяк, словно боялся упасть. В застывших бархатно-серых, как у тезки, глазах стоял ужас загнанного в тупик

зверька. Было противно смотреть на этого чужого почти-родственника.

«Надо что-то придумать, — Станислав заговорил осторожно, понимая, что переводит огонь на себя. — Я попробую узнать...»

«Уже напровобовались, наузнавались... Если даже главный прокурор, который мне симпатизирует, руками разводит... Господи, я и представить не могла, что окажусь в таком диком положении!» — мать заметалась по комнате. Ее тапочки лишь шуршали по ковру, а Станиславу казалось, что шаги громахают, как по железной крыше.

«Надо уезжать, — она остановилась. — Куда угодно. Немедленно».

«Бежать, как крысы с тонущего корабля?». — Сын не понимал, что горечь его слов превращается в капли смертельного для матери яда.

«Как ты смеешь! — ее красивое лицо исказила ненависть. — Это ты подсунул идею с коттеджами! У меня были другие планы. Теперь мне и Константину Витальевичу расхлебывать. А ты... Привык на всем готовом, за моей спиной! Ты же приспособленец из непотопляемых, — щеки матери пылали болезненным румянцем, глаза сухо блестели. — Я просто сдохну здесь от позора, а мне жить хочется!»

«А мне не хочется...» — как во сне проговорил Станислав и вышел из комнаты. Им овладело чувство тупого безразличия к тому, что происходит, что будет завтра и потом. Такое случилось впервые, и он не знал, как бороться с этой напастью.

Он добрал до Мещанки к утру. Пустынная улица глазела мертвыми провалами окон, полуразрушенные дома знакомой трущобы казались кладбищенскими склепами. Он достал из тайника целлофановую коробку из-под торта. Пистолет со сбитым бойком и патроны сунул в карман, пару лимонок положил в спортивную сумку и пошел по улице, круто сбегаящей к водоему...

Сейчас он понимал, что невольно тянул время, еще надеясь на чудо. Все, прокручиваясь в воспоминаниях, казалось чужим сном. Лишь последнее — как, вернувшись в «берлогу», сел на кровать и засунул палец в кольцо чеки гранаты — заставило замереть сердце, хотя тогда оно было ужасающе спокойно. Но распахнулась дверь, зазвенел беспечный голос тетки, и возникло его румяное, внезапно бледнеющее лицо...

... — Что с тобой, мальчик мой, тебе плохо?.. — встревоженный голос матери был слишком резким, непривычное обращение — чужим.

«Уйди... Тебя не было так долго, а может — никогда. Теперь твой визит и слова не имеют значения», — он хотел это сказать, но не мог пошевелить губами.

Она поняла. Она всегда очень тонко улавливала ход его мыслей. И теперь замолчала, наклонилась к нему и вдруг сползла с табурета. Колени ее коснулись пола, голова прижалась к его плечу.

— Сразу к тебе не пустили, а потом... Не хотела тебе говорить, но я не могла прийти раньше, потому что... Сначала заказчики едва не засадили нас в тюрьму. Потом они устроили на нас настоящую облаву — пришлось скрываться. Потом Константина Витальевича сбила машина, и это чудо, что отделался он синяками... Меня хотели похитить, — она подняла голову, посмотрела в сторону Стаса, прислушиваясь к его сонному дыханию. Заговорила снова, уже спокойнее: — Я боялась навести их на тебя, — усмехнулась с горечью: — В большей безопасности, чем сейчас, ты быть не можешь. И когда мы с Костей уедем, шантажировать тобой им будет некого. Это единственный выход: в Москву, потом — за границу, хоть по турпутевке. Я ничего не переводила на зарубежный счет — кто же думал, что так получится? Хотя обязана была предвидеть... Я хотела, чтобы мы уехали втроем, но ты решил все по-своему: эгоистично, глупо... — она давилась слезами, пытаясь их сдержать.

Станислав ни разу не видел мать плачущей. Даже после смерти отца лишь окаменела лицом и строже выпрямила спину, а большие глаза ее стали казаться бездонными. Сейчас же голова мелко дрожала, и рубашка на плече Станислава набухла влагой. Это длилось минуту-две. Ему хотелось, чтобы тянулось вечно. Но мать отстранилась, снова села на табурет. Достав носовой платок, промокнула глаза — импортная тушь не растеклась, и губы сохранили форму. Она казалась даже красивее — беспокойство и опасности закаляли ее, словно вместе с адреналином в кровь поступал некий эликсир жизни.

Носовой платок вернулся в сумку, а вместо него в руке матери оказался небольшой пакет, обернутый полиэтиленом и заклеенный.

— Здесь твои документы и доллары — сколько смогла. Напишу до востребования в Новый город. Там же однокомнатная квартира в новом доме. Я купила еще до этого кошмара, но не торопилась об этом тебе говорить... Ключ и адрес здесь же, в пакете. Квартира оформлена на тебя, заплачено за год вперед. Но как только сможешь, уезжай в Москву, к Паниным. Надеюсь, что к лету мы за границей обоснуемся, и ты приедешь. Постарайся не натворить новых глупостей...

Она замолчала. Информация и команды даны, тактика дальнейших действий обозначена. О чем еще говорить? Ее даже устраивает, что сын не спорит, не задает вопросы, на которые вряд ли есть ответ.

И все же она медлила, не уходила. Станислав ждал, прикрыв глаза: она не сказала главного и не может уехать, не приоткрыв хотя бы краешек завесы.

— Тебя, наверное, удивляет неистовство наших заказчиков, а на деле тайных, но теперь уже явных конкурентов, — мать скривила в горькой усмешке губы. — Ты был прав, когда говорил: «На нас наезжает Бугор». Я не верила. Мне казалось, что все это — забавы задетого самолюбия: посмела, видите ли, отвергнуть его домогательства!.. Надо отдать должное его терпению и расчету: больше года выжидал, когда мы по уши завязнем в обязательствах и долгах. Несколько раз предлагал в разных вариантах стать компаньоном, но я понимала, чем все это закончится: при своих капиталах он просто проглотит нашу фирму. А заодно и меня... Я думала, он не посмеет так по-варварски. Переоценила свое женское обаяние и ум. И дело наше, казалось, крепко налажено... До сих пор не пойму, как ему удалось расшатать фирму, выбить из-под нее фундамент? И ведь ничего не докажешь... А бунт наших заказчиков — это тоже идет от него? У меня нет сил гадать, бороться. Только бы уехать...

Чувствуя, как свинцом наливаются виски и затылок, Станислав повернул голову. Мать наклонилась, в глазах мелькнула надежда:

— Ты хочешь что-то сказать?

«Хочу, но не знаю что... И зачем? Каждый принял свое решение. Мое меня подвело... Может, тебе повезет больше. Я люблю тебя. Прощай», — защипало глаза. Он торопливо закрыл их, но мысль отразилась в изломе губ, в каждой черточке беззащитного лица.

— Спасибо, сынок. Почему все так повернулось? Ты прости меня, прости... — зашептала мать, глядя его, как в детстве, по щеке.

Скрипнула дверь, знакомая фигура скользнула в палату. Впервые Станислав был не рад ей: еще немного времени, заполненного этим нежным шепотом, и в глухой обороне его умирающих чувств появилась бы брешь. Все стало бы иначе. Хуже или лучше, но иначе...

— Надежда Эдуардовна, вам пора. Он нервничает, боится, что опоздаете на поезд.

Станислав понял: Она говорит о муже. Подумал с горечью: «Значит, все это время Она была с ним. А Стас дрыхнет... Почему отец не захотел повидать сына? Может случиться, что расстанутся навсегда... А была бы потрясающая хохма: моя мамаша мне чувства свои изливает, а рядом папаша у сына прощение просит»...

...Невысокий коренастый мужчина в штатском появился в палате неожиданно. Поздоровавшись кивком головы, представился с порога:

— Следователь, майор Честяков... Кто из вас Любочкин Станислав Сергеевич? — взгляд оценивающе скользнул по кроватям, и Станислав, выбираясь из дремы, почувствовал: его словно раздели, лишая защиты больничного одеяла и бинтов. Сердце дернулось, точно в момент старта на беговой дорожке или перед прыжком в воду.

— Думаю, это вы, молодой человек, — майор шагнул к кровати, подтянул ногой табурет и сел, поправляя белый халат, сползающий с кожаной куртки. Глядя снизу, Станислав видел волевой подбородок с ямочкой, широкий нос и влажные ноздри с волосками. Созерцание незнакомого лица помогло унять дрожь и собраться с мыслями.

Майор, щелкнув кнопками, раскрыл папку и начал перебирать бумаги. Потом поднял голову и пробуравил Станислава взглядом:

— Для начала и пока без протокола определим: где, когда и при каких обстоятельствах вы приобрели боевую гранату? — взгляд был опытный, от него невозможно спрятаться просто так под ресницы.

— Он не может говорить: голос пропал, — осуждающе проворчал со своей кровати Стас. — Спросите у врачей, если не верите.

Майор даже головы не повернул в его сторону.

— Так как же с гранатой, Любочкин? Разумеется, нашел, естественно, на свалке или в нежилом доме, который уже снесли. И конечно, в единственном экземпляре... Будет хуже, если мы сами твой арсенал отыщем. Тогда уж никаких смягчающих обстоятельств...

Станислав с облегчением прикрыл глаза: вторая граната и револьвер покоятся под водой. Он бросил их тогда в незамерзшую лунку. Рассвет лишь обозначился, и рыбаков еще не было. Все вокруг казалось нереальным, а сам он — лишь густком вязкой тоски.

«Может, и вторую туда же? — каждым нервом он ощущал тяжесть полегчавшей сумки. — Или прямо здесь, а то вдруг стреманусь, как тогда в самолете». — Он представил окровавленный по кругу снег и матерящихся рыбаков, которым испоганил облюбванное место.

— ... А если учесть банкротство фирмы «Надежда», то возникает мысль, что... — слова майора вплетались в воспоминания, втягивая из морозной свежести в тяжелый дух больничной палаты.

— Нет! Это случайность... Мы хотели просто посмотреть, а

кольцо нечаянно... Он же спас меня! Спас!.. — голос тетки звенел.

— А ты, в свою очередь, его спасал. Ну, прямо-таки образец взаимного героизма, — сердито хмыкнул майор.

— Я капитану Калининскому подробно рассказывал, как все было... А вы имеете право допрашивать только в присутствии взрослых. Мама скоро придет, она тоже все знает...

По тому, как испуганно, словно выставляя щит, непробиваемый для свинцовых глаз, оцетинился тетка, Станислав понял: происходит то, что даже в голову не могло прийти. И этот визит — лишь начало... Но после свидания с матерью появилось неясное, не особо желанное будущее: пакет в полиэтилене был чем-то вроде пропуска в новую жизнь, куда он не стремился. А если засадят в тюрьму...

— Инспектор по делам несовершеннолетних, папы-мамы — это для вас, беспаспортных граждан. Ты, Романов, проходишь пока как свидетель. И не встревай в разговор, иначе выставлю в коридор.

— Не имеете права, — огрызнулся Стас. — Я — лежачий больной.

Майор развернулся в его сторону всем корпусом.

— О чем свидетельствуют тапочки на полу и пижама на спинке кровати, — в голосе звучала насмешка. И уже на полном серьезе, сердито. — Советую вспомнить о том, что на тебе висит еще звонок о якобы заложенной в школе mine. Если объединить его с реальным взрывом и его последствиями, получится очень даже неприглядный сюжет... И потянет это уже не на снисходительный штраф, а на срок в специнтернате для малолетних преступников.

«Что еще за мина?» — Станислав почувствовал, как мысль привычно, словно в добрые старые времена, юркнула в прошлое и заработала, вытаскивая, отсеивая и сопоставляя факты: осень, проходной двор, пацан с прозрачным планером, конфискованным Братухой. И вопль тетки: «Вы тут треплетесь, а там школу взрывают!»

«Так, значит, сам и настучал, шельмец...» — губы Станислава растянулись в улыбке. Вернувшаяся способность анализировать обрадовала и напугала, еще на один шаг вытаскивая в реальный мир.

— Ты еще и улыбаешься! — майор задохнулся от возмущения. — Выходит, не так уж плох... Такое поведение можно расценить как явное нежелание давать показания.

— Это он от боли улыбается, — взвился Стас и сел на кровати. Поморщился, прижимая к ребрам руки. — Защитная реакция... Мама говорит, что у сильных людей так бывает. Спросите у психиатра.

— Не припомню, чтобы мне улыбаться хотелось, когда бандюга пулю в грудь всадил... — в ворчливом тоне майора уже нет раздражения. — И что вам, парни, нейметя? Начинаете с шуточек да случайностей, а кончается все... Вчера два подростка старуху соседку зарезали: она пенсию за три месяца получила, а им «подогреться» потребовалось, на дозу не хватало. Так они ее кухонным ножом по горлу... Или месяц назад девчонку-малолетку вчетвером... Потом придушили. Старшему — восемнадцать, младшему пятнадцати нет. Женщин голых только на картинках видел, а захотелось «как по телеку»... Сейчас слезы льет. А мать девчонки из петли вытащили. Она дочку одна, без мужа растила... Это вот горе. А ты, Любочкин, чего полез со смертью целоваться? За попытку самоубийства по закону карать бы полагалось. Или в дурдом сажать...

Майор встал, распрямил плечи, добавил примиряюще:

— Бывают, конечно, смягчающие обстоятельства, когда по вине других... Только во всем разобраться надо. Так что зря ты, Любочкин, в глухой обороне... Корешки твои все равно рано или поздно расколются, хотя алиби у всех есть: один на аэродроме околачивался, другой в техникуме кухарил, третьего вообще в городе не было... Только чую, без криминала не обошлось. И с матерью твоей, Станислав Сергеевич, сплошь неувязки. Поговорить бы надо... Где она, кстати, сейчас? Последний раз давно навещала?

В ворохе вопросов последний прозвучал как бы между прочим. Но Станислав насторожился. Похоже, и весь разговор был затеян не ради несуществующего арсенала, а совсем с другим прицелом.

— Она здесь ни разу не была, — сказал Стас с явным осуждением. — Врачи удивляются, и я — тоже. Наверное, болеет или уехала.

— Может, и уехала... Может, зря поторопилась, — майор подошел к кровати тезки: — Если что узнаешь — сообщи. Это в интересах твоего друга, Романов, так что нечего на меня волком смотреть, — майор написал номер телефона и положил листочек на подоконник.

Когда шаги следователя Честякова стихли в конце коридора, Станислав позволил себе расслабиться и с удивлением обнаружил, что зубы его сцеплены, челюсти свело, а ладони съезжились в попытке сжать кулак. Он попытался согнуть руки в локтях. Впервые захотелось понять, что же там, под слоем бинтов?.. То казалось, что получается шевелить пальцами, то мерещилось, что пальцев нет совсем, — ощущение их глохло в пульсирующей боли. И, пугаясь подступающего отчаяния, он старался переключить мысли.

Но на этот раз сбежать от самого себя не удалось. Собы-

тия разворачивались в нарастающем темпе. Он не успевал переваривать их, и эта несвойственная ему рыхлость сознания пугала. Беспомощное тело становилось обузой, хотелось вырваться из него, как из арестантской ямы. Он задыхался, пытался крикнуть, заранее зная, что никто не придет. Только Ее голос пробивался струйкой кислорода, и все в Станиславе оживало, пугая обилием нежных чувств.

... Ее голос был немного виноватым, но убеждающим, как будто выстраданное давало право на решение, принятое ею одной. Эти чувства передавались Станиславу, он ощущал ее состояние, которое Она пыталась перелить в другую душу. Но не его...

— Постарайся меня понять, сын. Я не могла иначе... Нет, нет! Отец ни о чем не просил, но я знала, что первая должна предложить развод. Он должен был уехать без тяжести в сердце, без бремени своей вины перед нами.

— А меня почему не спросила? — шепот тетки как крик.

— Он всегда будет твоим отцом — вдалеке или рядом. Таким, какой есть, каким ты его любишь. И возможно, все, что случилось за последнее время, научит его иначе видеть людей, жизнь. И себя...

— Это все она... Если бы папа был на прежней работе, если бы не эта дурацкая фирма, не эта женщина! Она же обокрала нас... — голос Стаса дрожит от ненависти, от жалости к матери и к себе.

— Крадут то, что плохо лежит... И он не вещь, а предмет вполне одушевленный. Знал что делает. Понимает, что происходит сейчас, — в ее голосе проступают холодные нотки и боль. Дробинки замороженной боли. — Если бы все случилось не так стремительно... Помнишь, он был у нас после Нового года, привез компьютер. Тогда он сказал, что хотел бы вернуться, но пока не может... Я почти простила его. Ради тебя. Но судьба распорядилась иначе... Невозможно разрушать и создавать одновременно — нужно что-то одно. Пусть он хоть с ней попытается стать мужчиной. А главное, будет жив.

Станислав лежал, боясь дыханием нарушить затянувшуюся в комнате тишину. Он физически ощущал этот сгусток любви и ненависти, боли и жалости, рожденный случайностями и неизбежностью в созданном Кем-то лабиринте судеб — необъяснимом, неподвластном уму переплетении дорог, тропинок и тупиков в бесцельном хаосе жизни.

«Как я устал от всего, от всех, — сердце наполнилось неприязнью. — И зачем только Ты, Господи, заставляешь людей жить?..»

Это были совсем незнакомые шаги — словно нерешительный перестук маленьких копыт. Вот они цокнули на одном

месте и замерли перед препятствием. Потом дверь скрипнула, повеяло ароматом леса — сосной и черникой, что разрослась вокруг небольшого озера, где когда-то целую неделю он жил с отцом, питаясь рыбой, ягодами и грибами. Исполинские сосны отражались в сонной воде, черной у берега и синей в центре. Солнце золотило кору сосен, придавая ей днем цвет сусального золота, а на закате червонный оттенок. Вода в озере была прозрачной до дна, где стайками сновали шустрые рыбешки...

Станислав приподнял ресницы — прямо на него в упор смотрели огромные незабудковые глаза. Волосы сосновым золотом обрамляли растерянное лицо — в палате стояла лесная фея с опущенными крыльями ниспадающего до пола белого халата. Из подогнутых рукавов выглядывали тонкие пальчики. Они с трудом удерживали прозрачную сумку, набитую фруктами и пакетами с нектаром, собранным с цветов. Вторая рука прижимала к груди охапку мимоз. Пушистые шарики льнули к бело-розовым щекам.

— Добрый день, — вымолвила фея и уронила на кровать у окна сумку. — Вы не знаете, где Стас? Мне сказали, что он в этой палате... — у нее был вполне человеческий голос. Досада отразилась на милом лице со вздернутым носиком и пухлыми губками не по-детски чувственного рта. — Ему не стало хуже? — в незабудковых глазах светилась тревога, пальчики нервно перебирали цветы.

Станислав не выдержал ее настойчиво-молящего взгляда:

— Он... на перевязке, — голос выдавился хрипло, в горле запершило, и Станислав закашлялся, морщась от боли.

— Хотите попить? — она торопливо подошла к кровати, схватила с тумбочки поильник и поднесла к его губам. Подождала, когда он, сделав несколько глотков, перестанет кашлять. Поставив поильник, улыбнулась, отчего на щеках появились ямочки. — Меня Лилей зовут, я учусь со Стасом в одном классе, и мы...

Станиславу показалось, что она хотела сказать: «Дружим», но замолчала и словно спрятала выражение глаз в тени длинных ресниц.

— А вы — Станислав?.. Простите за бестактность. Но когда это случилось, я так плакала. Из-за Стаса тоже, но он поправится. А у вас все так ужасно... Когда папа рассказывал маме...

«При чем тут ее папа, мама? — вяло удивился Станислав. — И что значит «все так ужасно»? Со здоровьем или всем остальным? Значит, ходит молва. По секрету — всему свету. А свет на мне клином...»

— Я так и не поняла, почему вы в то утро со Стасом оказались вместе? У меня День рождения был, мы всем клас-

сом собирались ехать к нам. Столы были уже накрыты и вдруг... Я, конечно, отменила все, но, чтобы еда не пропала, просто так, без тостов пообедали. Настроение, сами понимаете, ужасное, хотя знали, что вы оба живы... Школа в тот день просто гудела, мальчишки с занятий бегали на пожар смотреть. Столько машин понаехало. Три дома — дотла. Хорошо, что в них никто не жил... Как же все получилось? Простите, если вам неприятно, я у Стаса спрошу, — она отошла к постели у окна и начала перебирать цветы.

Мимоза источала пьянящий аромат. Он кружил голову, как шампанское, которое пили год назад просто «за весну». Братуха и Зятек недоуменно переглядывались, Сынок посматривал настороженно, ожидая пояснений. Они не верили, что можно радоваться просто так, ощущая волшебство ослепительного, щемящего душу возрождения жизни.

Они сидели на краю оврага, где солнце уже отвоевало у снега горбушку земли. Сквозь космы прошлогодней травы пробивались зеленые лучики. От старых бревен, на которых они расположились, от разрушенных стен домов парило, и зыбкое марево дрожало в воздухе, наполненном запахом мокрого леса. Снег в овраге уже осел, и склоны казались розовыми от красноватых ветвей разросшейся вербы. Шелковистые комочки пушились, отсвечивая серебром. Казалось, из оврага на подтаявший лед водоема выплескивается стоячей волной жемчужная пена.

«Развезет скоро, одна грязюка, блин...» — ворчал Братуха, но круглое лицо его ловило лучи солнца.

«Под снегом-то чё только не объявится, — бормотал Сынок. Глаза его хитро щурились, — от клево́й вещицы до «жмурика».

«На фи́га мокреть. Тепла бы... Летом и бомжить в кайф», — привычно ежась, мечтательно улыбался Зятек.

Станислав ясно представил себя сидящим на бревне и медленно цедящим шампанское. И так нестерпимо, до боли в груди и липкой испарины во всем теле захотелось хлебнуть пьянящего ветра. Чтобы стоять на холме, под синевой неба, над синевой воды, купаясь в синеве, летя в ней вольно, бездумно, всем усталым, измученным существом своим чувствуя безмятежное счастье свободы...

«Весна, неужели уже весна?..» — подумал он ошеломленно, только сейчас ощущая невыносимость спертого воздуха, тесноту стен. И — рванулся. Все в нем застонало от боли, а губы стиснулись, сдерживая крик. Наверное, он заскрипел зубами.

— Вам плохо? — голос-колокольчик прозвенел над ухом. Он почувствовал запах ее лесных духов и открыл глаза — на фарфоровом личике застыло страдание. Оно так не вязалось с

вызывающе здоровым румянцем на упругих щеках, что Станислав улыбнулся.

Пухлые губки готовно приоткрыли белизну мелких зубов.

— У вас такие сердитые глаза, даже страшно становится, — в голосе звучало типично женское кокетство.

— Снег уже совсем сошел?

— В городе почти сухо, а в лесу сугробы. Когда они растают, поедем за подснежниками, всем классом, папа автобус даст. Но сначала в разведку на «Вольво»: папа и мама — впереди, а на заднем сиденье я между двумя Станиславами. Буду всю дорогу загадывать желания... Ведь вы скоро поправитесь? Я так хочу! — губки ее надулись, глаза лукаво заблестели. Она ждала ответа.

— Постараюсь... — Станислав опустил ресницы, надеясь, что она отойдет. Жизнь врывалась в него слишком стремительно. Казалось, что ссохшаяся, отвердевшая оболочка его души не выдержит мучительного запоздалого отчаяния, вины перед самим собой. Он понимал, что уже не сумеет сбежать снова в свое добровольное заточение, где обосновался прочно и, как ему казалось, навсегда.

— Вы уснули? — нежный голосок вздрагивал от обиды. — Да, конечно, вы же раненый, а я тут со своей болтовней...

Станислав, почувствовав, что она отошла, попросил:

— Откройте форточку. Душно.

— Разве? — в голосе Лили проскользнула досада, но она послушно подошла к окну. — Здесь высоко. Можно встать на кровать?

Она начала снимать сапожки, но тут вошла нянечка Клава, шумная, крикливая, похожая на сморчок.

— Это что еще? — цыкнула она на оробевшую девочку. — Я тебе что велела? Сиди и жди. Врачи увидят — мне влетит. И так уж одолжение сделала: в сапогах, да не в положенное время...

— Да, конечно... — торопливо сказала Лилия и, откинув полу халата, полезла в кармашек платья, зашуршала бумажкой. — Я вам очень признательна. Возьмите, пожалуйста...

— Ладно уж, — голос нянечки благодарно смягчился. — Приходи в мою смену, завсегда пушу.

Они перебросились еще парой фраз, но Станислав уже не слушал. Очарование Лесной феи растаяло, реальность врывалась в мир иллюзий знакомым шорохом денежной купюры.

Потом пришел Стас. Он радостно ахнул и начал спрашивать Лилию о чем-то. Они говорили, перебивая друг друга, а потом тише, очевидно, о нем, — Станислав не вслушивался. И только почувствовав лесной запах возле своей кровати, приоткрыл глаза.

Лиля ставила в стакан, наполненный водой, веточку мимозы. Заметив, что Станислав смотрит на нее, наклонилась, быстро коснулась губами его щеки и молча направилась к двери. Тезка пошел ее провожать, и Станиславу показалось, что у него что-то украли.

... — Мама, он заговорил! — ликующий шепот тезки был таким громким, что Станислав вздрогнул. — Он сказал Лиле, что я на перевязке, спросил, сошел ли снег, и велел открыть форточку.

— Слава богу... А форточку откроем. Действительно душно.

От Ее голоса стало покойно: все будет хорошо, непременно и само собой.

— Я открою, ма. Не тебе же лазить, — панцирная сетка цокнула.

— Осторожней, не делай резких движений... Смотрю, дорогой товарищ, выписываться тебе пора и через недельку — в школу. — Она улыбалась. Станислав научился улавливать оттенки ее голоса, но сейчас, в полумраке приходящего вечера, хотелось увидеть выражение ее лица, изученного до мельчайших морщинок около губ.

Стас слез с кровати. Слышно было, как он забирается под одеяло, устраиваясь поудобнее.

— Не слышу комментариев. По школе не соскучился?

— Соскучился. И по дому, по компьютеру, — Стас сдержал вздох. — Глеба увидеть хочется, на прыжках побывать. В прошлый раз, когда он сюда приходил, пообещал со мной на «Кузнечике»... Да нет, не скоро... А тебе хотелось бы на тандеме, с инструктором?

— Я — человек земной. Вот отец твой когда-то... Только все так в мечтах и осталось, — в ее голосе нет и следа иронии, лишь грусть. Станислав слышал, как Она перебирает на подоконнике книги.

— А нельзя мне подождать и вместе с тезкой выписаться? Как же он здесь один... — Стас запнулся. — Знаешь, когда я его вытащил и боялся, что он умрет, то как бы поклялся: никогда его не оставлять. Понимаю, что загнул, но... К нему никто не приходит, даже семейка как сгинула. И мать далеко, и жить негде. А можно?..

— Конечно, можно... — Она говорила тоже шепотом, но Станислав слышал каждое слово, предназначенное не ему. — Я ждала, когда ты примешь это решение сам. Переберись в столовую, на твой диван, а спальня будет вашей — кровать там необъятная.

— Ты самая лучшая мама в мире! — голос Стаса дрогнул.

— Тише, разбудишь, — она шутливо зажала его рот ладо-

нюю. Стас дурашливо чмокнул ее в руку и уткнулся лицом в ее колени. Она присела рядом с сыном и стала гладить его густые взлохмаченные волосы. — Ну и оброс же ты... — помолчала в раздумье. — Еще не знаю, как он отнесется к нашей затее: привык все решать самостоятельно.

— Да уж... — сокрушенно протянул Стас. — Но мы уговорим.

— Теперь, когда он окончательно вышел из шокового состояния и депрессии, начнет поправляться быстро. Хотя... — Она подавила вздох, — ему непросто будет войти в жизнь... инвалидом.

«Инвалидом!..» — слово стегануло как хлыст, и Станислав словно прозрел. Как будто над путаницей странных предметов, неопределенных, а потому не пугающих образов вдруг вспыхнула осветительная бомба. Разом стали видны пропасти, горы, разрушенные замки, бурелом... И ни одной дороги. Лишь легким намеком неясная тропочка к мостику, перекинутому через бездонный овраг. Мостик — пакет в полиэтилене, что лежит в тумбочке. С ключом от однокомнатного «дворца» и сомнительным богатством в чужой валюте.

«Инвалид... Почему Она первая произнесла это страшное слово?» — Станислав зажмурился и прикусил губу, чтобы не застонать.

— Хочу увидеть свои руки...

Медсестра Танечка вздрогнула и чуть не выронила смотанный бинт. Ее глаза-черносливины испуганно стрельнули в Станислава, потом покосились в сторону врача. Она еще не слышала голоса больного — молоденького и симпатичного, так искалечившего себя.

— Пусть полюбуется, — хмыкнула Марина Павловна. За свой долгий, трудный век она навидалась больных и раненых, устала сочувствовать им и терпеть не могла тех, кто сам был виноват в своих страданиях.

Танечка торопливо смотала остатки бинта и помогла Станиславу поднять правую руку, слегка согнув ее в локте.

То, что он увидел, мало напоминало кисть: большой палец торчал одиноко, на нем сохранился даже ноготь. От всех остальных пальцев остались лишь последние фаланги, и мизинец был обрублен вровень с ними. Распухшие культики имели красновато-синюшный цвет. Кончики их бугрились следами от швов. И сама рука по локоть — в порезах и швах, словно из нее пытались сделать отбивную.

— Вам еще повезло, — жалостливо улынулась Танечка, — можете даже научиться писать и ложку держать. А то бывает...

— Глаза целы — считай, счастливо отделался, — в грубоватом тоне Марины Павловны проскользнуло сочувствие. — Сердце и печень не задеты, легкие — слегка. Повозиться пришлось с мелкими осколками, но Сергей Львович — чародей. И заживет на вас все, как на молодом псе. Так что считайте, Любочкин, что в рубашке родились.

«Не в рубашке, а в куртке. Канадской, для Севера, как бронезилет. Все порывался выбросить — тяжело, жарко...»

Станислав поднял левую руку сам и с тупым безразличием стал разглядывать большой палец и мизинец, неестественно отдаленные друг от друга. Под отросшими ногтями темнели ступки крови, и к горлу подступила тошнота.

— Не забинтовывайте здоровые пальцы, — резко сказал Станислав, — и сделайте так, чтобы руки в локтях сгибались.

— Мы уже командуем? — врач рассмеялась. — Хороший признак. Скоро начнем капризничать, а значит, поправляться. Оглянуться не успеем, как выпишетесь, избавив нас от команд и капризов.

«Хорошо, когда врач ехидничает. Хуже, когда жалеет», — подумал Станислав, застревая мыслями на слове «выпишетесь».

Он морщился, когда Танечка отдираала присохшие бинты от швов на груди и животе, а потом мазала чем-то вонючим, приговаривая:

— Жаль, что пальчиков нет... В прошлом году плотник большой палец себе оттяпал. На «скорой» ехал и к ране его прижимал, даже бинтовать не дал. Ну, пришили ему палец, прирос... А можно от доноров. По одному пальчику от желающих. Были бы только деньги...

— Хочу побриться, — оборвал медсестру Станислав.

— Зайду в палату, как освобожусь, — пообещала Танечка не слишком уверенно, зная, что сразу же помчится домой.

— Я бы хотел сейчас, — понижая голос и улыбаясь, уточнил Станислав: в подобных случаях такой тон действует безотказно.

Танечка вопрошающе вскинула на врача глаза, неряшливо подведенные дешевыми тенями. Та неопределенно пожала плечами:

— Если только по-быстрому и не на столе... Пока я кофе пью.

— Мы сейчас на каталку переберемся, — Танечка умело подсунула руку Станиславу под спину. Ее грудь примялась под его плечом. — Вот так... Теперь ноги перенесем и покатаемся к окну. Только придется брить с мылом. Больные обычно сами кремы покупают.

— Пусть будет с мылом, — Станислав нетерпеливо крутил головой, чувствуя, как тонкие волоски на подбородке противно

щекочут шею. Когда тупая бритва начала нещадно драть избалованную «Жиллетт» и лосьонами кожу на щеках, он пожалел, что поторопился.

Танечка протерла его измученное лицо чем-то пахучим, обещающим на весь день зуд, и залюбовалась своей работой.

— Теперь вам и двадцати трех не дашь, — объявила она радостно.

Станислав представил себе, как она смутится, если узнает, что ему только летом исполнится двадцать, и подавил усмешку.

— Скажите, куда девается содержимое карманов тех больных, что попадают к вам на «скорой»? — спросил он без особой надежды.

— Родные забирают вместе с одеждой. А если некому, то все хранится у сестры-хозяйки. Вам принести? — откликнулась Танечка.

— Тогда попрошу купить мне... Я продиктую. А себе, в честь Женского дня, возьмите набор хорошей косметики. И еще... — Станислав уловил запах цикория и злаков, доносившийся из соседней комнаты, — банку натурального кофе для Марины Павловны.

— Все это стоит так дорого! — лоб Танечки покрылся испариной.

— Там на все хватит, если цело, — он с удовольствием наблюдал, как в изумлении приподнимаются ее брови. Ему нравилось быть небрежно щедрым в пределах разумной части суммы, которой располагал. Ради одного этого стоит быть богатым. Учитывая, конечно, кому, когда и сколько дать, чтобы самому на бобах не остаться.

— Мы думали, что вы сирота. Оказывается, из богатеньких.

— Сироты тоже бывают богатенькими Буратино, — пошутил Станислав. — Так я могу надеяться, что возьмете надо мной шефство?

Танечка толкнула каталку в коридор и, помолчав, съязвила:

— Надеяться можете. Только не думайте... А то есть такие... — она была уже без марлевой повязки. Станислав не заметил, когда она ее сняла. Круглое лицо сияло, насмешливые глаза присмирели.

... К немалому удивлению Станислава, содержимое карманов испорченной, а потому уничтоженной одежды оказалось в целости. Гелевая ручка, расческа в изящном футлярчике, инкрустированный перламутром перочинный нож и записная книжечка в переплете из крокодиловой кожи — дорогие вещицы приятно ласкали глаз, но были теперь бесполезны, как безногому лакированные штиблеты.

Была и связка ключей — два от коттеджа и запасной от машины — вишневого цвета «Жигулей», которые он называл ласково «Вишенка». Сохранился даже брелок в виде леопарда из черного серебра. Оригинальная вещица понравилась, как только увидел ее в маленьком лондонском магазине. В Англию он ездил после десятого класса, на два месяца, и до сих пор не мог забыть стрельчатые дома в готическом стиле, подернутые дымкой голубого тумана. Леопард напоминал Станиславу его самого прежнего — гибкое, выносливое существо, умеющее замирать, выжидая, всегда готовое к прыжку.

«Хорошо, что не бросил вместе с «пушкой» под лед», — подумал Станислав. Мысль была новой, неясной, но приятно расслабила.

Деньги тоже не затерялись. Даже три «штуки», что были спрятаны в потайном карманчике на ремне брюк. Они лежали среди десятков и сотен, так же свернутые и без следов крови. Лишь на одной купюре бурое пятнышко, возможно, старое: деньги, как бездомные псы, где только не шляются, в какие передряги не влезают.

Станислав велел Танечке отсчитать на косметику и кофе. А ему купить разные мелочи — жизнь выдвигает свои требования.

...Он не слышал, как Она вошла, но рванулся из сна, предчувствуя, какой сладкой болью станет пробуждение. Ее не было целых четыре дня. Стас сказал, что у мамы прихватило сердце, но это неопасно. Надо отоспаться, и только. Но Станислав волновался, злился и, если бы мог, позвонил ей домой, чтобы по голосу определить ее настроение.

И вот Она здесь. Остановилась у двери, вслушиваясь в дыхание спящих. Потом успокоенно посмотрела в окно. Розовый свет раннего утра озарял ее фигуру — невысокую, худенькую. Распахнутый белый халат не скрывал упругую грудь, плотно обтянутую кремовым свитером. Стоячий ворот подчеркивал гибкость шеи. Наверное, убегая из дома, она не успела причесаться, а в больнице переодевалась торопливо, отчего из-под докторской шапочки выбилась прядь волос.

Она неторопливо сняла шапочку, привычным движением выдернула из копны волос шпильки, и тяжелый пепельно-сияющий каскад рухнул на плечи, заструился по спине...

Станислав обомлел. Он никогда не видел такого богатства, не знал, что так мгновенно может преобразиться давно изученное лицо. Оно озарилось такой прелестью женственности, что перехватило дыхание, и Станислав, словно впервые, рассматривал Ее полупрофиль: высокий лоб, не тронутые тушью брови. Глаза под ними нежно блестели, отражая восход. Нос, губы, подбородок были несовершенны и обаятельны, словно выписаны на портрете пастелью в утренних тонах.

Сердце споткнулось, остановилось и тут же заколотилось испуганно, наполняясь неизъяснимым чувством счастья и страха: вдруг проснется Стас или кто-нибудь заглянет ненароком и застанет их вдвоем: прекрасную женщину с интимно распущенными волосами, и его — мужчину, с обожанием взирающего на нее.

Станислав давно уже не был мальчиком. Легкомысленные девочки готовно раскрывали ему свои объятия. Даже не на шутку влюблялись, наталкиваясь на его изучающе-сдержанный взгляд. Но он был брезглив, осторожен, придирчив. Ему не хватало просто тела женщины, каким бы соблазнительным оно ни казалось. А та, Единственная, которую, прячась за цинизм, ждут и невольно ищут все, не появлялась, быть может, потому, что не там искал... Был, правда, пылкий роман с Мадлен, но тогда он заранее знал, чем все кончится.

... Она закрутила волосы тугим жгутом и, уложив венчик вокруг головы, натянула докторскую шапочку. Станислав, скрипнув зубами, резко повернул голову и уткнулся лицом в подушку. Она услышала шорох, а может, уловила всплеск его чувств, и подошла. Как всегда, одним легким движением коснулась рукой его лба и щеки.

Так нестерпимо, до боли в сердце, захотелось прижаться губами к ее ладони и целовать каждый палец, уже не по-сыновьи благодарно, а страстно. Завоевывать локоть, плечо, касаться губами гибкой шеи и девичьей груди. Прижиматься к Ее телу всем своим существом, тоскующим по ласке...

Она уловила его прерывистое, тяжелое дыхание и выпрямилась.

«Поняла?.. Догадалась?..» — в смятении от внезапно охватившего чувства стыда он зажмурился. Он так боялся, что его выдаст взгляд, дрожание ресниц или губ, что все заледенело в душе...

Негромко забормотал Стас, и Она отошла к постели сына.

Она сделала всего несколько шагов по комнате, а Станиславу показалось, что Она ушла навсегда. Он чуть не закричал: «Любовь Ивановна, Любочка... — даже губы шевельнулись, пришлось их прикусить: было страшно разрушить и потерять то небольшое, что возникло между ними за долгие ночи его беспометства и полусознания, когда Она сидела рядом и была ему матерью, сестрой, Ангелом-хранителем... Но почему разрушить? Страх и смятение отступали, таяли под напором внезапного чувства протеста. — Она старше меня всего лишь на возраст сына. Ей каких-нибудь тридцать пять... Она дает мужу развод, Она свободна! Мы можем пожениться, и каждый вечер я буду любоваться этим шелковым каскадом волос, ниспадающим на мою обнаженную грудь... и засыпать в Ее объятиях».

Уже без смущения он представил себе свое тело, каким оно было раньше, — сильное, гибкое, наполняющееся страстью любви от каждого прикосновения к ее теплой коже. Губы жадно ловят ее губы, пальцы ищут самые укромные уголки ее тела...

«Где они, пальцы? Уродливые обрубки, как клешни...» — Станислава затрясло от внезапного отворачивания к себе. Он с ненавистью покосился на руки. Его личный безжалостно-ироничный судья, присмиривший на время в ослабевшем мозгу, очнулся и подал голос:

«Ты-то ей зачем, комплексующий инвалид? Безработный молокосос с начальным высшим образованием... С украденным прошлым, непредсказуемым будущим и скверным настоящим... Виноватый неясно в чем, под явной опекой ментов и возможной — Бугра... Но даже не это главное. Самое главное — безмятежно сопит у окна. Твоя Надежда Эдуардовна увела у него отца, а ты мечтаешь лишить пацана матери? В благодарность за то, что, рискуя жизнью, он полез в огонь тебя, дурака, спасти... на свою беду».

Потрясенный, раздавленный мыслями, Станислав не слышал, как Она ушла. Новый день пробивался сквозь ресницы — день его очередной смерти и рождения. И ни одна живая душа не знала об этом.

... В этот день во время утреннего обхода Станислав попросил хирурга перевести его в общую палату.

— С чего бы это? — Сергей Львович вскинул брови до ободка белой шапочки. С недоумением посмотрев на Станислава, он развернулся всем корпусом в сторону замершего Стаса: — Чего не поделили?

— Да нет... — почти физически чувствуя, как мертвеет от обиды тезка, Станислав поспешил уточнить: — Не сейчас, а когда Романова выписывать будете. Все же палата для тяжелобольных и будет нужна.

— А... — неопределенно протянул Сергей Львович и, пыхтя от одышки, направился в сторону двери, уводя за собой шлейф молчаливых людей в белых халатах.

Станислав, со смешанным чувством уважения и зависти, смотрел ему вслед. В памяти возникла картинка: его высокая, подтянуто-деловая Надежда Эдуардовна в туфлях на высоких каблуках уверенно шествует среди строительного мусора. А за ней — хозяин будущего коттеджа, архитектор, прораб, экономист, еще кто-нибудь. Вспомнил себя во главе братвы — семейки, топающей по переулкам и дворам мимо развалюх и помоек. Он даже сейчас чувствовал спиной их то голодные, то признательные, но чаще завистливые взгляды.

Они подпирали, подталкивали, придавая скорость мыслям

и решительность действиям. Он понимал, что отвечает за судьбы корешей, потому что умнее, удачливее, богаче... Жизнь все высветила, проверила и, рассудив по-своему, перевернула, воздав каждому то, что заслужил, не сделав скидок и ничего не простив.

Мысли казались Станиславу по-стариковски мудрыми. Они примиряли его с собой, с тем, что есть и что может случиться. Уводили от ощущения себя — убийцы и жертвы в одном лице, помогая не захлебнуться в раскаянии и жалости. Они подготавливали его к предстоящему одиночеству...

— Ты на меня за что-то обиделся? — слова выплыли издалека, возвращая в действительность. Голос у Стаса почти бесстрастный, но за этим неумело выставленным щитом бьется, мечется буря чувств.

— Извини, я напрямую, не подумав, ляпнул, — Станислав виновато улыбнулся. — Слышал ваш разговор и не хочу, чтобы ты здесь из-за меня торчал. За гостеприимство спасибо, но в этом необходимости нет. У меня нормальная хаза, достаточно тугриков... А там мать в загранку вызовет, — он говорил нарочито небрежно, боясь выдать чувства, разбираться в которых сейчас было бы опасно.

— В гости приходить будешь? — нерешительно спросил Стас.

— Буду, — Станислав кивнул, зная, что не сделает этого. Прошлое — это прошлое. Строить новый дом — жилище или кабак, тюрьму или храм надо с чистой площадки, сровняв прежнее здание с землей.

Станиславу повезло: его поместили в палату на четверых. Кровать стояла у окна, и он мог видеть, как ветер треплет голую ветку плакучей березы. Ветка была похожа на прядь длинных волос, и Станиславу казалось, что за стеной дома прячется одинокая женщина. Но ждет она не его.

Любовь Ивановна — теперь даже мысленно он произносил ее имя вместе с отчеством — приходила вначале каждый день и приносила вкусно пахнущие супы и душистые кисели. Станислав вежливо отказывался, уверял, что ему хватает больничного питания. Всегда разборчивый в еде, сейчас он был к ней безразличен, ел мало — что дают, хотя и чувствовал: кости обтягивает только кожа.

Она упорно оставляла баночки и кастрюльки в тумбочке или на подоконнике, а через день уносила протухшую еду, и большие глаза ее были полны недоумения и такой печали, что Станислав избегал в них смотреть. Но он был тверд: новая жизнь должна начинаться без поблажек. Аскетизм во всем, тем более в чувствах, — это его удел.

Он добился своего: Любовь Ивановна стала приходить реже, справляясь о его здоровье у врачей. Но зачистил тетка. Он забегал, возвращаясь из школы, с рыцарскими романами и боевиками, взятыми у друзей. Отвадить его было проще — напомнил, что не может переворачивать страницы. И нет смысла тратить время на подобную чушь, тем более что сестра Танечка приносит свежие газеты.

Правда, газеты Станислав тоже почти не читал. В местной прессе на разный манер и только под хвалебным «соусом» подавали предпринимателя Бугрова. Столичную прессу раздирала ядовитая смесь чернухи, пасквилей и парламентской перебранки, от которой становилось тошно и страшно: казалось, страна к концу второго тысячелетия загнивает, как перезревший плод, уже не способный висеть на Древе жизни... Хотелось зажмуриться от бессилия, спрятать голову под подушку и никогда оттуда не вылезать... Поэтому Станислав стал читать самоуверенный «Times» и то, что находила Танечка на английском. Зарубежные беды и страсти не трогали, хотя где-то там, по закоулкам и бродвеем Европы, блуждала его полузабытая мать.

Станислав был самым тихим и смирным обитателем палаты. Врачам не жаловался, в разговоры с больными не вступал. Отгородившись от внешнего мира наушниками плеейера, оставленного категорично и молча теткой вместе с кассетами, он полулежал, отвернувшись к окну, и незаметно для всех рассматривал свои новые ненавистные руки, которые когда-то любил за силу и гибкость, за аристократическую форму узкой кисти с длинными музыкальными пальцами.

Как смело, еще в детстве, брали они аккорды и бодро сновали по клавишам фортепиано, приводя в восторг учителей и маминых знакомых, как непринужденно держали теннисную ракетку, как уверенно чувствовали себя на перекладине турника и цепко сжимали кольца. А как красиво выводили пальцы буквы, как чертили, как безупречно орудовали столовыми приборами, соблюдая тонкости этикета. Теперь им предстояло учиться держать обычную ложку и граненый стакан...

При взгляде на руки без бинтов Станислава охватывало отчаяние, подступала тошнота. Поэтому он заставлял себя изучать их. Массировал, пытаясь ощутить каждый обрубок в отдельности, тренировал, сжимая в кулак или топыря то, что осталось; крутил кистью, вовлекая руки в жизнь. Было больно, порой нестерпимо, и чувство отвращения заменяла жалость. А на смену отчаянию приходило что-то похожее на любовь к своим бедным культикам.

Постепенно появлялось ощущение предметов. Большие пальцы, охотно помогая всем остальным, не болели и украшали их

крепкие ногти. Станислав учился застегивать пуговицы на пижаме — это было главным на текущий отрезок жизни. И береза за окном уже не горевала. Похоже, она встретилась с тем, кого ждала, и теперь успокоенно набухла почками, обещая родить ласковую зелень листьев.

... После двух небольших операций под местным наркозом, еще немного покопавшись в Станиславе, Сергей Львович преподнес своему пациенту полиэтиленовый мешочек с горстью темных тяжелых осколков. Наверное, их полагалось хранить, как назидательную реликвию для потомков, но Станислав, проезжая на каталке мимо урны, незаметно выбросил, подводя еще одну черту под прошлым.

Когда разрешили ходить, жизнь стала видеться под иным ракурсом: из мира больных он заглянул в мир врачей и обнаружил там нечто знакомое: в кабинете Сергея Львовича стоял, прикрытый упаковочной пленкой, компьютер. Его контуры обрисовывались, как волнующие пики гор, которые не могут не притягивать взгляд бывалого альпиниста. Компьютер бездействовал, и когда Станислав с безразличным видом спросил Танечку: «Кто работает на «компике»?», она ответила, что никто, потому что у врачей нет времени ходить на курсы, а медсестрам страшно — там что-то мелькает, выскакивает и еще «зависает». А потому все с нетерпением ждут из декретного отпуска старшую медсестру Ларису. Главный сердится: давно надо сдать годовой отчет, который теперь вносят в компьютер, но...

В душе Станислава что-то словно отомкнулось, и пугающе неудержимым потоком хлынула радость. Он тут же притушил всплеск эмоций: предстоял еще разговор с заведующим отделением.

— И как вы собираетесь без пальчиков играть на этом инструменте? — Сергей Львович посмотрел на Станислава отрезвляюще жестко.

— Обыкновенно, — Станислав сам скинул с компьютера пыльную оболочку и, убедившись, что все подсоединено правильно, даже принтер подключен, приказал стоящей рядом Танечке воткнуть вилку в сеть. Тугую кнопку пуска он надавил большим пальцем, и когда знакомо загудело, запыкало, замигало, а принтер дернул головкой, оживая, Станислав понял, что тоже возрождается к жизни, пусть не настоящей, а иллюзорной. Но даже ради этого стоило хотя бы существовать.

Рука легла на «мышь», испугалась своей неуклюжести, но первый палец нашел левую клавишу, и курсор сработал там, где надо.

На компьютере уже кто-то начинал работать, заставка была

скучная, в серых тонах. Станислав, пробежав по перечню картинок, выбрал озеро и три сосны на выступающем мысе. Потом загрузил нужную программу, создал свой файл и, взяв со стола карандаш с ластиком на кончике, зажал его так, как научился держать ложку. Коснулся клавиш, и на светящемся фоне побежали буквы: «Уважаемый Сергей Львович! Ваш компьютер к работе готов».

Конечно, это была не прежняя работа всеми пальцами, которая восхищала даже придиричивую мать, но и сейчас эффект был ошеломляющий: хирург шумно засопел, а Танечка всплеснула руками и застыла, прижав их к щекам. Одобрительно зашумели набежавшие в кабинет врачи.

— Послушай, голубчик, ты же нам ниспослан Свыше, — облегченно зарокотал Сергей Львович. — Выручай! Пока обитаешь здесь, подучи кого-нибудь из этих лентяев. Вот хоть эту красавицу, — он кивнул на вспыхнувшую Танечку.

— Нам бы сейчас с отчетом... Отстаем, Сергей Львович, — Марина Павловна с мольбой смотрела то на хирурга, то на Станислава.

Это было прежнее приятное чувство — сознание своей незаменимости, и Станислав проговорил снисходительно:

— Можно и отчет оформить, если кто-нибудь подиктует. Заодно и научу — все не так сложно, как кажется. Не стоит только забираться в дебри... — он улыбнулся, неожиданно для себя самого, и поймал влюбленный взгляд Танечки.

...Компьютер, по рекомендации Станислава, перенесли в отдельную комнату с узким окном — бывшую кладовую, где между шкафами с больничным бельем уместился стол, два стула и жесткая кушетка, на которой Станислав, устав, мог отдыхать. Это было не лишним, потому что, поработав часа два, он стал жалеть о том, что не придумано компьютеров для лежачих. Спина, грудь, живот — все болело и жаловалось. Тело казалось дряблым, капризным. Было неприятно ощущать себя в нем как в одежде с чужого плеча.

Верный оруженосец Танечка, восседая рядом с ним, все поняла, и на другой же день вместо стула появилось кресло, где можно было развалиться, поставив клавиатуру на колени, и погрузиться в деловой мир статистики язв, грыж, аппендиксов и травм, анализа простых и сложных операций и, увы, одного летального исхода.

День теперь делился на три очень неравные по всем характеристикам части: первую половину его Станислав был обычным больным с уколами, перевязками и едой в общей столовой. А после обеда чувствовал себя кем-то вроде медбрата, посвященного во все тайны хирургических проблем. Проблемы эти Станислава не волновали — он ждал вечера, когда, про-

диктовал очередную часть отчета и дождавшись распечатки его на принтере, Танечка уходила домой. В отделении оставался только дежурный врач, и никто не торкался в «компьютерную», как торжественно именовалась теперь кладовая, чтобы внести в отчет очередную поправку или дополнение.

Компьютер еще не подключили к Интернету, а достойных внимания игровых и познавательных программ не было. Но Станислав, отыскав графическую, начал конструировать и чертить замысловатые коттеджи и офисы. Перепланировал, шутки ради, хирургическое отделение: разрушил стены, переделал многоместные палаты в небольшие и уютные. Используя площадь, бездарно «съеденную» переходами и коридором, увеличил комнату для питания и отдыха у телевизора, где ни то, ни другое пока толком не получалось. Он перекрасил стены в радостные тона, застелил палаты линолеумом, а коридор — ковровым. Переоборудовал операционную, кабинеты, расставил мебель и однажды показал все это заведующим.

Шумно повздыхав перед монитором, Сергей Львович пообещал достать цветной картридж, чтобы, распечатав, сохранить все это для сомнительного будущего ремонта, и ушел задумчиво-опечаленный.

Станислав втягивался в новую жизнь, и она ему даже нравилась бездумным однообразием. Он почти не общался с больными. Они приходили со своими недугами, страданиями и проблемами, потом выздоравливали и выписывались, а он оставался, как бесплатное и бессрочное приложение. Однажды кого-то спустили на лифте в морг, но это его не встревожило: он и сам едва не отбыл этим путем, а потому относился теперь к жизни и смерти философски.

Впрочем, «компьютерная» сама напоминала то ли склеп, то ли келью, но Станислав ощущал себя снова Личностью — учителем, слегка начальником и компьютерным «Айболитом». За ним прибегали из других отделений больницы, если в программах начинались сбои и терялась ценная информация. Его обхаживали, пичкали витаминами, не решаясь предложить хотя бы фрукты: уж очень независимо и строго держал себя специалист.

«А кем буду я там, в современной, безжалостной жизни? — временами думал Станислав. — Безработным калекой? Сколько компьютерных асов бродит в поисках жирного «сэндвича». «Краюхой хлеба» уже никого не удивишь... Ах, сэр, вы еще балакаете на English? Но где они, туристы в провинциальном городе?» — в подсознании маячила мысль о том, что он еще студент экономического института, где учиться не нравится, а надо. И однажды ему об этом напомнили.

— К вам друзья пришли! — радостно сообщила нянечка Поля, разносившая передачи. — Сейчас на вешалке халаты

найдут и всех пустят. Девица там шибко громкая и в телесах. Говорит, староста.

Станислав застонал: вот уж кого не хотелось видеть, так это Раису Глотову! Умели же предки так метко давать фамилии...

Глотова любила выступать страстно и долго, о чем угодно и где придется, сметая оппонентов, подобно цунами. Она захватила лидерство в группе с первых дней учебы, высмеяв пристрастие Станислава к черно-белым цветам одежды и прилепив ему ироничное «Принц датский». Станислава это бесило, но пришлось по вкусу сокурсникам. Она вызнала про семейку, «трущобные» походы и зубоскалила как могла. И была, конечно, счастлива, узнав, что ее прогнозы относительно «Надежды» сбылись, — фирма развалилась. Теперь Раисе хочется узреть поверженного соперника, даже посочувствовать великодушно на глазах своих обожателей...

Станислав рванулся было из палаты в свой закуток, но Раиса уже вышагивала в конце коридора, держа в руке желтые тюльпаны, — сообразила ведь, какие принести!.. Адьютанты — Марат, Максим и Матвей — МММ ее «пирамиды», тащили какие-то свертки и кульки.

Все шли так торжественно, что Станислав разом вспомнил, что давно не брился, не стригся; что на нем пижама, похожая на арестантскую робу, и стоптанные тапочки. Не оставалось ничего, кроме как юркнуть под одеяло и зажмурить глаза.

— Вижу, что не спишь, Принц датский. Ты всегда был притворой, — голос Раисы гремел на всю палату, но Станислав просыпаться не стал, и староста продолжала бодрым тоном: — Давно пора поправляться и сдавать экзамены — ты один в группе «хвостатый». Когда у меня еще в школе вырезали аппендицит, я... — о себе она могла говорить долго, и Станислав приоткрыл глаза.

«МММ» смущенно выглядывали из-за надежной спины старосты. Матвей от досады кусал губы. Вот с ним-то можно было бы поговорить. Но он стоит далеко и смотрит в сторону.

— ... и у тебя все заживет, — Раиса благосклонно, с улыбкой целительницы похлопала Станислава по одеялу в том месте, где лежали руки. — Все будет прекрасно, если не падать духом и...

— И пальцы вырастут сами собой, — в тон ей проговорил Станислав. С удовольствием заметил, как она вздрогнула и на густо нарумяненном лице появилось незнакомое растерянное выражение. Оно делало ее похожей на обыкновенную и даже миловидную девушку.

Увидев входящую в палату Танечку, Станислав сказал твердо:

— Сестра, объясните господам, что сейчас время тихого

часа. Еще — карантин. Мне не хочется заразить сокурсников пессимизмом.

Раиса все поняла. Она была не глупа и не жестока.

— Я хотела сказать, что тебе дали академический отпуск. Что мы ждем тебя... — она всхлипнула и прижала к глазам пальцы.

— Зачем ждать, если я отстаю от вас на год? — Станислав сбросил одеяло и сел, спустив ноги на пол. — Забирайте-ка вы, ребята, все эти дары, — он кивнул на сложенные на подоконнике пакеты.

— Ты обиделся... Мы пришли поздно, — тихо сказал Матвей.

— Я не обиделся. У меня все есть. И я не хочу никого видеть, — Станислав холодно посмотрел в глаза Матвею, и тот опустил голову.

Они ушли, унося желтые тюльпаны и свертки, потому что знали: спорить с Принцем датским бесполезно. А Станислав снова лег и, отвернувшись к окну, стал рассматривать ветку плакучей березы. Она была унизана сережками и крохотными листочками.

«Неужели конец апреля?» — поразился он.

Через день нежданно-негаданно появился майор Честяков. Он показался Станиславу ниже ростом, слегка растерянным и немного помятым. В странных нездешних глазах таилась печаль. Станислав увел его в компьютерные хоромы и неожиданно для себя рассказал все начистоту: про неудавшийся парашютный прыжок, о банкротстве «Надежды» и своем одиночестве. Только о предположениях насчет рокового вмешательства Бугра промолчал: мамины подозрения бездоказательны, а его давняя, еще со времен дружбы с Дядечкой, неприязнь — личное. К делу не пришьешь, но жизнь себе усложнишь.

Майор слушал не перебивая. По лицу было видно, что рассказ подтверждает его догадки, но мысли бродят где-то далеко, и они тягостны. Станислав подумал, что у следователя что-то случилось в семье, а может, по службе, как у всякого подначального человека.

Пройдет немного времени, и он вспомнит этот разговор, состоявшийся, к несчастью, лишь наполовину...

— Так и запишем, Любочкин, что граната, найденная в одном экземпляре, взорвалась от чрезмерного любопытства, случайно, — следователь криво усмехнулся.

Станислав обалдело молчал. Ему казалось, что майор ничего не слышал или рассказывал он ему на английском. Но странная улыбка Честякова объясняла все: такое заключение было удобнее... Кому?

«Прежде всего мне», — решил Станислав и без раздумий поставил под протоколом свою новую корявую подпись.

По тому, как следователь попрощался, Станислав понял, что дело его будет закрыто, и вздохнул с облегчением. Но майор, уже подойдя к двери, замешкался и, не поднимая глаз, сказал:

— Вы, очевидно, уедете к матери — это логично. Но... очень жаль, что мне не удалось с ней поговорить. Может, она найдет возможность со мной связаться?.. Телефон, из некоторых соображений, могу дать только домашний, — он полез в карман за ручкой, но не достал ее. — Впрочем, не стоит: это не телефонный разговор...

— Понимаю, — кивнул Станислав, так ничего и не поняв.

В этот же день, словно давних знакомых одновременно кольнули шилом, ему принесли передачу — три великолепные чайные розы и пакет с бананами. Записки не было, но по описанию нянечки это могла быть только Мадлен — зеленоглазая рыжеволосая первая любовь двухлетней давности, которая теперь казалась лишь красивым, тревожным сном.

Станислава бросило в жар, потом в озноб при мысли, что Мад еще помнит его вкусы. Он поставил розы в банку с водой возле компьютера. Бананы съел в одиночестве с несвойственной ему жадностью, впервые почувствовав, как не хватает ему сытной и вкусной еды.

С этого дня, словно приоткрывшего щелочку между створками двери из добровольного заточения, Станислав стал думать о том, что загостился. И хотя хозяева не гонят, но пора и честь знать. Тем более что руки выглядят уже не так омерзительно, на животе и груди осталось всего несколько марлевых нашлепок, и он лишь формально числится в списке больных.

Годовой отчет давно сдан, и Танечка самостоятельно ползает «мышкой», отыскивая нужные файлы. Грубоватые пальчики ее бодро отстукивают на клавиатуре, а глаза все чаще подозрительно краснеют, когда после совместной работы Станислав отсылает ее домой, не поддерживая лирические разговоры о весне и жизни. И о любви, в которой она, по ее смелым намекам, уже познала некие тайны. А потому, прояви загадочный больной хоть немного настойчивости, и кушетка в компьютерной оказалась бы очень кстати...

Но Станислав был вежлив и холоден. Она страдала и не могла понять, почему почти здорового, обаятельного и явно не робкого десятка молодого человека не воспаляют ее уже зрелые женские прелести, рвущиеся из кофточек с глубоким вырезом и мини-юбок.

А Станиславу достаточно было лишь однажды представить обрубки своих пальцев на нежной женской коже и бугрящие-

ся швы собственного тела рядом с телом другим, чтобы понять: любовные утехы уже не для него. По крайней мере на очень и очень долгое время...

Была еще причина, которая подталкивала к уходу, причем без прощания. Ему хотелось бежать — незаметно, тайно. Так, чтобы исчезновение обнаружилось не раньше чем он доберется до своей квартиры. А ее еще надо разыскать в Новом городе, в путанице улиц и нумерации домов.

Суслик — так называл Станислав этого человечка про себя — появился в палате незаметно, но осел основательно. Он был маленьким, юрким, с остреньким, как у суслика, личиком и постоянно что-то жевал. При этом губы его умудрялись улыбаться, а глаза зыркали во все стороны и острый взгляд примечал все: кому подать стакан, поднять упавшую книгу. Он даже не брезговал подсунуть «утку», если рядом не было нянечки.

К Станиславу он прилип, как растопившаяся жвачка. Сначала лез с разговорами и мелкими услугами, не обиделся, когда Станислав напрямую послал его ко всем чертям, но стал прислушиваться, о чем говорит нелюдимый парень с врачами. Заглядывал в компьютерную, попадался, словно невзначай, то в коридоре, то в туалете. Так в фильмах про контрразведчиков водят по городу «засветившихся» шпионов с целью узнать тайные намерения и скрытые связи.

Однажды, войдя в палату, когда все уже спали, Станислав застал Суслика возле своей открытой тумбочки на корточках. Тот страшно перепугался, стал объяснять, что ему обязательно надо что-нибудь пожевать, потому что у него язва, а врачи не решаются делать операцию, и он умоляет не поднимать шум.

Станислав пригрозил, что в следующий раз прибудет на месте, и на другой день, ничего не объясняя, попросил Сергея Львовича перевести Суслика в другую палату, что было тут же сделано. Потом он, как бы невзначай, расспросил Танечку о неприятном больном. То небольшое, что она могла рассказать, навело Станислава на мысль: за ним действительно установлена слежка. Но у кого встал на пути калека-дохляк, все тайны которого остались по Ту сторону его жизни? А может, кое-что сохранилось...

После визита майора прокуратуру можно было в расчет не брать. Значит, кто-то из маминых обиженных заказчиков: не сумели посчитаться с ней и теперь ополчились на сына. Не зря же она сказала тогда, ночью: «В большей безопасности, чем сейчас, ты быть не можешь». Но из больницы надо когда-нибудь уходить...

Раньше чувство опасности придавало ему возбуждающе-острое ощущение, как перец к мясному блюду. Но сейчас,

когда невозможно сжать в кулаке даже палку, когда от удара в живот или грудь наверняка потеряешь сознание от боли, а ноги стали дряблыми...

«Может, хотят взять в заложники, чтобы выманить из-за границы мать в надежде на большие деньги, которых у нее нет... Или понадобился я сам — такой, какой есть, со всем моим прошлым и настоящим. И надо самому подстраховать себя», — размышлял Станислав. Пакет, оставленный матерью, и деньги он переложил в стол под компьютером и начал запира-ть дверь кладовой на ключ.

Втайне от всех решив заняться чем-то вроде зарядки, Станислав начал знакомиться со своим дряблым телом. Когда-то он гордился в меру развитой мускулатурой и хорошим сложением. Как говорили его поклонницы, он прекрасно смотрелся на спортивных снарядах, однако больше любил себя на акробатическом ковре, где «тянул» по программе мастеров. Но поцапался с тренером и перестал ходить на занятия. Теперь бы вытянуть себя хоть на третий разряд.

Станислав, морщась, попробовал сесть на «шпагат» — скверно, но получилось. Осторожно сделал с пола «мостик» — показалось, десятки вил вонзились в живот и повернули там зубья. Но тело продержалось на дуге почти минуту. Оно было не таким уж дряблым, культики и запястья болели, но неплохо чувствовали упор. Поэтому Станислав, осмелев, попытался сделать элементарную стойку на руках, но не удержал равновесие и рухнул, тихо взыв от боли. С полчаса отлеживался на кушетке, прикидывая, с каких посильных упражнений лучше начинать.

Предчувствуя, какой неустроенный быт и чрезмерная свобода его ожидает, Станислав, возможно, еще потянул бы время, пытаясь придать телу спортивную форму, а душе — относительное спокойствие, но Судьба не дремала. Она знала, кого, куда и когда направить, чтобы хозяин Суслика обнаружился сам.

В этот вечер Станислав засиделся за компьютером позже обычного. Выключив его, приоткрыл дверь из темной комнаты в плохо освещенный коридор, но выйти не успел — кто-то прошмыгнул быстро и тихо, как мышь. Станислав узнал Суслика и затаил дыхание.

Тот замер в тупике, за выступом стены, где хранились ведро и швабра. Воровать их не имело смысла, и Станислав с нетерпением ждал, смутно догадываясь, что должен услышать. Он не ошибся — по мобильному набирали номер. Потом прозвучал свистящий шепот:

— Тарас Игнатьевич? Это я... Он еще не уходит, все на бандуре телепает. Но, видать, уже здоров, ежели сестричку втихаря тискает... Нет, на этой неделе к нему никто не подгре-

бал, а на той — я уже докладывал... Не трухайте, у меня тут надежные «ухи» есть, только надо бы малость подбросить... Премного вам благодарен.

Тень отделилась от стены, загремела ведром, матюкнулась и, пробежав по коридору, скрипнула дверью дальней палаты.

«Бугор... — Станислав без сил опустился на кушетку. — Как и следовало ожидать... «Шестерку» прилепил — значит, планы насчет меня строит. Умно придумано: от дверей больницы — в машину. И — к нему. Знает, что никто искать не будет. — Отчаяние стегануло, как боль. Он одернул себя: «Думай, Станислав Сергеевич, думай!»

«Уши», доносившие Суслику, вычислить было нетрудно. Шустрая нянечка Клава из любопытства могла вызнать все про всех и разболтать кому угодно. А уж если по просьбе да с подношением...

На другой же день Станислав попросил Танечку купить ему одежду, и она неплохо справилась с заданием. Недорогие джинсы выглядели сносно, спортивная куртка была удобная, а главное, на кнопках. Кроссовки пришлись по ноге, и Станислав, примерив все в компьютерной, почувствовал себя почти человеком.

Сергей Львович был не против того, чтобы выписать «дорогого и многоуважаемого больного, которого всегда рад видеть, но только на собственных ногах и в полном здравии». Марина Павловна дала ворох советов и наставлений. Опечаленная Танечка снабдила бинтами и мазями, которые Станислав потом забыл в тумбочке.

Было решено, что стены больницы он покинет в субботу после завтрака — здесь так заведено. Но Станислав ушел на день раньше, как только рассвело, и нянечка Клава еще не появилась, а дежурный врач прилегла в ординаторской. Больные спали, и тяжелый дух нездорового сна печально витал в палатах и пустынных коридорах.

Танечка, уставшая после ночного дежурства, сначала не могла понять, почему Станислав одет не в пижаму и выглядит таким нарядно-чужим. А сообразив, что видит своего холодного, безжалостного учителя, возможно, в последний раз, хотела всплакнуть, но вовремя вспомнила, что на дорогих румянах могут остаться соленые дорожки. Поэтому она лишь шмыгнула носом и повела Станислава по служебному переходу через родильное отделение во двор. Оттуда — на улицу, параллельную той, на которой находился главный вход.

— Большая к тебе просьба, — Станислав остановился в воротах и вытащил из кармана последнюю сотню. — Купи самые красивые алые розы и отнеси Романовой — завтра она дежурит. Еще плеер и кассеты. — Он протянул сверток.

— Это врачаха из родильного? Твоего дружка мать... — с ревнивой неприязнью уточнила Танечка. — На словах-то что передать?

— Выписался, мол... А если из наших больных кто-то начнет расспрашивать, объясни: заехали друзья на машине и повезли на вокзал, к утреннему поезду на Москву.

— Что-то не вижу этих друзей... — Танечка привстала на цыпочки и поцеловала его в губы. Ее дыхание было жарким, волнующим.

Станислав нахмурился и не слишком уверенно зашагал в сторону автобусной остановки: «деревянных» на такси или попутку уже не было, а пункт обмена валюты откроется еще не скоро.

ГЛАВА 5

Сюрпризы судьбы

ень обещал быть не по-весеннему жарким. Солнце, сонное, притушенное дымкой, неторопливо выбиралось из-за крыш домов, вытягивая ломкие тени. Тени расчерчивали пустынные улицы, загромождали их, но машины проносились стремительно, не обращая внимание на светофоры. Прохожих почти не было, и, чтобы не маячить, Станислав присел на лавочку в сквере за длинным многоэтажным домом.

Воздух пьянил, и даже те несколько кварталов, что прошел от больницы, показались ему тяжелой дорогой. А сколько еще понадобится сил, чтобы добраться до Нового города, который он детально не знает и смутно представляет, где надо искать нужную улицу.

Станислав зябко поерзал на лавочке, еще холодной после ночи, и, расстегнув куртку, засунул руки под мышки. Культики мерзли, пустой желудок подвело, голова кружилась.

Пятиэтажные «хрущевки» казались небоскребами, а все вокруг — чужим, словно попал в незнакомый город. Но город был тот же — Приречинск, и в нем ничего не изменилось. Станислав убедился в этом, как только встал и, шагнув из-за кустов на проезжую часть двора, едва не угодил под колеса «Мерседеса», который внезапно вывернул из-за угла дома.

Станислав отпрянул, показалось вдруг, что бампер машины ударит, швырнет на асфальт. Но шофер резко тормознул, крепко выругался. Тревожный взгляд его окатил парня с головы до ног и задержался на руках, засунутых под куртку.

Вытащив руки, Станислав заметил, как успокоенно, с жалостью глянул шофер на его культики. Хотел что-то сказать, но из соседнего подъезда вышел худощавый мужчина в идеально шитом костюме и с дипломатом в руке. Шофер газанул, рывком подгоняя к нему машину, торопливо выскочил, распахнул заднюю дверцу, привычно прикрывая босса своим телом от постороннего.

«Вот так и будем теперь остерегаться друг друга», — усмехнулся Станислав, испытывая досаду и облегчение.

Улицы заполнялись людьми. Плотным потоком шли машины. Одни деловито, другие не спеша, прижимаясь к тротуарам, в надежде на попутчиков. Станислав держался от них подальше: мало ли какие сюрпризы готовят полутемные салоны шикарных иномарок...

Неожиданно для себя Станислав сделал неприятное откры-

тие: разведав все улицы и перекрестки в старой части города, изучив проезды, тупики и проходные дворы, он почти не знал автобусных остановок. А трамвайно-троллейбусные маршруты были для него как ребус, который он никогда не пытался решать, потому что ездил только на машинах — сначала на чужих, потом на своей. И сейчас он не мог сообразить, как проще добраться до Нового города.

«Это только начало полезных открытий... — Станислав жестко усмехнулся и внезапно так ясно представил себя в «Жигулях», что комок застрял в горле. — Кто мотается сейчас на моей «Вишенке?»»

... До нужной улицы можно добраться лишь на кольцевом автобусе. Он довозит пассажиров до новых кварталов и сворачивает к садовым участкам. Город придвинулся к ним вплотную, грозя раздавить, как слон. Это случится, если рядом не приживутся коттеджи новоявленных богачей. Но кто захочет селиться далеко от центра?

Эту и кучу другой информации Станислав получил минут за десять ожидания в разношерстной очереди на автобусной остановке. Мирно поругивались женщины, уточняя, кто и где стоит. Спотыкаясь о корзины с помидорной и капустной рассадой, негромко чертыхались рабочие в замурзанных комбинезонах. Несколько бритоголовых парней, с безразличным видом стоя в стороне, лузгали семечки.

Автобус вывернул из-за угла неожиданно и лихо притерся к тротуару. Дверцы еще не успели открыться, а парни уже оттеснили стоящих и первыми влезли в салон. Очередь смешалась: рабочие тоже поднажали, но и женщины оказались нехилыми. Корзины с рассадой взвились над головами, ручные тележки превратились в тараны — все застряло в дверях, не приспособленных для таких атак. Выскользнув из сумки, грохнулся со взрывом термос, обдавая ноги кипятком, детский крик перекрыл ругань и причитания.

Станислав, получив тычок в спину, вовремя отошел в сторону и, засунув руки в карманы, стал хмуρο наблюдать за житейской драмой, такой повседневной, что о ней, если ноги-руки остались целы, можно забыть, когда сойдешь с автобуса в нужном месте...

Из окон «Икаруса», прижав лбы к стеклам, за всем происходящим наблюдали парни, затеявшие бузу. На их сытых лицах бродила довольная ухмылка. Один уставился на Станислава. Лицо его показалось знакомым, и неприятный холодок пополз по спине.

Наконец автобус, осевший и словно раздавшийся вширь, натужно заскрипел дверцами, втрамбовывая тех, кто висел на ступеньках, в свою перенасыщенную утробу, и, пыхнув бензи-

новой гарью, покатыл по шоссе. Старухи, оставшиеся на тротуаре, подбирали потоптанную зелень, пытаясь найти то, что еще можно посадить. Пожилой мужчина приделывал соскочившее у тележки колесо. Немолодая супружеская пара успокаивала друг друга. У женщины на руках плакал щенок.

— Вот так каждый раз, — раздался горько-насмешливый голос, и Станислав, обернувшись, увидел немолодого мужчину, одетого в джинсовый костюм. Кроссовки и сумка через плечо завершали спортивный облик, диссонансом которому были очки в металлической оправе.

«Из комсомола, бывший или журналист, — безошибочно определил Станислав. — А скорее всего и то, и другое». Вслух сказал:

— Невесело... Другой автобус скоро придет?

— Минут через тридцать. Только к тому времени народа будет не меньше, — мужчина махнул рукой и направился к лавке под деревьями. Станислав пошел следом, чувствуя слабость и легкую тошноту.

— Как мне добраться до улицы Шоссейная? — спросил он.

— После остановки, где я сойду, следующая... А вы, я вижу, не из тех... — мужчина кивнул в сторону, где раньше стояли парни.

Станислав пожал плечами. Сказал, лишь бы не молчать:

— Несчастные старики. Им бы с внуками в парке гулять, а не на грядках ишачить.

— Несчастливая страна — не может обеспечить достойную старость, — мужчина поджал губы. — Впрочем, медики утверждают, что труд на воздухе продлевает жизнь. Если он, конечно, не ишачий...

Станислав не любил навязывать разговор, но сейчас его так и подмывало что-нибудь возразить:

— Вы полагаете, что все стало много хуже? Я имею в виду...

— Я понимаю, о чем вы... — мужчина помедлил, лицо его сосредоточилось и враз постарело.

«Ему за сорок, и он застал еще пионерские костры и романтику комсомольскихстроек», — Станислав уже жалел, что задал вопрос.

— Люди стали хуже... — неожиданно проговорил мужчина. — Хотя и не по своей вине. В них разбудили низменные инстинкты и вольно или невольно поощряют их. Разрушено представление о ценностях — культурных, интеллектуальных, духовных. Полюса добра и зла переместились, и на древко вместо стяга нравственности водрузили «капусту» — кажется, так сейчас называют доллар? А капуста — это пропитание для козлов, зайцев и мышей, что в подполе сидят да мешки с

хлебом насущным прогрызают. И гадят там же... — последние слова мужчина произнес с таким презрением и горечью, что Станиславу стало не по себе, словно без стука заглянул в чужую комнату.

— Вы, случайно, не журналист?

— Вот именно «случайно», — мужчина нехорошо усмехнулся. В нем проступила надломленность, удивление и бесильная злость, как у боксера, получившего нокаут неожиданно и вопреки правилам.

Затянувшееся молчание прервал женский крик: «Автобус идет!»

На остановке вновь бурлила толпа. Очередь нарушилась, и люди мучились, унижая друг друга.

— Если в этот автобус не сядем, придется ждать еще час — обед. Так что, коли спешите, молодой человек, хоть на подножке уезжайте, — журналист вновь был спокоен и доброжелателен.

— Обед в девять часов утра? — изумился Станислав.

— Вы не с луны свалились? — журналист оценивающим взглядом окинул его одежду. — На скоробогатого, что в кабриолетах разъезжают, не похожи. Говорите без акцента — значит, россиянин. Отчего же с автобусами такой прокол?

— А я троллейбусы предпочитаю, — не испытывая досады, засмеялся Станислав. Журналист ему нравился. Хотел спросить номер его телефона, но тут подъехал внеочередной автобус и подобрал всех.

Сидячих мест уже не было, и Станислав прислонился к кабине водителя. Но автобус то притормаживал, то дергался вперед. Пришлось вытащить из кармана сначала одну, потом вторую руку и ухватиться за поручни. Пассажиры косились на культики, и хорошее настроение улетучилось. Добил Станислава пацан лет шести. Он сполз с колен молоденькой симпатичной мамы и, дернув его за куртку, предложил:

— Садитесь на мое место. Вы ведь раненый, из Чечни.

Смущенная мама залилась румянцем и начала торопливо вставать.

— Не из Чечни. И скоро выхожу... Спасибо, — Станислав не знал, куда деться. Почувствовал пристальный взгляд — журналист смотрел на него с интересом. Их взгляды встретились, как руки.

— Меня зовут Николай Лукич. Хотелось бы продолжить наш разговор. Позвоните, когда будет желание. Номер телефона...

Автобус остановился. Выходящие пассажиры подтолкнули журналиста, и шесть цифр он прокричал уже с тротуара. Махнул рукой, прощаясь, и стоял, пока автобус не отъехал.

... Новый девятиэтажный дом горделиво высился на самой окраине жилого массива. За вереницей гаражей-близняшек, строгой линией обозначивших городскую черту, кудрявился лесок — то, что от него осталось. И все же это была зелень, она успокаивала взгляд и радовала, обещая утренние пробежки летом и круговую лыжню зимой.

Прикинув, в каком подъезде может находиться его квартира, Станислав пересек двор с чахлыми, еще не прижившимися деревцами. Мельком подумал, что неплохо было бы поставить здесь торговую палатку с разной снедью, — сколько шел от остановки автобуса, ни одного магазина не заметил, а в желудке хозяйничает голод.

Дом был заселен «трущобниками» и построен явно заморскими специалистами без учета «национальных особенностей». Часть плиток на ступеньках уже скололась и исчезла, на кафельных стенах красовались крепкие слова восхищения и перекличка влюбленных.

Лифт, к счастью, работал, и, нажав кнопку этажа наугад, Станислав оказался возле нужной ему квартиры. Новый ключ, прицепленный с помощью Танечки к общей связке, удалось повернуть со второй попытки. Станислав перешагнул порог и оказался в просторном коридоре, застеленном линолеумом «под паркет». Дверь напротив распахнута, видна электрическая плита и раковина девственной белизны. В тупичке — ванная и туалет.

Страшась увидеть такую же пустоту, Станислав толкнул дверь, ведущую в комнату, и остолбенел: такой свалки вещей он не видел даже при переезде из прежней квартиры в коттедж.

Посреди комнаты стояла его тахта со вздыбленными, как торосы во время подвижки льда, плюшевыми подушками. На письменном столе громоздился тюк — бесценный плед из ангорки трещал от набитых в него одеял и пуховых подушек вперемешку с обувью. Притиснутый к стене платяной шкаф кривился дверцами. Белье на полках сбилось в кучу, вешалки с одеждой шарахнулись в одну сторону — видимо, так и везли со всем этим добром. Кресло у окна завалено книгами. Книжки и на полу, усеянном битым стеклом от навесных полок, приткнувшихся в углу. По всей комнате раскиданы мелкие ненужные, но такие родные вещицы, что перехватило дыхание.

«Милая ты моя Надежда, — Станислав почувствовал, как защипало в носу и увлажнились глаза. — Видимо, очень уж поджимало время... Приказала рабочим забрать все, что было в комнате, что удалось вывезти за один рейс. Знала, второго уже не будет... Как же я мог так бессовестно предать тебя? Ну,

наговорила мне тогда с отчаяния несправедливых, обидных слов — мог понять, простить... Но рядом с тобой был этот, с трясущимися губами, — Станислав с ненавистью подумал о Константине Витальевиче. — Это он встал между нами, он сделал тебя такой растерянной, заразив своим безволием...»

Представилось лицо матери, но не в тот вечер, а семь лет назад, когда ей сообщили о смерти отца — его сердце не выдержало нагрузок.

«Где он сейчас?.. — невероятно спокойно спросила она, как о живом, только пальцы, сжимавшие трубку телефона, побелели. — Знаю, что Египет... Позаботьтесь, чтобы тело оставили в морге до моего приезда. Я хочу увидеть его лицо...»

Она бросила все дела, одним телефонным звонком зачеркнула свое выдвижение на должность, которой добивалась несколько лет. Она гнала машину в Москву, сев за руль сама, и только чудо спасло ее от катастрофы. Она действовала как таран, перед которым были бессильны волокита и праздничные дни, когда некому выдать визу. Ее не мог удержать туман в Шереметьево — она мчалась на военный аэродром, и кого-то высаживали ради нее из транспортного самолета. Потом — бросок по чужой стране, через пески и зной, в небольшой городок, где оборвалась жизнь единственного любимого человека. И она целовала его в ледяные губы, и везла тело в цинковом гробу. Потом, влезая в долги, ставила мраморный памятник и дорожную ограду... Она была в действии, и это ее спасло.

А в тот проклятый вечер в коттедже она была в истерике и говорила бестолковые, гневные слова, как обыкновенная несчастная женщина. Она была раздавлена и не могла подняться...

«Но, может, моя почти смерть вывела ее из шока?» — мысль была новой. Ее стоило обсудить с самим собой, но только не сейчас.

Из-под стола выглядывала бурая лапа медведя. Станислав с трудом вытащил шкуру и без сил рухнул на нее. Почувствовал щекой грубоватый, но такой ласковый мех. Запах дома еще не выветрился, хотелось вдыхать его, как путник вдыхает дым родного очага.

Ощущение покоя и безмятежности уводило в детство: он лежит, растянувшись на необъятной шкуре. Рядом примостился отец. Ноги мамы, сидящей в кресле, покоятся на свирепой морде зверя со стеклянными глазами и кожаной нашлапкой на носу.

— Родные мои, родные, — шепчет Станислав, уплывая на волнах благодатного сна. — Вот мы снова вместе, вот мы и дома...

Его разбудил голод. Была ночь, но привыкший к режиму больной желудок требовал дани и не хотел понимать, что нет смысла искать среди вещей съестное, а магазины не откроются до утра. Но в животе ныло, скулило, и не было сил терпеть такие муки.

Зябко поеживаясь, Станислав встал, спотыкаясь о вещи, добрался до выключателя, щелкнул, но лампочка под потолком не зажглась — ее там просто не было. В коридоре, на кухне — то же самое. Темноту разбавлял лишь свет ночного города, льющийся из окон. С трудом открыв шпингалеты, Станислав вышел на лоджию, прислонился к перилам и замер потрясенный: звездное небо стекало на дома и, коснувшись их, разгоралось фантастическими узорами земных огней.

На горизонте огни сливались, мерцая. Чуть ближе казались бисерной россыпью. Неподвижно сияли ожерельем из голубых сапфиров, зеленоватых хризолитов с вкраплением ярких рубинов. Цепочка бирюзовых огней окаймляла набережную. Водоем казался глянцево-черным нефтяным озером, рассеченным дамбой. Вереница фонарей, отражаясь в воде, стекалась в золотую дорожку, и светлячки фар редких машин казались факелами на плывущих гондолах.

Темным провалом обозначился лесок, освещенным пятном — длинный сквер. Он начинался за углом дома и упирался в небольшое затейливое строение с неоновой надписью «Бар» с буквой «ер» на конце. Мерцающие чуть ниже цифры «двадцать четыре» как магнит притянули взгляд.

Станислав отшатнулся от перил и вынул из кармана куртки заветный пакет. Послунявив культик, вытащил наугад купюру, а пакет подсунул под книги на кресле. Хотел причесаться, но уронил гребешок. Искать его на полу было бесполезно, и он просто пригладил волосы ладонями, смахнул возможные соринки с джинсов.

Витиеватые, под старину буквы призывно сияли среди сонных многоэтажек, и аллея сквера привела к Терем-теремку из фигурного кирпича. Высокое крыльцо таинственно скрывалось под резной деревянной аркой. Массивная дверь с золоченой ручкой была заперта, но Станислав нетерпеливо дернул за бронзовое кольцо на цепочке, и в глубине бара отозвался колокольчик. Чуть погодя за стеклом узкого, как бойница, окошка в двери показалось лицо. Настороженные глаза пытливо приглядывались к ночному посетителю.

Станислав понимающе усмехнулся: шума подъехавшей машины бармен не слышал, а в изобличающем свете лампочки над входом ежился доходяга в дешевых шмотках.

— Чего тебе? — шевельнулись губы бармена.

Станислав вместо ответа прижал к стеклу «зелененькую».

Лязгнул засов, двери гостеприимно распахнулись, и Станислав ввалился в тепло и запахи небольшого зала в русском стиле. Запахи были разные, но над всеми царил аромат хорошего пива.

— Одну большую — в кружке. Три — не открывать. Закусь здесь и с собой — на всю, — Станислав шлепнул на полировку стойки десятидолларовую бумажку, понимая, что на всю для одного получится слишком много. Но отступить было уже поздно.

Глянув на его руки, бармен сам отнес на ближний столик большую кружку, вздувшуюся пеной и пахнущую так, что сводило скулы. Станислав припал губами к хмельному облаку раньше, чем присел на табурет. Кончик носа уткнулся в пузырьки, в ноздри ударили капельки благородного хмеля, и первый глоток сотворил из замурзанного человечка олимпийского бога, вкушающего забродивший нектар.

Бармен поставил на столик тарелку с копченой севрюгой, почти прозрачной, с ободком желтоватого жира возле толстенькой шелковистой кожицы. Оранжевые крабовые палочки, золотистый кругляшок лимона, горка черной икры и маленький хлебец из пшеничной муки — Станислав видел все это краем глаза, мысленно пожирал, но губы от кружки не отрывались, пока последняя капля не стекла в рот.

Не отходя от стойки, бармен наблюдал за ним.

— Повтори... И себе — за мой счет.

Налив две кружки пива, бармен присел за столик, искоса поглядывая, как посетитель воюет с вилкой. Но беспомощность рук Станислава уже не злила. По телу разливалась теплая благодать. Он отложил вилку и прихватил большим пальцем и культиком указательного сначала то, что легче, — крабовую палочку. Судорогой наслаждения свело скулы. Желудок запротестовал было, показалось даже, что стошнит. Но все обошлось, и севрюжка пошла уже с мякишем, отломленным от хлебца. Корочкой удобно было подцепить верхушку икрыного холмика... Бармен молча положил на стол бумажные салфетки и вопросительно посмотрел на Станислава.

— Куриного бульона и что-нибудь мясное, молотое, — Станислав понимал, что обращаться с желудком пока надо на вы.

Пересев в мягкое кресло, он блаженно вытянул ноги и стал наблюдать, как бармен кипятит воду для бульона из золотистого кубика и поджаривает котлеты. По тому, как он открывал упаковку, ставил подносик в микроволновку, было очевидно, что хозяйничает за стойкой недавно. И откупоривал бутылки, наливал пиво без отточенной небрежности, какой бравируют опытные бармены. Впрочем, кто же поставит классного бармена в ночь, да

еще в таком глухом месте? Нужен, скорее, крутой вышибала. Так и есть: шея у мужика крепкая, бордовый бантик выглядит на ней как бабочка на заводской трубе. Под рубашкой бугрятся нехилые плечи, и ручищи — лопаты, каждый палец, как два его.

Мысль о пальцах немного испортила настроение, и когда бармен поставил на столик горячее, поблагодарил небрежным кивком.

Бульон притушил начавшуюся было боль в желудке, и в душе снова утвердился покой. Приятно кружилась голова. Станиславу хотелось поговорить, растянуть время до рассвета, чтобы не возвращаться в темноту неприбранной квартиры.

— За стойкой недавно? — Станислав, придав голосу небрежность, наблюдал за реакцией бармена.

— Заметно? — улыбнулся тот, приняв парня за пивного завсегдатая, а значит, своего человека. — Пришлось... — он налил себе в кружку так, чтобы пена не перекинулась через край, присел возле Станислава. Чувствуя право задать вопрос и не нарваться на «тебе-то что за дело?», осторожно спросил:

— Где это тебя?..

«Начинается... Так и приклеится — Чечня и жалостливые взгляды. Хоть в переход иди попрошайничать...» Станислав нахмурился:

— Катком придавило.

— Каким катком? — не понял бармен, принимая ответ всерьез.

— Дорожным. Он асфальт прикатывал, а я в кювете отсыпался, — Станислав жалел, что, говоря запанибрата, позволил лезть в душу.

— Ну да... — пробормотал бармен и, уйдя за стойку, скрипнул незаметной из зала дверью.

«Вот чумовой: кассу без присмотра оставил и все хозяйство, явно не свое. Или я таким ущербным кажусь, что не опасен? А если кто войдет?..» — подумал Станислав и словно накаркал: у входа заурчал и стих мотор. Вторая машина мазнула светом фар по окнам. На крыльце послышались голоса, сердито звякнул колокольчик.

Станислав привстал, решив окликнуть бармена, но тот выглянул сам, махнул рукой, подзывая:

— Будь другом, выйди через черный ход. Не к чему тебе здесь оставаться, — он сунул Станиславу полиэтиленовую сумку, набитую доверху, и заторопился в зал. Пришлось самому пробираться по узкому проходу между ящиками.

Чтобы открыть дверь на улицу, Станислав поставил сумку на пол и только тогда увидел, что сверху лежат хозяйственные нитяные перчатки. Он натянул их, почувствовал приятную защищенность и легко справился с тугим замком.

С задней стороны бара было темно и замусорено строительным хламом. Боясь споткнуться, Станислав свернул к освещенному входу, намереваясь вернуться домой тем же путем.

Возле крыльца стояли стильный «Опель» — раньше такого в городе не было, и угрюмый «Джип» освещивал темными стеклами. В стороне — «Жигули». Неоновый отблеск скрывал их цвет, но, пройдя мимо, Станислав почувствовал потребность обернуться. Он посмотрел через плечо и чуть не выронил сумку: это была его «Вишенка».

Не веря своим глазам, он подметил знакомую царапину на капоте, и плюшевые чехлы на сиденьях те же. А номер — новый, залепленный грязью, и вся машина замызгана, видимо, моталась невесть где.

— Родная моя, — чувствуя, как слабеют руки и в ногах появляется дрожь, Станислав опустил сумку и присел на корточки, не в силах стоять. — Я сейчас... Мы уедем... — он полез в карман за ключом.

Приглушенно звякнул колокольчик, дверь бара распахнулась, кто-то вышел на крыльцо и остановился, вглядываясь в темноту. Станислав замер. В голове прояснилось. Но когда человек ушел, он не торопясь вставил ключ в замок и нажал ручку. Дверца открылась.

Станислав вполз на сиденье и, сняв перчатку, пошарил в бардачке. Водительское удостоверение лежало сверху — глянцево, совсем новенькое. Станислав повернул его, стараясь поймать блик света, — с фотографии на него напряженно глянуло знакомое лицо. Уже все понимая, но еще не веря, чувствуя, как мертвеет там, где сердце, он прочел: «Пузанов Игорь Андреевич. Год рождения...» Дата выдачи документа — март... Значит, не прижился в деревне Сынок.

Положив документ на место, Станислав без стука закрыл дверцу машины и, подобрав сумку с продуктами, медленно побрел домой.

На горизонте лимонной полосой загорался новый день.

«Для начала надо обустроить дом. А там как сложится...» — с этой мыслью Станислав проснулся и какое-то время лежал, не торопясь открыть глаза, страхась увидеть вновь больничную палату. Вчерашний день казался сном, но тело ощущало полузабытый комфорт тахты. Тишина убаюкивала, нигде ничего не болело, плохое не вспоминалось. Начавшийся день обещал быть хлопотным. Его можно спланировать, наполнить содержанием и остаться довольным собой.

Уже не наслаждаясь объятиями тахты, но еще не решаясь ее покинуть, Станислав медленно потянулся, настороженно прислушиваясь к тому, что происходит в каждой клеточке

тела. Но в швах лишь защеколало, а мускулы затосковали по движениям и нагрузке — молодость брала свое. Из вчерашних впечатлений он разрешил себе вспоминать только приятные, даже на лоджию не вышел, а зашлепал босыми ногами в кухню, где оставил сумку.

Поставив пиво под струю холодной воды, Станислав разложил на крышке электроплиты, как на столе, пакетики и свертки, решив съесть сначала то, что быстрее всего портится. Бармен предусмотрел все, даже нож, чтобы открывать консервы и бутылки. Возможно, такие сумки собирают в баре загодя и вручают тем, кто спешит.

Бутылка минералки обрадовала больше всего. Он пил из горлышка, хрустя «Чипсами» и прикидывая, что надо купить. Чайник, сковороду, кастрюльку, что-нибудь из посуды. При первой возможности — холодильник. Не помешал бы и телевизор. В гостиной у них стоял огромный с плоским экраном и «видиком» на массивной тумбочке, забитой кассетами. Хотя три месяца прожил без политики, бизнес-страстей, валютных котировок, и ничего — настроение бодрое.

«Потому что «мани-мани» есть, — ехидничал внутренний голос. — Посмотрим, что запоешь, когда кончатся? О работе подумай».

«Подумаю, но потом», — Станислав вонзил зубы в розовый бок яблока и направился в комнату. В дверях приостановился и, как генерал перед сражением, окинул поле предстоящей битвы. Для начала надо было расставить по местам мебель, но для этого требовалось освободить от мелких вещей пол... Почесав затылок, Станислав рассмеялся — предстоящий бой был в радость.

Книги аккуратной стопкой он сложил в углу, протирая каждую трусами с лопнувшей резинкой. Потом сгреб в коробку из-под ботинок битое стекло, благословляя перчатки и чуткого бармена. Тахту задвинул в угол, шкаф оставил на месте, письменный стол перетасил ближе к лоджии, а книжные полки взгромоздил друг на дружку у стены, где им полагалось висеть. И, когда осмотрелся, понял, что невольно скопировал свою бывшую комнату. Не хватало штор на окнах, ковровина на полу и того, что висело на стенах: портрета отца, трех акварелей и большой картины, написанной маслом, — янтарные сосны, отраженные в темной воде лесного озера, клинышек прозрачного неба... Невольно вспомнилась история ее появления.

... Художника-старика с бородой и детскими глазами он увидел на местном «Бродвее», где безработные портретисты продавали свое время и труд, рисуя мордашки детей и лица взрослых, рискнувших позировать под скептическими взгляда-

ми придиричивых зевак. В стороне, на выступе стены, примостились несколько пейзажей — как маленькие окна совсем в иной, зачарованный мир солнца и воды.

Старик сидел на парусиновом стульчике и что-то читал. Возле него никто не останавливался, и художник вряд ли надеялся что-нибудь продать. Станислав, еще не оформив свое давнее смутное желание, подошел к нему. Старик поднял голову, одарив его чистым взглядом доверчивых глаз.

«Вы не могли бы...» — Станислав не закончил фразу, потому что толпа на тротуаре зашумела, художники-портретисты стали спешно складывать мольберты, а зрители заспорили с милиционером и высокой нескладной женщиной с деловито-скучным лицом.

Старик неторопливо встал и тоже начал собирать картины в брезентовую сумку на длинном ремне.

«Я вас подвезу, — взяв складной стульчик, сказал Станислав. — По дороге обсудим мой заказ. Я хотел бы...»

Через несколько дней они были у лесного озера. Янтарные сосны плавались в неподвижной воде. Художник колдовал кистью на холсте, два его внука готовили удочки для вечернего лова, а Станислав натягивал палатку в том самом месте, где когда-то ставил отец. И картина впитала это счастье уединенности, покоя и любви.

«Сейчас за эту картину и портрет отца я отдал бы все содержимое комнаты», — с тоской подумал Станислав. Настроение испортилось.

Разом заболело во всем теле все, что могло и не могло болеть. Усталость навалилась такая, что не хватило сил принять душ. Он упал, не раздеваясь, на тахту, а когда проснулся, глубокая ночь стелилась над городом, вползая в комнату прохладой через настезь открытые двери лоджии. Станислав перевернулся на другой бок и тут же уснул снова безмятежным, исцеляющим сном.

Утром, допив пиво и вкусно позавтракав тем, что еще осталось в сумке бармена, Станислав решил сначала навести окончательный порядок в своем новом, уже полюбившемся жилище, и лишь потом пойти за покупками, необходимыми для полного счастья.

Он рылся в ящике письменного стола, как ребенок, радуясь каждой вещице, нежданно-негаданно подаренной вновь. Новый бритвенный прибор был почему-то завернут с дисками классической музыки. Жаль, что в момент переселения исчезла сама магнитола... Зато часов оказалось двое. Забавный будильник в виде петуха с циферблатом на животе отец привез из заграникомандировки. Петух громко кукарекал и кивал головой.

Швейцарские водонепроницаемые, побывавшие с отцом во всех поездках, мать хранила у себя. Но теперь положила в стол сына, понимая, что его часы на руке уцелеть не могли. Станислав сумел завести их, наобум поставил время. Нашелся и золотой крестик на цепочке, который он носил только летом — для понта. Были еще ручки, блокноты и масса полузабытых нужных и ненужных вещей, которые уводили в воспоминания, бередя и смягчая душу.

С одеждой и бельем все тоже оказалось в порядке, так что пока можно обойтись без обнов... Наконец, настала очередь большого полиэтиленового свертка. В нем оказались две мамыны шубы и великолепное вечернее платье, вышедшее из моды. Чудесный запах духов смешивался с запахом «Антимоли», рождая тошнотворную смесь, и Станислав поспешил убрать сверток на антресоли.

Солнце перекочевало к западу, и пылающие лучи его заливали комнату, слепя глаза и припекая. Станислав с наслаждением принял душ, побрился и, прежде чем натянуть чистую майку, внимательно осмотрел багровые рубцы. Решив, что поужинает, когда вернется, надел любимый из тонкой замши костюм и под стать ему туфли.

Придирчиво взглянув в зеркало и почувствовав себя вновь человеком, Станислав вышел на лестничную площадку, оставляя за собой шлейф мужского дезодоранта.

Новомодный супермаркет он заметил, когда ехал на автобусе, — возле него сошел Николай Лукич. Станислав подумал, что неплохо было бы позвонить и попроситься в гости. Но предлога для встречи нет, а потому самое разумное — заняться покупками.

Блестящий стеклом и пластиком двухэтажный магазин закрывался в двадцать часов, и у Станислава было время, чтобы без спешки выбрать то, что хотела душа и позволял кошелек. Его окружало сияние эмали, никеля и позолоты, мерцание хрусталя и бижутерии; бархатистость, пушистость и шелковый блеск, пестрота вызывающих красок. Он наслаждался показным, рождающим восторг праздником вещей и бродил от прилавка к прилавку, испытывая почти женское нетерпение, оттягивая сладкий миг приобретения. И сам удивлялся: раньше он не замечал за собой такого жадного интереса к вещам.

Он заметил чайник, похожий на тот, что был у них дома, и кружку из тяжелого фарфора — в такой долго не остывает чай. Набор тарелок в одном экземпляре. Но сначала надо приобрести сумку через плечо, чтобы не нагружать руки. Однако первой покупкой стали тонкие цвета загорелой кожи лайковые перчатки. Они так надежно прикрыли руки, ставшие вновь аккуратными, несмотря на пустоту в пальцах, что Ста-

нислав, не задумываясь, купил две пары, хотя цена была баснословная. Продавщица безропотно приняла доллары, выдав сдачу рублями, что вполне устраивало.

Поднявшись на второй этаж, в царство электроники, Станислав подошел к магнитолам и начал разглядывать ультрановую аппаратуру, сделанную для услаждения зрения и радости души. Блестящие кнопки, цветные клавиши, сочетание глухо-черного и серебристого — все гипнотизировало, приобретая над человеком власть, выманивая валюту из карманов и бумажников, заставляя тратить накопленное или отнятое, если заработать не получается, а может, лень. Власть вещей, а в итоге — денег. Все приземленно и в то же время вознесено, грубо реалистично и эфемерно, как на портретах, написанных футуристами...

Еще школьником, прислушиваясь к разговорам матери в кабинете за стеной, и уже студентом, познавая основы экономики, он пытался понять странное, беспредметное, но реально существующее явление, именуемое бизнесом. Хотелось ощутить того доброго мага или злого колдуна, который может вырастить дерево с золотыми листочками из монетки, посеянной в благодатную почву на Поле Дураков...

Сейчас он понимал — совсем не дураков, но ему не нравилось чужое, зализанное слово «бизнес». Другое дело, когда говорят «предпринимательство». Это значит что-то реально предпринимать, делать, осуществлять, реализуя свои способности, создавая то, что выгодно себе и полезно для других, — строить, выращивать, предлагать полезные услуги, очищать от грязи и скверны. А не просто маневрировать деньгами, тасуя их и мухлюя, как в карточной игре.

Осознание многоликости предпринимательских целей увело мысли в неожиданном направлении. Так река по весне, выходя из берегов, рушит склоны, намывает мели, пробивая новое русло...

— Скажите, позальста, что этя? — слова, произнесенные с сильным акцентом, вывели Станислава из задумчивости. Он обернулся.

Японец был среднего роста, среднего возраста, неброско, но хорошо одет. Неприметное лицо его озаряла неопределенная улыбка, адресованная продавщице, похожей на болонку. Он пытался что-то объяснить, но она его не понимала и лишь пожимала плечами.

— Так что же вы желаете? — глаза под кудряшками до бровей стрельнули в необычного покупателя растерянно, но кокетливо.

— Такая вот, но не такой... — японец показывал на что-то, лежащее в глубине застекленного прилавка.

Продавщица начала выкладывать диктофоны и плейеры.

— Неть... — взгляд японца блуждал в недрах прилавка.

«Болонка» закатила глаза. Станислав сделал шаг в их сторону.

— What can I do for you? (Что я могу сделать для вас?) — он обратился к мужчине, но девушка отреагировала быстрее.

— Ой, помогите, пожалуйста! Я на курсы английского недавно записалась, в школе французский был, — свекольный румянец полыхнул под слоем макияжа, превращая «болонку» в милую простушку.

— I'll be very much obliged for you (Буду вам очень признателен), — улыбка озарила лицо японца, — I need a dictaphone with a separable microphone (Мне нужен диктофон с выносным микрофоном).

Станислав перевел. Продавщица огорченно развела руками:

— К нам не поступали. Может, заказ сделать? Завтра наши едут в Москву и... — она начала длинно объяснять. Станислав переводил синхронно, с удовольствием выговаривая иноземные слова.

Он гордился своим произношением и с благодарностью вспоминал вредную, невзлюбившую его с первых классов «англичанку». Она вынудила-таки самолюбивого мальчишку назло ей зубрить, добиваясь пятерок. Поездка в Англию, трехмесячные курсы переводчиков и круиз по Волге от Интуриста в качестве гида отшлифовали язык, поселив в душе восхитительное чувство уверенности.

Японец спросил, нет ли поблизости других магазинов. Станислав пояснил, что есть в центре города, но скоро закроются. В подтверждение его слов металлический радиоголос попросил посетителей покинуть торговые залы, и они вместе вышли из супермаркета.

— Could you do me a favour? (Вы не смогли бы оказать мне услугу?) — и, спохватившись, извиняюще улыбнулся: — My name is Yosano Akiko. (Меня зовут Йосано Акико).

Станислав тоже представился не подавая руки.

— Я здесь недавно, — продолжал японец, — и хотел бы посмотреть город... — его английский был безукоризнен.

— Я сейчас без машины, — уклонился от ответа Станислав.

— Моя здесь недалеко, в мотеле. Завтра предстоят деловые визиты, а я еще плохо ориентируюсь, — улыбка была самой любезной.

Станислав медлил, хотя все в нем встрепенулось, захлестнуло радостью предстоящего движения, встречи с любимыми улицами и, хоть на полтора-два часа, с прежней жизнью. Но он боялся, что дрогнет голос и слишком заметно засияют глаза.

— С удовольствием, — произнес он безразлично.

— Я нарушил ваши планы... — Йосано склонил голову, прощаясь. В голосе проскользнула нотка разочарования.

— Да нет же! — Станислав испугался, что переиграл. — Просто... я этого не ожидал, — поймал изучающий взгляд и полуулыбку. У японца был целый арсенал улыбок, одна выразительнее другой.

Фешенебельный мотель, построенный по всем европейским стандартам, — единственный в городе и далеко от центра. Но великолепный жемчужный «Рено» нельзя оставлять возле обыкновенной гостиницы: умыкают в первую же ночь, невзирая на автоугонные устройства.

Йосано вывел машину из подземного гаража быстро, словно боялся, что молодой человек передумает. Сам распахнул дверцу, и Станислав погрузился в обтекаемое сиденье, в царство дисплеев, клавиш и приборов. Машина тронулась бесшумно и словно потекла по асфальту. Нестерпимо захотелось самому ощутить в руках податливый руль, почувствовать, как легкое касание ногой педали газа сливается с нарастающей скоростью, и машина становится тобой, обретая твои глаза, чувства, желания.

Станислав не заметил, как промчались по шоссе, по которому лишь позавчера — боже мой, как давно это было! — тащился в автобусной толчее. Только на дамбе опомнился и начал называть проехавшие улицы.

— О, я понимаю! — улыбнулся японец. — Хорошая машина завораживает, а когда в движении, притупляет посторонние мысли. Машины можно любить, как женщин. — Он вел «Рено» чуть небрежно, что может позволить себе только профессионал — от уверенности в себе, или новичок от самоуверенности, что далеко не одно и то же.

— Займите правый ряд и сбавьте скорость: будет поворот возле... — Станислав запнулся, вспоминая, как звучит на английском «светофор». Он мог бы подсказывать путь с закрытыми глазами. — Сейчас — площадь Дружбы, оперный театр. Налево — финансово-экономический институт, где я учусь. Чуть дальше — мэрия. Рядом — церковь святой Варвары, была такая мученица на Руси... За сквером — набережная.

Горизонт уже пылал закатом — ярко-малиновым веером из перистых облаков. Их отражение в воде морщили, дробили волны, и берега казались краями чаши, в которой плавится драгоценный металл.

Водоем в этом месте смыкался с безбрежьем водохранилища. Что-то неземное, неподвластное разуму разливалось в воздухе, заставляя глубже дышать, и сердце замирало перед каждым ударом.

— Меня поражают и волнуют в России просторы, — Йосано остановил машину у парапета. Они вышли. Японец продолжал, жмурясь, как кот на солнышке: — Море в центре города! Но я не стал бы замуровывать его в гранит. Посмотрите, как склонилась над водой березка! Она выросла случайно, а если сделать весь берег парком...

— Мне казалось, что японцы — рациональная нация, — Станислав сдержанно улыбнулся. Так хорошо и беспечно ему не было давно.

Йосано блеснул белизной крупных зубов.

— Но не там, где красота, — он прикрыл глаза и прочел стихи на японском. Тут же перевел на английский:

Есть у меня уют,
Нет у меня приюта —
Я не тревожусь ничуть.
Вот он, глядите, мой вечер:
Весенняя паутинка!

— Это, кажется, танка Сётэцу? — Станислав сосредоточился, и из памяти всплыло другое, в русском переводе:

— Сказали мне, что эта дорога
Меня приведет к океану смерти,
И я с полпути повернула вспять.
С тех пор все тянутся предо мной
Кривые, глухие, окольные тропы.

Танка намекала на трусость и показалась предназначенной ему. Поэтому переводить на английский Станиславу не захотелось, но Йосано уловил размер пятистишия.

— Вы знакомы с японской поэзией!? — в голосе было такое неподдельное изумление и радость, что Станиславу стало неловко.

— Немного... Когда был впервые влюблен, потянуло на лирику. А японская поэзия — как цветы...

— Очень точное сравнение, — Йосано посмотрел на Станислава по-новому, внимательно. Скользнул взглядом по сверкающему стеклом зданию речного вокзала. Розовые на закате «Метеоры» невдалеке были похожи на опустившихся на воду чаек. Темные шеи подъемных кранов обозначили грузовой причал. Йосано явно томили какие-то невеселые мысли, и случайная передышка была подарком для обоих.

На обратном пути Станислав не удержался и проложил маршрут так, чтобы проехать мимо уже выстроенных «Надеждой» коттеджей. Вкрапленные между одинаковыми, как кирпичи, «хрущевками», они казались теремами, украсившими унылый городской пейзаж.

Станислав показывал, ничего не поясняя, сам удивляясь тому, как много успела сделать мать, и в груди холодело от

медленно закипающего чувства яростного протеста. Йосано что-то понял.

— Эти очаровательные строения имеют к вам отношение? — он задал вопрос вскользь, рассуждая о современной городской архитектуре, и у Станислава появилось желание выложить все, как на духу. Но он ответил сдержанно, что лишь отчасти. В душе все перевернулось, заняло вновь открывшейся, незаживающей раной.

«Только бы снова не впасть в депрессию, — подумал он. — Тогда все опять покажется ненужным, жизнь станет бессмысленной, и захочется из нее уйти. На этот раз тихо, по-английски».

— Простите за нетактичность... — Йосано сбавил скорость и перестроился в правый ряд. — Вы чем-то расстроены?

— У вас замечательное имя... Поэтесса Йосано Акико вам не родственница? — Станислав прижался затылком к заголовнику.

— Вы первый в России, кто задал мне такой вопрос, — японец охотно перешел на другую тему. Неожиданно спросил: — Вы не откажетесь закончить нашу встречу в ресторане?

— Благодарю, с удовольствием, — Станислав почувствовал, как возвращается праздничное настроение. — Здесь недалеко есть отличный ресторан, но боюсь, нет еще стоянки для машин...

Он ошибся. Охраняемая стоянка теперь была. Город, оказывается, жил, трудился без него, и Станислав испытал легкую досаду.

Ресторан расцвел среди старых лип стеклянно-мраморной белой «Лилией». И живые лилии загадочно мерцали в сумерках вдоль аллеи, ведущей к парадному входу. Их аромат царил в саду, выплескивался на улицы, созывая посетителей, как ночных мотыльков.

Станислав бывал здесь не раз. Швейцар узнал его или рассмотрел заморского спутника, но двери с готовностью распахнулись. Все столики в нижнем зале были заняты, и в фойе в ожидании толпился праздный люд. Но зоркий метрдотель, высмотрев необычную пару, сам повел гостей по стеклянной лестнице, парящим завитком взлетевшей до второго этажа. Их усадили за столик в укромном уголке овального зала. Впрочем, все помещение состояло из таких вот уютных уголков, притаившихся за увитыми лианами столбиками, затейливыми перегородками и вазонами с искусственными и живыми растениями.

Разноцветные полусферы низко опущенных люстр освещали лишь столики, оставляя лица сидящих в загадочной полутени, создавая иллюзию уединения, располагая к откровенности и нежным чувствам.

Зал был предназначен для влюбленных, но использовали его деловые люди из «новых» для переговоров, когда они еще на стадии прощупывания, оценки возможностей будущих партнеров или конкурентов — как уж повезет. Неопределенная тихая музыка успокаивала разгоряченные головы, аромат цветов и яств расслаблял напряженные мускулы, а цветной полумрак позволял не следить за выражением своего лица. Ласковое журчание водяных каскадов и фонтанчиков настраивало на сговорчивость и мир.

Станислав опустил в объятия низкого кресла. Никогда еще он не испытывал так остро преимущества избранных: прелесть комфорта и предстоящую радость жизни. Чтобы почувствовать блаженство рая, стоит побывать в аду.

Неслышно появился смазливый кельнер — белый сюртук, черные брюки униформы. И нагловатая улыбка — это уже свое.

— Если господа захотят развлечься, в танцевальном зале на первом этаже есть милые девушки... — информация шла явно под грифом «секретно» и лично от него.

— Господа не захотят, — возвращаясь из рая на грешную землю, Станислав ответил резче, чем было принято в таких случаях. Кельнер обиженно выпрямился.

— О чем разговор? — встрепенулся японец.

— Нам предлагают... — Станислав запнулся, не зная, как на английском выразиться поделикатнее, — путан.

Йосано засмеялся и отрицательно покачал головой. Кельнер надменно поджал губы и, перейдя на скверный английский, спросил, что гости будут заказывать.

— Мне что-нибудь из русской кухни, — попросил Йосано. — Национальные блюда помогают понять, чем живет народ. Вино — на ваш вкус, — он посмотрел на Станислава.

«Народ живет не тем, что поедает здесь», — скользя взглядом по названиям фирменных блюд, хмыкнул про себя Станислав и заказал сибирские пельмени и холодец с хреном. К такому заказу надо бы водочку, но Станислав ее не любил, а японец — за рулем.

— «Мускат белый» и то, что к вину полагается, — Станислав поймал удивленный взгляд кельнера и одобрительный Йосано.

— Я думал, русские пьют только водку, — у японца были белоснежные зубы, и он охотно демонстрировал их.

— Русские пьют все, — Станиславу улыбаться не хотелось: желудок требовал горячего, душистого бульона и нежного мяса в тесте. Незапланированная голодовка могла обернуться черт знает чем.

Решив, что представителя морской державы рыбными блю-

дами не удивишь, кельнер принес заливной язык с прозрачными ломтиками лимона, воздушный гусиный паштет, розовую, в тонких прожилках сала ветчину и ядреный холодец в квадратных формочках. Потом налил в очаровательные бокалы искрящееся вино и гордо удалился.

Йосано ел понемногу, с женским изяществом обращаясь с вилкой и ножом, а Станислав томился: держать вилку и прятать пустые пальцы перчаток в кулак было сложно. Он схватил удобную ножку бокала и не торопясь цедил «Мускат», словно только это доставляло ему истинное наслаждение. Но он ждал пельменей, с натянутой улыбкой поддерживая разговор о современном искусстве.

— У вас гибкий язык и голосовые связки. Чувствуется, есть музыкальный слух. Не появлялось желание изучить язык танка и самураев? — неожиданно спросил Йосано. Станислав замялся:

— В институте я занялся французским, но... — он запнулся. Многоточие повисло в воздухе. Йосано кивнул, давая понять, что не ждет уточнений, но на его расслабленном лице отразилась гамма вопросов, и Станислав не удивился, когда японец спросил:

— Вы женаты или живете с родителями? О, не примите это за праздное любопытство, но время позднее, может, кто-то волнуется... Это я сейчас как ветер над морем. А дом, где меня ждет жена и ласковый цветочек — маленькая Сике, далеко.

— Меня никто нигде не ждет, — усмехнулся Станислав. Вино разливалось по телу, и каждая жилка, клеточка смаковали его, наполняясь блаженным ощущением свободы от кошмара, который длился полгода и, казалось, будет всегда.

— Вы учитесь и работаете... — тихий голос Йосано скорее утверждал, чем спрашивал. — Поверьте, это не праздное любопытство.

— Сейчас не учусь — лето. И не работаю — так получилось...

Взгляд Йосано уже не в первый раз застревал на его руке в перчатке, и Станислав поставил бокал на стол. Откровенничать не хотелось. За европейской культурой японца угадывалась азиатская расчетливость. Деловитость проступала в тоне хорошо настроенного голоса, в изучающем взгляде узких глаз, в том, как он задавал вопросы и ждал ответа, соглашаясь, но оставаясь при своем мнении.

Станислав наблюдал за Йосано и не чувствовал, что за ним следят. Зоркие, нагловатые глаза принадлежали чернявому парню с челочкой и заметно кривым носом. Пригнувшись к столику, он поговорил с кем-то по мобильному телефону и не спеша вышел из зала.

Наконец кельнер принес исходящие паром пельмени в глубоких тарелках, расписанных, как и вся остальная посуда, лилиями.

— О, какой большой персональный заказ сделал хозяин ресторана фарфоровому заводу, — разглядывая рисунок, заметил Йосано.

— Граф все делает с размахом, — Станислав зажал ложку и, сдерживая нетерпение, зачерпнул бульон, но, заметив недоумение на лице Йосано, пояснил: — Евграфов Матвей Суренович.

Этого холеного, надменного господина Станислав знал в лицо, но знаком не был. Слышал о нем много от матери, в основном хорошее, однако в последнее время она называла его подчеркнуто только Графом. Однажды пожаловалась: «Похоже, он тоже не прочь перебежать нам дорожку», но пояснять не стала. Она во всем любила разбираться сама.

— Он строит еще, кажется, казино? — заинтересованный взгляд Йосано заскользил по стенам, украшенным лепестковыми разводами изящной лепки. — Вы не знаете, на какой стадии сейчас работы?

— В январе коробку здания подвели под крышу. Что сейчас — не в курсе, — разговор сворачивал в новое, деловое русло.

Станиславу было жаль, что он мало чем мог помочь симпатичному японцу, приехавшему не для того, чтобы расслаиваться в ресторанах. Благодать, наполняющая желудок, не допускала даже легкого огорчения, и Станислав лишь мельком отметил, что слишком долго провалялся на койке и напрасно замуровал себя в «компьютерной». А раньше умел собирать информацию, быстро раскладывать по ячейкам памяти, и в нужный момент выдавать, наслаждаясь благодарностью Надежды, удивлением сокурсников или восторгом братвы.

Йосано разлил в опустевшие бокалы остаток вина и сказал, впервые произнеся длинное, непривычное для него имя:

— Станислав, — он сделал ударение на первом слоге, — я хочу быть с вами откровенным. — Слово «хочу» прозвучало как «вынужден». — Я приехал в ваш город с целью осмотреться и прощупать почву для заключения контрактов со своей фирмой. Она изготавливает и монтирует сверхчувствительную охранную сигнализацию нового типа для жилых, общественных и промышленных помещений.

Йосано достал визитную карточку. Название фирмы, красиво написанное иероглифами, не говорило Станиславу ни о чем. Куда японец клонит, было неясно, но такое предисловие неспроста, и Станислав напряженно вслушивался в богатый интонациями голос.

— Так получилось, что переводчик из Москвы, который сопровождал меня в этой поездке... — на лице Йосано промелькнула досада. Он замялся, не зная, как, не выдавая истинной причины, объяснить возникшую неприятную ситуацию.

— Не оправдал ваши надежды, — пришел ему на помощь Станислав.

— О, вы проницательны, — с благодарностью глянул на него японец, — и хорошо знаете своих соотечественников, — улыбка стала жесткой, в голосе послышался звон самурайских мечей.

— Мои соотечественники — люди разные, — ошетинился Станислав, внезапно почувствовав себя Стальным. Йосано что-то понял. Улыбка его смягчилась, на лице отразилось искреннее недоумение.

— Рекомендации, выданные переводчику официальными лицами, были безупречны. И в тех городах, где мы уже вели деловые переговоры, этот человек держал себя открыто и честно. Но в вашем городе... — Йосано беспомощно развел руками. Жест был таким чисто русским, что Станислав едва не рассмеялся.

— Но в нашем городе кто-то за что-то предложил взятку, и он ее принял. — Станислав заметил, как глаза Йосано сощурились. Разговор продолжать не хотелось, но японец ждал пояснений, и по тому, как морщился его лоб, нетрудно было догадаться, насколько это ему необходимо.

— Сейчас в стране смутный период. Обман, взятки, воровство в разных масштабах, на должностях любых высот. Это пришло с Запада и стало считаться нормой жизни. Но это не означает, что продажны все и что такое будет всегда, — Станислав говорил, сам удивляясь новому направлению своих мыслей.

— Нечистоплотные люди есть во всех странах, — Йосано не спускал с лица Станислава взгляда. — Я попадал в сложные ситуации и рискованные переделки... Нет, я не имею в виду стрельбу и похищения. Бой может быть бесшумный, война — бескровной, но поражение или победа — это ощутимо, как...

— Как триумф на пиру или смерть на колу, — пробормотал Станислав по-русски. Японец вскинул на него вопрошающий взгляд. Когда Станислав перевел, улыбнулся невесело:

— Здесь, в России я чувствую себя как на минном поле — ничего невозможно предугадать и спланировать. Сказывается, конечно, незнание языка. Я говорю на трех европейских и двух азиатских. Русский как-то выпал из сферы моего внимания.

— Сейчас начнем учить? — пошутил Станислав.

— О нет. Но я попрошу вас стать моим переводчиком на те два дня, что задержусь в городе. Потом я вернусь в Москву.

Станислав понимал: затянувшаяся роль гида, ресторан, откровенные разговоры — все это проверка решения, принятого Йосано еще в супермаркете, когда работа переводчика, по сути, уже началась. Но японец осторожничал. Возможно, и сейчас доверяет не полностью.

«Если бы что-то подобное мне предложили полгода назад... Какое ликование, какие дерзкие планы, какую деятельность я бы развернул! А теперь...» — сердце защемило от тоски, и было немного страшно.

Кельнер, не дожидаясь заказа, принес черный кофе и воздушный крем в вазочках — хрустальная лилия на стебельке-ножке. Станислав попробовал прихватить золоченую ложечку с длинным витым черенком, но она со звоном упала на пол. Кельнер усмехнулся и дал другую.

Японец молча пил кофе маленькими глотками и терпеливо ждал ответа. Наконец сказал, кивнув на руки Станислава:

— Вас угнетает это? Но переводчику нужны не руки, а голова. Такой голове, как у вас, можно только позавидовать.

— Как вы определили? Наш разговор был ни о чем...

— О, я достаточно поездил и повидал, — Йосано сверкнул улыбкой. И уже опечаленно: — Без вас мне нечего делать в городе. Полагаться на заказчиков нельзя: их переводчики не всегда добросовестны, и если есть конкуренты, то нет уверенности... — японец сделал глоток кофе. — Я излишне подозрителен? Увы, это неперемнная часть характера всех, кто занимается легальной промышленной разведкой.

— Теперь ясно, зачем вам понадобился шпионский диктофон с выносным микрофоном, — Станислав весело, с иронией посмотрел на Йосано, понимая, что все это отныне и его судьба.

— Диктофон — обычный атрибут деловых людей, — снисходительно пояснил японец. — У меня был прекрасный фирменный, но переводчик... случайно прихватил его с собой.

Оба знали, что не случайно, но иронизировать в таких случаях лучше, чем бесполезно сожалеть и гневаться. Лицо Йосано покрылось мелкими морщинками, глаза щурились устало, и Станислав подумал, что японец старше, чем кажется, не так уж проницателен и дальновиден. Поэтому Россия останется не лучшим его воспоминанием.

— Я согласен, — Станислав вздохнул, предчувствуя беспокойное время, в которое только стоит войти, и оно засосет, закрутит, как в смерче. Только и следи, чтобы не забросило к черту на рога...

«Может, мне податься потом вместе с Йосано в Москву? А там видно будет...» — мелькнувшая мысль отвлекла, поэтому он не обратил внимания на двух амбалов, увязавшихся за

ними в ресторане и проводивших до стоянки. Лишь заметил, что следом за «Рено» выехал темный «Джип», но не придавал этому значения.

Йосано довез Станислава до дома, сказал, что заедет в десять утра, и они расстались. Только войдя в темную квартиру, Станислав вспомнил, что не купил лампочки. Но настроение было слишком хорошее, чтобы досадовать на этот счет. Покрутив на ощупь краны в ванной, он принял душ, накинул махровый халат и вышел на лоджию.

Город беспечно засыпал, гасли светлячки-окна, но голубые буквы зазывно сияли над баром и две машины у входа напоминали пару забытых туфель. «Жигулей» не было. Станислав, уже не испытывая боли, припомнил, как они уезжали с семейкой за город, когда мать отдала «Вишенку» насовсем, и он учил брата управлять машиной.

Братуха слишком резко отпускал сцепление и жал на газ, отчего мотор глох, а горе-водитель зеленел от злости. Зятек помучился, поныл и отказался от учебы, заявив, что с моторной лодкой ему сподручнее. Зато у Сынка все получалось с лета. Он все понимал, ничего не забывал, словно с пеленок водил машину.

«Теперь катается», — без злобы подумал Станислав, но в сердце защемило. Лежа в постели, он долго ворочался, а среди ночи проснулся. Луна заливала комнату студеным светом. Этот тяжелый, почти физически ощутимый свет разбудил и заставил выйти на лоджию.

Огни города тонули в холодном сиянии, лунная дорожка на воде напоминала острый клинок. Угловатые тени от ближайших домов казались зловещими. В самом воздухе застыла неясная угроза, и, даже глядя на город сверху и почему-то не пугаясь высоты, Станислав ощущал трепет пустынных улиц, жуть палисадников и подворотен. Казалось, где-то далеко, а может, рядом, совершается ужасное. Ему даже почудился крик, топот ног, шум борьбы. Со стороны дамбы раздался то ли выстрел, то ли просто лопнула шина...

Чувствуя, как ознобом сводит плечи, Станислав прошлепал на кухню. Последняя бутылка оказалась «Фантой». Открыв ее, он лег на тахту, посасывая из горлышка жидкость с запахом апельсина.

«Чего и почему я боюсь сейчас?» — вопрос был задан самому себе и требовал ясности. На «почему» отвечало тело, которое не сможет провести ни один защитный прием, и ноги, разучившиеся бегать. Сильный удар вырубит сознание, потом и «скорая» не откачает.

На вопрос, чего он боится, конкретного ответа не было.

Лишь смутная, устоявшаяся тревога и горечь беды из полустершихся воспоминаний о том, что произошло два с половиной года тому назад.

... Дядечка позвонил по мобильному неожиданно вечером.

«Есть срочный разговор. Приезжай, как только сможешь, — он чуть помолчал. И странно дрогнувшим голосом: — Пирата отравили».

«Кто? Почему?» — взвился Станислав. Но Дядечка уже отключился.

Отбросив книгу и плед, Станислав глянул на часы: до отправления последнего автобуса оставалось мало времени, и надо было спешить.

Матери дома еще нет, а вернувшись, тревожиться не станет: семнадцать лет — это уже мужчина, имеющий право на личную жизнь.

Поймать «мотор» не удалось, трамвай тащился медленно и, попав на автовокзал, Станислав увидел лишь задние габаритные огни пригородного автобуса. Попутных машин в сторону Поселка не было и, продрогнув на злом осеннем ветру, Станислав вернулся домой. Поставив будильник на пять часов утра, лег спать, так и не дождавшись матери.

Пассажиров с первым рейсом ехало мало. Усевшись на переднее сиденье, Станислав дремал. За стеклом хлопьями падал первый снег. На асфальте он превращался в слякоть, а на обочине старательно прикрывал мусор. Кусты и деревья становились сугробами.

«Зимушка-зима — хозяйка чистоплотная», — водитель автобуса не повернул головы, но явно адресовал слова Станиславу, его лицо отражалось в зеркальце над приборной доской. Станислав тоже видел темные глаза и рыжеватые усики немолодого шофера.

«Зато в гололед или в распутицу все водители ее проклинают», — со знанием дела возразил Станислав. За разговором едва не проехал свою остановку. Снег уже не шел. Принарядившийся лес празднично светился, встречая рассвет.

Станислав перебрался по настилу через ручей, пробивший себе неглубокий овражек, но пошел не по дороге, ведущей к Поселку, а свернул на тропинку, сразу же нырнувшую в кусты. Снег с ветвей падал на голову и за шиворот. Вчерашнее чувство тревоги заставляло ускорить шаг. Он не видел Дядечку недели две и соскучился.

Кем был Дядьков Илья Николаевич, из каких мест пожаловал, никто не знал. В поселке говорили по-разному: одни — что он бывший майор, воевал в Афганистане. Другие уверяли, что из тюрьмы вернулся. А за что сидел, гадать не решались.

Дядечка был нелюдим и, кроме как с пацанами, ни с кем

не дружил. Подрабатывал починкой телевизоров и магнитол. Брал недорого, но деньги у него водились. К выпивке Дядечка относился скептически, хотя при надобности мог перепить любого. Не курил, но для гостей, званых и незваных, держал сигареты на разный вкус. К наркотикам, как Станислав понимал сейчас, какое-то отношение имел, хотя под кайфом его никто никогда не видел. И пацанов не подбивал, строго-на-строго запретил курить даже маковую соломку. Говорил мало, но умел слушать, поэтому знал не только поселковые, но и все городские новости. Дом себе построил на отшибе сам, без посторонней помощи. Крепкий, теплый, удобный, но без расчёта на семью.

Станислав познакомился с Дядечкой еще подростком, в подворотне, куда подвыпившие «шмоналы» затащили его под смех и прибаутки среди бела дня на глазах у равнодушных прохожих. Наградив для острастки фингалом, парни содрали с него кожаную куртку и, пригрозив, что долбанут в пах, начали снимать фирменные джинсы. Станислав отбивался неумело, слабая от ненависти и унижения. В этот момент он презирал плавание, ненавидел гимнастику, теннис, отточившие тело, но не давшие ничего для защиты от тупой, жестокой силы.

Невысокий, щуплый мужичок разметал пятерку парней, приговаривая: «Не след кодлой на одного, а то и на кодлу один найдется...»

Запоздало взвыла милицейская сирена. Мужичок, подхватив упавшую куртку и выбитый из чьей-то руки нож, втолкнул Станислава во двор, отодвинул доску в заборе и, только выскочив на соседнюю улицу, замедлил шаги. Протягивая Станиславу куртку, сказал насмешливо:

«Чего ж ты, ровно курунок, щипать себя даешь? А не орал из гордости или со страха?» — в светлых глазах была уверенность человека, который знает что делает и какого результата ждет.

Потом он учил Станислава и пацанов из Поселка своему бойцовскому стилю — смеси восточных единоборств с русским кулачным боем и приемами десантников. Они уходили за рощу, подальше от чужих глаз, и земля била Станислава, словно обрушиваясь на поверженное тело. Музыкальные пальцы опухали, кости трещали, и в голове временами стоял туман, а из носа шла кровь. Но гибкое тело оказалось не таким уж хлипким, а в помощь кулакам были воля и самолюбие. Тогда и получил он прозвище Стальной вместо прежнего Славик.

Станиславу нравилась напряженная, состоящая из контрастов жизнь. Городской комфорт, ярлык многообещающего мальчика и жесткая реальность приземленного мира полушантрапы, где он был своим парнем. Здесь он познакомился с Брату-

хой и вытащил парня вместе с Дядечкой из «ментовки», доказав его алиби в скверном деле.

Здесь впервые он увидел Бугра. Тогда этот увалень носил диких расцветок пиджаки, золотую цепь на шее толщиной с собачью и, похоже, не знал, куда пристроить свое богатство.

Дядечка его терпеть не мог, но в дом почему-то приглашал. Они засиживались дотемна. Телохранители Бугра томились в машине. Пацанам в такие дни даже близко подходить не разрешалось. От чего оберегал их Дядечка, Станислав понял много позже... А в то раннее утро, раздвигая заснеженные ветви кустов, он гадал, что же такое стряслось и чем он сможет помочь Наставнику?

Лужайка перед крыльцом и ступеньки выбелены снегом, в окне горит размытый электрический свет. Собачья будка не исходит глухим рычанием, каким встречал Пират даже знакомых, и что-то необычное мозолит глаза — под кустом жасмина высится свежий холмик. Снег уже припорошил его, но собачья миска на вершинке видна отчетливо. Над ней, пригнув ветку, висит стальная цепочка.

Несколько мгновений Станислав тарачился на нее, только сейчас до конца понимая смысл сказанного по телефону. Потом рванулся по ступенькам, забарабанил в дверь, но она оказалась незапертой.

Он шагнул в полутемные сени, споткнулся обо что-то большое, плашмя лежащее на полу. Под ногами липко чавкнуло, и Станислав попятился, еще не осознав всего, но уже тупея от ужаса.

Пятясь, он едва не свалился с крыльца, но успел схватиться за перила. Пальцы заскользили по обледеневшему дереву. Он опустил глаза — на заснеженных ступеньках, словно прожигая их, алели кровавые следы...

Станислав мчался по тропинке, а следы словно гнались за ним, как в ночном кошмаре. Избавиться от него можно было только проснувшись... Но это был не сон. Пытаясь отмыть обжигающие подошвы ботинок, он прыгнул в ручей, заскользил по глине. Выбираясь по склону, упал и вымок. По шоссе бежал в сторону города, забыв, что можно остановить машину. Помнил лишь, что на развилке есть пост ГАИ.

В запотевшем окошке смутно белело лицо дежурного. Станислав стукнул рукой в стекло и словно очнулся. Когда подъехала вызванная сержантом опергруппа, он уже отогрелся в «дежурке» и мог связно рассказать все, что знал.

Он поехал со следователем на место трагедии. При виде красных следов ему стало плохо. Но он выдержал все, даже мертвое лицо Дядечки. В заострившихся чертах его застыло недоумение, в остекленевших глазах — укор.

«Если бы я не опоздал вечером на автобус... Поняв, что Дядечка не один, они не рискнули бы в этот раз... Но Дядечка открывал на знакомый голос — значит, и меня замочили бы вместе с ним. Только не в спину, как ему, сунули финку, а без опаски в сердце. Но, может, все было бы иначе?..» — эти мысли преследуют до сих пор.

«Финка, нож...» — бормотал он в бреду, лежа дома с воспалением легких — мать не дала увезти в больницу. Где-то глубоко в подсознании чудилось, что он уже видел эту черную наборную рукоятку самодельной финки. Она была воткнута во что-то красное, но это была не кровь. Над красным жужжали мухи...

... — Это были не мухи! — Станислава словно подбросило на тахте. Окно уже розовело восходом. Начинался первый деловой день с Йосано, а мысли были заняты совсем другим.

Это были осы. А красное — большой арбуз, который резали крупными, сочными ломтями. Рук было много, финка ходила по кругу парней, сидящих на лужайке перед домом Дядечки.

Машина Бугра прикатила на этот раз в сопровождении двух иномарок с московскими номерами. Из «Мерседеса» выбрался плюгавый человечек с надменным лицом. Бугор, придерживая под локоть, помог ему подняться на крыльцо. Станислав вместе с Дядечкой пилил в это время возле сарая дрова.

Увидев гостей, Дядечка ушел в дом, а Станислав начал складывать уже наколотые полешки. Потом взялся за топор и березовые чурбачки, с любопытством поглядывая на охрану боссов. Его заметили и позвали. Чернявый парень с кривым носом протянул истекающий соком ломоть арбуза. Но стукнула рама окна, выглянул Дядечка, и Станислав, вежливо отказавшись, побрел по тропинке к автобусной остановке. Его разозлила непонятная непреклонность Наставника. Лихие парни, беспечно поевавшие арбуз, понравились.

«Почему я не вспомнил об арбузе и финке тогда, когда это могло иметь какое-то значение? — думал Станислав, уже не надеясь уснуть. — Быть может, потому, что собственное алиби было бесспорно, — шофер автобуса подтвердил, что вез меня первым рейсом. Болезнь и мама оградили от дальнейших вопросов. В доме у Дядечки ни денег, ни наркотиков не нашли. Дело быстро закрыли, причислив к «глухарям». И все забылось — это несложно, если нет опечаленных родственников. Даже я в последнее время не вспоминал. Нет, стоп! Осенью в офисе, когда Бугор сказал, что не видит у «Надежды» перспективы... Сцепившись с ним, я ляпнул, что хорошо было ему начинать, имея стартовый капитал с душком и Дядечку в советчиках».

— В итоге становится ясно... что ничего не ясно, — пробормо-

мотал Станислав. — Значит, надо жить, решая все по мере того, как что-нибудь будет случаться. На данный момент случился японец, работа с перспективой, и надо выложиться до хруста в мозгах, чтобы эту удачу не прозевать.

Ставя символическую точку, Станислав крутанулся прямо с тахты колесом. Почувствовал, как напряглись руки, вспыхнула боль в культиках и обожгло в животе, но он уже стоял на ногах.

Бдительный будильник прокукарекал трижды. Бодрый петишиный крик показался добрым напутствием, ледяная вода душа смыла остатки сна и тяжелых мыслей. Бритва «Жиллетт» бархатно сняла с лица еще неотросшую щетину и все сомнения. Нашлась немая рубашка с длинными рукавами и уже застегнутыми пуговицами.

Станислав с удовольствием посмотрел на себя в зеркало — гордая посадка головы, высокий лоб, гладко зачесанные светлые волосы. Губы могли быть повывразительнее, но подбородок с волевой ямочкой что надо. Но главное — глаза: небольшие, с холодноватым блеском.

Слегка угнетала пустота в желудке. На память пришла реклама: «Не тормози — сникерсни!». Так, с улыбкой, он захлопнул дверь и подошел к лифту. Но кнопку нажать не успел — кто-то поднимался вверх. Из раздвинувшихся дверок вышла немолодая женщина из тех, кого никогда не замечаешь. Но сейчас женщина плакала, и Станислав невольно проводил ее взглядом. Уже войдя в лифт, он успел заметить, что женщина остановилась возле своей двери, однако не открыла ее, а привалилась к ней спиной, пытаясь успокоиться.

Кабина лифта захлопнулась и тронулась, отсекая замкнутый мирок чужой жизни, случайно коснувшийся его и не испортивший праздничного настроения. Только вспыхнула и погасла мысль: «Как разобщены, изолированы мы все. И никому ни до кого нет дела». Это не было открытием. Просто впервые оформилась мысль, еще не толкнувшая на размышления.

Машина Йосано подъехала в тот момент, когда Станислав вышел из подъезда. Погружаясь в удобное кресло, он ощутил, как его личный мирок вклинивается в новый, еще непонятный мир японца, и что это обещает — проблемы или радости, покажет только время.

Сначала они заехали в супермаркет и купили обычный миниатюрный диктофон. Йосано положил его в кейс и, заметив, что Станислав принюхивается к запахам, доносящимся из кафе, предложил выпить по чашечке кофе. Станислав добавил к нему все, что выглядело аппетитно, и, настояв, расплатился за обоих.

Теперь, когда душа и желудок обрели равновесие, Станислав чувствовал себя готовым на любые битвы и подвиги. Но сник, когда Йосано остановил «Рено» возле узорчатых дверей и витиеватого ограждения с белоснежными перилами. Пять ступенек, которые раньше он одолевал в два шага, теперь показались восхождением на Эльбрус. Станислав осилил их ватными ногами, стараясь не смотреть на новую с золочеными буквами табличку в том месте, где когда-то скромно значилось: «Строительная фирма «Надежда».

Холл офиса не изменился ничуть. Хорошенькая мордашка Дашеньки все так же выглядывала из-за стеклянной перегородки кассы. Но молодой охранник в форме десантника был незнаком.

— I've got an appoint with mister Smirnov, — в улыбке Йосано было столько достоинства, что охранник тотчас отступил в сторону. Станислав рассеянно кивнул Дашеньке, не сводившей с него испуганных глаз, и, сделав над собой усилие, перевел:

— У меня встреча с мистером Смирновым.

Но мистер Смирнов уже выходил из кабинета. На сухощавом лице его расцветала улыбка. Взгляд, безразлично скользнув по лицу молодого человека, сосредоточился на японце.

«Не узнал», — Станислав почувствовал облегчение. Они виделись в этом кабинете давно и мельком, а с тех пор, как правой рукой Надежды стал Константин Витальевич, Станислав редко бывал в офисе и на стройках. Сейчас он понимал, что еще не готов к встрече с деловыми партнерами фирмы, не захотевшими ей помочь.

— Please, come in (Пожалуйста, входите), — уверенно, но с ужасным произношением сказал мистер Смирнов, пропуская Йосано и Станислава вперед. Они вошли в кабинет матери. Мебель осталась прежней, но ее переставили, отчего исчез уют, который располагал к доверию. Плотные портьеры на окнах заменили легкий шелк, придавая комнате мрачную торжественность, и сердце Станислава сжалось.

«Я на работе!» — напомнил он себе, и вовремя. Процедура знакомства закончилась. Смирнов уселся в мамино крутящееся кресло. Йосано было предложено место за столиком для посетителей, впритык придвинутому к письменному столу. Станиславу — напротив.

Японец положил диктофон на светлую полировку. Смирнов настороженно приподнял брови и нажал кнопку на пульте связи:

— Демченко, Иванов. Прошу ко мне...

— Иванова нет, Игорь Васильевич. А я иду, — послышался знакомый голос бывшего маминоного прораба. Через минуту по-

явился он сам, чубатый, распахнутый — от улыбки до робы с капюшоном. Взгляд его прилип к лицу Станислава, улыбка исчезла.

Смирнов коротко представил своего помощника и выжидательно посмотрел на Йосано. Беседа началась неторопливо: японец давал Станиславу возможность освоиться, хозяин кабинета обдумывал неожиданное предложение иностранного гостя. Станислав переводил, не позволяя посторонним мыслям выбить себя из состояния, которое связывает воедино собеседников, но устраняет его самого, превращая в бесстрастный автомат. Он не заострял внимание на глубинных течениях разговора, но в то же время невольно вникал в них.

Убедившись, что переводчик справляется, Йосано заговорил в привычном темпе, лаконично и убедительно предлагая разнообразные системы и устройства охранной сигнализации, монтаж ее и полный сервис. С техническими терминами Станислав с грехом пополам справлялся, но когда торопливо и, как всегда, бестолково вмешивался Демченко, начинался базар. Станислав взмок, пока не догадался переводить лишь суть его болтовни.

«Охранная» тема с позором обнажила одну из главных сегодняшних строительных проблем: со складов тащили, с запасных путей уводили вагоны с материалами, ухитрялись снимать грузы прямо «с колес», на ходу. Чего уж говорить о том, что лежит под открытым небом... Йосано охотно предлагал варианты спасения.

Станиславу все это было не в диковинку, но его удивил Смирнов. Главу новой объединенной фирмы то и дело заносило на тему о коттеджах, хотя с аппаратурной точки зрения здесь все обстояло проще и мало занимало Йосано. Зато Станислава охватило волнение, как ищейку, случайно взявшую давно утерянный след. Демченко тоже забеспокоился и, пробормотав, что ждет звонка, выбрался из угла, где засел с самого начала. Но прежде чем уйти, он что-то шепнул Смирнову, смущенно улыбнулся и тихо прикрыл за собой дверь.

Смирнов исподлобья глянул на Станислава, лицо его стало напряженным, на скулах вспыхнул румянец. Йосано задал вопрос, Станислав перевел, но Смирнов заговорил о ненадежности банков, о перекупке строительных материалов и явном разбое, с которым не могут справиться даже законы и власть.

— Из-за поддельных документов и разного рода обстоятельств у нас не так давно «сгорела» перспективная фирма. Были, конечно, и другие причины... — Смирнов говорил, не глядя на Станислава, но явно адресуя слова ему. Тон голоса был напористый — так идут в атаку, опасаясь, что противник пойдет в наступление и первым захватит стратегическую высоту.

Станислав переводил «автоматом», дословно, и Йосано спросил:

— Почему сгорела? Кто-то поджег?

— Фирма обанкротилась и перестала существовать, — в бесстрастной английской фразе Станислава просочилась боль. Йосано испытующе заглянул ему в глаза, а Смирнов заволновался:

— Что спросил японец?

— Он спросил, кто поджег фирму, — холодно пояснил Станислав.

— Это стечение обстоятельств! Никто не предполагал, что все произойдет так стремительно. Вмешались такие силы...

— О чем он?.. — взгляд Йосано стал жестким и настороженным.

— Оправдывается, — Станислав видел, что японец понял все.

— Скажите мистеру Смирнову, что охранной сигнализации на случай непорядочности наша фирма, к сожалению, не производит. — Йосано встал, но не сложил ладони в традиционном прощании, а лишь слегка наклонил голову, давая понять, что беседа закончена.

Смирнов заговорил о договоре, но Йосано сказал, что фирма пришлет специальное письмо и, выложив на стол красочные рекламные буклеты, спрятал в кейс диктофон.

Лишь выйдя на улицу, ощутив тепло и прохладу, Станислав понял, что еще жив и даже доволен собой: первое столкновение с прошлым состоялось и принесло информацию, на которую он и не рассчитывал.

— Эта сгоревшая фирма... Вы в ней работали? — осторожно спросил Йосано, когда они сели в машину.

— Эту фирму возглавляла моя мать.

— Понимаю, — какое-то время Йосано вел машину молча. Наконец сказал: — Может быть, вам будет трудно встречаться с теми, кто...

— Переживу, — бесцеремонно перебил его Станислав. — Не беспокойтесь, на качестве перевода мое настроение не скажется.

— А где сейчас ваша мать? И простите за бестактный вопрос: это... — он кивнул на руки Станислава, — как-то связано?..

— Мама за границей. А «это» связано только с собственной дуростью, — впервые неприятная тема не вызвала раздражения.

— И давно это случилось? Я не из любопытства... Существуют биоэлектронные протезы. Я мог бы посодействовать вам, — у Йосано было внимательное, доброе лицо заботливого дядюшки.

— Спасибо, — внезапно охрипнув, прошептал Станислав. — Но пока это нереально. Вы вчера хорошо сказали, что нужна прежде всего голова. Она придумает, куда применить даже такие руки.

— У вас сильный характер, — Йосано смотрел без улыбки.

— Когда-то называли Стальным, — Станислав усмехнулся. Ему вдруг показалось диким давать и откликаться на прозвища, пусть даже самые лестные. Поймал себя на мысли: «Юность кончилась», — и стало грустно.

— Мне хотелось бы, уехав из России, не потерять с вами деловой связи, — Йосано был снова улыбчив и рассудителен.

«Мне тоже», — подумал Станислав, но промолчал.

До следующей встречи оставался час. Йосано предложил перекусить, но легко, потому что «сытый желудок делает ленивым мозг». Станиславу выражение понравилось, но последовать совету мудрых не получилось. Йосано взял себе сок и банан. Станислав добавил к ним еще пирожки и пирожное. После больницы ему казалось, что он никогда не наестся.

Он не спрашивал, куда они едут, страшись услышать, что следующая встреча будет с Бугром. Понимал, что это неизбежно. И хотя с японцем он чувствовал себя неприкосновенным, как дипломат в чужой стране, но желания мира не было. После душедробилки в бывшем мамином офисе новое испытание могло сломать его: не совладеет с голосом, выдаст убийственный взгляд или ляпнет что-нибудь непере译имое на английский. И тогда опасения Йосано окажутся ненапрасными.

Станислав вздохнул с облегчением, когда Йосано припарковал машину на стоянке «Лилии». Ресторан еще не работал, но швейцар распахнул двери. Человек в элегантном костюме провел гостей через дремлющий нижний зал. Тихий, торжественный, он сверкал столовыми приборами и накрахмаленными скатертями. Неслышно сновали официанты, в белоснежное одетые девушки меняли на столах цветы.

По запасной лестнице они поднялись в служебные апартаменты. Шум шагов тонул в ворсе ковров. И если подходы к кабинету можно было определить как гостеприимно-богатые, то кабинет хозяина выглядел сдержанно-роскошным. Благородно поблескивала модная деловая мебель, матово светилась поверхность овального столика, придвинутого к стеклянной стене, задрапированной волнами кружев.

Матвей Суменович, светясь улыбкой на раздобревшем красивом лице, встретил в дверях и двумя руками пожал протянутую ладонь японца. На примитивном английском он предложил гостю сесть в кресло возле овального столика. Станислава он словно не замечал, как не замечают королевскую свиту, когда встречают самого короля.

Почувствовав себя вне поля внимания, Станислав присел на соседнее кресло и начал наблюдать за хозяином. У господина Евграфова была благородная осанка, барские манеры и одежда «от кутюр». Движения и речь плавно заполняли пространство, обтекая и поглощая внимание собеседника, — наверное, так медуза заглатывает свою добычу.

Станислав заметил, что, садясь, Граф нажал две кнопки под крышкой столика. Тотчас явился кельнер. На сверкающей стеклом тележке стояли фрукты, соки и вина. Вторая кнопка включала, очевидно, магнитофон.

Граф сам наполнил два бокала легким ароматным вином и, приподняв третий, с сомнением покосился на Станислава, словно только сейчас заметил переводчика. Станислав отрицательно покачал головой, и Граф, откинувшись на спинку кресла, заговорил с Иосано на довольно беглом английском, тщательно подбирая несложные вопросы о впечатлениях гостя о России. Японец отвечал неторопливо, хвалил вино, словно это и было главной причиной его визита.

Чувствуя свою ненужность, Станислав занялся созерцанием картин, развешенных на стенах, и едва не прозевал, когда разговор перетек в деловое русло, где на пути Графа сразу же возникли языковые рифы и отмели. Он пытался их преодолеть, но словарный запас был скуден. Станислав злорадно выжидал, давая Графу возможность позаикаться, но, поймав недоуменный взгляд Иосано, начал подсказывать сначала лишь те слова, которые Граф был вынужден заменять русскими. Японца он переводил полностью, с удовольствием замечая, как надменность сползает с Сурена Матвеевича, словно искусственная позолота под кислотным дождем. В конце концов тот совсем перестал выуживать из памяти иностранные слова и с явным облегчением доверился переводчику.

Обсуждались варианты аппаратуры слежения в игровых залах и подсобных помещениях будущего казино. Японец раскладывал на столике уже не красочные буклеты, а инструкции и чертежи. Это была отработанная система сопротивления жуликам и авантюристам, которые размножаются мгновенно, как мушка-дрозофила на аппетитном плоде, превращая все в плесень и смрад...

Потом Граф стал рассказывать, каким, по его замыслу, будет новый Дворец спорта с прозрачным куполом-полусферой, венчающим хоккейно-футбольное поле и трибуны для зрителей.

— Все получится как ромашка, — лицо Матвея Суреновича сияло. — Семь меньших куполов — над залами для фигуристов, гимнастов и легкоатлетов, над волейбольной и баскетбольной площадками, над теннисным кортом и плавательным бассейном.

— Если учесть масштабы города, то когда же окупится такое строительство? — в голосе японца сквозило неприкрытое сомнение.

— Разве дело лишь в окупаемости? — Граф посмотрел на Йосано как на человека, неспособного мечтать, а значит, в чем-то ущербного. — Можно будет устраивать российские и международные соревнования.

В глазах Матвея Суруновича — задор, и Станислав готов простить ему надменный вид и пренебрежение к своей персоне.

— He is blessful who believes accent (Блажен, кто верует), — вокруг хитровато-мудрых глаз японца лучатся морщинки.

Хозяин улыбается и предлагает гостям перейти в зал, где их ждет обед. Станислав, представив, каким изысканным он будет, мысленно облизнулся. Но Йосано отказался, сославшись на очередную встречу, хотя больше на этот день ничего не планировал.

Матвей Сурунович спорить не стал, однако кельнер привез тележку, заставленную легкими закусками и сладостями. На овальный столик был водружен самовар с хохломской росписью и кружки ему под стать. Йосано повосхищался самоваром, но от чая отказался, хотя и заметил разочарование на лице Станислава.

Потом Йосано дал Графу подписать нужные бумаги, что тот сделал с явным удовольствием, и они распрощались. Ужидали в мотеле, заказав еду в номер. Японец расслабился, коньяк и усталость развязали ему язык, и он рассуждал добродушно. Временами язвил:

— Вы, русские, расточительны и в то же время скупы: пытаетесь выгадать рубль, а потом швыряете на ветер тысячи.

— Разве Смирнов и Евграфов расточительны? — Станиславу хотелось упорядочить собственные наблюдения.

— Мистер Смирнов как заказчик непредсказуем, а значит, ненадежен... Евграфов умен, стоит крепко, но... неосторожен.

— Вы имеете в виду его романтический проект Дворца спорта?

— Мечтать не опасно, пока не возникает необходимость вложить средства. Ресторан, возможно, окупает и себя, и строительство казино — частично. Но мистер Евграфов чего-то не договаривает...

— И вы рискнули заключить договор по казино?

— Мои опасения безосновательны. К тому же, пока не поставили аппаратуру, мы не рискуем ничем. — Йосано доел рис с фруктами.

Станислав прислушался к своему желудку: как там воспринят плов из жирной баранины с кавказскими специями? По телу разливалась блаженная сытость. Но мозг не ленился, работал.

— Вы будете открывать у нас свое представительство? — Станислав чувствовал, что Йосано не совсем доволен встречами.

— Представительство нашей фирмы уже открыто в Москве. В отдельных городах мы утверждаем своих менеджеров из местных — толковых, знающих английский и... — японец с сожалением посмотрел на Станислава, — и с высшим, предпочтительно техническим, образованием.

— Значит, мне не светит... — засмеялся Станислав. — Легко терять то, чего еще не имеешь.

— Кто знает... — в раздумье пробормотал Йосано. И уже в вестибюле мотеля, прощаясь, сказал: — Завтра еще встреча — с мистером Бугровым. А после обеда — в Москву. К ночи думаю добраться. Может, составите мне компанию? Я бы сегодня забронировал вам номер в гостинице.

«А нельзя смыться сегодня, сейчас?.. И никаких Бугровых, темных квартир и дурных воспоминаний», — Станислав едва не ляпнул это, но сцепил зубы и, отсчитав десять гулких ударов сердца, кивнул:

— Спасибо за предложение. Я приму его. Но остановлюсь у друзей.

— О, это отлично, — улыбка японца была самой широкой. — Не люблю ездить один. А такой спутник, как вы, — подарок.

... Не по-майски жаркое солнце клонилось к закату, и улицы города были полны жизни. Из киосков с дисками и кассетами неслись истошные музыкальные вопли. Хотелось вторить им и выделывать ногами кренделя. Или потискать проходящую мимо полуголую красотку с обожженными на пляже плечами.

«Завтра я ввалюсь к Дану и Родьке, и мы рванем куда-нибудь на всю ночь! Они знают, где можно кайфануть без дурных последствий. Через день-другой позвоню Паниным. Там должны знать, как связаться с мамой... Стоп! Она же сказала, что будет писать до востребования».

Прежде чем объезжать все почтовые отделения, Станислав зашел в ближайшее. Письмо ждало его больше месяца, телеграмма — неделю.

«Волнует отсутствие твоих сообщений. Надежда». — Мама верна себе: никаких эмоций, только суть. Письмо Станислав решил прочитать дома, но для этого надо было купить лампочки. Попутных машин не было, пришлось прибавить шаг, потом бежать, но двери супермаркета уже сомкнули свои пластиковые челюсти. Станислав присел на лавочку и в лиловых сумерках стал вчитываться в бисерный почерк.

Короткое письмо было из Парижа: долетели благополучно, устроились сносно, надежда на работу есть. И только в конце:

«... Как твоё здоровье? Возникнет необходимость — обратиться к профессору Сурову. Ты его должен помнить. Береги себя. Мама».

На конверте стоит московский штемпель. Значит, из Франции письмо пришло Паниным в другом конверте. Обратного адреса нет. Мама всегда была неплохим конспиратором. Но кого она опасается? «Ментов», заказчиков, кредиторов или Бугра?

— Не хочу навязывать своё мнение, но Бугров — человек опасный. Доказательств у меня нет, но думаю, что связан с наркомафией, — сказал Станислав, когда Йосано вывел машину на дамбу.

Накануне он долго не мог уснуть, решая, надо ли предупредить японца или положиться на его проницательность. Может, лучше, чтобы всё шло само собой... Решил не говорить, однако не удержался.

— В мэрии мистера Бугрова охарактеризовали как умного, решительного предпринимателя, — уклончиво ответил Йосано. — Хотя одно не исключает другое. Бизнес нередко связан с грязными деньгами и темными силами — это надо учитывать. Его политика, как и всякая другая, жестока. Но работать приходится с тем, что есть. — Несколько минут японец вел машину молча. Лишь подъехав к офису Бугра, сказал: — За предупреждение — спасибо.

Выражения его глаз Станислав не понял.

Офис генерального директора строительного акционерного общества «Приречинск» располагался в княжеском особняке. В советские времена здесь была детская библиотека, куда Станислав бегал подростком. И сейчас, поднимаясь по мраморным ступенькам обновленного крыльца, он испытывал гамму самых противоречивых чувств.

Лепные потолки в холле были так же изумительны, но их портила позолота. Высокие окна в пластиковом наряде казались смущенно-голыми. Из ниш, где раньше красовались бюсты вождей, выглядывали теперь нимфы и купидоны. Паркетный пол был отциклеван и залакирован так, что на него было скользко смотреть. Неоновые светильники и хрустальные люстры — старина и модерн соперничали безвкусно.

Бритоголовый парень без шеи — сразу от ушей горбятся под черной рубашкой мускулы плеч — глянул маленькими, как у хряка, глазками и нажал кнопку на панели в стене. Тотчас распахнулась дверь в конце холла, но никто не вышел навстречу. Пришлось прошествовать через пустое и гулкое пространство, слыша лишь шлепанье подошв собственных туфель. Второй амбал, встретивший в коридоре, был копией первого.

Анфилада приемных с девицами возле телефонов и компьютеров. Ещё комната — «предбанник» кабинета босса. И, на-

конец, сам кабинет. Окна плотно зашторены, светильники на стенах зажжены. Сияющий бликами длинный стол для заседаний с чинным рядом стульев по обе стороны напоминает сороконожку. А голова ее — письменный стол, заваленный книгами, папками, макетами домищ и домиков.

Генеральный директор, вставший из-за стола и сделавший шаг навстречу, лишь отдаленно напоминал того Бугра, какого знал Станислав при жизни Дядечки, и мало походил на агрессивного конкурента Бугрова, с которым он так яростно спорил меньше года тому назад.

Баснословно дорогой темно-синий костюм удачно маскировал глыбу мышц и жира, бычью шею стягивал элегантный галстук с золотой заколкой. Массивное кольцо с печаткой украшало руку-лапу, которую он протянул для приветствия, — смуглая ладошка Йосано утонула в ней, как плотвичка в пасти акулы. Тяжелое лицо Бугра, сдобренное ароматным кремом, было по-отечески добродушным, даже приятным.

Крепко сжав руку японца, отчего тот поморщился, Бугор обернулся к переводчику. В первый момент Станиславу показалось, что тот его не узнал, но в серых пронизательных глазах таилась насмешка: «Не улизнул, голубчик. Сама судьба привела тебя...»

— Давненько мы не виделись, — голос звучал доброжелательно. — Будет время — встретимся, погугорим...

Пока Йосано и Станислав усаживались за длинный стол, поближе к хозяину, в кабинет вошли и чинно разместились напротив гостей несколько человек. Одного из них — доцента экономического института Станислав знал хорошо: он читал первокурсникам лекции. Другой — юрист — какое-то время работал в «Надежде», но спешно ушел незадолго до краха фирмы. Усатый был снабженцем, мать выгнала его сама за какие-то махинации. Двоих других мужчин Станислав не знал.

Консультанты зашуршали блокнотами. Йосано поставил на стол свой диктофон, и Станислав напрягся в ожидании первой фразы.

Но хлопнула дверь, и в кабинет торопливо проскользнул смазливый, вертлявый переводчик Сашенька. Он уже закончил пединститут и успел постажироваться в Америке. Его беглая английская речь была с грубоватым ассент (акцентом), которым он с гордостью щеголял, стараясь по возможности меньше изъясняться по-русски.

Сашенька сделал вид, что не узнал Станислава, по-английски извинился за опоздание и торопливо уселся рядом с Бугром, внимательно вслушиваясь в то, что говорит ему босс. Глаза пристально изучали Йосано, и Станиславу передалась его внутренняя неприязнь.

На Йосано все эти кабинетные рокировки впечатления не произвели. Давая понять, что ценит время, он начал говорить короткими жесткими фразами примерно то же, что Смирнову и Графу, но проспекты и рекламные буклеты расположил сначала перед командой Бугра. Потом передал хозяину: японец понял расклад сил, и ему было важнее убедить специалистов, чем завоевать симпатию их нанимателя.

Бугор вопросов не задавал, слушал, что бубнит ему вполголоса Сашенька. Станиславу приходилось работать в полный накал: консультанты оказались дотошными. Они выспрашивали Йосано куда настырнее, чем Граф и Смирнов, выходя за рамки охранной темы, углубляясь в дебри сверхновых разработок аппаратуры слежения.

Йосано пояснял, Станислав едва справлялся с переводом, застревая на сложных технических терминах. Моментами реплики консультантов схлестывались, и он чувствовал себя самолетом, попавшим в скрещение лучей вражеской противоздушной обороны. Под скептическим взглядом Сашеньки начинали гореть щеки, уши и хрипнуть голос.

Наконец наступила пауза. Станислав споткнулся о нее и откинулся на спинку стула. Только теперь он мог бросить взгляд на Бугра. Толстые губы того улыбались, а глаза оставались хмурыми, и хищный огонек то вспыхивал, то притухал в них, выдавая течение мыслей. Спецы за столом нетерпеливо шелестели бумагами, давая понять, что требуется посовещаться. Что-то их не устраивало в стандартных условиях договора Йосано.

«Чего ждет этот кретин? — Станислав взглянул на Бугра. — Хотя какой же он кретин, если купил такую команду и прибрал к рукам почти все строительство в городе?.. Стоп! Было что-то еще. Усатый спросил о чем-то, касающемся «прослушки», но Бугор перебил его невпопад. Я начал переводить, хотя сам ничего не понял...»

— Вам надо посовещаться? — Йосано вежливо улыбнулся и выжидательно посмотрел на Станислава. Но Сашенька уже перевел его слова Бугру.

— Это точно, — хохотнул босс и что-то негромко буркнул. Сашенька заулыбался и, выпорхнув из-за стола, поспешил к японцу.

— Будьте добры, перейдите в соседний кабинет, — залопотал он, бесцеремонно оттесняя Станислава. Они прошли в смежную прекрасно обставленную комнату. Сашенька усадил Йосано в кресло, и сам расположился напротив, оставив Станиславу стул за своей спиной.

Станислав хмыкнул и, обойдя письменный стол, невозмутимо уселся в крутящееся кресло хозяина кабинета. Сашенька

зыркнул на него негодующим взглядом и, независимо вскинув кудрявую головку, защебетал, суетясь словами.

Он хвалил город, своего босса, его команду и, как бы между прочим, себя. Он был похож на воробья, который нашел на земле пригоршню зерен и спешит их склевать. Глаза его блестели, улыбка стала по-девичьи кокетливой.

«Да ведь он «голубой»!» — мысленно ахнул Станислав, невольно чувствуя, как отвращение морщит нос и презрительно кривятся губы.

— И сколько же хозяин платит тебе за все? — не скрывая неприязни, по-русски спросил Станислав. С удовольствием заметил, как Сашенька испуганно вздрогнул. Кокетливая улыбка погасла.

— Этот вопрос мы обсудим с вами позже и не здесь, — фраза, сказанная на английском, прозвучала изысканно. Наверное, так в былые времена вызывали на дуэль.

— В чем дело? — Йосано кинул на Станислава тревожный взгляд.

— Пустяки... Задал вопрос на родном языке, а господин, похоже, его забыл, — Станислав понимал: Сашеньку приставили специально, чтобы не дать возможность поговорить. Значит, Бугор почему-то опасается сына обанкротившейся Надежды...

— Это был бестактный выпад, — щеки Сашеньки побелели. Трудно было ожидать, что примитивный вопрос вызовет такую реакцию.

— Выходит, моя догадка верна? — улыбнулся Станислав.

— Иди ты к черту! — грубо, по-русски крикнул Сашенька и, пугливо оглядываясь на дверь, зашептал: — И чего тебе надо? Подфартило с япошкой пахать, так в чужую кормушку не суй рыло.

Йосано с каменным лицом наблюдал за петушиным боем. Но глаза выдавали беспокойство.

— Не кипятись, тебе дорожку не перебегу, — сказал Станислав, чувствуя досаду и скуку. Показалось, что все эти дни он занимался не тем, чем надо. Смутное беспокойство начало сосать, как голод.

— Тарас Игнатьевич просит вас к себе, — в дверь заглянули.

Едва Йосано вошел в кабинет, Бугор тут же облапил его и сказал торжественно, что рад подписать договор, но его помощники настаивают на поправочках. Пришлось снова садиться за стол переговоров.

Осторожно, словно крадучись, помощники начали подбрасывать свои пожелания. Йосано любезно кивал, но на поправки не соглашался, хотя и требовалось всего лишь переставить местами слова, что-то убрать, вписать или немного изменить цифры.

— Я уже сделал все допустимые скидки, предусмотренные фирмой, — Йосано напряженно вслушивался в перевод, и Станиславу передалась его настороженность.

— Нельзя так нельзя, — Бугор улыбнулся. — Потом подпишем. А сейчас по русскому обычаю надо обмыть дружескую сделку. Прошу гостей к нашему скромному столу. Чем богаты, тем и рады.

«Скромный» стол в соседнем зале ломился от изобилия яств и был задуман как психическая атака на несговорчивого иноземного гостя. На самом видном месте лежал целиком зажаренный молочный поросенок с веточкой петрушки во рту и маслинами вместо глаз. Смуглая от загара копченая стерлядь источала такой аромат, что на хрустальных площадках с красной и черной икрой взгляд не застревал. Батарея бутылок угрожающе выстроилась на заднем плане.

При виде сияющих наклейками коньяков и водки Йосано слегка побледнел и рванулся было к двери, но в медвежьих объятиях Бугра затих и дал усадить себя рядом. С другой стороны его замуровал Сашенька. Плечом к плечу, согласно рангу, заняли свои места специалисты, на глазах превращаясь в обычных едоков, падких на дармовщину. Они перекидывались шуточками, накладывая себе в тарелки еду и поглядывая на длинноногих, словно по одной матрице отштампованных телефонисток и компьютерщиц. Девушки разливали вино, одаря улыбками и блеском лукавых глаз.

Станислав оказался в конце стола, зажатый между крепким парнем, невесть зачем очутившимся здесь, и Кривоносом, который не раз приезжал с Бугром к Дядечке. Время ничуть его не изменило. Та же темная челочка, немного свернутый набок нос и мрачная улыбка.

— Меня Кирюхой кличут, — назвалса парень, и Станислав не понял, узнал его Кривоносый или нет.

Кирюха проникся такой беспричинной симпатией к своему соседу и так рьяно взялся опекать по части спиртного, что приходилось быть трижды бдительным. Тарелку гостя Кирюха тоже не забывал, но Станислав ни к чему не притронулся. Он не спускал глаз с Йосано.

Японцу приходилось туго. Он согласился попробовать сладкой медовухи, рассчитывая, очевидно, на европейскую дозу. Но ему налили по-русски — в стакан. Со всех сторон сыпали тостами за дружбу между предпринимателями и за интернациональный капитализм.

Станиславу было плохо видно лицо Йосано, потому что две головы — лысая Бугра и кудрявая Сашеньки — склонились, заслоняя японца. Лишь изредка испуганный взгляд Йосано встречался с глазами Станислава. Он пытался что-то сказать.

Иногда гость порывался встать, но четыре руки и десяток обиженных голосов водворяли его на место. Станислав понимал, что ему тоже не дадут даже приподняться.

— Где у вас туалет? — зашептал он Кривоносому, вставая.

— Доем — провожу, — прошамкал тот, не отрываясь от поросятины.

Чуть выждав, Станислав решительно направился к противоположному концу стола. Кривоносый и мощный сосед, роня стулья, рванулись за ним, но было уже поздно: Бугор повернул голову и окатил Станислава удивленным взглядом.

— Тарас Игнатьевич, должен вас предупредить, — Станислав говорил категорично, — что Йосано Акико к ночи должен попасть в Москву.

— Не попадет. Ручаюсь, — хохотнул Бугор и увесисто хлопнул Йосано по спине. — В баньку он попадет. С паром, веничком и всем, что к этому прилагается... И тебя приглашаю. Отдохни, расслабься.

— Спасибо. В другой раз... А японцу надо в столицу. Не доедет к ночи — посольство и патрульные службы розыск на дорогах начнут.

— Спроси: в свою гостиницу хреновую он сейчас хочет или в баньку с пивком? — в хмурых глазах Бугра полыхали зарницы.

Станислав не успел и рта раскрыть, а Сашенька уже рассыпался в уверениях, что банька — рай. А Москва никуда не денется.

— Нет, нет! Я должен... У меня дела. Где моя машина? — придерживая кейс на коленях, японец попытался встать, но ноги его не слушались. Он удивленно таращил глаза, не понимая, что с ним происходит и почему он еще здесь, а не в мотеле. — Куда вы исчезли, Станислав? Помогите мне уйти... — его испуг и раздражение были так очевидны, что Бугор, сплунув, с досады махнул рукой:

— Нехай мотает... — и добавил пяток непереводаемых слов.

— А как же насчет... — экономист глядел на босса с тревогой.

Опасаясь, что Бугор изменит решение, Станислав отобрал у Йосано кейс и помог встать. Японец ухватился за его плечо и засеменил в сторону двери. Никто из команды и сам босс с места не тронулся. Оглянувшись, Станислав перехватил его сосредоточенно-жесткий взгляд, и сердце неприятно дрогнуло. Когда проходили в дверь, Кривоносый ухитрился садануть Станислава створкой по колену, давая понять, что все припомнит, подвали только случай.

Анфилада комнат казалась нескончаемой, скользкий холл — несоразмерно длинным. Йосано клонился вбок, и Станислав

боялся, что не удержит, если тот начнет падать. Охранник у входа, не оценив обстановки, широко распахнул дверь. Запоздало перехватив свирепый взгляд Кривоногого, попытался загородить дорогу, но Станислав уже вклинил японца в тамбурчик между дверями.

— Keep well! (Будь здоров!) — бросил небрежно. Поднырнув под руку опешившего амбала, долбанул вторую дверь ногой и вывалился вместе с Йосано на княжеское крыльцо.

В глаза ударило солнце. Шум города показался музыкой. Но взгляд споткнулся о шоколадного цвета шикарный «Опель». Он стоял возле ступенек, загораживая тротуар. Распахнутые дверцы зазывали в полутемное нутро. «Рено» японца было чуть дальше, на обочине.

— Ключ, — тихо сказал Станислав, но Йосано уже увидел свою машину. Рука дернулась к карману пиджака. Они успели спуститься с крыльца, но шофер «Опеля» загородил проход квадратной, как шкаф, фигурой. Челюсти парня мерно двигались, перемалывая жвачку, глаза смотрели в упор. А за спиной уже дышал в затылок Кривоносый.

Станислав приостановился и, призывно замахав рукой, крикнул так громко, что прохожие повернули в его сторону головы:

— Илья Николаевич! Подождите! — сообразил, что назвал имя Дядечки, и успокоился. Шофер закрутил головой, пытаясь понять, кого окликнул спустившийся пижон. Он отвлекся лишь на секунду, но этого было достаточно, чтобы проскользнуть за его спиной.

Они быстро обогнули капот «Опеля». Еще несколько шагов — и родное «Рено» распахнет надежные объятия. Станислав выдернул из руки Йосано ключ с пультом, боясь, как бы тот раньше времени не отпер машину. Цепкие пальцы Кривоногого потянулись к его культикам, но тут взвыла сирена сигнализации — и чужая рука отдернулась.

Станислав сумел нажать нужную кнопку и распахнуть заднюю дверцу. Первым шлепнулся на сиденье кейс с диктофоном, потом — японец. Щелкнул замок, надежно защитив их обоих. Станислав шагнул к передней дверце.

— Не бычься... Япошка вдрагодань бухой, и босс велел отпилотировать его куда надо, — крепкая ладонь Кривоногого накрыла руку Станислава; пальцы сжались и тут же отдернулись, наткнувшись на пустоты в перчатках. — Эко тебя фейсано... — его голос невольно дрогнул.

— Не серчай, кореш, сам повезу, — уловив замешательство парня, твердо сказал Станислав. — Бугру дипломатический скандал ни к чему. А потому раздрай не вяжи, вон зевак сколько...

Кривоносый хмуρο зыркнул по сторонам. Задержал взгляд на стайке пацанов, застрывших возле «Рено».

— Счас палить будут, — убежденно сказал самый маленький, с конопатой мордашкой. — У кривоносого, наверняк, «пушка» в кармане.

— Белобрысый его раньше прищучит. Вишь, какие зенки у него пистолетные, — задиристо возразил длинный, тощий пацан.

Станислав засмеялся. Кривоносый хмыкнул и отодвинулся от дверцы.

Скользнув на сиденье и стараясь унять дрожь в культиках, Станислав не сразу, но все же вставил ключ в замок зажигания.

Двигатель радостно заурчал, и пальцы, даже та часть их, которой не было, трепетно обняли руль. На мгновение Станислав забыл о Кривоносом, о Бугре, даже о японце, притихшем сзади. Все в нем возрождалось, жило вместе с бархатным звуком, обещающим счастье, какое может испытать только прирожденный водитель.

подавив в себе желание рвануть машину с места, Станислав включил сигнал начала движения — зеленый огонек мигнул ободряюще. Культики легко справились с переключателем скоростей, и «Рено» заскользило сначала вдоль тротуара, постепенно забирая влево.

В зеркальце заднего обзора Станислав видел уплывающую фигуру Кривоносого. От «Опеля» к нему спешил шофер. Разочарованные пацаны что-то яростно обсуждали — затевалась драка.

Проехав несколько кварталов и убедившись, что «Опель» не рванул следом, Станислав расслабленно откинулся на спинку сиденья и полностью отдался дороге. Старый город со всеми его проблемами уплывал назад, дамба отодвигала его, и водный рубеж смывал неприятный осадок.

«Завтра я буду в Москве, потом — за границей и, может, уже никогда не проеду снова по дамбе», — мысль обожгла. Потом подумалось о квартире, о вещах, которым совсем недавно радовался, как мальчишка. Потом всплыло Ее лицо, водопад волос на усталых плечах и обиженные глаза тетки. Промелькнул компьютерный закуток и лица врачей, Танечки, — все казалось далеким, из прошлой жизни.

Он поставил машину в гараж мотеля. Йосано сам взял ключ у портье и, войдя в номер, поспешил в ванную. Приблизившись к окну, Станислав начал вспоминать, что надо еще сделать до отъезда.

Оказалось, что собственных дел не было: прощаться не с кем, вещи, уместившиеся в полиэтиленовой сумке бармена, уже покоятся в багажнике «Рено». Замшевый костюм на нем, документы — в кармане. И все-таки он испытывал беспокой-

ство, словно забыл о том, без чего не сможет обойтись и, чего доброго, придется возвращаться... За окном стелился Приречинск. Город был знаком, как близкий человек, со всеми его достоинствами и недостатками.

Станислав заставил себя отойти от окна и, крикнув Йосано, что скоро вернется, вышел из номера, прихватив ключ и захперев дверь.

Народу в кафе было немного, и пышнотелая буфетчица скучала. Но когда Станислав начал заказывать то, что можно взять с собой в дорогу, ее позвали к телефону. Пришлось присесть к столику. Потом он вернулся к стойке, окликнул буфетчицу, но та не отозвалась. Минуты шли, а вместе с ними зрела тревога.

Когда образовалась очередь, Станислав не выдержал и почти бегом бросился в холл. Заметив бритые головы за стеклом входной двери, рванул к лифту.

Лифт был занят, и Станислав помчался вверх по лестнице, чувствуя, как в груди что-то словно обрывается и нечем дышать.

Четвертый этаж, пятый... Длинный коридор пуст, но со стороны лифта идет человек, на ходу расчехляя миниатюрную телекамеру.

Возле номера Йосано Станислав оказался первым.

Дверь приоткрыта, слышен женский голос — чуть хрипловатый, до одури знакомый. Станислав замер на мгновение и стремительно вошел, прихлопнув за собой дверь.

Йосано утонул в кресле. Он был в халате, с полотенцем на плече и босиком, а красавица Мадлен восседала на журнальном столике так, что казалось — существуют только стройные загорелые ноги и гордо вскинута голова с копной рыжих кудрей. Но Станислав знал, что есть еще прекрасная грудь с крохотной родинкой возле соска, гибкая талия, плавно переходящая в округлые бедра. И все это может жарко, страстно сливаться в единое, лишая разума и воли...

— Вот и телохранитель явился, — во взгляде Мад досада сменилась удивлением, но губы приветливо улыбнулись. — Так это ты?.. Мне не сказали... Помоги, а то никак не можем объясниться.

Станиславу казалось, что огонь ее волос сжигает его лицо, и он сам вот-вот вспыхнет. Спазм сжимал горло.

— Кто-то постучал, я думал — вы вернулись. А это — она... — Йосано был страшно смущен. В глазах стоял испуг.

— Спасибо за цветы, Мад, — Станислав избегал взгляда ее поразительно зеленых глаз. — Бананы были тоже как нельзя кстати.

— Я знала, что ты догадаешься, — она улыбнулась. — Как здоровье?

— В норме, — Станислав выровнял дыхание и тоже улыбнулся.

Йосано засуетился, пытаясь встать, но ему мешала нога в туфельке на высоченном каблуке, рискованно приближенная к его коленям.

— Прости, Мад, но у Бугра, похоже, заклинило в извилинах: в спешке кинул тебя «на гвозди», — Станислав сделал над собой усилие и пристально посмотрел в ее потемневшие глаза.

— Сама вижу, — хмыкнула Мадлен. — Лопухнулся Бугор с япошкой. Теперь подавай ему компромат... А я сейчас в проколе, должок на мне, вот и не могла отказаться. Осерчает Тараска...

— Ты на меня свали. Так ведь и есть: пришел рано. Не обидишься, если я пошумлю немного? Чтобы тот, кто за дверью, услышал...

— Давай... Ты всегда рискованным был. Надумаешь — заходи, — глаза смотрели по-дружески ласково, и в душе у Станислава заскребло.

— Спасибо, Мад. А сейчас — извини... — он с шумом распахнул дверь, едва не выбив из рук мужчины телекамеру. — Прошу покинуть апартаменты господина. Он вас не приглашал. Мы уезжаем, — голос был таким, каким надо, и встал Станислав так, чтобы загородить японца. Но телекиллер уже ретировался в сторону лифта.

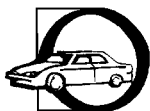
Мадлен послала воздушный поцелуй и царственно-гордо покинула комнату. Станислав запер за ней дверь и присел на столик, где только что восседала она. По спине и груди ползли раскаленные мурашки, хотелось окатить себя ледяной водой. Но Йосано уже одевался и собирал вещи — терять время было нельзя.

Через холл они прошли в подземный гараж.

Станислав решительно сел за руль, Йосано покорно опустился в соседнее кресло. Глаза его слипались.

ГЛАВА 6

На перепутье тревожных дорог

ни угодили в час пик. Станислав лавировал в потоке машин, а солнце стремительно скатывалось к горизонту. Наконец, «Рено» вырвался из города, и стало можно нажать на газ, наслаждаясь стелющимся полетом по асфальту, чувствуя, как все тело, уходя в глаза и руки, концентрируется в них. Нога «дышит» на педали, а нервы — натянутая тетива... Но стрела уже летит — «Рено» в легком извиве обходит тихоходные «Жигули» и «Волги», настигает иномарки и оставляет их позади. Деревья на обочинах сливаются в серо-зеленые стены, лента дороги серебрится бесконечной рекой.

Встречная «Нексия» дважды мигнула бледными огоньками загоревшихся фар — шоферская солидарность предупреждала лихача о машине патрульной службы, и Станислав, сбросив газ, плавно пристроился за светлым «Вольво». Синий «Мерседес», злорадно вякнув гудком, обогнал и тут же начал тормозить, отчаянно высвечивая красными стоп-огнями. «Вольво» едва не вмазался в него, но Станислав предусмотрительно вильнул в сторону и все обошлось...

От притаившейся в кустах милицейской машины шагнул «гаишник», и «Мерседес» вынужден был свернуть на обочину. За тонированным стеклом Станиславу померещилась очередная бритая голова — словно вся страна разом полысела. Мысли перекинулись на Бугра, и ликующее чувство свободного полета исчезло.

— Чего добивался от вас мистер Бугров? — Станиславу хотелось уточнить свои предположения.

— Мистер Бугров требовал каких-то исключительных привилегий, а я лишь скромный посредник, — Йосано вымученно улыбнулся.

— Вы все еще намерены заключить с ним договор? — Станислав глянул в лицо японца, но оно уже было вновь бесстрастно.

— Бизнес есть бизнес, — уклонился от прямого ответа тот. — Поговорю с начальством, напишу мистеру Бугрову. У него намечается большой заказ, а конкурентов у нас достаточно, даже в России.

— Неужели вы не поняли, что этот воротила хотел шантажировать вас. Что он... — Станислав старался найти самое жесткое выражение, существующее в английском. Но на ум приходили только русские.

— Понимаю, что вы хотите сказать. Однако личные эмоции не в счет. Я сам сделал непростительную оплошность: не выпил заранее антиалкогольное... Предыдущие встречи усыпили мою бдительность, — Йосано сверкнул улыбкой. — Теперь буду осторожнее.

— А для баньки с девочками у вас какое-нибудь «анти» есть? И появление Мадлен не убедило, что для Бугра все средства хороши? — закипая злостью, Станислав благоразумно сбавил скорость.

— Я не понял, о чем вы говорили. Но какая красивая женщина!

— Еще красивее она выглядела бы в объективе телекамеры, которая была за дверью. Вы — в объятиях Мад. В халате или negligee. Как предпочитаете? И Бугор пригрозил бы, что газеты раздуют сей факт.

— Телекамера... — Йосано побледнел. — Я не думал, что в России так же, как в Европе, Америке...

— Чего же нам отставать от прогресса? — съехидничал Станислав.

Дорога уже не так стремительно уносила назад, и можно было любоваться трогательной прелестью перелесков на фоне полей еще не созревшей пшеницы. Призывный разлив диких цветов в обрамлении орешника, белоногий танец березок на фоне густого ельника, и — внезапно ворвавшаяся синева воды и неба.

— Много ездил по миру, — прервал затянувшееся молчание Йосано, — а такой спокойной красоты не видел. И столько свободной, еще не освоенной земли... — в голосе японца грусть подкрашена завистью.

— Не запахали цветы, не пустили лес на бумагу, не нарыли карьеры для добычи всего, что можно отнять у земли — еще успеем, изгадим, — раздраженно бросил Станислав.

— Но современные технологии... — Йосано заговорил о достижениях науки, о возможностях электроники, о «человеческом» факторе, без учета которого невозможно внедрение техники в жизнь. А Станиславу хотелось остановиться у реки и броситься нагишом в воду. Потом лежать у костра и есть печеную картошку, обжигая руки...

«Куда и зачем я еду? В стольный град, потом — за горы высокие и моря глубокие? На чужбину... У матери своя жизнь. А где моя? Судьба в лице Йосано подарила мне, как в сказке, три встречи. В них таилось то, что я не смог разглядеть в ворохе чужих страстей и производственных интересов. Оно напрямую касалось прошлого, от которого я бегу. Удираю, как после несбывшегося прыжка с парашютом», — нога легла на педаль тормоза, руки едва не крутанули руль для разворота, но Станислав сдержал себя.

Шоссе тянулось вдоль насыпи. Снижая скорость, по нака-
таным рельсам к станции бежал пассажирский поезд. Здесь
кончалась последняя зона электричек, и хвостовой вагон ста-
новился ведущим. Такая метаморфоза всегда казалась Станисла-
ву забавной: никаких кругов, сложных маневров. Бригада
поезда просто переходит из одного конца состава в другой, и
курс меняется на обратный. Надо лишь брать с собой запасной
локомотив. Если бы так же легко все получалось и в жизни...

Здесь кончается притяжение города. Но можно взять билет
и поехать в обратном направлении. Станислав понимал, что не
сделает этого. И не потому, что, сев за руль «Рено», он уже не
мог бросить японца. Что-то мешало Станиславу в нем самом.
Казалось, уже пройдена, прожита «точка возврата», и пора
искать запасной аэродром.

... Заправочная станция стояла на въезде в городок. Узкие
улицы купались в пене цветущих яблонь, их аромат кружил
голову. Было тихо, только сыто урчал, наглотавшись бензина,
«Рено».

— Где здесь ресторан? — спросил Йосано, и Станислав
понял, что, кроме сомнений и путаных мыслей, его терзает
зверский голод.

Пожилой хозяин бензоколонки сказал, что на станции есть
столовая, но она на ремонте, а буфет может быть закрыт: у
Анфиски народилась двойня, вот и бегаёт буфетчица домой,
чтобы помочь дочке.

На привокзальной площади малоллюдно, пыльно и жарко,
хотя солнце уже скатилось к горизонту. За стеклом железного
ларька буйно цветут обертками заморские лакомства почтен-
ного возраста; зазывно поблескивают бутылки с винами, подо-
зрительно пучатся коробочки с соком. На вопрос о хлебе про-
дащица хмыкнула что-то неопределенное, но, взглянув на
голодные лица иностранцев, достала из-под прилавка батон с
черствой корочкой и выложила несколько пачек печенья — на
выбор. Станислав забрал все. У старушки, сидевшей на перро-
не, купил последний пучок редиса и букетик зеленого лука.

Умяв свою половину булки, Станислав сжевал весь лук и,
запив теплой минералкой, сел за руль. Йосано, хрустя редисом,
расположился на заднем сиденье. Когда «Рено» выехал из го-
родка на шоссе, японец уже спал, привалившись к мягкой
стенке головой и обняв пустую бутылку. У него было усталое
лицо не очень везучего и совсем небогатого человека, вынуж-
денного мотаться по чужим дорогам ради семьи и домика с
крохотным участком, засаженным хризантемами.

Закатное солнце било в глаза, дорога казалась бесконеч-
ной. Измученное тело напоминало, что не совсем здорово и
надо бы его пожалеть... Руки ломило, потерянные пальцы обо-

значились токающей болью. Хотелось опустить их в воду и самому нырнуть в глубину.

Но даже самый бесконечный день завершается сумерками, потом — темнотой. Ночной полог неба в седых потеках облаков казался ветхим. Звезды были похожи на дырочки, пробитые молью, и сквозь них проблескивал свет, разлитый в безмерном пространстве Вселенной. Отчужденно созерцала землю луна, редкие машины обжигали глаза дальним светом фар. На поворотах подвижные тени деревьев напоминали перебегающих дорогу зверей. Временами одиночество казалось чем-то материальным, как тюремная камера или необитаемый остров.

Боясь уснуть, Станислав до предела сдвинул боковое стекло, остужая лицо ветром, и начал читать стихи. Но рифмованные фразы убаюкивали. Пришлось свернуть на обочину и остановиться. Ехавшая сзади светлая «Лада» пронеслась мимо, мелькнув габаритными огнями.

Станислав вышел из машины. Вне движения ночь казалась совершенно иной: призрачный лес вздыхал таинственно, в нем кто-то жил своей тихой, самостоятельной жизнью. Лунный свет ласкал поверхность воды небольшого болотца. Негромко переквакивались лягушки, и мирно звенели комары. Все дышало таким спокойствием, что захотелось растянуться на траве, чернеющей рядом.

Обойдя машину, Станислав сделал шаг с обочины, но продолжительный треск автоматной очереди всколыхнул тишину в той стороне, куда ушла «Лада». Мигнул свет фар и — вспышка, будто чиркнули зажигалкой и не загасили пламя. Огненный факел сполз с дороги и начал разгораться. Запоздало ударил звук взрыва.

Из красноватого зарева вырвался холодный огонек. Он приближался, неправдоподобно быстро и жутковато увеличиваясь в размерах.

Вот уже четко видны в лунном свете контуры машины. Два луча от сияющих фар и рев мотора накрыли «Рено». Станислав инстинктивно присел, и автоматная очередь прошла, не задев. Звука выстрелов почти не было слышно, но отчетливо дзинькнуло стекло.

Выпрямившись, он успел заметить кургузый зад уносящегося «Джипа». Мгновение — и красные огни уже далеко.

Грудь полоснуло холодом. Чувствуя, как все внутри сжимается от внезапного ужаса, Станислав рванул заднюю дверцу машины и замер, напряженно вглядываясь в темноту салона.

— Что случилось? — в сонном голосе Йосано сквозила тревога.

— Вы не ранены? — вопрос был излишним, он только усилил недоумение японца.

Ничего не пояснив, Станислав обошел машину, отыскивая место, где звякнуло стекло. Но лобовое и заднее были целы. Окно по левому борту — невредимо, а то, что рядом с водителем, опущено до упора. Значит... Станислав обогнул капот машины и заскользил руками по темному стеклу передней дверцы. Даже сквозь перчатки почувствовал дырочку, совсем небольшую, в лучах мелких трещин.

«Если бы я сидел за рулем, или японец — на правом кресле?» — ознобом прихватило плечи. Станислав чувствовал, как что-то просыпается в нем и начинает зудеть, срывая с места. Он кинул быстрый взгляд вперед, где, чадая, полыхал на обочине костер.

— Какое несчастье... Как же так? — Йосано тоже глядел на горящую вдалеке машину. Его ладонь, прикрывая отверстие в стекле, словно утешала раненого друга.

— Едем! — заторопился Станислав, жалея, что потеряно столько времени. — Может, сумеем чем-то помочь...

— Не думаю, — качнул головой Йосано, но поспешно сел впереди. Станислав метнулся за руль и рванул «Рено» с места. Японец вздохнул и, наклонившись, достал из-под сиденья небольшой предмет.

— Газовый пистолет. Вожу его с собой на всякий случай. Но ни разу, к счастью, не пригодился.

Когда-то Станислав мечтал о такой игрушке, но сейчас не испытывал интереса к оружию: культиком курок не спустишь...

Впереди пылало. Клубы дыма, поднимаясь вверх, зачерняли звезды. Вблизи зрелище было впечатляюще-жутким: желто-красное пламя кромсало темноту, словно жевало ее вместе с тем уже неживым, что было внутри огня. Оранжевые отблески зловеще плясали на стволах деревьев. Трава корчилась, превращаясь в светящийся мох.

Безразличная луна, выглянув из-за облаков, высветила дорогу и машину, идущую навстречу. «Рено» и серая «Нива» подъехали к месту трагедии одновременно. Первым выскочил мужчина, за ним — пацан.

— Не подходите близко! — с истерикой в голосе закричала из машины женщина. — Все может взорваться!

— Уже не может... — отмахнулся мужчина и, подойдя к Станиславу, угрюмо спросил: — У вас «мобильного» нет? Жаль... Надо дорожный патруль вызвать. «Скорой» здесь делать нечего.

— Может, кто-нибудь выбрался? — запинаясь и вздрагивая, пробормотал пацан. Ему не ответили. Сухая, злая жара окружала свирепое пламя. Тяжелый запах гари перехватывал дыхание.

— Теперь и не узнаешь, что за машина была, — глядя на то раскаленно-черное, что корежилось внутри погребального

костра, сказал мужчина. Уверенный голос и выправка выдавали в нем военного.

— Светлая «Лада» старой модели. Она обогнала, когда я остановился километрах в трех отсюда, — едва разжал губы Станислав.

— Так, значит, вы что-то видели? — мужчина живо обернулся к нему, а паренек перестал трястись и подошел ближе.

— Только слышал автоматную очередь... — Станислав запнулся. Его обожгла мысль: «А если бы я не остановился? Тогда на этом самом месте пули достались бы нам?..»

Неслышно к ним приблизился Йосано. Он был непривычно хмур. Блики от огня делали лицо подчеркнуто желтым.

— Станислав, мы здесь, к сожалению, бессильны. Едем...

— Надо дождаться патрульную машину. Я видел мало, но больше, чем другие, — Станислав обернулся к мужчине — тот удивленно прислушивался к английской речи — и спросил, переходя на русский: — Вас обогнал «Джип»?

— Ну, да! — встрепенулся пацан. — Помнишь, папа, он тебя еще подрезал на обгоне. Там, где дорога сворачивала. И ты чертыхнулся. Я решил номер запомнить, а он весь в грязи, хотя асфальт сухой.

Станислав хотел похвалить паренька за наблюдательность, но Йосано, щури узкие глаза, проговорил незнакомо жестким голосом:

— Надо ехать. У меня деловая встреча в десять часов утра, и я должен успеть привести себя в рабочее состояние.

— И вам совсем не хочется помочь поймать тех, кто разбил стекло вашего красавца? — угрюмо съязвил Станислав.

— ... и еще поцарапал капот, — японец уже не скрывал раздражение. — Но есть страховка, и это — мои проблемы.

— А это, — Станислав кивнул на горящую машину, — проблемы наши общие. И если будем проезжать мимо, нас расстреляют поодиночке.

В сторону Москвы, не снижая скорости, пронеслась ино-марка.

— Не все ваши соотечественники думают так же, — бросил Йосано.

— У каждого своя совесть... И это — не свидетель. Впрочем, и вы спали, так что можете ехать. Я доберусь сам, — Станислав отвернулся к пареньку и стал уточнять, где машину обогнал «Джип».

Женщина сердито выговаривала мужу, торопила уехать, и Станислав подумал, что, если семья смоеется, он останется один в промозглой, предрассветной глуши, возле обгоревших трупов. Шевельнулась мысль о Бугре и его исполнительных амбалах. Если бы «Джип» шел не со стороны Москвы, а догнал, предположить можно было бы что угодно...

Хотя почему несговорчивость менеджера должна вызвать такие страсти? Тем более, что Йосано обещал уточнить все в письме. А ради калеки-переводчика тратить бензин и пули нет смысла.

Йосано окликнул Станислава. Когда тот сел рядом на заднее сиденье «Рено», японец сказал, улыбаясь по-прежнему широко:

— В суматохе событий у меня не было времени отблагодарить вас за услугу, столь своевременную и добросовестно оказанную в моем лице нашей фирме, — он протянул конверт с деньгами. Станислав засунул его в карман куртки, сухо поблагодарил и вылез в полной уверенности, что Йосано тотчас уедет. Но японец почему-то медлил.

Огонь, терзавший несчастную «Ладу», сник, насытившись. Превратив все в окалину и угли, он умирал тоже. Горьковатый запах горелого металла приобретал сладковатый привкус, от которого мутило и начала болеть голова. Кое-где истощенное пламя перекидывалось на кусты, грозя пойти гулять по лесу. Станислав хотел предложить пареньку и мужчине поработать лопатой или руками, пока огонь не приобрел снова грозную мощь. Но женщина уговорила мужа уехать.

Одна за другой захлопнулись дверцы «Нивы», но невдалеке замигал проблесковый маячок патрульной машины, забасил мощный мотор пожарной — водитель иномарки оказался человеком порядочным.

И закрутилась жизнь... Пожарники начали заливать то, что осталось от «Лады» и тушить загоревшийся лес. Свидетелей взял в оборот инспектор — парень немногим старше Станислава, ухватистый и дотошный. Его напарник принялся изучать следы от шин на дороге.

Потом приехал следователь и при свете фар осмотрел «Рено». После того, как съездили на место, где машину обстреляли, спросил, испытующе глядя в глаза иностранца и переводчика:

— Но почему стреляли и в вашу машину? Странно...

— Наверное, потому, что она тоже белая. Для страховки, — предположил Станислав, и в подсознании замаячила тень Бугра.

Мелькнула мысль рассказать следователю все подробнее. Но Йосано спешил, и торопливая исповедь могла показаться бредом больного воображения. Позже он вспомнит, что судьба вновь давала шанс, но он его упустил...

Трупы погибших уже извлекли. Их было два — на передних сиденьях.

«Мы уезжали так же», — подумал Станислав и поежился.

Задав еще пару вопросов и выполнив все формальности, следователь извинился перед Йосано за задержку и отпустил всех с миром.

Луны уже не было. Она исчезла незаметно, как вежливый гость. Звезды потускнели в рассветном небе, и все вокруг казалось царством неподвижных теней, глыб льда и застывшего воздуха. Щупальца фар, включенных на «дальний», замораживали асфальт — «Рено» скользил по нему почти неслышно. Йосано сам вел машину. Станислав безропотно расположился рядом, хотя мог гнать куда быстрее.

— Вы были правы, когда предупреждали меня, — первым заговорил Йосано, и Станислав понял, что речь идет о Бугре. Значит, тоже связал дорожное происшествие со своим визитом к нему?.. А Йосано продолжал, сосредоточенно глядя на дорогу: — Когда мы сидели за столом и переводчиком был этот кудрявый Саша, мистер Бугров спросил, можно ли приспособить наши охранные системы для скрытого дистанционного слежения? Я ответил, что с доработками и кое-какими деталями... — японец замолчал, словно забыл, о чем говорит.

— Он сделал заказ на эти доработки? — не выдержал Станислав.

— Не успел, — Йосано коротко рассмеялся. — Вы похитили меня в самый ответственный момент, когда голова моя уже плохо соображала.

— Запись разговора на диктофоне есть?

— Вряд ли... Кейс лежал у меня на коленях, диктофон, скорее всего, был выключен. Да и пленка не бесконечна.

— Снимите для меня копию, если что-то есть, — попросил Станислав.

— Не смогу. Мы обязаны хранить тайну коммерческих операций. А все, что случилось на дороге — лишь совпадение. Но я поставлю в известность свое руководство и посольство, — голос японца сник.

«Ничего вы — мудрый потомок самураев — никому не расскажете. Постарайтесь забыть дорогу в страну медведей и волков. И будете правы: зачем вступать на путь камикадзе?» — усмехнулся Станислав.

Многоглазо сверкая уличными фонарями, растекаясь проспектами и бульварами, надвигалась столица. Рассвет вползал в город, и потоками машин разбухало никогда не засыпающее Садовое кольцо.

Станислав подсказал Йосано, как проще подъехать к его гостинице, и вылез возле «высотки», за которой притаился кусочек старой Москвы. Распрощались тепло, понимая, что вряд ли когда-нибудь встретятся, но зная, что эти три дня останутся в памяти навсегда.

Старинный купеческий дом похож на бегемота. Нижний торгово-складской этаж глух и темен, зато окна второго рас-

цветают радужными всполохами. Массивные стены съедают мелодию, выпуская на волю только ритмичное буханье, отчего все напоминает шаманий танец.

Рассохшаяся дверь почему-то не заперта. На лестнице, в купеческую бытность входа для прислуги, знакомо пахнет старым деревом, мышами и, по-новому, сигаретным дымом. Дверь в единственную квартиру приоткрыта.

Станислав не успел взяться за ручку, как возникла девица в «полуголой» кофточке, лишь символически прикрывающей дряблую грудь. Окинув Станислава опытным взглядом, она щелкнула зажигалкой и затянулась сигаретой с легким запахом мака.

Войдя в прихожую, Станислав хотел кинуть сумку с вещами на необъятный кованый сундук. Об этот сундук гости частенько разбивали коленки и рвали чулки. Но тетя Тося упрямо не хотела с ним расставаться. Уверяла, что в сундуке хранится Дух старинного купеческого рода, без которого иссякнет сила его потомков.

Сейчас сундука не было, и прихожая казалась обворованной, хотя на стену из спальни перекочевало большое зеркало, а на старой софе валялись сумки, зонтики и прочее девчачье барахло.

Ванильно-сдобный запах, каким всегда встречала гостей тетя Тося, из кухни не плыл, и Станислав сунулся было в грохочущий светомузыкой зал, но за плечо цапнула рука:

— Ты?.. Живой!.. — в птичьих глазах Родика изумление сменилось восторгом. — Иди сюда, Дан! Слав приехал! — заорал он, заглушая музыку. И уже Станиславу, почти не снижая голоса: — А у нас слух прошел, что с тобой — несчастье. Врали, выходит... Мы тебя, как положено, помянули. Дан даже свечку в церкви поставил, за упокой...

— Зря тратились, — Станислав выдавил из себя улыбку.

— Тут ведь как получилось... — из кухни выглянул Дан. На утонченном, как на иконах, лице от смущения разгорелся яркий румянец. От его перепачканных рук неприятно пахло селедкой.

— Жорик у Ершовых был, — перебил его Родик, — они про мать твою судачили. Что ты, мол, погиб, а она с горя со своим хахалем за кордон подалась... Ой, прости! Мне язык надо отрезать, чтобы чушь не болтал, — Родик высунул язык и сделал отсекающий жест.

— Новый вырастет, — съязвил брат, пропуская Станислава на кухню. Он вернулся к столу, заваленному едой, и стал намазывать на куски булки селедочный паштет. Ломти ржаного хлеба приютили лепестки колбасы и сыра. Все подносы, на которых тетя Тося пекла свои знаменитые пироги, были заняты бутербродами.

— По какому случаю торжество? А тетя Тося где? — Станислав присел на стул. Внезапно на него навалилась такая усталость, что он не сразу осмыслил непонятно кем из братьев сказанное:

— Маму в переходе... И денег-то было всего ничего. Она пирожки на продажу пекла. Обычно мы ее провожали, потом встречали, а тут так получилось... — братья говорили что-то еще или молчали — все было предельно ясно: кто-то толкнул, ударил... Много ли надо старой женщине, чтобы Богу душу отдать?

— Слав, ты чего побелел? Может, есть хочешь, так бери, — Родик подсовывал бутерброд с селедочным паштетом. Станислава замутило.

— Пойду наверх, — он с трудом поднялся и поплелся к лестнице, ведущей на мансарду — в мастерскую Дана. Летом там было жарко, зимой холодно, но никто не мешал творить скульптурные фантазии.

— Только свет не зажигай и ничему не удивляйся, — крикнул вдогонку Родик. — Твой диван за дверью свободен.

Знакомый выпирающими пружинами диван приветствовал добродушным цоканьем. Уже проваливаясь в сон, Станислав понял, что в мастерской кто-то есть. Но тихий шепот и смех показались началом дремоты.

... Проснувшись, Станислав долго не мог понять, где находится. Нет, он прекрасно знал, что в доме братьев. Тетя Тося была дальней родственницей по линии отца, но Дан и Родик всем представляли Станислава как двоюродного брата. Мама, приезжая, останавливалась в гостинице или у Паниных, а ему нравилось только здесь, где жизнь текла в своем отсчете времени и словно в старой Руси.

Сейчас мастерскую невозможно узнать. Обычно она была заставлена деревянными изделиями, будто искаженными странным виденьем вещей — так иногда преломляются тени от обычных предметов, падая на выступы и углы стен. Чудаковатые ветки, укрепленные под разным углом на березовых пеньках, казались моляще протянутыми или вскинутыми вверх ликующими руками. В переплетении сучьев чудились благостные или гневные лица. Корни деревьев напоминали змей, птиц и зверей.

Дан выставлял свои работы, внешне спокойно переживал нападки критиков. И, хотя находились покупатели, не выпускал свои творения из мастерской. Сейчас стены и пол — пусты. Зато на пыльном линолеуме раскиданы перины, подушки, одеяла из семейного сундука.

Неузнаваемо и «Рождение Вселенной» — фейерверк больших и совсем маленьких шариков из уральских камней и цветных металлов, отполированных до собственного свечения. Закрепленные на проволочках разной длины, они словно выст-

реливали из бесформенной гранитной глыбы. Хрустальный шарик символизировал Землю. Дан постоянно что-то менял: вместо переливчатых ставил матовые трагических оттенков или темные. Шутил: «Диалектика времени...»

Сейчас «Вселенная» напоминала ежа со стальными иголками, потому что шарики из цветных металлов и уральских камней были свинчены. Одинок поблескивала никому не нужная, всеми покинутая Земля.

С неприятным чувством потери Станислав спустился в кухню — никого. В чисто выметенном зале кроме стульев, расставленных по стенам, и стола с магнитолой и устройством для светоэффектов, ничего нет. Лишь в ближнем от двери углу притаился на тумбочке телевизор. Комнаты братьев и тети Тоси заперты, чего раньше никогда не случалось.

Станислав вернулся на кухню, отыскал телефон и позвонил Паниным. Автомат голосом Людмилы Евгеньевны попросил оставить сообщение, и Станислав повесил трубку. От голода подкашивались ноги, но холодильник стыдливо высветил голое нуто. Вчерашнее изобилие бутербродов казалось сном. Шкаф, где обычно тетя Тося хранила крупы — пуст. Лишь на дне банки из-под кофе остался туманный след. Пришлось кипятить воду и вымывать кофейную пыль. Окаменевшая «Коровка» имела дикий вкус, но желудок принял напиток с благодарностью. Настроение стало легким, шепутным, как всегда в этом доме, где он словно снимал с себя униформу, предписанную ему носить всю жизнь.

Можно было смотаться в магазин и к приходу братьев организовать отличную закуску с легкой выпивкой по случаю встречи. Но без ключа от квартиры затея невыполнима. Остается включить телевизор.

Пробежав кнопками пульта по каналам, Станислав наткнулся на «Криминальную хронику» и замер перед экраном. На улицах столицы сталкивались машины, милиция искала взрывчатку и наркодельцов, а неуловимые киллеры «мочили» политиков за неугодные кому-то взгляды и бизнесменов за то, что хитро кого-то обошли. Одних грабили, пристукнув в собственной квартире, других — на улице... На экране это выглядело неприятно, но не страшно, как в рядовом детективе. Осознание того, что все происходит «взаправду», не потрясало.

Но вот мелькнуло что-то знакомое, как из кошмарного сна: обугленный остов когда-то белой «Лады», и два черных бревнышка, ничем не напоминающие людей.

«... Личности погибших пока не установлены. Начато расследование», — бесстрастно закончил комментатор.

Переключив канал, Станислав снова попал на передачу о криминальной обстановке в стране. На фоне журналистских

рассуждений и кадров хроники плутали собственные мысли. Он вспомнил, как после гибели Дядечки начал следить за поведением незнакомых людей, прислушиваться к разговорам. Примечал парковку и перемещение машин возле тротуаров, оценивал расположение дверей подъездов, укромные уголки на лестничных площадках. Он стал избегать темных дворов и неосвещенных аллей скверов. И крепкого Братуху, пронырливого Сынка приголубил потому, что исследовать трущобы одному было все равно, что дразнить крокодила, сидя на его спине.

Сейчас реальные события потрясали. Поражала беспечность жертв и тупость телохранителей; наглость киллеров, повторяемость их приемов и умение ускользать. Злила беспомощность следователей, изворотливость адвокатов и снисходительность судей, хотя понимал: критиковать и дураку несложно. Но амнистии! Ведь тупому ясно, что повторятся загулы, наркота. Шаги очередного «пентюха» в подъезде и — выстрел или нож в спину... Все идет по замкнутому кругу, как удавка на шее всей страны. А может, и на собственной?..

Станислав представил себя почему-то в машине: тяжелое дыхание сзади, сильные пальцы затягивают эластичный провод на его, ставшей цыплячьей, шее. Он хрипит, задыхается, инстинктивно рвется вперед... Нет! Надо наоборот — назад и бить затылком в поганую морду, чтобы хрустнула челюсть. Но помешает заголовник сиденья... Значит, вонзить большие пальцы в ненавистные глаза, а удавку ослабить, оттолкнувшись ногами, всем телом — вверх и назад...

Он резко откачнулся. Задние ножки стула заскользили по паркету, и Станислав грохнулся на спину. Но тело, сгруппировавшись мгновенно, свернулось клубком. Голова ткнулась в грудь, оберегая затылок, а бедра и ноги завершили вращение. Руки заученно подстраховали кувырок назад, и ступни приняли пол четко, словно приклеились.

— Здорово! — возглас Родика слился с тревожным голосом Дана:

— Голову свернешь, дуралей!

Станислав выпрямился, слегка ошарашенный сам. Пробормотал:

— От скуки вспомнил. В школе так девчонок пугал, — он был смущен, но доволен: реакция не утрачена, а боль пройдет.

Братья притащили сумки с провизией и вывалили на стол хлеб, недорогую колбасу и сыр. Станислав торопливо поставил на плиту чайник, и вскоре они пили черный кофе из тонких «гостевых» чашек, которые тетя Тося очень берегла. Родик жаловался, что сервиз почти весь разбили, медный самовар, еще прабабушкин, исчез, и серебряных ложечек не осталось — все растащили.

— Ну и гости! — удивлялся Станислав, поедая все, что подсовывали ему заботливые братья. — Не пойму, что у вас происходит?

— А... — безнадежно махнул рукой Дан. Всегда мечтательное лицо его стало угрюмым. — Родька подбил шоу-бизнесом заняться. После маминой смерти с деньгами туго стало. Ему институт бросать нельзя, а я работу не найду. Такое впечатление, что скульпторы со всей страны оккупировали столицу. Или мне одному такая невезуха?..

— Деревяшки, что в мастерской стояли, продали, — Родик виновато вздохнул, когда брат посмотрел на него с упреком. Пояснил: — Торгаш все оптом скупил, а потом толкнул иностранцам, за валюту.

— Деньги срочно были нужны, чтобы светомузыкой обзавестись, — Дан нахмурился. — Задумали платный поэтический салон, а чтобы шли охотнее — с танцульками. Девчонкам и парням деться некуда: дискотеки и клубы — дорогие, а пообщаться хочется. Вначале неплохо получалось. Начинающие поэты стихи читали, даже барды жаловали.

— Под конец вечера танцевали, а мы им — бутерброды и кофе — за недорого, — не выдержал Родик. — Навара почти никакого, зато интересно было. Потом повадились даже не хиппи или ниферы — эти еще ничего, а какое-то новое порождение — варвары-мутанты... Из Данькиной «Вселенной» видел, что сделали? Чуть сундук не уперли, да мы вовремя любителю старины его продали. И в мастерской теперь... Ладно бы только любовью занимались, а то недавно мы шприц нашли...

— Хватит про нас! — с незнакомым ожесточением в голосе перебил брата Дан. — Ты, Слав, лучше о себе... Что с руками? Почему?..

На «почему» и «как» заготовка для всех уже была: нашел, посмотрел, в итоге — то, что видите... А дела фирмы — это проблемы матери, которые она надеется решить за границей. Просто все беды совпали по времени. Бывает... Если к рассказу добавить чуток юмора, получается даже поучительно: «Не балуйтесь, дети, с огнем!»

Родик ахал там, где надо, и посмеивался, где полагалось. Дан молчал. Внимательный взгляд его изучал лицо Станислава, глаза недоверчиво шурились: «Давай-ка все сначала и правду...» Последний раз им удалось душевно пообщаться, когда Станислав возвращался из Домбая, где вдосталь покатался на горных лыжах. Тогда были другие проблемы, любовные, и Дан сумел охладить его щенячий пыл.

— А ты изменился, — Дан грустно улыбнулся. — Такое чувство, что не я, а ты старше меня. Молодец, что не закомплексовал из-за этого... — он скосил глаза на руки Станислава.

— Как же ты теперь? — лицо Родика страдальчески сморщилось.

— Все в норме, — Станиславу стало легко, словно скинул с плеч залежавшийся там груз. — Еще не решил — у Паниных или у вас пожить, прежде чем к матери ехать.

— У нас! — радостно взвился Родик. — Идейка появилась, только вот... Ты не смог бы нам чуток одолжить? Вернем с процентами.

Дан кинул на брата недовольный взгляд и неохотно пояснил:

— Хотим нижний этаж арендовать, он сейчас пустует. Устроим кафе. Отремонтлируем сами, я уже наброски сделал для росписи стен.

— Зашибательно получится! Эх, если бы мама была жива, такое бы «Лакомое гнездышко» устроили, — Родик сник и шмыгнул носом.

Станислав полез в карман, где лежал конверт Йосано. Он так и не открывал его. Деньги не вызывали в нем особого трепета, возможно, потому, что всегда были. Другое дело — приобретение нужных вещей или хорошего настроения. Можно и друзьям дать — словно шубу с барского плеча сбросить...

— Эти баксы — случайные, — Станислав протянул конверт Дану. — Я обойдусь. А вам, может, принесут удачу. Считайте как мой пай в «Лакомое гнездышко». Только стоит сначала подумать, нельзя ли дедово наследство вернуть? Хотя бы ту часть, что под вашей квартирой. Но требуйте весь дом. Документы сохранились?

— Мама что-то говорила об этом, — Родик метнулся в комнату тети Тоси. Закричал Дану: — Мы куда положили ключ? А... вспомнил!

— Приходится от гостей запирать, — пояснил Дан. Красивое лицо его и мрачный взгляд напоминали сейчас лик врублевского Демона.

— Вам не комнаты запирать надо, а входные двери. И кончайте с этой танц-бодягой, пока квартира не превратилась в притон, и вас не обложили данью рэкетеры. Могут и менты нагрянуть — доказывай потом, что вместе с сэндвичами не снабжали гостей наркотой.

— Мы уж и сами думали, — Дан развел руками. — Но словно поехали на машине, не зная, где тормоз. И на ходу не спрыгнешь.

Появился Родик с тяжелой шкатулкой из потемневшего дерева. Поняв, о чем идет речь, забеспокоился:

— Они же нас вмиг разнесут!.. Те, кто вначале был — стихоплеты — уже не появляются, а «мутанты» только во вкву вошли.

— Значит, так... — Станислав прищурился, чувствуя, как

начинает пульсировать в нем хмель жизни. — Ты, Родион, идешь чинить замок входной двери. Про засов не забудь. А ты, Даниил, садись писать красочное объявление о том, что в связи с необходимостью экстренного ремонта аварийного помещения... Дальше сам сочинишь.

— У нас и вправду крыша течет. Как дождь, в мастерской тазы подставляем. Алюминиевый уже уперли, — с радостью вспомнил Родик.

— А что с этим делать? — Дан растерянно смотрел на хлебо-гастрономическое изобилие.

— Съедем! — Станислав хищно вонзил зубы в батон. — Остальное загружайте в холодильник. При таких запасах любую осаду выдержим.

— Ну, ты даешь! — восхищенно ахнул Родик. — Честно говоря, я последнее время трухал немного: все в раскрутку пошло, и мы как не хозяева стали. Дан на кухне с сэндвичами отсиживался, а мне в зале крутиться приходилось. Хотя с самого начала уговор был — без спиртного, да они уже «подогретыми» приходят. И такой брейкданс выдают, что больше на секс-шоу походит. Недаром на мансарде...

— Хватит плакаться, — Станислава начинала раздражать болтовня. Он потянул к себе телефон. — У Жорика номер не изменился?

Жорик был ненамного старше его, учился заочно сразу в двух институтах, работал непонятно где и загребал кучу денег. Он со всеми дружил, обо всем знал и удивить его чем-нибудь было практически невозможно. Но на сей раз, услышав голос Станислава, он поперхнулся тем, что жевал и, откашлявшись, еле выдавил:

— Ты?.. Откуда звонишь?

— С того света, — холодно сказал Станислав и, не слушая путаных извинений, продолжал: — Временем сейчас располагаешь? Знаю, у тебя его никогда нет. А потому дуй срочно к Хомутовым.

— Раздружился я с ними, — продолжая жевать, проворчал Жорик. — Устроили в «пещере» своей дрыгалку. Соседи уже ментам настучали, что шумно, и дурной народ шастает. Мне знакомый опер звякнул, знает, что я с ними дружу. Еле уломал, чтобы с вязаловкой повременили. Предупредить хотел...

— Опоздал. Закрыли братья свой гадюшник. Но опасаемся, как бы сегодня господа гости не взбунтовались. Так что подсажи своему оперу, чтобы на «синеглазке» ближе к ночи наведались. А потом с недельку подстраховали. Только никого не брали, а то подумают «гопники», что хозяева настучали. Тогда Родьке и Дану — кранты... — Станислав замолчал и приготовился к возражениям, на которые Жорик был мастер. Но тот непривычно долго переваривал информацию.

— Это ты их, что ли, допек? — наконец хмыкнул Жорик.

— Причем здесь я? — искренне удивился Станислав. — Жизнь их допекла, а я только мысль подбросил. Об этом и надо потолковать...

— Мысль твоя до завтра не протухнет? А то у меня до ночи время, как у президента, расписано. Вот завтра с утра... — Жорик радостно вздохнул: это был его любимый стиль жизни.

— Давай завтра. Только у меня еще просьба: выясни у гаишников, кого на белой «Ладе» километрах в пятидесяти от столицы этой ночью замочили? Двое были, из Приречинска ехали, — Станислав затаил дыхание: Жорик мог знать больше, чем сообщил комментатор.

— Из автомата проутюжили? — быстро спросил тот и, озаряясь внезапной догадкой: — Так это не ты ли с иностранцем в свидетелях? Тогда я аллюром... Через час буду, — что-то зашумело, похоже, Жорик ринулся с трубкой в прихожую. Станислав охладил его пыл:

— Когда узнаешь, кто погиб, тогда и расскажу. И про «тот свет» тоже... — услышав, как возмущенно заверещал Жорик, улыбнулся: — Все, до завтра... — и повесил трубку.

— Ты маг и волшебник, — Родик захлопнул разинутый от удивления рот и облизал пересохшие губы. Дан задумчиво покачал головой:

— Жорик давно к нам дорогу забыл. Еще когда с песнями под гитару все начиналось, предсказал, что получится... Как накаркал.

— Или как в воду глядел... Жорик только с виду балабол, а талантлив, чертяга! Если шею где-нибудь не свернет, отличный журналист получится. Он еще литературный не бросил? И юридический тянет? — Станислав заметил, как помрачнел Родик.

— Тут один не знаешь, как одолеть... И какой из меня экономист? Может, в продавцы податься или трамваи водить — зарплата в норме.

— Я тебе дам — трамваи! — разозлился на младшего брата Дан.

Станислав, предвидя перебранку, пошел к входной двери выяснять, выдержит ли засов, потому что чинить замок было некому.

... Вечер и ночь прошли, как ни странно, спокойно. Девчонки и парни подходили парами и поодиночке, читали объявление, обрамленное жирной траурной рамкой и помещенное на стену там, где падал от уличного фонаря свет. Под скупым и вежливым текстом Дан нарисовал себя и брата, сидящих на дырявой крыше и рыдающих так, что только от слез должен был покрежить пол и рухнуть стены.

Уже за полночь, когда милицейская машина, постояв за

углом, уехала, пришла компания «подогретых». Девчонки стали возмущаться, парни озирались в поисках камней, но предусмотрительные братья вычистили весь квартал. Тогда оскорбленные гости решили сорвать объявление, но оно было приклеено намертво, и девчонки лишь обломали ногти. Старательно поплевав на рисунок и помочившись на стену дома, все ушли удовлетворенными. А Дан снова сел рисовать.

Жорик появился, как обещал, утром. По тому, с каким важным видом он остановился под окнами и свистнул троекратно-заливисто, нетрудно было догадаться, что доволен собой и есть новости.

Некрасивый, сутулый и ростом не вышел, Жорик напоминал Конька-Горбунка из сказки Ершова. Умом и прытью природа его не обделила, вот еще бы в кипящем и студеном котлах повариться... Хотя принцесс Жорику и так хватало: к женским сердцам тропинки знал.

— Ну, и... — Станислав отодвинул бутылку сухого вина, давая понять, что сначала хочет услышать то, что его интересует.

Жорик слегка потомил, загадочно щуря жгучие цыганские глаза.

— Следователь из Приречинска — устраивает? — Жорик проследил за реакцией Станислава, но белобрысый умел оставаться бесстрастным, только в глазах засветился металл. Заметив его, Жорик продолжал. — Фамилию не говорят. Кто второй — неясно. На большую информацию не рассчитывай. Эту еле выплакал, соврал, что за друга волнуясь.

«Криминал сводит счеты с прокуратурой, а я-то вообразил... И японца зря напугал. Чего доброго, выгодный договор потеряет. Хотя бизнес есть бизнес, он — всеяден», — при воспоминании о Бугре в груди у Станислава засосало. Интуиция, будоража мозг, рождала нелепые мысли, но он чувствовал на себе тревожный взгляд Дана, вопрошающий Родькин, требовательный Жорика. Тот сверлил его глазами, словно надеясь, что через дырку во лбу могут вытечь тайные мысли.

— Был уговор... Я свою часть выполнил, — Жорик развалился на стуле как в кресле, давая понять, что не встанет, пока не узнает все. Станислав вздохнул и повторил то, что рассказывал братьям, но уже без юмора: настроение было — хуже некуда.

Жорик слушать умел. Сочувственное молчание его вскрывало душу, как консервный нож, редкие вопросы направляли мысли в нужное ему русло. Дополнив недосказанное умеренной фантазией, он в итоге получал то, что хотел. Станислав это учитывал и обходил ловушки.

— Чего скрытничает? Да еще улыбаешься, — насторожился Жорик.

— Это не улыбка, а гримаса отчаяния, — отшутился Станислав и перевел разговор на купеческий дом Хомутовых. Родик разложил документы, Дан начал объяснять, и глаза Жорика засветились, как у альпиниста при виде сверкающих вершин еще не покоренных им гор.

«Ну вот, и нашли они свое главное дело», — подумал Станислав. На душе было пусто. Воспоминания о неприятном выхолостили, все казалось скучным, обыденным. Он сел к телефону и позвонил Паниным.

— Когой-то надо? — ответил голос домработницы Шуры. — Никак ты, Славущка? Вот мои-то обрадуются! Уж с месяца тебя ждут... Счас дома нет, к вечеру заявятся... — деревенский говорок состарившейся в городе Шуры был как порыв свежего ветра из приоткрытого окна.

— Куда это ты намылился? — встрепенулся Жорик.

— Небось, к Паниным, — ревниво проворчал Родик. — И охота тебе к этим снобам?.. Лучше в ресторан рванем и к девчонкам.

— Мало тебе девчонок здесь было? — вскипел Дан. — А деньги теперь на дело нужны. Из Славкиных и гроша не получишь.

— Ладно, парни, пора мне. Как узнаю что-нибудь по наследным делам — позвоню, — Жорик уже взвалил на свой горб новую заботу. — А крепкий у нас квартет получается.

— Был уже квартет, только криминальный, — мрачно пошутил Дан.

Дожидаюсь вечера, Станислав бродил по Москве. Новое, сложное ощущение мешало наслаждаться свободой независимого человека, хорошо одетого и при баксах, без цели и обременительных желаний.

Раньше ему безумно хотелось жить в столице, подчиняться ее деловой и праздничной суете; ощущать торжественность проспектов, толкаться в метро, даже застревать в пробках на собственной машине. Хотелось, возвращаясь из института, заходить на выставки, вечера проводить в театрах, ресторанах или на посиделках у закадычных друзей. Бывать в шикарных банях со всеми причитающимися удобствами... Он мечтал заняться конным спортом — всем тем, что недоступно в Приречинске, который так и останется провинциальным, даже перевалив за миллион жителей и настроив многоэтажек.

Станислав знал, что столица ему «по зубам», как и любой европейский город, где надо отдать все свои силы, способности, и то, что еще не востребовано в нем и может залежаться мертвым грузом, превратив в неудачника. Он чувствовал, что сумеет вписаться в любой ритм жизни, в сутолоке ее найдет

нужное течение и престижную работу. Фирма матери казалась лишь трамплином, а столица — катапультиой, которая вознесет к власти и славе — тому, ради чего стоит жить.

«Рядом с матерью мне не хватало свободы, как шлюпке, спущенной с корабля и вынужденной вновь возвращаться на его палубу. А надо идти собственным курсом к неведомым берегам... — мысли Станислава плыли сами собой, не тревожа чувства. — Теперь корабля под парусом «Надежды» нет. В одиночном плавании я волен, как ветер, свободен, как волна, и в шлюпке заделаны дыры. Но что-то сломалось в самом гребце...»

И Москва была другой — озабоченной и разгульной одновременно. А может, он видел ее сейчас другими глазами?.. Ближе к вечеру все Озабоченное пряталось в скорлупе своих жилищ — так черепаха, устав, втягивает под панцирь натруженные лапки. Зато все Разгульное, словно ящерики и змеи, выползло из своих укрытий, шурша шинами лимузинов. И начиналось мерцание нарядов, струящихся с холеных, костлявых и пышных плеч. Как бы ниоткуда возникали отпрыски знатных родов и облагороженные шлюхи, воротили с подпольным стажем и неоперившиеся еще, но хваткие юнцы...

Все смешивалось, как в сомнительном коктейле, сделанном на скорую руку. И нужно время, чтобы осела муть, всплыла пена, чтобы расслоились благородное вино и дешевый сок. Только тогда станет очевидно: надо ли пить или достаточно лишь продегустировать это пойло.

Взгляд безразлично скользил по заманчивым витринам роскошных магазинов, по крикливым рекламам и островкам временных кафе, бесстрашно выползших на тротуары. Шалея от соблазнов, металась между ними приезжие, москвичи-аборигены брезгливо поджимали губы. А под ногами у всех неподвижно сидели нищие. Воровато приглядывались к прохожим пацаны, приодевшиеся с помоек импортными шмотками. На складных столиках мозолили глаза книги со зловещими названиями, сытыми рожами убийц и безликими жертвами в лужах крови.

Маги и рыцари, воительницы и колдуны на красочных обложках зазывали одуревших от реальных проблем жителей Земли в иные миры, где обитают древние чудища, буйствуют космические энергии и правят Боги. Герои сражаются с титанами и черными магами за сомнительное добро с непонятным злом. Там утверждается Хаос, но побеждает Гармония...

Одинокий воин в легкой кольчуге, на мощном боевом коне — книга выделялась среди других не шириной золоченого орнамента, в лице русского витязя — Станиславу захотелось назвать его так — было что-то родственное, сосредоточенно-удалое.

Щит отсвечивал восходящее солнце, на кончике обнаженного меча горело чистое пламя. Скала, на которой витязь сто-

ял, была озарена светом грядущего дня, а все, что смутно клубилось под ногами коня, символизировало прошлое. Какой же квест надо витязю выполнить? Освободить родную землю, разрубить цепи, заковавшие друзей, или спасти Красу Ненаглядную? А потом поднять из руин свой замок, засеять поле, вырастить сад и воспитать детей — будущих витязей.

Как просто и прекрасно все...

Станислав так остро почувствовал призывный импульс, исходящий от книги, что рука сама потянулась за ней, но не взяла.

«Пацанья наивность... С чего бы это? Вроде еще не так стар, чтобы в детство впадать», — он виновато посмотрел на встрепенувшегося было продавца и бесцельно зашел в даль.

Красная площадь была, как всегда, торжественно-прекрасна. Еще не прилизанная асфальтом брусчатка надежно стелилась под ноги. По-прежнему нежилась в гранитных берегах подрумяненная закатом Москва-река. Но престижный дом казался постаревшим, неухоженным, хотя домофон был последнего образца, глазок телеохранника светился на прежнем месте, а новый лифт работал безукоризненно.

Бронированная дверь на шестом этаже распахнулась мгновенно, едва рука коснулась кнопки звонка, и Станислав очутился в душистых объятиях Людмилы Евгеньевны.

— Ах, Славик, дорогой! Как мы рады тебя видеть! Наденька звонила из Франции на той неделе. Они с Константином Витальевичем собрались в Штаты, но там изуверские законы и жуткие формальности, а потому... — Людмила Евгеньевна могла говорить бесконечно, порой чушь, но уверенно, хорошо поставленным голосом актрисы — несостоявшейся, а потому воспринимающей жизнь как театр одного актера. Она взидала со сцены на зрительный зал, заполненный поклонниками и обожателями. Сейчас из столовой, в приоткрытую дверь, за ней наблюдали гости.

— ... Но как же так получилось, мальчик мой?! — она схватила руки Станислава, наткнулась на пустоты в перчатках и лицо ее под слоем косметики страдальчески сморщилось. В глазах блеснули слезы. — Ты посмотри, Шура! Какое несчастье...

— Иди, умойся. Пропылится, чай, по улицам шастая, — пухлощекое лицо Шуры добродушно лучилось морщинками, как два года тому назад, как десять...

Она всегда и для всех была просто Шура, без отчества и возраста, без личной жизни и биографии, но с неограниченной властью в доме, где вынырнула хозяйку и двух ее дочерей. А до этого служила отцу Людмилы Евгеньевны, вернувшемуся после Отечественной большим военным начальником, и его тихой, рано умершей жене.

— Голодный, поди, — Шура бесцеремонно сгребла Станислава за плечи и выдрала из жалостливых объятий хозяйки. —

Наши только чай вечерось пьют, пузо отрастить боятся. А ты — молодой и отошал совсем. Поди, злющий стал. Человек всегда злой, ежели голодный. Бывает, конечно, и сытые зубами шелкают, да это от нервности...

Переспорить женщин в этом доме было невозможно, и Станислав покорно поплелся в ванную.

Когда, напичканный в кухне мясными вкусностями, он появился, наконец, в столовой, гости — три пожилые пары — наслаждались кремом и воздушным «хворостом». Клумба на блюде источала аромат ванили и была припудрена сахаром, поэтому у гостей образовались белые усы. Знакомство и серьезное представление в такой ситуации невозможно, поэтому Станислав шутливо щелкнул каблуками домашних тапочек и четко, как делали в кинофильмах юнкера и офицеры царской армии, кивнул. Но до конца форса не выдержал, заторопился к столу, опасаясь, что обожаемый им «хворост» сгорит раньше, чем он отведает традиционное в доме Паниных лакомство.

Шура внесла второе блюдо с ворохом листиков и роз, водрузила рядом со Станиславом, и он с восторгом вонзил щипцы для пирожных в хрупкую горку. Но поторопился, не рассчитал: изящные птичьи лапки оказались тугими и вертлявыми. Культики уцепили их, но не удержали, и щипцы плюхнулись, все рассыпая и кроша.

Гости невольно ахнули и деликатно опустили глаза. Шура ловко подхватила щипцы, положила уцелевшие «хворостинки» Станиславу на тарелку и, смахнув крошки со скатерти в блюдо, унесла его. А минуту спустя, вернулась с новой порцией, и гости как ни в чем не бывало заговорили между собой. Хозяйка ободряюще улыбнулась Станиславу, но он уже не мог сидеть за столом. Тихо встал и ушел на кухню, где Шура положила ему в тарелку сливочный крем и налила чай в большую фарфоровую кружку с удобной ручкой.

— Шастают от нечего делать друг к дружке, — ворчала она. — Завтра заберу тебя и айда на дачу. Рыбку половишь, а я тебя откормлю. За грибами ходим. Наши-то до леса ленивые, а в ем какая благодать да сила... — голос Шуры журчал, как лесной ручеек, и Станислав представил себя в лесной избушке. Шура поит его парным молоком, а на крылечке ждет Краса Ненаглядная с лучистыми глазами и косою до пят.

— В деревню не тянет? — неожиданно спросил Станислав и пожалел, потому что лицо Шуры сморщилось, и вся она увяла, разом постарев.

— В ту, что родилась... так ее немчура спалила. Окромя бревен горелых да печей ничего не припомню... Благодетель-то мой — Евгений Лексаныч с печи полуживую снял да при госпитале определил. Опосля войны случаем встретились. В

чинах он уже был, да шибко раненый. Всю жизнь осколки его донимали. Такие боли терпел, но молодой жене не жаловался. Одна я знала, потому как перевязки делала. А уж когда Людмилочка народилась...

Станислав не любил чужих историй. Слишком лично все, однобоко. Так казалось всегда. Но что-то сместилось в нем сейчас или у Шуры был такой струящийся в душу голос — слушал он ее без досады.

— ... Так что, хотя и осталась я по нутру своему деревенская, и не по нраву моим господам, как говорю; и в мыслях своих сколь раз я отсель уезжала, а душа-то приросла, как вьюнок, обвилась по чужому стеблю. На ем и засохну, — Шура замолчала, прислушиваясь к голосам и смеху уходящих гостей. — А ты не такой, старый стал. Неужто из-за рук? Или что другое? По матери вроде бы не скупаешь...

Шура убрала чашку и села напротив Станислава — глаза в глаза.

— Не пойму я себя, — Станислав не отрывал взгляд от блюда с обломками «хвороста». — Раньше знал, чего хотел, а сейчас... То, что нравилось — безразлично. Загорюсь и остываю. Порой думаю...

— А ты не думай, — торопливо перебила Шура, — и мозгов своих меньше слушай. Они хитрющие, все мудрят, подстраиваются, как бы хозяину угодить... Ты лучше душе своей простор дай. Чего захочет — того, значит, тебе и надо. И уж тогда делай все без оглядки. Душа — она без корыстности, вся мудрость в ей, и к Богу ближе...

Хлопнула входная дверь — гости ушли, и только тогда из кабинета выбрался Юрий Павлович. Он не любил беспричинных застолий и был слишком занят, чтобы развлекать нередких гостей жены.

— Пойдем, пообщаемся, — он крепко сжал плечи Станислава. Хозяин был высок, дороден. В низком тембре голоса звучали командные нотки. С такой фигурой и твердо-добродушным лицом можно стать большим начальником. И товарищ, а позже — господин Панин им был.

Когда-то давно он вместе с Надеждой окончил институт, в котором сейчас учился Станислав. Он был страстно в нее влюблен, предлагал руку и сердце, но Надежда ответила, что двум медведям в одной берлоге не ужиться. Панин уехал в столицу, познакомился с девушкой из элитного дома и бесстрашно вошел в семью, где властвовать хотелось всем. Но он выстоял. Ученые степени, звания, должности бежали к нему, возможно, еще и потому, что он не торопился уходить с работы домой...

Дочери-погодки Лика и Тая были фигурой и лицом в отца, а характером в мать, и постоянно ссорились, хотя не могли и

дня прожить друг без друга. Попадая в дом Паниных, Станислав сразу же становился очередным предлогом для соперничества сестер. Они оттачивали на нем свое ехидство и юмор. Ядовитые стрелы, направленные друг в друга, доставались ему. Приходилось выставлять щит из замысловатых острот.

Взрослые поощряли словесные турниры, и время, проведенное у Паниных, превращалось в сплошной интеллектуальный бой, отчасти полезный, как всякая тренировка, но бессмысленный, потому что ни одна из крупногабаритных сестер симпатии в нем не вызвала. Похоже, и он не нравился им, чего не скажешь о Людмиле Евгеньевне. Она захваливала Станислава и, судя по всему, не прочь была бы стать его тещей.

С Надеждой было все наоборот: девочки ее обожали. А Людмила Евгеньевна хотя и окружала красивую вдову подчеркнутым вниманием, но не забывала время от времени сообщать, как заботлив и верен ей законный супруг. Она была настоящей женой: настойчивой, хитровой и до сих пор обольстительно женственной.

Юрий Павлович относился к сокурснице как закадычный друг, никогда не напоминая о юношеской влюбленности. Мать это устраивало, и дом Паниных стал для нее чем-то вроде профилактория, где можно отдохнуть от деловых столичных забот, получить консультацию по вопросам бизнеса и дельные советы, которыми она почти всегда пренебрегала. И только Шура, чужая угрозу родному гнезду, поглядывала на гостью недружелюбно.

Кабинет, куда домашним доступ был ограничен, давил на входящего полками книг и массивной, под стать хозяину, мебелью. Письменный стол, сохранивший дух прежнего хозяина, украшала допотопная пишущая машинка и телефон с медными рычажками. В углу возвышался несокрушимый сейф, а на стене, за спиной хозяина, был вмурован гвоздь, на котором в былые времена висел портрет Вождя народов. Позже — правители государства. Сейчас красовалось изображение самого Юрия Павловича, написанное маслом и подаренное сослуживцами по случаю сорокапятилетнего юбилея.

Хозяин и гость сели в глубокие, как норы, кресла. В них хорошо мечтать или исповедоваться. Настольная лампа разливала мягкий свет, глаза Юрия Павловича ласково поблескивали из полумрака. Оба выжидательно молчали. В такие минуты полагается курить или потягивать вино. Но здесь отдавалось предпочтение ландрину.

Станислав снял перчатку, подцепил желтый леденец из железной коробочки, бросил его в рот и ощутил кисло-сладкий вкус. Такое же двоякое чувство было на душе.

— Надюша рассказала о том, что случилось с фирмой. Я не все понял. Боюсь, она сама не разобралась в возникшей ситу-

ации. Сгустила краски, что-то не учла, поторопилась с выводами и этим усложнила все. А приключившееся с Константином Витальевичем — случайность, — крупное, породистое лицо Юрия Павловича было мягким, словно из пластилина. Глаза добродушно следили за Станиславом из-под густых бровей.

— Не слишком ли много случайностей? — в тоне Станислава прозвучали нотки, насторожившие Панина. Он выжидательно посмотрел на собеседника, но тот молчал, не торопясь или не зная, что добавить.

— Она называла фамилию человека, который, по ее мнению, мог организовать банкротство фирмы, — Юрий Павлович сморщился, положив на язык лимонный леденец. — Но тогда надо было поднять документы, собрать факты, улики. Я говорил об этом твоей матери. Она убеждена — все бесполезно, но держится молодцом, чего не скажешь о ее... — Панин споткнулся, как о случайный камень на гладкой дорожке неспешного течения его мыслей, — ... друге.

Станислав дернул плечом — обсуждать эту тему он не собирался.

— А что с тобой? — Панин мельком глянул на культики Станислава и будто лизнул красный перец. — Мать тебя выражает, но я понимаю: перспектива нищеты, чувства бомжа — это ужасно. Помню, как, сорвавшись в Москву, ночевал на вокзале, голодал, хотя в кармане был диплом и направление на работу в уездный город.

— Я никогда не буду нищим или бомжем... — неприязнь к человеку, которого всегда уважал, возникла неожиданно и без особой причины. — И я не горю желанием поселиться в Москве.

— Даже так?.. — Юрий Павлович удивленно приподнял брови.

Станиславу хотелось пить. Он чувствовал, что голос хрипит, губы сохнут, и облизал их. Панин, не вставая, протянул руку к дверце бара-холодильника, встроенного в книжную полку. Открыл, предлагая вино и напитки. Станислав налил в два стакана ледяной, с запахом можжевельника, воды.

— Людочка говорила тебе, что мы со дня на день ждем звонка из Штатов? Надежда хотела сообщить, как только доберется. Ты, думаю, поживешь у нас до отъезда. С оформлением визы я тебе помогу, о деньгах тоже не беспокойся, — Панин приподнялся, собираясь встать.

— Спасибо. Но я к ним не поеду.

Панин почти упал в кресло. Изумление его было так откровенно, что Станислав улыбнулся. Уточнил:

— Сейчас не поеду. Кем буду там? Даже в посудомойки не возьмут. Сидеть на шее у матери — она сама без работы. И не одна... Вот окончу институт и — на стажировку...

— Возможно, ты прав, — в глазах Юрия Павловича любопытство сменилось задумчивостью. — Но во всех случаях диван и кабинет — твои. Утром я уезжаю недели на две в Германию читать лекции на тему об особенностях экономики России в переходный период. Вопросов больше, чем ответов, однако прагматичных немцев это интересует... Лика и Тая прикатят с дачи завтра. Они будут тебе рады.

— Благодарю, но я остановился у друзей.

Мужчины помолчали, невольно вслушиваясь в легкую перебранку Людмилы Евгеньевны и Шуры. Панин удобнее уселся в кресле. Спросил:

— Хочешь вернуться в Приречинск? Надюша говорила, что купила тебе квартиру. Но на какие средства собираешься жить, когда закончатся деньги, что оставила мама? Я могу дать тебе... И не ершись, мы — свои люди.

— Очень признателен, но пока не надо. Я позвоню, если прижмет, — пообещал Станислав, понимая, что Панин ему не поверил.

— Ты не слишком рискуешь, возвращаясь домой?

— А что с меня взять? — ответ прозвучал уклончиво, и Станислав одобрил его улыбкой.

— Не вздумай лезть на рожон. Если уж у матери не получилось, а у нее ум, знания, деловая хватка... Экономист ты еще никакой, юридически неграмотен, людей и жизни не знаешь. И это... — Юрий Павлович посмотрел на руки Станислава и страдальчески сморщился.

— Вот и буду учиться жить. Тихо, смирно, никому не мешая.

— Ты изменился с того времени, как я видел тебя в последний раз. Возмужал, остепенился. Чего не скажешь о моих девчонках.

Станислав промолчал. Он устал от разговоров ни о чем.

Панин выбрался из кресла и, обойдя стол, полез в ящик. Долго в нем копался, вернулся, держа в руке плотный конверт.

— Здесь три дискеты. Надюша оставила мне их без комментариев, видимо, просто не хотела брать с собой. Сказала: «Это все, что сохранилось от «Надежды»... Я дискеты не просматривал — недосуг. И не думаю, что из обычного рабочего материала можно сделать правильные выводы. Но если хочешь, по возвращении из командировки мы просмотрим дискеты вместе. И надо бы еще... — закончить фразу Юрий Павлович не успел. В дверях появилась Людмила Евгеньевна.

— Друзья, не пора ли спать? — ласково улыбаясь, она положила руки на головы увлекшихся разговором мужчин. Панин тут же поднес к губам ее холеные пальцы. Станислав, не зная, как избавиться от прижавшей голову ладони, попы-

тался встать. Рука хозяйки, разлохматив его гладко причесанные волосы, упорхнула. Вошла Шура и начала застилать диван крахмальными простынями.

Уже лежа в хрустящей прохладе, Станислав вспомнил, что последний раз был у Паниных с мамой, и сидел на этом самом диване, не решаясь вклиниться в разговор, но вникая в каждое слово и то недосказанное, что оставалось в тайниках души и мыслей каждого.

Юрий Павлович и мама расположились в креслах. Сверля друг друга взглядами, они спорили. Это была их излюбленная форма общения и отдыха. Надежда, обычно невозмутимая, на сей раз горячилась, сетуя на проблемы, возникающие там, где их и быть-то не может. Строительство коттеджей только началось, неожиданности плодились и атаковали, как всеядные полчища термитов. Юрий Павлович уверял, что это естественно при таком положении дел в стране. И нужно время, чтобы...

«Ты ученый-теоретик, у тебя есть время, ты привык мыслить масштабно, опираясь на среднестатистическую муть, — сердилась мать. — А у меня все конкретно, ежедневно и максимально увесисто бьет по карману... Неужели в правительстве не понимают: жить без толковых законов — все равно что начинать кладку стен на голом песке! Ты же там консультант... Что толку от твоих мудрых книг, данные которых устаревают раньше, чем дочитаешь до последней страницы! Приезжай ко мне или пришли кого-нибудь пошустрее — за месяц на диссертацию материал наберет. Хотя этим все и кончится...»

«Мы работаем над законами, но телегу впереди лошади не поставишь. То, что мы предлагаем, должно...» — он говорил, избегая прямых ответов, увязывая экономику с юридическими проблемами, с психикой людей, социальными катаклизмами и отправляя клубок желаний и потребностей в светлое будущее завершения рыночных реформ.

... Станислав ворочался, испытывая чувство жалости к матери и недовольства собой. Его угнетало собственное бессилие, и он как никогда понимал мать: «Она пыталась создавать, двигала жизнь, помогая себе и людям. Ее сломали потому, что она не приняла навязанных ей временем условий... А таких, как Панин, невозможно сломать, потому что они бесхребетны. Меняется политика, интересы большинства, и убеждения таких, как он, плавятся, стекают и застывают в новой форме жизни кажущимся монолитом — до следующей плавки в огне возможных перемен... Бедная моя, ты привыкла все решать и делать сама, никому не доверяя. Я обижался, страдал и ударил под дых, когда почва и так уходила у тебя из-под ног... Я не сумел понять тебя, потому что тоже замкнулся сам в себе... Как страшно, когда боль ударяет по боли, множась непониманием, калеча любимых и любящих...»

Не в силах больше лежать, Станислав резко сел, уткнулся головой в колени. Зашептал, еле шевеля губами:

— Ты прости меня, прости... — поймал себя на мысли, что произносит те же слова, что говорила ему в больнице мать. Но только сейчас, мучаясь ее болью, он услышал их чутким, жертвенным, а потому счастливым в искренности своего порыва, сердцем. — Я постараюсь... Еще не знаю как, но докажу: надежду нельзя убить безнаказанно. Без надежды жизнь теряет смысл.

Потолок был черен, как провал в неизвестность. Шторы на окне не пропускали ни света, ни звуков. Квартира казалась крепостью, с высоких стен которой трудно разглядеть, кто скачет вдаль — друг или враг? И что везут следом — осадное орудие или воз с зерном...

«А я, как бедный рыцарь на хилом коне... Без шлема, щита и даже без оружия, но жажду сражения... С кем? С Бугром величиной с гору? С крысами, живущими у подножья, в норах? Они размножаются стремительно, превращая все живое в мертвые доллары, и хрупают «зелененькие», словно капусту», — мысли превращались в сновидения.

Станислав ощущал себя то воином, то калекой-нищим, то самим собой. Воздух вокруг него сгущался, как перед тайфуном. Давили полки книг, спрессовывая мозг и душу в кирпичик, предназначенный для стен собственной крепости...

Выдрав себя из дремы, Станислав, натыкаясь на кресла, рванулся к окну, раздернул портьеры и ухватился культиками за шишечку шпингалета. И тут же отпустил ее: створки были заделаны намертво, между рамами лежала пыль. Коробка кондиционера заменила форточку.

Но за стеклами светилось небо, и вдаль, поверх крыш домов, смугло розовели стены Кремля. Голубые пихты придавали каменному кружеву сказочную нарядность, призывно светились купола церквей. На вознесенных ввысь шпилях еще сияли рубины звезд. А двуглавые орлы... Они еще только расправляют крылья и неясно, что от них можно ожидать: защиту или нападение? Устремление ввысь или хищный бросок к земле?..

«Это на соколиной охоте важно, на чьей руке сидит боевая птица, — возражая кому-то и уже засыпая, подумал Станислав. — А орел волен. Гнездо его недоступно, и только он может независимо и гордо парить в вышине».

... На другой день приехали с дачи Лика и Тая.

Они округлились, похорошели. Их острые язычки стали более отточены, а мысли — категоричны. Лика не без хвастовства рассказывала, как интересно прошел год в Литературном институте, и читала свои новые стихи. Станиславу они показались претенциозными и слишком закрученными, но он промолчал. Тая завистливо поддевала сестру. Она заканчивала школу,

но еще не решила, куда будет поступать, потому что с папиными связями и маминым обаятельным напором двери всех храмов науки были ей открыты.

Когда радость встречи иссякла, и девушки выложили в самом выгодном свете все свои новости, настала очередь Станислава, но сестры, на диво тактично, увели разговор на безопасную тему — о театре. Обе, как и мать, мечтали о сцене — теоретически...

Станислав был им благодарен, но вскоре заметил, что неугасающее соперничество приобрело неожиданный оттенок, хотя объектом внимания, как и прежде, оставался он. Вместо прежнего ехидства Лика и Тая атаковали его заботами в таком масштабе, что стало понятно: сестры соревнуются... в жалости. Они подавали вещи, которые он собирался взять, а за обедом готовы были кормить с ложечки. Соглашались с любым мнением, смеялись каждой его шутке. Порхание шумных девиц к вечеру стало невыносимо настолько, что Станислав понял: пора смыться.

Однако Людмила Евгеньевна, встав на страже здоровья и душевного спокойствия молодого человека, заявила, что в ответе перед Надюшей и мужем, а потому не отпустит его к сомнительным друзьям, где едят бог знает что. Возможно, еще и пьют...

Станиславу казалось, она — переигрывает. Зачем ей Надюша и сынок, который уже ни по каким статьям в зятя не годится. И он ссылался на оставленные у Хомутовых вещи, на дело о наследстве, которое не сдвинется без него, находил десяток других причин, но вырваться удалось лишь с помощью понятливой Шуры.

— Он парень смышленный, не чета нашим девицам. А потому сам себе петух и в нашем курятнике не нуждается, — сказала, как отрезала. Нагрузила пирожками, и утром, пока все спали, проводила до лифта:

— Иди с Богом. А то, неровен час, и впрямь калекой сделают.

Время, прожитое в столице, вспоминалось потом как дурной сон, который может привидеться лишь безнадежно больному или с перепоя...

Паниным Станислав звонил теперь почти каждый день, но Надежда не давала о себе знать. Это тревожило, и, пытаясь отвлечь себя от дурных мыслей, он с головой ушел в заботы друзей.

Жорик мотал братьев по кабинетам чиновников. Для ускорения дела о восстановлении прав на купеческий дом почти везде требовалось «подсластить» или напрямую «дать в лапу». Дан смущался, Родик робел, Жорику всегда было некогда, а потому изворачиваться приходилось Станиславу. Встречались

вечером. Трое — на кухне, четвертый — на проводе. Жорик выслушивал итоги дневных походов и давал указания. Прошло почти две недели и — ни шагу вперед.

Братья злились, Жорик утешал: «Сразу бывает только икота или понос. А с наследством, ясно, напряг. Вот месяца через три...»

Станислав чувствовал себя виноватым. Денег жалко не было: пришли случайно, а все случайное ненадежно. Когда доллары Йосано закончились, на рублевый остаток решили закатить скромный пир.

Братья пригласили знакомых девушек, Жорик привел одну из своих «принцесс». Не забыли и Станислава: рядом с ним за столом, накрытом в зале, села модно одетая девушка с привлекательным лицом и жгучими глазами чаровницы. То и дело, как на рекламных роликах шампуней, она взмахивала гривой густых волос, задевая своего кавалера:

— Простите, мои лохмы капризны и живут сами по себе...

В ответ полагалось сказать, что ее «лохмы» прекрасны, глаза вызывают желание, и начало любовной игре будет положено. Но Станислав чувствовал, что робеет: девушка не из «покупных» — до этого братья еще не опустили — и надо суметь ей понравиться.

«Кажется, Станислав Сергеевич, у вас развился комплекс насчет прекрасного пола?» — как всегда некстати съехидничал внутренний голос. Пришлось улыбнуться и налить вино Ларисе, ее невзрачной белобрысой подружке и себе.

— Это новая мода такая — в перчатках? — кокетливо спросила Лариса и отпила из рюмки глоток. — Надо будет учсть...

С другой стороны стола отчаянно делал знаки Дан, но было уже поздно: Станислав стащил перчатки, и огрызки пальцев, обтянутые розовой кожей со следами швов, предстали перед испуганными взглядами девушек.

Станислав сам не знал, зачем сделал это. Он понимал: наедине, в полумраке, между поцелуями все расценилось бы иначе... Или еще хуже. Ведь под рубашкой кожа, — словно трактор вспахал. Ясность лучше внести сейчас, а не тогда, когда будет во сто крат больше.

Родик начал плести о героическом поступке, о спасении чьей-то жизни ценой собственных рук, но Станислав грубо его оборвал и предложил тост за настоящую любовь.

Все облегченно загалдели, начали чокаться, проливая вино на вышитую скатерть тети Тоси. Пили за любовь, которая, конечно же, рядом — только руку протяни или коснись коленом. Слово «настоящая» осталось незамеченным — ведь оно лишь прилагательное...

Лариса расстроено ковыряла вилок в тарелке и старалась не смотреть на Станислава. Задора в глазах уже не было.

— Вы рассердились на меня или обиделись на парней за то, что не предупредили?.. Вначале я вам, кажется, понравился, и вы были бы не прочь... — Станислав попытался улыбнуться.

— Понравились и не прочь... — девушка сердито тряхнула гривой и, перестав жевать, вытерла салфеткой губы. Рот у нее был большой, опытный. Станислава охватила зыбкая дрожь. — Но знаете, я как-то не представляю себе... — она посмотрела на него выжидательно.

Надо просто поцеловать ее в приготовленные, томящиеся губы. Родик уже обнимал свою девушку, а Жорик, усадив принцессу на колени, кормил виноградом. Но Станислав медлил, тянул крепкое невкусное вино. Он уже не робел, просто ждал сам не зная чего.

— Ты дурочка, Ларка, — зашептала ее подружка. Они пришли вместе, но партнера ей не досталось, и девушка налегала на угощение. — Руки не главное, а все остальное у него в порядке. Отдай мне...

— Сама разберусь. И чего за мной увязалась? — возмутилась Лариса. Девушки заспорили шепотом. При этом они умудрялись жевать.

Станиславу стало противно, и он ушел на кухню, прихватив банан и бутылку вина. Тотчас появился Дан, за ним примчался Родик и, чуть позже, пришел Жорик со своей принцессой.

— Ларочка рыдает, — сообщил Жорик. — Иди к ней. Нельзя так жестоко обращаться с красавицами.

— А с некрасавицами? — Станислав, демонстративно водрузив ноги на табурет, откинулся на спинку стула, давая понять, что с места не сдвинется. Чувствуя, как начинает заплетаться язык, сообщил хмуро: — Она мне не нравится. И вообще я спать хочу.

— А белобрысая, что с ней пришла, в тебя втюрилась, — вид у Родика был виноватый, и Станиславу стало неловко перед друзьями.

— Простите, ребята, я испортил вам вечер. Такой уж зануда стал... Не обращайтесь внимания, веселитесь... — он покрепче ухватил бутылку и решительно полез по крутой лесенке на мансарду.

Диван дружелюбно заскрипел, бормоча что-то утешительное.

«Какого лешего я еще в Москве? Чего здесь забыл? Чем занимаюсь?» — в злые мысли вплетались неясные звуки: кто-то осторожно поднимался по ступенькам. Скрипнула дверь, забелело платье.

— Вы здесь? — голос Ларисиной подружки был напористым, движения решительными. — Она дурная, воображает из себя... А я в медицинском учусь и всякого навидалась...

— Уйди, — Станислав пошарил рукой, пытаясь найти, чем можно запустить в медичку. Но рядом была лишь тяжелая бутылка, и он сдержал себя. — Тронут вашим мужеством, мамзель, но обойдусь... — слова получались растянутыми и было чудовищно жарко, словно лежал на солнцепеке.

Белобрысая продолжала стоять в дверях. Он чувствовал запах ее дезодоранта и того, что исходит только от женщины. Жар сменился ознобом, тело, казалось, отделялось от души.

«Ну, подойди же, — попросил он мысленно, — помоги мне...»

Но девушка не поняла. Тихо прикрыла дверь, шаги ее на ступеньках затихли, и Станиславу не осталось ничего, как допить вино.

Потом его тошнило, и так мерзко не было никогда.

Утром Станислав проснулся с дикой головной болью. Вспомнив вчерашнее, хотел за собой убрать, но пол возле дивана был вымыт.

Стараясь не разбудить спящих в другом конце мастерской, он спустился на кухню. На остатки еды было противно смотреть. На душе — до отчаяния скверно: такого позора с ним не случалось никогда. И как выбраться из гула, стоящего в голове, — неясно.

Выручил Дан. Он появился, неся кружку с какими-то травами. Запах был отвратительный, вкус совсем гадкий, но минут через десять к Станиславу вернулась способность думать и говорить.

Попрощались коротко. Дан знал, что отговаривать Станислава бесполезно, и понимал его состояние. Обещал передать парням привет, у девушек попросить за него извинения. Потом посоветовал начхать на все и забыть...

Станислав так и сделал.

... Поезд, проходящий через Приречинск, отправлялся через полчаса. Перед кассами толпились полчища страждущих, но Станислав стукнул в «литерное» окошечко, кинул доллары и, зажав в культиках билет, ринулся на перрон. На ходу заскочив в тронувшийся вагон, улыбнулся рассерженной проводнице и пошел искать свое место.

Двухместное купе оказалось пустым. Станислав рухнул на мягкий диван, ощущая себя узником, вырвавшимся на свободу. Ему казалось, что он чем-то опасно переболел, но не умер, и даже приобрел необходимый иммунитет, хотя и не без душевного ущерба. Но...

«Я — жив, я — живу! Я — буду — жить...» — бодро отстукивали колеса.

Часть третья

ВСЕ ТАЙНОЕ...

ГЛАВА 7

В поисках истины

вокзала Станислав добирался домой на такси. Был уже поздний вечер, зверски хотелось есть, и он попросил шофера проехать мимо бара, однако возле крыльца стояли машины.

Ругая себя за то, что проспал и не пообедал в вагоне-ресторане, он прицкнул на стонущий желудок и хотел подняться в квартиру, но лифт не работал. Пришлось тащиться по лестнице.

Еще не дойдя до своей площадки, он услышал тихие всхлипы.

В наше время вряд ли кого-нибудь удивишь слезами, но в этом новом доме, заселенном семьями из трущоб и, казалось, от подвала до крыши наполненным только положительными эмоциями, чье-то страдание было неуместно, как траурная музыка на свадьбе. А потому, дойдя до своей двери, Станислав не выдержал и поднялся выше.

Женщина сидела на ступеньках, прижавшись к стене и опустив на колени голову. Она чем-то напоминала подростка, из-под юбки торчали худые ноги, обутые в босоножки, в полумраке белела кофточка. Все было бедно, но опрятно. Пахло свежим хлебом и сдобой.

— Я могу чем-нибудь помочь? — стараясь не испугать женщину, тихо проговорил Станислав. Вздогнув, она оторвала голову от сложенных на коленях ладошек, повернула к нему некрасивое лицо, и он узнал соседку. В прошлый раз ее глаза были тоже заплаканы.

Женщина одернула юбку, подхватила сумку, сказала смущенно:

— Извините, я помешала вам спать...

— Я только еще возвращался домой, — поспешил успокоить Станислав. Слова женщины тронули его больше, чем слезы. Она была в возрасте Надежды, но жизнь старательно избороздила лицо морщинками, оставив яркими только глаза. Женщина начала отпирать свою дверь, а Станислав представил себе, как войдет в темную квартиру и начнет на ощупь открывать краны в ванной, искать полотенце...

— У вас не найдется электролампочки? Завтра я куплю и отдам, — сказал он, ожидая, что женщина удивится. Но она обрадовалась, словно случайная просьба помогала ей стряхнуть собственной груз.

— Как не найтись... — улыбка оживила лицо, делая его симпатичным. Соседка торопливо открыла дверь. — Заходите,

не на лестнице же стоять. Я сейчас из торшера выверну, мы его не включаем.

Оставив сумку на пороге, она прошла в комнату. Похоже, там кто-то был: Станислав услышал хриплый стон. Голос женщины произнес что-то невнятно. Захотелось уйти, но Станислав ждал, разглядывая почти пустую прихожую: на деревянной вешалке висели новый плащ и потрепанная куртка. Старый столик под узким зеркалом, низкая лавочка с облезлой обивкой — все из прежней жизни.

Из кухни степенно вышел кот и начал тереться о ноги гостя.

— Как бы пухом брюки вам не испортил, — женщина вышла из комнаты, бережно держа лампочку. Станислав, боясь уронить, подставил обе ладони.

— Что это у вас с руками? Никак пальцев... — она смутилась. — Ради бога, простите. Дочка меня ругает, что ляпаю, не подумав. А мне самой, гляючи, вроде как больно.

— Ничего, привык уже... — Станислав, прижав к груди скользкую округлость лампочки, полез в карман за ключом.

— Может, не побрезгуете, поужинаете со мной? Дочка, уходя на дежурство, щи сготовила, — женщина умоляюще посмотрела на нежданного гостя. — Одной как-то невкусно... — она уловила взгляд Станислава, брошенный на плотно прикрытую в комнату дверь, прищурилась: — Этот — не в счет.

Кухня и вся квартира была такой же, как у него. Но здесь царил жизнь: посуда теснилась на проволочных сушилках, заселивших подоконник, навесные полки скрипели дверцами, старый холодильник свирепо рычал. Переехали даже ветхие стулья. Только веселые занавески и цветастая клеенка были куплены по случаю новоселья.

Женщина поставила греть щи и принялась разбирать сумку. На стол лег ржаной каравай, запах которого Станислав уловил на лестнице. От теплых еще батончиков веяло ванилью. При одном взгляде на поджаренную корочку в рот набежала слюна.

— Ешьте, ешьте... — женщина отломала треть батона, протянула с понимающей улыбкой. — Похрустите, пока я тут кулинарю. А со щами лучше ржаной. Он сразу с пода, еще горячий был, когда в сумку клала. Я в пекарне работаю, нам мучные изделия без торговой наценки дают. Вот и балую себя с дочкой то сухариками, то сушками, — она открыла бумажный пакет, и соблазнительный запах ударил в ноздри. Женщина улыбнулась, наблюдая за реакцией гостя.

— Это — с чаем. А теперь хлебушек, и щи уже вздобрились. Сейчас налью... — она произносила слова нараспев. — Вы не стесняйтесь, перчатки-то скиньте, ведь неловко ложку держать. И хлебушек другим на вкус кажется.

Слегка побледнела, когда Станислав стянул уже ставшие привычными лайковые чехлы. Молча встала, полезла на антресоли. Вытащив мешочек с травой, отсыпала в бумажный кулек половину.

— Ложку сбора на стакан воды заварите и в теплом отваре подержите. Кожа окрепнет, и без перчаток ходить сможете.

— Похоже, вы здесь уже обжились? — боясь расспросов, Станислав перевел разговор в другое русло и занялся шами.

— Поначалу радовались, а как первая бумажка с квартплатай пришла... — женщина грустно улыбнулась. — Дочка говорит: «Втрое работать буду, зато как люди проживем». А тут такая напасть... — Хозяйка задумалась. Лицо ее стало жестким, неприятным.

Станислав торопливо доедал вкусные щи, соображая, как бы поделикатнее ретироваться. Вникать в чужие беды желания не было, и он, отложив ложку, хотел встать. Но женщина остановила:

— В Библии сказано: «Люби ближнего, как самого себя». А в народе говорят: «Ежели сам себя не любишь, кто ж другой-то полюбит?» Выходит, надо в первую очередь себя жалеть. У вас, мужиков, так и получается. А для бабы перво-наперво дитя, потом — муж, коль не изверг... — она зыркнула на дверь комнаты ненавидящим взглядом. — Историю расскажу. Почти-и-тельная...

В глазах женщины застыла такая обнаженная боль, что в груди у Станислава сжалось, словно глянул на кровоточащую рану.

— Встретились парень с девушкой, полюбили, поженились, дочка родилась — все как у людей. Домишка старый, а чисто, тепло, сытно — об этом я уж старалась. А ему все хоромы хотелось, в каменном доме со всеми удобствами... Вот и начал мотаться по командировкам, чтоб на кооперативную заработать — он толковым электриком был. Я слезами обливалась, словно чуяла: не будет с этого добра. Он не слушал, на праздники приезжал с гостинцами. А потом явился, собрал все свое, прощения у меня попросил, дочку поцеловал и в соседний город, к вдове с двумя сыновьями подался... Уже потом узнала: квартира у нее в три комнаты в хорошем доме. Ну, что, дело житейское. Не я одна на бобах соломенной вдовой осталась... Поревела вдосталь, из медучилища ушла в больничные нянечки: без денег-то не проживешь. А дочка растет, ей то пальто надо, то джинсы в моду вошли — у подруг есть, а ей разве не хочется? Я дворником подрабатывала, по ночам для людей шила...

Женщина налила чай гостю и себе, высыпала сухари и баранки в стеклянную вазу и, устало сложив на коленях руки, продолжала:

— В общем, выучила Лизаньку, закончила она медучилище. Симпатичная, парни засматриваются, но — строга... В квартиру новую переехали. Думала, настало время и себя саму пожалеть, отдых дать, пока внуков нянчить время не подошло. В пекарню работать устроилась, чтоб раздобреть, а то все как кляча заезженная... Да, видно, под дурной звездой родилась, и не будет мне на старости покоя, — сказала с бессильным остервенением в голосе. — И месяца не прошло, как... Возвращаюсь я однажды домой и у подъезда с двумя вурлаганами гололобыми сталкиваюсь. Они — к машине, что у подъезда стояла, я — к лифту. Поднялась, из дверей вышла да чуть не упала: на площадке мужик на одеяле лежит. Вот, думаю, пьянь, уж и одеяло под себя стелить начали. А тут дочка дверь открывает — на дежурство шла. Она письмецо-то и заметила:

«Екатерине Ивановне в собственные руки... Примите назад своего мужа. Разбил его паралич год назад, а мать умерла в прошлом месяце. И ухаживать за ним некому».

Я так и сомлела, растянулась рядом с ним. Дочка укол сделала, только тогда в себя пришла. Так кричала, плакала, хотела его с лестницы спустить, лишь бы гадкой хари не видеть. Потом из дома убежала, всю ночь ходила не знаю где. А домой вернулась — он на дочкиной кровати в комнате лежит. Вымытый, сытый и улыбается...

«Паразит, — говорю, — ты ж зарплату скрывал, алименты — гроши были. И дочке хоть бы что подарил... Ты, Лизанька, никак его жалеешь? А он пожалел нас, когда я с радикулитом свалилась, и нам жрать было нечего... И мы бы в зиму от холода померли, не окажись рядом добрых людей». А дочка спокойненько так: «Вот ты сама о добре и вспомнила. Не выгонять же его — отец, все-таки. Я об отце в детстве мечтала, тайком плакала...»

«Это тебе он по бумагам отец, а для меня — змей подкольный».

Женщина смахнула слезу и, горько усмехнувшись, продолжала:

— Даже когда он ушел, не так беспросветно было. Сейчас только на работе и отдыхаю. А дочка в ночную смену приспособилась, чтобы днем с ним быть. Я в кухне на раскладушке сплю, не могу с ним дышать одним воздухом... Вначале каждый день про все, что у нас плохо из-за него было, пересказывала. Он что-то мычит, не понять. Плачет. Глаза, как у собаки. А ежели движение резкое сделаешь, вздрагивает и глаза жмурит, словно удара ждет. Видать, били его пасынки, — женщина встала, собрала тарелки и принялась их мыть.

Станислав сидел ошарашенный. Его словно окунули в ло-

хань с помоями. Он испытывал чувство жалости, негодования и брезгливости одновременно.

— В Дом престарелых устроить не хотите? — спросил, наконец.

— Дочка против. Да и я посмотрела, какие они жалкие, особенно те, что пластом лежат. Видно, судьба мне такая — терпеть.

— Зло должно быть наказуемо! — все в Станиславе кипело.

— Только Бог наказывать волен, — спокойно ответила женщина.

— Много он видит — Бог! Вас-то за что?

— Может, с прошлой жизни грех какой остался, — женщина перекрестилась мелким, торопливым движением.

— Вы в реинкарнацию верите, в карму? — удивился Станислав.

— Дочка такие слова говорит, а по мне — так называй как хочешь. Только вера — она ведь не словами значит, а вот здесь... — женщина приложила ладонь к груди. Рука была грубая, с синими прожилками под шершавой кожей. — Мне так думается: все, что в жизни случается — испытание это. Ровно кто сверху нас наблюдает, совестью нашей оценивает и случай для счастья дает.

— Вас послушаешь, так и в Высший разум поверишь... — Станислав думал, что женщина его не поймет, но она провела рукой по волосам, словно сняла невидимую паутину. Проговорила задумчиво: — Дочка многому верит, разные книжки читает. А я думаю: не может так быть, что бы не возвращалось все, как в Библии сказано: на круги своя. Ежели в этой жизни возврат не получится, значит, должно добро или зло потом, в новой жизни, приумножиться.

— Выходит, сиди и жди, когда судьба-проказница случай преподнесет или знак подаст... — Станислав почувствовал раздражение. — Может, священник вам об этом в проповедях читает?

— Я в церковь не хожу, — женщина хмыкнула. — С того случая, как пьяненький поп дочку в купели чуть не утопил. Кабы не муж — захлебнулась... Может, Лизанька ему теперь долг свой отдает. Хотя я никогда не говорила ей об этом... А что касаясь «ждать или не ждать» судьбы — так на то она и жизнь, чтобы надеяться. Да не сидючи, а шагком за шагком по годкам взбираться. И не оглядываться, а то обомрешь: уж очень о многом жалеть придется.

Что-то с грохотом упало в комнате. Женщина вздрогнула, но с места не сдвинулась. Пробормотала с досадой:

— Ах, паршивец, опять кружку с табурета сбросил. Это чтоб я к нему подошла. Днем при дочке спит, а меня по ночам

изводит... Руки начал поднимать. При нашем-то уходе чего доброго и встанет. Тогда и вовсе денег не напасешься.

— Разве пенсии по инвалидности у него нет? — чувствуя, что пора уходить, Станислав встал из-за стола.

— Какая там пенсия, — женщина налила в кружку чай для больного. — При нем и документов-то не было. Боялись, видать, пасынки: часть наследства, что от жены-покойницы причитается, потребуем.

— Напишите фамилию, возраст и все прочее. Может, что-нибудь узнаю через Интернет, — он тут же вспомнил, что нет компьютера, но, заметив, как вспыхнуло радостью лицо женщины, промолчал.

— А я вам постираю и пол вымою. Скажите запросто. Утром ли, вечером — заходите. Еда какая-никакая, а всегда сварена. Величают-то вас как?.. Меня запросто — тетей Катей. Лизанька годков на пять старше вас будет, — она забрала лампочку и подождала, когда Станислав отперет ключом свою дверь.

Ввернув лампочку, Станислав изогнул шею настольной лампы так, чтобы свет падал в открытую дверь ванной и с наслаждением встал под душ. Вода била по макушке и плечам, смывала пот, но не мысли.

Чужая история уже не волновала: мало ли несправедливости в жизни. Интуиция подсказывала, что это знакомство из области «на всякий пожарный случай». Кто знает, как сложится жизнь в дальнейшем, а при малочисленности дружеских связей доброжелательные соседи всегда кстати.

Мысль о будущем вернула напряжение. Чувство тревоги словно поджидало его возвращения домой и требовало — но чего?..

Завернувшись в махровый халат, Станислав прошлепал в комнату, поправил лампу и хотел было растянуться на тахте, но полыхнуло голубым, раздался грохот, и плохо запертая дверь лоджии распахнулась. Поток воздуха вихрем ворвался в комнату, крупные капли дождя ударили по перилам. Из угрюмой чащобы туч ринулось ветвистое дерево, ослепительно-жутковатое в своей сверкающей мощи. Заблистало, укореняясь в земле, убийственно-хищно вгрызлось в нее и расцвело нежным мерцанием, призрачно озаряя небо. Громыкнуло так, что заложило уши. Молния ударила где-то недалеко, и на водоем, на крыши домов рухнули потоки, смывая пыль и мусор с тела города, наполняя жизнью зачахшие без влаги садики и газоны.

«Так же и во мне...» — подумал Станислав, стоя в дверях и жмурясь от брызг. Ни машин возле бара, ни неоновой вывески видно не было — все надежно заслоняла ускользящая стена.

...Станислав проснулся, как привык в больнице, в шесть утра. Стараясь не топтать, попробовал проделать комплекс своих прежних обязательных упражнений с набором кувырочков, мостиков, отжимов и шпагатов. И хотя получалось лишь бледное подобие прошлого, он чувствовал, как охотно разминаются мускулы, хотя там, где бугрились шрамы, ныло, щипало и временами протестующе стонало. Свыкаясь с новым чувством равновесия, попытался походить на руках. Морщась от боли, мысленно представлял, что все пальцы на месте, только нагружать их надо иначе. Потом упал на шкуру и лежал в сладком изнеможении, довольный собой.

«Только слабак мог придумать, что любить себя — это значит жалеть. Любить себя — значит повелевать своим телом и любоваться им; уважать свой ум и не бояться мыслить не в унисон с другими...» — петушиное настроение бодрило. Под холодным душем стоял, пока не заоченели зубы и ступни ног. Растираясь полотенцем, вышел на лоджию. Вывеска бара едва светилась сквозь туман, насыщенный озоном воздух будоражил. Машин возле резного крыльца не было — новый день начинался как надо.

... Отмытый город ежился под сумрачным небом, ветер стряхивал капли с деревьев и морщил лужи. Станислав аккуратно обходил их, стараясь не испачкать замшевые туфли. Дверь бара была не заперта, колокольчик звякнул приветливо, и дух пива защекотал ноздри.

За стойкой — тот же бармен, но вид у него усталый. Скуластое, с чуть раскосыми темными глазами лицо сумрачно. Он не сразу узнал в стильно одетом молодом человеке голодного парня с беспальными руками. Лишь приглядевшись, сказал безразличным тоном:

— А, это ты... Вижу, оклемался малость. Или подфартило?

— Да нет, просто вернулся к самому себе, — Станислав улыбнулся, думая, что бармен поймет шутку, и взаимная симпатия, возникающая при первой встрече, восстановится. Но лицо того потемнело еще больше. Он отвернулся к винным полкам, спросил недовольно:

— Чего налить? Есть будете? — кроме настроения, изменился и внешний вид бармена: исчезла атласная бабочка, ворот белой рубашки был расстегнут. На смуглой коже выделялся клинышек тельняшки. Перехватив взгляд Станислава, бармен усмехнулся:

— Жарко здесь. Порой, как на горной плешине, припекает...

— У Главного светила на прицеле? — понимающе кивнул Станислав. Уловив, как дрогнули скулы, и отяжелела челюсть бармена, уселся на высокий табурет у стойки и попросил

беспечно: — Сотвори-ка мне цыпленка-табака, да порумянее, чтобы косточки хрустели.

На бармена словно холодной водой брызнули. Он вздрогнул, возвращаясь из своих мысленных скитаний, и включил микроволновку.

— Пива не надо, а вот кофеек покрепче, с лимоном и сахаром. Может, и сам выпьешь за компанию? — Станислав тепло улыбнулся.

Налив два кофе, бармен чашки в зал не отнес, поставил на стойку. Спросил, не поднимая сумрачных глаз:

— Тебя Станиславом зовут? — и отошел проверить цыпленка.

— Догадливый... С чего бы это? — Станислав почувствовал, как непроизвольно напряглось лицо и застучало в висках.

Бармен не ответил. Положил керамическую подставку и шлепнул тарелку с таким аппетитным содержимым, что Станислав, тотчас обо всем забыв, ухватил вилку, как боевое оружие, насадил на нее цыпленка и вонзил в хрустящее нежное мясо крепкие зубы.

— Меня, между прочим, зовут Степаном, а для тех, кому в отцы гожусь, еще и Михайловичем, — неожиданно сказал бармен, искоса наблюдая, как посетитель воюет с цыпленком.

— Заметано, — кивнул Станислав, довольный тем, что бармен оттаял. — Ты когда сменяешься? Это я к тому, чтобы столоваться.

— С двадцати одного до девяти, — лицо Степана вновь стало сумрачным. — Только не надо бы тебе сюда.. — он перехватил удивленный взгляд и, неожиданно решившись, достал фотографию, молча положил перед Станиславом, наблюдая за его реакцией.

Это было невероятно, но на некачественном цветном снимке Станислав узнал себя — в полупрофиль. Фон — серые блики на белом. Время года — лето, и ворот кремовой рубашки расстегнут.

«Куда же я надевал ее недавно? — он мысленно открыл платяной шкаф в новой квартире. — Хотел белую, но искать было некогда, потому что меня ждал Йосано. Мы должны были ехать на встречу...»

— Меня Бугор ищет... И как давно? — неожиданно успокаиваясь, хмыкнул Станислав. Степан кивнул и убрал фотографию. Нет сомнения, что предупрежден его сменщик и все, кто каким-то образом может обнаружить пропавшего человека.

— Недели две назад, когда у них тут... — бармен не стал уточнять, что было у бугровцев. — Велено доложить, если увижу.

— Так увидел или как?.. — словно ступая на верткую досочку над оврагом, осторожно спросил Станислав.

— Пока света в окнах нет... Об этом тоже уведомить надо. И если еще заглянешь, придется увидеть, — бармен кивнул на «мобильный».

Станислав понимал: остается только поблагодарить и уйти. Значит, снова бежать, как из больницы, ни в чем не разобравшись.

— И чего от меня Бугру надо? — понимая, что конкретно ответа не получит, он ждал намека. Но бармен, отвернувшись, буркнул:

— Это уж твоя морока. Сам гадай, каким макарон в его паутине увяз. Меня нужда шибко приперла — дома четыре рта. А ты — студент, небось, при родичах и деньгах... — он осекся, вспомнив, очевидно, про темные окна однокомнатной квартиры.

— И много у Бугра точек, где могу засветиться? — уловив перемену в настроении бармена, мягко напирал Станислав.

— Да, почитай, все бары, кафе. Рестораны при вокзале и в речном порту. Два трактира недалече открыли. На казино, что только еще строится, зуб точит... — поняв, что сболтнул лишнего, Степан даже в лице переменялся. Опасаясь услышать: «А ну, мотай!», Станислав положил ладонь на его руку и крепко сжал культики.

— Про бугровские сети — это ты точно заметил. Только зря меня опасаешься. Слышал, небось, как фирма «Надежда» концы отдала...

— Так ты той Надежды сынок? — Степан глянул на Станислава с сочувствием. — Только зря надеешься: не знаю я о том деле ничего. Бар всего три месяца как открылся, а я здесь и того меньше. О делах своих они тут не больно-то... А если что серьезное, я сам в подсобку ухожу: ни к чему мне чужие секреты.

— Может, все же что-нибудь про белую «Ладу»... — Станислав не закончил фразу. Лицо и шея бармена полыхнули красным, узкие глаза превратились в щелочки, но он лишь сдержанно пожал плечами:

— В городе разное говорят, каждый по-своему брешет.

— Но в газете был некролог? Все же следователь погиб. А кто второй?.. — Станислав старался не выдать нарастающее волнение.

— Вторым друг мой был — Женька Ерохин. Из Афгана целехонек вышел, а тут... И на хрена потащился с этим... — Степан глянул в окно, что-то приметил и торопливо кивнул на дверь подсобки.

Станислав соскользнул с табурета, ловко обогнул стойку

бара и, уже проскочив посторонившегося Степана, услышал, как звякнул колокольчик — кто-то вошел в бар. Посетитель мог быть случайный, но Станислав не рискнул испытывать терпение неожиданного союзника. Пробравшись между ящиками, он вышел через запасной ход.

День был обнажающе ясным, от слепящего солнца ломило глаза.

В первом же киоске Станислав купил темные очки, легкую шапочку с большим козырьком и, надев все это, почувствовал себя страусом, спрятавшим голову в песок.

Сначала Станислав зашел в учебную часть родного института и после долгих разговоров, споров и увещаний — кто же захочет так просто отпускать «сплошь отличника» — забрал свои документы и напрямик направился в юридический институт. Здесь тоже пришлось доказывать, что сдать недостающие дисциплины для него — плевое дело. А для ускорения тягостной процедуры зачисления в будущие служители богини Фемиды пришлось сбегать в ближайший магазин и купить несколько коробок конфет подороже, бутылку лучшего коньяка и розы для щепетильной и утонченной секретарши ректора.

Наконец, последняя подпись была поставлена, даже студенческий билет вручен, и новоявленный второкурсник направился в студенческую столовую. Подкрепиться надо было и обедом, и ужином, ведь не каждую ночь в его подъезде будут плакать сердобольные женщины.

Очередь голодных — то бесшабашных, то издерганных суеверными страхами студентов бурлила разговорами, пенилась слухами и двигалась черепашьими шагами. Станислав, чувствуя себя старым, суровым моржом, оказавшимся среди щенят, досадовал, что впустую тратит время, и слегка завидовал, замечая приметы легко возникающей дружбы, а может, и любви. Но в голове напряженно бились мысли о бармене, его погибшем друге, о том, что Степан не успел и, возможно, уже не захочет рассказать.

Параллельно шли размышления, но словно не о себе:

«У тебя, Станислав Сергеевич, всегда было много знакомых, мало товарищей и ни одного закадычного друга. «Семейка» распалась. Тезку сам оттолкнул, от Родьки и Дана сбежал. Так и суждено — одному?»

Забрав поднос с примитивным набором еды, он сел в угол, спиной ко всем, и, неторопливо работая челюстями, продолжал думать, удивляясь, что смурные мысли не отбивают аппетит. Тезка вспоминался как сгусток светлой энергии. Он мог бы стать хорошим другом, несмотря на разницу в возрасте и жизненных интересах. Но так некстати вплелся шелковый водопад Ее волос... Теперь, когда болезненное чувство немного

отпустило, пожалуй, можно при случае к ним заглянуть. Только представится ли когда-нибудь случай?..

Запив невкусный обед еще более невкусным компотом, Станислав направился в читальный зал и попросил высокую, нескладную библиотекаршу Тамару найти правовые документы и все, что может касаться частного предпринимательства в области строительства.

Наверное, он выразился не вполне ясно. Тамара удивленно пожала плечами, глаза растерянно забегали по книжным полкам. Потом ее отвлекли, и раздосадованный, немного смущенный Станислав хотел уйти, но его окликнул пожилой мужчина. Сквозь толстые линзы роговых очков глянули умные, кроткие глаза, и ноги сами шагнули к столу незнакомца. Тот представился:

— Вадим Вадимович Веселов, доцент. Прошу извинить, но мне чрезвычайно любопытно, почему вас, еще студента, заинтересовала такая большая и серьезная тема?.. — он говорил тихо, хотя в читальном зале почти никого не было. Экзамены еще не начались, и время, свободное от лекций, можно было с большей пользой и радостью провести на пляже.

От доцента пахло чесноком, он поминутно вытирал лоб и шею несвежим носовым платком. Но то, о чем он начал рассказывать, не найдешь, даже перерыв старые юридические талмуды и новоиспеченные словари и справочники. Чувствуя интерес неожиданного слушателя, Вадим Вадимович ушел было в правовые дебри, но появилась сухонькая пожилая женщина. Она присела рядом и, когда доцент поставил в своей речи запятую, сказала скрипучим голосом:

— Лапушка, пора домой. Ты переутомился, — она взглянула на Станислава. — Не подумайте, что я намекаю на вашу беседу. Мужу полезно общаться с молодыми коллегами. Появляются новые идеи.

Она помогла мужу сложить бумаги в потрепанный портфель и, когда доцент отошел сдать книги, сказала сокрушенно:

— Вам, молодым, проще войти в новую жизнь и принять ее условия. А наше поколение чувствует себя не по годам постаревшим и... обескураженным: невозможно принять то бесплановое, незаконное, безнравственное, бездуховное, что процветает... В классической юриспруденции эти «без» всегда считались преступными, а сейчас — норма жизни. Господи, да жизнь ли это вообще? Кошмарный сон...

— Тебе опять нахамили? — сочувственно улыбнулся вернувшийся муж.

— Представь себе: стою около «зебры», светофор перемигнул на зеленый, я делаю шаг, и тут иномарка влетает на переход под красный свет и застывает. От неожиданности я

взмахиваю руками и сумка шлепает по машине. У меня сердце зашлось: еще бы чуть-чуть и — под колеса... Вылезает верзила. Думаю, извинится, предложит подвезти, но я, разумеется, откажусь. А он кричит: «Ты чего, старуха, машину портишь? Штраф платить захотелось? Так быстро организуем...» — и лезет смотреть, не поцарапала ли капот.

— Надеюсь, не поцарапала? — муж озабоченно поправил очки. — А то такие деньги отсудят, что телевизор продать придется.

— И ты с этим согласен?!

— Разумеется, нет. Но существующие законы...

— А кто их пишет? Кого защитит твоя докторская?..

Они ушли, забыв попрощаться.

— Такая милая пара, а все ссорятся, — Тамара проводила их нежным взглядом. — Вадим Вадимович второй раз тему докторской меняет. По прежней теме не успел защититься — устарела. Теперь взял самую современную, но мне кажется, что не осилит...

«Значит, он бывает здесь каждый день», — отметил Станислав.

Троллейбус, заканчивая маршрут, остановился возле кладбища. Ворота уже заперты, но калитка отворена. Солнце скрылось за крышами домов, лишь в окнах еще горят его осколки, да сияют купола небольшой церкви, то ли отражая, то ли вбирая энергию непостоянного светила. Фиолетовые тени стекают к земле, вечная обитель усопших медленно засыпает.

Станислав знал, что крещен, но в церковь его никогда не тянуло. Бывал два раза: по случаю свадьбы товарища и на похоронах убитого в Чечне одноклассника. И хотя в Бога не верил, считая, что придуман он для утешения немощных и чтобы приструнить нерадивых, но Библию читал. Существование Христа как личности допускал, полагая, что экстрасенсорные способности, а, значит, и описанные чудеса возможны. Но не возводить же это в культ...

Двери церкви были распахнуты и словно приглашали войти. Станислав, нерешительно переступив порог, прошел во вторую дверь и очутился в небольшом пустом зале под высоченным колокольчатый сводом. Иллюзию людности и тесноты создавали многочисленные лики святых и мучеников. Они смотрели из тяжелых золоченых окладов, не подходящих для их скорбных лиц. В трагических позах застывшие фигуры мужчин и женщин на фресках, воздетые руки — в изображении библейских сцен не хватало жизни. И, безразлично скользнув по ним взглядом, Станислав остановился перед большой старой иконой.

Икона висела на переборке, отделяющей часть зала, куда простому смертному входить не полагалось. Глаза сына Бога смотрели в упор, в них была не вселенская, а своя собственная печаль. Она не касалась проблем молодого человека, недоверчиво взирающего с грешной земли на недоступные неверящему Небеса...

Однако какая-то сложная связь все же существовала. Станислав чувствовал ее, пытался сопротивляться, и оторвать взгляд от потемневшего дерева стоило усилий. Но большие глаза Иисуса продолжали следить за ним, Станислав ощущал это даже отвернувшись.

Спасаясь, он посмотрел вверх, и на мгновение показалось, что тело воспаряет под своды купола, украшенного ангелами и херувимами. В свете, падающем из полукруглых окон, они казались реальными, и он летел вместе с ними, не пугаясь высоты, словно его поддерживали собственные крылья...

— И че шастают? Служба кончилась, церкву затворять пора.

От неожиданности Станислав вздрогнул и будто шмякнулся о каменный пол. За его спиной стояла старуха со шваброй. Она потеряла возле ног позднего прихожанина и, потушив свечи, принялась отделять целые от огарков и складывать их в коробку из-под сигарет.

— Ты бы, мил человек, за упокой али за здравие родственничков свечку поставил, — уже не так сердито сказала уборщица, окидывая Станислава наметанным взглядом. — И на церкву не грех подать...

Станислав зашарил в карманах. Две десятки сунул старухе — сама поставит, куда надо. Полсотни опустил в засаленную пальцами щель ящика, похожего на почтовый, и торопливо выбрался из церкви. Но его тут же атаковали нищий на костылях и подвыпившая женщина.

Женщина предлагала охапку увядших цветов — дань, собранная с могил. Станислав откупился десятками и ретировался по аллее.

Кладбище старое, кроны деревьев почти не пропускают солнечные лучи, и на могилах растут только ландыши и папоротник. Светло-серый мраморный обелиск виден издалека, и фотография отца на овале керамики напоминает ожидающий глаз.

В последний раз Станислав был здесь прошлым летом. Сегодня тоже годовщина — семь лет, а кажется, что со дня смерти отца прошла вечность. В цветнике тот же папоротник, но лавочка покрашена, а земля в ограде присыпана речным песком: мама всегда платила кладбищенскому сторожу за год вперед.

Скользнув рукой по фотографии и словно погладив отца по щеке, Станислав опустил на лавочку. Он не умел молиться, перечислять свои беды или просить совета. Обычно просто сидел, чувствуя, как с плеч стекает тяжесть. Сквозной ветерок выдувал горечь сомнений, и когда Станислав уходил, ему казалось, что искупался в чистой протоке.

Сейчас он вглядывался в лицо отца. Мягкие черты есенинского типа, над высоким лбом — светлая прядь. Детские фотографии отца и сына не отличишь. Но с возрастом у Станислава появился материнский прищур глаз и плотно сжатые губы, а позже уже собственная скептическая улыбка и стальной взгляд. Теперь во взгляде сына неуверенность...

«Отец, я не знаю, с чего начать? Лишь подозрения и догадки... Это в детективном сюжете автор может ухватиться за мелочь и вытащить преступление целиком. А в жизни все непредсказуемо».

«И какую же роль ты отводишь себе? Отважного витязя?..»

«Это слишком возвышенно... Просто хочу понять, почему так случилось, и вернуть то, что несправедливо отняли. Хочу, чтобы мама могла приехать и открыто смотреть людям в глаза...»

«Но ты — один. Ищи союзников. Не бойся верить людям — не все мерзавцы. Мало знаний — учись. И просто живи, каждым днем, каждой минутой радости. Жизнь слишком короткая, поверь...»

«Но я не могу просто жить! Я не пахарь, я — воин...»

Отец не ответил.

Устало шелестела листва, щебетали, устраиваясь на ночлег, птицы, что-то шуршало за спиной и вокруг, но тревожно не было: потусторонних сил не существует, воровской кодле делать здесь нечего, а шантрапа, если и придет, то ночью, чтобы интереснее было друг друга пугать.

Станислав знал, что на всем кладбище он один-одинешенек. И когда что-то коснулось его руки, откинутой за спинку лавочки, вздрогнул, резко обернулся. В первый момент никого не заметил, и суеверный холодок сжал сердце. Но, опустив глаза, увидел небольшую черную собачонку с курчавой шерстью и большими ушами. Бусинки глаз блестели из-под мохнатой челки.

— Чего тебе? — спросил Станислав, удивляясь своему испугу.

Молодой пуделек радостно замахал хвостом. Он не был похож на бродячего пса. Потерялся, скорее всего, недавно, увязавшись за хозяевами, которые приходили кого-то хоронить. А может, умер сам хозяин, и пес, поскулив на могиле, отправился искать нового покровителя, способного его накормить.

— Уходи... — Станислав встал. — Еды у меня нет, желаниа возиться с тобой — тем более. — Он скользнул рукой по керамике фотографии и вышел за ограду могилы.

Асфальтовая дорожка скоро кончилась, и замшевые туфли стали скользить по грязи. Когда Станислав нашел могилу Дядечки, солнце уже село. Кладбище погрузилось в сумерки, лишь купола церкви еще горели, даря усопшим последние отблески заката.

Витой железный крест Станислав купил у сторожа, Братуха притащил его, Сынок покрасил, а Зятек, только что принятый в семейку, выбил на жестяной пластинке фамилию и все, что положено. Получилось не хуже, чем у других. И в годовщину гибели Дядечки крест был вкопан на могиле возле обрыва, где обычно хоронили бомжей. Так уж получилось: жил себе человек, дела имел с «кошельками» солидными и сам при деньгах был, а хоронить оказалось некому и не на что.

«Надо оградку поставить», — разглядывая понатыканные вокруг новые кресты, подумал Станислав. Присесть было негде, и он привалился к березе. Ее листья ознобно дрожали, из оврага выползала сырая темнота — ночь вступала в свои владения.

«И чего же ты присоветуешь мне, Наставник?»

Скуластое лицо с крутым подбородком, то насмешливые, то подозрительные глаза. Манера произносить «да», словно одним ударом вбивать гвоздь по шляпку, или категоричное «нет», как отсекающий удар топора — Дядечка словно возник рядом, так явно чувствовал Станислав его присутствие.

«Вспомни, чему тебя учил, больше чем с другими возился».

«Драться учил, а у меня сейчас и кулаков нет...»

«Характер есть — на двоих хватит. Сам в драку не суйся, а если придется — от ударов уходи, ложные выпады делай, в рывтины заманивай. Свой бой навязывай... А пришел момент — бей наверняка».

«Как же ты сам-то, Наставник, тот удар проворонил? Кому без опаски дверь открыл?.. Что мне так и не сказал, очевидно, важное?..» — в который раз уже спрашивал Станислав, зная, что ответа не будет. Но мысли шли одна за другой, то выстраивались в цепочку, то ломались в сознание все разом, завязываясь в мертвый узел:

«Что связывало тебя с Бугром? Что ему от меня надо? Как мне защитить себя?» — казалось, вот-вот что-то вспомнится, какая-то незначительная деталь, и все встанет на свои места.

Уши ломило, голову охватил жар. Станиславу мерещилось, что в нее пытается проникнуть чужое сознание. От березы шел мощный поток энергии — светлой, как ее кора, и темной, как пятна на ней. Но обе рождали желание действовать.

«И на кодлу один найдется...» — без ветра шептали листья. Овраг был уже полон мрака, и в жутковатой тишине от него замеился вначале тихий шелест, потом заколыхалась высокая трава, как будто кто-то, невидимый в темноте, воздушно ступал по ней, и на дядечкиной могиле засветились две зеленые точки...

Станислав, жавшись спиной в шершавый ствол, ощутил, как на голове шевельнулись волосы. И, словно уловив импульс страха, к его ногам прижалось что-то теплое, живое.

— Фу ты, как напугал, — рассердился Станислав и неожиданно рассмеялся. Пуделек, тоненько повизгивая, прыгал вокруг, лез под руки, и даже сквозь перчатки чувствовались завитки его шерсти.

Они шли по аллее, пуделек — впереди, Станислав — следом, безнадежно запутавшись в переплетении дорожек, доверяя собачьему чутью и не зная, куда оно выведет... Наконец показалась темная церковь с мерцающим на куполах отражением мирских огней. Калитка была уже заперта, пришлось перелезть через ограду. Песик смылся куда-то, но подкатил троллейбус, и он черным комочком метнулся между ног многочисленных пассажиров.

— Ишь ты, безбилетник, — улыбнулась кондуктор. — Который уже день на кладбище, как на работу, ездит.

Станислав с удовольствием сел и вытянул ноги.

Проехав дамбу, троллейбус свернул на центральную улицу Нового города и остановился. До дома было далековато, и Станислав решил идти наискосок, дворами. Пуделька заметил не сразу. Тот деловито шнырял между контейнерами с мусором. Наконец подбежал и затыкал, просяще заглядывая в глаза.

— Да нет у меня ничего, у самого в животе стоны, — чувствуя, как жалость сжимает сердце, проворчал Станислав. — Не зима, найдешь, где переспать, а утром что-нибудь придумаем.

Песик замер, прислушиваясь к словам, приподнимая то одно, то другое мохнатое ухо, и отчаянно вилял хвостом. Боясь прищемить пуделя дверью, Станислав отгреб его ногой и, проскочив в подъезд, вздохнул с облегчением.

Но на душе покоя не было.

Следующий день начался так же рано, с капитальной зарядки, холодного душа и недолгого любования перед зеркалом мерзкими шрамами и крепнущими буграми мышц.

За окном нескончаемыми потоками лил дождь, словно вверху было не пасмурное небо, а пресный океан с прохудившимся дном.

«Промок, небось... В этих каменных джунглях и спрятаться негде», — вспомнив о пудельке, с сочувствием подумал Станислав. Выходить на улицу не хотелось, но желудок требовал дани, и в голове крутился так некстати оборвавшийся разговор с барменом.

Надев плебейские джинсы, куртку и десантные ботсы, в которых тяжело ходить, но хорошо драться, он нахлобучил шапочку с козырьком, нацепил темные очки и распахнул дверь. Шагнул и споткнулся — под ногами закрутился пуделек. Хитроватые глазки его будто говорили: «Я что, дурак — на улице мокнуть. Думаешь, позже тебя домой никто не является? Вот только бы поесть...»

— Черт с тобой, пойдем на охоту. Надеюсь, сами дичью не станем, — засмеялся Станислав, чувствуя, как в груди разливается тепло и ощущение опасности притупляет беспечность.

До бара бежали напрямую. Пес лужи перепрыгивал, Станислав с наслаждением бухал по ним ботсами. Влетели под навес над крыльцом, и песик скромно уселся в угол, принюхиваясь к запахам. Дверь была не заперта, колокольчик динькнул торопливо, и бармен, выглянув из подсобки, занял место за стойкой.

— Чего тебе? — небрежно спросил Степан, мельком глянув на несолидного посетителя. — Кепочку-то скинь, не пляж здесь...

— Опять не узнал? — засмеялся Станислав и снял темные очки.

— Фу ты!.. Каждый раз в новом обличи, словно оборотень. Бабой когда-нибудь не нарядись... Чего заявился? — Степан нахмурился.

— За идею — спасибо. А явился потому, что остался должен тебе за вчерашнюю шамовку... Ты рукой не маши, может, и наступит время, когда задарма придется, а пока я при тугриках, — Станислав достал деньги. Степан молча отсчитал сдачу и с опаской взглянул через окно на улицу, где шумными потоками продолжал лить дождь.

— Не найдется еще одного идиота, чтобы в такой ливень... — Станислав уселся у стойки, давая понять, что уходить не собирается. — Накорми, с собой в пакет дай и еще чего-нибудь для волкодава, что под дверями меня дожидается... Псина умная, может, в компаньоны себе возьмешь? Ночь коротать веселее.

— Я возьму — напарник выгонит: у него на всех четвероногих аллергия, — недовольно бросил Степан и поставил цыпленка в микроволновку. Потом ушел в подсобку, где у него стоял мусорный бачок. Позвал Станислава, приказал:

— С заднего хода покорми, да дверь запереть не забудь.

Станислав забрал одноразовую тарелку с мясными объедками и, приоткрыв дверь, свистнул. Пуделек примчался мгновенно.

венно. Шерсть его уже не курчавилась, а липла к выпирающим ребрам.

— Тише ты... — видя, с какой жадностью накинулся пес на еду, проворчал Станислав, — еще обожрешься с голодухи и сдохнешь.

Пудель скосил на него карий глаз и благодарно завилял хвостом.

«Как они так могут: зубами и хвостом одновременно работать? — чувствуя, как в душе разливается тихая радость, Станислав нахмурился. — Не нужны мне сейчас такие чувства. Не ко времени...»

Бесподобно поджаренный цыпленок уже ожидал, и, вцепившись в него зубами, Станислав несколько минут блаженствовал. Но мысли бились, разламывая череп. Опасаясь вспугнуть откровение бармена, он прокручивал первую фразу десятok раз, пытаясь облечь ее в форму безобидного вопроса. Но спросил напрямую:

— Кому и зачем понадобилось следователя с другом твоим мочить? — вопрос прозвучал как продолжение незаконченного разговора. Бармен, похоже, и сам думал об этом, а потому не удивился, только лицом помрачнел. Сказал угрюмо:

— Сначала ответь: откуда и что сам про это знаешь?

Слушал молча, лишь изредка бросал на Станислава то удивленные, то недоверчивые взгляды. Когда тот закончил рассказ, проронил:

— Со стороны Москвы, говоришь, «Джип» ехал? Чему удивляться — спутниковая связь на что?.. — и, немного помолчав, с неохотой: — Следователь, видать, в делах, что вел, откопал «мину», да взорвалась она раньше, чем он обезвредить ее сумел, хоть и таился, осторожничал... А Женька так, за компанию решил смотаться, жене на день рождения подарок купить... Вот и преподнес — вдовой с двумя детьми оставил. И у майора пацан — круглый сирота теперь. Жена года три, как померла, у тещи и жили.

— Майор Чес-тя-ков? — чувствуя озноб, пробормотал Станислав. В памяти всплыло отрешенно-хмурое лицо следователя. Такое лицо может быть у человека, узнавшего то, что хотел, но понявшего последствия своих открытий. Он приходил в больницу не затем, чтобы утешать неудачника. Майор что-то раскопал в делах «Надежды», а откровенный рассказ Станислава расставил «знаки препинания». Честяков копал дальше... пока не закопал себя в могилу.

— ... Если бы мать была здесь, если бы я не скрытничал столько времени... может, тогда все для него сложилось бы по-другому, — выдавил из себя Станислав внезапно охрипшим голосом.

— Для майора по-другому сложиться не могло: он из идейных. Таких не остановишь. Только на Женькином месте сидел бы ты, и случилось это раньше, — Степан криво усмехнулся. — Хотя «Надежда» твоя — лишь дробинка. Таких «дробинок» по городу на заряд хватит. Да все меньше находится охотников стрелять: дичь уж больно на медведя смахивает. А на медведя с дробовиком не ходят...

Станислав молчал, тупо глядя, как бармен с остервенением трет полотенцем пивные кружки. Убрав последнюю, Степан хмуро сказал:

— Только запомни: никогда, никому, ни за какие коврижки я этого не повторю. У меня мать с отцом дряхлые, жена хвора, а пацан еще пешком под стол ходит. Мне жить и работать надо, а с Косой в Афгане я во как навстречался, — он полоснул ребром ладони себе по горлу. — И не приходи больше, богом тебя прошу. Все, что знал — сказал. Место это черное, злое... Напарник мой «чирьем на чертовой плешине» его называет.

Станислав допил кофе. Доставая деньги, чтобы расплатиться, проговорил четко, давая понять, что этот вопрос — последний.

— У Бугра есть конкуренты или враги?

— Врагов своих — видел, как убирает... А конкуренты сами собой рассасываются. Те, кто поупрямее, то в бане угодят, то тормоза на авто заклинят... Умники в помощники пристраиваются или в прихлебатели — кому на что хитрости и ума хватает. Но уж если нужен кто ему — купит или припугнет, но работать на себя заставит, — Степан посмотрел на Станислава в упор, глаза стали щелочками, лоб пересекли морщины. — Не лезь супротив Бугра, по стенке размажет, и не скумекаешь, что к чему... А мне этого, ей-богу, не хотелось бы.

... Пуделек, заслышав шаги Станислава по ступенькам, высочил из-за угла и помчался напрямик к знакомому дому. Ливень кончился, но небо еще сеяло мелкий, нудный дождь, и порывами дул ветер.

— Иди, гуляй, ведь сыт, — Станислав подставил ногу, пытаясь не пропустить пса в подъезд, но тот проскочил. Торопливо встряхнулся — брызги полетели во все стороны — и помчался вверх по лестнице. Пока Станислав вызывал лифт и поднимался, маленький проныра уже улегся возле его квартиры. Однако, когда Станислав открыл дверь, застыл на пороге, чуть пошевеливая кончиком напрягшегося хвоста. Весь — сплошное ожидание и надежда.

— Ладно уж, грейся, только не думай, что навсегда, — проворчал Станислав и начал снимать ботсы. А пуделек засе-

менил по линолеуму, заглянул в кухню, в ванную и степенно направился в комнату. Шкура медведя ему не понравилась. Он обнюхал ее издали, потом подошел к морде зверя, морща нос и с ворчанием скаля зубы.

— Не мешай старику размышлять, — Станислав повалился на шкуру, лениво вытянулся, но привычного покоя не наступило.

Он вспомнил оба визита майора, что тот спрашивал и говорил. Свои полуответы и молчание, которые так дорого обошлись. Не ему, а потому было мучительно стыдно... Хотя Степан прав: дело «Надежды» — лишь крупинка того, что творится в Приречинске.

Раньше круг его деловых интересов замыкался на фирме, которую можно было смело называть своей. О банкротстве стекольного завода, судьбе кирпичного и панельного он знал. Раньше все виделось иначе, но теперь ясно, кто за этим стоит... Хиреющий гигант — завод «Полимер», где работает чуть не каждый десятый житель города, требует делового хозяина — на это давно намекает местная пресса. Нетрудно догадаться, о ком идет речь, и в чей карман потекут деньги. Но кого это волнует? Каждый смотрит в свой кошелек и, если в нем что-то звенит, рисковать не станет...

А как тихо свернулось городское строительство. Этот дом, наверное, один из последних, куда заселили «трущобников». Теперь Бугор будет обустраивать центр, возводя элитные замки с подземными гаражами. Только кто поселится в них? Для малочисленных толстосумов хватило бы и коттеджей...

Станислав протянул руку и потрепал по загривку прикорнувшего рядом песика. Шерсть его была почти сухой. Горячий язык благодарно лизнул культики, потом нос Станислава. Ласка была неожиданной и приятной, но он открыл глаза и резко сел. Мысль, внезапно мелькнувшая в голове, была потрясающе простой: «Идиот! Как я мог забыть о маминых дискетах? Похоже, меня гранатой еще и по мозгам шибануло...» — он ринулся к шкафу и стал обшаривать карманы куртки, в которой ездил в Москву.

Вот они — три дискеты лежат на ладони. Культики ощущают их хрупкую мощь: информация, сжатая в них, словно испускает требовательный импульс. Ее нужно расшифровать.

В памяти всплывали телефоны знакомых компьютерщиков. Но одни сейчас на даче или на заморских пляжах, другим не хочется показываться на глаза. Кто-то будет стоять за спиной, не спуская глаз с монитора. Есть еще больница, но как объяснить свой визит?..

Мысль о больнице всколыхнула запретные воспоминания о Ней. Но был еще тезка. В ушах прозвучало: «Компик» бы сюда из дома притащить — соскучился».

— Кажется, я обещал Стасу прийти в гости, — Станислав подмигнул пудельку. — И подарок есть. Вот только причесать тебя надо.

— Мама! Он пришел! — Стас завопил так, что пуделек прижал уши и попятился. Но Станислав переступил порог, и песик засеменил за ним. Пред очами хозяйки дома они предстали вместе: причесанный щеткой юный пудель и молодой человек при полном замшевом параде.

— Простите, что так внезапно... — Станислав не поднимал глаз.

Она стояла в дверях кухни. На ней был легкий халатик, стройные ноги, шея и руки оголены, русая коса по-девичьи падает на спину, а через плечо перекинута полотенце. Сообразив, что время для визитов слишком раннее, Станислав смущенно улыбнулся.

— Как раз к завтраку, — ее голос был радушен, но и только...

— Это здорово, что сегодня, а то я все время на аэродроме. А тут — дожди... А это кто с тобой? — тетка наклонился к пуделю.

— Это тебе подарок, — Станислав покосился на Нее, но лицо Любви Ивановны было по-прежнему приветливо. — Вот прибился симпатяга, а куда мне?

Тетка завозился с пуделем, и Станиславу показалось, что он остался с Ней наедине. Прежняя незримая связь вновь соединяла их, и пелена слабости превращала его в мурашками бегущую плоть. Все стало чувственно-ранимым, как будто внезапно оголили кожу.

— Спасибо, — Ее рука перехватила хрустнувший целлофаном букет. — Обожаю герберы, в них столько изящества. И розы мне в больнице передали. Почему вы так внезапно и бесследно исчезли?

Она обращалась на «вы», хотя в больнице была на «ты», как с сыном. И улыбалась смущенно. Но, может, без докторской шапочки Она всегда такая?

Станислав медленно, как во сне, протянул коробку конфет, Она приняла ее так же плавно. Ее плывущий взгляд коснулся его лица и упал на руки, ставшие сразу неподъемно-тяжелыми.

— А как его зовут? — голос тетки вернул в реальный мир.

— Назови, как хочешь, — Станислав зашаркал ногами о половичок.

— Дырку протрете, — облегченно засмеялась Она. Смех был красивый, но не ее. — Проходите, сейчас завтракать будем. А перчатки носите зря — кожа должна дышать. Когда холодно, другое дело.

Кухня была, как во всех «хрущевках», — протяни руку, сидя за столом, и возьмешь с плиты чайник. Но все было так приспособлено для жизни маленькой семьи, что Станислав как сел, так и прирос к табурету, обшитому чем-то мягким в цвет стен и занавесок.

— Ма, что песику дать поесть? — тезка влетел в кухню.

— Мы оба недавно плотно позавтракали, — поспешил заверить Станислав. Но пуделек думал иначе и с удовольствием съел печенье.

— Знаешь, как я его назвал? — Стас был счастлив, пуделек — вдвойне. — Компиком! Он так быстро соображает и на имя реагирует: Компик — сидеть! — тезка приподнял руку, и пуделек уселся.

— Его, видимо, учили выполнять команды, — рассеянно проговорил Станислав, вспоминая, с какой целью явился спозаранок. — У тебя компьютер есть? Мне дискеты просмотреть надо. Я ненадолго...

— Да хоть до вечера! — обрадовался Стас. — Прыжков с неделю не будет: аэродром раскис. Зато в прошлом месяце столько напрыгали! Меня в команду включили, поэтому бесплатно. А для просто желающих — за денежку... Я уже с ручным раскрытием, а к концу лета Глеб затыжные разрешит. Так здорово! — тезка внезапно осекся...

— Все забыто, — усмехнулся Станислав. — У меня другие дела и с других высот прыгать придется, — слова прозвучали чуть театрально, но тезка воспринял их как тактику взрослого человека, имеющего личные тайны. Она же все поняла буквально:

— Напрягаться и тяжести поднимать вам пока нельзя. Тем более откуда-то прыгать, — тон был докторский, и Станиславу ужасно захотелось скинуть куртку и пройти «колесом» по всей квартире.

— Вы очень изменились, — Она скользнула взглядом по его фигуре и начала раскладывать по тарелкам картофельную запеканку с золотистой корочкой. Но он еще чувствовал ее взгляд и свою подобранную, складную фигуру в дорогой «упаковке».

— Да нет, ма, он такой, какой был. Ты же его раньше не знала, — возразил тезка. — Хотя проще стал и, вроде бы, как родной.

Мать улыбнулась сыну, и Станислав почувствовал: сердце кольнула ревность. Он обжегся чаем и сморщился. Она посмотрела на него печально, жалея, и это добавило раздражения.

— Ешьте, мальчики, не спешите. А мне в больницу — опаздываю, — закручивая вокруг головы косу, она ушла в спальню. Вернулась в строгом светлом костюме, дала указания

Стасу насчет обеда, и сказав, что надеется еще застать Станислава, захлопнула дверь.

Пуделек занял место на коврике в прихожей, тетка, вымыв посуду, завалился на диван с томиком фэнтези, и Станислав наконец-то остался наедине с компьютером.

Он понимал, что волнуется, потому что, кроме надежды, связанной с дискетами, испытывал чувство встречи — компьютер был несомненно мамин. Пятнышко на клавиатуре, царапинка на системном блоке и «леопардовый» коврик под «мышкой» — все знакомо. Только заставка — море, пляж и снующие в небе чайки — это уже новое.

Так вот куда спрятала свою электронную записную книжку Надежда! Кроме данных с рабочего компьютера в офисе, она заносила сюда свои мысли и даже не хотела подключаться к Интернету, опасаясь, что кто-нибудь взломает защиту ее секретных файлов. Компьютер стоял дома, в ее кабинете, но Станислав мог пользоваться им. Когда началась заварушка — исчез. Теперь объявился — вычищенный, вылущенный, напичканный чем-то познавательно-игровым.

Станислав вставил дискету, но вместо слов и цифр на мониторе высветилось табло: «Наберите пароль». Это было так похоже на осторожную Надежду, что Станислав улыбнулся и набрал первое, пришедшее в голову: имя отца и год своего рождения. Завеса таинственности сдернулась, экран запестрел текстом. Потекли таблицы, записи — «мышка» пощелкивала, листая страницы.

— Все получается? — из-за плеча высунулась взлохмаченная голова Стаса. Глаза осоловели от чтения, словно накурился травки.

— Порядок, — буркнул Станислав, не отрывая взгляда от экрана.

— «Компик» мне отец принес, так что твой он, по праву...

— Не городи чушь, — рассеянно отмахнулся Станислав. — Он твой, а мне лишь иногда будет нужен.

Неуверенное «спасибо...» прозвучало уже с дивана.

Вторая дискета была тоже под охраной, но пароль был другой, явно не мамин. Фантазировал долго, наконец, пришло в голову ключевое слово. Поиграл с ним, и на сочетании «С надеждой» магические запоры отомкнулись. Пошел архитектурный материал: чертежи, варианты коттеджей и неожиданно — его карта города. Красные клинышки, зеленые пятна, сиреневые кусочки среди серо-коричневых массивов капитальной застройки. Все вымерено, расчерчено, обозначено опытной рукой специалиста.

— Что-нибудь по строительству тебе здесь не попадалось? — меняя дискету, спросил Станислав.

— Всякий мусор, ерунда: то конец чего-то, то начало. Мне пришлось стереть, потому что... — Стас замялся, не зная, как признаться, что с «компиком» едва не пришлось расстаться.

Но тогда надо будет рассказывать о том, чем закончилась позорная история о «подложной» в школе mine, — за спасение человека на пожаре ему простили все, даже благодарность вынесли. Капитан Калинин торжественно вручил грамоту, где черным по белому...

— Мне бы сейчас сюда этот мусор... — пробормотал Станислав, и хотя укора в его голосе не было, Стас заерзал на диване. Хотел заговорить, но тезка уже нырнул в иллюзорный мир и вытаскивать его оттуда, Стас знал по себе, было небезопасно.

На третьей дискете — столбики цифр и лаконичные комментарии. Кто-то со скрупулезной точностью фиксировал приходно-расходные данные, словно слагал стихи, любуясь каждой цифрой рублей и копеек. Дальше шли фамилии заказчиков, поставщиков и непонятно чьи; были еще копии заявок и квитанций. Комментарии и записи, судя по лаконичности их, сделаны самой Надеждой.

«Надо не торопясь и все с самого начала», — обреченно вздохнув, Станислав вставил снова первую дискету и принялся вчитываться в текст. Он чувствовал себя свободно, как дома. Мозг работал в унисон с компьютером, отвергая или откладывая в памяти ту часть, которая казалась важной, а порой несла двоякий смысл, и надо было дотошно во всем разобраться.

Одолевали фантазии и догадки, но он гнал их, понимая: нужны факты, доказательства. Хотя неясно еще — кому доказывать? И что?

— Мы с Компиком сбегает, книжку Нику отнесем. Как думаешь, не удерет он от меня? — пробился сквозь мысли голос Стаса. Станислав не понял, кто от кого должен удрать, но мотнул головой:

— От добра добра не ищут...

— Как вернемся, обедать будем, — уже из прихожей прокричал Стас. Его поддержал веселый лай.

Станислав не слышал, когда тезка вернулся, но что-то шлепнуло по колену, и он оторвал взгляд от монитора. Пуделек стоял на задних лапах, умильно морща нос, словно улыбаясь.

— Идите есть! — крикнул из кухни Стас и, когда Станислав уселся за стол, сообщил: — Мама на сегодня борщ сварила. Но суп грибной вкуснее. За аэродромом, в роще столько подберезовиков! Меня недавно ближе к ельнику отнесло, чуть на вершинку не напоролся. Влетело потом от Глеба, что вовремя купол не развернул. Зато такой боровик прямо под ногами

нашел! Вон на ниточках сушится... Глеб о тебе несколько раз спрашивал, привет передавал. А на летном поле скоро шампиньоны пойдут, да планеристы потопчут. Знаешь, у нас планерное звено залетало и не с лебедки, а буксировкой самолетом. Хочу тоже, да не знаю, как Глебу сказать. Если бы можно было прыгать и летать — никаких проблем...

«Как просто у него все и счастливо, — Станислав почувствовал грусть. — Почему у одних жизнь, пусть не гладкая, но естественная, течет без стремнин и водоворотов. Если и сажает на мель, то очередной прилив сам снимет. А у других все по ухабам, по бездорожью, в грозу. И никак на проезжий тракт не выбраться... Занесло на круговерть невезухи и все — сдавайся или борись с судьбой.

А что такое Судьба? Вереница обстоятельств, на которую человек обречен, возможно, с рождения... Но кто решает: свернуть тебе в сторону, ехать прямо или дать задний ход, а может, и остановиться? Какие там мифические кармы и роковые звезды... Регулировщиком моей судьбы стал Бугор, и для десятков, сотен людей, таких, как бармен и его друг, как майор. Как мама, которая даже домой вернуться не может. Скитается где-то Надежда без надежды...»

— Спасибо, все было вкусно, — отодвигая тарелку, сказал он и встал, не поняв, что ел, но чувствуя в желудке приятную тяжесть.

— А второе?.. Макароны по-флотски! Я сам вчера фарш накрутил, — закричал вдогонку обиженный тезка, но Станислав уже будил темный экран задремавшего компьютера.

И снова с чудовищной быстротой понеслось время. Он помнил об этом каверзном феномене и научился рассчитывать, сколько часов, даже минут потребует намеченный объем работы. Но на этот раз время расслоилось и перестало существовать. Мысли, чувства, эмоции сконцентрировались, раскалывая, буравя, перелопачивая информацию. Мозг пытался понять, сопоставить ее с событиями, происходившими в реальной действительности.

— Дай бумагу, ручку, — сказал Станислав, и все появилось тут же.

Он не слышал, как тезка, потоптавшись рядом, проговорил скучным голосом: «С Компиком схожу погулять...». Не заметил, когда Стас вернулся и долго стоял за спиной, удивляясь, как может скучный бухгалтерский текст увлечь, словно интересная игра. Понятно еще, когда забираешься в Интернет и бродишь по сайтам. А здесь — мертвые данные с каких-то дохлых дискеток.

Солнце, так и не выглянув из-за вороха туч, село, и комната погрузилась в густые сумерки. Лишь два пятна света раз-

бавляли их: мертвенно-белое свечение монитора и пышущий красками пожаров экран телевизора. Стас, приглушив звук, смотрел боевик.

Потом пришла Любовь Ивановна. Станислав не слышал ее разговора с сыном, но когда Она остановилась у него за спиной, ощутил ни с чем не сравнимый запах аптечной ромашки, грудного молока и чего-то только Ее — волнующего и манящего.

— Вам надо поужинать. Такое напряжение вредно для зрения, а ваш организм ослаблен. Есть завтрашний день и еще, сколько нужно, — ее голос вытаскивал из строительных проблем и страстей, в которых Станислав трепыхался и страдал, чувствуя себя обойденным участником свершившихся событий.

Только теперь становилось ясно, что трагедия, разыгравшаяся полгода тому назад, была закономерна: если в экономическом фундаменте «Надежды» были учтены возможные финансовые потрясения нового государства, то в чисто житейском плане фирма оказалась незащищенной. Властной, несокрушимой Надежде Эдуардовне и в голову не могло прийти, что кто-то будет действовать против нее, нацеленно и осторожно. Удивляла лишь, злила необъяснимая волынка с кредитами и ненадежность банков. Потом начались капризы заказчиков. Не добивались до склада стройматериалы, срывались договора. По непонятным причинам увольнялись опытные специалисты, на их места приходили халтурщики, а консультанты давали бесполезные советы. Однако все казалось неизбежными трудностями делового роста, досадным стечением обстоятельств... И слишком поздно Надежда поняла, что за всем этим маячит зловещая тень Бугра.

Впрочем, был момент в начале строительной эпопеи, когда Станислав заподозрил неладное. Сказал матери, но бесстрастные цифры усыпляли бдительность. Лишь в одном месте Надежда нашла «липу». Попыталась выяснить у снабженцев и нарвалась на скандал. После этого случая она ограничила Станислава мелкими поручениями и поиском свободных участков — так появилась карта города.

Вскоре в жизнь матери вошел Константин Витальевич, и деловые беседы с сыном прекратились совсем.

... С трудом возвращаясь к реальности, Станислав покорно выключил компьютер, вымыл руки и сел за стол, делая вид, что слушает разговор матери с сыном. Поддакивал, когда к нему обращались. Но уставший мозг, как разогнавшийся под уклон локомотив, не мог замедлить свой рискованный бег и суммировал все, что знал о Бугре — теперь и раньше, когда понтовый кореш Дядечки ничего, кроме любопытства, у пацана Славки не вызывал.

Ничего нового на ум не приходило. Возникал мучительный вопрос: «Что привело Бугра в провинциальный город?». Боялся сунуться с капиталом, добытым на тропинках «белой смерти», в Москву или Северную столицу, где конкуренты круче и менты пошустрее?

А доверчивый город Приречинск приглянулся. Здесь он создает свою вотчину, засеивая коллективно вспаханное поле нужными ему семенами, ожидая обильный, только ему принадлежащий урожай.

«И не дай бог телку вроде меня забрести ненароком в его владения. Вот если бы жив был Дядечка...» — Станислав нахмурился.

— ... Глеб сказал, что нельзя «компик» к ним ставить, потому что сигнализация только на парашютном хранилище, а в дверях кабинетов замки хилые, — Стас гремел в раковине посудой. — Я так надеялся через них подключиться к Интернету! Бродить по всему миру, все знать. Что может быть интереснее?..

— А парашютные прыжки? — поддела его Любовь Ивановна.

— Прыжки — это святое. И школу можно совместить, если с умом.

— Ты прав: Интернет — это с умом, — пробормотал Станислав. Слова тезки потрясли его своей удивительной простотой, словно открылась дверь, ключ к которой он считал давно потерянным. — Надо завтра же подключиться.

Мать с сыном удивленно переглянулись, но он не заметил этого.

— Ты серьезно? — ошарашенно прошептал Стас.

— Это стоит немалых денег, — осторожно напомнила Любовь Ивановна, и Станислав окончательно очнулся. Сообразил, что лежит у него в тарелке, ощутил зверский аппетит. Лишь покончив с добавкой и выпив крепкого чая, весело посмотрел на притихших хозяев.

— Выгляжу идиотом? Но умнеть лучше поздно, чем... тогда, когда поезд уже ушел. Не пугайтесь, это я так пытаюсь острить — естественная разрядка после умственно-душевного напряжения.

— Тебя чем-нибудь крепким в виртуальном мире не напоили? — облегченно рассмеялся Стас.

— Напоили идеями, накормили догадками, которые требуют документального подтверждения. А для этого мне нужен... многоножек-осминожек Интернет.

— Ты надеешься связаться с мамой? — Любовь Ивановна опустила глаза. Руки ее затеребили край салфетки на хлебнице, и Станислав понял, что у нее тоже нет никаких вестей от мужа.

— Это маловероятно, но попробую. Я не могу всего рассказать: сам еще не все понял, да и... — он хотел сказать: «небезопасно это», но пробормотал: — ... не так уж интересно.

Накормив пуделя, Стас ушел в спальню, сказав, что взял у Ника продолжение фэнтези и должен отдать книгу завтра.

Они остались одни. Любовь Ивановна заговорила о проблемах деторождаемости, но Станиславу казалось, что она волнуется и пытается заполнить пространство между ними.

Она была в том же, что и утром, халатике. Розовые цветочки на ткани молодили, полураспушенная коса падала на плечо, придавая ей вид старшеклассницы. Нежная шея, оголенные до плеч девичьи руки... Он мысленно прижался к ним губами и, не решаясь подняться выше, стал целовать пальцы, каждый в отдельности. Потом, пугаясь себя, перевел взгляд на ее лицо, торопясь хотя бы там найти следы возраста и успокоиться.

Лампочка с матовым абажуром рождала мягкие тени, и кожа на ее щеках казалась шелковистой. В слишком больших для узкого лица глазах — ласковая грусть, не девичья, а понимающая, женская, которая умеет заранее все прощать.

«Я люблю тебя», — он взглядом прижался к ее губам.

«Я поняла это еще там, в больничной палате, когда ты украдкой ласкал мои распущенные волосы».

«Сейчас мы не в палате и совсем одни. Надо отбросить условности, придуманные для того, чтобы делать людей несчастными».

«Мы никогда не будем одни, даже на необитаемом острове. Дело не в условностях. Просто по призванию я — мать. И была женой. Это все мое — то, что есть и будет... На роль любовницы я не гожусь».

«А если снова на роль жены. Моей жены...»

— Ты скучаешь по маме, — она встала, прямая и светлая, как горящая свеча. Под глазами — легкие морщинки, горькие складки у рта, седая прядь едва заметна в пепельных волосах.

Он чуть не сказал вслух: «Я не по маме скучаю. Я скучаю по тебе». Но язык слово распух, и губы склеились. В груди было жарко и холодно одновременно. Липкая дрожь ползла от затылка, стекала по спине к ногам. Он боялся глупо рассмеяться или расплакаться.

— Ты приходи к нам почаще. Сколько хочешь и когда надо, — она включила воду, хотя вся посуда была уже вымыта. — Я много работаю, а у тебя со Стасом есть общие интересы. Ему очень нужен такой... — она споткнулась, подыскивая слово, — взрослый друг, как ты. Даже если никого нет дома... Где-то был третий ключ. — Она поспешила в прихожую, и начала выдвигать ящики стенового шкафа. — Вот он! — ска-

зала так, словно нашла ключ от ларца, где заперто счастье. — Оставляю на тумбочке, обязательно возьми.

«Уже снова на «ты», — хмыкнул Станислав. — Хотя, конечно, если мне уготовано место старшего сына. А я тютявтя, другой бы... Впрочем, надежная хаза про запас не помещает. И на том спасибо».

Войдя в кухню, Она сразу заметила перемену в его лице и настроении, хотя он сидел все так же, подперев рукой голову.

— Марш спать! — Ее голос приобрел твердые нотки. — Глаза красные, слезятся — надо щадить себя... Я постелила тебе на диване. Розовое полотенце в ванной — твое. Колонку будешь зажигать, не открывая газ резко. Спокойной ночи, — Она скользнула рукой по его плечу и пошла в спальню.

... Во сне он увидел Ее. Она падала в пропасть, медленно опрокидываясь на спину. Жалобный, как у чайки, крик застыл в воздухе. По земле еще змеилась ее коса. Он успел схватить за кончик, подполз к самому краю и заглянул в провал. Из мглы, густой, как патока, на него глядели несчастные глаза Надежды. В темных волосах блестели стальные нити. Коса, превратившись в лассо, обвивала ее талию.

«Чего ты ждешь? Тяни!» — глаза матери сверкали гневом и слезами. Он потянул лассо, но что-то держало его мертвой хваткой.

«Спустись сюда и отцепи», — нетерпеливо приказала мать.

Он лег на живот и свесил в пропасть ноги. Десантные бутсы скребли отвесную стену, но ни выступа, ни ямки не находили. А руки слабели. Он вспомнил, что пальцев нет, а кисти-обрубки уже налились кровью. Красная жижа стекала вниз, и мама, пытаясь отстраниться от капель, отворачивала смертельно бледное лицо.

«Сейчас придумаю что-нибудь...» — взгляд его безнадежно шарил по полю, растянувшемуся на уровне глаз. Поле напоминало аэродром, но без самолетов. Где-то в вышине слышался стрекот мотора.

То, что могло летать, было за тучами, из которых опускалась роса, потом полил дождь, становясь водопадом. Вода наполняла пропасть, как кастрюльку, и мама, отбросив лассо, поплыла, задрав голову, чтобы не намочила прическа.

Наконец вода коснулась бутсов, и они потянули вниз. Занемевшие руки ослабли, он отпустил краешек земли и ухнул с головой. Задыхаясь, вынырнул — кругом расстилалось море. Упругие волны блестели, как расплавленный металл. Он попробовал плыть, но беспальные кисти не загребали. Жидкая масса густела, словно отчаянные гребки руками и толчки ногами взбивали ее.

«Как лягушка в сметане... — подумал он. — Но разве затвердеет целое море?» Его тянуло ко дну, культики саднило. А

в небе все кружило Что-то, пробиваясь к нему сквозь редящие облака...

... Проснулся Станислав оттого, что стягивали одеяло.

— Что случилось? — с трудом вырываясь из сна, прохрипел он. Ему ответило жалобное твяканье. Пуделек помчался к двери, давая понять, что ему невтерпеж.

— Будил бы своего хозяина, — проворчал Станислав. Натянув брюки, туфли, он забрал с тумбочки ключ и, как был в майке, вышел на лестничную площадку. Пес мгновенно оказался внизу и залаял, возмущаясь, что входная дверь закрыта. Пришлось спускаться.

Дождя не было, и солнце пробивалось сквозь облака. Большой двор пуст — в воскресный день все разъезжаются по садам и дачам.

«А Ей снова в больницу», — Станислав почувствовал досаду.

Сделав пробежку вокруг дома и убедившись, что от любопытных взглядов из окон дорожку заслоняют кроны лип, а подсохший асфальт достаточно гладкий, он проделал то, что полегче из обязательных упражнений, и окончательно выбрался из дурного сна.

Пуделек радостно крутился под ногами и мешал. Дразня его, Станислав встал на руки и, хотя асфальт был нестерпимо жестким, побежал, вытянувшись стрункой и балансируя сомкнутыми ногами. Пуделек сначала отпрянул от него, потом взвизгнул в восторге и помчался рядом, норовя облизать такое доступное теперь лицо.

— Вот ты где! А я голову себе ломаю, куда исчез? — туфельки на невысоких каблуках, стройные ноги, подол кремовой юбки...

Станислав, сделав «мостик», восстановил вертикальное положение и с улыбкой заглянул в Ее удивленно-испуганные глаза.

— Так вот ты какой!.. — она тоже улыбнулась и тут же нахмурилась. — Покажи-ка руки. Болят? Как ты только равновесие держишь?.. Майку подними, — тон был докторский. Пришлось задирать до подбородка майку и ежиться под взглядом ее придиричьих глаз.

— Зарубцевалось неплохо, а судя по тому, как ты над собой издеваешься, достаточно прочно. Но не очень-то резвись, — Она кивнула, сделала несколько шагов, обернулась. — Вернешься домой — буди моего лентяя. Скажи, что солнце, — сразу вскочит.

Еще раз ее взгляд скользнул по его высокой, гибкой фигуре, и Станислав невольно напряг мышцы, остро ощущая в себе молодую, невостребованную силу... Она махнула рукой и заспешила — легкая, стройная как девушка. «Так, так, так!» — цокали ее каблучки.

Охладившись под душем, Станислав разбудил тезку. Извешение о солнце подействовало мгновенно. Взглянув на мокрые волосы Станислава, он тоже полез под душ. Крикнул из ванной:

— Ты насчет Интернета пошутил?

— С чего ты взял? — Станислав заглянул в сковородку, откуда исходил аромат грибов и жареной картошки. — Вот позавтракаем и отправимся обзаводиться всем, чем надо, — экономя время, он достал тарелки и уселся за стол. На душе было покойно, казалось, здесь его дом и те, кто ему нужен.

— Я только узнаю, когда прыжки, — Стас помчался к телефону. Минуту спустя прокричал: — Тебе Глеб привет передает.

— От меня передай, — напоминание о парашютах не тревожило.

— Глеб приглашает тебя в клуб, — торжественно объявил Стас, возвращаясь на кухню. — Может, с тандемом прыгнуть предложит. Как раз «Кузнечика» недавно опробовали. Завтра — на аэродром. Будем «Антошу» чистить. Заодно шампиньоны пособираем. Поедешь?

— Дел много, — отмахнулся Станислав. — Быть может, потом...

— А снова не исчезнешь?.. — голос тезки был тревожно-просящим, и Станислав почувствовал пугающую размягченность. Сказал сухо:

— Куда же я денусь, если в Интернет забраться хочу. Есть у меня там задачка. И не на один день.

— А знаешь... — Стас запнулся. — Я об этом давно мечтал.

... Подключение к сети Интернет заняло больше времени, чем Станислав предполагал. Лишь к обеду стало возможно ощутить себя клиентом и хозяином информационной системы планеты.

Поглощая глазами выставленное напоказ, он втихаря совал нос в чужие дела, проблемы и секреты. Рядышком прочно поставил себе стул тезка. Он не слезал с него, пока Любовь Ивановна не вернулась с работы.

Она включила свет и без лишних слов завесила экран монитора полотенцем. Потом распахнула дверь в кухню, откуда плыл запах ватрушки. Аппетитно облизываясь, прибежал Компик. Пришлось все выключать, ужинать и ложиться спать: Стасу спозаранок надо было ехать в клуб, Любове Ивановне — в больницу. Предоставленный самому себе и компьютеру, Станислав испытывал азарт охотника перед утренней зорькой на утином болоте.

... Чтобы разогреться, Станислав пошарил по соцстраховским сайтам. Не прошло и получаса, как в списках инвалидов он вычитал против фамилии мужа тети Кати адрес, по которому тот проживал, пока пасынки от него не избавились. Был и номер домашнего телефона, поэтому у Станислава появился

соблазн позвонить поганцам, высказать все, что думает о них, и пригрозить... Но чем? Кто он такой и что может? Нет, дело это не его, а невезучей соседки.

Станислав поспешно отбросил пустые мысли и сосредоточился, как умел делать это на экзаменах, соревнованиях и в ответственные моменты жизни. Глубоко вздохнул и нырнул в информационные глубины: «Иди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что...»

Он трудился до вечера. Тетрадь в клеточку была исписана от корки до корки. Станислав знал теперь о наркоделах столько, что мог бы написать дипломную работу, хотя трудно определить, к какой области знаний ее можно отнести: медицине, экономике или юриспруденции? А в целом — к социальной трагедии целой планеты.

Но то, ради чего был предпринят вояж, осталось так же смутно: даже тень Бугра нигде не маячила. В голове творился хаос. Разобраться в нем можно было, лишь выключив на время компьютер и свои мозги. Поэтому Станислав присоединился к сортировке грибов, которые в несметном количестве привез с аэродрома тезка.

Грибной дух, сам вид темных шапочек напомнил о лесном озере, об отце и медноногих соснах на закате.

«Когда и с кем я был последний раз в лесу? — подумал Станислав. — Кажется, с Братухой, возле дома Дядечки. Дул ветер, шел дождь...»

Бугор заявился тогда неожиданно. Приехавшая с ним братва ввалилась в дом. Бугор и Дядечка засели в машине, однако, ненадолго. Дядечка выскочил, хлопнув дверцей, но до крыльца, где бесился, исходя лаем, Пират, дойти не успел. Бугор догнал, взял под руку. Они начали кружить по поляне за домом, хотя дождь еще моросил.

Чтобы не мозолить глаза, Станислав и Братуха ушли в ельник с густой кроной. Нашли семейство опят и несколько рыжиков. Сквозь частокол стволов были видны две нахохлившиеся фигуры — низкорослый, в потрепанной куртке Дядечка и весь в черной коже Бугор. Они говорили тихо, но явно ссорились. Бугор настаивал, кустистые брови его недобро сходились на переносице. Дядечка отрицательно мотал головой. Наконец он решительно зашагал к дому. Бугор сразу же сел в машину. Дружки заняли свои места, и все укатили.

Когда Станислав и Братуха появились в горнице, Дядечка сметал со стола остатки пиршества в миску Пирата. Всегда голодный Братуха запротестовал, но Дядечка хмуρο кивнул на холодильник:

«Своей жратухой обойдемся. Еще бугровских объедков не шамали!» — блатной жаргон он употреблял лишь в состоянии

наивысшей степени раздражения. А две недели спустя Дядечку убили...

Станислав не замечал, что тетка, вымыв посуду, ждет, когда он допьет остывший чай, а Любовь Ивановна, задумчиво поглядывая на обоих, гладит пуделька, прижавшегося к ее ногам.

Телефонный звонок нарушил идиллию: Стас бросился в прихожую, Любовь Ивановна ушла в спальню, а Компик отправился на свой пост у двери. Минут пять Стас весело болтал с кем-то, вернулся — лицо, как ясный месяц. Сев за стол, подтолкнул Станислава под локоть:

— Лиля приглашает к себе, говорит, что умирает со скуки. Узнала, что ты у нас, и взяла с меня клятву, что придем вместе.

— Зря обещал. Завтра я буду занят — дела.

— Эти дела доведут тебя до лейкоцитоза, — Стас решил воздействовать мамиными методами. — Между прочим, коттедж Евграфовых рядом с водоемом. Берег — сплошь песок. Позагораем, искупаемся.

— Лиля — дочь Графа? — изумился Станислав. В памяти всплыл визит Йосано к владельцу ресторана «Лилия» и разговоры о казино, на которое, как сказал Степан, положил глаз Бугор. Знает ли об этом Матвей Суренович? Может быть, появился тот самый случай, когда тень Бугра материализуется и обретет конкретные формы?

— Значит, едем, — радостно подтвердил Стас, наблюдая за выражением лица тетки. — Если плавки нужны, у меня новые есть, тебе полезут. Лиля к завтраку приглашала, так что встанем пораньше.

— Надо зайти в магазин, не с пустыми же руками являться.

— Больно нужны ей твои конфеты и цветы. У них всего навалом, — Стас снял с окна гирлянду белых грибов. Из двух цветочных горшков вытащил вместе с землей небольшие кустики можжевельника. — Лилина мама считает, что запах можжевельника убивает микробы.

— Умасливаешь будущую тещу, — пошутил Станислав и пожалел: радость тетки увяла. Он бросил на Станислава удивленно-обиженный взгляд и пошел искать полиэтилен, чтобы упаковать подарок.

— Рада вас видеть, — мило улыбнулась Лиля, одной рукой поправляя бретельку воздушного сарафанчика, а другую важно протягивая Станиславу. — В больнице вы были совсем другой и все-таки... — она вздрогнула, когда ее пальцы коснулись его культиков в перчатке. Раскрыла было рот, чтобы выразить свое сочувствие, но в этот момент примчался Компик. Он уже обегал весь сад, начав от самых ворот метить новую территорию. А теперь счел нужным появиться на открытой веранде, где стоял его бог-хозяин.

— Какая прелесть! Я давно мечтала о такой собачке. Стас, миленький, как ты догадался? — в восторге всплеснула руками Лиля.

Стас ошарашенно молчал, жалея о том, что взял с собой Компика.

— Как его зовут? Компик? Очень странно. Лучше Артемоном... Ах, мама, я знаю, что ты будешь возражать. Но мы его вымоем.

Ираида Львовна только что вышла из холла на веранду, чтобы выяснить, по какому поводу шум. Оживившееся при виде молодых людей лицо ее потухло. Она села в бамбуковую качалку, сказала:

— Это не чистокровный пудель. Мне предлагали болонку с родословной, уж лучше ее. А этот — какой-то... невыразительный.

Компик, догадавшись, что говорят о нем, и не обидевшись, неожиданно поднялся на задние лапы и закрутился, демонстрируя свои таланты перед женщинами, чем ни разу не удоставлял мужчин.

— Мама! Он танцует вальс! Я подыграю ему на пианино.

— Только не в дом!.. — всплеснула руками Ираида Львовна. Но Лиля уже мчалась к инструменту, пудель с лаем летел за ней, и, когда резвые пальчики побежали по клавишам, наигрывая вальс Штрауса, Компик завыл, блаженно подняв мордочку и прикрыв глаза.

— Мама, он же поет!.. Мальчики, поаккомпанируйте, а я с Артемоном потанцую, — зная, что Стас играть не умеет, она повернулась к Станиславу, но вспомнила о его пальцах и смутилась.

— Разве что «Собачий вальс», — Станислав сел на крутящийся табурет, обшитый бархатом, и стал отбарабанивать первыми пальцами примитивный мотив. Но культики вздрагивали, тянулись к клавишам. Захотелось пройтись по всей клавиатуре размашистыми аккордами и заполнить холл вальсом Шопена.

«Когда-нибудь попробую», — мысль показалась не просто дерзкой, а нахальной, и Станислав улыбнулся. На душе было легко.

— Завтракать, господа, — Ираида Львовна широко распахнула дверь в кухню-столовую. Пропустив Лилию и Стаса, она придержала Станислава взглядом и тихо спросила: — Вам не покажется бестактным, если я... — замявшись, она посмотрела на его руки, — предложу вам надеть шелковые перчатки. В лайковых жарко, и они запачкались, — лицо ее смущенно пылало, но глаза, такие же незабудковые, как у дочери, смотрели требовательно. Без сомнения в этом доме главнокомандующим была она.

Перчатки плотно обтянули руки и почти не отличались от кожи.

— Прекрасно, — она окинула внимательным взглядом нового Лилиного кавалера и, выходя в кухню-столовую, спросила, как бы продолжая разговор: — вы учитесь?.. ах, в юридическом. Чудесно...

Глаза Стаса округлились, он замер, не донеся ложки с йогуртом до рта. Казалось, ляпнет сейчас: «А как же экономический?», но тезка промолчал.

Станислав умел, когда хотел, быть и приятным собеседником, и галантным кавалером, ухаживая за пожилыми дамами во время маминых деловых приемов. Сейчас хотелось быть сразу всем. Он шутил, рассказывал забавные истории и анекдоты, слегка пьянея от двух пар незабудковых глаз, глядевших на него с восхищением. Его забавлял насупленный вид тетки. Все отдыхало в душе, озоровало. А когда пошли на пляж, начал ходить на руках, крутиться колесом. И чем больше резвился Станислав, тем мрачнее становился Стас.

Лиля, забыв про одноклассника, не отходила от нового гостя. Крутилась рядом, пытаясь подражать, шлепалась и смеялась, закидывая головку в голубой купальной шапочке. И так соблазнительно сверкали ее зубки в обрамлении розовых губ, что трудно было оторвать взгляд.

Артемон с лаем носился между Станиславом и Лилей, временами подбегал к поникшему Стасу, словно пытаясь увлечь его в веселую кутерьму. Но тезка возводил крепость из песка и сердился на пуделя, опасаясь, что тот развалит строение.

Кончилось все тем, что Станислав ударился головой об единственный на всем пляже камень, а Лиля, пятась назад, шлепнулась на песчаный вал, который Стас смачивал водой для прочности.

Сидя на корточках, Стас потерял равновесие и упал на стену, а пудель в восторге врезался между ними, круша сторожевые башни.

— Вы занимайтесь восстановительными работами, а я сплаваю на тот берег заводи, — не дожидаясь ответа, Станислав бросился в воду, торопясь остудить гудящий затылок. Он ругал себя за ребячество и не знал, как загладить свою вину перед не на шутку разобиженным тезкой. Пуделек кинулся за ним, но вода была холодной, и пес, немного проплыв, жалобно заскулил. Лиля решила, что Артемон тонет, испуганно закричала и побежала к нему. Но, так как плавать она почти не умела, спасти обоих пришлось Стасу.

Лежа на спине, Станислав видел, как все трое сначала шумно спорили, пуделек — азартнее всех. Потом Лиля и Стас начали возводить, скорее всего, замок: Лиля вряд ли согласится поселиться в крепости. Теперь они дуются на него оба, а это сближает.

Станислав перестал наблюдать за берегом и попробовал приспособить руки, но гребки получались дряблыми. Вспомнился сон, как плыл по металлическому морю, и нехорошее предчувствие едва не испортило ему настроение. Он отогнал его, сосредоточив внимание на притопленных кустах тальника. Осклизлые ветви и корни резали ноги, острый сучок едва не пропорол пятку. Наконец удалось выбраться на берег, заросший осокой и плакучими ивами.

Стащив прилипшие к телу майку и перчатки, Станислав растянулся на пригорке за кустами, отогреваясь под лучами щедрого светила.

«Может, бросить к черту эту детективную бодягу и начать нормальную жизнь? Машины деньги кончаются, значит, надо подсуетиться. Может, в турбюро гиды нужны? Поездки по городу и области — литературу подобрать недолго. «Господа, посмотрите налево, направо. Ах, мы уже проехали! Тогда — обернитесь назад...» Или стать репетитором отпрысков новой знати. В классе у Стаса наверняка оболтусы есть... Некрасиво я с ним поступил. И ведь не перед этой малышкой распетушился, а просто так... Еще влюбится, чего доброго, а у тезки это серьезно».

О Бугре Станислав старался не думать: не хотелось тратить минуты тихой, обыкновенной жизни, какой, возможно, уже не будет.

С другого берега звали в три голоса, но откликаться не хотелось. Потом стали слышны ритмичные всплески — Стас плыл неустойчивым кролем. Загорелые руки его постепенно замедляли взмахи и, выбравшись на берег, он свалился на траву, тяжело дыша.

— Ты слишком частишь, загибаешь неполно... И дыхание надо — на четвертом взмахе под левую руку, — не поднимая головы, сказал Станислав. Тезка не ответил, перевернулся на спину и стал смотреть на облако в синеве.

— Извини меня... — Станислав почувствовал, как их взгляды соединились на облаке. Эта облачная связь позволяла ощущать друг друга. — Хворый конь слишком долго простоял в конюшне, а, вырвавшись на свободу, заржал жеребенком.

— Я понимаю. Но Лиля... она волнуется.

«Хороший ты парень. Только достойна ли тебя эта «графиня»?» — с легкой печалью подумал Станислав, но промолчал.

— Ты научишь меня своим сальто-мортальным трюкам? Глеб обещал на воздушную акробатику нацелить, а там гибкость нужна. Он говорит, что у тебя бы здорово получилось, — Стас искоса посмотрел на тезку и, убедившись, что тот слушает без волнения, продолжал: — И еще... Глеб объяснил, что это такая болезнь — страх перед высотой, и ты не виноват, что с собой не справился.

— Виноват не виноват, какая теперь разница? — Станис-

лав сел и сверху, в упор посмотрел в лицо тезке. — Ты меня в свое Небо не тягай. Мне на земле пируэты выделять предстоит и все без парашюта... — увидел испуг в дымчато-серых глазах. — Это я так образно выразился.

— Ты почему в юридический перешел? — теперь Стас изучал холодные глаза тезки. — Хочешь найти виновных и вернуть фирму?

«А птенец клекочет орлом!» — подумал Станислав. Вслух сказал:

— Хочу вернуть Надежду, — заметив недоумение тезки, уточнил: — О матери я говорю, хотя и о фирме. И о надежде вообще...

— Если будет нужно, я всегда... Может, пригожусь.

— Уже пригодился. И мама... твоя, — внезапной спазмой перехватило горло. И, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения слабости, Станислав зевнул. — И Компик помог, и даже твоя златокудрая нимфа. И вот еще... Ты мои дискеты, чтобы со своими не спутать, отложи подальше. На случай, если я отлучусь по делам.

— Заметано, — кивнул Стас и, услышав тоненький голосок с другого берега, вскочил, замахал рукой. — О-го-го! Плы-вем!

— Чтобы загладить вину, наберем цветов, — предложил Станислав.

— А поплывем как? — Стас уже лез в голубые заросли незабудок.

— Сухих веток наломаем, осокой свяжем — и плот готов.

Копна незабудок, плывущая в сопровождении эскорта — черной и белобрысой голов, способна смягчить сердце самой рассерженной красавицы и разобиженного пса. А потому, вбежав в воду, Лиля схватила цветы, сколько уместилось в охапку, прижала к груди. Пуделек принялся вылавливать те, что упали. Мужчины, отжав в кустах плавки и одевшись, хотели сложить букет, но на тропинке, ведущей к коттеджам, появилась и махнула рукой Ираида Львовна.

— Папа приехал. Пора обедать, — Лиля кинула огорченный взгляд на цветущий плотик. — А с ним что делать?

— Мы его отпустим. Течение подхватит и вынесет на большую воду — на радость и удивление всем, — Стас оттолкнул плотик от берега. Голубая клумба поплыла, и Артемон с лаем помчался по пляжу.

— Кому-нибудь на счастье, — задумчиво сказала Лиля и, взглянув на Станислава, смутилась.

... После обеда — вкусного, но без излишеств, с точно отмеренным количеством калорий и витаминов, Лиля и Стас побежали кормить разобиженного Артемона — его категорически не пустили на кухню.

Станислав задержался. Заметив это, Матвей Суренович похозяйски доброжелательно положил руку ему на плечо:

— Лилечка познакомила нас второпях, но я узнал вас. Вы были переводчиком у этого японца...

— Йосано Акико, — подсказал Станислав. — Но я бы хотел поговорить с вами не о его делах. О своих. Вы, конечно, в курсе того, что случилось со строительной фирмой «Надежда»?

— Несгибаемая Надежда... — печально произнес Граф. — Так в деловых кругах, за глаза, называем мы эту незаурядную женщину... Поднимемся в мой кабинет, там будет спокойнее.

Станислав не сразу понял, почему комната выглядела пустой. Здесь совсем не было книг, зато на великолепном офисном столе красовалось все, что необходимо и желательно современному деловому человеку. Удобный диван, пара кресел, низкий столик — обычный кабинетный набор. Пустоту пространства скрадывали абстрактные обои шоколадно-кремовых тонов с золотом. Резким пятном на них выделялась картина в тонкой багетовой рамке.

Станислав перевел на картину взгляд, уже зная, что увидит: медный блеск сосновой коры на закате, блики на темной воде... Волны тепла и прохлады, ударившие с полотна, были настолько пронзительны, что Станислав покачнулся и прислонился к стене.

— Вы — сын Надежды Эдуардовны, — медленно произнес Граф. — Да, это ваша картина. Можете забрать ее в любое время. Я купил... было что-то вроде аукциона, — смущенный тон сочетался с подчеркнуто-барским видом, и Станислав спросил почти без надежды:

— Портрет отца... Он был там?

Матвей Суренович оживился, суетливо поискал что-то на своем столе, словно надеялся найти среди бумаг затерявшийся портрет.

— Помню, была большая фотография мужчины в светлой рамке, но ее не выставляли, — Граф задумался, вспоминая. — Возможно, портрет остался на складе. Я постараюсь узнать. Если есть — заберу.

— Буду очень признателен, — Станислав перевел дыхание. Он чувствовал себя разбитым и совершенно не готовым к разговору, который был так необходим. Граф невольно пришел на помощь.

— Мне казалось, вы уехали все вместе. Хотя да, вы же лежали в больнице... Но Надежда Эдуардовна поступила правильно: здесь ей все равно не дали бы встать на ноги.

— Кто не дал? Почему? Как вы понимаете то, что случилось?..

— Это долгий разговор, — Граф перехватил моляще-требо-

вательный взгляд Станислава. — Впрочем, у нас есть время. — Он сел в кресло. Станислав опустил в соседнее.

— Придется начать издалека, — у Графа был мягкий, вкрадчивый голос. — Если рассуждать в целом — государство было слишком долго зажато рамками жестких законов. Вся экономика, политика, даже культура — как на пружинах. Но сняли «защелку», пружины ослабли, и весь механизм хозяйствования разнесло вдребезги... Создавать новое всегда сложнее. Особенно если главные критерии не определены, вседозволенность развязала руки, и государство не может...

«При чем здесь государство?» — Станислав ощущал спиной картину. Ее обаяние и радость обретения, надежда вернуть портрет и поздороваться с отцом, как делал это раньше каждое утро, мешали подключить мысли к рассуждениям собеседника.

— ... Вначале мне казалось, что предпринимательство — это что-то вроде фундаментальной лестницы, по которой надо трудолюбиво и вдумчиво подниматься вверх, становясь не просто богаче, а главнее — устойчивее. — Граф встал и начал неторопливо ходить от окна к столу, неслышно ступая по ковру с неярко рисунком. — Но стоило мне шагнуть на первую же ступеньку, и лестница оказалась подвижной. Сначала она ползла вверх как эскалатор, но непредсказуемо меняя направление. Сориентироваться безумно трудно, тем более, когда она еще и кренится, и выкидывает такие фортели с людьми... Особенно с теми, кто законопослушен, порядочен и не хочет подниматься по головам других.

Заработал факс. Матвей Суренович прочитал сообщение, озадачившее его, и куда-то позвонил по сотовому телефону. Задал лаконичный вопрос, получил пространственный ответ и снова заходил по комнате.

— Вот и приходится прыгать, приспосабливаться, любыми средствами преодолевая марш за маршем, не останавливаясь — иначе тут же спихнут под гусеницы этой капиталистической машины.

— Так кто же спихнул маму? — медленно проговорил Станислав.

Граф остановился перед ним, нависая всей своей аристократически благоухающей фигурой.

— Судя по всему — подставили. Она взяла кредиты не в том банке, заключила договора не с теми поставщиками, ей подсунули не тех подрядчиков, хотя в знании людей и твердости характера... — Граф опустил в кресло, вытянул ноги. — Еще важен элемент удачи. У человека, шагнувшего в бизнес, должно быть собачье чутье, чувство равновесия, как у эквилибриста, да интуиция цыганки-предсказательницы. Сколько нам дано чувств — пять? Так вот, надо иметь еще столько же,

чтобы достичь той вершины, где уже никакие социально-экономические катаклизмы не страшны. — Граф улыбнулся. У него было лицо человека, стоящего на этой вершине.

— Вы в курсе, что господин Бугров нацелился приобрести ваше казино? — без интонаций спросил Станислав, и по тому, как резко повернулся в его сторону Граф, понял — не в курсе.

— Откуда у вас такие сведения? — голос был уже не покровительственно-благодарный, а упругий, как теннисный мячик.

— Случайно получил, но источник надежный, — Станислав решил перейти в атаку. — Бугров и к банкротству «Надежды» руку приложил, вы это знаете. Кому перешли заказы на коттеджи? Кто строит многоквартирные дома с подземными гаражами, под чьим приглядом железнодорожная станция и грузовой причал в порту? — Станислав говорил, полагаясь на ту самую интуицию, о которой упоминал Граф.

Матвей Суменович опал щеками, и отвел в сторону глаза.

— Но это все — в пределах закона. Без мелких нарушений, естественно, не обошлось, а при наличии такого капитала, как у господина Бугрова... — Граф явно уходил от темы, пугающей его.

— Откуда у него капитал, вы знаете? — Станиславу стало горько и смешно: шел за информацией, а выкладывается сам.

Граф сделал нетерпеливое движение, давая понять, что на эту тему говорить не собирается, но Станислав удержал его взглядом:

— Господин Бугров начинал с наркобизнеса. Странно, но никто не заинтересовался... — он не успел закончить фразу. Реакция Матвея Суменова была мгновенной. Он словно ждал такого поворота:

— У вас есть доказательства, молодой человек? Не догадки и подозрения, а документы и свидетели, — в язвительном тоне Графа проскользнула горечь. Выразительные глаза полыхнули гневом, и Станислав понял, что наступил на большую мозоль. Оставалось только ждать — выпроводит его Граф под каким-нибудь предлогом, или разговор продолжится. Но Матвей Суменович тоже выжидал, искоса поглядывая на собеседника и потирая рукой подбородок.

— А если... — сердце заныло. Холодные щупальца предостерегающе коснулись горла, — если я найду доказательства?

Граф не удивился. Близко придвинув свое крупное, тщательно выбритое лицо, он сказал почти по складам и совсем тихо:

— Ну, и что вы, наивный молодой человек, будете с этими доказательствами делать? В милицию понесете... А есть уверенность, что благополучно дойдете? Что ваши бумажки или

свидетели не исчезнут раньше, чем вернетесь домой? Что доживете до утра? — он говорил так, словно их разговор кто-то мог подслушать. Взгляд тянулся к окну, забранному изящной решеткой.

Ощувив слабость в ногах, Станислав невольно оглянулся.

— Если вы так хорошо осведомлены, то должны бы знать... — Граф был уже спокоен. Неторопливо поднявшись, он лаконично сообщил, что всеми уважаемый предприниматель, генеральный директор ведущей строительной фирмы города намерен баллотироваться на ближайших выборах на пост мэра Приречинска.

Станислав потрясенно молчал.

Матвей Суменович открыл стенной шкаф, достал элегантный пиджак и стал подбирать к нему галстук, давая возможность гостю прийти в себя. Потом заговорил, тщательно подыскивая слова:

— Разумеется, я голосовать за него не буду. Но Виктор Борисович на свой пост мэра вновь не претендует. Предлагали мне — я, конечно, отказался. В списках еще две очень слабые кандидатуры, так что итог выборов заранее предreshен.

— Потом он захочет стать губернатором... — выдохнул Станислав.

— Вполне вероятно. Он — человек предприимчивый, хваткий. Уже сделал кое-что для благоустройства города. Обещает избирателям построить на свои средства церковь. Отремонтировал несколько школ, — Граф взглянул на ошестинившегося Станислава и закончил со вздохом: — Поймите, я не труслив, но под гусеницы танка, а ваш Бугров — это непробиваемый, вездеходный танк, не лягу.

«Бугор не мой. Он — ваш! Это вы все его раскормили, давая возможность поодиночке вас пожирать», — Станислав кусал губы.

Бросив черный галстук на пиджак, Матвей Суменович печально посмотрел на Станислава и сказал ласково-настойчивым голосом:

— Вы мне, поверьте, симпатичны. А потому мой вам искренний совет: поезжайте к Надежде Эдуардовне. Она встанет там на ноги. И Константин Витальевич — прекрасный специалист. Если бы у меня была возможность поселиться в Лондоне или в Париже...

Станислав понимал: надо встать и откланяться. Но тело было изломано, словно по нему на малой скорости проехали гусеницы.

Уже выходя из двери кабинета, он окинул картину долгим взглядом, стараясь запечатлеть все, что знал до черточки, до блика, но каждый раз будто открывал заново.

— Картину сейчас возьмете? — Граф перехватил взгляд Станислава.

— Пусть пока висит. У вас ей будет надежнее.

— Я завтра же узнаю о фотографии, — заверил Матвей Суменович.

Они спустились в холл. Ираида Львовна поднялась с тахты им навстречу. Все вместе вышли в сад, где Стас качал Лилю на новых, похожих на ладью, качелях и рассказывал, как здорово крутиться на лопинге. Артемон лежал на клумбе из маргариток и поворачивал голову в такт движениям ладьи.

Лиля настояла, чтобы молодые люди остались до вечера. Не зная, чем заняться, она предложила играть в «вопросы и ответы». Станислав, решив разнообразить, перешел на английский, строя самые примитивные фразы. Лиле и Стасу это понравилось, но еще больше Ираиде Львовне. Не выдержав одиночества на террасе, она присела на шезлонге рядом с качелями. Неожиданно сказала:

— Как я понимаю, вы в совершенстве владеете языком. У Лилечки хорошее произношение, но беда с грамматикой. Вы не могли бы позаниматься с ней? Родители подружек тоже искали репетитора.

Это была удача, однако Станислав радость постарался скрыть.

После ужина Лиля позвонила отцу и попросила прислать машину, чтобы отвезти гостей домой. Пуделек ринулся было следом, и Стас готов был подхватить его на руки. Но Лиля захлопнула калитку, и Компик-Артемон с возмущенным лаем начал носиться вдоль ограды.

Всю дорогу до дома тетки молчали. В душе Стаса боролись противоречивые чувства. Станислав обдумывал услышанное: «Так, значит, Бугор станет мэром. Это равносильно тому, что кот станет королем мышиноного царства... Как поступит Граф, если будущий мэр наложит лапу на казино? Уже предпринимает оборонительные меры? Но есть ли в городе сила, способная противостоять?»

— Приехали, — сказал Стас, открывая дверцу машины. — Вылезаем.

— Мне надо домой заглянуть, — сообщил Станислав.

Окончательно расстроенный тетка начал говорить о маме, которая ждет их обоих, о навсегда потерянном Компике...

— Дня через два приеду. Ведь меня ждет еще и Интернет... — шутка удалась. Стас заулыбался и помахал вслед уезжающей машине.

«Кроме вас, меня ждет еще Бугор. Встреча неизбежна. Только дал бы мне с недельку на разминку», — подумал Станислав.

Но ни дня, ни даже часа отпущено ему не было.

ГЛАВА 8

Гости поневоле

Не доезжая квартала до своего дома, Станислав попросил остановить машину и, поблагодарив молчаливого шофера, пошел пешком: служебная «Нексия» Графа была слишком приметна.

Завернув за угол, он окинул взглядом двор, но подойти к подъезду не успел: рядом возник сумрачный «Джип» с густо тонированными стеклами и остановился между Станиславом и входной дверью.

Дверцы машины распахнулись разом. Невысокий кряжистый парень загородил путь к отступлению. Кривоносый и Хряк плотно прилипли возле плеч. Обоих Станислав узнал сразу.

«И в самом деле, не мешает выяснить, что нужно от меня Бугру?» — промелькнула мысль, и он, усмехнувшись, проговорил холодно:

— Какая трогательная встреча... Чем обязан?

— Сам сядешь или помочь? — довольно осклабился Кривоносый. Хряк хотел цапнуть за плечо, но Станислав резко отстранился.

— Без рук! — он подбавил в голос металла и невозмутимо сел на место рядом с водителем. — Привык здесь, если не за рулем. Терпеть не могу, когда перед глазами маячат...

С удовлетворением прислушался, как витиевато ругаются парни, устраваясь на заднем сиденье. Не дожидаясь, когда захлопнется дверца, scomандовал симпатичному пареньку-шоферу:

— Трогай!

Тот торопливо выжал сцепление. Машина дернулась, сзади послышался смачный стук и мат — кто-то ударился головой о стенку.

«Напрасно я их злю, — подумал Станислав. — Если что выйдет, крепче лупцевать будут. А может, обойдется?.. Ведь зачем-то я Бугру позарез нужен, если с больницы пасет. Или в заложники взять надумал, чтобы маму выманить?»

Машина ехала не в сторону дамбы, а по загородному шоссе.

«Значит, на дачу везут, куда не получилось затащить Йосано. А что мне достанется? Сауна с девочками или банька по-черному, с лозой?» — Станислав поерзал и стал наблюдать за дорогой. «Джип» шел красиво, без нарушений, плавно обходя другие машины.

— А ты классно водишь. Не хотел бы от тебя удирать, — улыбнулся Станислав шоферу. Тот шутку оценил, подмигнул — не дрейфь, мол.

Они мчались по той самой дороге, по которой не так давно Станислав увозил Йосано в Москву. Но тогда сияло солнце, он сам был за рулем и принадлежал себе. Сейчас его везли, как ягненка на заклание, и вечернее небо хмурилось, деревья кутались в тени.

Резко затормозив, машина свернула на узкую дорогу. Вдалеке замаячило огнями село. По обе стороны невысокой дамбы обозначилась цепочка прудов. Дорога разветвлялась, как рога лося: та часть, что подлиннее, вела в деревню, короткая заканчивалась высоким каменным забором. Стальные створки ворот предупредительно распахнулись, и стало видно солидное строение с колоннами при входе, башенками, балкончиками и островерхой крышей. Виллу окружали пихты и яблони. Пахло сиренью, укропом и слегка бензином.

Кривоносый и Хряк вылезли из машины и куда-то исчезли. Кряжистый парень повел Станислава в дом. Они прошли через полутемный холл. Потом распахнулась дверь, яркий сноп света заставил зажмуриться, но стол с яствами Станислав заметить успел. Подумал:

«Опять, как у Паниных, на гостей нарвался...»

— Наконец-то! Милости прошу к нашему шалашу, — Бугор встретил так, словно это приехал запоздавший долгожданный гость. Тон его был сдобный, лицо освещала сладкая улыбка, но маленькие острые глазки внимательно изучали Станислава. На хозяине было надето черное кимоно с вышитыми золотыми птичками. В кимоно, но бледных расцветок и победнее рисунком, были одеты и гости.

Молча кивнув, Станислав сел на пододвинутый ему стул и обежал присутствующих взглядом. Он сразу приметил Смирнова, занявшего офис «Надежды». Рядом сидели доцент-экономист и уса́тый прораб. Были еще двое, запомнившиеся во время визита с Йосано, и несколько незнакомых мужчин, крепко подвыпивших.

Прекратив разговоры, все разглядывали его. В комнате стояла неопределенная тишина, и Станиславу припомнились кадры из знаменитого кинофильма, где Володя Шарапов вот так же был доставлен и усажен за стол, где уже пили, ели, и все были свои. Но за спиной Шарапова были Жеглов и аппарат МУРа. Были известны место и время встречи... За спиной Станислава съежилась пустота, а время могло тянуться бесконечно. И хотя после банных трудов за столом отдыхали не урки, а почтенные жители города, и хозяином был не вор «в законе», а будущий мэр, но по сути все осталось тем же. За полсотни лет поменялся лишь облик, методы и масштабы.

— Прошу любить, жаловать... и не обижать — это лишь мое эксклюзивное право, — хохотнул Бугор. Руки его легли на

плечи Станислава. — Сын всеми уважаемой Надежды Эдуардовны. На английском, как на родном, шпарит. Студент-отличник, будущий юрист...

«Неплохо твои шустрики работают: все разведали. Неужели и про тезку пронюхали?» — шевельнулась и уже не отпустила тревога.

— Рады принять в наши ряды талантливых и деловитых, — расцвел улыбкой один из гостей — сухонький, с острым личиком под копной седых волос. — А то такая бесцветная молодежь пошла, что...

— Катерина! — зычно крикнул Бугор. — Почему именной кит не лежит на тарелке гостя? И рюмка пуста, а ему положена штрафная.

Станислав перевел взгляд на стол. Среди изобилия рыбных копчено-соленостей, прямо на него, сомкнув нешуточных размеров челюсти, глазел целиком запеченный осетр. Серебряное блюдо под ним напоминало озеро. Венок из помидоров и малосольных огурчиков сильно поредел, и больше половины рыбы уже переваривалось в желудках гостей, но оставшиеся куски были так нежны, сочны, и такой божественный аромат они источали, что невольно набежала слюна.

«Не пей, не ешь в доме врага», — древняя мудрость всегда казалась архаизмом для нашего беспринципного времени, но когда перед Станиславом появилась тарелка с солидным куском, лицо его исказила гримаса отвращения.

— Что еще?.. — нахмурился Бугор.

— Прошу прощения, но я не ем рыбу с тех пор, как... увидел в потрохах леща живого солитера, — Станислав с удовольствием заметил, как лица гостей брезгливо сморщились, однако челюсти продолжали жевать.

— А у нас рыбный стол... Ведь сегодня день постный, — прошелестело у Станислава за спиной. Женская рука поспешно убрала тарелку-искусительницу.

— Неси мясное! — рыкнул Бугор на девицу в топике, едва прикрывающем пышную грудь, и шортах, обнажающих длинные босые ноги.

— Сейчас приготовлю, — девица исчезла. Бугор проводил ее недобрый взглядом и повернулся к Станиславу:

— Пока для тебя лично режут, свежуют и запекают на костре еще не пойманного кабана... — Бугор подождал, когда гости отсмеются, по достоинству оценив его шутку, — наведайся-ка, дружище, в баньку. Мы уже там души и тела очистили, пивком причастились и с нашими хохотушками развлеклись...

Веселый шумок за столом был лучшим подтверждением того, что развлеклись гости неплохо.

В отношении баньки дедовская мораль не предостерегала: отравить не отравят, разве что кипятком ошпарят или живьем испекут. Зато появилась возможность избавиться от липнувших взглядов, поэтому Станислав лишь пожал плечами.

Бугор щелкнул пальцами, как делали в былые времена купцы, подзывая трактирного мальчишку. Тотчас появилась черноволосая девица. Она повела гостя по коридору, мимо притворенных дверей.

«Надо же, какой терпеливый да обходительный, прямо отец родной для всех... — с досадой думал о Бугре Станислав. — Роль мэра репетирует. А засядет в верхах и снова из трудяги-трактора в танк превратится. С задраенным люком, полным боекомплектом и обзором шириной в смотровую щель».

Зимний сад с бассейном вывел из задумчивости. Помещение было высотой в два этажа и заканчивалось вверху многогранным куполом. Часть стеклянных створок была открыта, небо мерцало в проемах звездами, обещая свободу. Но до нее слишком высоко...

Дно мраморного бассейна было подсвечено голубым, вода манила прохладой. Где-то негромко журчал водопад, пахло цветочным освежителем воздуха. Прямо из узорчатых плит росли пальмы, кусты с глянцевыми листьями. Возможно, под полом есть подвал. Большой, во весь дом, как делали в богатых усадьбах. С бочками вина, хранилищами и кладовушками, в которых легко запереть человека...

Ощущение пустоты под ногами было так сильно, что Станислав невольно поежился. Девушка замедлила шаги, но, убедившись, что спутник не изъявляет желания присесть на прикрытую ковром скамейку, пошла дальше, соблазнительно покачивая бедрами и откидывая назад голову. Мелкие черные кудряшки делали ее похожей на пуделька, который бежит, вихляя попкой и поминутно оглядываясь.

— Раздевайтесь, расслабляйтесь, — нараспев сказала девушка, распахивая дверь в предбанник. — Здесь вас обслуживают другие девочки, но, если хотите, я могу остаться, — большие глаза ее выражали смущение и готовность.

— Спасибо, не стоит... — Станислав дождался, когда девушка уйдет, и начал раздеваться. Рубашка липла к вспотевшей коже, хотелось поскорее ее скинуть, но он, не торопясь, стягивал перчатки, припоминая, что лежит в карманах: гребенка, носовой платок, паспорт и связка ключей. Давно хотел снять те, что от коттеджа, гаража и машины, но не мог решиться, словно, выбросив окончательно, лишился каких-то прав. Теперь настало их время...

Станислав отцепил ключ от квартиры тетки и свой, добавил ключ от «Вишенки» и, завернув в носок, засунул поглубже

в туфлю. Полегчавшая связка с брелком-леопардом осталась в кармане: пусть снимают отпечатки, а потом ищут, где и что можно ими открыть.

Сложив куртку и джинсы на лавку, он не спеша снял рубашку, чувствуя, что за ним наблюдают. Это обостренное восприятие чужого взгляда он открыл в себе, еще будучи в больнице, не раз замечал потом, но только сейчас осознал преимущество нового дара.

Лишь убрав под лавку туфли, он обернулся. За ним действительно наблюдали, стоя в дверях, две девушки. Тонкие полоски блестящей ткани можно было лишь условно назвать лифчиком и трусиками.

Девушка постарше была пышнотелая, как сдобная булочка, с глазами-изюминками. Ее подружку можно было бы сравнить с молочным сухариком. Светлые волосы до плеч и круглые глаза на бледном личике умиляли своей кажущейся невинностью.

— Мы вам пивка принесли, — Булочка держала в руках поднос с запотевшими бутылками. Выразительно колыхнув телесами, она подошла к столу. Сухарик шагнула к Станиславу, спросила застенчиво:

— Помочь раздеться? А то у вас... что-то с руками.

— Все в порядке. Пиво оставьте на столе, а сами — марш отсюда, — стараясь подавить раздражение и превратить все в шутку, scomандовал Станислав, понимая, что грех обижать подневольных.

Ему не раз приходилось бывать, и поначалу даже нравилось, в шепутных компаниях парней и девчат из вполне приличных семей. В комплект увеселительных мероприятий на чьей-нибудь даче входила и русская парилка. Парни таскали воду, топили баню, девчата загодя накрывали стол в доме, а потом все вместе мылись, не снимая пляжных нарядов. С наслаждением обхаживали друг друга вениками, обливали исподтишка ледяной водой. Целовались украдкой, не решаясь при всех переступить ту черту, за которой уже начинается нечто, именуемое в обиходе сексом.

Уже в доме, во время застолья, кто-то смывался на чердак или на веранду. Это вносило элемент таинственности, возбуждающего запрета, создавая романтический ореол. Остальные смотрели на смелые парочки снисходительно. Парни втихаря завидовали, сожалея, что любимой девушки еще нет, а те, что сидят рядом, — зануды или недоростки, и трогать их — дело опасное. Но именно те остатки целомудрия, что удерживали на грани, приводили потом к настоящей любви, а иногда и к свадьбам — подвенечным платьям, кольцам и клятвам верности на «макси» или «мини», но — совместную жизнь.

Однако в этом шикарном предбаннике с великолепной резьбой и чеканкой на фривольные темы, с ковролином сливочных тонов и тяжелым запахом медовой бражки, что-то грязное липло к телу, просачивалось сквозь майку и плавки. Сам воздух, казалось, был насыщен пошлостью и распутством. Это не возбуждало, не рождало сладко-греховных фантазий, а заставляло чувствовать себя обычным похотливым самцом.

Девушки продолжали стоять, не торопясь выполнять приказ-просьбу. Булочка шурила глаза-изюминки, на лице Сухарика теплилось сострадание. Она смотрела на культики Станислава и шрамы до локтей, видимо, этим объясняя его странности. Боясь сорваться, Станислав ухмыльнулся:

— Милые девочки, подумайте-ка лучше о столе. Я голоден, и только это меня заботит, — он поспешно распахнул дверь в баню.

— А кто же спинку потрет? — пискнула вдогонку Сухарик, но Станислав был уже в царстве деревянных лоханей, с замоченными в них вениками, и пластмассовых тазиков с пахучими настоями.

На широких лавках у двери были расстелены простыни, на полочках красовались бутылочки с гелями и шампунями. Вмурованный в пол большой круглый чан дышал холодом, словно в нем топились лед. А с потолка за вошедшим наблюдали чашечки душа, поджидая, когда очередная жертва встанет под перекрестный огонь мощных струй. Красные и синие коврики, стоило на них наступить, давали команду к атаке. На полке лежали белые войлочные рукавицы и шапочки.

Станислав потянул дверь в сауну, и полыхнула волна такого резкого жара, что он задохнулся, неосторожно хватив ртом воздух. Показалось, что обжег легкие, и огонь проник в желудок, покатился лавой по кишкам, опалил ноги и через ступни стек в раскаленные доски пола... Но прошла минута, вторая, а он все еще был жив.

Ставив с себя майку, Станислав обмотал ею голову и растянулся на горячих досках, испытывая странное чувство. «Как уснувший карась на сковороде, — подумалось вяло. — Чуток дожарить и — еще одно блюдо к бугровскому постному столу».

От запаха липы и чего-то незнакомо-приторного начала кружиться голова, и тело поплыло, описывая широкую, нисходящую дугу. Ощущение сливалось с внутренним шатким состоянием, которое он испытывал каждый раз, когда начинал размышлять о Бугре, о том, что возникает вокруг него самого, отражая, как в капле, состав и свойства бурлящего вокруг океана нынешней жизни.

Он чувствовал, что ходит пока лишь по краю искривленно-

замкнутого пространства. Плавно сужаясь, оно закручивает его в гибельную воронку, в спираль, стержнем которой стал Бугор, выросший на мафиозной почве ядовитым деревом. Отравленные плоды его сеют семена жестокости, алчности, разврата. Уничтожая все живое, они создают бугровское царство — пустыню и мертвый лес...

«Где я сейчас — в бескрайней пустыне или в непроходимом лесу?» — не засыпая, а как тогда, после взрыва, уходя в Вечный покой, Станислав испытывал безразличие и отрешенность. Но сейчас никто не звал его вернуться в мир живых. Только собственное сердце стучало, как набатный колокол.

Он сделал усилие и скатился с полатей на пол. Стало легче дышать. Такого еще никогда не случалось, но Станислав понимал: если не выберется сейчас — умрет, по чьей-то злой воле или случайно. А умирать нельзя. Значит, надо ползти к двери...

Скользкая дверь обжигала руки и не поддавалась. В голове что-то больно сдвигалось, будто пласт гранита задевал острыми краями кончики нервов. Сердце в груди заваливалось, глохло. Почти теряя сознание, он привстал и ударился в дверь всем телом.

Дверь распахнулась неожиданно легко, и Станислав повалился через порог, ударился во что-то мягкое, слабо ойкнувшее...

Он лежал на полу, чувствуя под собой хрупкое тело. Ее ребра под бледной кожей часто вздымались, на тонкой шее пульсировала голубоватая жилка. Его колени упирались в ее мягкий живот.

— Прости, — Станислав отвалился в сторону, еще не в силах встать на ноги, но чувствуя, как проясняется в глазах и обостряется зрение.

— Я хотела потереть вам спинку, — на остреньком лице с птичьим носиком еще тлело выражение испуга, но в глубине странно осоловевших глаз загорались искорки смеха. Сухарик села, голые грудки ее обвисли. Кожа на руках и шее быстро покрывалась мурашками. На сгибе руки, там, где синела вена, был виден свежий след от иглы.

«На дозе... Скоро потащится...» — с жалостью подумал Станислав. Встав на колени, он с трудом поднялся с пола.

Его поташнивало, нестерпимо ломило виски и суставы во всем теле, словно сам наглотался дряни. Что чувствует наркоман, принявший дозу, он мог только представить — насмотрелся, когда из любопытства бродил с Родиком и Даном по значным местам столицы. Но сам устоял и друзьям не дал попробовать.

— Принеси что-нибудь, голова трещит, — попросил Ста-

нислав, надеясь, что она его еще понимает. Но Сухарик продолжала лежать на полу. Потом начала нервно смеяться. Ее худенькое тело корчилось, смех был похож на кудахтанье.

Брезгливо переступив через елозящие ноги, он подошел к круглой емкости в полу и, придерживаясь за борт чана, ухнул-ся с головой, как в прорубь. Ледяная вода обожгла, сердце остановилось, дыхание оборвалось — он коснулся ногами дна и вылетел, как пробка. В глазах окончательно прояснилось, пол и стены заняли свои места.

Станислав зачерпнул из чана бадейкой и облил девчонку. Сухарик взвизгнула, села и, уткнувшись в колени, принялась плакать. Намокшие волосы прилипли к шее, она дрожала, и, чтобы согреть, Станислав начал лить ей на спину теплую воду. Было жалко, противно, словно возился с покалеченным лягушонком.

— Затылком треснулась, знаешь как больно? Свалился на меня... — она скосила на Станислава глаза, страдающие, но уже не «в отключке». — Ишь ты, в плавках... Брезгуешь?

— И много у вас таких, что в плавках? — хмыкнул Станислав.

— Не так, чтобы... — она поперхнулась, глаза ее сделались круглыми. — Господи, где ж это тебя так?..

Она смотрела на его изувеченное тело и становилась сама собой: несчастная, добрая, с чистой душой — еще совсем девчонка, застрявшая однажды в каком-нибудь проходном дворе, который вывел ее не на ту улицу, по которой хотела бы идти всю жизнь.

Рубцы выглядели, действительно, паршиво: багровые, распухшие, с лиловыми стежками на местах швов. Казалось, надави — и лопнут, истекая кровью. И тогда кончится жизнь, потому что в голове снова путаница боли, дурных мыслей и противоречивых желаний.

Пытаясь избавиться от них, Станислав встал на красный коврик, и со всех сторон начали бить струи горячей воды. Он ринулся на синий и вздрогнул, получив порцию ледяной.

Сухарик, сидя на полу, смеялась, зазывно откидывая назад голову и выставляя напоказ голые грудки.

Станислав вышел в предбанник. На лавке лежало полотенце и голубое кимоно. Одежды не было, а вместо туфель стояли пляжные тапочки. Махровая ткань приятно осушила тело, аромат мясных деликатесов затревожил ноздри, и Станислав подсел к столу, где царил гастрономический пир. Здравый смысл подсказывал: демонстративно объявлять голодовку — глупо. Какой толк предстать пред грозными очами комплексующим доходягой? Но и налегать на харчи изрядно — нельзя: когда желудок трудится, голова норовит отдохнуть. Так что...

Уладив свои отношения с совестью, Станислав сел к столу и решительно воткнул вилку в толстый кусок ветчины с про-
слойками жира. Не оглянувшись на вошедшую в комнату де-
вушку, scomандовал:

— Чаю покрепче, с сахаром и лимоном — все в темпе. И оденься по-нормальному, а то простудишься.

... Кабинет Бугра оказался небольшим и обставленным так скромно, что возникала мысль: не хочет хозяин потрясать гостя роскошью личных апартаментов. Вот и позаимствовал кабинет у помощника.

Станиславу было не по себе в просторном одеянии. После еды и чая — к спиртному он не притронулся — тело и мозг, несмотря на все окрики разума, настроились на благодушие и покой. Но хозяин был тоже в своем шелковом кимоно, сытый и подобревший — в этом отношении они вступали в беседу на равных.

— Я и не заметил, как ты вырос и заматерел, — разглядывая Станислава, остановившегося в дверях, сказал Бугор и отодвинулся, освобождая место рядом с собой на мягком диване. — У Дядькова был, как помню, цыпленком, а сейчас — петух! Когда с япошкой ко мне заявился, и не узнал бы, да подсказали вовремя... — он говорил добродушно, словно начисто забыл о коротких, но бурных стычках с этим «петухом» полгода назад и совсем недавно.

Станислав искал глазами, куда, кроме дивана, можно сесть, но кресло было задвинуто письменным столом, а на единственном стуле лежала солидная стопка книг. Пришлось опуститься на диван, чувствуя себя рядом с Бугром неказистым Холмиком.

— Хорошее времечко было, — мечтательно вздохнув, продолжал Тарас Игнатьевич, довольно жмуря глаза. — Никаких особых забот. Жил, как душе угодно, ездил, куда хотел, друзей заводил без разбора. А появлялись проблемы — решал без особых сомнений. Пил, ел, сколько влезет. Сейчас же больше дармоедов кормлю, — он снова вздохнул, но теперь уже озабоченно. — Знаешь, небось, что в мэры города меня прочат? Я поначалу и так, и сяк — куда, мол, со свиным рылом, да в калашный ряд... А представители общественности подписи собрали, чтобы кандидатом, как положено, зарегистрировать, — Бугор мельком взглянул на собеседника, проверяя реакцию, но на лице Станислава отразилось лишь легкое удивление:

— Откуда же мне знать? Я в больнице лежал, потом в Москве был.

— Не так уж долго и был, — глаза прищурились и, глядя в щелочку между припухших век, Бугор съязвил: — Уж второй месяц мечтаю к себе в гости заманить, да ты как невидим-

ка... А все ж рядышком сидим, — Бугор довольно хмыкнул, толстые губы его распустились в улыбке, щеки отвисли, и он превратился в прежнего Бугра, когда голова его еще пушилась клочками реденьких волос, а не отсвечивала благородно, как чело мыслителя.

— Я и не думал, что кому-то нужен, — небрежно пожал плечами Станислав. — Жил как жилось...

Несколько секунд Бугор вглядывался в невозмутимое лицо гостя. Наконец спросил, придавая голосу отеческую сердечность:

— И как же ты, сиротинушка, дальше жить собираешься? Мать-то, бесценная наша Надежда, с собой не взяла... Да знаю, что ты оплошность свою залечивал, — он скосил глаза на Станислава. И уже с издевкой: — «Лимоночку»-то где раздобыл? Зачем баловался? Может, мечтал, кому под авто подбросить? Да неувязочка вышла...

— Богатое у вас воображение, Тарас Игнатьевич. Даже ментам такое в голову не пришло, — искренне удивился Станислав и тоже съязвил: — А что, имело смысл кому-то подбросить?

Бугор на выпад Станислава не отреагировал. Он думал о чем-то, морща гармошкой лоб. Мысли, казалось, ворочались в его черепной коробке, как непритершиеся жернова. Наконец, он поднял взгляд:

— А что же пришло ментам в голову? Ты, дружок, не юли, все одно дознаюсь...

— Это не сложно. В моем деле все черным по белому...

— В том-то и загвоздочка, что больше «белого». Ты ж ни черта не говорил, коли верить записям покойничка... Царство ему небесное, — Бугор сокрушенно вздохнул и перекрестился.

Жест был таким неестественным для его лапы с ухоженными ногтями, что Станислав, не удержавшись, хмыкнул:

— Никак, верующим стали, Тарас Игнатьевич?

— Моя вера делу не во вред. Православный я и со своей Родиной в дружбе. Не то что некоторые, кто по заграницам... А может, они уже в Москве? Хотя у друзей ваших пока не светятся...

«Дает понять, что все у него под прицелом», — по спине Станислава пробежал холодок. Он небрежно откинулся на спинку дивана.

— В Италии она, возможно, уже в Греции или...

— Чего ж тогда письмецо из Парижа? Долгонько лежало... — и заметив, как дернулся в негодовании Станислав, успокоил: — Не слопали же мои олухи послание. Только аккуратненько заглянули...

— Мерзость какая! — в душе Станислава закипала ярость.

«Он следит за каждым моим шагом, играет, как сытый кот загнанной в угол мышью... Что он еще знает? Хотя проще гадать, чего не знает, — мысли метались. Станислав думал о тезке, о Ней, о дискетах, которые сдуру у них оставил. — Черт попутал к ним идти! Нельзя, нельзя было... Я же сейчас как прокаженный...»

Бугор наблюдал за выражением его лица и чего-то ждал. Поняв, что Станислав не вспылит и в сердцах не ляпнет что-нибудь сокровенное, продолжал с оттенком сожаления:

— Должок за матушкой твоей. Она с хахалем — в бега, а мне с заказчиками расхлебывать, достраивать самым горластым. У кого от нулевого цикла не сдвинулось, где на стенах застряли или под крышу не подвели. Требуют, чтобы все, как задумано было... Народ дотошный, злой — избиратели мои... А документации нет — чертежей, расчетов. Бумажки, что в офисе остались — фуфло для унитаза. И в компьютере — пустая бухгалтерия. А тот, что дома у вас был — сгинул... Часом, не знаешь, где эта хреновина?

«И до этого докопался», — обомлел Станислав, но заставил себя лениво потянуться. Сказать, откровенно зевая:

— Из компьютерной памяти все недолго и стереть, винчестер вытащить и вместе со всем остальным — на свалку.

— Знать бы мне, где та свалка... — задумчиво проворчал Бугор. — А насчет винчестера — узнаю. Не оружие, поди, не стреляет.

«Еще как стреляет», — злорадно усмехнулся Станислав.

— Слушок есть: карту города ты малевал, вроде как реестр земельный бросовых участков... Не забыл, поди? — глазки Бугра гипнотизировали. Станислав чувствовал, как от щек отливает кровь, и затылок, шея начинают мерзнуть.

— Как не помнить... Только сгорела на хазе вместе с сумкой, — он почувствовал облегчение оттого, что может сказать правду.

— На память неужто не нарисуешь? Хорошие бабки дам...

— Кто ж такое сумеет? Да еще после того, как шарашнуло...

Не уловив в выражении лица Станислава ничего для себя интересного, Бугор взял со стола табакерку старинной работы и принялся набивать трубку, вроде той, что была у «вождя народов».

— Дискетки-то, небось, Наденька себе сняла да увезла... Али нет? — Бугор прищурился и плотно придавил табак толстым пальцем. — Надо бы нам все полюбовно разрешить, а то мало ли что нехоршее, не дай бог, может с кем-нибудь приключиться...

До носа Станислава добралась табачная пыль, в ноздрях

защекотало, и он начал чихать со всхлипами, до слез. Бугор терпеливо ждал, с насмешкой поглядывая на изнеженного гостя.

— Видишь, прав я... Застолбиться бы нам полюбовно надо с матер твоей. Покорешиться, уж коли в лямур не пошла... А я!.. Ох, как ее закадрить старался, — Бугор задорно прицокнул, но, заметив, как затвердели скулы Станислава, миролюбиво проворчал: — Без причины не ершись. Лучше пропиши матери, чтобы документацию вернула, а я ей кругленькую сумму на спокойную жизнь с пустоголовым хахалем. Да не зыркай на меня, я, может, чуваку тому завидую... Ежели вернуться — обоих хорошо пристрою. В мэрии дундуков навалом, а мне спецы нужны. Баксов, чтобы все в округе перевернуть, — хватит. Деловой народец с югов набежит, из-за кордона — только свистни. А мы для них — офисы, маркеты, хибары с гаражами и бассейнами... Приречинск на золотых путях стоит, а река сейчас безработная. Землица окрест — раздолье, да больше сорняками засеяна. Дельных людишек надо на ней посадить, фермы настроить — капиталец с них, как с дойной коровы, сам потечет. Говорил я Надюше об этом. Она в крик: иностранцы, мол, все заселят!.. А сама за кордон смылась, — Бугор огорченно покачал головой, вздохнул. — Мне и здесь ладненько. Городом покомандую, а потом... Там видно будет.

«Потом ты в губернаторы полезешь или в Думу. Тем же путем, такими же средствами. Где не купишь — украдешь, кого не уговоришь — сломаешь. И войдешь в политику, в верха, потому что все забудут или захотят забыть, с чего начинал и как взбирался по лестнице власти... И будешь с такими же, как сам, править страной. А Панины и Графы забегают в шестерках. И поделом... — Станислав невольно следил за стружкой дыма, вьющейся из трубки Бугра. — А ведь действительно умен, оборотлив и цепок, словно клещ. Характером — скала из гранита... Только ничего живого на той скале не вырастет. «Я», «мое», «мне», а, значит, — «себе» и «для себя» любыми средствами, по живым телам и судьбам — на танке...»

— Тебя хорошо пристрою... — Бугор уловил направление мыслей Станислава, но не смог бы в них разобраться, будь все сказано даже словами: слишком на разных культурных уровнях обитало их сознание, слишком различно, а потому непримиримо было в них все.

— ... Ты бы мне подошел, — продолжал Бугор погрузневшим голосом. — Учись себе хоть в двух институтах сразу — мне толковые помощники нужны. Сам-то я семилетку кончил, на заводе вкалывал, сестричек кормил. Ты вот не знаешь, как это, когда жрать нечего, когда и во сне гайки крутишь, а

грохот в ушах — будто голова лежит на наковальне... В армии только за счет силушки выжил: умел сдачу дать. В паханы выбился... — он замолчал, пытаюсь понять, как действует его откровенность. Что-то было в нем от актера, проверяющего на зрителях степень своего таланта. — Так пойдешь ко мне? — голос был мягкий, взгляд — жесткий. И надо было отвечать.

«Лучше работы не найти и никаких больше страхов, — заторопился настырный внутренний голос. — Можно поставить себя так, чтобы без банек и застолий, не лишаясь свободы, с правом голоса и самостоятельных действий...» — мысли метались, соблазняя и настораживая, но уже не зля. Казалось, что нежные, но упругие щупальца подтаскивают к ненасытному рту пока осторожно, позволяя еще трепыхаться и дышать, но уже лишая права выбора. Еще немного, и щупальца превратятся в зубы сомкнувшейся челюсти. Мгновение — и ядовитая слюна довершит превращение жертвы в пищу.

— По заграницам накатаемся. Мне переводчик башковитый нужен, не то, что этот фуфло Сашка-гомик, — Бугор досадливо сморщился.

— Я к матери поеду, — твердо сказал Станислав и сразу почувствовал облегчение. Показалось диким, что мог колебаться.

Бугор кинул на Станислава удивленно-разочарованный взгляд и пыхнул из трубки дымом. Немного помолчав, спросил сухо:

— А кто мне должок Надежды отдаст? Я же с заказчиком рассчитался, чтобы в суде дело закрыть. Думаешь, с хибары вашей вместе с барахлом, да с машин большой навар вышел? Так, кот наплакал. С банком улаживал, с поставщиками, с подрядчиками...

Бугор шумно сопел и жестикулировал рукой с затухающей трубкой. Это мешало ему заметить, как меняется лицо Станислава.

«Ты ж сам, подлец, все подстроил и развалил. Следователя замочил, потому что взяткой или угрозой рот не заткнул. Это ж ты...» — Станислав хотел крикнуть, но, как тогда, в больнице, у него пропал голос. В горле только хрипело, казалось, спазмы прихватывают легкие, и он сейчас рухнет замертво под ноги Бугра.

— ... Ищи документацию — компьютеры, винчестеры, дискеты ...мать твою... Язык сломаешь... Карту вспоминай, пока память напрочь не отшибло. Ну, а ежели не сможешь, — голос у Бугра стал торжествующий, — поработаешь на меня. Я уж послежу, чтобы не удрал: возьму, как полагается, «подписку о невыезде».

Станислав откинулся на спинку дивана и плотно прижался к ней. Чтобы не видеть ненавистное, раскормленное лицо, под-

нял глаза, уставился в стену и прямо над дверью заметил небольшую картину, выполненную мазаикой. Разноцветные квадратики и кружки из пластмассы и стекла составили лицо мужчины в профиль. Единственный глаз его отливал фиолетовым и косился на людей.

«Это же объектив телекамеры слежения, вроде тех, что рекламировал Йосано», — Станислав вздрогнул.

— Потому-то ты мне и нужен, что не дурак, — рассмеялся Бугор, проследив за его взглядом. — А то махнем в Америку по делам и для общего расслабления — по Золотым пляжам. С Надеждой повидаемся. Но сначала здесь, на заложенном мной фундаменте «первый этаж» поднимем... Лады? Хотя куда тебе, дорогуша, теперь деться? Иди, отоспись. Да и мне вздремнуть надо. Рассвет скоро, а утро, как положено, вечера мудренее, — Бугор говорил небрежно, словно заполняя болтовней пустоту — молчание Станислава.

Оба понимали: разговор был впустую. Главный спор еще впереди.

— Катерина! — зычно крикнул Бугор, открывая дверь. — Веди гостя в опочивальню. Ту, что для особых гостей, — с замочком...

... Они поднялись на второй этаж и пошли по длинному коридору. Катерина впереди, все так же потряхивая черными кудряшками и маняще покачивая бедрами. Станислав плелся сзади, испытывая такое бессилие, словно у него высосали кровь и раздробили кости.

«Спать. Сейчас спать...» — только эта мысль давала ему возможность двигаться.

— Спокойной ночи, — Катерина впустила Станислава в гостевую комнату. Дверь прихлопнулась, выразительно щелкнул ключ в замке.

«Вот я и в одиночной камере», — усмехнулся Станислав.

«Камера» была уютной. Третью ее занимала широкая кровать с тумбочками по бокам. Два аккуратных кресла теснили низкий столик. В дверцу стенного шкафа было вделано широкое зеркало, в котором отражалась кровать. На окне — шторы, на стенах — три простеньких пейзажа в легких рамках. Мозаики, вроде той, что висела в кабинете, не было. То ли телеглаз был лучше замаскирован, то ли его не установили совсем, потому что ничего особо интересного для босса здесь не предвиделось.

Станислав потушил свет и раздернул шторы на окне — за стеклом, на фоне предрассветного неба, кудрявилась узорчатая решетка.

Сбросив кимоно, он забрался под тонкое одеяло. Его бил озноб, ноги застыли, и вся постель казалась глыбой льда, в

которую ему предстояло вмерзнуть. Тишина стояла абсолютная, словно парафином залепили уши, и все вокруг умерло. Но стоило опустить веки, и стали появляться, исчезать искаженные, как в кривом зеркале, рожи — человеческие и звериные. На мгновение возник чей-то светлый лик, окруженный сиянием. Станислав попытался удержаться, но он погас, сменившись сворой непонятных зверушек. Мелькнуло лицо Кривоносого, потом Катерины и — Бугра.

«И тут от тебя не избавиться... А я спать хочу! — боясь снова закрыть глаза, Станислав уставился в потолок. — Надо думать о хорошем. О тезке, о Лиле, о пудельке... Но сначала представить Ее лицо. Как Она подхватывает шелковистый водопад волос и умиряет его шпильками. Грациозный поворот головы — только Она может так вытягивать шею, отчего за ухом образуется ямка, которую хочется целовать, перемещая губы по шее на плечи и грудь, всегда зашторенную одеждой, а потому запретно-желанную...» Но тут же на мысленный рисунок, так старательно выписанный душой, наложились картинкой недозрелые грудки Сухарика, ее покорное, ненужное тело.

«Господи! Неужели вся моя жизнь теперь — предбанник? Без кандалов, а в рабстве... Только бы не позволить себя проглотить: не впутаться в мокруху, не дать посадить на иглу, не подцепить СПИД или еще какую мерзость... А заартачишься — близких загубишь... У Стаса — долго ли парашюту не раскрыться? Она домой поздно сквером идет. На кой черт я их впутал?»

«Человек рождается и умирает один». Кто это сказал?.. Я не хотел жить один и, как Дядечка, собирал семейку. Братуху уважал, Зятка жалел, Сынка-иуду... Может быть, в их глазах я был таким же «бугром» в миниатюре? Поэтому и бросили, когда были больше всего нужны... Жизнь — подлянка. Ненавижу себя и всех...» — он понимал, что накручивает лишнего. Но в этом мазохизме можно было сконцентрировать в себе энергию зла, остервенение воли, чтобы изначально раздавить страх.

Он чувствовал, как идущая изнутри темная сила смешивается с мраком замкнутого пространства бугровской камеры, и все сплавляется в слиток безысходности и озлобления... Так уже было однажды, но тогда под рукой оказалась граната, которую теперь он использовал бы совсем не так...

— Спокойнее, Станислав Сергеевич. Все надо делать с умом, — слова срывались с губ беззвучно. Так же, как в сауне, стало заваливаться сердце и нечем было дышать...

Потом он услышал шелест шагов. Ее шагов... Это было невероятно, но Ее шаги смолкли у двери. Звякнул металл. Щелчок — и дверь начала открываться. Призрачным силуэтом

вошла женщина. Остановилась, повернув бледное лицо в сторону кровати — темные глаза ее казались провалами, белое одеяние до пола скрывало фигуру.

Станислав натянул одеяло до подбородка, но женщина уже не смотрела на него. Она поплыла к изголовью кровати — повеяло ароматом незнакомых цветов. Станислав повернул голову, но не увидел, что она делает, лишь услышал, как что-то легонько хрустнуло, словно переломился тонкий прутик.

— Все. Теперь можно говорить...

Станислав узнал негромкий, с хрипотцой, голос Мадлен. Она опустилась на край кровати и наклонилась, вглядываясь в его лицо. Он слышал ее дыхание, чувствовал тепло ее тела, сгустившийся запах цветов и чего-то еще, только ее...

— Тебя Бугор прислал? Жалеть будешь или уговаривать?

— Дурашка... Два года тому назад разве тоже Бугор был? — Мад вздохнула и осторожно коснулась его волос. Почувствовала, как он вздрогнул, и убрала руку. Улыбнулась, и улыбка отразилась в шепоте. — Разве не я сама тебя — гордого и зеленого — тогда совратила? Было в тебе что-то от юного Адама. Только телом нежным больше на Еву смахивал. А я уж — в роли Змея-искусителя... Не сердись. Я только час назад узнала, что ты здесь...

Мад потянула край одеяла, но руки Станислава мешали ей. Она хотела переплести свои пальцы с его, ее ладонь накрыла культики, и Станислав почувствовал, как Мад вздрогнула и замерла.

— Болят? — в ее голосе было напряжение. Она всегда боялась боли.

— Тебе не надо было приходиться, — чувствуя, как немеют губы и все тело, невнятно пробормотал он.

— Не надо... — она приблизила лицо к его лицу. — Он раздавит тебя, и памяти не останется. То, что не бесился, когда говорил с тобой, ничего не значит. Он потом психанул...

— Так, значит, вы все-таки обо мне говорили?

— Нет. Он сразу уехал в город. Я мельком запись в аппаратной видела. Ты пижонил, а у самого, небось, сердечко, как у зайчонка, дрожало, — она легла рядом, закинув руки за голову. Так, наверное, легла бы мать или сестра, и в душе у Станислава все уравновесилось. Он тоже закинул руки за голову, успокаиваясь. Спросил:

— Что мне делать?

— Погадала бы тебе, да карт с собой не взяла. А если пораскинуть мозгами... Бугор тебя еще до конца не раскусил. Ты у него как заноза в пальце: маленькая, а мешает. Тут не только в документах «Надежды» дело. И не так уж ему твоя мать сейчас нужна. Тебя в свой выборный штаб он давно

зачислить надумал. Еще бы — из обиженных, а «за». Лучшей рекламы не придумаешь. Все же слушок по городу стойкий бродит: нечисто и уж больно круто с фирмой обошлись... Есть еще тут что-то из старого, с Дядечкой связано, — Мад повернулась на бок и положила голову Станиславу на плечо.

— Постарайся вспомнить... — попросил он, щекой чувствуя, как токает жилка на ее виске.

— Как-то при мне он говорил с кривоносым Кирюхой о каком-то железном ящике, вроде сейфа. Я бы мимо ушей пропустила, да упомянули тебя. Был у Дядечки такой?

— Был. Он его в погребе держал. Мы с Братухой видели, когда за картошкой лазили. Спросили, что там? Дядечка засмеялся: «Не трожь — взорвется». Скорее всего — наркота, мы с Братухой так подумали, — воспоминание было неприятно: еще одна зазубрина, а не просто заноза. — Бугор Братуху потом извел: куда сейф делся? Меня тогда спросить не мог, а после болезни все как-то забылось.

— Не забылось... Да обойдется, — шепнула Мад. — Ты ему только не перечь, больше хитростью бери. Кирюху опасайся. Он как бульдог — хватка мертвая. И боссу верен, как пес. Скажи ему хозяин: «Сдохни у ног моих!» — и сдохнет. Даже страшно становится.

— Это тебе-то страшно? — он погладил ее волосы — тугие рыжие завитки. Когда-то он любил накручивать их на пальцы...

— Страшно, — выдохнула она. Зеленые глаза казались невероятно темными и большими на вызывающе-красивом лице. С каждой секундой оно становилось мягче, нежнее. Ее руки опустились на его грудь, стянули одеяло. Пальцы коснулись кожи, проползли до живота, спотыкаясь и замирая на каждом шраме.

— Боже мой! Что ты с собой сделал? — ее голос был беспомощным, страдающим. — Какой же ты весь замороженный... Золотце ты мое, как же обо мне тогда не вспомнил? Растерянный ты мой...

Она водила губами по его рубцам, не целуя, а только касаясь, словно пытаясь сгладить. И все таяло, расслаблялось в нем. Ее губы были горячими, от нее исходил волнующий дух Женщины — не с шелковым водопадом волос, а обыкновенной, земной.

Непрощенные слезы его щекотали уши, прятались под волосами, влажно затекали на затылок, сладко пьяня голову. Станислав доверчиво отдавал себя ее рукам и губам, только сейчас понимая, до чего же истосковались по ласке душа и тело — все его измочаленное, съезжившееся существо...

...Он проснулся, когда солнце заглянуло в полузашторенное окно, и по стенам комнаты заплескались золотисто-зеленые пятна от листьев. Было тихо, но по-дневному, когда понимаешь, что мир за окном уже проснулся, и только вилла-крепость еще как неживая.

Мадлен рядом не было. На подушке не осталось даже следа от ее головы. Развеялся аромат тела, сон притушил ночные ощущения, и то, что случилось, казалось теперь лишь чудным видением.

Но душа Станислава, все его мужское естество испытывало покой надежной устойчивости, — словно в трещины фундамента под осевшим зданием закачали раствор бетона.

На кресле лежали его костюм, рубашка и высушенная майка. Содержимое карманов было в целости. Ключи от двух квартир и машины, завернутые в носок, покоились на старом месте. Зато те, что остались в брюках, перекочевали в другой карман, и на бородке одного сохранился кусочек пластилина.

«Точите себе ключики, но попробуйте с ними ко мне домой попасть», — Станислав, злорадно усмехаясь, оделся, и в петушином настроении вышел из комнаты.

Вышел и только тогда сообразил, что дверь не заперта. В коридоре — никого, на лестнице и в холле — тоже. Только недремлющее око телеохранника сопровождает бесстрастным взглядом.

«Бугор готов весь город «шпионами» начинить, недаром на Йосано так плотно насел», — мелькнувшая мысль сейчас лишь позабавила.

Дверь в сад была тоже не заперта, но в дальнем конце аллеи поблескивали сомкнутые створки ворот. Опасаясь какого-нибудь сюрприза, Станислав не прибавлял шаг, хотя нестерпимо хотелось бегом проскочить пространство, отделявшее его от свободы.

Не поворачивая головы, скосив глаза, он осматривал ряды голубых пихт и раскидистых яблонь. Боковые подъезды, обрамленные яркими цветами, полукругом уходили за дом, но ни машин, ни людей не было. Лишь в глубине сада, возле гаражей, разнотонально тарахтела машина: кто-то неумело регулировал работу двигателя.

До ворот оставалось не больше десятка шагов, когда стальные створки начали нехотя раздвигаться, образуя узкую щель. Не меняя темпа движения, Станислав вклинился в нее, чувствуя себя словно между концами раскрытых ножниц. Но следующий шаг был уже по свободной земле, в привычном просторе и родном воздухе.

Впрочем, свободна эта земля или является продолжением бугровской, определить было трудно: чередой прудов по обе

стороны дороги сотворена явно не на средства селян. И рыба идет не к их столу, а увозится на рынок. Башковитый Бугор умеет использовать все, что примечает глаз, подключая чужие мозги и руки. Разве это не дар — предпринимательская смекалка?..

Стоп! Где-то здесь проходит невидимый и скользкий рубеж, переступив который, можно из коммерсанта превратиться в грабителя, из финансиста — в жулика, из предпринимателя — в мафиози, из политического деятеля — в делягу со шкурными интересами. Чем ближе человек к Вершине, тем страшнее возможность падения, и потому отчаяннее борьба уже не за комфортное место под солнцем, а просто за жизнь, которая трепещет и бьется в таком же, как у всех, брэнном теле.

Бугор начал свое восхождение к власти, уже переступив черту дозволенного законом, перешагнув все рубежи, которые определяет совесть. Он прет, с легкостью обходя соперников, потому что...

Машина проехала, едва не задев Станислава, и остановилась.

Дверца «Вишенки» приоткрылась, и Сынок замахал рукой, подзывая. Но Станислав подался влево, обходя «Жигули». Сынок довернул в его сторону и поехал рядом, принаравливаясь к неспешным шагам.

— Не серчай, Стальной, так уж вышло... В больницу сунуться — мандраж берет: пацаном с хворобой валялся, чуть в «жмуриловку» не угодил. А после ты в столицу слинял, — Сынок прятал глаза.

— Чего тебе? — Станислав неохотно остановился.

— Ты не думай... Я не хотел, — Сынок резко тормознул, двигатель поперхнулся и смолк. — Когда «Вишенку» на торги бросили — цену плевою давали. Даже раскурочить на запчасти хотели. А я тут сразу: «Дайте мне, сколь надо — отработаю». Вот и начал на Бугра горбатиться... Да сядь в машину, не дело зазря тут светиться.

Сидеть в «Вишенке» на месте пассажира было непривычно. Кресло показалось жестким, дорога не так смотрится, и зеркальце заднего обзора повернуто. Но Сынок мягко выжал сцепление, плавно дал газ, предварительно быстрым взглядом оценив обстановку впереди.

«Моя школа, — подумал Станислав. — Все, поганец, берет с лета. И здесь без промашки... Что хотел — в бугровской кормушке нашел».

— Поначалу думал: подфартило, — заговорил Сынок, сворачивая на шоссе. — Права водилы мне без запара сварганили. Начал мотаться за курьера: разные бумаги возил, да девок, что у босса по найму. Когда порожняком, «леваков» прихватыв-

вал — неплохой привар. Бензин — ихний. И кормят от пуза — с гостей перепадает, а они чуть не через день... — Сынок поддал газу и сунулся было обогнать «Москвич», но Станислав, быстро оглянувшись, придержал его:

— Не видишь разве, «Форд» сзади на скорости. Про то, как «Волгу» летом «Джип» шибанул, забыл?

Сынок дал по тормозам и юркнул вправо. Иномарка сверкающим вихрем промчалась рядом. Сынок проводил ее завистливым взглядом.

— Ни в жись мне такой не займешь... Недавно к Тарасу Игнатьевичу самолично сунулся. Говорю: «Мне бы, что за полгода причитается, наличкой получить. К зиме придется надо, да матери для сестричек подкинуть». Он головой мотнул — в расходной части, мол, все просчитают. На днях к Иванычу захожу, а он мне бумажку прямо из-под печаталки. Циферки в ней: и то, что за машину должен, и за водительские права, за бензин, что пережег. И сколько жрал у них, и с девками... Ну, и то, что по уговору на жалование положено. Получилось, что не мне, а с меня должок. Вовек не расплачусь, ежели так пойдет. А оно пойдет, да еще шибче... — Сынок внезапно замолчал, оглянулся назад, словно хотел убедиться, что в салоне они одни.

— Так и не дал на одежонку? — с усмешкой глянул Станислав.

— Дал. На сестричек-лисичек только и хватило. А мне — куртку бэушную, зато кожа фартовая, не сносить. Дубленочку к зиме обещают. А ежели в мэры пробьемся, то махнем, говорит, всей командой на Канары пузо погреть. Клево! Там у него фазенда... — Сынок поперхнулся, подозрительно глянул на Станислава. — Слышь, Стальной, что-то не раскумекаю я: с нами ты или сам по себе? Вчера хоть под конвоем в крепость нашу въезжал, а в баньке — по полной программе... И разговор до ночи с Самим вел. А утречком — пешим за ворота, — Сынок осклабился, блеснув мелкими неровными зубами.

Про Канары и про Бугра Станислав пропустил мимо ушей. Его поразило, как Сынок сказал: «С нами ты или сам по себе?»

— Я всегда сам по себе. Или забыл? — слова прозвучали нарочито четко. Заметив виноватый взгляд Сынка, Станислав смягчился. — А ты чего в крепости задержался? Все, похоже, спозаранок уехали.

— Еще ночью. Звонок боссу был, разом и смотались. А у меня движок барахлит. Я и сказал Кирюхе, что покопаюсь. Тебя хотел дождаться... Не знаю уж, какой наказ насчет тебя дан, может, и вовсе забыли, да королевна наша — Мадлен сказала, чтобы куда пожелаешь, доставить. Похоже, неровно она к тебе дышит... Только босс на нее давно лапу наложил, не дай бог, ежели проведает.

— Она что же, крепко с ним повязана? — Станислав испытывал чувство жалости и досады, понимая, что ничем не сможет помочь.

Сынок истолковал вопрос по-своему, ответил с вызовом:

— А она как ты — сама по себе... Пока Бугру это не надоест.

Какое-то время ехали молча. Оба смотрели на дорогу, но взгляд Сынка убегал вдаль, а Станислав видел лишь небольшой отрезок впереди, замечая выбоины, бугорки и мусор на обочинах.

— Где сейчас братва? — спросил почти безразлично.

— Братуха — в армии. Письмо прислал, да я не ответил: о чем писать? С Зятьком только вчера на пристани — нос к носу... Матросит на буксире. Говорит, на «Метеоре» место светит, да боцману в лапу надо дать. Клянчил штуку взаем. Это у меня-то... — Сынок хохотнул с издевкой.

«Придется поскорее репетитором к «графиням» наниматься», — Станислав достал из кармана остатки «зелененьких». Отсчитал три по десять, добавил «деревянных» и протянул Сынку.

— Отдай, только пусть на дело потратит, как надумал.

Рука Сынка дернулась от руля к деньгам, снова ухватила руль и упала на переключатель скорости. Съехав на обочину, Сынок заглушил двигатель и повернул к Станиславу в красных пятнах лицо.

— На кой ляд? — фыркнул зло. — Я вот сам себе житуху лаковую пашу, мордачусь, аж пуп трещит. А Зятьку с чего такие щедрости?

— У тебя «Вишенка» в помощниках, да и сам — мужик крепкий. А ему на ступеньку шагнуть надо, чтобы из подвала выбраться, — Станислав с любопытством приглядывался к бывшему корешу.

Сынок, заметив внимательный взгляд, насупил:

— Какой еще подвал? Что за ступенька? — он отогнул широкий ремень, где так же, как когда-то у Станислава, был приторочен длинный кармашек, и бережно уложил деньги, ворча: — Прожрет ведь все, али сопьется — алкашей там вдосталь...

— У каждого в жизни должен быть шанс, который надо использовать. Скажи ему, чтобы не проморгал, — на душе стало тоскливо.

— Свой бы не проморгать, — хмыкнул Сынок и запустил двигатель.

— Значит, Братуха уже служит, — Станислав почувствовал грусть по тем временам, когда все было так ясно и просто.

— Раньше срока напросился. От парашютного звена в военкомат характеристику зашибательную кинули. Так они его

прямоком к десанникам определили. Перед отъездом ко мне на хазу завалился, пузырь принес. Сказывал, что в больницу к тебе торкался, да не пустили. Уж так он тебя жалел, думал — концы отдашь. А ты вон — в полном райте: при баксах и без проколов. И все — о'кей-хоккей.

— На каждую рыбу свой крючок, — хмыкнул Станислав, начиная испытывать к бывшему корешу незнакомое брезгливое чувство.

— Какой еще крючок? — Сынка всегда раздражали загадки.

— Если рыбу ловил, то знаешь: для плотвички — маленький, для леща и судаков — покрупнее, а для сома — вроде якоря.

— Ты, почитай, сом. Или осетр — из редкостных.

— На осетра и сома не потяну, а вот на щуку... Только крючок нужен особенный, — Станислав чувствовал, как заводится Сынок, и получал от этого странное удовольствие.

— Дохлая щука — что дохлый карась, — внезапно успокаиваясь, с чувством превосходства произнес Сынок и, въехав во двор, остановил машину. Станислав проследил за направлением его взгляда и узнал сумрачно-зеленый «Джип», огибающий дальний угол дома. Дурное предчувствие заскребло, но прежде, чем выбраться из «Вишенки», он пристально посмотрел в нагловатые глаза Сынка.

— Знаешь, Игорь, прилипалой, может, и выгодно быть, но смотри, на ком сидишь, и куда везут... — Станислав спокойно прихлопнул дверцу и пошел к подъезду, спиной чувствуя неприязненный взгляд.

Первое, что заметил Станислав, выйдя из лифта, — это полуоткрытую дверь своей квартиры и тетю Катю, в изумлении застывшую перед ней. То, что привело соседку в столбняк, Станиславу видно не было, но разум подсказывал: все идет так, как он предполагал, но не ожидал такой прыти.

— Слава богу, это вы, — всплеснула руками тетя Катя, увидев Станислава. — А я уж не знаю, кого звать? В милицию звонить — так телефона нет, а соседи ушли на работу.

— И вам пора, — Станислав осторожно оттер тетю Катю от двери.

— Я ж из дома и вышла, а они как раз в лифт заходят — бугаи вроде тех, что муженька мне подбросили. Я — назад, и дверь прикрыла. Как лифт поехал, на площадку вышла. Вижу, ваша приоткрыта, а замок-то раскурочен. И войти боюсь...

Станислав слушал ее, уже стоя на пороге комнаты и оценивая беглым взглядом масштаб учиненного разгрома. Если учесть, что серванта с хрусталем и фарфором нет, то и бить оказалось нечего. Повыбрасывали книги с полок, одежду и

белье из шкафа. Переломили шею настольной лампе и раздали голову медведю, поставив на нее ножку кресла, а потом сев тушей за сто килограмм.

— Много награбили? — тетя Катя была уже в комнате. — Я еще заметила: у одного что-то большое в руках было, и полиэтилен шуршал. У другого — вроде как газетка в трубку свернутая.

«Значит гвоздодером или монтажкой дверь ломали, ключики-то не подошли!..» — злорадно усмехнувшись, Станислав почувствовал желание действовать. Понимая, что маминых шуб на антресолях уже нет, все же заглянул, убедился. Парни, ясно, возмещали моральный ущерб за труды с замком. Бугру нужны только дискеты и компьютер.

— Я тех бугаев признаю... — тетя Катя со скорбным видом еще топталась у порога, и Станислав поторопился ее успокоить:

— Лучше забудьте все... А вот гвозди и молоток — это нужно.

— У дочки есть. Она вместо мужика все чинит, — тетя Катя, посветлев лицом, заспешила к себе, а Станислав вышел на лоджию.

Надпись над баром сияла так, что ее невозможно было прочесть. Возле крыльца стоял синий «Форд», параллельно ему отливал зеленую «Джип». Чуть в стороне притулилась «Вишенка».

«Ах ты, поганец, — мысль о Сынке была самой неприятной. — Знал или догадывался? Но понял все, лишь увидев, как «Джип» выезжает со двора. Так нагло стоят сейчас, хоть милицию вызывай и накрывай с поличным. Был бы телефон, а так — удерут», — словно в подтверждение его мыслей из бара вышли четверо: трое гололобых и чернявый. Распахнулись и захлопнулись дверцы. «Джип» сорвался с места и скрылся за домами. Чуть погода вышел Сынок и, открыв капот «Вишенки», начал возиться с двигателем.

«Свечи протри, идиот! — вспомнив западающий звук в тархтении мотора, поморщился Станислав. — Когда остановились на шоссе, я бы мог свечи и зазор проверить... Нет, Сынок время зря не тянул, все сделал, как Мад сказала. Они-то считали, что я на попутках добираться буду... А если бы накрыл с поличным, да соседей позвал?.. Может, на этом все и закончится?»

Понимал, что не закончится, но думать об этом не хотелось.

Он обрадовался, когда тетя Катя принесла гвозди, молоток, а в придачу — миску пшенной каши со шкварками и железную чашку вместо чайника. Даже заварку и сахар в пакетиках из-под кефира.

Вспомнив о данных на мужа, выуженные из Интернета,

Станислав отдал листочек с записями, безропотно выслушал слова благодарности и почувствовал себя легко лишь тогда, когда дверь за соседкой закрылась. Засунув в ручку двери черенок от молотка и поставив кружку с водой на электроплиту, он снова вышел на лоджию.

Сынок еще возился с мотором, и «Вишенка» стояла, беспомощно разинув капот. Было в ней что-то обиженное и такое родное, что захотелось бросить квартиру со всем ее беспорядком, проблемами и помчаться к бару. Подойти, как ни в чем не бывало, к Сынку, и заняться свечами. Потом они сядут в машину и поедут... Только вместе им ехать некуда.

Пшенная каша оказалась вкусной, крепкий чай взбодрил, и Станислав принялся за починку двери. Взломана она была ювелирно: почти без щепы и уродливых дыр, лишь выдраны «с мясом» шурупы. Убедившись, что замок работает исправно, Станислав надел «трудовые» перчатки и попробовал уцепить молоток и гвоздь культиками. Это оказалось труднее, чем он предполагал, и разумнее было бы дождаться вечера, пригласить кого-нибудь из мужчин и заплатить за работу, как сделал бы это раньше. Но не теперь...

Он провозился часа два, в кровь содрал кожу и пару раз звезданул по культикам так, что пришлось утихомиривать боль под струей холодной воды. Но замок все-таки занял прежнее место, и, довольный собой, Станислав начал изучать степень ненависти и наслаждения, какую испытали в момент «пиршества» лысики Бугра.

Все оказалось хуже, чем на первый взгляд: рубашки были порваны, постельное белье, как лежало стопкой, так и проткнули ножом. Черную куртку из тонкой кожи братва пожалела и унесла с собой. А чтобы хозяин не увидел в зеркале свое огорченное лицо, долбанули чем-то, и от центра разбежались сверкающие паутинки-лучики.

Книги рвали, досадуя, что нельзя разжечь иезуитский костер. Содержимое ящиков стола топтали ногами. Унесли только дискеты с познавательной-занимательной чепухой, скачанной из Интернета. Сайты были на английском и французском — вот уж помучаются бугровские спецы, пытаясь найти в них то, что относится к строительству!..

Станислав отобрал из белья и одежды то, что уцелело, остальное связал в узел и хотел выкинуть, но потом подумал, что тете Кате может пригодиться на тряпки. Обрадовался, обнаружив под тахтой десантные ботсы. Настольную лампу удалось вернуть в исходное состояние, правда, от самой лампочки остался лишь цоколь. Потерявшая твердую форму голова медведя стала еще симпатичнее, а петушиный будильник ходил, хотя у него было выбито стекло.

Придав книгам опрятный вид и подобрав с пола уцелевшие мелочи, Станислав отправился к соседям за веником. Открыла ему дочь тети Кати — рослая девушка с простоватым, но приятным лицом. Не ожидая объяснений, она выдала ведро, совок и веник, предложила свою помощь, но не стала уговаривать, когда он отказался.

Выкинув в мусоропровод последствия бугровского мщения, а заодно и память о разговоре тет-а-тет в Крепости, Станислав пересчитал остатки своего капитала и отправился в супермаркет, надеясь, что теперь-то никто не помешает ему обзавестись хозяйством: ложкой, вилок, парой тарелок, кастрюлькой и чайником, без которых дом — не дом. И еще одну покупку пришлось сделать — радиотелефон. На мобильный денег не хватило.

Отovarившись в продовольственном отделе сухим пайком — концентратами экстренного приготовления для сверхзанятых и ленивых, Станислав разменял в обменном пункте последнюю «зелененькую» и зашел в кондитерский отдел. Втиснув коробку конфет в переполненную сумку, заспешил домой, представляя себя главой пока еще не существующей семьи.

Похожее чувство отцовства он испытал, когда обустривали «берлогу» в заброшенном доме, где Зятек мог ночевать, а Сынок и Братуха балдеть, отлынивая от школы. Ему самому было забавно обитать, как и при Дядечке, снова в разных жизненных измерениях.

Сейчас все было по-другому, и это уже была не игра.

Есть друзья, но выявились и враги, что-то потеряла и приобрела душа. Мадлен и Она слились в то целое, что дает взлет чувствам и успокоение телу. Но где та Единственная, в каком образе явится? Когда придет любовь?..

Только дома, выложив на подоконник в кухне содержимое сумки, Станислав понял, что опять забыл купить лампочки. Значит, снова сидеть впотьмах...

Но в дверь позвонили — тетя Катя приглашала на пирог со щавелем. Заодно она забрала ведро, а веник оставила. Станислав предложил тук с тряпьем, и тетя Катя обрадовалась:

— Починю, для ирода моего согдится. Не новое же покупать.

Завершив процедуру обмена, Станислав прихватил коробку конфет и отправился в гости.

Могила Пирата

Почти три недели протекли размеренно, без приключений, и Станислав начал привыкать к покою, а потому терять ощущение времени. Казалось, что всю свою грядущую жизнь он будет появляться по утрам в коттедже Графа, где его непременно усаживают за легкий, но питательный завтрак, хотя он клянется, что поел дома.

Потом приходили две Лилины подружки, у которых с английским был полный завал. Все вместе они начинали разыгрывать бытовые и сказочные сценки, говоря исключительно на языке туманного Альбиона, что приводило в восторг чувствительную Ираиду Львовну.

— Вы — прирожденный педагог, друг мой! Как жаль, что пропадает ваш актерский дар... Да, да — актерский, потому что за учительским столом чувствуешь себя, как на сцене перед зрителями, которых надо увлечь, — она начинала рассказывать о трех годах ее работы в школе. Судя по всему, ей не повезло — зрители оказались неблагодарными и, выйдя замуж, она быстро забыла свою географию.

Артемон путался у всех под ногами, принимая самое громкое участие в непонятной игре. Выглядел он теперь, как настоящий пудель из сказки о Буратино — с такой же гривой, стриженным туловищем и пампушками на лапах и кончике хвоста. И хотя жилось ему сытно, он каждый раз пытался удрать за Станиславом. Лиля подхватывала его на руки, незабудковые глаза ее становились печальными. И, пугаясь ее недетского взгляда, Станислав старался почаще заманивать на занятия тезку. Доказывал, что нужен мужской персонаж, да и самому такая практика только на пользу.

Стас отнекивался, но каждый раз, когда прыжков не было, приходил — к восторгу Лилиных подружек.

На обед Станислав не оставался, ссылаясь на то, что спешит в институт. В библиотеке его действительно ожидали отложенные учебники, радостный взгляд библиотечарши Тамары и неспешная беседа с Вадимом Вадимовичем. Разговаривали они, в основном, по пути домой, — Станислав провожал, хотя было не по дороге. Но это время отводилось лично ему, и он умел им воспользоваться.

— Если откровенно, звания и степени волнуют больше жену. Меня же увлекает само исследование процесса рождения законов. Как они меняются, трансформируются под воздействием политики и запросов общества. Как реагируют на них вла-

стные структуры, а мафиозно-криминальные приспособляются, особенно в смутные периоды негласно-революционных преобразований. И это им блестяще удается! — Вадим Вадимович говорил пространно. Станислав охотно слушал, но, когда появлялась пауза, вставлял свои вопросы, направляя искусственную мысль ученого в нужное ему русло.

Как, например, можно «отмыть» незаконно нажитый капитал? Как создается монополия, предположим, в сфере строительства? Какие средства нужно, а какие нельзя применять в конкурентной борьбе? На какие легально-нелегальные рычаги могут давить, когда тебя хотят «скушать»? И что делать, если надежды на помощь закона нет?

Последний вопрос ставил ученого в тупик. По всем остальным он отсылал юного правдоискателя к лекциям, которые ему еще предстоит прослушать. И тут же начинал излагать свои версии, призывая в союзники историков, экономистов, психологов, имена которых пока не говорили Станиславу ни о чем. Но, по словам Вадима Вадимовича, все они утверждали, что в неокрепшем после стихийных преобразований государстве любой закон можно обойти. Тем более, если написан он небрежно, с лазейками и «хлопаньем ослиными ушами».

— Тому, кто придумает мудро-нерушимые законы, благодарное общество присудит все премии мира и поставит грандиозный памятник, — говорил, чуть раздражаясь, Вадим Вадимович.

«Посмертно, — добавлял про себя Станислав, — потому что вряд ли это же самое общество оставит изобретателя в живых».

Из неспешных бесед Станислав извлекал то, что ему казалось ценным, и откладывал в памяти. А дома записывал, чувствуя себя старателем, просеивающим груды пустых фраз ради крупиц истины. Вечер проходил за любовными романами из сентиментально-эротической серии «Шарм». Станислав сам удивлялся этому запоздалому увлечению и немного стеснялся его, как смутился бы опытный охотник, пойманный с мальчишечьей рогаткой в руках.

Время от времени на пирог с яблоками или грибами его приглашали соседи. Тетя Катя хвалила дочку-искусницу, превосшедшую в кулинарном искусстве мать. Лиза с досадой хмурила рыжеватые брови, которых никогда не касалась тушь, искоса поглядывала на гостя, и на миловидном, крупном лице ее вспыхивал румянец. На душе у Станислава царил мир и покой. Ни о чем не хотелось думать. И Бугор не проявлялся никак, словно его не существовало.

... Этот день, резко изменивший ритм жизни, начался с обычной зарядки, которую Станислав постоянно усложнял, чувствуя, как силой наливаются мускулы в почти здоровом и

почти по-прежнему гибком теле. Вода в душе была приятно-ледяной; батон, который тетя Катя покупала ему прямо с пылу, с жару в пекарне, к утру не черствел, а крепкий кофе со сгущенкой не перегружал желудок.

Сев в полупустой в это время автобус, Станислав доехал до остановки, откуда за пятнадцать минут можно было дойти до элитной части пригорода, состоящей из коттеджей. От шоссе к ним тянулась неширокая асфальтированная дорога, а рядом, под сенью лип, бежала ровная тропочка. Шагать по ней было одно удовольствие, и Станислав насвистывал, размышляя, что такая жизнь приятна, но скучна: тошно тащиться по накатанной колее. Не хватает чего-то главного, что требует напряжения ума, мышц и воли. Он казался себе атлетом, который способен поднять штангу в две сотни килограммов, а несет два ведра с водой из высыхающего болота.

Приближение учебного года не утешало. Он был уверен, что экзамены сдаст в сентябре, а зимнюю сессию — в обоих институтах сразу, если удастся уломать разобиженный ректорат экономического. На «поддержание штанов» достаточно заниматься с двумя-тремя оболтусами из скоробогатеньких — знание компьютера и языка стало теперь чем-то вроде «сим-сим» в современные пещеры с сокровищами.

Похожий на всхлип звук сирены заставил обернуться: по дороге в сторону коттеджей пронеслась «скорая помощь». Однако в безмятежное настроение тревога не закралась. Но когда следом промчалась реанимационная машина, Станислав прибавил шаг, и к знакомому коттеджу подошел в тот момент, когда «реанимация» от него отъехала. Ворота в сад были распахнуты, на дорожке из узорчатой плитки стояла «скорая», и двое в белых халатах пытались усадить в нее обезумевшую Ираиду Львовну. Но она рвалась вслед за отъехавшей машиной, кричала, что Матвейюшка без нее умрет, что их специально разлучили, и она знает — кто...

Лиля, рыдая, уговаривала мать, и сама пыталась залезть в «скорую». Ее удерживала дородная дама, очевидно, мамаша одной из подружек, испуганно замерших возле дома.

— Take it easy, Irida Lvovna. Everything will be O.K. (Успокойтесь, Ираида Львовна. Все будет хорошо), — громко сказал Станислав, останавливаясь рядом.

Врач и медсестра обернулись, а Ираида Львовна, услышав английскую фразу, произнесенную знакомым голосом, на мгновение замерла, и это помогло ей оборвать истерику.

— Боже мой, Станислав! У него обширный инфаркт. Они хотят его убить. Я никому не верю... — она заплакала, но уже обычными горькими слезами, и сникла, уронив голову ему на грудь.

— Мы хотим отвезти ее к мужу в больницу, но она этого не понимает, — сказал пожилой врач, хмурия брови. — Объясните ей...

— Я поняла... — Ираида Львовна, подобрав подол платья, стала забираться в машину. Лиля рванулась следом, но мать отстранила.

— Сообщи в офис... Господи, я забыла, как звать помощника... Тебе я позвоню из больницы, — и, подняв к Станиславу распухшее красное лицо, прошептала: — Голубчик, умоляю вас, не оставляйте мою девочку, пока я не вернусь. Что бы ни случилось...

— Будьте спокойны, — Станислав поднес к губам ее холодную руку. — Конечно, я вас подожду.

Дородная дама, с помощью Станислава, тоже забралась в «скорую» и заговорила со своей несчастной приятельницей, похожей на изнеженное деревцо, сломанное внезапно налетевшим шквалом, от которого никто, никогда не застрахован.

Лиля стояла, уронив руки вдоль тоненького, словно стекающего к земле, тела, и смотрела вслед уходящей машине. Она казалась беззащитной Дюймовочкой, хотелось взять ее на руки и унести под надежную крышу. Разжечь камин, напоить горячим чаем, поцеловать, только бы перестало дрожать это раненое суровой жизнью существо.

Но Станислав, подавив в себе жалость, обернулся к подружкам:

— Dina, Vika, help Lilya to come back into the house (Дина, Вика, помогите Лиле вернуться в дом), — и, убедившись, что девочки его поняли, направился запирать ворота.

Когда Станислав пришел в коттедж, Лиля уже лежала на тахте в холле. Зареванные подружки хлопотали возле нее, наливая какие-то капли из пузырьков, разбросанных на столике. Острый запах валерианки перебивал изысканный аромат, всегда царивший в доме.

— Please, don't (Не надо), — остановил Станислав девочек. — In your age the best cardiac medicine will be friendly interest without tears and wailing (В вашем возрасте лучшим сердечным лекарством будет дружеское участие без слез и причитаний).

Он подсказал слова, которые девочки не знали.

— And what about love? (А как же любовь?) — хитро сощурила лукавые глазки Вика. — Do you think we are small children? (Вы считаете нас маленькими?)

Станислав не нашелся, что ответить, и, взяв стул, сел рядом с Лилей. Сказал, стараясь, чтобы она разобрала каждое слово:

— If you fall ill Mum won't bear double burden. What may

happen to Dad? (Если заболеешь, мама двойной нагрузки не выдержит. Что же будет тогда с папой?)

— Я понимаю... — Лиля повернула к нему прозрачное лицо с глазами, похожими на проталины во льду. — Но мне так плохо.

— У нас был уговор: в любой ситуации to speak only English. (говорить только на английском.) Ираиде Львовне будет приятно узнать, что мы не изменили ее желанию, — Станислав перевел все на английский и, стянув перчатки, сжал руки Лили ладонями. Почувствовал, как она вздрогнула, наткнувшись на культики, и сказал:

— Everyone may feel bad in his life but only in his own way and more than once. It is only the strength of mind and optimism that can save you and... (Всем бывает в жизни плохо, только по своему и не один раз. Спасает воля, оптимизм и...)

— ... and love (... и любовь), — прошептала Лиля. Лицо ее нежно порозовело, глаза-проталинки наполнились синевой.

Он погладил взглядом ее солнечную головку и решительно встал:

— Your mother asked to ring somebody up. And of course you haven't had breakfast (Твоя мама просила кому-то позвонить. И ты, конечно, не завтракала).

— I'm not hungry (Я не хочу есть), — покачала головой Лиля.

— But I'm awfully hungry. Make a call quickly and let's go to the kitchen, (Но я ужасно голоден. Быстрее звони и пойдем на кухню), — Станислав поискал телефон, но его нигде не было.

Лиля морщила лоб, с трудом вытаскивая из памяти слова:

— Mum has dropped the telephone. It's broken (Мама уронила телефон. Он сломался), — она вздохнула и посмотрела на Станислава умоляюще: — У папы в кабинете есть мобильный. Принесите, пожалуйста. А я пойду к девочкам.

— Dad has got a cellar in his study. Fetch it please. And I'll join the girls, — механически перевел Станислав и стал подниматься по лестнице. Лиля проводила его долгим, задумчивым взглядом.

С тех пор, как состоялся памятный Станиславу разговор, в кабинете Матвея Суреновича ничего не изменилось, если не считать большой фотографии, висящей рядом с картиной.

Станислав как вошел, так и замер, чувствуя неуместный в данный момент прилив счастья. И если всплеск благодарных чувств может передаваться на расстоянии, то Матвею Суреновичу достался изрядный импульс светлой энергии, от которой даже лежащий без сознания человек должен прийти в себя.

— Здравствуй, отец, — Станислав провел рукой по стеклу. — Не теряйся больше, пожалуйста.

Сотовый телефон лежал возле кресла, выпав, видимо, из руки хозяина кабинета. У Графа еще хватило сил спуститься по лестнице, но в холле стало совсем плохо... Но почему?

Станислав испытующим взглядом обежал кабинет и, не чувствуя угрызения совести, начал просматривать бумаги, лежащие на письменном столе, однако ничего, что объясняло бы причину обширного инфаркта у крепкого мужчины средних лет, не нашел. Включать самовольно компьютер он не решил. Из черной коробки недремлющего «факса» широким языком выползала бумажная лента, испещренная словами и цифрами.

Наконец, аппарат замер, закончив работу. Снова дернулся, и на белом фоне отчетливо пропечаталось несколько слов, сложить которые в понятную фразу не удавалось. Послание было, видимо, зашифровано. Что таило оно в себе — надежду или крах? Крах чего? Неужели Графу не удалось отстоять казино?..

Забрав телефон, Станислав спустился в холл, но прежде чем пойти в кухню-столовую, откуда уже плыл запах яичницы с беконом и сбежавшего молока, присел на тахту и позвонил тезке.

Трубку взяла Любовь Ивановна. Она обрадовалась, услышав его голос, упрекнула за то, что так надолго пропал. Объяснила: Стас до вечера будет на аэродроме. Узнав о несчастье в Лилиной семье, пообещала по своим медицинским каналам выяснить, как обстоят дела у больного, и чем можно помочь... Все это она говорила своим глуховатым ровным голосом, который уже не тревожил Станислава, не теснил грудь и не сжимал сердце.

Стол в кухне был сервирован, на тарелках лежала пережаренная яичница. Лиля, в мамином нарядном фартуке, хозяйничала возле плиты. Забрав телефон, она ушла в холл, чтобы позвонить помощнику Матвея Суреновича, а в кухню невесть откуда примчался Артемон.

Виновато помахивая кисточкой на хвосте, пуделек облизал Станиславу руки, а девочкам голые коленки. Переполох в доме он переждал, затаившись где-то, собачьим чутьем понимая: когда вокруг суетящихся людей возникает аура радости, можно наслаждаться в ее лучах. Но уж если сгущается клубок мрачных эмоций, путаться под ногами нельзя. Сейчас настало время сопереживать и откровенно принюхиваться к вкусным запахам.

После завтрака, поручив девочкам вымыть посуду, Станислав увел Лилю в холл и попросил рассказать все, что она знает о причине папиного инфаркта, — на русском языке, разумеется.

Лиля вздохнула с облегчением и поведала обо всем, хотя знала немного. Но в хорошенькой головке ее бродили неглупые мысли. Она умела обобщать и делать выводы, что помогло нарисовать картину печальных событий. В целом драма имела знакомый сюжет.

Какой-то злой рок мешал завершить строительство казино: невероятным образом исчезали облицовочные материалы, под любым предлогом увольнялись опытные мастера. Не так давно упал с крыши бригадир — чудом не погиб, но до сих пор лежит в реанимации.

— Папа тогда сказал маме: «Это мне кара за то, что не поддержал Надежду». И стал рассуждать о том, почему зло сильнее, хотя само по себе слабее добра, и знает это. Поэтому зло стремится к объединению всех возможных и невозможных сил, а добро растворяется беспредметно и расслабляет людей. И еще он сказал: «Необходимость добра для жизни так очевидна, что люди о нем не вспоминают, пока жареный петух не клюнет». Мама стала возражать, но папа ее словно не слышал. Сказал: «Он заглатывает нас по очереди. Я сопротивлялся дольше всех. Не знаю, на сколько меня еще хватит...» — глаза Лили наполнились слезами.

— Ты точно помнишь: он говорил о Надежде? — спросил Станислав.

— При мне папа с мамой разговаривают редко, поэтому запоминается все. О зле и добре, возможно, не совсем точно. Но о Надежде — слово в слово, потому что поняла: он говорил о вашей матери.

— Матвей Суренович называл какие-нибудь фамилии?

— При мне — ни разу. Мама, наверное, знает. Она любит расспрашивать папу о делах, но, мне кажется, он старается говорить с ней только о хорошем. И лишь недавно... — Лиля зашептала, хотя в кухне-столовой подружки включили телевизор, — он словно начал нас к чему-то готовить. Мне запретил одной выходить за ограду. На воротах поставили второй замок, а дверь в коттедже заменили на железную. Мама довольна, что в доме появилась собака. Все драгоценности папа отвез в надежное место. Хотя есть ли оно?..

— А почему Ираида Львовна твердила, что Матвея Суреновича хотят убить? — Станислав заметил, как Лиля вздрогнула.

— Потому что... — она подняла измученные глаза, прошептала: — Папу заставляют продать ресторан. Мою «Лилию». Он так и сказал вчера маме: «Если это случится, меня доконают. И этот бандит еще будет выглядеть благодетелем! Но я не сдамся. Пусть хоть убивает...» — из глаз Лили ручейками текли слезы, но голос почти не дрожал. — Вчера ужинать не стал. Спать лег в кабинете. Маме сказал: «Жду ранний между-

городний звонок». А утром мама нашла его в холле, без сознания. Он упал с лестницы, на лбу — шишка. Мама так закричала... — Лиля горько разрыдалась.

Станислав, чувствуя себя садистом, принялся успокаивать. Свистнул на подмогу Артемона. Вместе с пуделем появились Вика и Дина. Надо было начинать занятия, но приехал помощник Графа на «Газели», и кто-то из работников ресторана. Первый стал утешать Лилю, измучив ее окончательно. Два других занялись холодильником и подвалом, где хранились запасы продовольствия. Заносили коробки с консервами, соками и чем-то еще. Три больших холодильника не в состоянии были вместить мясные и рыбные полуфабрикаты. Создавалось впечатление, что коттедж готовится к долгой осаде.

Не успел Станислав закрыть за «Газелью» ворота, как подъехал «Мерседес». Из машины вышла некрасивая, элегантно одетая дама. Небрежно кивнув Станиславу, она торопливо вошла в дом, без утешений и расспросов напоила Лилю лекарством и уложила в ее комнате спать. Когда дама спустилась в холл, Станислав, не зная, чем заняться, листал красочные журналы с интерьерами шикарных вилл.

— Вы — репетитор Лилечки? Я еду в больницу. Что передать Ираиде Львовне? — категоричным тоном спросила дама, и сама же ответила: — Что вы дождетесь, когда я привезу ее. И девочка будет в безопасности под вашей охраной.

Ответить Станислав не успел — дама ушла, через минуту послышался шум отъехавшей машины. Потом раздался смех — подружки играли в саду с Артемоном. Пришлось отправить их по домам.

Закрыв калитку, Станислав присел на крыльцо, чувствуя себя полугостом, полуохранником. За спиной высился чужой дом, в нем спала чужая девочка и поселилось чужое горе. Только причина, породившая его, была общей. Не местным «бугром», а российской «горой», даже целым горным хребтом, вздыбившим страну. А куда ни глянь — лишь кучки земли над «сусликовыми» норками...

Вспомнился Степан — человек подневольный; закабаливший себя Сынок и продавшиеся «банные» девчонки; Смирнов, поселившийся в украденном офисе; спецы-прихлебатели, падкие на застолья... А внешне все — чинно, гладко. Если так пойдет дальше, то мэрия, город — все будет у Бугра в руках. Но где же прокуратура, общественность, пресса?.. Вспомнилось лицо журналиста, с которым познакомился на автобусной остановке, и его слова: «Несчастливая страна...» Пристальный, с укором взгляд майора Честякова, — словно жаром от пылающей машины обдало... Станислав уронил голову на руки, и пуделек, лежавший возле ног, лизнул его в щеку.

Уже стемнело, когда в сопровождении пышной дамы-соседки приехала из больницы Ираида Львовна — изможденная, постаревшая.

— Он пришел в себя, и врачи нас успокоили, — задушевно, словно родственнику, сообщила Станиславу сердобольная соседка. — А вот Ирочка может заболеть. Она такая ранимая... Я вместе с ней в спальне лягу. А вам постелю в кабинете.

«Жизнь идет по спирали времени, каждый виток которой приподнимает нас — год за годом — от плоскости рождения до наивысшей точки жизни — естественной смерти, если не оборвется где-нибудь посередине... — думал Станислав, глядя в потолок с легким лепным рисунком. — Все повторяется: прошло немногим больше месяца, и я снова на диване, в чужом кабинете, но на следующем временном витке, придавленный событиями, которые можно было предвидеть, но невозможно остановить...

Там, в Москве, я казался себе витязем, державшим в руках иллюзорный лук и стрелы пока неясного обвинения. А где-то рядом предполагался карающий меч правосудия. И щит справедливости. Где все это?.. Посадив самого себя на боевого коня, но поняв — не витязь, я не знаю теперь, что лучше надеть: маску Зорро или новомодную черную шапочку с прорезями для глаз? А может, побриться наголо, чтобы хоть внешне сойти за своего в гангстерско-мафиозном мире и проникнуть в него как лазутчик?..

Предположим, я соглашусь помогать Бугру представлять лицевую, парадную сторону его деловой жизни, обращенную к лопухам-горожанам. Предположим, мне удастся обнародовать изнаночную сторону его жизни: взятки, баньки с девочками, застолья... Кого этим сейчас удивишь? По телевизору, в центральной прессе постоянно то намеками, то напрямую обвиняют конкретных политиков, дельцов, чиновников, а все по-прежнему в своих креслах сидят.

Даже если собрать материал и проанализировать то, что происходит в городе... А что, собственно, происходит? Банкротство одних и слияние других фирм; купля-продажа, кому-то везет, а кому-то — нет... И дело о гибели следователя, как десяток других, попадет в список «глухарей». И все пойдет по Бугром задуманному сценарию... Нет, надо копать глубже и не здесь, а в нечистом бугровском прошлом, о котором, без сомнения, знал Дядечка. Знал, но молчал, и все равно заплатился жизнью... Значит, есть такое, что нельзя трогать, как мину с растяжкой».

Было тихо, но не так, как у Паниных или в бугровской крепости. Занавеска на окне пропускала свет зари, и в розова-

той дымке Станислав увидел отца. Он сидел к нему в полу-профиль за рабочим столом Графа, просматривая сообщения, вытекающие из факса и с принтера. Монитор компьютера светился, на нем мелькал текст с маминых и чужих дискет, попеременно с интернетовским. Вся аппаратура работала с легким цокотом, словно где-то вдалеке мчались аллюром кони. Бумажные ленты сползали на пол шуршащими волнами.

Информация — белый туман с шевелящимися в нем буквами, словами, цифрами, бесформенными порциями лжи, радости, зла, боли, и еще чего-то цветного приятно-неприятного — растекалась по кабинету. Это все поднималось вверх, клубилось, пенилось, пытаясь поглотить два островка, пока еще выступающие над поверхностью месива, — диван, на котором лежал Станислав, и стол, за которым сидел отец. Еще минута, и туманно-бумажный поток выплеснется в окно, растечется по городу, разольется морем и затопит страну, не оставив ни единой живой души. Лишь всезнающих, бессовестных монстров с искаженным интеллектом...

Надо выдернуть вилку из розетки, обесточить аппаратуру — Станислав это знал, но не решался протянуть руку к оголенным проводам: напряжение в сети за миллионы вольт.

Отец повернул к Станиславу черно-белое, как на фотопортрете, задумчивое лицо. В глазах таилась ласковая усмешка: «Это не самое страшное, — он кивнул на бумажное море, уже хлынувшее в сад. — Пищу для ума не вредно переест, опаснее в ней захлебнуться... Ужасно то, что у людей очерствела измученная Душа. Атрофировались чувства Долга и Чести. А главное...»

... — Вы еще спите? — слабый голос Ираиды Львовны разорвал туман. Станислав вздрогнул и соскочил с дивана.

— Сейчас спущусь, я уже одеваюсь...

После завтрака Станислав обратился к Лиле:

— While Dina and Vika are out let us take grammar (Пока Дины и Вики нет, займемся грамматикой), — он хотел встать из-за стола, но Ираида Львовна задержала его. Когда Лиля, собрав посуду, отошла к раковине, сказала, отводя глаза в сторону:

— Я вам благодарна, Станислав Сергеевич, но... — она внимательно смотрела в свою чашку, словно на дне ее после растворимого кофе могла остаться гуща, на которой можно гадать. — Пока Матвей Суменович болен, мы не сможем продолжать занятия. Ко мне приедет сестра с детьми, и Лилечка до конца лета будет занята...

Она начала рассказывать о сестре и, наверное, поэтому забыла о том, что трехнедельный репетиторский труд еще не оплачен.

— Но вы приходите в гости, — она проводила до крыльца, и Станислав подчеркнуто вежливо склонил голову. Лиля почему-то не вышла, и он, ощущая пустоту в груди, зашагал по дорожке.

Он был у калитки, когда Лиля его догнала и, попросив задержаться, убежала в дом. Станислав присел на качели и стал дразнить Артемошу прутиком, заставляя крутиться волчком. Из открытого окна доносился возбужденный голос Лили и недовольный — матери.

— У нас было двадцать уроков, до самого обеда, — убеждала Лиля.

— По моим расчетам — девятнадцать. И не забудь: он у нас завтракал, — тон голоса Ираиды Львовны был непоколебимо тверд.

— Разве во время завтрака мы не говорили по-английски? А вчера он был с утра до вечера. И еще надо за Вику и Дину...

— Подружки твои пусть платят сами. Нам надо сейчас на всем экономить. Кто знает, как обернется для нас папина болезнь. И чем закончится то, что довело Матвеюшку до инфаркта...

— Но это нечестно — не доплатить! Папа говорил, что хороший труд заслуживает поощрения, а ты!.. — Лиля была на грани слез.

— Да разве я против? У нас расхождение только в сумме.

— Мы не разорены, — замораживая рыдания, твердо сказала дочь.

— Я заплачу, но только за тебя, — холодно ответила мать.

Они снова заспорили. Станислав встал и пошел к калитке. Лиля догнала, загородила дорогу. Незабудковые глаза ее набухли росой.

— Вы слышали наш разговор? Простите ее... Она от горя потеряла рассудок. Раньше бы так никогда... — росинки поползли по щекам, и Лиля торопливо стряхнула их рукой. — Вот, возьмите, пожалуйста, — она сунула Станиславу влажные от потной ладони, скомканные купюры. — А за девочек — чуть позже... Ведь вы еще к нам придете?

— Sure I'll come (Конечно приду), — твердо пообещал Станислав, зная, что этого никогда не случится. Шагнул к калитке, но Лиля, мешая пройти, не сдвинулась с места.

— У Матвея Суреновича в кабинете висит портрет моего отца. Принеси, пожалуйста, — Станислава даже бросило в жар при мысли, что едва не забыл об этом, и фраза прозвучала по-русски.

Хорошенькое личико Лили приняло жесткое выражение, и Станислав подумал, что с годами она станет сильной, деловой женщиной.

— Вы снимете его сами, когда придете в следующий раз. А через следующий раз возьмете картину. А еще через раз... — она запнулась, понимая, что больше ничего не будет связывать их, и уронила на грудь головку, словно у золотистого одуванчика сломался стебелек. Ее шепот был как шелест травы: — ... ради меня.

— Я приду на День твоего рождения, — Станислав чувствовал, как оттаивает лед в душе и возвращаются прежние хорошие чувства.

— Мой День рождения очень нескоро. Зимой, — Лиля тяжело вздохнула. — В тот день, когда... все это у вас со Стасом случилось.

— Тогда я появлюсь в свой День рождения, он намного раньше.

— Когда? — радостно встрепенулась Лиля. Требовательный взгляд ее пытался поймать его ускользающий. Станислав улыбнулся:

— Пусть это будет сюрпризом. Думаю, к этому времени Матвей Суменович вернется домой, строительные дела его поправятся, и твоя мама станет такой же, какой была. А сейчас не лишай того, что мне дорого.

Кинув пристальный взгляд, Лиля заспешила в дом. Вернулась быстро, заворачивая портрет в бумагу.

— Поклянитесь, что в День вашего рождения будете в это же время стоять на этом же месте, — мольба и злость странно сплавлялись в выражении ее лица. И пугаясь такой непонятной для юного возраста страсти, Станислав попытался свести все к шутке:

— Вот те истинный крест, — он торопливо перекрестился.

— Этим не шутят, — покачала головой Лиля.

— Я не шучу. Клянусь... — убежденно произнес Станислав, не подозревая, что не по своей вине станет клятвопреступником.

... Теперь Станислав появлялся в читальном зале с утра и, обложившись учебниками, готовился к экзаменам. Иногда по просьбе Вадима Вадимовича переводил английские статьи, нередко заглядывая в словарь и получая чисто познавательное удовольствие.

Постепенно входя в круг интересов ученого, он начинал усваивать то, что вряд ли узнал бы из лекций. Это были итоговые мысли юриста, умудренного опытом других ученых — философов, психологов, социологов. К сожалению, Вадим Вадимович был лишь теоретиком и никогда не работал в органах правосудия. Шутил: «По моим лекциям выучились сотни следователей и оперативных работников, а я сам не поймал ни одного жулика».

Иногда Вадим Вадимович зачитывал целые куски из своей будущей докторской диссертации, и Станислав чувствовал себя раздавленным тяжестью научных терминов и рассуждений. Но основные мысли в лабиринте чужих умозаключений улавливал, поражая доцента жадным интересом, объяснить который тот, естественно, не мог.

— Я и не подозревал, что в вашем забитом шлягерами, закормленном «Сникерсами», расстрелянном и развращенном «черным ящиком», почти не читающем поколении еще существуют молодые люди, способные мыслить. И притом — нестандартно. Вы меня обнадежили: значит не «в стол» пишу, а для будущего...

— Будущее — это каждый новый день, — возражал Станислав. — Вы, пожилые, просто проахали, провозмущались и прозевали тот момент, когда пацаны восьмидесятых подросли до уровня грядущего тысячелетия — компьютерного, делового, жадного до знаний и денег.

— Деньги — это прежде всего, — сердито хмыкал Вадим Вадимович.

— Не совсем так, — возражал Станислав. — Вы разве не видите, как все расслоилось, обособилось: корыстно-агрессивные всплыли грязной пеной, а дальновидные и деловые пока залегли на дно, насыщая головы, наращивая мускулы, потому что ограниченный хлюпик сейчас ничего не добьется. А те, кто аморфно-безлик, болтаются мутью и подстраиваются то к дельцам от политики, то к новоявленной элите. Но чаще к мафиози — там сытнее.

— Вы забываете интеллигенцию... Считаете, что мы уже не существуем? — Вадим Вадимович задиристо вздергивал подбородок.

— Интеллигенция тоже расслоилась на деловых умников, растерянных «бывших» и пещерных романтиков... — ехидничал Станислав.

— Вроде меня? — уточнял ученый. — А куда вы относите себя?

— Я обыкновенный, потрепанная белая ворона, которая сама по себе, — отшучивался Станислав, и ему становилось грустно.

В читальном зале было уже по-летнему пусто, лишь иногда заходил кто-нибудь ненадолго. Но вот уже несколько дней за последним столом у окна окопался еще один труженик. Каждый раз он брал новую книгу и, почти не переворачивая страницы, что-то писал в тетрадь. Станиславу казалось, что парень с беспокойными глазами вслушивается в их тихие разговоры. И если бы голова его была бритой, а не курчавилась, как у молодого барашка, стоило бы насторожиться. Но стены юридического института казались гарантией от всяких сюрпризов. К

тому же уходил парень последним, помогая Тамаре запирать библиотеку. А днем часто отлучался покурить, отдавая тетрадь с записями девушке. При этом он шептал ей что-то на ушко, отчего она вспыхивала. Иногда он приносил поникшие от жары цветы и угощал конфетами, вытаскивая их из карманов «неформальных» широченных штанов. Тамара таяла и теперь уже не встречала Станислава влюбленным взглядом.

Что-то было в поведении парня наигранным, и притупившаяся было подозрительность Станислава разгорелась вновь. Однажды, улучив момент, когда парень ушел курить, а Тамару позвали в соседнюю комнату, он заглянул в тетрадь Курчавого. Там была несусветная чушь: рогатые рожицы дразнили длинными языками, обнаженные девицы с лицом Тамары сидели и лежали в непристойных позах. Курчавый был неплохим рисовальщиком и психологом, если понимал, что такая девушка, как Тамара, не станет заглядывать в чужую тетрадь, а значит, можно безнаказанно поиздеваться.

Но были среди этих художеств и отдельные фразы. Позже, уже дома, просматривая их в зрительной памяти, Станислав уловил смысл и похолодел: парень пытался записать его разговоры с доцентом. Однако большую часть времени каждый занимался своей работой молча, вот и приходилось Курчавому развлекать себя.

Сначала Станислав решил отобрать у шпиона тетрадь и избавиться от него хотя бы ценой скандала. Но стало жаль бесхитростную Тамару... Предупреждать Вадима Вадимовича не имело смысла, и весь следующий день, проведенный в библиотеке, Станислав молчал. На вопросы доцента отвечал односложно, сославшись на головную боль. Но когда они вышли на улицу, спросил, кивнув на портфель:

— Вы все материалы диссертации носите с собой?

— Только главу, над которой работаю. А почему вас это интересует? — вопрос был задан рассеянно. Доцент воевал с соломенной шляпой, которую порыв ветра едва не сорвал с головы.

— Да так... Подумалось: что, если ваши исследования вступают в противоречие с интересами... — Станислав замялся, не зная, как точнее и мягче выразить свою мысль.

— У нас сейчас демократия, — быстро, словно обороняясь, сказал Вадим Вадимович и замолчал, чувствуя дряблость своего аргумента. Станислав криво ухмыльнулся. Они остановились у светофора, дожидаясь, когда загорится зеленый свет.

— В прошлом году меня попросили написать статью в местную газету. Я отказался: не хотелось отвлекаться от диссертации. Но недавно, после наших разговоров, а вернее — ваших вопросов, очень необычных и, на первый взгляд, хаотичных...

Но я уловил логическую связь и понял: вы пляшете вокруг одного жертвенного костра...

— Что же произошло недавно? — перебил Станислав. Он боялся, что разговор потечет по другому руслу, и дорога закончится раньше, чем Вадим Вадимович скажет что-то важное.

— Недавно я позвонил в редакцию и предложил... Знаете, итог моей диссертационной работы отдален и несколько отвлечен от жизни, которая сейчас непрерывно меняется... — Вадим Вадимович торопливо шагнул с тротуара на «зебру». Станислав нагнал его и решительно взял под руку.

— И что же вы предложили редактору?

— Сказал, что готов сделать статью, которую они просили. «Криминальные структуры как порождение ослабленной внутренней политики в момент экономической перестройки государства». Название условное, но суть такова... — Вадим Вадимович начал уходить в рассуждения, но Станислав бесцеремонно вернул его обратно:

— Вы написали эту статью? — казалось, что они стоят перед запертой дверью, за которой то ли склад с динамитом, то ли паутина с дохлыми пауками.

— Прежний редактор уволился, а новый пояснил, что эта тема не актуальна, далека от жизни. Он не сказал этого прямо, но я понял.

— От жизни вообще или именно сейчас и в нашем городе? — Станислав сделал ударение на слове «сейчас».

Они вошли в старый запущенный парк. Главная аллея была подметена, и вдоль нее стояли, как на параде, пингвинчики-мусорки.

— Я хотел воспользоваться местным материалом, подобрать в прокуратуре из дел за последние пять лет. Впрочем, сейчас криминальная обстановка в городе улучшилась, судя по милицеейским сводкам, — Вадим Вадимович говорил все более неуверенно, погружаясь в свои мысли, очевидно, не очень приятные.

И, повинувшись внезапной догадке, которая не приходит случайно, а формируется по собственным тайным законам, Станислав спросил:

— Вы знакомы с Бугровым Тарасом Игнатьевичем? — и впился взглядом в лицо доцента, пытаясь понять то, чего он не доскажет.

— Лично — нет. Но эта фамилия сейчас на слуху. Когда-то Бугров проходил свидетелем в деле об убийстве криминального авторитета. Фамилия не запомнилась, потому что дело... как бы ушло в песок.

— Дядьков Илья Николаевич не был криминальным авторитетом.

— Вы его знали? — Вадим Вадимович остановился. Глаза его были распахнуты, и Станислава поразило, какие они по-детски наивные.

— Прекрасно знал. Он был одинокий, добрый, несчастный человек.

— Судя по материалам следствия, Бугров охарактеризовал убитого иначе... В отношении его самого сомнения были, но за недостаточностью улик... — Вадим Вадимович развел руками.

Сейчас надо свернуть с людной центральной аллеи на боковую и выйти через калитку на улицу. На другой стороне ее — знакомый пятиэтажный дом. Они всегда возвращались этой тенистой аллеей, с удовольствием ощущая прохладу вечера и горьковатый запах цветущего боярышника. Под защитой раскидистых кустов уютно стояли лавочки, слышался смех и поцелуи влюбленных. Но сегодня ветер треплет листву, угрюмые тени мечутся по асфальту, и тьма сгущается под деревьями, где может притаиться кто угодно...

— А сейчас господин Бугров выдвигает свою кандидатуру в мэры города, — пересилив себя, Станислав свернул вслед за Вадимом Вадимовичем на боковую аллею.

— Я знаю... Но как-то не связывал эти факты. Теперь кое-что становится понятно и... даже интересно. Надо будет проверить, — бормотал ученый, забывая обо всем и видя только то место, куда должна сделать следующий шаг нога.

— Утром с Ларисой Алексеевной вы тоже здесь ходите? Может, лучше на троллейбусе, вкруговую, — посоветовал Станислав.

— У вас, наверное, есть занятие более интересное, чем провожать старика? — по-своему истолковал его слова Вадим Вадимович.

— Наоборот... — Станислав помрачнел и внезапно решил: — Мне надо откровенно с вами поговорить. Только не в читальном зале.

— Всегда к вашим услугам, — ученый хитровато глянул на своего собеседника. — Не в библиотеке — из-за ухажера Томочки? Ах, молодость! Как все просто и прекрасно в вашем возрасте.

— Дело совсем не в этом! Мне не хотелось вас пугать...

— И не надо, — засмеялся Вадим Вадимович. — Это монополия Ларочки — меня пугать. Она третий замок на двери поставила, хотя золотые сережки дочери отдала, когда та уезжала с мужем в Самару.

Станислав едва зубами не закрипел. Хотелось резко и прямо сказать то, что думает о редакторе, Курчавом и Бугре. Об убитом Дядечке... Все укладывалось в такую логичную цепочку, что становилось не по себе. Но они уже подошли к

подъезду, и Вадим Вадимович аккордом нажал кнопки на кодовом замке входной двери.

— Спасибо, что проводили. Боюсь, завтра я не смогу прийти в институт: Ларочка тянет к приятелям на дачу. Возможно, и заночуем там. А в понедельник — непременно буду в читальном зале, — он дотронулся до полей соломенной шляпы и вошел в подъезд.

Что-то нехорошо сжалось у Станислава в груди. Он шагнул было вслед, но железная дверь с лязгом захлопнулась.

«Кажется, у меня появился криминальный синдром», — досадуя на себя, Станислав сделал шаг в сторону, но слабый, похожий на плач младенца крик, развернул его и бросил к двери. Культики бестолково зашарили по кнопкам кодового щитка. В то же мгновение дверь распахнулась, и двое, едва не сбив Станислава с ног, выскочили и побежали к машине, стоящей в конце двора.

Станислав успел придержать ногой створку и преодолеть три двойных марша лестницы за один вздох. Он едва не споткнулся о лежащее на площадке тело.

Вадим Вадимович упал лицом вниз, закрыв его руками и словно защищаясь от несущихся навстречу ступенек. Серые волосы на затылке быстро слипались от крови. Шляпа валялась рядом. Портфеля с бумагами не было...

Все это Станислав увидел одним беглым взглядом. В следующую секунду дверь распахнулась, задев ноги лежащего, и появилась Лариса Алексеевна.

— Боже мой! Ва-ди-к! А-а-а!..

Ее крик, эхом множась на этажах, словно взорвал подъезд. Захлопали двери. Станислав наклонился, пытаясь сквозь ее крик расслышать дыхание или удары сердца. Из горла Вадима Вадимовича вырвался булькающий звук, пальцы судорожно заскребли щеки.

— Он жив... Надо быстрее вызывать «скорую», — Станислав попытался оторвать руки Ларисы Алексеевны, вцепившейся в мужа, но не смог. Хотел пройти, чтобы позвонить, но, стоя на коленях, Лариса Алексеевна загоразивала дверь. И понимая, что уговаривать теряющую рассудок женщину бесполезно, он нажал кнопку звонка соседней квартиры. Тотчас на пороге появился пацан лет десяти — большеглазый, ушастый, чем-то похожий на Чебурашку.

— Позвони ноль-два и ноль-три, — попросил Станислав, но пацан, окаменев, глядел за его спину. Пришлось шагнуть в прихожую, самому найти телефон и снять трубку. Машинально он взглянул на часы: было без пятнадцати минут шесть.

В распахнутую дверь Станислав видел, как набегали снизу и сверху жильцы, уже вернувшиеся с работы. Одни задирали

головы, другие свисали с перил. В глазах — любопытство, растерянность, жалость. И только. Словно всех разом парализовал шок.

Когда Станислав снова вышел на площадку, Лариса Алексеевна лежала рядом с мужем и, как рыба, хватала ртом воздух.

— Дайте же что-нибудь сердечное, люди! — резко сказал Станислав. Все взоры тотчас обратились к нему, но с места никто не сдвинулся. — Нужно мокрое полотенце — раненому на голову, — ничего лучшего он придумать не мог. Все внутри дрожало от нетерпения и отчаяния, тупая инертность людей начинала бесить. — Врача среди вас, что ли, нет?! — крикнул он, уже не сдерживая злости.

— Есть... Я сейчас! — с верхней площадки пробивалась щупленькая пожилая женщина. — Что случилось? Господи, это же у Ларочки!

Разом все зашумели, выходя из скоротечного столбняка. Каждому понадобилось заявить о своем присутствии. Кто-то уже пытался засунуть между стиснутыми зубами таблетку валидола, но Лариса Алексеевна мотала головой и слабо отбивалась. Щупленькая врачиха не знала, что делать с полотенцами — мокрыми и сухими, плывущими к ней через головы людей. Кто-то из женщин завизжал — ей за шиворот упала капля воды. Кто-то засмеялся, и вокруг зашикали.

— Надо внести в квартиру, — суетилась хорошенькая блондинка.

— Ни в коем случае нельзя трогать! — возражал полный мужчина.

— Воздух нужен! Расступитесь, — умоляла врач. Люди делали шаг назад и снова смыкали ряды, закупоривая узкую лестничную клетку.

— Трагедия превращается в фарс, — с бессильной злостью пробормотал Станислав, пытаясь ослабить зреющее в душе ощущение тошнотворной скверны. Он начинал ненавидеть этих падких на сенсации людишек, привыкших к залитым кровью квартирам, изуродованным в подъездах трупам, к телам, втиснутым в искореженные машины, — «черный ящик» щедр и на реальные ужасы. Охотники за «свежатинкой» с микрофонами в руках, как добросовестные гиды, ведут, смакуя подробности, по земному аду. А туристы-зрители, сидя за ужином, жрут. Кто рябчиков с ананасами, кто картофельную похлебку, но с одинаковой жадностью впиваются в безразличный ко всему экран...

Тяжелые мысли отразились на лице Станислава. Он был здесь чужаком, его никто не знал — «темная лошадка» с презрительно перекошенной физиономией. Это не могло остаться не замеченным.

— Кто такой? Почему оказался здесь? — сурово спросил

рыжеволосый мужчина средних лет. Колючий взгляд его с головы до ног обшарил Станислава, и что-то ему в незнакомце не понравилось.

— Он провожал дядю Вадима, — донесся снизу детский голос.

— Напровожался! — крикнула женщина с грубым лицом. — Это же ясно: тюкнул, а сбежать не успел, потому что я сразу выскочила.

— Карманы проверьте, может, что взял?..

— А портфель где? Старик всегда ходил с портфелем?

Люди кричали, перебивая друг друга. Никто Станислава ни о чем не спрашивал. Все всё видели и знали.

Они нашли выход темным чувствам, слитым в них с телеэкранов; поняли, как можно разрядить долго копившийся страх, так унижающий на безлюдных улицах, когда каждый прохожий кажется бандитом. И, помножившись на усталость после трудового дня, все эмоции выплеснулись на парня, глядевшего на них с явной неприязнью.

Станислав чувствовал, как вокруг него сжимается пространство, наполненное липкой чернотой, вроде расплавленного битума. В такой битум он угодил однажды в детстве. Лужа была небольшой, но он не мог сдвинуться с места. Боялся потерять равновесие и упасть, влипнув целиком... Отец вытащил его зарезанного, с распухшими от горячего компресса ногами. Сейчас надо было спасти себя самому.

— Успокойте их, — негромко сказал Станислав рыжему мужчине. — Стыдно потом будет — я же здесь не при чем.

Рыжий покосился на него и молча отодвинулся в сторону.

— Ишь, побледнел-то как! — красноносая женщина, пробираясь снизу, застревала в тесноте и злилась. — Бей его, мужики!

— Может, без драки... — Рыжий пристально посмотрел на Станислава. — Интеллигентный, вроде, и одет хорошо.

— С виду какими хошь могут быть. Ежели не с «пушкой», так ножом работают, али железкой. А мы их — голыми руками... — сверху спускался битюг вроде бугровских. Мощные челюсти дожевывали что-то. При виде его кулаков у Станислава ватно расслабились ноги.

Бугай остановился напротив и смерил его взглядом мясника, оценивающего тушу, которую надо разделать. Станислав понимал: любое слово, движение приведет эту махину мускулов в действие, а потому лишь смотрел в заплывшие глазки. Бугаю это не нравилось, он начинал заводиться, как набирающий силу паровой молот.

Он ударил коротко и сильно, метя в лицо, зная, что ответа не будет. Бил, как заколачивал бы в стену гвоздь.

Станислав ожидал удара. Он был весь, как сжатая пружина. Не сделав даже шага в сторону, он резко отклонил голову, и кулак, просвистев рядом с ухом, с глухим треском врезался в стену.

Парень взвыл, сгибаясь и обхватывая левой рукой правую кисть с окровавленными костяшками пальцев. Сейчас можно было бы одним прыжком вскочить на перила, соскользнуть вниз, за спины людей...

Вот тогда-то его и арестуют. Хотя бы на время, пока все не разъяснится. Но непредсказуемо может вмешаться Бугор...

Мысли проносились как в уродливом сновидении, в реальность происходящего трудно было поверить. Но Бугай разгибал спину, лицо его становилось звериным. Казалось, еще мгновение, и щеки, лоб обрастут шерстью, а во рту сверкнут клыки.

Растянувшееся мгновение оборвал сердитый женский крик:

— Моего увечишь! — с верхнего этажа колом скатилась толстенькая женщина. Она отпихнула мужа и замахнулась на Станислава литым кулачком. Опасаясь, что женщина так же разобьет себе пальцы, Станислав замер и выставил вперед, блокируя удар, руку.

— Ах, ты еще и в перчаточках! — почему-то не решаясь ударить, взвизгнула женщина. — Это чтобы отпечатков пальчиков не было?..

Резкий милицейский свисток перекрыл шум.

— Наконец-то, — загалдели внизу. — А где «скорая»? Легче помереть, чем вас дожидаться.

Станислав, не опуская руки, посмотрел на часы: было ровно семь. Кошмар длился всего пятнадцать бесконечных минут.

— Всем разойтись. Очевидцам — остаться, — лейтенант с широким, как утиный клюв, носом и молоденький усатый сержант протискивались сквозь толпу. За ними поднимался кто-то в штатском.

— Жив? — лейтенант наклонился над Вадимом Вадимовичем.

— Он-то жив и приходит в себя. А у Ларочки, похоже, инфаркт, — женщина-врач всхлипнула. — Господи, одним ударом — обоих...

— Кто вызывал «неотложку»? — сержант окинул всех строгим взглядом. — Надо было предупредить, что пострадавших двое.

— Когда я вызывал, Лариса Алексеевна была еще на ногах, — Станислав сказал негромко, но слова прозвучали, как выстрелы.

Бугай, баюкая руку, уставился на него недоуменным взглядом. Кругленькая жена его, кивнув на Станислава, пробормотала:

— Люди вон сказывают: его это работа, — возбужденный взгляд ее, остывая, сменялся разочарованным — скандал отменялся.

По лестнице поднялся врач с «неотложки», за ним — санитары. Вадим Вадимович, не открывая глаз, стонал, когда его клали на носилки. Врач сделал укол Ларисе Алексеевне, и та, придя в себя, плакала. До возвращения «скорой» ее увела домой врач-соседка.

— Извини нас, — сказал рыжеволосый мужчина. — Издержаны все, мерещится черт-те знает что. И, как правило, не там, где надо.

— Бывает, — кивнул Станислав, но протянутой руки не пожал.

— Давай, рассказывай, — безошибочно определив главного свидетеля, к нему подошел опер в штатском. Слушал лаконичный рассказ, не перебивая. Взгляд внимательных глаз становился угрюмым.

Почти не напрягая зрительную память, Станислав описал лица и одежду парней, сам удивляясь тому, сколько сумел заметить. Только сейчас сообразил, что под вздувшейся ветровкой лохматого крепыша был портфель. Рука прыщавого верзилы сжимала что-то, напоминающее отрезок трубы, завернутый в газету.

— Сели на синюю «шестерку», говоришь... — переспросил «опер» в раздумье и, повысив голос: — Кто видел во дворе синие «Жигули»?

— Я видела, — услышался знакомый детский голос, и на площадку выбралась похожая на пацана девчонка.

— В машине кто-нибудь сидел? — лицо опера оживилось.

— Человек какой-то за рулем был. Волосы кудрявые, симпатичный.

«Неужели Курчавый?» — Станислав обернулся к оперу, но тот говорил с кем-то по рации.

Потом Станислава отвезли в участок, и опер, представившийся как следователь Уваров, попросил написать все, что он знает по этому происшествию. Станислав постарался: он упомянул о разговоре Вадима Вадимовича с редактором газеты год назад и недавно, указал тему статьи, связал ее с похищением портфеля, хотя в нем лежал другой материал. Он был абсолютно уверен, что за всем этим стоит Бугор, и между строк его показаний нарочито сквозило: ищите среди деловых и могучих, у кого рыльце в пушку... У кого именно — может и должно определить следствие.

Станислав думал, что объемистое сочинение заберет у него Уваров. Угрюмый капитан чем-то понравился, и он решил, когда будут наедине, напомнить о забытом деле Дядечки. Но

часа через два тоскливых ожиданий в дежурке появился лейтенант с утиным носом. Бегло просмотрев написанное, он не запер показания в сейф или ящик стола, а сунул в папку, которую носил с собой.

— Я бы мог опознать парней. У вас определенно есть их фотографии, — Станислав еще на что-то надеялся. Но лейтенант буркнул:

— Всему свое время. Вызовем, — и почти выставил из кабинета.

Выйдя из отделения милиции, Станислав остановился. Было уже темно. Беззвездное небо казалось твердым. Пустынная улица, уходя вдаль цепочкой фонарей, была как из черного вара. Весь окружающий мир словно ощетинился четко обозначенными гранями «можно» и «нельзя» — для всех. И вседозволенностью — для избранных.

«А вы уверены, что ваши бумажки или свидетели не исчезнут раньше, чем вы вернетесь домой?» — вспомнились слова Графа.

Что же, к трагической цепочке Дядечка — майор Честяков — господин Евграфов — Вадим Вадимович и десяткам других погибших или покалеченных «случайно», «при стечении обстоятельств», «по собственной неосторожности» может прибавиться еще один...

«Сейчас я пойду по улице, как белый кот по черной дороге, и та машина, что притаилась за газетным киоском, собьет с ходу, не включая фар. Несчастный случай, был пьян... Ах, он почти не употребляет спиртного? Значит, сам под колеса бросился: навязчивая идея суицида на сей раз осуществилась успешно...»

Световой квадрат от распахнувшейся двери упал на тротуар, и увеличенная тень лейтенанта впечаталась в него со словами:

— Чего застрял? Может, в «обезьяннике» заночевать захотелось?

— Отчего бы и нет? — Станислав зевнул. — Если оборванцев нет, и нары чистые. Хоть выплещу, а то до Нового города добираться...

Лейтенант глянул в перспективу улицы и свистнул. Станислав заметил, что папки в руках его уже нет. Свист настояжил. Напрягшись, он отступил к стене, опасаясь удара сзади. Но где-то рядом заурчал мотор, из-за угла выехала милицeйская «Волга».

— Залазь, подбросим, — лейтенант сел рядом с водителем.

— Вообще-то я друзьям позвонил, предупредил, что в отделении заночую, если домой не подбросите, — пробормотал Станислав, устраниваясь на заднем сиденье.

— Что еще за друзья? — лейтенант повернул к нему голову.

— Да есть кое-кто в прокуратуре, — соврал Станислав и усмехнулся: пусть поищут того, кого нет.

— Ну-ну, — хмыкнул лейтенант, видимо, не поверив.

... Квартира была в целости. Прохладные простыни остудили пылающее тело, и Станислав уснул, едва коснувшись их.

На другой день его разбудила тетя Катя. Она принесла булку и кусок яблочного торта, украшенного ягодами.

— У Лизоньки вчера День рождения был. Вы обещались, а не пришли, — мягко упрекнула она.

— Я только в полночь приехал, — вспомнив, что не успел купить подарок, Станислав виновато улыбнулся.

— Что ж, дело молодое. Я уж и Лизоньке говорю: «Чего дома сидишь затворницей? Парни, поди, знакомые есть... Вну-чонка мне роди. А потом хоть разведись, ежели муженек не люб будет. А то вон ирода мне на шею повесила. Он ведь, паршивец, книжки читать начал! Ни «бе», ни «ме», руки трясутся, а листочки-то переворачивает... Как вы мне заявочку-то составили, дочка переписала ее и в райсобес снесла. Обещали с пенсией все устроить. Из поликлиники уже приходили. Встать, говорят, не встанет, а прожить может долго: сердце как у молодого. Не то, что мое...»

Тетя Катя еще немного поохала. Уходя, попросила шепотом, словно боялась, что услышит через стену дочь:

— Может, у вас какой товарищ есть? Только чтоб непьющий и попроще. Хоть разведенный, хоть вдовый, можно и с ребеночком... Сама ведь из гордости да стеснения так в девках и останется.

— Буду иметь в виду, — улыбнулся Станислав. Эта простодушная женщина вселяла в него странный покой и уверенность.

Заварив себе крепкий кофе, он съел торт и, взяв булку, снова завалился на тахту, решив, что сегодня никуда не пойдет и звонить никому не будет, потому что вести могут быть плохие, а надо дать душе и нервам хоть недолгий отпуск.

Звонок прозвучал неожиданно, как болезненный крик. Это было невероятно, потому что он никому не давал номер своего телефона. Даже не говорил, что он есть. Поэтому подумал, что ошиблись номером, но прошлепал в коридор и снял трубку.

— Слушаю, — буркнул с досадой.

— Вот и слухай, — голос был тягуче-гнусавый, словно человек говорил, зажав нос. — Вякнешь еще раз — размажем по асфальту.

— Будешь, Кривоносый, моих друзей мочить — и вякну.

Да еще как! Высоко аукнется, — Станислав нажал кнопку отбоя.

Светящийся пульт вскоре погас, а затлевшая тревога разгоралась. Он понимал: это еще не сама война, а лишь ее «предбанник», где чан с кипятком, чан со льдом... И окунать будут в каждый по очереди, пока шкура не слезет или не разорвется сердце.

«Похоже, я у Бугра, как кость в горле... Что окажусь свидетелем нападения и дам показания в милиции — этого он не ожидал. Здесь у его киллеров прокол вышел. Хотя вряд ли старика метили убить. Портфель был нужен, со статьей, и припугнуть хотели...»

Станислав снова лег на тахту. Портрет отца висел напротив, и казалось, что в квартире поселился близкий человек. Он все понимает, с ним можно разговаривать и даже спрашивать:

— Что Бугру от меня надо? Мадлен права: дискеты — для отвода глаз. И в помощники я ему не так уж нужен. Значит, боится того, что связано со мной, а я сам еще этого не знаю?.. Нет, стоп! — Станислав вскочил с тахты и пошел в ванную.

Впервые холодный душ не взбудрил, а заморозил. Противно зацокали зубы, пришлось надевать махровый халат и кипятить воду для кофе. Когда волна тепла успокоила нервы и прояснила мозг, Станислав лег на шкуру медведя. Его смятая голова уже не казалась устрашающей, пасть не скалилась, а ввалившиеся глаза глядели обиженно. Зверь был чем-то похож на Пирата, когда тот был кутенком с перебитой лапой, и Дядечка выхаживал его, подобрав полуживым.

«Бугор боится Дядечки. Даже после смерти, потому что Дядечка подложил ему «мину», которая сработает, если ее найти... — Станислав замер, чувствуя, как близко подошел к разгадке. — Он хотел сказать мне, где спрятан тот самый сейф, о котором говорила Мадлен. Но не успел... Он рассчитывал на меня, а я раскис и бегаю кругами. Разгадка — центр спирали, в нее втягивают меня события, из которых не выберусь, даже если захочу. Но я не хочу. Все должно кончиться однозначно: я свалю Бугра или он прикончит меня. Один к девяти... Лучше бы наоборот».

Перевернувшись на живот, Станислав прижался щекой к жесткому меху. Потом взял трубку и снова лег на шкуру. Что-то подсказывало ему, что сначала надо позвонить в больницу, где лежал сам.

Номер телефона в окошечке белого аппарата всплыл в памяти, как на фотобумаге, положенной в проявитель. Станислав набрал его и услышал воркующий голосок медсестры Танечки. Она радостно ойкнула, узнав его голос, но, поняв причину звонка, поскучнела:

— Да, лежит у нас старикан с травмой головы. Состояние тяжелое, но Сергей Львович говорит — выкарабкается. Нет, из милиции пока никто не приходил... А насчет жены — звоните в кардиологию, — Танечкин голос становился все более официальным, и номер телефона она продиктовала ледяным тоном.

У Ларисы Алексеевны все было «не очень хорошо, но раз жива, значит и не слишком плохо», как выразилась врач-соседка. Она работала в больнице, и оба старика оказались под ее присмотром.

В графском коттедже трубку взяла Ираида Львовна. Пришлось изменять голос и, чуть шепелявя, справляться о здоровье Матвея Суреновича. Устав от подобных вопросов, она ответила лаконично, что состояние улучшается, и семья полна надежд.

Тезке он позвонил, хотя был уверен, что никого нет дома. Но Стас взял трубку. После обмена приветствиями Станислав сказал:

— Если будут спрашивать те дискеты, что я оставил, отдай.

— Кому отдать? — не понял Стас.

— Тому, кто возьмет за грудки и потребует... — шутливым тоном сказал Станислав и, справившись о здоровье Любови Ивановны, хотел повесить трубку, но что-то заставило его поинтересоваться: — А ты чего в такой день не на аэродроме?

— Да ногу подвернул, — неохотно признался Стас. — Купол основной накрест перехлестнуло, пришлось «запаску» выбрасывать. Скорость приличная была, вот о землю и приложило... Растяжение связок. Только маме — ни слова. Я ей сказал, что оступился.

— Почему перехлестнуло? — обмирая от тревоги, резко спросил Станислав. — Кто-нибудь мог покопаться в ранце?..

— Это я сам! — Стас уловил напряжение в голосе тезки. — Когда парашют складывал, к Евграфовым торопился. Артемон пропал. Лиля так плакала... В утешение ей принесли щенка немецкой овчарки. А ты чего у них не бываешь? Я Лилю спросил, она ответила невнятно.

— К экзаменам готовлюсь, надо же досдавать... Ты не удивляйся, если я на какое-то время пропаду. Может, в Москву съезжу.

— Надеюсь, насовсем не останешься? — в вопросе Стаса было столько тревоги, что на душе у Станислава сделалось уютно и тепло. Нестерпимо захотелось рассказать все, ни о чем не прося, ничего не ожидая. Просто выпотрошиться, очищаясь от скверны и набираясь его светлой энергии... Тоска была мгновенной, как острая боль. Он перетерпел ее. Ответил небрежно:

— Чего ради?.. Ладно, бывай. Осторожнее там... Береги мать, — и, не дожидаясь ответа, отключился.

Несколько минут Станислав лежал расслабленно, сберегая последние секунды покоя. Сомнения, трепыхания души — с этим покончено. Война так война... Не всегда побеждает тупая сила, если против нее — светлая голова. И на танк найдется граната...

Он понимал, что бодрые рассуждения — детский лепет, что он просто настраивает себя, втягивая в опасную игру. Борьба одному против армии — чушь несусветная. А вот хотя бы поиграть, пуская в ход смекалку. Ходить по жердочке, дразня, изводя...

Станислав засмеялся, чувствуя, как разгорается в нем азарт, словно аппетит при виде неизведанных лакомств.

«Начинать надо всегда с самого начала...» — любил шутить Дядечка. Вот и докажем: «Один в поле — тоже воин».

Рывком оторвав себя от пола, он вскочил на ноги, натянул рубашку, джинсы и отправился к соседям.

— Мама еще не пришла, — сказала Лиза, и лицо ее, как всегда при встрече с ним, полыхнуло румянцем.

— Я к вам. За помощью. Объяснять все слишком сложно, но поверьте: очень надо разыграть одного человека.

— Я постараюсь помочь. Не стойте в дверях, заходите.

... Красиво постриженный черный пудель сидел в пыли у входа на автобусную станцию, с тоской поглядывая на отъезжающие машины и спешащих людей. Негромкий свист заставил его вздрогнуть и закрутить головой. Мохнатые ушки при встали, носик-пуговка задергался, принохиваясь, но куда бежать, песик понять не мог.

Однако свист повторился. Он был таким знакомым и долгожданным, его так не хватало все дни скитаний и безуспешных поисков того, кто был необходим верному собачьему сердцу.

— Ты что, дурашка, не узнаешь? — громко сказала высокая девушка в светлой кофточке и широкой юбке ниже колен. Голос был невероятно знаком, но от девушки резко пахло духами, отчего хотелось чихать. Из-под пестрой косынки на лоб выбивалась челочка, прямые светлые волосы падали на плечи.

Девушка сняла темные очки — насмешливый взгляд серых глаз был таким родным, но подведенные темным брови и ресницы сбивали с толку. Яркие губы улыбались весело, и, в предчувствии чуда, пуделек вскочил, отчаянно замахал хвостом.

— Опять ты свалился на мою голову, назола, — проворча-

ла девушка, поправляя рукой в шелковой перчатке узелок косынки, и Компик-Артемон бросился облизывать в восторге голые ноги, обутые в светлые кроссовки. От кроссовок исходил такой прекрасный аромат, что хотелось прижаться к ним навсегда и умереть от счастья.

— Придется тебе, дружок, ехать со мной. Вот уж некстати, — бормотал Станислав, радуясь, что упрямец объявился и не сразу его узнал. Значит, камуфляж получился надежный. Только бы не забыть своей девичьей роли, хотя сугубо мужских привычек вроде бы нет. И все отлично, только голова под косынкой, с подшитыми волосами из бывшей лизиной косы, вспотела, а лифчик, набитый ватой, все время приходилось поправлять.

Лиза оказалась на диво изобретательна. Она легко включилась в игру, вообразив, что подшутить Станислав хочет над своей подружкой. Он не разубеждал, добавил только, что будет в большой компании, где его отлично знают, и разоблачение грозит крупной ссорой.

Уверяя, что в него влюбятся все друзья, Лиза смеялась, поблескивая крепкими зубами. Смущение ее словно ветром сдуло, как только Станислав примерил на джинсы ее юбку. Кофточку она предложила с воротником и длинными рукавами. Женская обувь оказалась мала, но его теннисные кроссовки логично завершили скромный наряд, украшением которого стали белый поясик и такая же сумочка.

«Вашей талии любая девушка позавидует, — шутила Лиза. — Вот если бы от плеч отнять и прибавить к бедрам, хоть на конкурсе красавиц вас отправляй».

Потом она неумело, но с удовольствием нанесла на лицо Станислава макияж из почти нетронутой коробочки с тенями и румянами.

«А вы сами почему не подкрашиваетесь? — спросил Станислав, разглядывая в зеркале не свое, а Лизино блеклое лицо с грубоватыми, но правильными чертами. — Вам бы очень пошло».

«Да так... — отмахнулась девушка. — Лет пять назад, когда медицинское училище закончила, захотелось мне и подружке почувствовать себя сногшибательными красавицами. Разорились на косметику, я косу обрезала, прическу модную сделала. Купила на барахолке платье с люрексом, дорогие туфли на высоких каблуках. И отправилась с подружкой на платную дискотеку. До того я только в училище несколько раз на праздничных вечерах была, танцевали «шерочка с машерочкой»: парней-то среди однокурсников раз-два и — обчелся... А тут все спит, музыка грохочет, толкотня — дышать нечем. Не поймешь, кто с кем танцует и все какие-то бешеные. Нас

с подружкой тотчас разлучили. У нее знакомый нашелся, а ко мне одинокий парень прилепился, вроде бы порядочный...»

«Порядочные в одиночку на такие дискотеки не ходят», — Станислав уже догадывался, чем все закончилось.

«То же самое мне и парень сказал, когда в провожатые навязался. Сначала на чай напрашивался, а как услышал, что мать дома, в парк затягивать стал. Еле отбилась... Бежала так, что туфлю потеряла, а вторую со зла в мусорку бросила — ползарплаты... С тех пор никуда не хожу и модничать не решаюсь. Мать ругает, а мне в каждом парне тот прохвост чудится. Может, и зря... Но только куда ни глянешь — то пьет, то на деньгах помешан. Кто получше — уже женатый, а такие, как вы, словно на другом ярусе обитаете».

«Да вроде бы на одной площадке живем», — смутился Станислав.

«Площадка одна, да двери разные. И стена общая, а не прошибешь», — жестко подытожила девушка, расставляя все на свои места.

... Пригородный автобус подошел по расписанию. Народу было немного, и Станислав сел у окна. Пуделек притулился в ногах, и потекла дорога. Кончились городские кварталы, мелькнуло здание поста ГАИ, куда прибежал в то страшное утро... Полоса берез, — черно-белые стволы сливаются бесконечным забором.

Они сошли на знакомой остановке. Пуделек тут же побежал исследовать закрытый с двух сторон навес для пассажиров. На внешней и внутренней стороне его красовалось два одинаковых портрета — кандидат в мэры города Тарас Игнатьевич Бугров взирал на своих избирателей ласково-сытым взглядом. Самодовольная улыбка его едва помещалась на листе первосортной бумаги.

Пуделек поднял ногу и старательно «расписался» на столбике, подпирающем навес. Станислав огляделся по сторонам и, достав из сумочки губную помаду, пририсовал Бугру красные усы и бородку. А на другом портрете — рожки и длинный язык. Мальчишеская выходка сняла напряжение, которое он начал испытывать, как только сел в автобус. Ощущение безмолвного, настойчивого зова, от которого западало сердце, притупилось. Но не исчезло.

Он не был здесь с того жуткого дня и не думал, что когда-нибудь добровольно сюда вернется. Старый настил обветшал так, что на него было опасно ступить. Однако по другую сторону остановки виднелся новый мостик с перилами. Исхоженная дорожка вела к поселку. Пуделек побежал по ней, но, заметив, что Станислав перешел ручей в другом месте, помчался следом.

Тропинка, ведущая к уединенному дому, заросла травой,

ветки кустов сомкнулись. Станислав продирался сквозь них, ожидая, что строение с зияющими провалами вместо дверей и окон покажется неожиданно. Но, обойдя старую липу и выскочив на заросшую бурьяном поляну, он остолбенел: дядечкиной избы не было вообще.

Строение разобрали по бревнышку, по досточкам. Печь исчезла, даже кирпичный цоколь разбит: хозяйственный поселковый люд пытался добыть кирпич, но отступились. Высокая лебеда и крапива скрывали последнее напоминание о том, что здесь кто-то жил.

Но вот блеснула между камней разбитая кружка со снежирями. Из таких кружек Дядечка поил пацанов чаем, заваривая целебные травы, уверяя, что от них очищается кровь и крепнут мускулы.

Пуделек метался вокруг останков дома, что-то вынюхивая.

— Ищи, ищи, — рассеянно подбодрил его Станислав, рассматривая бывший погреб, где когда-то видел дядечкин ящик-сейф. На память осталась неглубокая яма с гнилым венчиком разбитой обшивки. Здесь побывали все, кому не лень. Пожились банками с солеными грибами, которые Дядечка заготавливал каждое лето. Уволокли бочку с капустой. Капусту он выращивал возле ручья. Запасал на зиму картошку, которую ели всей ватагой за большим столом, отскобленным до белой древесины. Как странно и прекрасно было тогда...

Пуделек приволок линялую тряпку, в которой с трудом можно было узнать занавеску, отделявшую закуток, где стояла кровать, от большой комнаты. Станислав отрицательно покачал головой, и песик, бросив тряпку, начал рыскать, уткнувшись носом в землю. Потом зазвенел чем-то под кустом цветущего жасмина.

Станислав присел на угол цоколя. Солнце опускалось к закату, и тени от деревьев вытягивались, съедая поляну. Только место бывшего дома еще освещено, и лучи греют, клоня ко сну. От куста жасмина плывет дурманящий аромат, кажется, что пристальный, заинтересованный взгляд неотступно следит за всем, что происходит.

Чье-то присутствие чувствовалось так отчетливо, что Станислав начал озираться. Но вокруг не было ни души. Лишь большой белый пес — дядечкин Пират появился неслышно и стал ластиться. Он терся о ноги, скулил, о чем-то прося. Чтобы Пират отстал, Станислав показал ему пустые, но почему-то с полным набором пальцев, руки. Пес зарычал и начал дергать за юбку, ставшую джинсами.

«Как бы не растерзал Артемона...» — проплыла неясная мысль. Но пуделек продолжал возиться под кустом, пытаясь вытащить что-то.

В то утро куст был покрыт шапкой снега. Из-под нее свешивалась цепь, а под цепью, как точка под палочкой восклицательного знака, лежала миска, из которой обычно ел Пират...

Станислав встал медленно, как в трансе, или это лишь часть его поднялась с цоколя и сделала несколько шагов, плывя над травой.

«Уймись...» — вяло прищипнул он на пуделька и наклонился, пытаясь рассмотреть, что с таким рвением вытаскивает тот из земли. И ржавая собачья цепь, пачкая перчатки, сама легла ему в руки. Он потянул ее. Цепь напряглась и лопнула. Станислав упал на спину к неистовому восторгу песика...

В голове разом прояснилось. Станислав понял, что еще сидит на цоколе дома, а пуделек по-прежнему тянет глухо звенящую цепь.

— Сейчас помогу, — Станислав снял шелковые перчатки и стал раздеваться. Оставшись в трусах и майке, он вновь ощутил себя мужчиной, а, разорвав на полосы бывшую занавеску и замотав руки, почувствовал свою неуязвимость. Порывшись в хламе на месте сарайчика, где Дядечка хранил огородный инвентарь, он нашел заржавевшую лопату без черенка и обрезок железной трубы.

Бугорок на могиле Пирата осел, трава на нем росла низкая и снимать пласты дерна было нетрудно. Когда пошли корни кустов, уже затянувшие рыхлое место, копать стало тяжелее. Но Станислав приспособился рубить их, и, как совком, черпать землю лопатой. Пуделек озабоченно крутился рядом. Отгонять не хотелось: было приятно слышать его сопение.

На глубине с метр почва оказалась легкой, песчаной, и до трупа Пирата Станислав докопался раньше, чем ожидал. Пуделек, отбежав в сторону, завыл, как заплакал, страдальчески вытягивая к небу мордочку. Пришлось швырнуть в него горсть земли, но в поселке уже всполошились, залаяли собаки.

Пират был завернут в брезент и, чтобы сдвинуть с места длинный и тяжелый сверток, пришлось окапывать его со всех сторон. Запах тлена был теперь невыносим, кисти рук, замотанные тряпками, болели. Но Станислав, сцепив зубы, копал, стараясь не раскидывать землю. Потом он оттаскивал Пирата в сторону, вцепившись в угол брезента и брезгливо морщась при мысли о том, что вывалится наружу, если порвется подгнившая ткань.

«Неужели все труды напрасны?» — убийственная мысль обожгла, как только он вонзил лопату в землю и не услышал скрежета металла о металл. Безуспешно потыкав железной трубой, как ломом, Станислав сел на край ямы и, бессильно свесив ноги, стал зализывать содранную на культиках кожу.

Смеркалось. Земля уже остыла, но от близких деревьев с позолоченными закатом кронами шло тепло. Насквозь пропотевшая майка неприятно липла к разгоряченному телу. Так же липко, противно было на душе. Отчаяние накатывалось как немолчимый вал, последние силы, словно кровь, утекали в песок.

Он призвал бы на помощь любых богов, если бы в нем существовала вера. Но веры не было, надежда покинула, едва забрезжив. Оставалось только бесцельно смотреть, как пуделек ходит по краю ямы, боязливо заглядывая в сырую тень и не решаясь спрыгнуть. Наконец он сполз, обрушив небольшую лавину, и начал что-то вынюхивать.

Станислав нехотя встал и взялся за угол брезента, чтобы стащить останки Пирата в его последнее жилище. Но пуделек начал копать в середине ямы, смешно оттопырив попку и работая передними лапами. Веер земли задел Станислава и, повинувшись внезапному импульсу, он потуже намотал тряпки на руки и, встав на колени рядом с пудельком, принялся выбрасывать землю наверх. Долгожданный звук оказался таким невнятным, что в него трудно было поверить. Но лопата споткнулась.

«Это может быть камень», — осторожно напомнил себе Станислав, сдерживая всплеск радости. Однако лопата уже скребла по металлу, и на поверхности оказалась ручка, приваренная к прямоугольной крышке ящика из нержавеющей стали. Станислав потянул за нее, но дядечкин сейф даже не шелохнулся.

Лишь откопав ящик целиком, удалось сдвинуть его с места. О том, чтобы одному вытащить из ямы, не стоило даже мечтать.

Сумерки уже сгустились. Поляна погрузилась в таинственную, зловещую полутьму, наполненную запахом смерти и увядающих цветов жасмина. Угрюмой стеной тянулись к потухшему небу деревья, черные стволы казались продолжением стен могилы.

Самодельный сейф напоминал обычную коробку, но для великаньей обуви. Съемная крышка плотно нахлобучена, с двух сторон приварены засовчики с ушками для висячих замков. Замков нет, но засовчики задвинуты так туго, что без инструмента не открыть. Вот если бы были не культяки, а нормальные пальцы...

Станислав поковырял засовчики острием лопаты, но лишь порезал руку. Пришлось высасывать кровь, выплевывая ее вместе с песком.

«Видит око, да зуб неймет...» — подумал он, вспоминая историю, рассказанную отцом в детстве, о человеке, который умер от голода, сидя на ящике с консервами в железных

банках, которые нечем было открыть. — Содержимое сейфа, возможно, тоже вопрос жизни и смерти. Для Бугра или для меня самого? Еще неизвестно, какую «мину» припрятал Дядечка, не просчитав до конца ее разрушительную силу...»

Присев на дно ямы, он прислонился спиной к сырой стенке и размотал тряпки на руках. Кровавые мозоли вздулись солидные.

«Интеллигент-неженка», — с презрением подумал он о себе, но покалеченные пальцы ответили такой новой волной боли, что захотелось засунуть их в рот, как делал в детстве, обмораживая зимой руки.

Пуделек, притулившийся под боком, настороженно приподнял мордочку. В тишине отчетливо послышалось хлопанье крыльев, и огромная птица, очевидно, филин, зловещей тенью пролетела над ямой, заслонив на мгновение небо с тусклыми звездами.

«Что же делать?.. Оставить яму незасыпанной и поехать за помощью? Но чьей? Уж не Кривоносого ли?.. — мысли плыли неспешно: впереди была целая ночь. — Жизнь и так втянула меня в криминал. А он — как притаившийся в засаде спрут. Ухватит жертву одним щупальцем, потом обнимет, прижмет всеми присосками, и уже не вырвешься. И никакие парики, наряды не спасут. Даже за граница — не другая планета. В том мире тоже есть свои Бугры и Горы, которые не обойти, не объехать. Их можно только взорвать...»

— Иди, погуляй, — Станислав поставил пуделька на край ямы. Песик встряхнулся, засорив ему глаза, и убежал в сторону ручья.

Вспомнив о воде, Станислав понял, что давно, нестерпимо хочет пить, и, выбравшись из могилы, пошел на говорливый зов струек.

Ключ вытекал из керамической трубы, вбитой Дядечкой в каменистый склон. Веселый поток журчал по неглубокому руслу. Вода была, как всегда, ледяной, с хвойным привкусом, и волшебным образом утоляла жажду. На поверхности ручья скопился лесной мусор. Упавшие ветки ловили его, образуя небольшие завалы. Станислав отодвинул ствол сломанной березы и послушал, как благодарно забормотал ручей.

Оттягивая возвращение к разрытой могиле Пирата, а, может, дядечкиной Души, Станислав прошел вдоль ручья к тому месту, где когда-то росли бело-розовые цветы, которые Дядечка называл «мылькой», потому что тяжелые влажные соцветья слегка пенились, если их потереть между ладонями. Тонкий аромат чувствовался издали, и пуделек уже чихал. Потом отбежал в сторону, затаивал, наскაკивая на кого-то, и вдруг заскулил, захромал, поджав переднюю лапу.

Станислав, в два прыжка оказавшись рядом, подхватил

его на руки и успел заметить удирающего в заросли большого ежа.

— Познакомился? — на ощупь проверил лапку, но иглы не было. — Будешь знать, с кем затевать игры...

Отпустив песика и предоставив ему самому зализывать раны, Станислав принялся обрывать душистые грозди. Вспомнив, куда отбросил заржавевшую миску Пирата, нашел ее и набрал воды.

Из-за леса выползала большая серебристо-голубая луна. Чистый свет ее заливал груды свежей земли, проникал в утробу могилы, отблескивая на светлом коробе, очищенном от земли, словно на затаившейся в шахте ракете. А полуголый человек, сидя на цоколе несуществующего дома, колдовал над чашей, готовя волшебное зелье, способное отпирать любые замки. Ему помогал Черный пес, где-то в чащобе леса ухал филин, и все это было бы жутко-прекрасно, существуя на страницах романа, а не в реальной жизни.

Когда кашица запенилась, Станислав спрыгнул в яму и начал смазывать засовчики, пошатывая их и стараясь попасть в заметно расширяющиеся зазоры. Луна помогала ему. Она в эту ночь была не ущербной и одаряла всех без разбора отражением чужого света.

Сместившись до середины, засовчики открылись внезапно легко — один за другим, словно им надоело сопротивляться.

— Итак, приступим... — прерывисто вздохнув, Станислав положил культики на крышку и, перетерпев боль, приподнял ее. Но лунный свет заглянул первым, и внутри ящика, словно россыпь драгоценных камней, хрустально заблестела обычная целлофановая пленка. Станислав отогнул ее на утолщенные асбестовой тканью стенки сейфа и вынул то, что лежало сверху. Это был небольшой пакет с бумагами, завернутый в полиэтилен и заваренный ровным швом.

Отложив бумаги в сторону, Станислав вытащил также тщательно запечатанный тяжелый сверток. Еще не вглядываясь в просвечивающие картинки, он понял, что это доллары. Достоинство купюр при ускользящем лунном свете определить было трудно, но, судя по формату их и количеству, находилось здесь около миллиона баксов.

Стянув с себя и расстелив на земле майку, Станислав положил на нее деньги и, чувствуя, как замирает сердце, снова опустил в ящик руки. Второй сверток оказался больше первого и тяжелее. Цифры на купюрах стояли с несчетным количеством нулей. Это были деньги тех лет, когда каждый россиянин мог считать себя легальным миллионером, а за хлеб и овощи расплачивались тысячами.

На самом дне сейфа покоились средних размеров пакеты,

наполненные белым сыпучим порошком. Станислав никогда не видел наркотиков в таком количестве. Он не был спецом в данной области, но подумал, что это из новоизобретенного, и, ловя кайф, удолбаться им на тот свет можно запросто... Пакетов было всего семь, о стоимости их не хотелось даже думать.

«Так вот что искал Бугор! Ради этого всадил Дядечке нож в спину? Поэтому донимал Братуху и меня пытается заарканить?... Баксы нужны? Стать мэром недешево стоит... Нет, здесь что-то другое...» — мысли путались, намертво заплетаясь в узел. Фантазия уводила в дебри догадок, но интуиция твердила: еще «холодно».

Почему Дядечка зарыл сейф, а не уехал на своем ушастом «Запорожце», хотя знал, что петля на его шее затягивается?... Почему, имея столько баксов, он поселился здесь добровольным отшельником, а не начал в Питере, в Москве или за границей коммерческого дела? Может, и не его это все?... А причина волнений Бугра не только деньги... Все еще «холодно» или уже «теплее»? Зато самому жарко, как в бугровской бане.

— Спокойнее, Станислав Сергеевич... — какое-то время он сидел без движений и мыслей, созерцая богатство, лежащее перед ним. Потом подобрал пакет с бумагами и, выбравшись из ямы, засунул его в Лизину сумочку. Постояв в лунном сиянии, побрел к ручью, не торопясь напился и не спеша вернулся к могиле.

— И что теперь? — спросил он вслух, чувствуя потребность услышать хотя бы собственный голос.

Холм земли в холодном свете отбрасывал причудливо-уродливую тень. На дне могилы таинственно поблескивали злоеющие свертки. Сейчас не стоило размышлять о Дядечке, о Бугре. Надо решать: что со всем этим делать?

Первая мысль была простой и естественной: надо сообщить в милицию. И если бы в кармане лежал мобильный, он, не задумываясь, набрал ноль-два. Но это стало бы самой большой глупостью: наехавшие менты и журналисты застали бы полуголого парня с женской одеждой под мышкой и невразумительными объяснениями. Самое ценное — бумаги пришлось бы отдать, иначе как объяснить причину эксгумации собачьего трупа? Но кто их прочтет? Следователь Уваров или господин Бугров? И где гарантия, что вместо лейтенанта с утиным носом здесь не появятся бугровские лысики, и рядом с трупом Пирата не ляжет его собственный труп?

Луна переместилась по небосклону в сторону поселка, и поляну затопила ночь с ее шорохами и вздохами. Глухо ухнул филин, запищала то ли птичка, то ли зверек, схваченный цепкими когтями.

Спрыгнув в яму, Станислав начал укладывать в сейф паке-

ты с порошком. Потом поместил сверток со старыми деньгами, следом хотел опустить доллары. Но кто-то словно придержал его руку:

«Это же все твое! Припрячь в лесу, а завтра вернешься с дорожной сумкой и отсюда напрямиком — на вокзал. Панин подскажет, как перевести доллары за границу. И дуй, уже не к мамочке бедным родственником, а крутым, обеспеченным на годы человеком. Себе принадлежащей Личностью...» — мысли были не его. Они выплывали из подсознания, как мыльная вода из-под запертой банной двери... Тот — чужой в нем, расторопный и въедливый, внушал их, наполняя душу тревогой и тоской.

— И стать таким, как Бугор? Содержать свору псов, чтобы волки не загрызли. Или чувствовать себя всю жизнь под прицелом?.. — руки разжались, и пакет с долларами занял свое место.

«Возьми хоть часть, чтобы учиться и жить безбедно!» — въедливый голос уже вопил. Но для этого надо вскрыть полиэтилен, так тщательно запечатанный Дядечкой. А то, что останется, разбухнет от сырости и начнет гнить... Нет, мешало еще другое: сейчас он испытывал незнакомое раньше отвращение к деньгам. Не к деньгам вообще, а к этим, пахнущим тленом и преступлением...

Станислав решительно оборвал мысли, завернул целлофан, нахлобучил крышу на ящик и задвинул засовчики. Потом снова замотал распухшие руки тряпками и взялся за лопату.

Пуделек посидел на краю ямы и убежал, решив, что свою часть земляных работ выполнил, а теперь надо разведать, что шуршит и пищит в лесу, и какая опасность грозит его беспечному хозяину?

Когда сейф был засыпан полностью, Станислав утрамбовал землю ногами и затащил труп Пирата на дно его законного жилища. Отвратительный запах уже не вызывал тошноту, он стал неотъемлемой частью аромата жасмина, ненавистного теперь на всю жизнь.

Пират лег плотно, исполняя свой последний долг.

... Когда яма была засыпана вровень с землей, заря уже окрасила небо лимонным цветом. От ручья плыл туман. Листья, трава, цоколь дома покрылись росой. Каждая капля серебрилась, отчего все вокруг казалось укутанным в целлофановую пленку.

Станислав сидел без сил, привалившись спиной к кирпичам. Пуделек грелся, прижимаясь к его ногам, хотя они были ледяными, а тело песика отдавало тепло, и оба наслаждались близостью живого.

Еще надо было уложить дерн, раскидать остатки земли по всей поляне, чтобы быстрее высохла и осыпалась к корням. Но

руки отказывались держать лопату. Мозоли на ладонях лопнули, и сукровица пропитала тряпки, отчего земля на них превратилась в грязь.

Дерн разместился удачно. Станислав полил его для надежности, несколько раз сходяв с миской к ручью. Брошенные сверху сухие ветки придали могиле прежний вид. Цепь Пирата вернулась на место.

Самым нудным оказалось раскидывать землю. Однако у всякой работы есть конец. Лишь спрятав молодого заблестевшую лопату под грудю хлама, Станислав позволил себе полежать, блаженно расслабив тело. Потом он тщательно вычистил кроссовки и поставил их на цоколе, уже освещенном солнцем. Выстиранные с помощью мыльки майку и плавки повесил сушиться, и сам полез в ручей там, где Дядечка, делая запруду, углубил дно. Вымылся с головой, тело оттирал от пота и земли, пока не застучали зубы. Но все равно казалось, что избавиться от трупного запаха невозможно.

Подсушив себя на солнышке, Станислав с трудом облачился в женский наряд. Морщась от боли, натянул перчатки и, достав из сумочки зеркальце, тушь и губную помаду, кое-как превратил себя в симпатичную девушку с уставлыми, немного ввалившимися глазами. Но кто посмеет допытываться, где и с кем она провела ночь?..

Пуделек нетерпеливо юлил под ногами, уже ничему не удивляясь, и как только Станислав встал, помчался по заросшей тропинке к шоссе. Они успели на первый автобус, идущий в город, и без приключений добрались домой.

Когда в дверь позвонила тетя Катя, Станислав был уже в халате и с отмытым лицом, на котором едва проступала светлая щетина.

— Не разбудила? — она огляделась. Протягивая булку и молоко, сказала: — С полчаса назад я за дверь выглянула и спросонок, видать, померещилось. Будто Лизонька к вам вошла... — в тоне голоса звучала тревога и что-то еще, похожее на надежду.

— Какая-то девушка ошиблась этажом, — успокоил ее Станислав.

— Тогда ладно, — вздохнула тетя Катя и ушла.

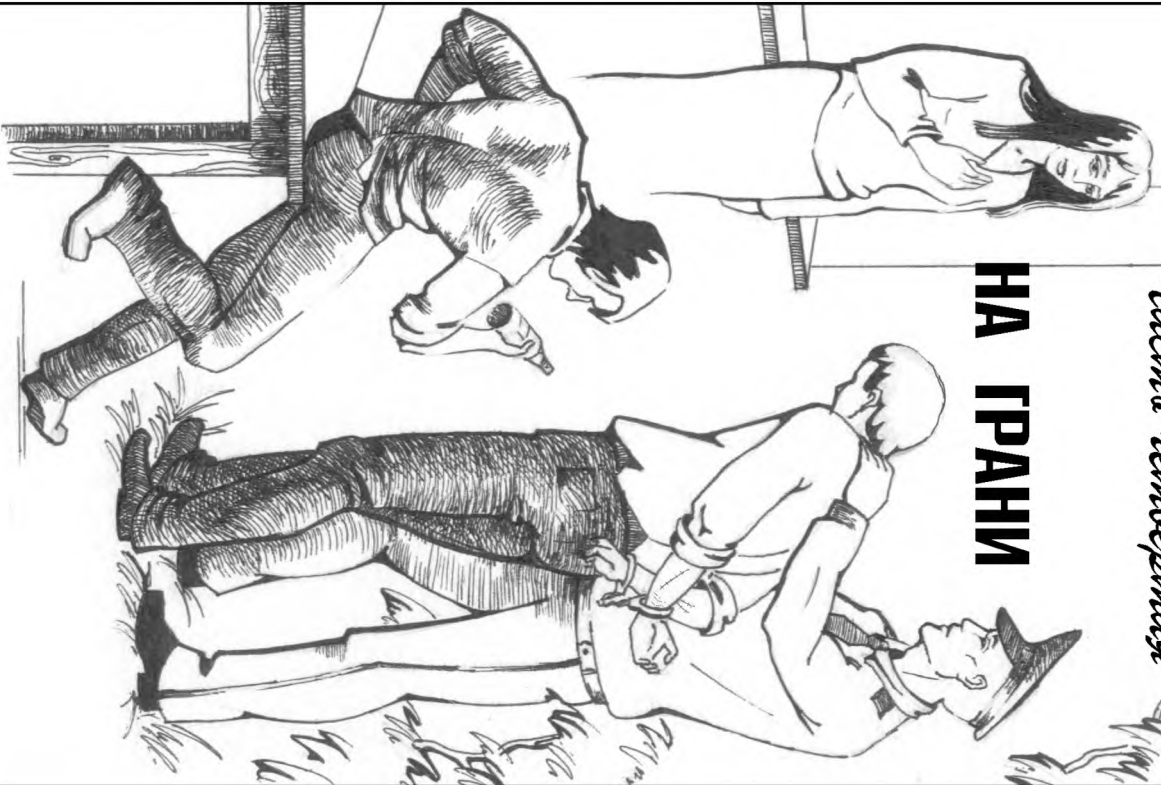
Станислав, накрошив в миску булку, налил пудельку молока и сам вцепился зубами в хрустящий батон.

— Надо тебе, мой верный друг и сообщник, дать, наконец, настоящее имя. Ты согласен со мной... Тошка?

Песик твякнул и бросился Станиславу на грудь, всем видом своим говоря, что избранный им хозяин попал в самую точку.

Частіа репбелрвпаса

НА ГРАНИ

Дела сердечные

Весь день друзья крепко спали, и никакие замогильные кошмары не мучили их. Станислав наслаждался сном, как пловец, бросившийся в море, упиваясь его простором, отдаваясь на милость волн, которые должны прибить непременно к райским берегам.

Разбудил хрустящий шорох. Звук доносился из-под подушки, и Станислав осторожно, стараясь не разбередить подсохшие мозоли, засунул руку. Опухшие культики больно ткнулись в плотный пакет. Он вытащил его, и только тогда прошедшая ночь воскресла в памяти цветной картинкой, динамикой действий и чувств. Все было настолько ошеломляюще ярко и в то же время неправдоподобно, что могло сойти за галлюцинации наркомана.

Станислав положил пакет на стол и пошел в ванную, торопясь смыть липкий пот, внезапно покрывший тело. Потом выпустил Тошку за дверь, надеясь, что тот сам сообразит, как выбраться на улицу.

Был уже вечер. Солнце зашло, в квартире стоял фиолетовый сумрак. С запада, съедая отблеск заката, ползла багровая туча, и поверхность водоема словно покрывалась ржавчиной. Белоснежный парус одинокой лодки, крутыми галсами идущей к берегу, напоминал крыло тонущей чайки. Воздух был насыщен электричеством так, что казалось — протяни руку, и на ладони заискрится шаровая молния, умирая или сжигая того, кто отважился ее позвать.

Перед баром — несколько машин. Подъехали «Жигули» непонятного цвета. Из машины вышли три женщины. Дождаться, когда выберется водитель, Станислав не стал.

Прикрыв лампу со стороны окна халатом, он нажал кнопку, и ослепительный свет залил поверхность стола. Острие ножа легко вспороло прозрачную оболочку пакета, и в руках оказалась школьная папочка с нарисованным на ней Незнайкой. Тесемочки, завязанные бантиком, распустились сразу. Станислав раскрыл картонные корочки, испытывая почти суеверный страх. Казалось — там, на лоджии, стоит кто-то и наблюдает через стекло, как обрубки его пальцев пытаются перевернуть страничку синей тетради в клеточку.

Кроме тетради, были еще листочки разного формата, испианные разными почерками и напечатанные на машинке. Несколько вырезок из старых газет на итальянском, французском и английском языках. И еще — черно-белая фотография сред-

них размеров, на которой Бугор был запечатлен среди поджарых, загорелых мужчин. Он был лет на десять моложе, еще с ежиком волос и почти без живота. На нем был надет мешковатый светлый костюм, в котором он напоминал белого медведя. За спиной угадывалось море. В кадр вошел ствол и, веером, листья пальмы.

Люди не позировали, а застыли в случайных позах: двое сидели в ажурных бамбуковых креслах за легким столиком, уставленным бутылками и фруктами. Низкорослый, изысканно одетый мужчина что-то читал возле пальмы, а длинный, в шляпе, заглядывал ему через плечо. Бугор беседовал с двумя господами мрачного вида.

Фотография была сделана мастерски: лицо каждого видно и узнаваемо. Нечеткость линий выдавала сильное увеличение — очевидно, снимали на микропленку. На обратной стороне красовались семь фамилий, но господин Бугров не значился. Под номером пять стояло: «Иван Сидоров». Остальные имена — итальянские и английские. Те двое, что стояли с Бугром — арабы. Фамилии были написаны русскими буквами, четким почерком, и, возможно, обладатели их в картотеке Интерпола значились как мафиози.

«Везде мне чудится криминал», — Станислав пытался подавить в себе чувство охотника, напавшего на четкий след долгожданного, но опасного зверя. Радоваться было преждевременно.

Под дверью заскулил Тошка. Впустив его, Станислав вылил в миску остатки молока. Самому есть не хотелось. Он поставил себе воду для кофе и, не присаживаясь к столу, принялся просматривать бумаги. Это были счета, расписки, копии квитанций на получение разных товаров — фруктов, тканей, косметики и прочей бытовой ерунды. Даты стояли разные, но все — до девяностого года... На вырезках из газет тоже обозначены числа и ссылки на источник. Человек, собиравший досье, был дотошным аккуратистом.

Заварив кофе и не торопясь прихлебывая его, Станислав прочитал английские материалы и, не найдя в них того, что заслуживало бы внимания, решил заняться переводом всего остального, когда достанет словари. Теперь можно было приступить к главному: тетрадь в синей корочке настойчиво приковывала взгляд. Но Станислав, как истинный гурман, откладывал самое вкусное «назаглатку».

Ослепительно-голубая молния, словно угадав его состояние, располосовала небо и комнату, шарахнув так, что на подстанции вырубилось электричество, и свет в лампе погас. Тут же грохнуло над крышей дома, зарокотало, перекатываясь по железу других крыш. Станислав выскочил на лоджию и запер за собой дверь.

Поток воздуха был так силен и плотен, что его прижало к стене. Дождь не спешил, но отдельные крупные капли уже шлепались о перила. Внизу, возле бара, спешно разъезжались машины. Но стена из струй и града рухнула внезапно, вспенивая водоем, сливаясь с ним в одно целое. Градины заплясали по полу лоджии, норовя задеть Станислава, уже мокрого, оглохшего от ветра и дождя.

— Давай! — заорал он, выставляя вперед ладони и вздрагивая от боли, когда по обрубкам пальцев бил град. Хотелось прыгнуть с перил и влететь в страшную круговерть стихии, падая и взмывая, сопротивляясь, отдаваясь и в этом получая наслаждение. Бешено колотилось сердце. Душа ликовала, а в голове звенело: «Вот она — настоящая жизнь!»

... Ночное купание в ручье и минуты, проведенные под ледяным ливнем, не прошли даром. Станислав проснулся на другой день с головной болью, распухшим носом и без голоса. Глаза были красными, от высокой температуры лихорадило. Таким он и предстал перед тетей Катей, когда ей удалось достучаться. Он едва сполз с дивана и, кутаясь в халат, открыл дверь.

Последовали ахи и вздохи, отвары трав и таблетки. Потом Лиза, вернувшаяся с дежурства, недолго думая и ничуть не смущаясь, откинула одеяло и вкатила Станиславу сразу два укола. К несчастью для него, было воскресенье, а потому мать и дочь действовали сообща, появляясь по очереди или вместе, допекая процедурами, словно им нечем было больше заняться.

Сначала Станислав решил просто не открывать дверь, но тетя Катя предусмотрительно завладела ключами. Тогда он притворился спящим, но Лиза принесла большую чашку с овсяным киселем, сваренным на молоке, с сахаром. От киселя шел трогательный запах детства, и Станислав ощутил присутствие отца. Отец поил сына, а за компанию и себя, животворящей пищей богатырей и героев.

«Они никогда не стали бы такими сильными и храбрыми, если бы в детстве не ели такой кисель», — уверял отец. Но Лиза этого не знала, а потому была поражена, когда Станислав безропотно выпил все и попросил добавку, хотя и подозревал, что посягает на питание соседа-инвалида. Причислив, таким образом, себя к немощным, он уже не мог отвергать женских забот. А руки, намазанные чем-то вонючим и замотанные бинтами, испытывали такое блаженство, что, казалось, жили отдельно от измученного жаром тела.

Когда Лиза впервые увидела стертые до мяса мозоли и распухшие, готовые лопнуть рубцы на обрубках пальцев, она пришла в ужас:

— Что вы делали? Чего ради так себя истязали? Можно

подумать, что перекидали тонны угля, разгружая в речном порту баржу...

Она была недалеко от истины, поэтому пришлось признать-ся, что всю предыдущую ночь сидел на веслах, выгребая против течения.

— А ваша девушка не могла помочь? — возмущенно фыркнула Лиза, и лицо полыхнуло румянцем, так красившим ее.

— Я был один, с Тошкой, — Станислав чувствовал, что краснеет тоже, но при температуре под сорок это не заметно.

Тошка, услышав, что о нем говорят, выполз из-под кресла и, умоляюще посмотрев на немощного хозяина, побежал к двери.

— Я и не знала, что у вас есть такой симпатичный товарищ, — сказала Лиза, вставая с табурета, который принесла из дома. — Сейчас выведу, надеюсь, не сбежит? — она направилась к двери, а Тошка залился лаем, благодаря, но не кокетничая, как при Лиле.

Они ушли, а Станислав лежал и непонятно чему улыбался.

Он провалялся с температурой целую неделю. Во сне его мучили кошмары: он то рыл могилы, то бежал, и Пират хватал его за ноги. Откуда-то сверху сыпался снег, превращаясь в рубли и доллары. При свете дня видения стирались, и мозг торопился все уладить, забыв.

Женщины кормили его, мыли пол, стирали. Без них он просто не выжил бы. Когда жар начал спадать, Лиза сказала, что надо поставить банки, и принесла подносик со стекляшками и спиртовку. Ее руки неспешно гладили его спину, чем-то смазывая кожу. Это было совсем не так, как делал мамин знакомый врач-старичок, ставя ему банки после воспаления легких. Дряблые пальцы его были холодными, как лягушачьи лапы, и царапали... Станислав рассказал об этом Лизе, ожидая, что она будет смеяться, но девушка молчала. Она прищелпывала тянущие присоски, наверное, с огоньком внутри, потому что слегка жгло и, казалось, что вся кожа вползает в вакуум, возникший в комнате.

Лиза накрыла Станислава махровым полотенцем, сверху накинула халат и села рядом, убрав с табурета поднос.

— Даже не знаю, как отблагодарить вас? — запоздало понимая, что этот вопрос лучше задать тете Кате, пробормотал Станислав.

— Не вздумайте предлагать деньги, — торопливо сказала Лиза.

— Но вы же делаете процедуры у пациентов на дому, и вам платят, — он чувствовал, что воздвигает стену из ледяных кирпичиков.

— Это совсем другое... — голос Лизы прозвучал сердито и

жалобно. Хотелось заглянуть ей в лицо, но, лежа на животе, он мог видеть только плотно сжатые колени, обтянутые узкой юбкой.

— Я имею право сделать подарок, — он старался говорить строгим тоном. — Каждой в отдельности или общий — для дома. Я хочу...

— Я тоже хочу... ребеночка, — выдохнула Лиза.

— Кого? — переспросил Станислав, уставившись в подушку.

Лиза резко встала, уронив табурет. Она не подняла его, и Станислав подумал, что сейчас уйдет. Но Лиза отошла к двери лоджии. Теперь он видел ее всю, со спины: темно-русые густые волосы падали до плеч, немного широковатых и чуть сутулых. Талия казалась тонкой, потому что ниже ее вздымались округлые, истинно женские бедра. Некрасивая юбка портила линию ног, но мужское чутье угадало в них то, что заставило задохнуться...

Станислав закашлялся, верхняя банка соскочила, цокнув об остальные, и скатилась на простыню. Лиза обернулась. Ее лицо было бледным, как масляная краска на косяке двери. Глаза смотрели неприязненно, с вызовом.

— Да, ребенка... — в голосе копилось рыдание, но Станислав знал: она не заплачет, и поэтому защипало в носу у самого. Он уже не удивился, когда она тихо выдохнула: — ... от вас.

Они смотрели друг на друга — два совершенно чужих человека с разным прошлым и будущим. Лиза взяла на себя мужскую роль... И хотя были у Станислава девчонки, готовно отдававшие свое тело, но никто не говорил, что хочет иметь от него детей.

— А что скажет тетя Катя? — тупо спросил Станислав, чувствуя себя ничтожеством.

Лицо Лизы вспыхнуло, приобретая нормальный цвет, глаза потемнели, и Станислав физически почувствовал, как его щеку ударил ее взгляд. Молча откинув одеяло, Лиза начала снимать банки. Они легко отлипали от его напряженной спины. Иногда она случайно задевала кожу пальцем, и оба вздрагивали.

— Не обижайся, — он поймал руку Лизы и лег на спину, вынуждая ее присесть на край тахты. — Я обалдел... Ты мне казалась такой неприступной.

— «Синим чулком», которая не может найти себе мужика и боится остаться старой девой? — черты лица ее сделались угловатыми, а тело, наоборот, становилось податливым. В разрезе кофточки угадывались упругие груди, не стянутые лифчиком. Заметив его взгляд, Лиза инстинктивно сцепила пальцами отвороты воротника. Сказала раздраженно: — Охотников на секс — слово-то какое лающее — хоть отбавляй. Больные

ведь, в конце концов, выздоравливают, ну и все прочее у них входит в норму... Я о муже хорошем мечтала, для него себя берегла. А недавно, когда двадцать семь стукнуло, поняла, что и время родить уходит... Что ж мне, лишь отца-эгоиста нянчить да стареющую мать беречь? А своя жизнь где?.. Не хочу с таким, как отец, себя связывать. Лучше уж одной, с ребеночком...

— Неужто нормальные мужики повывелись? — удивился Станислав.

— Смотря кого считать нормальным, — Лиза вздохнула. — Не знаю, как в вашей среде, а я из тех, кто замуж звал, порядочного не приметил. То пьет, то психованный, то бабник или из этих бритых... А как о наркоманах подумаю, о СПИДе — страшно становится.

Станислав слушал и понимал все. Это не было новостью, но лишь сейчас он ужаснулся. Захотелось протестовать, возмущаться, обвинять... Вспомнился журналист на автобусной остановке, его слова, перефразировав которые, скажешь с горечью: «Несчастлива та страна, в которой девушка боится выйти замуж. А решившись иметь детей, надеется только на себя».

— Пойду, — Лиза решительно поднялась. — Мама, наверное, с работы уже вернулась. А мне на дежурство пора.

— Ты придешь завтра? — он чувствовал, как рушится что-то чистое, настоящее. Погибает в ней и в нем самом. — Я буду ждать.

Она кинула на Станислава грустно-ироничный взгляд, прячась за него, как за ширму:

— Мне не вы нужны, а ребеночек. С вашими генами, интеллигентностью, способностью к языкам.

— А про языки откуда?.. — Станислав не знал, что сказать.

— Я в супермаркете была, когда вы японцу диктофон выбирать помогали. Потом уж выяснилось, что вы — наш сосед...

Она ушла, а Станислав долго лежал без сна, размышляя обо всем и ни о чем конкретно. Раньше, когда он не знал житейских проблем, когда жизнь неслась по накатанным рельсам и главным казалось разобраться в самом себе, его не одолевало столько сомнений. Значит, реальность открывается человеку только тогда, когда госпожа Судьба бьет по голове чем-нибудь тяжелым. И вопрос не в том, насколько голова окажется крепкой. Важно, насколько она светла. Но о какой мудрости можно мечтать на пороге двадцатилетия?..

Всю ночь во сне Станислав что-то выбирал, пытаюсь купить, и только под утро понял, что надо приобрести шторы на окно, красивые свечи и обязательно кольцо. Пусть Лизина практичность споткнется о романтику, которой она не знает, и, что самое любопытное, он сам в себе не подозревал...

Он сделает то, что хочет она, но так, как сам считает нужным. Мужчина обязан обладать природным даром, который холодную Лягушку может превратить в Царевну, и сам получить радость от чуда.

Появление тети Кати с рыбными котлетами прервало идиллические размышления и вернуло в жесткую реальность. Решив, что хотя бы на бытовом фронте надо внести ясность, Станислав предельно любезно, но твердо заявил, что хочет сделать подарок за услуги прошлые и будет оплачивать стирку и питание, потому что негоже здоровому мужику существовать за чужой счет.

Монолог получился длинный, внушительный и тетю Катю убедил. Она грохнула в сердцах сковородку на плиту, сказала сердито:

— Ежели так глупо надумал, то купи чайник. Наш прохудился. А питайся с ресторана. Там на вынос дают, — и ушла, хлопнув дверью.

Станиславу стало обидно, однако он хорошо поел и решил пересчитать свой капитал. На предполагаемые покупки хватало, но о дальнейшей жизни стоило подумать. Значит, надо зайти в турбюро, но сначала стоит разведать, что творится на заводе «Полимер». Его рыжий флаг-факел сократился в размерах. То ли производство чахнет, то ли умные головы нашли метод, как использовать «лисий хвост». На заводе наверняка найдется документация, которую требуется перевести...

Размышляя, Станислав выбрался из дома и в сопровождении Тошки дошел до супермаркета. После домашнего заточения немного кружилась голова, однако шторы он выбрал, какие хотел: недорогие, но плотные. Свечи взял с ароматическими добавками, на подставке в виде сердечка. Чайник купил самый красивый из отечественных, понимая, что за импортный «модерн» ему от тети Кати влетит.

В ювелирном отделе долго соображал, какое кольцо купить, и совершенно сник, когда продавщица поинтересовалась размером. Пришлось присматриваться к женским рукам. Наконец удалось подобрать колечко на безымянный палец левой руки, куда полагается надевать своей избраннице в день помолвки. Женщины и продавщицы отдела умильно улыбались, а Станислав чувствовал себя убогим люмпен-пролетарием, потому что покупал не золото с бриллиантами, а серебряную веточку с бирюзой вместо цветка.

Взяв бутылку шампанского, фрукты и сладости, Станислав с трудом рассовал все в две объемистые полиэтиленовые сумки и только развернулся к выходу, как чья-то рука цапнула его за плечо.

— С чего бухалово затеял, али забурел? — гнусавый голос

Кривоносого был как внезапный удар под дых. — Може, бездник у тя? Сразу видать — без давалы отоварился, — Кривоносый кивнул на торчащий из сумки носик эмалированного чайника.

Станислав промолчал. Сумки оттягивали руки, культики наливались болью. Но Кривоносый стоял на пути, нахальные глаза его шурились, на губах застыла садистская улыбка чело-века, уверенного в своей безнаказанности.

— Так, може, у тя потусуемя? Со мной кореш да три телки. Одна тебе, ежели снимешь, — Кривоносый захохотал, демонстрируя сломанный зуб. — Прикупим белинского и — айда к те на хазу... — он был на взводе, и для полного кайфа не хватало побузить.

— На хазе моей ты с бугаями уже подлянку наворочал. Постебался в оттяг. Думал, стреманусь? — Станислав произносил слова четко, хотя терпеть не мог блатной жаргон. Но с такими, как Кривоносый, надо говорить на их языке. — На мазу шубы мутер грабанул? Будешь базарить, что Бугор велел? А ежели я ему про все твои глючины поведаю?..

По тому, как заюлили у Кривоносого глаза и отвис подбородок, Станислав понял, что попал в яблочко, — братва перестаралась.

На них обращали внимание. Появился плечистый парень, видимо, из охраны маркета, и Станислав, обойдя Кривоносого, вышел на улицу. Не ускоряя шага, он обогнул стоящий на тротуаре «Джип», завернул за угол и пошел дворами, сокращая путь. Вскоре присоединился Тошка. Никто не помешал им войти в подъезд, подняться на лифте и открыть запертую дверь квартиры. Бросив сумки и потирая посиневшие руки, Станислав беглым взглядом окинул комнату. Сердце колотилось, как будто среднюю дистанцию бежал со спринтерской скоростью: в тот момент, когда он разговаривал с Кривоносом, перед глазами засинела тетрадошка, открыто лежавшая на столе.

Тетрадь была на месте. Рядом — пакет с ватой, оставленный Лизой. Станислав без сил опустился в кресло. За все время болезни он ни разу не вспомнил о том, что, казалось, стало смыслом жизни. Если не всей, то хотя бы текущего отрезка времени. Память, сжалившись, дала отдохнуть, и оказалось, что, кроме детективных проблем, существует масса других забот, в том числе и приятных.

«Кажется, я собираюсь заниматься любовью на пороховой бочке?» — мысль не ужаснула, скорее позабавила.

Весь оставшийся день Станислав устраивал тайник. Идти за инструментами к Лизе не хотелось, пришлось обойтись ножом и вилкой — орудия труда и в здоровых руках неподходящие, чего уж говорить об измученных культиках... Но все

же удалось вытащить и отогнуть угол линолеума рядом с плитой. Завернув в полиэтилен бумаги и фотографию, Станислав засунул похудевший пакет под линолеум и прижал плинтусом.

Тетрадь он положил в ящик стола. Невероятно корявый дядечкин почерк зашифровал все секреты надежно, и вряд ли кому-нибудь придет мысль о том, что они вообще существуют.

Вечером Станислав пошел к соседям, чтобы взять молоток и подарить чайник. Тетя Катя сделала вид, что еще сердится. Но маки на белой эмали алели так празднично, что ей пришлось сменить гнев на милость. Она накормила Станислава блинами и предложила помочь, потому что вешать шторы — дело как раз для двоих.

Лиза, пока Станислав торчал на кухне, из комнаты не выходила.

— Не в духе она, — шепнула тетя Катя, когда они пришли к нему в квартиру. — Это у нее нервы в расстройстве. По телевизору все про политику слушает, а мне сериал про любовь негде смотреть. Денег накоплю и поставлю себе на кухню, хоть маленький.

Станислав, взобравшись на письменный стол, просверлил над оконным проемом отверстия электродрелью, взятой у соседей сверху. Вместе с дрелью тетя Катя принесла деревянные пробки и ценные советы, которые оказались очень кстати. Деревяшки легко вошли в гнезда, но гвозди упрямылись и падали на пол. Тетя Катя порывалась позвать на помощь соседя, Станислав злился и прихватывал культики молотком. Но упоры были все-таки прибиты, капроновый шнур с зубастыми колечками натянут, и шторы цвета пенной морской волны повешены. Когда соседка ушла, Станислав засунул распухшие руки под струю воды. Он был собой доволен.

Утром он подкараулил Лизу, когда она возвращалась с дежурства.

— Ты сегодня придешь? — спросил мягко, чувствуя робость.

— Нет, — Лиза хотела открыть дверь, но он преградил путь.

— А когда? — теперь голос прозвучал твердо.

— Не знаю... — и, понимая, что он не сдвинется с места, прищурилась. — Вот когда поправитесь, восстановите силы... — она явно насмеялась, но в глубине ее глаз Станислав уловил смятение.

— Я совершенно здоров, — он попытался улыбнуться.

— Зато я больна, — разрушая переброшенный мостик дружбы, резко сказала Лиза и решительно шагнула к двери. — Пропустите...

«Ну и шут с тобой!» — раздраженно подумал Станислав и решил, что больше к соседям — ни ногой...

Расположившись в кресле, под которым, как всегда, лежал Тошка, он раскрыл дядечкину тетрадь и попробовал, в который уже раз, вчитаться в каракули — то размашистые, то торопливо-мелкие. И снова ничего не понял. Обозвав себя тупицей, взял телефонную трубку и, удобно растянувшись на шкуре, позвонил в больницу.

Незнакомый голос сухо сообщил, что Вадим Вадимович уже выписан. Это была первая приятная новость, и Станислав тут же поехал навестить старика. У входа в парк купил у лоточницы килограмм ранней клубники и торопливо зашагал знакомой дорогой.

Лариса Алексеевна долго рассматривала Станислава в дверной глазок. Наконец приоткрыла дверь, предварительно накинув цепочку, и сообщила, что Вадима Вадимовича еще нельзя беспокоить. Однако клубнику взяла и милостиво разрешила прийти через неделю.

Пообедал Станислав в институтской столовой, остаток дня просидел в читальном зале, решив, что хватит заниматься криминалом и любовью, пора взяться за ум. Курчавого в библиотеке, разумеется, не было. Осунувшаяся Тамара поглядывала на Станислава с вымученной улыбкой. Девушку было жалко, но не станешь же объяснять, что ее ухажер — подлец, и она должна благодарить судьбу за то, что их знакомство для нее закончилось благополучно.

Предстоящий день Станислав решил посвятить заводу: опустевший кошелек напоминал о том, что надо подсуетиться. Поэтому, дозвонившись утром до отдела кадров и узнав, что можно попытаться счастья в патентном отделе, он собрался ехать на «Полимер».

Но в дверь несмело позвонили. Он пошел открывать, чувствуя, как в висках начинает токать кровь, а сердце замедляет удары.

Лиза стояла в тапочках на босу ногу и в длинном домашнем халате. Под легкой тканью в горошек угадывалось обнаженное тело.

— Я не вовремя... — поняв, что Станислав собрался уходить, с вызовом сказала Лиза, но голос задрожал.

— Все подождет... — он торопливо запер за ней дверь и провел в комнату. Из-под кресла, зевая, выбрался Тошка. Станислав выпустил его на лестницу, и они остались одни.

Лиза села в кресло и с безучастным видом стала следить, как Станислав, убрав лампу и смахнув все, что было, с письменного стола в ящик, начал стелить на полированной поверхности нарядные бумажные салфетки. Потом положил бананы, яблоки.

Горкой высыпал из пачки печенье, открыл коробку шоколадных конфет. Когда появилась бутылка шампанского и два бокала, Лиза отрицательно покачала головой, но ничего не сказала.

Окрыленный ее молчанием, Станислав задернул шторы и зажег свечи. Голубоватый полумрак наполнился тонким, волнующим ароматом, и комната стала похожа на таинственный грот.

Станислав чувствовал, как его начинает бить нервная дрожь, а руки перестают слушаться. Он ушел в ванную, разделся, сполоснул лицо и, накинув махровый халат, вернулся в комнату.

Лизы в комнате не было. Он не сразу понял, что она вышла на лоджию, и минуту-две все в нем умирало. Так бывает, когда теряешь что-то дорогое, бесценное — теряешь навсегда... Потом он заметил, как шевельнулась от ветра штора, и торопливо откинул ткань.

Девушка стояла, облокотившись локтями о перила, и плечи ее вздрагивали от беззвучного смеха.

Станислав сцепил зубы, чувствуя, как тьма заполняет все клеточки его души. Он начинал ненавидеть себя — глупого рыцаря из рухнувшего мира. Ему-то казалось: давно понял противоречивые принципы современности, даже зашагал в ногу с искаженным, как в кривом зеркале, временем, но смириться с цинизмом...

Захотелось закричать, ударить... Он сдержал себя. Сказал: — Если тебя не устраивает что-то и кажется смешным...

Она обернулась резко, и в обнажающем свете дня он увидел ее припухшее от слез лицо. Оно было прекрасно.

Он взял ее за плечи, каждым пальцем, всеми не существующими частями их почувствовал податливую мягкость девичьей плоти, и притянул к себе, задыхаясь от близости ее слабющего тела.

Штора закрылась, оберегая от внешнего мира. Их окутал полумрак и аромат любви. Слабо потрескивали свечи. Увеличенные тени плыли по стенам, бесшумно опускаясь на брачное ложе. Рядом с ее слабостью и чистотой он чувствовал себя опытным, мудрым мужчиной. Он был нежен...

Это были удивительные две недели...

Как только тетя Катя уходила на работу, появлялась Лиза в своем горошковом халате, и они забывали обо всем. Потом, устав от ласк, рассуждали о любви.

— Это ужасное выражение: «заниматься любовью», — в истоме откидываясь на подушку, говорила Лиза. — Все равно что сказать: «заниматься жалостью» или «заниматься страхом»... Любовь — это чувство, а разве можно заниматься чувством?

— Имеется в виду сам процесс, — улыбался Станислав.

— Но секс — это ведь не любовь, — хмурилась Лиза, покручивая на пальце серебряное колечко с бирюзой. — Актеры изображают секс на экране, и мы не стесняемся смотреть... Но если и в жизни он возможен без высоких чувств, значит, это процесс чисто физический. Вроде спортивных упражнений. Когда работает тело, а не душа.

— И что же такое, по-твоему, любовь? — щурился Станислав.

— Это тайна для двоих, даже если любит только один... — уклончиво отвечала Лиза, торопясь замуровать щелочку, позволившую заглянуть в ее душу. — И все много проще, чем кажется.

— Тысячелетиями человечество, величайшие поэты и мыслители пытаются дать этому чувству объяснение. И не могут. А ты так просто, с ходу... — начинал раздражаться Станислав.

— Пусть не «с ходу», а рассуждая, — легко уступала Лиза. — Какие стадии отношений существуют: симпатия, увлечение, влюбленность, страсть и наивысшая форма, слияние всего — любовь.

— Ты забываешь жалость, уважение, привычку и кучу разных оттенков чувств, дополняющих любовь, — Станиславу не хотелось спорить, и он начинал целовать, наслаждаясь запахом ее опрятного тела. Лиза слегка отодвигалась, пытаясь продолжить разговор.

— В старину на Руси говорили «жалею», и это означало — «люблю». Любовь — это счастье самоотречения, когда ради любимого...

— ... готов на подвиг и на смерть, — это мы уже проходили, — с досадой фыркнул Станислав и тоже отодвигался в сторону. Его всегда раздражало, когда мусолили то, что и без слов ясно. Он с трудом узнавал Лизу, смутно понимая, что она сама себя еще только открывает. И несмелый процесс этот казался ему немного нудным.

В итоге они ссорились... Лиза уходила, вежливо приглашая на обед, но он принципиально ел в заводской столовой. Давясь казенным супом, вспоминал Лизины щи и утешался тем, что хоть Тошка, умудрившись подружиться с соседским котом, был сыт.

На завод «Полимер» он устроился временно, и оформляли его по какому-то странному договору, взяв подписку о неразглашении служебных тайн, хотя изначально было понятно, что никаких особых секретов ему доверять не станут. Но аванс он получил щедрый, из рук начальника отдела.

Непонятный отдел без официального названия существовал как бы сам по себе и занимался технологическими прогно-

зами, социально-психологическими домыслами и чем-то еще — ради этого «еще» он, похоже, и был создан. Отдел поддерживал плотную связь с зарубежными партнерами и теми соотечественниками, кому не безразлична была дальнейшая судьба завода, жизнь которого последние полгода висела на волоске. Сотрудников работало немного, каждый занимался конкретным делом и в чужие задания нос не совал.

Пользуясь свободным графиком работы, Станислав приезжал после обеда и сидел до глубокой ночи в отведенном ему неказистом кабинете. Обложившись техническими словарями и справочниками, первые дни он занимался только переводами скучнейшей производственной документации и рекламных буклетов. Судя по всему, хозяйство у завода было большое, некогда богатое, и казалось странным, что Бугор еще не наложил на него свою лапу. Хотя желающих «лап» было, возможно, много, и каждая тянула к себе.

Иногда, закончив оформление переведенного текста на компьютере и сбросив все на принтер или, по указанию свыше, в Интернет, Станислав начинал бродить по информационному миру в надежде найти открытый мамой сайт. Не может такого быть, чтобы она сидела без дела. По словам Паниных, которым Станислав изредка звонил, мать вышла на связь лишь раз. Сказала, что все еще не может перебраться в Штаты, и средств у нее с Константином Витальевичем хватает только на жизнь, хотя, зная Надежду, в это трудно было поверить.

Домой Станислав уезжал на служебном автобусе, увозившем вечернюю смену. Уставшие люди были молчаливы, расспрашивать их о чем-либо казалось нелепым, и он довольствовался теми новостями, которые сами плыли к нему, не тревожа и не заставляя думать.

Бугор не возникал. Станислав не сомневался, что тот знает о каждом его шаге, но направление этих шагов, очевидно, не вызывало недовольства. А, может, просто было недосуг заниматься строптивым юнцом, уже не рвущимся в Москву и к мамочке.

Станислав был рад передышке. Добравшись домой, он пил молоко с булкой, оставленной тетей Катей, и валился на тахту, застеленную свежей простыней — об этом заботилась чистюля Лиза. В голове бродили приятные мысли. Их не омрачало ничто: синяя тетрадь сама из ящика не вылезала, приличный заработок придавал уверенность в завтрашнем дне. А потому не стоило нарушать шаткого равновесия.

Утром он просыпался оттого, что Лиза забиралась к нему под одеяло, и ее сырые после душа волосы холодили его шею и грудь. Начинало казаться, что очень давно, возможно, в прошлой жизни, уже было это ощущение семейного уюта.

Вот-вот проснутся дети. Все вместе они будут пить утренний кофе из кружек со снегирями...

«Может, это все, что мне надо? — думал Станислав. — Может, это и есть — любовь?»

Но временами чудился шелковый водопад Ее волос, и страдающий голос Мад: «Золотце мое, какой же ты замороженный...»

— Хочу девочку, — мечтательно говорила Лиза. — Одинокой матери легче воспитать, а парню нужен отец: и пример показать, и выдрать, если потребуется. Дочке, когда она вырастет и замуж выйдет, мать-нянька будет нужна. Вот и не останусь к старости одинокой.

— Ты как подушка с иголками — так и колешься эгоизмом, — вылезая из-под обломков своих надежд, перебивал Станислав. — Только о себе думаешь. А как же я?..

— Причем здесь вы? — поддразнивала Лиза, делая вид, что собирается встать. Станислав выжидал, как опытный кот, готовый наказать самодовольную мышку, и ловил Лизу в последний момент.

Им было хорошо... Вселенная замыкалась в крохотном и безмерном мире двоих. Казалось, вся энергия космоса служила их естественной обоюдной страсти. Природа щедро дарила то, что они могли и обязаны были взять, а потом отдать, приумножив человечество... Но Лиза снова разрушала идиллию:

— Буду растить ребеночка так, как хочу...

В ее голосе Станиславу слышалась издевка, и он просил:

— Давай поговорим начистоту.

— Хорошо, но только один раз, — соглашалась Лиза.

— Ты хочешь использовать меня просто как донора? Забываешь, что я — живой человек? — он старался не повышать голоса.

— Вы же знаете, что нравиться мне. Даже больше... — она упорно не хотела перейти на «ты», пытаясь сохранить дистанцию.

«Мы снова поменялись ролями, — с тоской думал Станислав. — Она говорит то, что обычно заявляет парень, зная, что рано или поздно бросит девчонку».

— Может, и ребенка мне не покажешь? — спрашивал он с вызовом.

— Чтобы было кого показывать, надо еще родить, — Лиза примиряюще тянулась к нему губами. — Не мучайте себя и меня. Это не я жестокая, а время сейчас такое: хочешь жить так, как нравится, как считаешь нужным, значит, будь сильной и верь только себе...

... Воскресный день, еще в школьные годы, представлялся Станиславу чем-то вроде точки, поставленной после фразы

длинной в шесть дней. Он подводил итог недели жизни, а понедельник, следующий за ним, был началом новой фазы существования. Вот почему кажется, что в этот день можно повернуть судьбу и стать другим.

Как и в прошлый раз, в воскресенье Лиза не пришла, потому что тетя Катя была дома. И с утра пораньше Станислав сбегал в супермаркет, купил розы, большой торт, а, вернувшись домой, поставил под струю холодной воды так и не распечатанную бутылку шампанского. Потом он надел новую рубашку, подобрал галстук и ближе к обеду отправился к соседям.

Он пришел вовремя. Тетя Катя дожаривала рыбу, а Лиза накрывала на стол — на троих. Тошка увязался следом, и в паре они представляли вполне торжественное зрелище.

Увидев шампанское, цветы и торт, тетя Катя всплеснула руками:

— Это не у вас ли, Станислав Сергеевич, День рождения?

Лиза подозрительно покосилась на розы, но ничего не сказала. Достала три граненых стакана, сказала насмешливо:

— Уж не обессудьте, хрусталя не имеем, потому что вино не пьем.

Станислав начал не спеша открывать шампанское. Первый палец работал отлично, и культики не подвели. Торжественно хлопнула, отсалютовав, пробка, морозный парок вырвался из горлышка, и золотистая струйка потекла, наполняя стаканы.

«Что ты делаешь, дурень? — шепнул ему голос благоразумия. — Ты понимаешь, на что идешь?..»

Мать и дочь торопливо подсели к столу. Станислав остался стоять, судорожно сжимая в руке стеклянные грани.

«Молчи, идиот! Мальчишка!..» — заорало Благоразумие. И, чтобы не слышать его малодушный голос, Станислав сказал поспешно, отчего получилось не так торжественно:

— Уважаемая Екатерина Ивановна, я прошу руки вашей дочери. Мы с Лизой любим друг друга. Благословите нас.

Тетя Катя ахнула, стакан выпал из ее руки и, облив шампанским стол, скатился на пол. Звонко динькнули осколки.

— Зачем вы все испортили? — тихо сказала Лиза.

— Я хочу, чтобы у моего ребенка был отец. Хочу видеть, как он будет расти... Я не богат, еще учусь, но деньги всегда заработаю, — обретая равновесие, твердо сказал Станислав и, забыв, что надо чокнуться, залпом выпил шампанское.

Тишина, как глыба льда, повисла над столом, над маленькой кухней, над домом, городом и всей планетой. Станиславу казалось, что она рухнет и заморозит их всех, как только Лиза произнесет «нет». Но откололась от ледяной глыбы лишь часть ее:

— Спасибо за предложение, но... если бы тебе было под тридцать, поверь, ни за что бы не отпустила, — она впервые говорила Станиславу «ты», словно подчеркивала разницу в их возрасте.

— Мне никогда не нравились однокурсницы, — голос Станислава окреп, ему показалось: еще немного, и Лиза улыбнется. Без издевки и ехидства, немного смущенно и светлея лицом. Как улыбнулась в тот, день, когда он надел ей на палец колечко.

— Вот когда начнут нравиться молоденькие девушки, тогда и пора жениться, — Лиза действительно улыбнулась, но грустно. — Я не хочу, чтобы ваш благородный жест обернулся потом нашими ссорами, мучением для всех, а может, и ненавистью, — она резала торт, раскладывала его по тарелкам, хотя на плите остывала рыба.

— Что ты говоришь, доченька? — шепнула тетя Катя и заплакала.

— Мы живем в разных мирах, — даже не посмотрев на мать, продолжала Лиза. Ее взгляд стал сосредоточенным, словно она пыталась зондировать пространство между этими мирами. — Я не хочу подчеркнуть, что вы — из богатой, а я из бедной среды. Здесь еще можно поспорить, чья среда хуже-лучше, если за основу брать духовные качества. Я не о том... — она опустила голову на руки.

— Ты обрекаешь нашего сына или дочь на героическую жизнь страдальца, — чувствуя, как безнадежно успокаивается в нем все, Станислав говорил почти безразлично. — Ты не сумеешь дать ребенку хорошего образования, потому что к тому времени даже за школу придется платить. А чтобы учиться в институте, ему или ей придется подрабатывать дворником или посудомойкой в ресторане.

— Что же делать, если мы живем в дрянном государстве, хотя за границей — такое же дерьмо... — Лиза впервые произнесла грубое слово, и это покорило Станислава. Ему казалось, что вся она состояла из углов и граней, как на портретах кубистов.

— Но я не хочу, чтобы мой ребенок — законный или незаконный — жил в дерьмовом мире... — Станислав налил себе полный стакан шампанского и выпил так же залпом, пытаясь погасить сжигающий изнутри жар и окончательно задыхаясь от жажды.

— Вот и очищай этот мир. Делай его таким, каким хочешь видеть. Ты умен, молод... Мы не должны быть тебе обузой. И кто же, как не вы — воспитанные, образованные, талантливые, должны оберегать нас — простых людей от всякой импортной и доморощенной нечисти...

Наступившая пауза была долгой, а тишина в ней казалась хрупкой, как лед в первые зимние заморозки.

— Мы сможем остаться друзьями? — пересилив себя, спросил Станислав. Его начинало мутить, но он выпил шампанское еще и из Лизино стакана, потом остатки из бутылки. Хотелось разбить что-нибудь или сказать гадость.

— Вам надо поесть. Хотите, положу рыбу? — спросила Лиза.

— Ты не ответила на мой вопрос, — Станислав поднялся и шагнул к двери. Лиза следила за тем, как он взялся за ручку двери и повернул ключ.

— Конечно. Мы можем остаться даже любовниками, пока обоим это нужно, — она говорила мягко, как говорят с тяжелобольным, обнадеживая его и себя. Но оба понимали, что этого не будет.

Тетя Катя беззвучно плакала, вытирая глаза фартуком.

Станиславу тоже хотелось заплакать, но он сухо кивнул, прощаясь, позвал Тошку и без стука прикрыл за собой дверь.

Фраза, часть которой удалось прочесть, была написана на третьей странице. Она состояла из четырех слов, но именно они могли стать ключевыми. Надо только составить образец букв для расшифровки остального текста. Но эта легкость оказалась обманчивой...

Рисунок у каждой буквы был свой, и создавалось впечатление, что их раз в десять больше, чем в русском алфавите: палочки разной длины, финтифлюшки и закорючки. Наклон вереницы знаков на каждой странице менялся — группы букв, составляющие слова, то спешили, растягиваясь в неудержимом стремлении, то останавливались, топчась на месте или сбиваясь в кучу. Заглавных букв и знаков препинания не было вообще. Лишь кое-где угадывались точки.

Станислав понимал: так выражалось настроение Дядечки. Размашистые палочки, обозначавшие «р» и «т» без крыши или «ш» без донышка, выдавали напряжение и решимость. Если округлые буквы сохранили «щечки» и «животики», значит, в душе Дядечки наступил покой. В спешке же записи выглядели как вязь стенографистки. Все было сделано пастой разного цвета, местами — карандашом.

Выписывая угаданные слова, Станислав оставлял между ними промежутки. Получилось: «... я жив лучше бы...», «... не хочу...», «...встреча не...». Часто повторялось слово «тюряга», и ни одной фамилии или клички, а если и были, то не с заглавных букв. Лишь несколько раз слово «мразь» в разных падежах. В середине тетради удалось разобрать «...жаль ребят...». Станислав подумал, что речь идет о них — пацанах, но на другой странице обозначилось «Афган» с большой буквы.

Несколько строчек в конце тетради были написаны более крупно. Сразу удалось прочесть слово «пират». Это было единственное знакомое имя, оно помогло угадать целую фразу: «убит пират надо успеть... на фига дам бугру наследство». Слово «бугру» было тоже с маленькой буквы. Потом шли строчки отборного мата, какого никто из пацанов от Дядечки никогда не слышал. Буквы были вдавлены острием карандаша так, что бумага местами порвалась. Страстная, безысходная ненависть исходила от этих строк с такой силой, что Станислав выскочил на лоджию, в сияние огней и звездного неба.

Возле бара стояло несколько машин. Ближе к крыльцу — «Опель» Бугра. Возле него отирался кто-то из телохранителей.

«Если бы силу Дядечиной ярости можно было, как лазерный луч, направить на этот бар, приплюсовав мою ненависть, помножив на отчаяние тех, кому Бугор сломал жизнь, то весь этот притон взорвался бы к чертовой матери, — думал Станислав, стоя на ветру. — Но где то оружие, в которое можно вложить этот заряд? Где рука, способная точно навести прицел и, не дрогнув, спустить курок?..»

Вывод напрашивался сам собой, но Станислав понимал, что пора петушиной самонадеянности кончилась. Он вернулся за стол — оставалось прочесть еще несколько строчек. И то ли сказалось умственное напряжение, то ли Дядечке очень хотелось, чтобы завещание его сумели понять, но последняя фраза словно продиктовалась:

«кто найдет этот сейф с дерьмом пусть поступит по Сове-сти». Слово «совесть» было написано с заглавной буквы, и Станиславу вспомнилось, как Дядечка говорил пацанам ворчливым голосом: «Когда не знаешь, как быть или что делать, старайся поступить по совести... — и добавлял себе под нос: — Не по своей — она шельма хитрая. А по той, что от Бога».

Дальше шли чистые страницы, точнее — пустые, потому что, как и вся тетрадь, они были закапаны чем-то прозрачным. В первый момент Станислав подумал, что это дождь или слезы. Но от бумаги шел чуть уловимый спиртной запах. На одной из страничек даже отпечатался кругляшок от дна стакана.

Теперь многое становилось понятно: Дядечка не пил с Бугром, ссылаясь на незаживающую язву, но его нечастые трехдневные отлучки, когда ставни были затворены, а голодный Пират бесился на привязи, объяснялись тем, что хозяин его не уезжал, как считали, а запирался в доме и глушил водку. И тетрадь была для одинокого человека чем-то вроде подушки, в которую можно выплакать тоску.

Станислав ясно представил себе Дядечку таким, каким не видел ни разу — опухшим, обросшим щетиной — и плечи невольно передернулись от брезгливого сострадания. Оно тут

же исчезло, потому что из-под опухших век на него ясно глянули бирюзовые глаза...

— С содержимым сейфа я поступил по совести. А как быть со всем остальным? — пробормотал Станислав. Услышав его голос, под креслом завозился Тошка. — Спи, спи... — рассеянно успокоил он пса.

Мысли крутились, и в памяти уже который раз проплыло: «Несчастлива та страна...» Вылезая из автобуса, журналист крикнул: «Меня зовут Николай Лукич. Номер телефона...» Шестизначная цифра была несложной. Тогда он еще подумал: «Это возраст отца, день рождения мамы и вызов скорой помощи».

Рука потянулась за телефонной трубкой и отдернулась: часы показывали три часа ночи.

«Это его домашний телефон или редакции? Возможно, той, где у Вадима Вадимовича отказались взять статью... Спокойнее, Станислав Сергеевич, еще неясно, на какую кочку городского болота вы целитесь наступить...» — мысль окатила, как ушат холодной воды.

... На заводе «Полимер» что-то происходило. Станислав понял это, когда подъехал к конечной остановке, где обычно по утрам люди не задерживались.

Сейчас народ, покинув автобус, застревал небольшими группами на тротуаре. Рабочие оживленно обсуждали что-то и, судя по выражению лиц и жестикуляции, это «что-то» было чрезвычайно важно и касалось всех. Ближе к заводу группы увеличивались, а около проходной гудела целая толпа. Было ясно: завод закрыт и на его территорию не пропускают.

Тихо, не включая мигалок, подъехали и встали в стороне две милицейские машины. У ворот была видна еще одна. Слабо гудящий монотонными голосами воздух уплотнялся, сгущался от нервного дыхания сотен людей. Пространство словно накалялось от гневных, растерянных, огорченных и саркастических взглядов, направленных в сторону административного здания. Казалось, все вокруг пропитано взрывоопасным веществом, и стоит «заискриться» оголенным нервам, как все вспыхнет...

И в небе, над крышами заводских корпусов было что-то не так... «Лисий хвост» исчез. Значит, производство остановлено?..

Недалеко от Станислава несколько женщин судачили, припоминая события и детали заводской жизни, которые человеку, мало знакомому с производством, могли показаться второстепенными. Но именно они все последнее время трясли завод, и Станиславу уже под другим ракурсом припомнились невнятные, написанные от руки полуслужебные, полуличные письма без адресов, без обращений и подписей, которые он переводил. Заместитель начальника отдела — немолодой, сумрачный че-

ловек, терпеливо ждал, когда Станислав накарябает английский текст на бумаге, и уносил с собой, чтобы переписать. Ответную корреспонденцию переводил сам, а там, где не получалось, приносил отдельно выписанные фразы.

Теперь, мысленно отсеяв второстепенное, Станислав попытался все связать и обобщить. Получалась цепочка фактов, смутно обозначился механизм, с помощью которого можно развалить, очевидно, любое производство. Когда и кем он был запущен в действие, как работал, — по тем крохам, что Станислав знал, понять было невозможно. Вот если бы занялись специалисты и прокуратура... Но этого не предвиделось, и победный результат можно было обозначить двумя словами: завод обанкротился. А значит, нужен новый хозяин, и нет сомнения, кто им уже стал...

«Я оказался невольным бессильным свидетелем этой диверсии и, в какой-то крошечной мере, даже соучастником ее...» — Станислав чувствовал отчаяние и стыд. Хотелось вскочить на крышу автобуса и крикнуть: «Люди, вас облапошил Бугор!».

А потом: «За необоснованное оскорбление...» Вот уж Кривоносый позабавится! И при обыске, уже официальном, будет что найти... Нет, хватит сидеть, как луговой кузнечик в банке со скорпионами.

В толпе замелькали бритые головы, и Станислав начал пробираться к автобусу. Не было сомнения: вскоре появится «благодетель», который сумеет утешить своих избирателей...

А пока люди ждали, страдали, надеялись, и в отъезжающий автобус Станислав сел один.

Николаю Лукичу Станислав позвонил в тот же день.

— Папа, это тебя, — позвал девичий голос. В трубке зашуршало, стали слышны звуки «Лебедя» Сен-Санса. Музыка была так прекрасна, что Станислав испытал досаду, когда мужской голос произнес:

— Слушаю вас...

— Мы познакомились весной, на автобусной остановке. Вместе ехали, и вы сказали номер своего телефона... — Станислав старался говорить не спеша, давая возможность журналисту ощутить сейчас ту атмосферу доверия, которую почувствовали тогда оба.

— Я о вас вспоминал. Жалел, что потерял из виду, — оживился Николай Лукич. — Как вас зовут?

— Мне бы хотелось с вами встретиться, — уклонился от прямого ответа Станислав. — Только не в редакции.

— Я там уже не работаю, — журналист усмехнулся. — Заходите ко мне домой, в любое время, — он продиктовал адрес.

Теперь надо было продумать, что и в какой последовательности говорить. Четко определить цель визита. Но чем может помочь безработный журналист? Хотя какую самостоятельность он мог бы проявить, даже работая в газете, которая живет на средства от рекламы и спонсоров, — ее гласных и негласных хозяев?..

«Пусть все идет так, как лучше для меня. Точнее — как хуже для Бугра и его змеиноного выводка», — загадал Станислав, понимая, что напрасно тешит себя надеждами. Самое большее, на что можно рассчитывать — это поделиться тем, что его распирает, как перекачанную автомобильную камеру, не защищенную шиной. И стоит напороться на гвоздь — рванет так, что разнесет в клочья.

Вновь возникала проблема: что надеть? Вряд ли бугровские «шестерки» продолжают вести слежку — им на заводе дел невпроворот. Ну, а если случайно запеленгуют его вояж к представителю прессы?

«Сам лопухнусь, и хорошему человеку устрою подлянку. Нет уж...», — Станислав пересилил себя и пошел к соседям.

Лиза не выдала своего удивления, не спросила, зачем ему снова понадобилась ее одежда. Молча протянула так и не распакованный сверток. Она была поразительно спокойна, движения ее были мягки, округлы, и румянец уже не полыхал на щеках. Они не виделись недели две, а Станиславу казалось, что со дня его неудавшегося сватовства прошло не меньше года.

— Завтра воскресенье, — сказала Лиза, — на обед приходите. Мама будет рада.

«А ты?» — хотел спросить Станислав, но промолчал.

На сей раз, надев блузку и юбку, Станислав никак не мог заставить себя почувствовать женщиной. И краситься показалось противно. А потому, спрятав раздраженные глаза за темные стекла очков, он вместо дамской сумочки взял полиэтиленовую поярче. Засунул в нее трикотажный тренировочный костюм и уже с легким сердцем отправился в гости.

Нужный дом оказался рядом с супермаркетом, квартира — на девятом этаже. Дверь открыла невысокая худенькая девушка, похожая на подростка. На ней были светлые джинсы и клетчатая мужская рубашка. Быстрый взгляд необычных, янтарного цвета глаз цепко охватил Станислава всего целиком. В недоумении поднялись тонкие брови. Она кивнула, здороваясь, и крикнула в сторону комнаты:

— Папа, к тебе пришли! — посторонилась, пропуская Станислава в прихожую. У нее были пышные каштановые волосы и матово-белая бархатистая кожа. Аккуратный носик слегка вздернут, отчего лицо светилось задором, хотя девушка явно была чем-то озабочена.

— Извините, я опаздываю. Папа сейчас выйдет, — она перекинула через плечо ремень этюдника, надела кепочку и стала похожа на пацана, спешно удирающего из дома. Дверца лифта захлопнулась.

— Иду, иду... — Николай Лукич вышел из комнаты. Одна рука его была перепачкана свежей землей, в другой он держал лейку. — Вы ко мне? — спросил, с недоумением разглядывая незнакомую девушку.

Станислав торопливо стащил с головы косынку.

— Извините за маскарад. Я все объясню...

Николай Лукич в раздумье поправил очки, вымазав землей щеку.

— Вы снова удивляете меня, молодой человек.

— То ли еще будет... — усмехнулся Станислав, чувствуя, как исчезает настороженность, но появляется желание шутить подольше, чтобы понять, чем живет и дышит этот дом.

— Проходите в комнату, я только руки вымою, — Николай Лукич направился в ванную, а Станислав, переодевшись в тренировочный костюм, вошел в помещение, которое, казалось, не имело стен — лишь одни «окна». Большие, поменьше и крохотные...

На картинах были изображены все времена года в той поразительной чистоте, какую можно увидеть лишь в ясный день. Зимний лес, весенняя распутица в поле, знойный берег прохладной реки, облака, пронизанные лучами... Развалины то ли крепости, то ли монастыря на фоне заката. Даже кладбищенская оградка и покосившиеся кресты не вызывали печали, потому что откуда-то сверху лился голубоватый свет, словно небо стекало на землю.

Портрет — только один. Он выполнен черной гуашью, но казалось, что рисовали белым цветом по темному фону, так выразительно и прекрасно лицо женщины средних лет. Взгляд лучистых глаз обращен вдаль, за спину Станислава. Он такой пристальный, заинтересованный, что хочется обернуться и увидеть то, на что смотрит она.

— Это портрет моей жены. Его написала Верочка. По памяти, когда Настеньки... Анастасии Акимовны уже не стало. Она была пейзажистом, это ее картины, — Николай Лукич пересек комнату и толкнул застекленную дверь. — А здесь Верочкины работы. Дочь учится на втором курсе художественного училища, но уже выставлялась в Москве. Вечно недовольна собой, игнорирует авторитеты и постоянно экспериментирует.

Эксперименты были дерзкими, даже буйными. Фантазия бросала кисть художницы то к изображению животных, надевая их человеческими чертами, то к лицам людей, похожих на

травоядных, хищников или птиц, хотя ничего карикатурного в этом не было. Проступала лишь суть, причастность человека к животному миру, какую ощущает в себе временами тонкая и самокритичная натура.

Были портреты, написанные в привычной манере, — благостные, постные, приторные или шальные, замордованные жизнью лица людей разного возраста, чаще старых. Но в размашистых мазках, в игре света и тени пробивалась такая неудержимая энергия жизни, что хотелось самому куда-то спешить. Станислав подавил в себе суетное чувство и обернулся к Николаю Лукичу. Поймал его пристальный взгляд и понял, что хозяин дома его изучает.

— По тому, какое впечатление производят картины, вы судите о человеке? — Станислав, шутливо хмурясь, уставился на журналиста.

Поняв, что разоблачен, Николай Лукич с улыбкой развел руками:

— Это непогрешимый, проверенный тест. Дело не в том, что людям нравится — вкусы и понимание разные. А вот как человек смотрит, какая энергетическая связь возникает между ним и художником через картину?.. И если душа говорит с душой — с таким человеком просто, надежно в общении. Если учесть, что жизнь — это череда событий, а поступки — реакция личности на них, то полезно знать, что можно ожидать от человека в экстремальных ситуациях нашего непредсказуемого времени. Вы согласны со мной?

— Скажу «да» или «нет», и вы разочаруетесь, потому что такой ответ слишком примитивен, — Станислав чувствовал, как все в нем утихает и занимает свои места. Так после бури: вода стекает в низины, сломанные ветки и листья прижимаются к земле, а все, что выжило — распрямляется, вдыхая свежестью наполненный воздух.

— Вы позволите мне закончить поливку столовой зелени? — озабоченно спросил Николай Лукич и пошел на лоджию. — За неимением садового участка я развожу ее, как видите, везде. Куда попадает солнце... Раньше, когда мы были все вместе, любили принимать гостей. Жена изумительно готовила... Сейчас выходных дней стало больше, а праздников — меньше. Мы мало общаемся, пытаемся решать свои проблемы в одиночку. А проблема в стране одна — общество раскололось: каждый — сам по себе и — за себя...

Станислав, остановившись в дверях лоджии, следил за тем, как журналист насыщает влагой заросли лука, укропа и разнозеленых салатов. Он понимал: его неназойливо приглашают к разговору.

— У меня проблема, которую невозможно решить одному.

Но это... — Станислав замялся, — ... опасно, и если у вас возникнут...

— Если у меня возникнут сомнения, откажусь сразу, — закончил Николай Лукич с улыбкой. — Вы не будете возражать, если мы начнем беседу в кухне и приготовим потрясающий овощной суп? Сейчас дома я, по совместительству, еще и повар.

Большая светлая кухня была вся увешана фанерками разной формы и величины, разрисованными цветами, овощами, фруктами.

— Дочка на продажу делает. С тех пор, как я распрощался с редакцией, она стала кормильцем. Но я уже договорился о работе, правда, не по специальности, — Николай Лукич слабо улыбнулся.

— Можно спросить: вы сами ушли или вас ушли? — Станислав следил, как журналист в отставке ловко режет зелень петрушки.

— Если коротко — не сработался с главным редактором. Хотя главным в нашей газете до определенного времени был я сам. Но... Николай Лукич перестал резать и задумался. — Скажем так: не пошел на поводу у спонсора... — нож снова застучал по фанерке.

— А спонсором был Бугров Тарас Игнатьевич? — Станислав не отрывал взгляд от ножа, ожидая, когда тот споткнется.

— Откуда вы знаете? — Николай Лукич отложил нож и посмотрел искоса. — Впрочем, эта фамилия сейчас на слуху... Пойдемте-ка в кабинет. Разговор предстоит, чувствую, не кухонный.

Опасаясь запутаться в собственных мыслях и стараясь не забивать свежую голову своими предположениями, Станислав, по возможности коротко, стал излагать только факты.

Начав с невезучей «Надежды», он сразу предупредил, что затронуты его личные интересы, а потому не исключена необъективность. Потом, объединив то немногое, что узнал во время визитов с Йосано к Смирнову, Евграфову и Бугрову, добавил свои выводы, сделанные после изучения трех дискет. Передал вкратце беседу с Графом в его коттедже и разговор с Бугром на вилле, выделив то, что касалось «Надежды» и предложения будущего мэра войти в его команду. Закончил заводом и своим прогнозом относительно его судьбы.

Рассказ получился длинным и малоубедительным. Но Николай Лукич слушал внимательно, делая пометки на листе бумаги, случайно попавшем под карандаш.

О Дядечке Станислав не заикнулся, не потому, что не доверял или боялся, что журналистская прыть может не вовремя раскрыть козырную карту. Ему хотелось понять мнение

общественности города, а кому, как не журналисту, полагалось это знать.

Разумеется, он услышал то, что заслужил.

— Из всего сказанного вы делаете вывод, что наш главный строитель, кандидат на должность мэра, уважаемый господин Бугров виновен в крахе «Надежды» и в бедах города... А есть хоть один документ, подтверждающий это? — в голосе Николая Лукича прозвучала горькая ирония, и Станислав понял, что адресом не ошибся.

— А кто виноват? — глядя в глаза собеседника, спросил он.

— Прежде всего, несовершенство законов, благодаря которым хищники могут питаться травоядными, а среди плотоядных побеждает более агрессивный и выносливый. Сильный становится сильнее, слабые вымирают — закон джунглей, перенесенный на популяцию людей.

— Значит, надо отращивать клыки и когти или покорно ждать, когда тебя сожрут? И нет на «бугров» нормальной, цивилизованной управы? — во взгляде Станислава было столько разочарования и укора, что Николай Лукич, отбросив карандаш, резко повернулся к письменному столу. Заваленный листами бумаги, исписанными от руки и с печатным текстом, загроможденный кипами газет и книг, ощетилившихся закладками, стол напоминал поле сражения.

— Все это... — Николай Лукич провел рукой над столом, словно генерал, не уверенный в исходе уже начавшейся битвы, — попытка ответить на ваш вопрос. На этом материале можно написать десяток книг — супербоевиков и политических романов, или сценарий для многосерийной драмы с печальным, но оптимистическим финалом: иначе ее не стоит снимать... Все, что вы рассказали, увы, очень знакомо. Кстати, я писал о «Надежде» небольшую заметку, когда фирма только родилась. Брал интервью у Надежды Эдуардовны. Позже я посвятил внезапному краху ряда производств города солидную статью. Это и стало первопричиной того, что принимаю вас не в редакторском кабинете, а в кухне... — журналист замолчал.

Станислав, испугавшись, что пауза затянется, спросил:

— Статья была напечатана?

— Как бы не так... Но я послал ее в столицу, казалось, через надежные руки — исчезла бесследно уже в редакции солидной газеты. То же случилось со вторым материалом... В итоге — безработный, наедине с пишущей машинкой, горькими мыслями и кулаками, сжатыми, извиняюсь, фигой... И напрасно вы сообщаете мне по секрету то, о чем, правда, тоже шепотом, говорит весь Приречинск.

— Но тогда кто же за Бугра проголосует? — изумился Станислав.

— Большинство... Потому что теперь только он сумеет воссоздать производство и обеспечить работой своих избирателей. Хотя сам же их разорил, разрушив систему небольших фирм и создав свою монополию... Я чувствую, вы мало читаете местную прессу, не слушаете предвыборных выступлений, где между строк так и сквозит: как только станет возможна купля-продажа земли... — голос у Николая Лукича сорвался, а Станислав угрюмо заключил:

— ... Он захапает все окрест и станет царьком своего, пока еще небольшого государства. Со своей армией бритоголовых, своими законами, шпионской сетью... тогда с ним уже никто не сладит.

Николай Лукич, ничего не ответив, в раздумье перебирал бумаги.

— Самое страшное, — не поднимая глаз, наконец, сказал он, — когда у человека с умной, изобретательной головой в груди бьется черствое, жестокое сердце, а душа — слепая...

Станислав молчал. Как-то заторможенно, уже безразлично, он переваривал услышанное, не зная, стоит ли выложиться «до донышка», и захочет ли увидеть это «донышко» человек, похоже, уже набивший себе шишек и сломанный. Но Николай Лукич помог ему:

— Когда Бугров начал разворачивать свою деятельность, я попытался выяснить: кто такой, откуда явился, на чем разбогател? Он всплыл здесь как-то незаметно, года четыре тому назад. Скрытно скупил за городом несколько домов с участками, тихо построил свою крепость и пошел бесшумной атакой на Приречинск... Не было сомнения в том, что он отмывал «грязные» деньги... Используя наши журналистские каналы, я попытался прозондировать его прошлое, но ничего особо криминального не нашел. Он отсидел в тюрьме за «пустячную» аферу и «случайную» драку, хотя в это трудно поверить... Выпущен был досрочно. За границу не выезжал, в серьезных махинациях не замечен. Как он сам говорит про себя: «Скромный мужик из сибирской глубинки. Бывший удачливый охотник и золотоискатель, честно скопивший свой начальный капитал». О дальнейшей судьбе капитала он умалчивает... — журналист сделал паузу.

Станислав терпеливо ждал продолжения и услышал его:

— Года полтора тому назад я опубликовал статью, в которой, исследуя активность предпринимателя и даже слегка похвалив его, задавал «невинные» вопросы, заставляя читателей задуматься... Статья получилась. Те, кому положено, начали проверять законность приобретения земельных участков и городской недвижимости. Но, видимо, не с того конца, начали и все утихло само собой. А вскоре вызвал меня главный редактор и попросил сделать материал, опровергающий бездоказатель-

ные домыслы. Я, естественно, отказался. Вскоре в трех городских газетах вышли хвалебные статьи — хоть икону с Бугрова пиши... А мою жену утром на пустынной улице сбила машина. Виновника, разумеется, не нашли... — Николай Лукич зашелестел бумагами, бесцельно перекладывая их с места на место.

Станислав не нашел что сказать, только подавил вздох.

— Я понял эту трагическую связь сразу, — продолжал Николай Лукич. — Но этого не захотел понять следователь, и дело попало в число нераскрытых. Неожиданно уволился и уехал наш главный. Занять его место предложили... мне. Я тогда не раскусил, в чем дело, и согласился. И тут началось: срывалась поставка бумаги, другие редакции переманивали репортеров, резко сократилось число подписчиков — газета чахла. Тогда появился спонсор — щедрый, незлопамятный Тарас Игнатьевич: «Публикуйте все, что хотите...» На радостях я заказал несколько статей экономистам, учителям, правоведам с целью проветрить город, ставший похожим на болото, где каждая лягушка рискует квакать лишь в хоре... Но никто ничего не написал. И тогда спонсор начал подсказывать темы. Появились бойкие авторы с готовыми материалами. Я был растерян, подавлен, пытался редактировать, убирая явный подхалимаж. А когда Бугров выставил свою кандидатуру на должность мэра города, меня просто-напросто сняли с главных, а из редакции я сам уволился, — Николай Лукич криво усмехнулся и пошел ставить чайник. Выпить крепкого кофе не мешало обоим. Обед, судя по всему, отменялся.

... — Вы знаете доцента юридического института Веселова? — спросил Станислав, потягивая кофейный напиток без сахара.

— Вадим Вадимович был из тех, кто отказался тогда написать статью, — Николай Лукич посмотрел на Станислава поверх чашки. — Я слышал, недавно с ним случилось несчастье.

— Он начал работать над этой статьей. Но в редакции сказали: тема не актуальна. А через несколько дней возле двери собственной квартиры ему разбили голову. Портфель с рукописями исчез.

— Даже так! — Николай Лукич отставил недопитый кофе. Лицо сделалось озабоченным. — И что же обнаружило следствие?

— А ничего... Мои показания как свидетеля утонули в море бумаг, среди десятка подобных мелких житейских неприятностей.

— Жаль старика... Как сейчас его состояние?

— К счастью, он уже дома. Заперт Ларисой Алексеевной на все замки, — Станислав подождал, что скажет журналист, но Николай Лукич молчал, и он спросил, чувствуя, как закипает раздражением: — О майоре Честякове знаете? Его расстре-

ляли в машине на московском шоссе. У меня нет доказательств, но думаю: он собрал избобличающий материал, который сгорел вместе с ним. Или Евграфов...

— Я слышал, он серьезно заболел и поэтому продал ресторан и казино. Нетрудно догадаться, кому... — помрачнел Николай Лукич.

— Только наоборот: сначала Бугор вынудил его продать «Лилию», чтобы спасти казино, но прихватил и то, и другое. Вот и хлопнул Графа инфаркт. Мне и тут «посчастливилось» оказаться свидетелем того, как рыдали жена и дочь... Сейчас Матвей Суренович дома, к телефону не подходит — залег на дно, как сом. И пролежит теперь в тине до лучших времен, если они когда-нибудь наступят.

Журналист вскинул на него непроницаемо-мрачные глаза:

— Выходит, и я залег на дно? Вы этого не сказали, но подумали... Нет, я еще на плаву, хотя и крепко притопленный. Вон, — Николай Лукич кивнул на стопку исписанных листов. — Пытаюсь изготовить бомбу. Собрал факты, вроде тех, о которых мы с вами сейчас говорили. За три последних года по городу и области их под две сотни — «беспричинных» и «глухих». И когда люди просто пропадали... Но без помощи прокуратуры и милиции, без участия мэрии, без открытости пострадавших лиц или их родственников мои усилия — дохлый номер. Даже если что-то напишу, опубликовать удастся лишь в столичной прессе — погрозить пальцем издаека и под псевдонимом... На большее не решусь: у меня дочь — любительница мотаться по городу в поисках натуры. А последнее время этюдами увлеклась, на природу выезжает.

Николай Лукич снял очки и начал протирать их. Станислав молчал. Он понял, что круг замкнулся, словно змея заглотнула собственный хвост, и сжимается удавкой на шее города.

«И ведь не осудишь этого человека. Он всего лишь журналист, не из боевика — из реальной жизни. Он не хочет, чтобы какой-то «Джип» или нож, которым по совместительству режут арбузы... И не будет свидетелей, возможно, и трупа — этому бандиты уже обучены.

Изоощренная фантазия сценаристов и режиссеров научила киллеров не оставлять следов, раскрыла секреты следственной работы, криминальный элемент насытился идеями, снабжен инструкциями... А мы стали трусами, потому что некому защитить, потому что не умеем драться сами. Потому что Зло концентрирует силы в кулаке, а Добро доверчиво протягивает раскрытую ладонку...» — Станислав не замечал, как пристально изучают его глаза журналиста.

— Мне кажется, вы о чем-то умолчали, — испытующий взгляд Николая Лукича был спокоен и чуть насмешлив. — Вы еще не

сказали, ради чего заявили в дамском наряде? Не будете же утверждать, что принадлежите к обществу трансвеститов?

— Можно мне принять холодный душ? — не в силах больше терпеть жар в собственном теле, пробормотал Станислав. — А то вспыхну, сгорю, и вы не узнаете, какой запал есть у меня к вашей бомбе.

Когда Станислав, посвежевший и взбодрившийся, выбрался из ванной, Николай Лукич уже орудовал на кухне, и торопливый нож снова постукивал по дощечке, нарезаая картошку.

— Идите сюда, — позвал он. — Я сейчас все же настрою суп, а пока он варится, вы расскажете о своем чудо-запале к моей информационной бомбе. Право, вы меня заинтриговали... Начинайте, а то мне тоже придется лезть под душ.

Николай Лукич запустил картошку в кастрюлю, где уже закипала вода, бросил кубик концентрата, и по кухне поплыл куриный аромат.

— Потом добавим вермишель, зелень и сногшибательный «супер-мупер» суп, как называет его Верочка, готов... Так я вас слушаю.

«Он не принял мои слова всерьез, — подумал Станислав, испытывая озорную мальчишескую радость. — Ну, погоди же, умник!..»

Он начал с подворотни и странной дружбы с Дядечкой, не прибавляя ничего из области собственных догадок, которые появлялись у него раньше и закрепились теперь. Факты, только факты.

Николай Лукич, не проявляя особых эмоций, продолжал возиться возле плиты. Изредка он задавал уточняющие вопросы, на которые Станиславу приходилось чаще всего отвечать: «Не знаю», «Не говорил», «Не припомню»...

О гибели Дядечки журналист слушал, сжимая ложку в руке и забыв про суп. Суп сбежал, загасив горелку. Пришлось вытирать плиту.

Станислав с досадой покусывал губы. Ему не терпелось накинуть на шею Николая Лукича тот же хомут, в какой почувствовал запряженным себя с тех пор, как Тошка зазвенел цепью на могиле Пирата.

Николай Лукич сыпал вермишель, когда Станислав начал рассказывать о своей поездке к дому Дядечки. Когда дело дошло до могилы и сейфа, суп снова сбежал, и вся таинственность исчезла. А поэтому уже самым будничным голосом Станислав сообщил о том, что нашел, что увидел, и что взял.

Николай Лукич оттирал железной мочалкой горелое пятно на плите и слушал вполуха. Закончив, вымыл руки, сказал весело: — Кушать подано, — и начал расставлять тарелки.

«Не поверил... Решил, что у меня из-за нервных перегрузок и

физических травм не все благополучно с психикой, а потому мерещится разная чушь, и надо отвлечь беднягу хотя бы обедом».

Супер-мупер суп оказался вполне съедобным. Рожки, заправленные вместо мяса яйцом, соответствовали Верочкиному названию «Пасмурный день», но были сытны. А заваренный свежими листьями Melissa чай пах лимоном. За едой говорили о разных мелочах, и Станиславу казалось, что журналист не прочь выпроводить начинающего шизофреника, пока не вернулась с пленэра его Верочка.

Когда посуда была вымыта, Николай Лукич снова пригласил Станислава в кабинет, похожий на пенал из-за стеллажей с книгами, подшивками газет и журналов, заслонивших все стены.

— Вам кажется, что у меня пунтик и крыша поехала? — блокируя взгляд Николая Лукича, Станислав заговорил первым.

— Уж очень смахивает на пиратские клады. И все — в одиночку... — взгляд журналиста убежал-таки в сторону.

— Не в одиночку, а с Тошкой. Пуделек очень надежный товарищ.

— Не обижайтесь, — Николай Лукич улыбнулся виновато. — Но мне все это кажется невероятным. И то, что вы... — он запнулся.

— Не позарился на баксы? — усмехнулся Станислав, вспоминая борьбу разума и желания в ту ночь над сейфом-ящиком.

— Как раз это я понимаю, — он стащил с носа очки и стал протирать их уголком фартука, который забыл снять. — Эти бумаги... Они у вас действительно есть? И вы могли бы их показать?

Станислав молча кивнул. Он устал от разговора. Недоверие расхолаживало. Он ожидал совсем иной реакции: если не взрыва, то хотя бы всплеска эмоций. А журналист вел себя как засыпающий на песке карась, который уже не бьется, стремясь добраться до воды.

— Когда? — Николай Лукич словно только сейчас понял, что это не сон, и в наступившей реальности можно действовать.

— Когда угодно, — Станислав остановил руку журналиста, рванувшуюся к нему. — Это не со мной. Принесу завтра.

— Сегодня, — нахохлился Николай Лукич. — Я пойду с вами.

— Исключено, — покачал головой Станислав. — Они следят за мной, иначе зачем бы этот маскарад...

Пришлось рассказывать о Суслике в больнице, о фотографии у бармена, о том, как лыски доставили его к Бугру. О разгромах квартиры и звонке Кривоногого... Журналист только головой качал.

Они договорились, что Станислав придет завтра в десять утра, а журналист подстрахует его издали, потому что просто так, да еще в авоське, запалы для бомб носить не полагается.

Уже выходя из квартиры, Станислав столкнулся с Верочкой. Янтарные глаза девушки стали круглыми от удивления и начали темнеть. Когда дверь захлопнулась, Станислав услышал, как Верочка спросила отца ехидно:

— Она так и сидела у нас с утра?

— Это совсем не то, о чем ты подумала, — засмеялся отец.

— О чем же я подумала? — у Верочки был переливчатый голос.

Улыбнувшись, Станислав вошел в лифт.

Станислав никогда не видел, чтобы так быстро мог измениться человек, превращаясь из усталого господина увядающего возраста в энергичного, разом помолодевшего мужчину. В напряженной фигуре и сосредоточенно-вдохновленном лице появилось что-то от собаки-ищейки, взявшей след.

— Все тайное непременно становится явным. Это только вопрос времени, — бормотал Николай Лукич, разбирая бумаги, и пальцы его слегка дрожали. В тетрадь он только заглянул, фотографию рассматривал с лупой, иностранные фамилии на обороте читал вслух.

— Тот, кто сидит за столиком справа, один из сицилийских мафиози, не самый крутой, но скандально известный. За ним тянется шлейф судебных процессов, из которых он всегда выходил сухим. Лет шесть тому назад о нем была написана интересная статья в «Таймс»... Фамилия того, кто сидит рядом с ним, мне ни о чем не говорит и физиономия не знакома. А этот, — Николай Лукич указал пальцем на господина в шляпе, — был застрелен года три назад в криминальной разборке, где погибли и случайные прохожие, — все итальянские газеты тогда шумели. Коротышка смахивает на убитого не так давно наркодельца. Судя по статье, написанной в одной из французских бульварных газетенок, он был не слишком удачливым в бизнесе и недостаточно щедрым со своими партнерами, вот его и замочили. Мрачная парочка, возможно, ливийцы. Сидоров-Бугров убеждает их в чем-то. Самолеты, о которых идет речь в расписках, непонятно как сохранившихся, загружались не без их участия. Капсулы с наркотиками прятали во фруктах. Представьте себе — ананас с героиновой начинкой или персик с кокаиновой косточкой...

Николай Лукич откинулся на спинку стула. Глаза его сияли. Он прикрыл ладонью фотографию и бумаги, сказал, глядя на Станислава с уважением и лаской:

— Нет, это не запал. Это атомная бомба, если подлинность документов подтвердит экспертиза, а специалисты скажут, что субъект на фотографии — действительно кандидат в мэры Т.И.Бугров.

— А могут и не сказать? — ахнул Станислав. — Но это же ясно!

— Ясно будет, когда его возьмут под стражу, и лишь через год-два будет суд, если этого допустят адвокаты. А они у него будут отменные, это уж вы поверьте моему журналистскому опыту. Разве что вмешательство Интерпола... Ведь неспроста новый русский затесался в такую теплую компанию под жарким южным солнцем... И еще — посмотрите, как совпадают даты чартерных рейсов с некоторыми событиями... — Николай Лукич, не вставая, обернулся и вытащил с полки за своей спиной одну из пухлых папок.

В папке оказались вырезки из газет и журналов. Развернув одну, Николай Лукич подsunул ее Станиславу:

— Почитайте... Ах, только английским владеете? Это статья — на немецком. Здесь дан исторический анализ бессмертия преступных группировок. Все это богатство, — журналист кивнул на стеллажи, — собрано за двадцать пять лет. Еще студентом начал. Чтобы следить за зарубежной прессой, пришлось одолеть французский и немецкий. Английский учил в институте. Разговорная речь — не блеск, с жутким акцентом, а перевожу почти без словаря: журналисты всех стран пользуются крайне убогой словесной палитрой.

Внезапный шум в соседней комнате заставил Станислава вздрогнуть и резко обернуться. Николай Лукич окликнул:

— Это ты, Верунчик? Разве еще не ушла?

— Ухожу, мой заговорщик, — дверь распахнулась и на пороге появилась Верочка в той же клетчатой рубашке и выгоревших джинсах. Янтарные глаза лучились. — А... это опять вы, прекрасная незнакомка? Надеюсь, побрились, а то вчера вечером смахивали... — она замялась, и Станислав добавил:

— На поросенка Хрюшу... О, не извиняйтесь за бестактность. Ваше ехидство я принимаю за комплимент, ревнивая папина дочка.

Глаза у Верочки стали густо янтарными. Она засмеялась так звонко, что Станислав засмеялся тоже, чувствуя, как празднично становится на душе. Блеск удивительных девичьих глаз проник в сердце и засиял там пока еще далекой звездочкой.

— Будь осторожна, — Николай Лукич не спускал с дочери глаз.

— Клянусь! Переходить дорогу только на зеленый. В электричке сидеть с женщиной. А рисовать, прислонившись спиной к стене. Любопытно только, как тогда увижу сам дом? — Верочка вздохнула.

— Вот ведь беда: именно сейчас потянуло ее искать украшенные резьбой старые дома, — мрачно пожаловался Николай Лукич.

— Прекрасная старина и в городе есть. Среди трущоб такие попадаются строения, что глаз не оторвешь. Хоть доски выламывай и — в музей, — Станислав с удовольствием наблюдал, как из ехидного зверька-царапки девушка превращается в доверчивого котенка.

— И вы мне покажете? — выражение лица, тон голоса, слова — все было так похоже на сказанное накануне Николаем Лукичом, что мужчины рассмеялись. Верочка приподняла бровь, надула губы, похожие на спелые вишенки, и у Станислава в груди сладко сжалось.

— Ладно, секретничайте, а я побежала, — она махнула рукой и, задев этюдником косяк двери, исчезла — так исчезает комета, скатившись по ночному небу за горизонт.

— Ваше появление взбаламутило нашу заводь, — в раздумье произнес Николай Лукич. — Как журналист, я счастлив: появился смысл работать и жить. После гибели жены я думал, что уже никогда не загорюсь настолько, чтобы нырнуть в тему, не опасаясь разбить себе голову. Сейчас я испытываю чувство истинного корреспондента. Не шустрого папарацци, который ищет сенсаций, подчас провоцируя людей... Нужна Истина! Ее надо добыть, переварить мозгом, сердцем и, лишь осмыслив, преподнести читателю «вкусно», с пользой, затронув самые чистые струны его души.

— А мне казалось, что истина съедобна лишь в сыром виде, — буркнул Станислав, досадуя, что время идет на пустые разговоры. — Как бы не сгинула наша истина раньше, чем заявит о себе...

— Вовремя опустили меня на землю, — журналист смущенно пригладил еще густые волосы. — Иногда бывает, взлетишь на крыльях вдохновения и — темечком о потолок хрясь!.. Давайте-ка чаю попьем. Верунчик что-то пекла. Обед сегодня отменяется.

... То, что материал, собранный Николаем Лукичом о Бугре, о криминальной обстановке в городе, и документы, найденные Станиславом, надо срочно везти в Москву, сомнений не вызывало. Ехать стоит только вдвоем. Но ни в коем случае не вместе.

— Вечером сфотографирую снимок и каждую бумажку, попробую и листы тетради — надо застраховаться от любых случайностей. Копии своих материалов я держу в тайнике. Сделал для забавы, а потом пригодился. Это лучше, чем ставить железную дверь, которая возбуждает любопытство и желание ее вскрыть, — пошутил журналист.

— Завтрашний день — вам на сборы. А я утром первым же проходящим, в женском платье. Как поезд тронется, переоденусь, если что-нибудь не помешает... Поэтому «взрыватель» лучше везти вам.

— Я так и мыслил, — кивнул Николай Лукич. — Честно

говоря, одолела журналистская жадность, и страшно было бы выпустить из рук документы к теме, которую уже «забил».

Солнце заглядывало в кухню, и стены заливал апельсиновый свет, отчего яблочная шарлотка на столе казалась оранжевой. Говорили о деталях. Журналист вводил Станислава в круг своих московских друзей, через которых планировал выйти на надежных людей в органах правосудия. Кто знает, как далеко протянулись лапы Бугра?..

Станислав осторожно, полунамеками предложил одолжить на дорогу денег. Николай Лукич пошутил, что по гороскопу он — рак, а потому всегда есть на крайний случай записка. Такой случай наступил, а в столице журналисту заработать — не проблема.

Продумали, как лучше Николаю Лукичу уехать, не привлекая внимания. И хотя слезка маловероятна, береженого Бог бережет. Незаметно хозяин дома перевел разговор, и Станислав опомниться не успел, как выложил все, о чем говорить не собирался. Благодать, околдовавшая душу в этой необычной квартире, не могла длиться долго, и он, удивляясь себе, торопливо исповедовался, как будто от этого откровения зависело продолжение его жизни, хотя бы в памяти людей...

Что это было? Предчувствие беды или естественное желание каждого, кто попадает в поле зрения человека, который призван своим мастерством увековечивать чужие дела и судьбы?

... Николай Лукич ушел в комнату, чтобы позвонить в справочную железнодорожного вокзала, а Станислав хотел поставить чайник, но щелкнул замок входной двери и раздался Верочкин голос:

— Папа! Очаровательный бандит ломится к нам. Пустить? Ворвавшись с лаем, Тошка бросился к Станиславу.

— Выследил, бродяга... — изумился тот, испытывая неловкость.

— Надеюсь, вы оставили нам шарлотку? — Верочка так же, как пуделек, повела носом, принюхиваясь к вкусному запаху. — Угостите дружка, а я только ополоснусь и переоденусь.

Она появилась в кухне раньше, чем Николай Лукич, и уселась у окна. Теперь на ней было ситцевое платье с ромашками. Незатейливые полевые цветы очень шли к ее глазам и милому лицу.

Верочка подложила Тошке кусочек шарлотки и сама принялась за еду, непринужденно орудуя ножом и вилок.

— И до чего же вы тут досекретничались? — девушка вскинула на Станислава смеющиеся глаза, но было заметно, что она напряженно прислушивается к голосу отца, доносившемуся из комнаты.

— А до какого уровня секретности посвятил вас Николай

Лукич? — Станислав насторожился, еще не совсем разобравшись в отношениях отца и дочери.

— Что же, по-вашему, мне можно доверить? — взгляды Верочки затеплились огоньками. Станислав уже подметил необычное свойство ее янтарных глаз: они не отражали свет, а излучали его, словно капли древней смолы, накопившие в избытке энергию солнца.

— Мы так и будем разговаривать вопросами? — он не мог отвести взгляд от ее полуоткрытых губ.

— А разве мы?.. — начала Верочка, и оба рассмеялись.

— Над чем вы так потешаетесь? — Николай Лукич появился в дверях. Ответом был такой взрыв смеха, что Тошка пулей вылетел из-под стола и уселся так, чтобы видеть всех сразу. Мохнатые уши его приподнимались по очереди, он морщил нос и скалил зубы. Николай Лукич рассмеялся тоже.

Они хохотали беспечно, беспричинно, не вспоминая о том, что по народным приметам это предвещает слезы. Но неприятности и несчастья стоят постоянно на пороге любого дома, — так уж несправедливо распоряжается жизнь. Поэтому в редкие моменты счастья надо отдаваться ему целиком, без оглядки...

Потом пили чай с земляникой, которую Верочка собрала вдоль лесной дороги. Болтали обо всем. Наконец Николай Лукич сказал:

— Верунчик, тебе завтра же придется уехать к бабе Зине, — произнесено это было мягко, но категорично. Дочь лишь вздохнула:

— Надолго? — и глянула на гостя. Станислав не понял, чего в ее взгляде больше: упрека, сожаления? Перемену в их жизнь внес он.

— Трудно сказать, как все сложится... Возможно, на месяц, — в раздумье ответил Николай Лукич. — Хотелось бы меньше.

— Ты — оптимист, — Верочка опустила голову, пряча глаза, и Станислав понял, что в этой семье секретов нет.

— Надеюсь, до морозов не дотянете? — Верочка старалась придать голосу веселые нотки. — А то вдруг придется зимовать. Хотя тулупчик у бабы Зины найдется, а дед обещал белые валеночки...

Станислав не понял, в шуточной форме идет разговор или Николай Лукич отправляет Верочку в Заполярье. Но уточнять не стал. Ему стало грустно. Он взял Тошку на колени, чего раньше никогда не делал, и начал почесывать мохнатое ухо, чувствуя, как блаженно замер песик. Еще немного и — замурлыкает, как кот.

Отец и дочь обсуждали семейные дела, пора было уходить, но Станислав не мог поднять себя с места. Казалось, на диване

в большой комнате он имеет право лечь спать, не рассчитывая, не стремясь, даже не загадывая ничего большего. Но во сне он будет бродить вместе с Верочкой из картины в картину, взявшись за руки. С опушки весеннего леса — на берег летней реки, через цветущую поляну — в облачную даль. Молча, шаг в шаг. Не обнимаясь. Лишь иногда ее губы будут касаться его губ...

Станислав взглянул на часы, ссадил пуделя с колен и начал прощаться. Надо было заглянуть в супермаркет и купить, наконец, дорожную сумку. Договориться с соседями о Тошке. Да мало ли дел?

... Утро выдалось хмурым и ветреным. Когда Станислав, нарядившись в свой камуфляжный наряд, вышел на лоджию, моросило, и с машины, одиноко стоящей возле бара, словно стекал вишневый сок.

Станислав плотно запер дверь лоджии и, потрепав встрепенувшегося Тошку, перекинул ремень спортивной сумки через плечо. Захотелось вот так, как есть, заглянуть в бар, подсесть к Сынку за столик или к стойке Степана — узнают или нет?

подавить озорное желание было легко, а вот попрощаться с Лизой... Вчера, когда он зашел к соседям, Лиза уже ушла на дежурство. Он сказал тете Кате, что не будет дома месяц. Предложил ночевать, пользоваться телефоном. Тошку попросил выводить на поводке, чтобы не удрал на вокзал и не помчался по шпалам.

Вид бегущего между рельсами песика и настигающий его поезд так расстроил тетю Катю, что она заплакала. Возможно, она плакала по другой причине, и сердце ее сжималось от несбывшихся надежд, но Станиславу нечем было ее утешить. Она поцеловала в лоб, притянув к себе его голову, перекрестила.

Сейчас Лиза, наверное, уже дома, а тети Кати нет. Но как объяснить на этот раз свой маскарад?..

Был момент, в самый разгар их близких отношений, когда он готов был приоткрыть завесу своей тайны. Но Лиза остановила его:

«Всего все равно не скажете, а полуправду слушать не хочу. И нет мне до ваших занятий и проблем никакого дела».

«Но ты хоть веришь, что ничего плохого за мной нет?»

«Надеюсь», — она неопределенно пожала плечами...

... Станислав выглянул на лестничную площадку. Дверь соседней квартиры была распахнута, из нее выходили двое в белых халатах.

Первая мысль была о Лизе, но он тут же увидел ее руку, закрывшую дверь. Вспомнил, как расстроилась вечером тетя Катя, и понял, что не сможет уехать, не узнав, что случилось. Есть еще поезд днем. На крайний случай — самолет, но там маскарад не пройдет...

Торопливо переодевшись, Станислав пошел к соседям. Дверь открыла тетя Катя, лицо ее было в слезах:

— Ирод-то мой взял да и помер. Сегодня поутру. Только и сказал мне: «Прости. Люблю...» Я наклонилась, а он уже не дышит.

— Ничего он сказать не мог, — сердито оборвала Лиза. Глаза ее были сухими, только обведены темными кругами. — Во сне он умер. Это и врач «скорой» подтвердил, — она торопливо смахнула с ресниц слезу и посмотрела на Станислава. — Вы не сможете помочь с похоронами? От мамы пользы никакой, а мне одной не справиться.

— Конечно, помогу, — Станислав понял, что тетя Катя о его отъезде ей сказать не успела. Значит, придется задержаться. Может, и лучше будет, если Николай Лукич уедет раньше него.

Вернувшись домой, Станислав позвонил, но телефон журналиста молчал. Значит, Николай Лукич поехал провожать Верочку.

Весь день Станислав мотался то в загс, то на кладбище, подыскивая место для могилы. Заказал панихиду в церкви, катафалк. Купил гроб, крест и венок. К вечеру все было сделано, как надо, но предстоящий день обещал быть еще более хлопотным и неприятным. Это занимало все мысли, и он едва не забыл позвонить Николаю Лукичу. Услышав его голос, коротко, без пояснений сказал, что из-за личных дел задержится еще на день. Он боялся сболтнуть лишнего: последние дни снова появилось ощущение, что за ним следят. Но мания преследования кончится, как только он покинет город.

Когда Станислав пришел к соседям, тетя Катя тушила мясо для поминок. В кастрюле пыхтела гречневая каша, а Лиза пекла блинчики. Станиславу, впервые забыв предложить поесть, дали задание помыть чернослив и урюк для компота. Тошка, ворча на кота-хозяина, грыз под столом кость. А виновник всей суеты лежал в комнате, тихий и ко всему безучастный.

— Вы ж никогда его не видели, — сказала тетя Катя. — Пойдем, покажу, какой он хорошенький да светленький стал, как помер.

Она провела Станислава в комнату, и он не узнал купленный им простой гроб. По краям его, украшая дешевый ситец, вилась рюшка из атласной ленты. В изголовье колыхалось пламя тонкой свечи. Скрещенные на груди руки держали небольшую иконку. На покойном был надет костюм, купленный Лизой еще при жизни отца. Белизну рубашки подчеркивал галстук. А лицо... Станиславу показалось, что человеку, лежащему в гробу, не больше сорока: морщин почти нет, прозрачные щеки гладко выбриты, реденькие волосы приглажены. Но

больше всего удивляло выражение умиротворения и счастья. Казалось, еще немного, и покойник, улыбнувшись, откроет глаза.

Станислав глянул на тетю Катю и поразился: такое же умиротворение было и на ее лице, только раскрасневшемся от кухонного жара. И тоже помолодевшим лет на двадцать.

— Ведь как хорошо могли бы вместе жить... А то не успели друг дружку толком узнать и — разбежались. Может, и я виновата в чем, — певуче проговорила тетя Катя и поправила черную косынку на голове. — Что касается меня, так я тебе, Васенька, все давно уж простила. И на ту разлучницу нашу — земля ей пухом — зла не держу. Бугаям, что тебя мне подбросили, даже благодарна. Если б не они, и ты, как пес бездомный, проклиная весь свет, помер бы, и я бы всю жизнь злобилась... А это душу черствой делает. Зло — оно хуже вируса, паразит чумы. Только добром его и одолеть.

«Что ты говоришь, бесхитростная душа! — завопило все в Станиславе. — А Бугра с лысиками тоже можно одолеть добром? Да они на добреньких да совестливых только и жируют...»

Тетя Катя словно услышала его мысли.

— Что б ни твердили и ни доказывали, а справедливость в Божьем мире есть. Не враз, может, и не всем, а только тому, кто заслужил. Кто не только для себя старался, она когда-нибудь, а проявится.

«Как бы не так...» — усмехнулся Станислав, но что-то осталось в душе крохотной каплей веры.

Сославшись на усталость, Станислав ушел домой, но лег не сразу. Заварив чай и пожевав зачерствевшую булку, он пересчитал деньги, прикинул, сколько может еще истратить, и что оставить себе. Решил, что утром, непременно в дамском наряде, к которому начал уже привыкать, поедет на вокзал, чтобы проследить за отъездом журналиста.

Все получилось удачно: поезд не опоздал, Николай Лукич, в плаще и с накинутым на голову капюшоном, без приключений вошел в вагон. Станислав, спасаясь от морозящего дождя под навесом киоска, дождался, когда поезд тронулся, и, купив недорогой букет цветов, заспешил домой, чтобы успеть переодеться.

Похороны прошли быстро. Мелкий дождь оказался хорошей приметой. Несколько сослуживцев тети Кати и Лизы, да старухи из соседних подъездов, накушавшись досыта, порасуждали о человеке, которого никогда не видели, и довольные разошлись по домам.

Станислав появился после их ухода, и голодные, замотанные хозяйки принялись кормить его и себя. Тетя Катя и Станислав выпили по рюмочке водки. Лиза отказалась.

Мать, многозначительно посмотрев на нее, заговорщически подмигнула Станиславу. Сказала:

— Перво-наперво, как сорок ден пройдет, начнем ремонт. Обои я давно припасла. Хоть комнату подновим, и занавески хочу новые.

— Сколько мы вам должны? — спросила Лиза. — Нам из райсобеса на похороны дадут. Куда выслать? Мама сказала, что вы уезжаете.

— Я же вернусь, — Станислав придал голосу уверенность. — А на эти деньги купите малышу коляску, пеленки и что там еще...

— На похоронные деньги для новорожденного — нехорошо. И заранее покупать — плохая примета... — Лиза ложечкой выписывала на клеенке круги и восьмерки. — Если совсем не придете — мне будет даже спокойнее. А то при вас как-то неловко теперь: сама себе удивляюсь, — заметив, как Станислав помрачнел, добавила торопливо. — За Тошку не беспокойтесь — побежим. Ребенок подрастет — играть с ним будет.

— А ты — жестокая, — сказал Станислав и достал то, что давно хотел отдать, но боялся, что Лиза будет смеяться.

Увидев золотой крестик и цепочку, тетя Катя ахнула, а Лиза удивленно приподняла брови.

— Это не тебе, а ребенку, когда крестить будете. Отказать мне в такой просьбе ты не имеешь морального права, — Станислав говорил холодно и жестко. Таким Лиза не видела его никогда и растерянно молчала. Не взглянув на нее, он кивнул, прощаясь, и вышел из квартиры. Ключ не сразу попал в замок двери, и тетя Катя успела Станислава догнать. Вошла вместе с ним, поставила на кухне тарелку с едой и стакан.

— Утречком поешь... За нас не тревожься — справимся. Дите — это ж в радость, а не в труд. За подарок — спасибо, хотя лучше бы что попроще. На Лизу не обижайся — уж больно гордая по молодости, вся в меня... Может, из-за этого, как и я, счастье свое прозевала.

Когда тетя Катя ушла, он залпом выпил кисловатый кисель и пошел в комнату. Настольная лампа почему-то не зажглась. Темнота вокруг казалась густой, словно комната была заполнена черной тушью, и он всплывал, как в невесомости, а может, тонул, не представляя себе, где верх, низ и стороны света.

Он рывком раздернул шторы. Рой огней и звезд метнулся в глаза, заставляя зажмуриться. На ощупь открыл дверь и вышел на лоджию. Вызывающе ярко сияла вывеска бара, в кругу света стояло пять машин. В своем ночном офисе Бугор проводил совещание.

Если бы Станислав мог слышать, о чем они говорили...

ГЛАВА 11

Друзья и враги

тром разбудило солнце. Оно лилось между занавесками и было еще низким, поэтому тени ложились длинно, а женская одежда, брошенная на кресле, напоминала девицу, упавшую в обморок.

Смутно припомнился предутренний сон: он бежит от кого-то, путаясь в юбке; пытается перелезть через забор, но подол цепляется за гвоздь. Станислав прыгает вниз, надеясь, что ткань порвется, но гвоздь сдергивает юбку, блузку, и он остается голым. Рядом гогочут те, кто бежал за ним. А Лиза, в косынке с подшитыми волосами, говорит: «Вот они — ваши маскарадные тайны», и тоже смеется. Но это уже не она, а Верочка с губами в форме сердечка и грустными янтарными глазами...

Станислав достал из шкафа дешевые джинсы и куртку, вытащил десантные ботсы. Оделся и, натянув на голову пляжную кепочку, водрузил на нос темные очки. Когда-то бармен не узнал его в этом наряде. Должно повезти и теперь.

Народа на вокзале толпилось много, но очередь в кассу была небольшой. До прибытия проходящего поезда оставался час, и Станислав не волновался. Но, когда протянул в окошечко деньги, кассир сказала, что билетов на этот поезд нет, и фирменный уже укомплектован. Разве что на пассажирский, вечерний...

Девушка была похожа на ученицу-отличницу. Форменная блузка с погончиками, а бровки так строго нахмурены, что подкладывать ей лишнюю сотню и выпрашивать билет Станислав не решился.

Ругнув себя за то, что не побеспокоился заранее, он подумал было пойти к администратору, но на глаза попался воздушный лайнер на рекламном плакате. Окошечко авиакассы было призывно распахнуто, денег хватало. Станислав взял билет на ближайший рейс, оставалось добраться до аэропорта и подремать в кресле часов пять. Зато уже вечером — Москва. Николаю Лукичу он позвонит от Дана и Родика. Как у них там с наследством и деловыми фантазиями?..

Размышляя на приятные темы, Станислав нашел остановку автобуса, идущего в аэропорт. Маячить на виду у всех не хотелось, и он пошел под защиту деревьев сквера, забыв дядечкину заповедь: «Чуешь опасность — иди туда, где больше людей».

Но об опасности на сей раз почему-то не думалось и, высмотрев пустую лавочку в тени под кустом боярышника, Станислав

не торопясь побрел к ней. Однако присесть на шербающую доску не успел. Зашумели ветки, грубый голос приказал:

— Стоять! Руки — за спину... — команда была нелепой, злой.

Станислав, не оборачиваясь, резко нагнулся, нырком выкальзывая из-под ладони, опустившейся ему на плечо. Сделать шаг вперед помешала соскользнувшая под ноги сумка. Он отпихнул ее, уловил, что кто-то заходит сбоку. С носа упали очки... Надо выскочить из тени на аллею, к людям. Где-то рядом — милицейский пост...

Ему удалось коснуться рукой асфальта, но выпрямиться не успел. Сзади навалились, заломили руки за спину. Что-то лязгнуло, и обе кисти ощутили жесткость стальных браслетов.

— Ишь, какой шустрый, едва не убег, — раздался другой, молодой голос, и Станислав напрягся, ожидая удара, но его не последовало. Чьи-то сильные руки сгребли за плечи, встряхнули.

— А ну, вставай! Ишь, разлегся...

Станислав резко выпрямился и прямо у глаз увидел околышек милицейской фуражки... На мгновение его охватила радость. Так бывает, когда на смену страху приходит легкий испуг и хочется посмеяться над собственной трусостью. Губы начали растягиваться в улыбке, Станислав обернулся, увидел серый погон с тремя звездочками, но ничего сказать не успел. Грубый голос рыкнул:

— Чего лыбишься? Допрыгался, голубчик... А ну, марш!

Станислав до хруста в шее вывернул голову, стараясь увидеть лицо говорившего. Сказал скорее растерянно, чем возмущенно:

— В чем дело, старший лейтенант? Здесь какая-то ошибка...

Изумление его было так естественно, что крепкий парень с погонами сержанта, — тот, что сбил с ног, остановился напротив, всматриваясь в лицо арестованного.

— Паспорт в левом, верхнем кармане куртки. Там же билет на самолет, — все внутри начинало kloкотать и биться, но голос Станислава звучал спокойно.

— Может, и впрямь не того взяли? — рука сержанта потянулась к груди Станислава, но старший лейтенант цыкнул на него:

— Отставить! Сказано было: беспалого — он и есть. Вишь, нацепил, думал — не угляжу... — лейтенант, стоя за спиной, сдернул перчатки, одну за другой, и Станислав почувствовал холод наручников. — Привезем, там разберутся. Не нашего ума дело.

Станислав не видел говорившего, но в угрюмом тоне сквозило раздражение, словно милиционер досадовал на тех, кто отдал приказ.

— Я могу опоздать на самолет. В аэропорту меня ждут. Будут искать... — Станислав говорил вежливо, еще на что-то надеясь.

— Вот и врешь, — засмеялся сержант. — По железке не получилось, удумал на крылышках. Да не выгорело.

— Иди, давай, пока не врезали, — старлей толкнул Станислава в спину. И уже напарнику: — Сумку заberi, может, краденая.

Цепко зажав пятерней локоть Станислава, он повел его по аллее к выходу из сквера. На них оглядывались. Пацан лет семи в красных шортиках, отбежав от матери, зашагал рядом, стараясь заглянуть Станиславу в лицо:

— Дядь, вы — киллер? — в глазах светилось радостное любопытство. Мать торопливо оттащила его в сторону, сказала сердито:

— Глупости спрашиваешь... Разве не видишь, у него пальцев нет. Наверное, воришка.

— Как же он украдет, если без пальцев... — удивился пацан. Что ответила мать, Станислав не расслышал.

Выйдя на привокзальную площадь, конвоиры остановились возле милицейского УАЗика, — в таких возят преступников и проституток. Невысокий, но кряжистый старший лейтенант отпер заднюю дверцу и, распахнув ее, подтолкнул арестованного в спину.

Станислав понимал: вопли о помощи или интеллигентное вяканье вызовут лишь насмешку. И по тому, как нехорошо ухмыльнулся мент, стало ясно: все — хреново.

«Если сяду в машину — это будет началом конца», — внезапная мысль была четкой, словно крикнули в самое ухо. И Станислав, оттолкнув сержанта плечом, метнулся в сторону. Но мощный удар по шее и коленом — ниже спины, вклинил его в нутро машины.

Он почувствовал, что летит на угол железной лавки...

В долю секунды Станислав успел пригнуть голову, пряча лицо. Но не было рук, чтобы спружинить, смягчить удар. Он врезался теменем, почувствовал, как знакомо уплывает сознание и меркнет свет.

На этот раз сознание вернулось быстро. Из беспомысленности его вытащила фраза. Говорил молодой:

— ... нечисто здесь, — в тоне голоса сквозило осуждение.

— Начальству виднее, — буркнул грубый голос. — Как он там? В дороге, поди, оклемается... — последние слова потонули в лязге закрываемых половинок двери. Заработал мотор, машина двинулась.

«Еще не бит, а уже калеченный. Глупо...» — Станислав попытался сесть. Его тут же поддержали сильные руки.

— Чего в бега дернулся, дурило? — виновато проговорил сержант.

Станислав открыл глаза, но увидел только правым. Левый смотрел сквозь красную пелену. Кровь стекала из-под волос на лоб и щеку.

— Дай гляну, — сержант повернул голову Станислава к себе. Присмотревшись, проговорил облегченно: — Ерунда. Кожу с волосами свезло, а черепушка вроде бы цела. Как думаешь?..

— Вроде бы цела, — Станислав поморщился от боли. — Куда едем?

Сержант не ответил. Достав кусок бинта, он начал протирать лицо Станислава, отводя взгляд и хмуря брови. Наконец сказал:

— Старлей знает. Я недавно здесь. После дембеля. Звание сохранили, вот и пошел в органы. А надо бы в десанте остаться...

— Слушай, сержант, здесь такое грязное дело заварилось... — Станислав поймал недоверчивый взгляд. Он понимал, что для этого парня, незлого и, возможно, честного, он все равно подозреваемый. И даже если поверит, против командира не пойдет.

«Как же случилось, что сидим мы друг против друга врагами, а не сражаемся рядом как союзники? Бугор и здесь сумел стену возвести», — Станислав стиснул зубы.

— Может, сообщить кому? — тихо спросил сержант.

Это было то единственное, что могло помочь не сгинуть в подвале крепости или на дне водоема. Мысленно Станислав обзвонил знакомых — бывших маминых и своих. Кроме тетки и тети Кати, сообщать о себе было некому. Но их имена он не назвал бы даже под пыткой. Существовал еще сотовый Графа, но больше пользы было бы позвонить королеве Англии. Вот если бы жив был майор Честяков...

— Меня зовут Станислав Сергеевич Любочкин. Запомни, сержант, пожалуйста, — он запнулся, не зная, как объяснить коротко и понятно. — Бугров хочет, чтобы я работал на него. А я не хочу. Только в этом моя вина. И ...

Сержант сделал предостерегающий знак — из кабины в зарешеченное оконце строго глядел встревоженный старший лейтенант.

Вскоре машина свернула с шоссе. Потянулась знакомая цепочка прудов, и удары сердца зачастили, а голова стала гудеть, словно ее засунули в медный колокол. Руки за спиной онемели, и в коленях появилась мелкая дрожь. Пришлось на себя прикрикнуть:

«Ты — не Беспалый, а Стальной! И никаким другим не будешь».

УАЗик въехал в Крепость, не задержавшись возле ворот. Значит, милиционеров здесь ждали. Какой неожиданный, точный ход... Кривоносый придумал или сам хозяин?

Мотор не заглох, а дверцы уже распахнулись. Двое в камуфляжной форме сунулись в машину, и Станислав пробкой вылетел наружу.

«Как щенка за шкирку», — с холодным бешенством подумал он.

Обернулся, в надежде встретиться с сержантом взглядом. Но задняя дверца уже закрылась. К кабине, где сидел старлей, прирос кто-то из лысыков. Минута, — и УАЗик выехал на волю. Створки ворот поползли по рельсам. Вот осталась только щель...

Мысленно он вывернулся из тисков сильных рук, ловко избежал подножки и рванулся в эту щель-брешь в крепостной стене... Но створки ворот сомкнутся раньше. Куча тел навалится, пришмякнет к асфальту. Заработают кулаки, ноги, превращая в месиво...

«Не получилось драпануть сразу — не ерепенься. Сдайся и жди момент. Он будет. Тогда — не зевай, действуй», — шепнул Дядечка.

Конвоиры шли молча. В их движениях чувствовалась спецназовская слаженность. С пацаньего возраста он восхищался, завидовал, подражал мужественным парням в бронезилетах. Они громили бандитов, обезвреживали террористов, спасали заложников. Что они делают здесь?.. В выражении замкнутых лиц нет ни злости, ни жалости — роботы. Они служат тому, кто платит. Наверное, много, если ради этого убили совесть...

Запасной вход — в торце дома. Крутая лестница ведет в подвал. В широком коридоре по стенам стоят решетчатые лари. Осенью в них загрузят яблоки из бугровского сада...

От приятного, домашнего запаха перестала гудеть голова, только подсохшая под бровью кровь больно царапала веко корочкой.

Резко свернув к центру дома, они ушли из яблочного коридора в другой, более освещенный, явно жилой. Из комнат, мимо которых они проходили, доносились звуки телевизора — стрельба, крики, обрывки музыки... Открылась дальняя дверь и вышла девушка, но, заметив идущих, юркнула обратно. Еще поворот — впереди лестница вверх, на первый этаж. Там столовая, кабинет Бугра, зимний сад, банька... Не доходя до лестницы, конвоиры остановились. Один распахнул дверь, другой подтолкнул Станислава.

Комната была просторной и почти пустой, если не считать большого стола и легких стульев из темного пластика. Из узких горизонтальных окон, расположенных под потолком, лился дневной свет, ложась яркими пятнами на линолеум пола. Но в дальнем углу комнаты тайлся полумрак. В нем кто-то был — живой, но притихший.

На столе, покачивая ногой, сидел Кривоносый. Бутылка

водки была только начата, и он торопливо убрал ее за спину, но, увидев входящих, вытащил, хлебнул из горлышка. Потом протянул парням.

Те приложились к бутылке и двинулись к двери. Один обернулся, кинул ключ от наручников. Кривоносый ловко его поймал.

— Вот и стусовались, фуфло. Я ж гутарил... — глянул на Станислава Кривоносый. Длинное лицо его округлилось ухмылкой.

— Я буду говорить только с Тарасом Игнатьевичем, — Станислав плотно уселся на ближайший стул и закинул ногу на ногу. Руки за спиной мешали, в обрубках пальцев токала кровь.

— Покамест со мной погавкаешь, — Кривоносый покручивал в руке ключик от наручников. — Покамест я — твой бугор и судьбинушка.

Он сунул ключик в карман джинсов, глотнул из бутылки и припрятал водку на полу, возле батареи. Потянулся лениво. Под футболкой с огнедышащим драконом забугрились напряженные мускулы.

— Никак, менты портрет поковыряли? Им тоже не глянулось? — Кривоносый остановился напротив пленного. — Зазря на бездник не пушал и про шубы вякнул, — неприязнь проступала в голосе, в колючем взгляде, в том, как он стоял, покачиваясь с пятки на носок и медленно заводясь. Молчание Станислава его бесило.

— Чё zenки вылупил?! — Кривоносый не торопясь, с отяжкой саданул тяжелым ботинком, целясь в ноги сидящего.

Станислав удара ждал. Он мгновенно перебросил колени в другую сторону, и ботинок с металлическими подковками врезался в край широкого сиденья. Стул, качнувшись, стремительно заскользил по линолеуму. Станислав удержал равновесие. Его прокатило, как на салазках, и хрястнуло о стену. Спинка из пластика спружинила, стул вместе с ношей отскочил вбок и замер. Станислав засмеялся.

— Ну, погоди, фуфло! — Кривоносый зашарил взглядом, выскивая, чем бы ударить. Вспомнив о бутылке, шагнул к батарее.

— Перестань, Кирюха, — раздался из полумрака в дальнем углу женский, чуть хрипловатый голос, и все в Станиславе вздрогнуло от недоумения и радости. — Зови Тараса. Приехал он уже. Знаю...

— Заткнись! Кончилась твоя лафа, сука, — зашипел Кривоносый и стал похож на дракона, намалеванного у него на груди. Взгляд испепелял того, кого Станислав из-за стола видеть не мог. Лишь угол спинки дивана. Но он знал — это Мадлен. И должно было случиться нечто ужасное, если шавка разговаривает с ней так.

Кривоносый, круто развернувшись, двинулся в сторону Мад. На этот раз он не промахнулся: вслед за глухим ударом последовал слабый вскрик.

Станислава сорвало со стула. Он и сам не понял, как одним прыжком одолел расстояние до тощего зада, обтянутого фирменными джинсами с ярлыками и бляхами. Нога врезалась в блестящие нашьлепки, и Станислав испытал наслаждение, какое ни разу не ощущал в баталиях возле дома Дядечки и в нешуточных трущобных драках.

Кривоносый ткнулся головой в спинку дивана и рухнул на Мадлен. Станислав не ожидал этого. Ему надо было лишь отвлечь на себя взбесившегося парня и продержаться до прихода Бугра.

Мадлен охнула. Кривоносый отпрянул от дивана, обернулся. Дракон в нем дышал теперь таким же огнем и паром, как на футболке. Длинные руки опасно топырили пальцы.

Станислав шагнул назад... Когда жесткий край уперся в сцепленные руки, упал спиной на стол, резко забросив на себя ноги. В воздухе мелькнули десантные ботсы, едва не мазнув Кривоносого по лицу. Тот отпрянул, а Станислав, сделав кувырок назад, оказался на середине стола. Он стоял и смотрел с высоты, сдерживая улыбку.

Кривоносый побледнел и тоже взлетел на стол. Он был силен, подвижен и зол. Ему надо было поймать и придушить фуфло, дешевку, горбатого... И никто не посмеет помешать это сделать.

Станиславу надо было лишь выиграть время. Он метнулся на другую сторону длинного стола и спрыгнул на пол. Стоило экономить силы. Главное — впереди. Будет скверно, если вымотается раньше, чем услышит от Бугра, чего от него хотят.

Наискосок через комнату, из угла в угол и снова — на стол...

Кривоносый дышит в затылок, руки его хватают воздух то рядом с плечом, то скользят по спине. Тяжелая обувь обоих грохочет по крышке стола, шаркает по полу, и линолеум визжит под ногами при резких поворотах. Станислав выравнивает дыхание, Кривоносый матерится. А Мадлен смеется, хотя Кириуха мимоходом бьет ее кулаком. Но становиться спиной к Станиславу уже не решается.

Дверь распахнулась внезапно, и в комнату ввалились трое. Станислав узнал бритоголового Хряка с тяжелой челюстью. Вторым был лохматый, с воровскими глазами парень — тот, что прятал под курткой портфель Вадима Вадимовича. Третьим оказался симпатичный шофер «Джипа».

Хряк мгновенно оценил обстановку и двинулся наперерез. Двое других замкнули полукруг, а сзади оказалась стена, и

Станислав вжался в нее, припиленный враждебными взглядами.

— Дай, вторую, — тяжело дыша, Кривоносый раздвинул парней и оскалил в улыбке зубы. По тому, как прицельно сосредоточился его взгляд, Станислав понял, что удар будет направлен в нос, и когда Кирюха коротко замахнулся, присел быстро, как провалился.

Литой кулак, задев ссадину на голове, врезался в стену. Станислав поморщился, а Кривоносый, зашипев от боли, затряс рукой.

— А ты базарил: фуфло, бой, пентюх... — поддел его Лохматый.

Кривоносый зыркнул на него угрожающе и уставился на Станислава. Глаза его стекленели, в них читался приговор. Рука, словно удлиняясь, потянулась к ботинку, где под штаниной джинсов угадывалась рукоятка ножа. Но Хряк тоже заметил это движение.

— Брось, — сказал решительно. — Не время.

Рука Кривоносого, изменив направление, скользнула в карман.

— Подоприте-ка, кореша, этот кадр, чтоб не дергался...

Станислав почувствовал, как тесно стало плечам, и понял — не увернуться. Теплая кровь из ссадины заливала лоб. Кривоносый выдернул из кармана руку. Шагнул. На пальцах его зловеще блеснули кольца зажатого в кулаке кастета.

Вжавшись в стену, Станислав метнул обе ноги в живот Кирюхи на секунду раньше, чем стальная грань раскроила ему череп.

«Коли вынудили бить — бей так, чтобы противник уже не встал: такой удар не прощают...» — мелькнули в памяти слова Дядечки.

Удар десантными бутсами пришелся Кривоносому ниже живота. Станислав почувствовал, как ноги врезались в мягкое, податливо-живое. На мгновение сам ощутил отголосок чужой боли, и холодок естественного сострадания полоснул грудь.

Кривоносый икнул и, сложившись вдвое, пролетел над полом. В середине комнаты он с глухим стуком рухнул. Тонкий вскрик его оборвался, — парень потерял сознание.

Все произошло так быстро и было так невероятно, что в первый момент никто ничего не понял. Хряк и Лохматый бросились к дружку, затрясли его, пытаясь привести в чувство. Возле Станислава, ошарашенно глядя на него, застыл шофер.

Дверь в коридор приоткрыта. Дорога — свободна. Можно бежать в сад, где будут ловить, как зверя в загоне. Можно искать кабинет Бугра, надеясь на защиту. И тот поймет его страх, в момент погони становящийся ужасом. Слепым, унижительным, превращающим человека в дичь, а потом — в покорную скотину...

Станислав не хотел становиться скотиной. Он уже не вжимался в стену, а был готов к прыжку в сторону, на стол, к двери — как выйдет. Хотя теперь, когда их трое, вряд ли удастся протянуть время до прихода Бугра.

— Братва, на нем же наручники! — умоляюще крикнула Мад, вставая с дивана. Парни даже не оглянулись.

Хряк подходил к Станиславу внешне лениво, набычив голову и каменея лицом. Лохматый щурил глаза и кривил в ухмылке губы. Но первым сработал шофер: неожиданно, с силой он толкнул Станислава на Хряка и тут же отскочил назад, опасаясь тяжелых бутсов.

От удара Хряка в челюсть Станислав ушел, ужом юркнув под стол. Лохматый проворно скользнул следом, и они выкатились клубком с другой стороны. Но там уже вросшими в пол колоннами маячили ноги в подкованных ботинках. Спасая живот, Станислав прикрылся коленями, и хотя боль полоснула по ногам, в кишках отдалось лишь стоном... Он лягнул кого-то бутсами и попытался снова юркнуть под стол. Больше всего он боялся, что начнут расходиться швы. Казалось, видит уже, как кровь и внутренности расплзаются по полу.

Удар по культикам, ставшим горячими и словно отделившимися от тела, переключил внимание на руки. За спиной они казались чужими и только мешали, при каждом движении опасно выворачивая плечи.

Парни били спокойно, не матерясь и без остервенения, словно выполняя обязательную работу, в основном ногами, не давая подняться. Станислав изворачивался, гибко уходил от пинков, пытаясь защитить лицо и голову. Откатывался, превращаясь в податливый, юркий мяч. В кувырках лупил бутсами, лягался, отбиваясь. Скользил по линолеуму, гася силу ударов, понимая, что, если замрет хоть на мгновение, его затопчут, как упавший на землю арбуз.

Ножки стола, стульев... Плинтусы у стен... Ребра батареи... Остов кожаного дивана. И — отчаянный крик Мадлен:

— Вы же его убьете!..

Сколько времени длится это — минуты или часы — Станислав не понимал. Секунды растягивались, выбивая силы и наполняя тело болью. Зато все существо его насыщалось стойкой энергией, желанием дышать, думать, чувствовать даже эту боль, потому что ощущать действительность — значит жить.

А жить хотелось. Даже испытывая неприязнь, злость, ненависть, если не дают возможность радоваться и любить...

Властный окрик — как удар струи из брандспойта. Хряк отпрянул первым. Лохматый, изловчившись, пнул еще раз, но этого Станислав не почувствовал: все тело было одной, но еще терпимой болью.

Шофер, отскочив в сторону, с любопытством смотрел, как Станислав поднимается. И парни смотрели, и Мадлен. И вошедший в комнату невысокий человек, чем-то напоминающий прокурора с замкнуто-строгим лицом и пронзительным взглядом неопределенного цвета глаз.

— Кто приказал? — спросил он недовольно и, обернувшись, заметил Кривоногого. Мадлен еще в начале драки оттащила его к стене, и тот лежал, постанывая, держась руками за низ живота.

— К лекарю, быстро. Ты и ты... — человек указал пальцем на шофера и Лохматого. — Харитон пусть останется. Мадлен — тоже.

Он изучающе скользнул взглядом по измазанному кровью лицу Станислава, по его куртке, с лопнувшим на плече швом, и джинсам, сползающим с бедер. Порванный ремень болтался, зацепившись пряжкой на поясе. Глаза мужчины прищурились, заметив, что руки парня вывернуты за спину, но никакого приказа не последовало.

Этот прокурорский взгляд был Станиславу знаком, но из какой части жизни он был — из маминой, добольничной, или уже из этой — лично его, не припоминалось.

— Почему я здесь и в наручниках, как преступник? Почему меня бьют кодрой? — Станислав подтянул ногой стул, сел. Колени дрожали, и он не хотел, чтобы кто-нибудь это заметил. Все тело ныло, как большой вспухающий синяк.

— Пришлите девушку с водой и тазом, — сказал незнакомец вслед парням, уводившим повисшего на их плечах Кривоногого. — А вы, Мадлен, сядьте там, где сидели, — он следил, как Мад, прихрамывая, шла к дивану. На его лице застыло выражение то ли сочувствия, то ли неприязни, — Станислав не успел понять. Он впился взглядом в Мад, лишь сейчас рассмотрев и не узнав ее прежде красивого, всегда искусно подкрашенного лица. Сейчас оно было серым, зеленые глаза увяли, а под левым наливался синяк. Кудри обвисли паклей. Ей можно было дать пятьдесят, хотя едва перевалило за тридцать.

Станислав заставил себя отвести взгляд от Мадлен и сосредоточиться. Кровь мешала смотреть, но он заметил вверху, между окон, картинку из мозаики. Так же, как в кабинете Бугра, среди завитков и кружочков красовался телеобъектив, похожий на глаз Циклопа.

Значит, все под контролем. И проучить непокорного входило в планы, хотя обернулось все немного не так, как наметили. Но допрос будет. Этот человек — за прокурора, Бугор — за судью...

— Я хочу говорить с Тарасом Игнатьевичем, — Станислав сделал ударение на слове «хочу».

— Всею свое время, — без интонаций сказал Прокурор и,

усевшись за стол, раскрыл принесенный им кейс. Достал мобильный телефон, магнитофон, блокнот. Приказал Хряку: — Браслеты сними.

— Ключи у Кирюхи, — начал было Харитон, но, поймав тяжелый, не терпящий возражений взгляд, зашарил по карманам комбинезона. Отыскав что-то, направился к Станиславу, завозился у него за спиной. Щелкнул замок, и руки, получив свободу, безвольно упали.

— Спасибо, — уже не испытывая ненависти к бритоголовому парню, сказал Станислав. Заметил его удивление и улыбнулся.

Полненькая девушка из «банных» внесла таз и большой кувшин. Станислав с трудом протянул к воде руки. В суставах плеч и в локтях хрустело, выворачиваясь с острой болью. Кисти посинели, опухли. Культики набрякли кровью — страшно смотреть.

— Попейте, вода чистая. А потом я вам полью, — девушка страдальчески сморщилась, и сама поднесла тяжелый кувшин к его губам. Вода была самым вкусным из всех существующих напитков.

Потом девушка мягкой губкой смывала с его лица кровь, лаская водой лоб, глаза, щеки. А он, зажмурившись, держал руки на дне холодного таза, ощущая водопад льющихся струй. Это было еще одним доказательством, что жизнь, несмотря ни на что, прекрасна.

— Закончили? — нетерпеливо спросил Прокурор.

Девушка дала Станиславу полотенце, поймала его благодарный взгляд и, одарив чистой, доброй улыбкой, торопливо ушла, унося таз. Хряк взял стул и сел возле двери. Прокурор нажал клавишу магнитофона, и после паузы, наполненной непонятными шорохами, прозвучало:

«Добрый день, Танечка! Вас беспокоит бывший больной...». Станислав узнал свой голос.

«Ой, Любочкин! Совсем нас забыли», — защебетала Танечка. — «Не поступал ли к вам вчера Веселов Вадим Вадимович?..»

Станислав почувствовал, как кровь отливает от щек:

«Так вот когда они «прослушку» подключили...» — мысленно ахнул он, зная, что будет в других разговорах, и лихорадочно вспоминая, какие «крамольные» фразы мог ляпнуть? Кого и в какой степени подставил? И как выкручиваться теперь, спасая уже не себя...

— В каких отношениях вы с доцентом? — спросил Прокурор.

«Разве Курчавый, что шпионил в библиотеке, не доложил?» — хотел съехидничать Станислав. Но ответил сдержанно:

— Какие отношения могут быть между учителем и учени-

ком? Набирался ума-разума. В летнее время и поговорить не с кем...

— Вас интересуют криминальные темы?

— Это ученого интересует. Он — теоретик. А я — практик, мне экзамены сдавать надо и о дипломе думать, — Станислав улыбнулся.

— Однако из экономического вы перешли в юридический...

— Точнее — совместил, — теперь голосу можно придать чуток ехидства и в меру гордости. — Такой тандем, да при знании языка и компьютерной техники, откроет мне двери самых престижных фирм.

Зазвенел мобильный. Прокурор выслушал то, что говорил ему Бугор. Станислав, ожидая, отдыхал, как на теннисном корте, когда противник бегает подбирать пропущенные мячики.

— Вы хорошо помните тех, кто совершил хулиганский поступок: ударил старого ученого? — осторожно спросил Прокурор.

«Еще бы, — усмехнулся про себя Станислав. — Один из них только что меня утюжил». Вслух сказал:

— Когда в милиции, как свидетель, показания давал — помнил. А сейчас — время прошло да еще это... — он дотронулся до ссадины на голове. — Кстати, в портфеле у доцента денег не было. Хорошо бы бумажки его догадались подобрать: жаль труды старика.

Прокурор ничего не ответил. Он слушал мобильный. И то, что говорили ему, было, видимо, не очень приятно.

— А что за дружба у вас с Евграфовым? — Прокурор нахмурился.

— С семьей Евграфова, — поправил Станислав. — Дочь и подружек — довольно бестолковых девиц — в английском натаскивал.

Все шло подозрительно гладко, и это тревожило. Станислав ждал своего звонка к тезке. И все-таки вздрогнул, когда прозвучало: «... Если будут спрашивать те дискеты, что я оставил, отдай». — «Кому отдать?» — голос тезки — сплошное недоумение. — «Тому, кто возьмет за грудки и потребует...»

Куда-то провалилось сердце. Станислав представил, как Кривоносый метелит тезку. Возможно, залезли в квартиру, забрали компьютер, устроили погром. Или, не дай бог, тронули Ее...

— Вы, как я понимаю, уже взяли Стаса «за грудки»... — губы Станислава нервно кривились, изображая улыбку.

— Он дал какие-то игры... — Прокурор следил за выражением лица Станислава, и стоило большого труда не вспыхнуть от радостной мысли: «Молодец, тезка, как же ты это сообразил?..»

— Вроде тех, что забрали у меня, разгромив и обокрав квартиру? — Станислав обиженно хмыкнул. — И это после того, как я побывал в гостях у Тараса Игнатьевича...

Молчание, последовавшее за этим, было достаточно красноречиво. И как дополнение к нему врезалось: «Слушаю...» — голос Станислава звучал удивленно-лениво. — «Вот и слухай, — гнусавящего Кривоногого невозможно было не узнать. — Вякнешь...» — звук оборвался.

Прокурор прокрутил ленту немного дальше, и в комнате прозвучал ясный Верочкин голос: «Вас слушают...» — «Попросите, пожалуйста, Николая Лукича...»

Лаконичный разговор теперь казался бесконечным.

— Зачем вам понадобилась встреча с журналистом Градовым?

Решение пришло мгновенно: нужна «легенда»... Объяснять не больше и не меньше — словно идя по жердочке.

— Мы познакомились случайно, когда я только выбрался из больницы. Журналист обратил внимание на мои руки. Предложил устроить в редакции — там голова нужна больше, чем пальцы. Пока работа была — не вспоминал. Когда «Полимер» закрыли, решил позвонить.

Станислав ждал вопроса о заводе. Если его не будет, значит, мысль о том, что за ним присматривали — верна. Прокурор прилип ухом к трубке. Наконец, не выключая мобильного, сказал:

— Тогда поговорим о заводе. Какую работу вы там выполняли?

— Принимая на работу, с меня взяли подписку. И хотя секретных материалов я не заметил, на эту тему говорить не стану.

— Лады... — довольно буркнул Прокурор. И, пристально глянув в глаза: — А почему вы к журналисту так и не пошли?

— Вы же слышали: он в редакции больше не работает, — Станислав почувствовал, как опасно возликовала душа: значит маскарад удался. Добавил неосторожно: — И поэтому я решил ехать в Москву.

— В разговоре со столичными друзьями вы об этом не обмолвились, — по тому, как посмотрел Прокурор, стало ясно: ловит...

— Но с Москвой я говорил много раньше, — когда именно, Станислав уточнять не стал. Ждал последнего звонка... И он прозвучал: «... Не удивляйтесь, Николай Лукич. Мне придется задержаться на день. Есть личные дела. До встречи».

— Что вы имели в виду? — быстро и жестко спросил Прокурор.

— У соседки умер муж. Пришлось...

— Знаем. Но какое отношение имеют ваши слова к отъезду журналиста Градова? — Прокурор посмотрел исподлобья.

— Разве Николай Лукич куда-то уехал? — притворная досада, чуть-чуть злости в голосе... — Мы договаривались о встрече. Он обещал познакомить меня с главным редактором газеты, которую спонсирует Тарас Игнатьевич.

— Где этот разговор? — клавиша под пальцем Прокурора вдавилась с треском, в магнитофоне послышался шорох чистой ленты.

— Разве разговаривать можно только по телефону? — Станислав с удовольствием следил за тем, как вытягивается лицо собеседника. — Мы встретились в супермаркете, случайно... Ваши стукачи плохо работают, — теперь не опасно было и подколоть. Но он ошибся...

— Вам не кажется, что задержка на день совпадает с днем сегодняшним?.. Вы договорились встретиться в Москве? — Прокурор начал постукивать ногой об пол, словно подгоняя с ответом.

Звук отвлекал, и Станислав сказал первое, что пришло в голову:

— На кой шут мне с ним в Москве встречаться?

Собеседник улыбнулся. Это было первое отчетливо проявившееся на его лице чувство — торжество:

— Ответ на этот вопрос мы и хотели бы от вас услышать.

Терять было нечего. Станислав встал, отпихнув стул ногой, громыхнул по столу кулаком и чужим, взвинченным голосом крикнул:

— И ради этого меня, порядочного человека, хватают как преступника менты. Охрана держит в подвале в наручниках. Избивают кодлой до полусмерти... И вы допрашиваете, без санкций, тайно... А получив на все вопросы ясные ответы, хотите узнать непонятно что... И все это происходит в доме кандидата в мэры города!..

Станислав понимал, что подписывает себе приговор на длительное заточение — до выборов. Возможно, и что-то хуже... Но он знал: Бугор наблюдает за ним, и зрачок «циклопа» казался живым глазом быть может еще не совсем задубевшего человека.

Этот человек что-то говорил в трубку мобильного, и Прокурор, прижимая ее к уху, похоже, не слышал гневной тирады. Он поставил в магнитофон другую кассету, и в комнате раздался звук открываемой двери, шорох шагов. Резкий щелчок и голос Мадлен: «Все. Теперь можно говорить».

Нет, не «все», и говорить было нельзя. Значит кроме «жучка», был еще и «циклоп», о котором Мад не знала. Темнота спрятала их двоих от посторонних, бесстыжих взглядов. Но звуки остались.

«Тебя Бугор прислал? Жалеть будешь или уговаривать?» — его голос был напряжен. Станислав даже сейчас чувствовал то состояние заledenелости. Пупырышки озноба покрывали кожу, легким не хватало воздуха, потому что вместо него был аромат женского тела, от которого хотелось плакать... Теперь это сокровенное знают все, и надо сжать зубы. Или...

Он и шага сделать не успел. Руки Хряка стиснули плечи, припечатали к стулу и не отпускали до тех пор, пока звучало:

«... Было в тебе что-то от юного Адама. А уж я — в роли Змея-искусителя...» Нет, не ради любовных вздохов поставлена сейчас эта запись. В крепости секс привычен, как потребление пищи.

«Тебе не надо было приходиться», — это его голос. И ее шепот: «Он раздавит тебя... То, что не бесился, когда говорил с тобой, ничего не значит. Он потом психанул...»

«Что мне делать?» — его жалкий вопрос. Станислав сжал челюсти. То, что отвечала Мадлен, до сознания доходило обрывками: «... Ты у него как заноза в пальце... Тебя в свой выборочный штаб... Есть еще что-то из старого, с Дядечкой связано... он говорил с кривоносым Кирюхой о железном ящике вроде сейфа...»

«... с Братухой видели, когда за картошкой лазили... Дядечка засмеялся: «Не трожь — взорвется»...»

Теперь Станиславу казалось: все это касается не его, а того лопуха, что раззявился в объятиях и сам посадил себя на крючок.

«... Кирюху опасайся... боссу верен, как пес. Даже страшно...»

Потом была тишина, наполненная тайным смыслом. И ее вскрик: «Боже мой! Что ты с собой сделал?.. Какой же ты весь замороженный... Как обо мне тогда не вспомнил? Растерянный ты мой...»

Все, что будет дальше, разденет их донага, бесстыдно вывернет то, что только для двоих, и только в порыве чистых чувств может быть прекрасно: шепот Мад, звуки поцелуев, его частое дыхание...

Станислав представил себе, как слушал это Бугор, как глумилась кодла, как будут слушать сейчас Хряк, Прокурор, Мад и он сам.

Щелкнула клавиша — все звуки оборвались. Тишина давила на уши, но напряженные нервы не расслаблялись. Хряк отпустил его плечи и, ухмыляясь, отошел на свое место возле двери.

Станислав с благодарностью посмотрел на Прокурора. Тот смущенно улыбнулся — что-то от порядочности в нем все-таки осталось.

— Ты из-за меня попала в немилость? — Станислав развернул стул так, чтобы видеть Мадлен, забившуюся в угол дивана.

— Нет. Это же не сейчас было, — бесцветным голосом ответила Мад. — Кирюха запись увел, чтобы меня шантажировать. А случай представился — выложил довеском. Тебе и мне... Только не повезло: лишился такого зрелища, — она засмеялась и спустила с дивана свои потрясающе красивые ноги.

— Довеском к чему? Что же ты такое натворила? — Станислав смотрел не на ноги, а на подбитый глаз, ужасаясь тому, что кто-то мог поднять руку на эти удивительные изумруды.

— Уехать хотела. Невмоготу здесь больше. И дочка без матери растет — не по-божески это... — лицо Мад было спокойно и голос ровный. Так держат себя, когда надежда утрачена и веры уже нет.

Они говорили открыто, словно в комнате, кроме них, не было никого, и никто их не слышал. Все шло не по задуманному Бугром сценарию, и Прокурор решил взять снова в свои руки вожжи и кнут.

— В Москве вы хотели встретиться... — он не спрашивал и не утверждал. Станислав даже головы не повернул в его сторону.

— Тарас Игнатьевич... — он в упор посмотрел в глаз «циклопа». Почудилось, что в голубоватом свечении объектива затеплоилось что-то живое, — я знаю, где спрятан дядечкин сейф. Но покажу это место лишь при условии... — Станислав замолчал, выжидая.

Прокурор поспешно встал и через стол протянул мобильный. Станислав, зажав обеими руками, поднес трубку к уху.

— Какое еще условие? — рыкнул торопливый бас, и Станислав произнес четко, стараясь, чтобы Бугор понял все без уточнений:

— Мадлен сейчас же уедет в аэропорт. С моим билетом. И улетит этим рейсом в Москву...

Бугор хотел перебить, но Станислав продолжал, как будто пер на бульдозере, понимая, что движется по минному полю, а кабина не защищена, и осколков, чтобы задеть его, хватит.

— ... но я сам должен увидеть, как она поднимется по трапу, как самолет взлетит. Потом получите то, что вам нужно.

Бугор сопел в трубку, и неясно было, доволен он или злится.

— А где гарантия, что не феньку крутишь? — голос был ехидный. Кажется, осторожный Бугор ничему не поверил.

— Можете снова надеть наручники... — сухо сказал Станислав.

— И наденем, — фыркнул Бугор. — А если туфту на уши вешаешь...

— Не вру, Тарас Игнатьевич. Не до шуток... Знаю где и покажу.

Какое-то время в трубке только шуршало. Наконец донеслось:

— Ладно, поверю... Твоя Надежда Эдуардовна слово держать умела. А ты все ж ей сын... Передай-ка трубочку Альберту.

Прокурор уже стоял за спиной и мобильный почти выхватил.

— Да... Конечно... Будет сделано... Понял, — он только не отдавал честь. И если действительно был прокурором, то военным.

— Когда рейс? — спросил он, а услышав, что осталось чуть больше часа, заторопил Мад: — Идите приведите себя в порядок. Где вещи? Но сначала должны дать подписку о неразглашении служебных тайн.

Мад не шелохнулась. Она сидела так тихо и неподвижно, что Станиславу стало тревожно, и он пересел к ней на диван.

— Есть кому тебя в Москве встретить?

При звуке его голоса Мадлен вздрогнула и выпрямилась. Кивнула.

— Сейчас же позвони. Номер рейса... — Станислав попытался раздернуть «молнию» на верхнем кармане куртки, но для распухших культиков это была непосильная задача.

Мадлен придвинулась, потянулась к «молнии». Ее пальцы коснулись его руки, и что-то заохлоло ладонь. Станислав хотел сжать кулак, но Мад опустила ключик от наручников в карман его куртки.

«Умница, не растерялась, когда Кривоносый на тебя свалился», — Станислав поблагодарил ее взглядом. Мадлен улыбнулась и, вытащив билет, пошла к двери, незнакомо угловатая, похожая на ежа, которого напугали, и он спрятался в свои колючки.

— Подпишите, — окликнул Прокурор и подвинул к краю стола лист бумаги, где было что-то написано. Мад, не читая, поставила размашистую закорючку и торопливо вышла из комнаты.

— Вам тоже надо подписать, — бумага легла перед Станиславом, как белый флаг капитуляции.

Станислав отрицательно покачал головой:

— Речь идет о сейфе, о Мад, но не обо мне. И если буду что-то подписывать, то лишь после личной беседы с Тарасом Игнатьевичем.

Прокурор с сомнением пожал плечами, однако настаивать не стал.

— Харитон, глаз не спускай с парня. Под твою ответственность, — глянул строго. — Двигай к выходу... Шеф дает нам свой «Опель».

Шикарный шоколадно-жемчужный лимузин Бугра стоял перед парадным входом. Прокурор сел рядом с пожилым, угрюмым шофером. Хряк, развалившись на заднем сиденье, хлопал рядом с собой, приказывая Станиславу: «Место». Охранник принес и положил в багажник чемодан и дорожную сумку Мадлен. И наконец появилась она сама в строгом костюме изумрудного цвета — длинноногая, стройная, в темных очках. Рыжие кудри еще влажны после душа. Как можно за полчаса превратить себя из страдающей, забитой женщины в обольстительную красавицу, для всех осталось загадкой.

Она села рядом со Станиславом и резко захлопнула дверцу. Салон наполнился запахом изысканных духов. Машина бесшумно тронулась. Удобное сиденье утешило измученное тело. Станислав, позволив ему обмякнуть, повернулся спиной к Хряку и посмотрел на Мадлен.

— Тебе и вправду есть что Тарасу отдать? — прошептала она.

— Есть, не волнуйся.

— Он тебя теперь ни за что не отпустит или... — Мад вздрогнула и теснее прижалась к нему. Станислав еле шевельнул губами:

— Кто-нибудь тебя встретит?

— Теперь я выкручусь, — ее теплое дыхание защекотало ему шею.

— Перестаньте разговаривать! — обернулся к ним Прокурор.

— Этого нам шеф не запрещал, — с вызовом ответила Мад и демонстративно положила руку на плечо Станислава. — Что и кому передать? — прошептали ее губы почти в самое ухо.

Станислав едва не задохнулся от шальной мысли: «Можно поставить в известность Николая Лукича о том, что случилось. Подключить к делу Мад — она многое знает. Тогда утроенная сила рванет таким фугасом, что осколки накроют не только «бугровский» город, но и тропочки, которые к нему ведут... Могут вскрыться ручейки и каналы, текущие вверх, во власть, питающие уродливый гибрид из наркоты, бизнеса и политики. И ядовитые посевы, сорняки будут выдраны с корнями...»

— Я передам все, что ты скажешь. Потом заберу дочку и — за кордон. Нет сил, устала... — Мад положила голову Станиславу на плечо и затихла. Он уставился себе под ноги.

«С чего я взял, что Мад захочет нам помогать? Измученная, неустроенная, только гордость ее и держит. Всю жизнь настороже... Единственное счастье — дочь. И неизвестно еще, кто встретит Мадлен у трапа в столице. И чем эта встреча закончится...»

— Могу позвонить не из Москвы, если ты опасаясь... — Мад смотрела в окно, разделенное горизонтом на землю и небо. Земля была замусорена домами, покосившимися заборами, баньками на личных участках. А ничейное небо блистало сугробами первозданной чистоты облаков и солнечными лучами. В нем жили птицы, ветер и самолеты. На одном из них она сейчас улетит из забуревшего, обалдевшего города, не способного стряхнуть с себя дурман...

— Ты прав, — Мад подавила вздох, но тоска прозвучала в шепоте. — Никто тебе помочь не успеет. Только сам... Соглашайся на все. Он не злой, даже щедрый, но ненасытен до власти. Наркота, тугрики и мы — «шорики», для него лишь ступеньки вверх. А он, помяни мое слово, далеко взлетит. И тех, кто с ним, — потянет. Но уж если...

Заголовник переднего сиденья подался назад. Голова Прокурора вдавилась в него так, что казалось, уши загнутся по обе стороны. Станислав предостерегающе поднес руку к губам. Мад засмеялась.

Какое-то время они ехали молча. Мадлен, как ребенок, прижалась к его плечу. Казалось, что точеные ноги, изящные руки, копна рыжих кудрей, даже это прекрасное лицо принадлежат не ей, а посторонней женщине, случайно оказавшейся рядом. А другая, настоящая Мад, прячется за этим обличьем, под шелком дорогого костюма. И огонек ее души трепещет, то вспыхивая, то угасая, то разгорается вновь, чтобы согреть того, кому холодно...

Станислав обнял Мад. Она замерла у него на груди.

Хряк фыркнул, завозился, напоминая о своем присутствии. Прокурор обернулся, хмурия брови. Но двоим было все равно. Не любовь соединяла их, даже не дружба или сострадание. Это было более надежное чувство взаимной, душевной сопричастности в своей изначальной искренности и чистоте.

— Сколько лет твоей дочери?

— Тебе в будущее невесты... Двенадцать.

— Похожа на тебя?

— На отца. Он красивый, порядочный. Я только его любила.

— Дочка с ним?

— Он о ней не знает. Уже тогда женатым был, своих двое. Сейчас большой человек в правительстве.

— Так почему же..?

— Нет! — Мад отстранилась, посмотрела в окно, где уже распахнулось летное поле. Впереди замаячило здание аэровокзала.

— Возьми из кармана мой паспорт, а то не обменяют билет. И еще... отцепи от связки ключей брелок. Пусть мой леопард тебя охраняет, — Станислав следил, как ловкие паль-

цы Мадлен, сняв изящную вещицу, надевают ее на тонкий ремешок сумочки.

— Спасибо... Побереги себя. Бог даст — встретимся, — она прижалась губами к его губам.

«Опель», сбавив скорость, остановился у входа в аэровокзал.

Хряк зазвенел наручниками, и холодный браслет сомкнулся на запястье Станислава. Второй Хряк защелкнул на своей руке и, довольно хмыкнув, отвалился на спинку сиденья.

Мад подождала, когда Прокурор выберется из машины и распахнет ее дверцу. Великолепные женские ноги выплыли на асфальт, рука величественно оперлась о шоколадный борт сверкающего лимузина, и Мадлен грациозно сделала первый шаг, являя себя изумленным пассажирам.

Шофер вытащил из багажника вещи. Прокурор робко придерживал Мадлен за локоток, и все трое скрылись за стеклянными дверями.

— Я должен увидеть Мадлен на трапе, — скрывая беспокойство, напомнил Станислав и придвинулся к дверце.

— Водила сейчас придет, — лениво пробормотал Хряк.

Шофер появился минут через пять и, ни о чем не спрашивая, направил лимузин за длинное здание вокзала. Приостановился перед шлагбаумом. Из будки выглянул охранник и, узнав «Опель», открыл проезд. Машина двинулась вдоль ангара и замерла.

Бело-голубая «Тушка» стояла невдалеке. Трап уже прилип к фюзеляжу, и стюардесса выводила из дверей вокзала пассажиров. Мадлен шла последней. Мужчины, оглядываясь, отставали от общей массы, пристраивались рядом, и, когда она подошла к трапу, за ней уже образовался хвост поклонников.

Она казалась намного выше всех этих дорогостоящих господ, нашару заматеревших бизнесменов — так гордо была вскинута ее головка с горящей на солнце короной волос; так уверенно вышагивали по бетону ее туфельки на высоченных шпильках, а сумочка на длинном ремешке воздушно покачивалась на дивном плечике. Слезинкой поблескивал серебряный леопард...

Шофер выбрался из машины, Хряк вклинился между сиденьями, а Станислав замер... Уже на трапе, прежде чем войти в самолет, Мадлен приостановилась и, отыскав взглядом «Опель», помахала рукой.

Станислав распахнул дверцу, но сумел только выставить наружу свободную руку. Взгляды всех потянулись к этой руке. И никому даже в голову не могло прийти, что воздушный поцелуй, посланный в сторону лимузина, предназначен нищему, по их меркам, и обреченному по воле судьбы юнцу...

Прокурор ожидал на ступеньках аэровокзала. Сев в маши-

ну, молча протянул Станиславу паспорт. «Молния» на кармане куртки была расстегнута, и хотя культики еще плохо слушались, самому засунуть документ не составило труда. Станислав, позволив себе расслабиться, наслаждался последними минутами покоя, бархатным ходом лимузина и скоростью...

Но дорога закончилась раньше, чем хотелось бы, и стальные ворота сомкнули свои челюсти у Станислава за спиной.

... В крепости было пустынно и тихо. Как счел нужным объяснить Прокурор, Тарас Игнатьевич уехал на встречу с избирателями, а потому ждать придется часа три.

— И где ждать? — с вызовом спросил Станислав, решив, что пора обозначить свою «нишу» в этом многоярусном гадюшнике.

— В комнате, где вы были, есть диван. Можете отдохнуть, — сказал Прокурор, собираясь идти в сторону главного входа. Хряк от досады хмыкнул, понимая, что ему предстоит несладкая доля караульного, в то время как те немногие, что остались дома, кайфуют возле кухни: судя по запаху, повариха печет пироги.

Станислав остановился и сказал резко, как в свое время давал указания Дядечка, а потом — сам, командуя в семейке:

— Для начала я хочу вымыться в бане. Потом пообедать и до приезда Тараса Игнатьевича поспать в нормальной кровати. Ночь предстоит трудная, я должен быть в форме.

Прокурор споткнулся на ровном месте. Хряк хохотнул и красноречиво подергал наручники.

— Сегодня «браслеты», завтра — погоны. А там, глядишь, и ордена, — загадочно улыбнулся Станислав. И уже требовательно: — Снимай. И не стремайся: никуда я отсюда не денусь.

Хряк наручники снял, но не отставал ни на шаг.

— Мы так и будем болтаться на пару, как сиамские близнецы? — в раздраженный тон Станислав добавил немного металла.

— Будем, — упрямо заявил Хряк. И они вместе мылись в бане, не рискуя сунуться в сауну. Харитон косился на шрамы и свежие кровоподтеки на теле Станислава, а тот посмеивался над пакостными рисунками, наколотыми на спине и ягодицах парня.

После бани надели кимоно. На сей раз Станиславу выдали, как простому смертному, не шелковое и без рисунка. Потом в комнате рядом с кухней ели пироги. Повариха отвалила по два куса. Щи были наваристыми — бугровскую команду кормили «от пуза».

Спали тоже в одной гостевой комнате. Хряк завалился на кровать, доказывая, что пока еще он ведущий в вынужденном тандеме. Станислав опустил в кресло и задремал, хотя правильнее было бы обмозговать пути выживания. Но в голову

лезла всякая чушь, и странные картинки разворачивались в полусне, полуяви.

На одной он четко увидел Мадлен. Она была босой, юбка разорвана до пояса. На неестественно длинной шее был закручен ремешок ее сумочки. Мад царапала горло ногтями, выгибалась дугой, задыхалась, а мужчина, стоящий к Станиславу спиной, душил ее, придавив коленом грудь. Серебряный леопард свирепо щерился...

Видение было так реально, что Станислав вскопчил, озираясь.

— Чего ты? — мгновенно открыл глаза Хряк. Похоже, он не спал, хотя запер дверь, а ключ положил в карман.

— Принеси мою сумку с вещами. Заодно узнай, как там?.. — приказал Станислав. Надо было хоть немного побыть одному.

— Ну, блин, достал ты меня... — Хряк выругался и с досадой хлопнул дверь. Вернувшись, кинул Станиславу сумку и одежду: — Кличут уже, шевелись... — и снова ушел, щелкнув ключом в замке.

Станислав надел чистые майку и плавки, белую рубашку и любимый замшевый костюм. Перегрузил содержимое карманов. Обулся в ботинки. Причесался. Из овального зеркала, вделанного в дверцу шкафа, на него глянул молодой человек с заметной ссадиной и синевой, расплывшейся до скулы. Но в глазах — нужный металлический блеск, мысли не в растопырку, нервы под контролем. И — никаких чувств. Вот только... что там с Мадлен?

Тревога не оставляла всю дорогу, пока они ехали до города. Он не удивился, когда «Опель» остановился у знакомого бара. Рядом с крыльцом уже стоял «Джип» и выдававшая виды «Волга», на которой истинный патриот России выезжает к своим избирателям.

Уже взойдя на крыльцо, Станислав обернулся и посмотрел в сторону дома. Окна его квартиры — как два мертвых глаза, зато соседние полнятся таким живым, теплым светом, что пришлось зажмуриться, чтобы не рвануть в бега, бесполезные и постыдные, когда решение уже принято и слово дано.

Бугор сидел за столиком в углу и ел. Ближе к двери расположились три парня из личной охраны и знакомый шофер «Волги», служивший еще при Дядечке. Лохматый и «водитель», мутозивший Станислава в подвале, заняли столик у окна. Кривоносого не было.

Хряк присел к своим, Прокурор подошел к стойке и принял из рук Степана кружку пива. Бармен бросил на Станислава сочувственный взгляд, и стало ясно, что разговор о пленнике уже состоялся.

Бугор подтянул к своему столику ближайший стул и, когда Станислав сел, спросил заботливо:

— Кормили? Вижу, и в баньке побывал — порядок. Пиво будешь пить или что покрепче? — он откровенно изучающим взглядом рассматривал Станислава. — Так-то лучше, а то валялись по полу, как мартовские коты... Знаю, не ты начал, но все равно несолидно.

— Как долетела Мадлен? Что с ней? — сдержанно спросил Станислав. Почувствовал, как замерли парни, и стало слышно шипение пива, которое наливал за стойкой бармен.

— Кто ж теперь знает, где наша Жар-птица? Упорхнула из родного гнезда... Может, сокола нашла себе или дятла, — благодушно проворчал Бугор, отхлебывая из стакана крепкий чай. Но во взгляде его мелькнула злость, и Станислав отодвинул от себя принесенную Степаном кружку пива. Проговорил тихо, не сводя с Бугра глаз:

— Пожалуйста, Тарас Игнатьевич, позвоните в Москву.

Бугор прожег его взглядом, но, наткнувшись на стальной блеск серых глаз, кивнул одному из охранников:

— Дай трубу, — и сотовый телефон нырнул в его большую ладонь.

Потыкав пальцем и набрав длинный номер, Бугор прижал телефон к уху и, когда ему ответили, спросил не здороваясь:

— Как долетела птичка?

Станислав напряг слух, чтобы разобрать ответ.

— Что дальше? — нахмурился Бугор. Выслушав все, что ему говорили, буркнул: — Лады. Бывай... — и обернулся к Станиславу.

— Долетела, как хотела. Потом села в «таксо» и умчалась...

«Значит, ее никто не встретил», — с тоской подумал Станислав.

— Ты лучше о себе позаботься, — Бугор по-отечески ласково положил руку ему на плечо. — Пришло время, дружок, расплачиваться.

— Без проблем, — Станислав улыбнулся и поднял наполненную до краев кружку. Но культики сорвались, кружка грохнулась о стол, и пенные ручейки хлынули на замшевые брюки. Парни загоготали.

— Как же так неосторожно? — недовольно покачал головой Бугор.

— Еще не привык к своим полупальцам, — усмехнулся Станислав.

— Водой надо бы замыть, — Степан уже вытирал тряпкой стол. — Пойдем, в сортире есть кран. А то штаны загубишь.

Недовольный Хряк неуклюже выбрался из-за стола. Степан покосился на него, но промолчал. Втроем они вышли в загроможденную подсобку. Хряк направился к запасному выходу, бармен завел Станислава в туалет и полностью открыл кран

над раковиной. Струя воды зашумела, забулькала, устремляясь в сток.

— И так все высохнет... — бармен сунул Станиславу полотенце и вытащил сзади, из-под форменной тужурки, пистолет. — Обойма полная. Стрелять умеешь?..

— За тобой числится? — у Станислава похолодело в груди.

— А, черт с ним... отбрехаюсь.

— Нет, — мотнул головой Станислав. — Да и пальцы... не смогу.

— Тогда бери это, — Степан выдернул из-за шкафчика на стене маленький кинжал. — Мне в Афгане жизнь спас. Может, и тебе...

Он завернул кинжальчик в тряпицу. Задрав замшевую штанину, засунул сверток за высокое голенище бутсы, и Станислав почувствовал, как острое жало слегка кольнуло лодыжку.

— Спасибо, — он крепко сжал руку бармена.

— Удачи тебе... — ладонь Степана легла сверху.

Станислав чувствовал, как набухает в горле рыхлый комок, а мускулы тела, наоборот, твердеют, и постепенно уходит волнение.

— На хрена там застряли? Понос прошиб? — Хряк выглянул из-за ящичков. Станислав, прижимая к брюкам полотенце, вернулся в зал.

Никого из парней в баре уже не было. Бугор сидел не за столиком, а в кресле, устало вытянув ноги, и, казалось, дремал.

— Иди в машину, — сказал он Хряку. — А ты, маменькин сынок, садись рядом, поговорим ладком... — он глянул на бармена, и Степан вышел в подсобку, плотно прикрыв за собой дверь.

Они остались одни. Стул, предназначенный Станиславу, стоял почти вплотную к креслу. Бугор, достав из кармана табакерку, начал набивать трубку, просыпая на колени рыжеватые крошки.

— Дерьмовую ситуацию ты нам обоим сотворил, — он запалил табак в трубке и затаился, разжигая его. Пыхнул душистым дымом.

— Это я сотворил?! — теряя дар речи, возмущенно дернулся Станислав, но Бугор продолжал, не обращая внимания:

— Хоть бы мне на ушко про Дядечкин ящик шепнул... Так нет, ляпнул на весь свет!.. Думаешь, только я да Альберт с Харитосей слышали? А те, кто «картинку» мне обеспечивал?.. Да и «прослушка» по всему дому. Не уследишь, кто ухо топырит, кто нос сует. А уши ослиные, языки — что жало. Потом разберись, кто первым вякнет... Разберемся, конечно, со временем. Но нам-то сейчас решать...

— Что решать? — Станислав с недоумением приподнял брови.

— Тебе этого не понять, потому как не тебе принимать

решение. И... не мне, — заметив взгляд Станислава, Бугор усмехнулся. — Ты же ва-банк пошел, на пику прыгнул, когда Мад на Дядечкин сейф сменял. Парни злы на нее — не по зубам орешек. А тут, как Кирюха с вещичками ее на шоссе застукал... — Бугор завозился, посмотрел на часы, потом на окно, уже налившееся сумерками. — Еще эти ваши страсти-мордасти любовные... И Кирюху ты так уделал, что до сих пор встать не может — на твое счастье...

Бугор загасил пальцем трубку и в упор посмотрел на Станислава.

— В общем, если нет у тебя, дружок, что отдать, замочит тебя братва. Не при мне, так после. И запретить не могу: у нас в откровенку все — демократия, — он сидел ссутулившись, щеки обрюзгли — пожилой, уставший человек, сам себя заматавший. Закрутил колесо — не остановишь... Где-то на самом доньшке души Станислава шевельнулась жалость. И тут же — сомнение: скорее всего хитрит.

— Ладно, поехали, — он встал. — Лопаты нужны и фонарики.

— Если машины пройдут, фарами посветим, — оживился Бугор. — Лопаты саперные в каждой машине есть. Фонарики, надеюсь, тоже.

Парни ожидали их. Одни стояли у крыльца, курили, кто-то сидел в машинах с распахнутыми дверцами. Станислав вслед за Бугром залез в «Опель». Хряк плюхнулся рядом. Машина тронулась, и в тот же момент Станислав почувствовал под ногами что-то плотное и мягкое. Он подумал, что это вещь, забытая Мадлен, и зашарил. Ладонь ткнулась в шерсть, и горячее, мокрое мазнуло по коже.

«Тошка!» — беззвучно ахнул Станислав и дернулся открыть дверцу, чтобы выкинуть пуделька, пока машина не набрала скорость.

— Куда? — Хряк цапнул его за плечо и зазвенел, вытаскивая наручники. Браслеты двумя щелчками сцепили их руки.

«Выпущу, когда остановимся у светофора», — Станислав предостерегающе прижал пуделька ногами. Но тот и так сидел какмышь.

— Куда едем? — обернулся Бугор, и сам же ответил: — К Дядьке... Только смотрели мы там уже. Рыли.

— Плохо смотрели, не там рыли, — угрюмо отозвался Станислав.

Появление так некстати Тошки сломало в нем тот внутренний настрой, который помогал не тратить силы на пустячные эмоции. А тут еще так властно повеяло домом — тети Катиным, а может, Николая Лукича или тетки... Нет, думать об этом нельзя. Лучше накачать себя холодной, подконтрольной злостью, которая обострит чутье и заставит вытащить кинжал, если придется.

Но вместо этого, как из-за кулис на сцену, воображение вытолкнуло самый неподходящий сюжет: пацаненок Тараска тусуется с корешами в подворотне, которая приведет его в тюрьму, где лидерство нужнее, чем на воле. Но закончится срок, парень выйдет в жизнь ни с чем, и судьба подстроит роковые встречи...

Сильный характер будет требовать действий, авантюризм подменит романтику, толкая на риск. Умная голова найдет дерзкие решения, которые должны привести к цели. Призыв сверху: «Делать можно все, что не запрещено» развяжет руки...

Теоретики тратили силы и время на предсказание последствий брошенной фразы. Те, в ком дремал предпринимательский дар, строили планы и начинали действовать. Но нахрапистые опережали, легально грабили, хватая все, что плохо лежит и что лежит хорошо, но присвоить можно... Поощрялось то, за что раньше давали срок. Вседозволенность порождала всеядность. Государство — могучего мамонта, еще живым рвали гиены, клевали грифы. Не решаясь схватить за горло, грызли где попало вкусную плоть. Внутренности выедали те, кому легче было добраться. Черви спешили залезть в мозг... А дальновидные, не брезгуя крохами, ждали, когда мамонта сожрут изнутри, и оставшуюся шкуру можно будет разделить...

В глубине сознания Станислав понимал, что сгущает краски... Но если не так, то почему подчас «бугры» управляют городами, страной? А может, правят уже не они?.. Разогнав свой бронированный лимузин, еще держась за руль, они уже не могут дотянуться до тормоза. И сцепление переключают другие... «Бугры» мчатся, уже не видя дороги, давя тех, кто оказался на пути. А пассажиры — кривоносые, хряки, лохматые — торопят, улюлюкают, подчиняясь и командуя, охраняя и держа в страхе...

Мысли были яркими, путаными и совсем не ко времени. Но начальная, взбудоражившая воображение мысль не уходила: «Не застрянь пацаненок Тараска в подворотне, вытащи его из зловонного мрака проходящий мимо чуткий человек, и появился бы умный производственный деятель или смелый политик. Не господин, не кореш, а — друг».

Тошка лежал тихо. Хитрюга понимал, что совершил запретное. Собачий инстинкт и опыт подсказывал: нельзя лезть к людям, от которых исходит энергия зла. Но все перебивал запах единственного в мире человека, которого он любил всем своим маленьким верным существом. Запах веял из внутренности машины, стоящей возле вкусного дома, и Тошка, не задумываясь, влез туда, куда нельзя, но очень хотелось... Теперь он

вдавился в теплый, куда-то несущийся пол, и выковырнуть его оттуда было бы невозможно.

Светофоров было много, но «Опель» шел в левом ряду, и Тошка угодил бы под колеса машин. Значит, выпускать придется у поселка.

«Опять надо думать о тебе, дурашка, — мысль о другом существе отвлекла Станислава, раскрепостила. — Все будет хорошо. Просто не может быть все плохо...» — робким светлячком теплилась надежда.

— На десятом километре остановись, — буркнул Бугор шоферу, и вновь наступила скользкая тишина, какая бывает лишь в скорлупе несущейся на большой скорости машины. Свет фар идущей сзади «Волги» поблескивал в темных стеклах «Опеля» мрачными всполохами. Огни встречных машин дополняли зарниц. В уносящейся ночи угнездилась тревога.

«Опель» сбавил ход и остановился. Станислав торопливо распахнул дверцу и вытолкнул Тошку. Пуделек спрыгнул на обочину и стал потягиваться. Спустив ноги, Станислав уже основательно поддал бутсой, и песик молча свалился в неглубокий кювет.

Хряк заворчал, выбираясь вслед за Станиславом. Браслет, оказавшись на его правой руке, мешал, но перестегивать наручники он не рискнул: кто знает, что можно ожидать от хитрого пленника?

Бугор дал указание шоферам «Опеля» и «Джипа» проехать дальше и встать напротив поселка. Шофера «Волги», не раз привозившего его к Дядечке, послал к дому в объезд.

Трухлявый настил затрещал, проваливаясь под ногами парней. Бугор, покосившись на спаренных наручниками Станислава и Хряка, обогнал их. Перед ошетилившейся стеной кустов все остановились.

Станислав раздвинул гибкие ветки и устремился вперед. Хряк потащился следом, уворачиваясь от хлестких прутьев и ругаясь вполголоса. Остальные ломились рядом, как стадо слонов.

Знакомая поляна показалась еще более пустой и угрюмой. Луны не было, и лоскут звездного неба казался бесформенным потолком над безобразной комнатой с черными стенами.

— А где дом? — растерянный голос Бугра рассмешил Станислава.

— Чему удивляетесь, Тарас Игнатьевич? Сприватизировали поселковые все, что смогли. Только фундамент остался.

Но Бугор уже нашарил лучом фонарика цоколь и даже пнул его ногой, убеждаясь, что тот действительно существует.

Вдалеке взревел и захлебнулся мотор «Волги».

— Застряла, — Станислав не смог сдержать ехидства в голосе. — Ручей разлился, теперь там болото.

— Чего же раньше не сказал? — возмутился Бугор.

— А кто спрашивал? Вы меня, Тарас Игнатьевич, все время после упрекаете. Нет чтобы раньше посоветоваться.

— Ладно тебе, — отмахнулся Бугор и послал двух парней на подмогу шоферу, приказав, чтобы тот выбирался на асфальт.

— Теперь уж точно весь поселок разбудите, — с издевкой сказал Станислав. — Собаки наверняка скоро здесь будут.

Все замерли, прислушиваясь к лаю потревоженных псов.

— Ты давай показывай, не тяни, — Бугор начинал нервничать.

Задорить его смысла не было, и Станислав пошел к кусту жасмина, давно отцветшему, но еще сохранившему запах тлена. Зашарил бутсами, пытаясь найти цепь. Хряк тянулся следом и недовольно сопел. Скращенные лучи фонариков путались под ногами.

Наконец, под ботинком звякнуло. Станислав остановился.

— Копайте, — он притопнул и отошел в сторону. Лохматый и телохранитель расчехлили лопатки. Острые лезвия вонзились в грунт. Прокурор подошел к Бугру и что-то тихо заговорил ему на ухо.

«И часа не пройдет, как они сделают то, на что у меня ушла целая ночь, — с досадой подумал Станислав. — Бедный Пират, и на том свете тебе нет покоя».

Топка появился неожиданно в луче света, похожий на маленький лесной призрак. Почти в тот же момент в лесу зашумело, и с ближнего дерева возмущенно ухнул филин. Все вздрогнули.

— Брысь, сволота! — Лохматый замахнулся на пуделька лопатой, но черная шкурка уже исчезла в черной траве.

— Здесь какой-то брезент, — сказал телохранитель и потянул вылезший из земли кусок ткани.

— Осторожно! — предупредил Станислав. — В нем труп собаки.

— Ты почему знаешь? — удивился Хряк. Станислав промолчал. Но Бугор услышал вопрос, оставшийся без ответа, и подошел.

— Так почему же про Пирата знаешь? — слепящее пятно света застряло на лице Станислава. — И про сейф?.. Тебя же в тот день не было. И ночью... — Бугор осекся, поняв, что выдал себя.

Пятно света скользнуло под ноги. Нависшее молчание было ощутимо, как свалившаяся на плечи тяжесть. Оба мысленно оказались в том времени, с разных полюсов заново переживая трагедию.

— Я был против, — глухо сказал Бугор. — Так уж получилось...

Признание поразило. За ним стояло что-то большее, чем страх разоблачения. Совесть?.. Или это опять тонкая игра?

Хряк ничего не знал, ни о чем не задумывался. Он всего лишь хотел получить ответ на свой вопрос, а потому повторил его:

— Так ты корячил уж это? — и кивнул в сторону могилы.

— С кем? — резко бросил Бугор, и луч света метнулся в лицо Станислава. — Когда? Зачем?

— Когда «тугрики» стали нужны. Один был... — пояснил Станислав внешне невозмутимо, но в душе все напряглось в ожидании следующего вопроса. И он поспешил опередить его: — Не волнуйтесь, Тарас Игнатьевич, баксы я не тронул: побоялся, что в розыске... А нынешних денег немного было, — соврал он, шурясь от света, но не опуская глаза.

— Еще что-нибудь... там было? — с запинкой проговорил Бугор.

— «Деревянных» навалом и пакетики с наркотой, — Станислав отвел рукой фонарик, убирая луч света с лица, как паутину.

Бугор покосился на Хряка. Понимая, что от него не избавиться, промолчал. Но Станислав уловил незаданный вопрос: «Что еще?..»

— Ладно, сам увижу, — Бугор резко повернулся и заспешил к яме, от которой уже тянуло тошнотворным трупным запахом.

Станислав демонстративно закрыл рукой нос. Сказал брезгливо:

— Предупредил же, чтобы брезент не рвали... Нечего тут смотреть. Еще выдерет... — он потянул Хряка в сторону ручья.

Но тому было что смотреть, и любопытство оказалось сильнее вони. Хряк начал ворчать, но Станислав настаивал, и, плюнув с досады, конвоир зашарил рукой по соседним деревьям. Нашупав тонкий ствол, перещелкнул браслет со своей руки. Буркнул:

— Вот и стой, как кобель на привязи.

Станислав остался один. Рядом шуршал в траве Тошка. Вдалеке, выбираясь из топи, натужно рычала «Волга». Жутковато врезался в ночь крик филина. Постукивали лопаты, шуршала, осыпаясь, или шлепалась, отлетая в сторону, земля. Зловеще перемещались тени. Пятна света то расползались, то падали гроздью, то сливались в одном месте. Все напряженно ждали того, что откроется там, в глубине ямы. И чего-то еще — неизбежного... Сейчас металл стукнет о металл, стальной ящик вытащат, и могила станет свободной...

Станислав нашарил на дне кармана ключ от наручников. Вынул его осторожно, приказывая культикам не торопиться и чувствовать металл. Если ключ упадет в траву — тогда уже все...

У могилы переговаривались возбужденно. От близкого шоссе доносился шум проезжающих машин. Но вот одна остановилась. Дуплетом хлопнули дверцы, и Станислав обостренным чутьем затравленного зверя уловил импульс от главной опасности — враг переходил трухлявый мостик. Потом затрещали кусты, и на поляну вышли двое.

— Шмонал вас. Как знал: здесь тусуетесь, — в голосе Кривоногого все оттенки торжества. Темные фигуры приблизились к могиле, где огни и тени передвигались, словно совершали зловещий ритуал.

Станислав, сдерживая дыхание, коснулся ключом наручников, и тот неожиданно послушно юркнул в прорезь замка. Тихий щелчок прозвучал, как выстрел. Станислав подхватил звякнувшую цепочку и замкнул освободившийся браслет на том же деревце.

— Эта паскуда здесь? — раздался голос Кривоногого.

— Не бойсь, не слиняет, — успокоил его Хряк.

Станислав сделал шаг к ручью, лихорадочно соображая: в лес бежать или на дорогу, в надежде, что случайная машина его подберет. Но это было маловероятно, и Станислав повернул в сторону ельника. Шагнул и наткнулся на человека, подкравшегося сзади.

— Это я... — шепот Сынка был еле слышен. Его пальцы нащупали в темноте руку Станислава. — Возьми ключ... «Вишенка» — на дороге. Сматывайся быстреей.

В нежданной радости дрогнуло и чаще забилось сердце.

— Ключ есть, — Станислав отстранил холодную, всегда влажную ладонь Сынка. — Спасибо...

— Удачи... — тщедушная фигура так же неслышно отплыла в сторону загальдевших возле могилы людей: они нашли сейф.

Станислав бесшумно нырнул в кусты. Деревья пропустили его охотно. Ручей подставил самое узкое место. Полоса берез заслонила плотной стеной. «Вишенка», дыша неостывшим мотором, уже приоткрыла дверцу...

Тошка вскочил в салон машины первым. Станислав скользнул за руль. Пластиковая оплетка знакомо приникла к ладони, пальцы, казалось, не расставались с ней никогда. Ликующее чувство оборвало дыхание.

Он прихлопнул дверцу, вытащил связку ключей и точным движением вставил нужный в замок зажигания, давая жизнь машине. Урчащий звук был нужной громкости и на верных нотах.

«Молодец, Сынок, отладил-таки...» — Станислав развернул машину в сторону города, но на шоссе выползла «Волга». Яркий свет фар, мазнув пространство, уперся в «Вишенку». Ста-

нислав едва не рванул вперед, как застигнутый на месте преступления вор, но подавил губительный порыв, и лучи фар сместились, осветив навес.

Станислав перевел дыхание и, плавно набрав скорость, дал полный газ. «Вишенка» понеслась. Обдувая лицо, засвистел в неплотно прикрытом окне ветер. Мгновение — «Волга» съежилась у верхнего среза зеркальца заднего обзора. В убегающем пространстве, за гранью горизонта, было еще спокойно.

«Только бы добраться до города... На шоссе вся эта свора нагонит, прижмет к обочине и — в кювет... Если не треснусь о дерево — прибьют. Машину сожгут. Обычное дорожное ЧП: горе-водитель не справился с управлением», — Станислав легким двойным движением поджимал педаль газа. Даже сквозь толстую подошву ботсы чувствовал, как она послушна.

Высокий звук двигателя сливался с разнотональным посвистом ветра. Старый кузов скрипел и стонал, колеса уже не присасывались к шоссе, а норовили оторваться от бетонного покрытия, как от взлетной полосы. Этим взвешенно-шатким положением нельзя пренебрегать: на любой выбоине или камне бросит на обочину и дальше...

Но сзади, на горизонте, две светящиеся точки умножились еще двумя парами глаз, которые быстро увеличивались в размерах.

— Давай, «Вишенка», не подведи, старушка, — шепнул Станислав.

Дальний свет фар прилип к заднему стеклу, но впереди уже маячили огни засыпающих улиц. Только бы проскочить без помех Новый город, пролететь дамбу, а там — трущобы. Знакомые переулки, проходные дворы, тупики и овраги. Там есть где спрятаться.

«Вишенка» врезалась в улицу, как в светящийся туннель. Проспект каналом прорезал многоэтажки. Припаркованные машины смиренно застыли у тротуаров — город распахнул безразличные объятия.

На дамбе «Вишенку» обогнал «Опель». Какое-то время машины шли капот в капот, как скакуны-фавориты на прямой перед финишем. Но притирать «Жигули» к полосатым столбикам ограждения шофер «Опеля» не рискнул. Он просто обогнал Станислава, а на выезде с дамбы круто развернулся и замер, перегородив дорогу в район трущоб.

Станислав понимал: его выживают на центральную улицу, где светофоры, машины и дорожный патруль. Здесь проезжал он, показывая Йосано город, здесь они любовались коттеджами Надежды, и где-то здесь может закончиться жизненный путь ее сына, потому что лучше врезаться в стену, чем дать зажать себя в тиски.

Уже не было отдельно машины, руля, человека. Все спла-

вилось: глаза, нервы, руки. Мозг, тело и металл рассчитывали доли секунд и сантиметры. Не «Вишенка», а углы зданий, ограды скверов, столбы шарахались от нее. Случайные машины прижимались к тротуарам. А Станислав то давил педаль газа до упора, то отпускал ее, перебрасывая ступню на тормоз и бешено выкручивая руль. Окна домов провожали его испуганными взглядами...

«Джип» на обгоне подрезал путь прямо перед носом. Станислав резко вывернул руль и стал заваливаться на бок. Почувствовал, как машина встала на два колеса и, перегрузив тело в обратную сторону, врезался в кустарник палисадника. Едва не вмазал в лавку, буксанул на клумбе и, подпрыгнув на низком поребрике, перемахнул на соседнюю улицу. Тоненько взвизгнув, с соседнего сиденья на пол шлепнулся Тошка. Станислав только сейчас вспомнил о нем.

Сзади настигал «Опель», а «Джип» оттирал к набережной. Станислава гнали теперь к порту, в тупик за грузовым причалом, поддерживая между собой связь по сотовому.

В ожерелье редких огней впереди замаячило здание речного вокзала. «Джип» рванулся наперерез, намереваясь преградить дорогу к пассажирским причалам. Но Станислав знал, что между кафе и книжным киоском есть узкий проезд на набережную. И, не сбрасывая скорости, лишь сжав инстинктивно плечи, он вклинил «Вишенку» точно между кирпичной кладкой и железной стеной.

Машина юркнула, как мышка в щелку, слегка скрежетнув краем заднего бампера. Идущий следом «Опель» завизжал тормозами. Свет фар метнулся вбок — шофер, избегая удара, круто развернул машину.

Станислав притормозил там, где набережная соединялась с причалом, и пологий бетонный откос заканчивался узким карнизом, о который плескалась вода. Тошка возмущенно тявкнул, когда рука хозяина цапнула его за шкуру. А летя под уклон, верещал, как зайчонок. Но Станислав был спокоен: под колеса не попадет, все остальное — обойдется...

«Опель» и «Вишенка» выскочили на причал одновременно и несколько секунд ехали рядом между ступеньками мраморной лестницы речного вокзала и обрезом бетонного монолита. За ним зиял провал, и начиналась бескрайняя маслянисто-черная гладь водохранилища.

Краем глаза Станислав видел бледное лицо Бугра в открытом окне лимузина. Тот кричал, махал рукой, приказывая остановиться. Но Станислав выжал педаль газа и рывком ушел вперед.

На воде возле причала — пусто. Ни одного пассажирского теплохода, лишь вдалеке покачиваются «Метеоры», похожие

на уснувших чаек. Еще дальше — грузовой порт. Смутно различимы шеи кранов с сигнальными огоньками на поникших шеях. Все вымерло — и порт, и водохранилище, и город. Лишь запоздало воеет сирена милицейской машины...

Внезапно Станиславу показалось, что все от него отстали. Надо проехать еще немного, завернуть за здание порта и скрыться по боковой улочке...

Но впереди из-за строений выползла «Волга». Сначала ее щупальца-лучи, следом — сама. Развернулась, вонзив светящуюся дорожку в лобовое стекло «Вишенки». Рядом засияли фары подоспевшего «Джипа». Сзади застыл слепящий свет «Опеля».

Лучи сомкнулись и взорвались беззвучно в салоне «Жигулей». На мгновение Станислав ослеп, его словно парализовало. Проткнутый лучами, он почувствовал себя как на вертеле... Но в следующий миг руки сами вывернули руль.

Он увидел перед собой обрез причала, за которым плескалась бездонная темнота. И ужаснулся...

«Так надо...» — мелькнула, казалось, последняя мысль, и нога выжала педаль газа. «Вишенка» дернулась, колеса зависли в воздухе, странно замедленно пошел вниз капот...

Движение было вначале плавным, но тут же все стремительно переместилось, рухнуло. Станислав ударился обо что-то головой. Руль вдавило в ребра и живот. За стеклами салона гулко плеснулась вода, и он понял, что машина, падая, перевернулась.

Рука рефлекторно выключила зажигание, выдернула связку ключей. Тело гибко вывернулось, занимая вертикальное положение. Сиденья нависали сверху, из них и с пола что-то сыпалось. В щель приоткрытого окна фонтаном била вода. Стекла напоминали аквариум, глубинные блики света мерцали, как стайки серебристых мальков. Отовсюду сочилось, текло ручьями...

Воды было уже по колено, но «Вишенка» никак не хотела тонуть, и, судя по ритмичным толчкам вверху, колеса еще крутились.

«Сейчас Хряк, Лохматый, телохранители прыгнут с причала и выколупнут меня, как устрицу из раковины», — Станислав попытался открыть дверцу — она не поддавалась. Тогда он начал сдвигать стекло, обрушив на себя потоки воды и чувствуя, как быстро оседает под ногами потолок машины.

Хватив ртом воздух, он с трудом протиснулся в окно, обдирая плечи и карманы набухающей куртки.

Еще рывок... И, оттолкнувшись ногами от корпуса машины, Станислав, словно рыба, ушел в спасительную глубину.

Прости, Сынок. Прощай, «Вишенка»...

Загарованный остров

н плыл под водой, пока хватило дыхания. Когда удушливой спазмой сжало горло и грудь, а в ушах зазвенело, Станислав сделал рывок к поверхности. Темнота сменилась студенистым свечением, потом золотыми бликами. Он вынырнул без всплеска, — глаза полоснул ослепительный свет. Глотнув воздуха, он снова ушел на глубину, подальше от причалов.

Второй раз всплыл осторожнее и внимательно осмотрел берег.

Пристань пылала огнями автомобильных фар, направленных в сторону водохранилища. Станислав насчитал пять пар жадно нацеленных огненных глаз — значит, добавились патрульные машины. Поверхность воды пенилась светом, но включенные на дальний свет фары уже не слепили. Отчетливо была видна вся панорама города: бетонный откос набережной с вереницей голубоватых фонарей, вдалеке — цепочка огней на дамбе. С другой стороны, на границе с водоемом — точки дежурных ламп над монолитной стеной заводского ограждения. Там на берег не выбраться. Здесь — все под прицелом караулящих глаз. Лишь в той стороне, где Большая река разлилась настоящим морем, глухая чернота уходит в усеянное звездами небо.

Звуки, растекаясь, скользили над водой: рык двигателей, похожее на выстрелы хлопанье дверок машин. Отчетливо слышны голоса — разговоры, команды, ругань:

— Мотай к грузовому, пусть подгонят малый кран, — доносится незнакомый встревоженный голос.

— Лодку давай, мудака! — кричит Кривоносый. — На фигу ему в тачке ховаться. Слинял, блин... — он бешено матерится. Кто-то пытается спорить.

Станислав с тревогой подумал о Сынке. В гвалте на причале его голоса слышно не было. Зато со стороны набережной еле доносился крик Тошки. Лай перемещался, значит, Тошка бегал по карнизу, у кромки воды. Звал, просился к нему, собачьим чутьем улавливая его присутствие. Чего доброго, поплывет вдогонку...

Станислав вдохнул побольше воздуха и, выбрав направление прямо противоположное берегу, скользнул под воду.

... Он лежал, запрокинув голову к звездам, и отдыхал. Невидимые прохладные волны слегка покачивали его, успокоенное дыхание держало на плаву и можно было не шевелить

руками — хоть спи. Но со стороны городских огней доносился настырный жужжащий звук: моторная лодка шныряла вдоль набережной и причалов, широкими кругами тревожа водную гладь.

Круги приближались, и Станислав поплыл экономными гребками, без всплесков рассекая воду, стараясь не прислушиваться к тому, что творится в измученном теле. В момент бегства он забыл о нем, потом живительная вода сняла боль и напряжение, но теперь все вернулось и усилилось необходимостью непрерывного действия. А руки... Вода не пружинила, как раньше, в пальцах, а лишь омывала культики. Рывок получался дряблый, одежда тормозила, сковывая движения. Десантные ботинки тянули вниз, как кандалы...

Станислав лег на спину и завозился с разбухшими шнурками. Рука наткнулась на подарок Степана — костяная рукоятка кинжальчика удобно прильнула к ладони. Острие мгновенно вспороло шнуровку, и ботсы один за другим ушли на дно. Вслед за ними соскользнул с ладони кинжал, унося в темноту свет звезд. Станислав поймал его, сунул в карман куртки, понимая: все равно придется расстаться.

Возня с ботсами отняла время, и он поплыл, сильными рывками рассекая воду. Но энергичными получались только движения, — тело едва протискивалось в толще воды. Любимая замшевая куртка превратилась в кожаный мешок, наполненный гириями...

С трудом стянув куртку, Станислав вытащил паспорт и затискал его в карман брюк, решив, что с ними-то уж не расстанется. Связку ключей подержал и расслабил культики, — ключи словно растаяли. Кинжальчик проткнул задний карман, но движениям не мешал.

Теперь плыть можно хоть всю ночь, но до рассвета надо выбраться на берег, иначе собранная Кривоносом флотилия запросто выловит уставшего беглеца.

Большая река течет с северо-запада на юго-восток. Обузданная ниже Приречинска плотиной, она разлилась пресным морем, затопив пойменные луга и подняв уровень водоема в центре города.

Припоминая карту, Станислав ясно представил себе неровный овал голубого пятна, переброшенную через него черточку дамбы, клеточки домов и линии улиц вокруг. Он знал здесь практически все. Но то, что таится за обрезом карты, представлялось смутно. Круг его интересов ограничивался до сих пор городской чертой, а глухие леса противоположного берега любопытства не вызывали.

Много выше по реке — мост. Огибая водохранилище-море, по нему проходит железнодорожный путь на Москву. Где-то

там есть станция. Но сколько километров до противоположно-го берега — пять, десять? Рассвет часов через шесть...

Всегда можно приспособиться, наловчиться, если сумеешь перенастроить себя, — Станислав это знал и умел делать. Теперь он плыл в пространстве, теплом сверху и холодном в глубине, ритмично распахивая руки, словно летя. Чувствовал, как упруго расступается вода, как напрягаются в нацеленном движении мускулы тела, а потом расслабляются мгновенно, отдыхая каждым нервом и жилкой.

Восточная кромка горизонта едва обозначилась. Хотелось повернуть к ней, но там — самая ширь. На севере неровная чернота обрезает звездное небо — это лесистый берег. Значит, надо плыть в глухую темноту без просвета и ориентиров.

Вверху сияют неподвижные, безразличные звезды. Изредка безлунное небо пересекают метеориты. В них чудится жизнь. Но секунда-две — и они умирают, не достигнув земли.

Станислав выбрал низко висящую желтую звездочку. Она была небольшой и тусклой, а к рассвету совсем уйдет за горизонт. Но звездочка казалась самой близкой, немного земной, и он плыл к этому маячку, только сейчас отчетливо понимая, какой он сам маленький, слабый среди безбрежья неба и воды. И как ограничено реальное время, от которого зависит сейчас его жизнь.

... Он плыл долго, ни на что не отвлекаясь, уже свыкшись с притупившейся болью, как автомат, загребая руками. Ноги работали механически, грудь равномерно вдыхала остывающий влажный воздух, какого никогда не бывает в городе. Звездная россыпь над головой смещалась незаметно, но глаза улавливали этот сдвиг. Только низкая желтая звездочка оставалась на прежнем месте и высоте.

«Наверное, это планета, — думал Станислав. — У звезд не бывает такого тихого, теплого свечения, в котором чудится живое...»

Лимонная полоса на востоке медленно розовела, как на одной из картин жены Николая Лукича. В узком ободке рамы была такая же безлунная ночь, и на темной воде без берегов еще не было бликов. Но горизонт уже разгорелся. Казалось, Вселенная открывает заспанный глаз. «Око Вселенной», — произнес тогда Николай Лукич.

«Неужели прошло всего... — Станислав, не меняя ритма движения, взглянул на отцовские «швейцарки», — шестнадцать часов с того момента, как я приехал на вокзал и подошел к окошечку кассы? Сложись все удачно, сейчас дрых бы на вагонной полке, а если бы улетел самолетом — у Паниных. Или решал с Родькой и Даном их бесконечные проблемы. Но, скорее всего, сидел бы у друзей Николая Лукича в испове-

дальне-кухне, и все вместе строили бы планы дальнейших действий... А я исключен из всех дел, пинком выбит из жизни, и вопрос только в том: на время или навсегда».

Станислав быстрее заработал руками, но желтая звездочка, как и полагается всем звездам, не приближалась. Она стала только чуть ярче, решив подразнить, прежде чем уплывет за горизонт.

Торопливые движения сбили дыхание. Грудь стало ломить, легкие, казалось, подступили к горлу. Так бывало на соревнованиях, когда он стремился выложиться, а потом хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная из воды. Но тогда зал приветствовал победителя, одноклассники выкрикивали его имя, — это были школьные годы, плавательный бассейн. Сколько раз хотелось вырваться из него на серьезную, большую воду. Теперь дуй себе без барьеров, без ограничений, сколько влезет и даже через не хочу...

Мысли ползли, то застывая на воспоминаниях, то мешая друг другу и торопясь. Иногда обжигали горечью утрат, и он спешил подумать о чем-нибудь приятном. Но приятное превращалось в заботу, потом в проблему, решать которую сейчас было бессмысленно...

Туман опустился неожиданно. На землю он лег предрасветной росой, на воду — взвешенной моросью, увлажнив лицо и волосы. Лишняя влага была неприятна. От нее ознобом прихватило шею, спина и грудь покрылись гусиной кожей, и установившийся тепловой баланс тела и среды нарушился. Движения уже не согревали, гребки получались вялыми. Станислав лег на спину, бесцельно глядя в серую муть с молочными разводами. Белесые волны тумана, перемещаясь без ветра, то застывали, как призраки, то испуганно шарахались в стороны. Тогда приоткрывалось небо. Звезды уже слизнул розовым языком рассвет, синева проступала явственней, а по воде расползлся малиновый румянец. Станиславу казалось, что он барахтается в киселе с молоком, налитом в сказочную чашу без краев.

Потом он плыл, уже не зная куда, пытаясь хотя бы согреться.

Когда пелену тумана сдул неожиданный порыв ветра и открылась еще мрачная северная часть неба и воды, на кромочке между ними Станислав снова увидел низкую желтую звезду. Она слегка померкла, но была неподвижна, словно прищипленная к чему-то.

Звездочка казалась центром, единственным овеществленным предметом среди хаоса тумана, мыслей и чувств. Она была маяком, стоящим на твердом, слегка поднявшемся над водой клочке земли.

Открытие было так внезапно, что Станислав перестал грести и с головой ушел под воду. Он тут же вынырнул, отчаянно заработал руками и ногами, меняя стили, путая их. Опомнившись, перешел на брасс, но не смог установить дыхание. А тело, до этого словно забывшее о старых ранах и новых синяках, напомнило о себе такой ломящей болью, что пришлось перейти на прежний экономный стиль.

Теперь мешали плыть брюки. Ремень спускался с узких бедер и впадины на месте живота. Штанины, полные воды, тормозили, сжирая скорость. Пришлось снова ложиться на спину. Мельком вспомнив о паспорте, деньгах и кинжальчике, застрявшем в кармане, он выполз из набухшей замши, как змея из старой кожи. Рубашка липла и пузырилась. Обрывая пуговицы, он стащил и ее.

Ничто не отвлекало теперь от желтой звездочки, и в тот момент, когда Станислав, делая вдох, выдирает из воды голову, взгляд на мгновение прилипал к ней, выхватывая каждый раз странные детали.

... Судорога свела ногу неожиданно, как будто со дна ударило электрическим током. Жилы словно переплелись в жгут, разрывая мышцы. Станислав с силой упер ногу в ногу — раньше это помогало. Теперь боль стала невыносимой. Пришлось толкнуть себя на дно, чтобы встать на твердый грунт. В бассейне это получалось прекрасно, но здесь дна точно не было. Вынырнув, он подтянул ногу ко рту, и зубы впились в окаменевшую икру. Боль наложилась на боль, капли крови смыла вода. Станислав обессиленно вытянулся, покачиваясь на волнах.

Когда боль утихла, он снова поплыл то ли к мысу берега, затерявшегося в ночи, то ли к острову. И опять, как на картинах Верочкиной мамы, еще не было солнца, но все постепенно высвечивалось — полукруглая башня, мало похожая на маяк, на ней неторопливо вращается что-то вроде мельничных крыльев. Огонек желтой звездочки уже потух, но в стекле большой лампы отражается свет, как будто солнце бросило туда частицу своей плазмы.

... Сколько он еще плыл, Станислав не знал, но клочок земли, выступающий из воды, наконец приблизился. Полуразрушенная, поседевшая от времени громада строения напоминала теперь средневековый замок, разграбленный и покинутый сотни лет назад. Лишь большой флюгер, вращаясь не спеша, взмахами своих лопастей давал понять, что место обитаемо и существует в настоящем времени.

Так же вяло шевелились руки Станислава. Силы иссякли окончательно, когда были больше всего нужны, когда осталось всего-то чуть-чуть... Но тело стало чужим, а боль и усталость — своими.

«Хиляк... Кишка тонка... Кранты тебе, Беспалый», — внушал кто-то со стороны. Голос был гнусавый, словно приплюснутый.

«Спокойнее, Станислав Сергеевич!» — гребок получился нацеленным и сильным. Распухшие ладони оттолкнулись от воды. Остатки пальцев как язвы... Только вперед, не упуская из виду замок, похожий на окаменевший корабль. А может, это просто мираж?..

Очертания терялись по мере того, как выползало из-за горизонта солнце. Станислав неосторожно оглянулся, его глаза оказались на уровне светила, и в них так зарябило от чешуек пылающей воды, что показалось, ослеп...

Крутой берег был уже совсем близко, когда Станислав понял, что течение, огибая мыс, проташит его мимо. Открытие было так неожиданно и страшно, что плечи окаменели, голова не смогла подняться над внезапно возникшими волнами, и тело, казавшееся раньше непотопляемым, безвольно пошло ко дну. Ноги коснулись чего-то твердого, над головой возник зеленоватый слой с вереницей летящих вверх искрящихся пузырьков. Легкие рвала боль, сознание уходило...

Он вновь воспарил над землей, охотно и легко покидая ее, освобождаясь от суеты и страданий... И снова кто-то держал его, как воздушный шарик на паутинке. Ему хотелось быть туманом, дымкой или облаком. Он уже был ими. Душа и тело разделялись, отдаляясь друг от друга, но связь, соединявшая их, все не рвалась. Чья-то светлая воля не давала уйти в тот призрачный мир, где он однажды уже стоял на пороге...

Только теперь его вытаскивала, возвращала к жизни энергия не одного отчаянного упряма. Рядом с лицом тетки он увидел Ее глаза, они смотрели с тревогой. Что-то шепнула ободряюще Мадлен. Взгляд Лизы был насмешлив, у тети Кати — испуганный. Николай Лукич хмурился, а Верочка ободряюще улыбалась. Лицо мамы светилось лаской... Все, кого он любил и кто любил его, вздрогнули в этот миг, пробуждаясь от сна, услышав отчаянный зов его сердца.

«Я еще нужен здесь...» — промелькнуло в сознании. Что-то вытолкнуло его на поверхность воды, как на поверхность жизни, и он едва не закричал от боли в раздираемых воздухом легких.

«Так вот почему кричат новорожденные», — мелькнула последняя четкая мысль. Все, что было потом, происходило само собой: он то брел по горло в воде, то плыл вдоль отвесной стены берега и не мог на него взобраться. Руки скользили по сточенным мокрым камням и раскисшей глине. Потом его кто-то тащил, ухватив за майку. А может, он сам выволакивал себя на чужой, негостеприимный берег?

Наконец Станислав вполз на кромку воды и песка с пучками высохших водорослей. Сон, похожий на обморок, свалил мгновенно, даже ступни ног остались во власти ленивых волн.

... Очнулся Станислав от прикосновения чего-то теплого, шершавого — влажный язык облизывал лоб и щеки.

— Тошка... — пробормотал он и открыл глаза, но увидел не черную мордочку с плутоватыми глазками. Над ним стоял пес, показавшийся гигантским. Карие глаза внимательно рассмотрели в опухшие глаза человека, ноздри на узкой морде затрепетали, принюхиваясь. Но от человека пахло только рекой и потом. Он уже спокойно лежал на песке, а не бился в воде, как тонущий кутенок.

Поэтому пес отвернулся и побежал вдоль кромки берега, оставляя четкие отпечатки когтистых лап. Рыжевато-коричневая шкура обтягивала ребра, большие уши и тонкий хвост напоминали о том, что пес был отпрыском благородных гончих какого-нибудь дворянина, лет сто назад охотившегося в здешних местах.

Было что-то странное в том, как пес бежал, как мотался из стороны в сторону его отвислый живот. Лишь когда собака начала взбираться вверх по склону, Станислав понял, что это кормящая сука. Значит, где-то здесь у нее щенки.

Повинуясь странному чувству, Станислав поднялся, подождал, когда перестанет кружиться голова, и поплелся за собакой, обходя глыбы гранита, застрявшие на склоне, и кусты ивняка. Камни и сухие ветки, протыкая носки, кололи ступни, но Станислав спешил — надо было определить, куда же забросила его судьба.

Судьба оказалась не слишком благосклонной: на горбушке вздыбившегося над водой клочка суши путь преградила обветренная стена из кирпича. В лучах восходящего солнца она казалась кроваво-красной и глухой, как скала, — ни окон, ни бойниц, даже трещины ее не избороздили. Что там, за стеной, еще предстояло узнать. Все остальное лежало как на ладони: с трех сторон — водная гладь, сияющая то гляncем, то серебристой рябью, то длинными, меняющими оттенки матовыми полосами там, где притаились языки мели. Город теснился у горизонта, небо над ним казалось запыленным.

«Неужели я отмахал столько?» — вяло удивился Станислав и, опустившись на камень, прижался к стене. Вокруг пышно цвела голубоватая, в капельках росы крапива, и Станислав подумал, что никогда не замечал, как красивы ее злые ворсистые листья.

Пролетела пара чаек. Их крылья касались воды, и он решил, что нет ничего прекраснее полета. И невозможнее для него...

Снова стало пустынно и тихо. Потом вдалеке тоненько зазвенел лодочный мотор, и в сверкающей дали обозначилось суденышко.

Плечо задело крапиву. Новая боль обожгла неожиданно и обидно. Он скосил глаза на розовую сыпь и увидел себя со стороны. Увидел и ужаснулся, представив, как появится среди людей, — полуголый, избитый, без документов, с дорогими часами на искалеченной руке.

Секундная стрелка безразлично фиксировала мгновения, маленькая и большая застыли почти на шести... Тетя Катя в это время вставала, часом позже поднимался он с Тошкой. Они пили молоко с хрустящей булкой... Воспоминание было так ярко, что во рту появилась слюна, а в желудке заныло.

Суденышко, а это был красный катер, приближалось. Сидели в нем трое, и Станислав сполз с камня, лег, посматривая сквозь ветки куста. Катер с двумя навесными моторами прошел близко от берега, плеснув длинной шумной волной. Станислав подумал о следах, оставленных им на песке, но те, кто был в катере, их не заметили.

Солнце било в глаза, листва мешала смотреть, но массивная фигура могла принадлежать только Хряку. Тот, кто на переднем сиденье, в черной рубашке, без сомнения, Кривоносый.

Человека за рулем Станислав сначала не узнал, и лишь когда катер пронесся мимо и скрылся за каменной стеной, уходя в неведомую даль, он понял, что сутулая спина, обтянутая тельняшкой, — спина Зятка. Открытие не удивило — Зятек работает в порту. Удивила ирония щедрой на выдумки судьбы.

Звук мотора удалялся. Станислав ждал, откуда снова появится катер, если не причалит к берегу. Развернувшись, снова пройдет мимо него или... Красное суденышко выскочило с противоположной стороны. Значит, это — остров.

Только теперь Станислав вспомнил точку на самом срезе карты. Остров назывался Монастырским. Он был в стороне от туристских маршрутов, исторической ценности не представлял. «Метеоры» и речные «трамвайчики» сюда не заходили, а спускались вниз или поднимались в верховья Большой реки. Это был кусочек уже другой области — крохотное, всеми забытое царство. И если здесь все-таки жили люди, то связь они держали с лесистым берегом.

Катер ушел в направлении города. От сердца отлегло, зато в голове тяжело, как жернова, заворочались мысли, лениво перемалывая один-единственный вопрос: «Что делать дальше?»

Из-за кустов выбралась знакомая собака. Не обращая внимания на человека, она спустилась к воде, полакала и начала

рассматривать что-то на дне. Не увидев того, что ожидала, собака снова поднялась к стене и, пробегая мимо Станислава, оглянулась.

Он встал и пошел за ней. Куда идти, было безразлично. Чувства, эмоции, мысли — все иссякло; казалось, его уже невозможно было ни удивить, ни напугать. Он просто шел за единственным существом, которое оказалось рядом и проявило к нему добрый интерес.

Пролом в стене оказался у самой земли, с подкопом, вырытым лапами. Собака в него просто вбежала, Станиславу пришлось встать на четвереньки. Тело было неуклюжим, распухшим и плохо гнулось.

Большое помещение, в которое вывел подкоп, было загромождено обломками кирпичной кладки и трухлявыми бревнами. Сквозь щели в высоком сводчатом потолке лился полосами солнечный свет, похожий на спящие лучи автомобильных фар... Воспоминание заставило отступить в тень, под защиту стены. Запах пыли, каменной крошки и прелой древесины стал отчетливее, к нему примешивался другой, не противный, но неуместный здесь, на печальных развалинах.

Собака, чем-то пошуршав, опять исчезла. Древнюю тишину нарушали лишь равномерные всплески непривычного звука, словно, сидя на крыше и пытаясь взлететь, огромная птица терпеливо и безуспешно взмахивала крыльями. Станиславу вспомнилось странное ветряное колесо и земная звездочка, спасая ему жизнь...

Неожиданный звук заставил вздрогнуть и обернуться.

Он успел увидеть человекообразное Существо в лохмотьях, метнувшееся по широкому карнизу вдоль стены. Угрожающий хриплый крик слился с ударом — Существо тяжело свалилось на плечи, бухнув коленями в спину, и вцепилось в волосы. Станислав упал.

В первый момент ужас парализовал, сковал движения. Больно не было, но он не мог шевельнуться, даже крикнуть. Лишь когда пальцы-лапы содрали едва зажившую ссадину на голове и на лоб потекла кровь, им овладело бешенство, внезапное, как приступ. Схватив осколок кирпича, подвернувшийся под руку, он не глядя саданул Существо, навалившееся на спину.

Оно закричало и замерло, но занесенная рука Станислава уже нанесла второй удар. Жалобный, плачущий вопль заставил ладонь разжаться. Существо отпрянуло, держась рукой за голову, и, спотыкаясь, охая, побежало к сияющему светом выходу.

Станислав остался лежать в полутьме. Ужас таял, он медленно приходил в себя. Глаза бесцельно шарили по облупленным стенам, в ушах еще стоял крик испуга и боли.

— Да за что же мне такое?.. Неужели я обречен теперь все время куда-то бежать, от кого-то прятаться, с кем-то драться? В чем я провинился? Куда мне деться? Как дальше жить?..

Взгляд метнулся ввысь, но солнце ослепило, и радужные круги в ореоле слез раскрасили кирпичи и пятна сохранившейся на стенах штукатурки. Глаза неосмысленно искали что-то, но видели лишь разводы на белесых островках чудом сохранившейся старины...

Этот кусок стены, лет двести назад затертый прочным раствором, был как все. Но на него падал пучок рассеянного света, и в линиях стершегося рисунка Станислав уловил контуры поникшей худощавой фигуры. Потом едва обозначился большой крест, и стало понятно, что изобразила трепетная рука художника.

Каким он был? Талантливым или посредственным — время стерло. Оно стерло и краски, оставив лишь едва проявленную суть мысли и желания души. Но столько скорби было в каждом штрихе, столько терпения и покорства в распахнутых на перекладине креста руках Иисуса, что в груди у Станислава все вздрогнуло, застыло, замедлив биение сердца. Взгляд, обретая что-то сродни ясновидению, осторожно добавлял полутени, полуцвета, и тело Христа оживало. Особенно руки на плохо оструганном деревянном бруске. Эти толстые ржавые гвозди, проткнувшие ладони таких прекрасных рук...

Станислав почувствовал, как острие гвоздя прокалывает его собственную кожу ладони, входит в мякоть, разрубая сухожилия, разрывая сосуды. Как при каждом ударе дробятся косточки, пока гвоздь не вонзается в обгаренное кровью дерево...

Он помнил похожую боль... И боль Христа, соединившись с его собственной болью, захлестнула, смяла.

— Господи! Да как же Тебе было больно!.. Почему Ты все терпел? Ты — сын Бога... Как же Бог-отец мог допустить такое? Ради чего? Ведь все грешат так же, как и две тысячи лет назад... Где справедливость? — в нем все бунтовало, кипело, требовало ответа.

Он хотел зажмурить глаза, чтобы вырваться из нового плена и бежать куда угодно. Но взгляд приник к стопам, прибитым к основанию креста. Капли крови были как настоящие, а собственная, стекая со лба, окрашивала все вокруг красным цветом.

Мгновение казалось, что все муки и страдания всечеловеческого Сердца влились в его — маленькое и нестойкое. А мозг, став размером с Землю, вот-вот взорвется от бесплодных дум.

Но возникло что-то еще — нетленное, мощное... Станислав не мог дать названия Этому, хотя оно витало вокруг, пропиты-

вая, насыщая, светясь само по себе и грея. Оно давало силы, заряд живой энергии — существующей и неявной...

Только воссоздав мысленно смутный рисунок склоненной головы, увенчанной нимбом, Станислав почувствовал, как жизнь затеплилась в нем, и тело стало оживать. Он медленно приходил в себя, а изображение на стене с той же скоростью исчезало. Последнее, что уже не увидел, но понял Станислав в Святом облике, не было обреченностью. Земные страдания, призыв к терпению, но не обреченность!

Завершающий миг полусна-полуяви подарил ему мысль: «Если нет уже сил — подожди, успокойся, осмотришь. И верь: твое время придет. Не торопи его и не падай духом...»

«Дух, душа, духовность... Кажется, я все знаю в себе, но никогда не искал этого», — смутно пронеслось в голове. И сон сморил, сразил наповал, не дав даже времени выбрать поудобнее место. Он так и уснул, свернувшись на земле калачиком.

Станислав не слышал, как Существо в лохмотьях подошло и долго разглядывало его лицо. Потом вытащило из угла тяжелый деревянный ящик и, кряхтя, понесло его к выходу.

... Лучи сместились — солнце приостановилось в зените, когда слышались голоса, шум шагов и предупреждающий лай.

Станислав проснулся мгновенно. Ему показалось, что не было ни видения, ни сна, — ничего после драки с диким Существом. И вот сейчас, позвав себе подобных, оно нападет снова, защищая свое жилище. Значит, надо смываться, и как можно скорей.

Он выбрался через собачий лаз на крапивный мыс. Спустившись к воде, попил, смыл кровь с лица и поплыл вдоль берега, не испытывая ничего, кроме желания поесть и выспаться. Между кустами, сползшими по крутому склону прямо к воде, шли сплошные заросли ежевики. Крупные дымчато-лиловые ягоды оказались невероятно вкусными. У самого берега было неглубоко, и он рвал ежевику губами, чувствуя, как душистый сок заливают подбородок и шею. Когда песчаная зальсина прочно легла под ноги, Станислав вылез из воды и огляделся.

Сзади сталью сияло море. При взгляде на него начинало тошнить. Впереди довольно крутой склон. По нему взбираются кусты с обломанными ветками. На песок напоздает чахлая трава, чернеет россыпь круглой гальки. Чтобы увидеть то, что наверху, надо подняться на косогор. Однако разглядывать обитаемый, но дикий остров желания не было. Нестерпимо хотелось есть. Сок ежевики разъедал внутренности, а пожар голода не залить водой.

Вспомнив собаку, Станислав постоял сначала по колено,

потом по пояс в воде, опустив напряженные руки и пристально всматриваясь в зеленый полумрак. У самого берега метались стайки мальков, на глубине били хвостами здоровенные рыбины, но ни одна, даже самая глупая, не сочла нужным засвидетельствовать голодному чудаку свое почтение.

Озобные мурашки покрыли тело, и Станислав, выбравшись на песок, начал отогреваться. Сил прыгать и кувыркаться не было. Он просто лежал, глядя на облака, и размышлял о том, что немногим более полугода назад, лишившись шмоток и сомнительных корешей, он не придумал ничего лучшего, чем умереть... И вот теперь, когда все так круто изменилось, когда появился смысл в этой муторной жизни, его удалили, как ноющий зуб. Он выбит из борьбы тогда, когда решается все... Его место там, в столице, а не здесь, за тысячу километров, на диком острове. Без одежды, без друзей — кругом одни враги. Нет документов — значит, безымянная, темная личность, натворившая невесть что, а потому в розыске...

Отчаяние было так внезапно и сильно, что Станислав взмолился:

«Господь, судьба, Ангел-хранитель — кто там есть свыше? Дайте же мне хоть шанс! Не легкой удачи прошу, а труда, борьбы — полной жизни. Чтобы крикнуть: «Я счастлив!», а потом — хоть умереть».

Внезапный стрекот мотора заставил Станислава вздрогнуть и приподнять с песка голову. Взгляд сторожил воду и прозевал момент, когда с неба на него начал пикировать самолет.

Он был белоснежным и в первый момент показался очень большим. Прямые крылья неестественно длинные, фонарь кабины под ними напоминает выпуклый глаз стрекозы, и фюзеляж тонкий, как ее туловище. На крестообразном хвосте голубая цифра «2».

Все это Станислав заметил за те несколько секунд, пока самолет, внезапно оборвав рокот двигателя, несся на него, а потом уходил в высоту, выстилая за собой свистяще-напевный звук, дробя потоком воздуха притихшую у берега воду.

Сделав резкий разворот, самолетик, оказавшийся совсем небольшим, вновь обрел голос и, словно дразня, прошел над водной гладью низко, чаруя загадочной легкостью движений. Он словно родился из облаков, белыми хлопьями неспешно плывущих в синеве неба. Все в нем было сказочно-прекрасно и могло показаться видением, но в открытой всем ветрам кабине сидел вполне реальный человек в обычной рубашке и белой шапочке без козырька. Глаза прикрыты темными очками. За утолщенной спинкой кресла вращался пропеллер, образуя бело-красный круг. От одного конца плоскости крыльев до другого тянулась голубая надпись «Мария».

Откуда эта загадочная «Мария», из какого гнезда вылетела? Ясно, что свито оно не на острове. И на спортивном аэродроме таких самолетов нет. Чего ради прилетел? Кого ищет?..

Мелькнувшая было легкая зависть сменилась тревогой. Лишь заметив, что самолетик ушел не в сторону города, а к лесному берегу, Станислав успокоился и снова лег. Но теперь заснуть не давал желудок. Ему было наплевать, что его хозяин без штанов, а потому не может показаться на люди; что нет денег, а без них ты — попрошайка. И нет объяснения, из какой пены морской возникла сия загадочная фигура. Не с самолета же без парашюта сбросили... Еще эта дурацкая драка непонятно с кем... Но желудок требовал жертвоприношения — куска хлеба и молока, еще лучше — бульона с пельменями или Лизиных щей. Можно и столовского супа...

Домечтать Станислав не успел: что-то рогато-бородатое, пучеглазое заслонило небо. Раздвоенное копыто возникло рядом с рукой. Он вскочил. Его испуганный вскрик слился с громким, многократно повторяемым меканьем, — стадо коз спускалось с холма к водопою.

Черный вожак, довольный тем, что удалось выжить без драки чужака, отщипнул с куста кончик ветки и подошел к воде. За взрослыми козами сбежали на берег козлята. Они бодались бугорками будущих рожек, смешно подскакивали, брыкались. Самые маленькие лезли к матерям, отыскивая набухшие соски, но больше играли с ними, и тяжелые капли молока, падая в воду, туманно растекались.

Станислав сглотнул слюну. Нога сделала шаг к козам. Он готов был лечь и сам захватить губами горячую бархатистость соска, лишь бы почувствовать, как божественный напиток ласкает рот и насыщает желудок. Но рога у коз были длинными, копыта острыми, а вожак, похожий на черта, смотрел так недружелюбно, что Станислав демонстративно зачерпнул пригоршней воду. Тем, что в ней осталось, смочил губы и полез на косогор. Но выставил из-за травы только голову. Открывшаяся картина была неприглядной.

В той стороне, откуда он шел вдоль берега, громоздилась коробка монастыря с куполообразным наростом. Туда привела его кормящая сука, и так яростно выгнало бешеное Существо. Ветряное колесо, похоже, еще со времен Дон Кихота, ночью питает звезду-маячок, а для чего работает днем — понять трудно. Часть монастыря разрушена, словно взорвался фугас. Тени от облаков наползают, исчезают, и кажется, что древнее строение корчится в смертельных муках.

Высокая грустная колокольня, стоящая рядом, цела, но смотреть на нее было тоскливо. Скользнув взглядом по выжженной солнцем плешине без единого деревца, Станислав

перевел глаза на серые избы, притаившиеся за плетнями, на столбы с оборванными проводами.

Домов было больше десятка. Они выстроились по обе стороны широкой улицы, заросшей травой. Улица, плавно вползая на пологий бугор, упиралась в пустоту неба. Кругом не было ни души, но где-то явно что-то происходило, и Станислав замер, прислушиваясь.

Внезапно из-за бугра выкатилось нечто. Рядом с воплями бежала ватага ребятишек. За ними с лаем неслась свора рыжих собак. Такой шум мог разбудить и ленивого, но ни одна живая душа не высунулась из-за плетня. Лишь в крайней избе дверь распахнулась, и на крыльцо вышла седая женщина. Не по-старушечьи бодро она пробежала до калитки и выскочила на улицу. Встала подбоченясь, преградив путь орущей ватаге.

Когда собаки и ребяты, словно разбившись об утес, рассыпались в стороны, а нечто притормозило и свернуло к калитке, Станислав разглядел: в низенькой коляске сидел безногий мужик.

Женщина что-то закричала, то ли плача, то ли смеясь, и ударила мужика по голове чем-то белым. Тот закрылся руками. Пацаны затолкали его в калитку, докатили до крыльца и исчезли в доме. Женщина задержалась на улице. Она обернулась и пристально посмотрела в сторону моря. Станиславу показалось, что она заметила его и сейчас окликнет. Но распахнутая в дом дверь звала, и хозяйка ушла кормить свою ненасытную «саранчу» и безропотного мужа-инвалида.

Снова все вокруг стало пустынно и тихо. Только собаки переругивались у калитки, дожидаясь подачки, да козы мекали, оставляя орешки, которые Станислав вначале принял за черную гальку.

Опасаясь, что собаки учуют его, он поплыл вдоль берега, тихо и надолго ненавидя воду в любом ее количестве. Первый же язычок песка между кустами показался уютным, и, выбравшись на берег, он свалился, решив, что уж на этот раз должен хотя бы выспаться. А когда стемнеет, торкнется к кому-нибудь, минуя хату безногого.

Майка липла к телу. Он стащил ее, замотал голову, чтобы не напекло. Носками завязал часы на руке — так, на всякий случай...

Во сне он куда-то летел, как в детстве, раскинув руки, и видел внизу землю — воду и сушу, соединение бледно-синего и зеленого, обрезанного гранью черного космоса. Здесь он теперь постоянно жил... Чувство полета было необычно, приятно, но недолго. Что-то оборвало сновидение, и Станислав с досадой открыл глаза.

Лицо человека, сидящего рядом, показалось знакомым, хотя

Станислав понимал, что не знает его. Еще он понял, что незнакомец не сидит, а стоит на коленях, и все, что ниже середины икр обеих ног, у него отсутствует. Карие глаза безногого смотрели жестко.

— «Лимонка»? — человек перевел взгляд с лица Станислава на его обнаженную грудь и раскинутые руки.

Станислав ничего не ответил. Он находился еще во власти сна, и Безногий, которого лупит жена, был ему неприятен.

— Чечня? — Безногий не уходил и, чтобы от него отделаться, Станислав отрицательно мотнул головой и стал натягивать майку, намереваясь уйти в поисках другого пристанища.

Незнакомец все понял. Неопределенно хмыкнув, он рывком встал с колен и шагнул назад, как если бы имел обе стопы. У него был жилистый торс, мускулистые плечи и мощные бицепсы рук. На волосатой груди чуть приметно поблескивал крестик.

Человек пошел к воде, упираясь культиями в песок, камушки и острые ракушки. Он словно не замечал боли в наростах багровых мозолей. Шаги его были уверенны, а глубокие вмятины в сыром песке ровны. Без всплеска нырнув, Безногий долго не показывался, а когда на поверхности зачернела его голова, Станислав ахнул: даже его заплыв на глубине из затонувшей «Вишенки» не мог сравниться с этим броском под водой.

Сделав несколько гребков и насытив кислородом легкие, человек снова нырнул, мелькнув обрубками ног. Через долгие две-три минуты показался у берега.

Стоя по пояс в воде, Безногий снимал с себя зеленые плети водорослей и улыбался, поглядывая на Станислава, ожидая, очевидно, слов одобрения. Не дождавшись, спросил дружелюбно:

— Чего в деревню не идешь, от кого хоронишься?

Станислав молчал. Это было как раньше: он не мог заставить себя разжать губы и напрячь разом ставшие дряблыми голосовые связки. Безногий разглядывал его, явно интересуясь синяками и кровоподтеками, особенно свежесодранной ссадиной на голове.

— С красного катера тебя без одежонки, что ли, сбросили? — наконец спросил он сочувственно, но с легкой усмешкой.

При упоминании о катере Станислава передернуло. Безногий это заметил и спрашивать больше не стал. Выбрался на берег, не отжимая плавок, натянул укороченные брюки, брошенные на песок.

— Не остров, а прибежище для чудаков. Кого только нет: и с прибабахом, и с идеями, и глухой, и безногий... Теперь вот немой объявился, — он засмеялся и проворно полез на крутой склон по вырытым ступенькам. Уже стоя наверху, крикнул:

— Надоест дурить — приходи в избу. Через огород тропкой. Да не вздумай чего тащить с грядок, у нас это не положено. Миской ухи обеспечим. — И уже на ходу: — Сейчас мальчика пришлю со штанами.

Станислав обещанию не поверил. В последнее время в его жизни все запрограммировано на наоборот, и стоит ли расслаблять себя надеждами. Но на всякий случай он смыл с тела песок, прополоскал волосы и, не найдя цветов «мыльки», постирал майку просто так. Повесил сушиться на ветки и начал отогревать себя стоя, поворачиваясь к солнцу то спиной, то грудью, когда оно выглядывало в просветах между уплотнившимися облаками.

Мальца со штанами не было довольно долго. Майка успела высохнуть, тело — замерзнуть, а надежда угаснуть, когда чуть не на голову свалился пацан лет семи. Брюки защитного цвета, совсем новые, с тонким голубым кантом по шву легли в дрогнувшие руки Станислава. Пацан ловко выпрыгнул из своих выгоревших штанишек и с разбега плюхнулся в воду, нырнул, как верткая рыбешка.

Брюки оказались впору по длине, но в талии складывались чуть ли не вдвое. Просверлить новую дырку на широком ремне было нечем, пришлось затянуть его до упора и придерживать рукой.

Пацан вылез из воды и уставился в лицо Станислава.

— А у вас и вправду языка нет? — спросил он, не сводя взгляда с его губ. В глазах, похожих на фиалки, мелькнуло сострадание.

Станислав показал ему кончик языка и засмеялся.

— А батя сказал, что немой, — разочарованно вздохнул пацан.

— Веди, — Станислав боялся, что тот начнет изучать его руки.

Безногий не зря предупреждал, что, идя огородом, не стоит застревать возле грядок. Чего на них только не было! Помидоры розовели гроздьями, огурцы заманчиво выглядывали из-под листьев, плети кабачков и тыкв взбирались на стены баньки и сарая. Темно-зеленые пики лука, хохолки петрушки и моркови напоминали декоративную зелень — ботанические познания городского жителя на этом заканчивались. Но и этого было достаточно, чтобы почувствовать себя козой, которую не пускают в огород.

Двор, примыкавший к дому, был закрыт плотным навесом. Земляной пол чисто выметен, а доски настила крепко сбиты. По стенам — загоны для коз, двери в кладовки. Станислав замечал все привычно и цепко, хотя понимал, что опасности нет.

В просторной светлой комнате за длинным деревянным столом, напоминающим Дядечкин «безразмерный», сидела орава ребятишек — шесть пацанов и девчужка лет пяти с такими же, как у мальчика, фиалковыми глазами. Пацаны, как вскоре стало понятно, были соседскими. Только Андрейка, паренек лет двенадцати, — копия Безногого: крупная голова, широкие, по-мальчишески еще хрупкие плечи. Карие глаза смотрят строго, но в уголках губ прячется улыбка.

Хозяин дома сидел во главе стола, вместившего на своей щедрой «ладони» зеленые дары, только что так взволновавшие желудок Станислава. Ребятня споро и дружно черпала из мисок, и Станислав, негромко поздоровавшись, едва дождался, когда Безногий произнесет приглашающие шесть слова. Опустившись на лавку, потянулся за горбушкой ноздреватого домашнего хлеба, захрустел свежим огурцом.

Из-за большой русской печи, где была оборудована кухня, вышла хозяйка. Станислава поразило ее лицо — сочетание больших фиалковых глаз, упругой кожи, какая бывает только у молодых женщин, и абсолютно седых волос, поднятых стожком над аккуратными ушками. Изыщные, но огрубевшие руки поставили перед Станиславом миску с ухой и большим куском судака. Аромат шел такой, что глаза Станислава зажмурились, а ноздри расширились. Подобное наслаждение он испытал только однажды, когда вместе с отцом варил рыбу в котелке, а вверху шумели сосны и закат золотил стволы.

Станислав открыл глаза и встретился с ее лучистым взглядом.

— Кушайте на здоровье, — мягко сказала женщина и ушла за печь.

Лишь одолев уху и принявшись за рыбу, Станислав сумел окинуть горницу беглым взглядом. Его удивила люстра, бесцельно висящая на потолке. На окнах, не застилая свет, красовались занавески — подсолнухи и петухи цвели и горланили, вызывая улыбку. На длинной стене были прибиты полки. Верхнюю занимала посуда — чайный и обеденный сервизы, вереница рюмочек. На средней полке теснились книги и журналы. Сиротливо темнел экран телевизора. Нижнюю полку атаковали игрушки. С одной стороны чинно сидели зверюшки и куклы, ближе к двери стояли самолетики и целый арсенал оружия.

В простенке между окнами висела картина, написанная акварелью: кряжистый дуб и белоствольная березка. Но в размытых линиях рисунка, в переплетении теней и веток угадывались два лица...

Станислав не успел додумать какую-то очень важную мысль, ему помешали. Он посмотрел на пацанов и понял, что они

следят за его руками, — как они держат ложку, отламывают хлеб. Во взглядах нет ни любопытства, ни жалости. Наверное, так же они смотрят, как ходит Безногий, хотя давно привыкли к нему. В детстве, увидев слепого с палочкой, он тоже пытался делать все завязав глаза, пока не уронил вазу и не набил себе шишку на лбу.

Потом он ел пшеничную кашу, запивая ежевичным киселем. Наконец хозяйка унесла миски, ребятня убрала остатки зелени. Безногий положил руки на стол и сказал как о само собой разумеющемся:

— Вот теперь можно и познакомиться. Я — Петр Петрович Вдовин, можно просто Петрович. Мою супругу величают...

— Машенька! — радостно сообщила девочка. — Она мне, Андрейке и Павлику мама, а для других — тетя Машенька. Меня Анютой зовут. Цветы такие — анютины глазки есть, мы их в лесу собираем.

— Нельзя перебивать старших, — нахмурился отец и перевел взгляд на Станислава. И все выжидательно посмотрели на него.

— Меня зовут... Сергеем, — соврал Станислав и почувствовал, что краснеет. Он сам не понял, как вырвалось у него имя отца. Инстинкт самосохранения сработал новым, неожиданным образом.

— Вот и лады... В гостях можно и без фамилии, если заглянули мимоходом. Ну а ежели надолго, тогда все честь по чести: год рождения, место проживания. Кто родители или жена? — в голосе Петровича пробивались ироничные нотки, но он не шутил.

— Оставь парня в покое. Разве не видишь, чуть живой сидит? Как лодку у вас увели да сети сняли, с ума походили от подозрений.

— И то правда... Тут не то что с ума — законченным психом станешь, — вздохнул Петрович.

— Весной у Митяя фляги украли, пока лодку на том берегу дожидался, — сообщил Павлик-малец, что принес Станиславу брюки.

— Не дожди-дал-ся, а спал, — с укоризной поправила брата Анюта.

— Много ты знаешь! — вскочил с лавки пацаненок, чем-то похожий на Сынка: такой же лопоухий и щуплый. — Мы с дядькой Тихомиром только чуток прилегли, а фляги меж нами стояли... Тут трое на машине и — фы-р-р по дороге. Я бежать, да куда там...

— А канистру с бензином прямо из мастерской уволокли, пока мы с батей с мотором возились... — Андрейка кинул взгляд на отца.

— Дед Никиша с медным колоколом в обнимку спит, —

подала из кухни голос тетя Машенька. — Коли не повесите — уволокут обоих.

За окном бесшумно полыхнула зарница. В горнице стало сумрачно.

— Гроза идет, — сказал Петрович. — Через час здесь будет. Ты, Машенька, распорядилась бы... — он посмотрел на жену строго. Ее фиалковые глаза поймали его взгляд, и Станиславу показалось, что в горнице тоже полыхнуло. Неприязню или любовью, он не понял.

Его разморило, безумно хотелось спать. В полудреме, привалившись к печке, он слышал, как распорядилась мама Машенька, отправляя старшего сына к колонке за водой. Анюте и Павлику было поручено вымыть посуду. Ушастого Митяя хозяйка наставляла, как не уронить кастрюльку с ухой для деда Никиши, что сторожит медный колокол. Братьев-близняшек, похожих так, что казалось, двоится в глазах, торопила помочь бабе Зине загнать строптивного Чертяку. А тихого Юрочку послала на улицу накормить собак.

Возле калитки, ведущей на крытый двор, уже мекали козы, и Петрович, постукивая протезами, заковылял в сени.

— Вот и спешки не было бы, появишься вы к обеду вовремя, — бросила вслед ему жена. И уже Станиславу: — А вы ложитесь на сеновале. Там сухо и дух степной. Если на двор захотите, так возле сарайчика пристрой есть. Все по-городскому — чисто...

Смысл сказанного был так прозаичен по сравнению с тем блаженным состоянием, в котором нежился Станислав, что глаза открылись сами собой. Было почти темно, хотя до заката оставалось часа два. Но что-то грозное, насыщенное бедой двигалось со стороны города. Небо за стеклами плотно закрытых окон казалось грязно-коричневым, как ржавое железо. Гроыхало уже по всему пространству над свинцовой водой с пенными гребешками хлестких волн.

Станислав представил себя в бурлящем море или на берегу, в затопленных кустах и, вздрогнув, поежился.

— В сене тепло будет, и одеяло там есть, — сказала тетя Машенька и, заметив, как он, вставая, подтягивает брюки, печально усмехнулась: — Так и знала, что утонете в них.

— Ничего, дырку новую сделаем, — Петрович ввалился в горницу. — Давай-ка, Сережа, сюда ремень...

— Не надо, Петенька, — умоляюще сказала тетя Машенька. — Я, как рассветет, другие брюки на него сошью.

— Вот когда сошьешь — тогда и переоденет. А пока... — Петрович достал шило. Было в неспешном диалоге мужа и жены что-то недоговоренное, какое-то глубинное, не понятное постороннему течение.

— Лучше я здесь оставлю, а то извожу, — Станислав, сняв брюки в сенах, положил их на лавку и поплелся к лестнице, ведущей на чердак. Закутавшись в одеяло, он с наслаждением плюхнулся в сухую траву. Пахнуло солнечным лугом и безоблачным небом, хотя, как пахнет небо, он еще не знал.

Гулко ударили первые капли дождя. И зацокало, забарабанило, словно сотни резвых козлят стали отбивать на листах железа чечетку. Но Станислав уже спал и не слышал, как Андрейка втаскивал на кухню флягу с питьевой водой, чтобы матери не бегать спозаранок на крыльцо с чайником. Его не разбудил стрекот швейной машинки и громкое ворчание Петровича. Тот сердился, что жена не идет спать и при свете керосиновой лампы мудрит, хотя все очевидно и просто: зачем брюки, если китель без дела висит?

Проснулся Станислав, когда дождь утих. В чердачном оконце занимался бесцветный рассвет. По нему было видно, какой серый наступает день, но на душе было спокойно. Как будто он долго плутал, попадая в ловушки, потом бесцельно бежал и вот остановился. Умом понимал, что все наоборот. Так непонятно и непредсказуемо, как сейчас, не было даже после выхода из больницы.

Надо переправиться на лесной берег, добраться до железнодорожной станции, потом — до Москвы. Без документов, в чужих брюках, босиком и без денег. Не просить же у Безногого взаймы...

Бум-бум-бум — как колокол, отбивали удары запоздалые капли дождя. «Спи-спи-спи» — бубнило подсознание, и Станислав уснул. А когда снова открыл глаза, был уже день. Где-то рядом слышались голоса, но говорили не на улице, а в доме. Станислав раздвинул сено и прижался ухом к потолочным доскам.

Предчувствие не обмануло — в горнице говорили о нем.

— ... Что не с того катера — это точно. Как подошли втроем, так и умотали. Думаю, с порта они. Я этот «огнетушитель» ни разу тут не видел. И не браконьеры это — слишком приметные, — голос сиплый, какой бывает у рыбаков, полжизни проводящих на воде.

— Били парня всерьез. И что плыл долго — это точно. Но не из города. Такое и мне не под силу, — Петрович помолчал. Добавил с сомнением: — Только как у маяка очутился? Если от леса плыл, на кой шут надо было огибать остров? Вылез бы на «языке».

— Из леса он. От тех охотничков, что на уток заявляются, а умотать норовят с лосятиной. Мне егерь намедни про сохатого сказывал... — тонкий старческий голосок только набрал

силу для длинного повествования, но его перебил начальственный баритон:

— Парень-то ведь не лось, дед Аким... Сдается мне, что из санатория он. В этот теперешний «Лесной уголок» какой только сброд не наехал. Кто при деньгах — таких в старину скоробогатыми называли, а кто при них самих — холопами или охраной.

— Счас «новыми русскими» кличут, — прозвучал хлипкий тенорок. — Только не русские они. Без рода и племени — нелюдь. Собаки санаторские их облаяли, так постреляли всех. С кем теперь нашей Рыжуле гулять? Таким подлюкам и чело- века зашибить — что плюнуть.

— Тогда непонятно, чего катер из города здесь виражи закладывал? — в голосе Петровича сомнение. — Будешь в лесничестве, Лагин, расспроси. Не нравится мне все, что происходит.

— Рад бы хоть сегодня... — откликнулся баритон и послышался хруст огурца на крепких зубах. — Да через протоку, пока непогода, не перебраться — сам знаешь... Дед Никиша, чего тебе насчет ненастья старые кости нашептывают?

— Ась? Гости, говоришь?.. Я с перепугу парня этого чуть не удушил. Думал, на гвозди он позарился, что я в молельне припрятал, — старческое бормотание показалось Станиславу знакомым.

— Так вот куда они, гвоздочки-то, подевались! — раскати- сто засмеялся Лагин. — Ты ж у нас, дед, по камню мастер, свою «Богородицу» и латай. А уж я, коли по столярной части...

— Ты ж сам на досках ящик бросил — тащи, кому не лень. Сейчас бы под дождем ржавели. А за гвоздочки денежки общие плачены...

— Хватит споров, — повысил голос Петрович. — Надо решить, что с парнем делать: в санаторий или к охотникам отправлять?

— Или на станцию — в милицию сдать. Может, убил кого? — добавил писклявый голосок деда Акима.

— Не ошибиться бы... — с сомнением проговорил Лагин.

Какое-то время стояла тишина. Лишь звякало стекло — мужики разливали по стаканам водку.

— Мне кажется, пусть Сергей здесь побудет. Вид у него интеллигентный, на студента похож, — сказал Петрович, прожеывая что-то. — Где калеченный — определить не берусь, но, похоже, жизнь у парня несладкая... Передохнет, отъестся, а то доходяга.

— И сопрет чего-нибудь, ежкин корень... Вот хоть твою тархтелку. Забыл, как без канистров да бензина оставили?

Тоже «интеллигентные» за рыбкой приезжали, — съехидничал дед Аким.

— Решили же избы запирать, — вплелся новый неприятный голос. — Особливо теперь, как чужак затесался. Хотя всего не запрешь...

Дальше слушать Станислав не мог. Он зло ткнул кулаком в сено, ругнул себя за то, что оставил брюки в комнате: не появляться же в компании мужиков в плавках и майке — засмеют.

Заглянув в лаз и убедившись, что в сенях никого нет, Станислав слез и, зябко ежась, вышел во двор. Старательно выведенные на неприметной двери буквы «М» и «Ж» рассмешили, сняв раздражение. Но возвращаться на сеновал не хотелось, и он шагнул в огород.

Дождь еще моросил. Грудастые тучи низко висели над водой, еще бурлящей и несговорчивой. Ветер дул несильный, казалось, что море баламутит кто-то изнутри. Плотная дымка скрывала город, и там, за горизонтом, словно ничего не было — пустота.

Припомнились слова, сказанные им не так давно Панину: «Я никогда не буду нищим или бомжем». Теперь стал тем и другим.

— Ой, Сережа! Хорошо, что вы здесь... — седая Машенька шла со стороны бани. На ней поверх платья был накинут плащ из полиэтиленовой пленки. Он делал ее похожей на покрытый льдинкой цветок подснежник, который мог вырасти только на этом острове посреди моря, на перекрестке всех ветров. Седые волосы напоминали серебристые ворсинки, за густыми ресницами прятались фиолетовые лепестки — глаза. Она казалась нежно-весенней, но в снегу...

«Какой недобрый жизненный вихрь занес тебя в это козье царство? Как живется среди развалин и мужиков, с Безногим?..» — у Станислава защемило в груди, и он поздоровался смущенно.

— Я вам джинсы пошила, сейчас вынесу, — Машенька подошла к захлебнувшейся дождевой водой бочке и обмыла луковицы с перышками сочной зелени. Сполоснула руки и короткие резиновые сапожки, скинула на лавку под навесом прозрачный плащ и заспешила в дом.

Станислав остался один, болезненно чувствуя оголенность своих ног и рук, словно оголенность души, а не тела. Он подошел к бочке и заглянул в черное зеркало воды. Увидел свое лицо, и вспомнился сон: он шел с Верочкой, держа ее за руку, между подвижных стен из страха и ужасов. Все было неконкретно, словно ставшие материализованными ощущения. Они бежали впереди и по пятам, караулили за ускользающи-

ми углами чего-то бесформенного, что все принимают за судьбу. Милое лицо Верочки он видел сначала отчетливо, потом оно стало удаляться. Станислав бежал, стараясь не разжать свою руку, оплетенную ее пальцами. Но лицо исчезало.

— Мужчины вас ждут. Они хоть с чудинкой, но не злые. Не таитесь в себе, — хозяйка положила на лавку серые штаны и рубашку.

Станислав отошел в сторону и начал торопливо одеваться. На джинсы штаны были похожи, как коза на коня. Но в них было удобно и тепло. Рубашка оказалась великовата, но, заправленная под брюки и с закатанными рукавами, выглядела сносно.

Машенька осмотрела его придирчиво. На лице появилась довольная улыбка, и Станислав, увидев себя ее глазами, успокоился. Взял маленькую грубоватую руку и благодарно коснулся губами. Она вздрогнула, смутившись. Сказала с шуточной торжественностью:

— Иди, славный рыцарь. Тебя ждут дела, и пусть они станут подвигами, — она сама открыла дверь в комнату, словно опасалась, что у ее подопечного не хватит решимости переступить порог.

В комнате было дымно и прохладно. В открытое окно задувал ветер. Мужики курили самосад, сворачивая сигарки из старых газет. На столе лежала сушеная рыбешка, ломти хлеба и груды зелени.

У Станислава запершило в горле, но он перетерпел, не закашлялся. Поздоровавшись, остался стоять в дверях. Лучше бы не знать того, что о нем говорили... Но, прежде чем выслушать приговор очередных самозванных судей, надо самому и сразу решить свою судьбу.

Мужики, кивнув в ответ, молча разглядывали его. Седобородого деда Никишу Станислав узнал сразу: это было существо, напавшее на него в монастыре, только лохмотья чуть поновее. Свежая ссадина алела на щеке, и Станислав подумал, что старик начнет жаловаться. Но тот дружелюбно посмотрел на него родниковыми глазами.

Петрович налил из трехлитровой банки коричневого цвета жидкость. Пахнуло травами, и полный стакан вместе с малосольным огурцом переключал на пустое место за столом. Станислав сел на лавку. Полагалось, очевидно, осушить чарку до дна, как принято делать всем добрым молодцам на Руси. Но он отхлебнул глоток и отодвинул стакан: хоть и не положено в чужой монастырь лезть со своим уставом, но у него есть собственные принципы, и ради того, чтобы понравиться случайным людям, нарушать их он не станет. Мужчины это поняли и, судя по тому, что никто не стал принуждать, с его решением согласились.

Самогон был настоян на травах умельцем: кипящая лава, не обжигая рот и горло, разлилась по телу бархатным теплом. Захотелось сделать еще глоток, но за каждым его движением следило семь пар изучающих глаз. Стараясь не обращать внимания на выражение лица каждого, Станислав сказал спокойно, с легкой иронией:

— Я не бандит, даже не вор. Ни к охотникам, ни к санаторским «новым» отношения не имею. Милиция за мной не гонится. Я — сам по себе. Будем считать, что по собственной дурусти устроил марафонский заплыв, а на возврат кишка тонка оказалась...

— Значит, все ж тебя красный катер искал... — рыбацкий голос принадлежал мужику средних лет, мордастому и загорелому.

— Меня не меня, какая разница? Ведь не нашли... — усмехнулся Станислав. — Так что мне теперь самому домой добираться.

— Цирк, значит, игралки со скуки... Ну а кабы остров без людей оказался, али не нашлось тебе одежонки да пожрать?.. Я б, к примеру, не дал, — бороденка деда Акима выставилась вперед.

— Вот, швейцарские, — Станислав сдернул с руки носок и высвободил кисть из металлического браслета. — Противоударные, водонепроницаемые, циферблат в темноте светится... В долларах за две сотни потянет. А я в наших рублях за две тысячи отдам. Мне бы только за одежду и ночлег расплатиться, да на станцию попасть. Оттуда — в Москву, хоть в общем вагоне...

По тому, какая тяжелая, будто пласт воды, наступила тишина, а лицо Петровича побагровело и сжалась в кулак лежащая на столе ладонь, Станислав понял: он ляпнул то, чего здесь не прощают. Сейчас его выкинут в окно и ни в один дом больше не пустят.

— Ты, господин незванный, свои барские побрякушки не суй, — с тихой яростью проговорил Петрович. — Привык там у себя все на рубли да на доллары поганые... — он выругался. В кухне за печкой тихо ахнула Машенька.

— Не гоношись, Петрович, — примиряюще сказал, судя по голосу, Лагин. Он был одет в костюм и даже при галстукке. — Надо парню разъяснить, что ни у кого из нас таких денег нет. А если б и были, то для хозяйской надобности... У Петровича и хозяйки надо тебе, пацан, прощение за обиду просить... — он помолчал, ожидая, что парень начнет оправдываться. Но Станислава словно заклинило.

— На ту сторону, как в протоке поутихнет, мы тебя переправим. До санатория сам дойдешь. Там на твои «швейцарки»

покупатель сыщется. Оттуда машины до станции бегают. Так, что ли, мужики? — не посмотрев в сторону Станислава, Лагин обвел взглядом хмурые лица.

В кухне загремело ведро, потом упала крышка, и в комнату вошла хозяйка, неся большую деревянную миску, доверху наполненную молодой картошкой. Тонкая кожара полопалась, обнажив исходящую паром мякоть. Укропный запах поплыл над столом, и хмурые лица посветлели. Мужчины потянулись за картошкой, не чувствуя огрубевшими пальцами, как она жжет. Станислав проглотил слюну.

— Тебе особое приглашение нужно? — по лицу Петровича еще ходили пятна. Станислав послушно протянул руку. Заметил, как взгляды всех остановились на культиках, но ему на все было уже наплевать. Незакаленную кожу жгло, но он благополучно донес картошку до рта, захрумкал огурцом, потянулся за луком, сосредоточиваясь на еде. Еще неизвестно, придется ли обедать, тем более — ужинать. В конце концов, что ему до них, а им — до него? Это всего лишь эпизод в жизни. Два абсолютно разных мира случайно пересеклись, и чем быстрее кончится время их пересечения, тем будет лучше для всех.

Мужчины говорили о своих делах. Судя по деталям, мелькавшим в неспешной беседе, Станислав понял, что они артелью ловят рыбу, коптят ее и продают в санаторий, в лесничество или на станцию — в буфет. После того как лихие сборщики металлолома унесли фляги и возить козье молоко в «Лесной уголок» стало не в чем, перешли на производство сыра по рецепту главной козлятницы бабы Зины.

Томясь и наслаждаясь вынужденным бездельем, мужчины вели беседу неторопливо, в меру тянули настоящий на травах первачок, не хмелели. Только дед Никиша закимарил, привалившись к печке. С закрытыми глазами и старчески сморщенными губами, он напоминал древнего ворона. А все сидящие — то заехавшую в корчму стражу из захолустного княжества, то общественных деятелей маленькой нищей страны, у которой масса проблем и мизер возможностей.

В лесхозе старшим стал деляга: даже весной дает птицу и зверя бить, лишь бы платили. Сопляки на моторках повадились шастать. Что глянется — тащат. «Лесная здравница», став «Лесным уголком», на импортные продукты перешла, у островитян мало покупает...

— Бугай с иномарки вздумал верхом на Звездочке прокатиться, так едва не загнал. Дед Иван чуть выходил старушку, — сокрушался сухолядый Тихомир с такими же, как у Митяя, оттопыренными ушами.

— Сети днем и ночью сторожить придется, — сокрушался Трофим.

«И сюда крутые добрались... — с тоской думал Станислав. — Еще данью обложат: рыбой или деньгами. Рэкет — дело прибыльное». Хотелось предупредить, дать совет. Хотя какой совет, если сам бежишь, как заяц... А им куда бежать?

В душе нарастал страх обреченности, уже не своей, а общей. Кипит страна, как большой котел, и всплывает со дна его мразь... Но как и чем снять грязную пену, куда ее выбросить, пока не скисло, не забродило в «котле» все варево?

Мужикам взгрустнулось. Курить стали меньше, к самогону не притрагивались, только Тихомир подливал себе. Темы для разговоров иссякли, но люди не расходились — тянулась душа к душе...

Лагин запел негромко красивым баритоном. Ему умело подпевали. Песня была про Байкал и бродягу, она подходила к настроению всех, особенно Станислава. Он незаметно встал и вышел в сени. Следом поспешила Машенька. Они сели на скамейку под навесом.

Листья растений, отлакированные дождем, блестели. В море над мелкими гребнями стекленеющих волн с криком носились чайки.

— Зря вы перед ними замкнулись, — с укором сказала Машенька.

— Если все рассказывать — долго, а коротко — не поймут. Но в главном не соврал: я не совершил ничего плохого.

— Откровенничать при всех, конечно, трудно. Я мужа предупреждала. Но мы здесь привыкли все решать сообща. Секретов не удержишь, так и живем — нараспашку...

— А ребятишки где? — Станислав поджал под лавку озябшие босые ноги. Она заметила движение, сочувственно покачала головой:

— Обувка Андрейки вам не полезет, а у мужа... Поспрашиваю, что-нибудь найдем, — она сделала вид, что не заметила протестующего жеста Станислава. — А пацанята мои со всеми у бабы Зины. Она их учит прясть козий пух. Без теплых самовязок зимой не обойтись. Она и на продажу кое-что делает, дед Аким в санаторий возит. Лагин — столярничает, деревянную посуду с резьбой мастерит. Дед Василий — из бересты туесочки да хлебницы. У Тихомира корзины из ивняка получают. А женщины — кто кружево плетет, кто вышивает. Только занятия эти для зимы. Летом с огородом еле управляемся, — седая женщина смотрела в сторону города. В хорошую погоду его, наверное, отлично видно. А по вечерам — зарево огней.

— Как вы живете здесь? — вырвалось у Станислава. — Электричества нет, работа грубая. А люди... — он вовремя замолчал.

— Была у нас линия от санатория. Лет пять назад в бурю повалило несколько столбов на лесной дороге. Не успели поднять, провода исчезли, — мародеры оказались расторопнее. Теперь самим не восстановит, да и не подключат снова... Муж с ветряком экспериментирует, да что-то пока не получается. А раньше хорошо было: насосом воду для полива качали. Электропила мужикам сейчас во сне снится. Но уже привыкли, приладились. Человек, если не ленивый, к чему угодно приспособиться может.

— А телевизор, радио? Еду готовите на чем? В холода каждый день печку топить надо. И такая, наверное, тоска зимой... — Станислав замолчал, заметив улыбку и снисходительный взгляд фиалковых глаз.

— Транзистора на батарейках вполне хватает. В кухне у всех плиты с газовыми баллонами. Без холодильника плохо, но ледник выручает. А что касается зимы... — она засмеялась. — Вы не представляете себе, какая при солнце да в мороз красота до горизонта, словно в снежной сказке. Ребятня на лыжах и коньках. Муж аэросани смастерил, на них в город ездим. Андрейка и дружок его там в школе учатся, у моих родителей живут. Но все каникулы здесь. Муж и Лагин младшеньких по школьной программе обучают. Я с обедом да козами управляюсь — читаю или шью... Как стемнеет — шатер звездный над серебром снегов. От восторга душа обмирает... Бывает, пурга на несколько дней заметет, а в избе тепло, уютно. Даже волчий вой не страшен, потому что сильный, дорогой человек рядом и всегда защитит. Так хорошо, такое счастье... спокойное. Павлик и Анята здесь родились. Андрейка — с «большой земли».

— Так вы здесь лет десять прожили? — недоверчиво посмотрел на нее Станислав. — Какой же вихрь житейский вас сюда забросил?

Машенька взглянула на него загадочно и печально. Мужчины еще пели. Мягкий баритон Лагина вел мелодию старинного романса, название которого Станислав не знал, и слова разобрать было трудно, но тайный смысл его был понятен — все говорило о любви.

— Я еще в институте училась, когда мы поженились, — Машенька прислонилась к дощатой стене и прикрыла глаза. — Диплом защитила и собралась к нему в часть ехать, но тут посылают его в Афганистан... Я у родителей осталась. На Овражной улице жили.

— Летчиком был? — Станислав вспомнил брюки с голубым кантом.

— Вертолетчиком и, как говорили товарищи и отмечало командование, — классным, — голос Машеньки дрогнул.

Что-то забрезжило в памяти Станислава, складываясь в догадку, но она была слишком невероятной. А женщина продолжала:

— Петенька приезжал на побывку. Все успокаивал, что у него надежный Ангел-хранитель есть — это я. Потом Андрейка родился, и муж должен был совсем вернуться. И вдруг, почти в последний день... Когда он в госпиталь попал, я к нему с Андрейкой поехала. Комнату снимала, лишь бы поближе быть и каждый день навещать. А дом родителей в это время под снос. Им в Новом городе однокомнатную квартиру дали, потому что я была у мужа в летном городке прописана. Но не жила там, и в пустую квартиру другую семью поселили. А тут — вывод войск из Афганистана. На вернувшихся чуть ли не как на поработителей чужой свободы смотрели. В правительстве, в стране — чехарда... Так и повисли мы втроем между небом и землей. В военкомате обещали, да не бесплатно уже... На мужа страшно было смотреть — так издергался... Предложили ему в лесном санатории подлечиться. Там нам комнату дали, я в столовой работать устроилась — не пригодился диплом инженера, — Машенька протянула руку, сорвала несколько стручков гороха, завившегося по столбику под навес. Ссыпала Станиславу в ладонь сладкие шарики. Он ел их, выжидательно поглядывая на хозяйку.

— В санатории мы больше года жили. Сначала неплохо. Но тяжело все время на людях — суетно, шумно. Муж тосковал в лесу. Привык к просторам, все мечтал, чтобы с порога дома горизонт видеть. Попивать начал — погибал без дела любимого, а сочувственные взгляды его бесили... Однажды с возницей, на телеге, что козье молоко и рыбу привозила, поехали водохранилище посмотреть, а Петеньке поплавать хотелось, хоть в воде себя свободно почувствовать. И как увидели мы с лесного берега этот островок, эти избы, монастырь... Вы не представляете, Сергей, как изумительно смотрится наш Козлиный издали, особенно на закате! Хотя в тот день, когда муж переплыл протоку и к домам на коленях пополз, мне не до красот было... Вскоре лодка с бидонами пришла. Дед Аким, он тогда помоложе был и не таким вредным, отправил молоко с возницей, а меня с Андрейкой на остров перевез. Потом Лагин и Трофим посадили Петровича на тележку и стали показывать избы — те, что пустыми стояли. Мы поближе к воде выбрали. Денег с нас не взяли — дом ничейный. И когда перестраивали его, даже с материалами помогли. Мой стругать и пилить научился, а что касается железок и моторов — главный специалист. Видели бы вы, каким доходягой он на эту землю ступил, — а какой сейчас! И мечту свою...

Машенька замолчала, услышав тяжелые шаги по настилу.

Петрович вышел со двора в огород, остановился рядом с навесом. На ногах его были протезы.

— Часа на два в мастерскую наведаюсь. Дело срочное есть.

— Значит, до вечера... — безнадежно махнула рукой жена, но губы ее улыбались. — Ты хоть высокую коляску возьми, а то грязь.

— Я с мужиками. Не беспокойся. Дотемна управимся...

«Надо все рассказать. Сейчас, немедленно, — понимая, что разрушить быстрее, чем построить, подумал Станислав, отогретый душевной близостью. — Надо только найти какие-то промежуточные слова — как шлюзовую камеру, которая уравнивает настрой обоих...»

— Может, и мне дело найдется? — подчиняясь внезапному порыву, сказал Станислав. Петрович смерил его безразличным взглядом.

— Гостей нагружать работой не положено, — голос был совсем не такой, какой прозвучал на берегу при первой встрече.

«Так и расстанемся чужими... — с тоской подумал Станислав. — А впрочем, к чему им мои проблемы? Свили гнездо, спрятали головы под крылья... А ветка хрупкая и ненадежно дерево...»

Петрович, перебросившись с женой парой несущественных фраз, развернулся, словно тяжелый дредноут, и зашагал вразвалку по настилу, как по качающейся палубе.

«Сколько раз он падал и расшибался, сколько боли копил в кульнях своих, пока научился вот так на протезах ходить», — думал Станислав, в одиночестве сидя под навесом. Хозяйка ушла в дом убрать со стола. Он подождал ее немного и поплелся к морю.

Волны стали мельче, ровнее и уже не с таким остервенением били о каменные выступы берега. Песчаный пляжик был полностью затоплен водой, спускаться вниз не имело смысла, и Станислав побрел по кромке берега, вдоль огородов, обнесенных плетнями. На грядках что-то зеленело, но не так пышно, как у тети Машеньки.

Два дома были заколочены, по заросшим задворкам бродили козы.

— Привет, — сказал Станислав, увидев Чертяку. Тот коротко мекнул: то ли ответил на приветствие, то ли ругнулся, но рога на него не нацелил, и настроение Станислава чуть-чуть улучшилось.

Вскоре он вышел на длинную, похожую на широкий язык отмель. Она была гладкой и плотной, наполовину заросшей жесткой ползучей травой. Несколько деревянных и дюралевых лодок стояло ближе к воде. По другую сторону бурлящей

протоки виднелся густой лес. На песчаном мысу празднично светились сосны.

Станислав присел на ошкуренное водой и выбеленное солнцем бревно. Оно долго плыло по течению, тыкаясь в берега и застревая на случайных отмелях, пока не было выброшено бурей или весенним половодьем на остров. Теперь его навечно засосал песок, и, судя по черному пятну рядом, здесь часто жгут костер.

«Что-то случилось со временем, — вяло думал Станислав. — Еще вчера оно бешено мчалось и вдруг словно споткнулось, замерло, то ли испытывая мое терпение, то ли давая передохнуть, предупреждая о неизбежной опасности...»

Невдалеке видна покрытая тиной заводь. Чахлые заросли притопленного ивняка ловят разный мусор: пластмассовые бутылки, пакеты, тряпье. Редкие теплоходы, самоходные баржи и «Метеоры» не забывают напоминать о себе отходами цивилизации. Станислав брезгливо отвернулся. А жаль, не мешало бы присмотреться...

Сидя спиной к домам, он слышал, как с визгом наперегонки разбегалась по домам от бабы Зины ребятня. Из длинного сарая, стоящего чуть в стороне от домов, слышался визг пилы и перебранка молотков — били по железу.

Потом примчались несколько псов. Обнюхали чужого, незлобно облаяли и понеслись искать ребят. Знакомой Рыжули среди них не было, и Станислав вспомнил о Тошке.

«Жив ли бродяга, вернулся ли к тете Кате или все еще бегаёт по набережной, пытаюсь отыскать знакомые следы?.. А Сынок-то как проявился! На большой риск шел. Хорошо, что ключ у него остался, — не подкопаются... Официальная версия: «Хулиган на угнанной машине... Найти труп не удалось». Поверил ли Бугор в мою гибель? Доволен «могильным» кладом?.. Что у Николая Лукича в Москве? Сегодня я должен был приехать. А вдруг не выберусь и завтра? Хоть вплавь, но должен уйти... Что если о происшествии в порту стало известно газетчикам?..» — десяток вопросов и один ответ: он вынужден сидеть пень пнем и не может сдвинуться с места.

Послышались мужские голоса, заскрипела коляска Петровича. Он добродушно ругнул себя за то, что забыл смазать колеса. Станислав сидел не оглядываясь, и никто к нему не подошел.

С моря подул ветер. Босые ноги закоченели, и Станислав съежился, нахохлился, как одинокий воробей на ветке. Он уже смирился с мыслью, что заночует здесь, в одной из лодок. Но, когда стало темнеть, прибежал Павлик — мама Машенька звала ужинать.

В кухоньке за печкой горела в полфитиля лампа. В боль-

шой комнате на сдвинутых лавках лежали два матраца, в полумраке белели подушки и простыни. На одной постели уже спал Андрейка. Павлик, скинув одежонку, повалился на другую и затих.

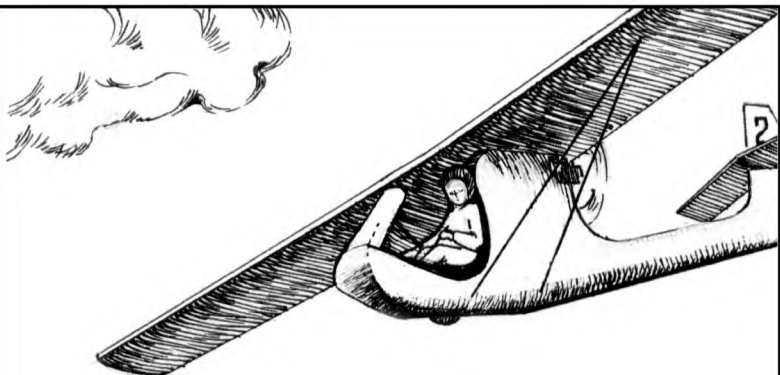
— Не любят в своей комнате спать — тесно. Простор им нужен — оба в отца. Анята — в меня: все уголки поуютнее ищет, под чье бы крылышко забраться, — приглушая голос, сказала мама Машенька.

Она усадила Станислава за самодельный столик. На пестрой клеенке знакомо застыл круг света, и Станиславу вспомнилась уже несуществующая «берлога», щедрое сияние старой лампы на большом дубовом столе. Братуха сидит на кровати, Зятек дрыхнет за его спиной. Сынок — на лавочке у печки, а он сам — в кресле с кочергой перед открытой топкой... Так они сидели, когда наведалься тезка с предложением прыгнуть с парашютом. Месяцев восемь прошло, а кажется, было невероятно давно и в параллельном мире.

Пока Станислав в грустных размышлениях, однако с аппетитом поедал яичницу, Машенька принесла старые, но крепкие кеды.

— К бабе Зине родственник приезжал. Оставил за ненадобностью. Вот и пригодились, — она довольно улыбалась.

Кеды оказались впору. Старательно вымыв ноги и натянув собственные носки, Станислав с наслаждением обулся. На сеновал залез в кедах, в них и уснул, прикрывшись одеялом.

Часть пятая

ВЫСОТА

Верочка

Разбудила Станислава заря. Очищенное от облаков небо бодро сияло над умытой, напитавшейся влагой землей, готовой к прежним делам и новым свершениям. Что-то подобное испытывал и Станислав.

Пренебрегая лестницей, он спрыгнул с сеновала и побежал к морю. Сбросив одежду, нырнул в пласт воды — это было не то что дряблые струйки из душа. Торопливо одевшись и едва касаясь скользких земляных ступенек, взлетел на откос, легкой трусцой пробежал через огород и застрял во дворе, увидев хозяйку. Она возилась в сарае с козами; звонок дзинькала о посуду сильная струя молока.

Заметив Станислава, Машенька вышла с большой кружкой. Молоко дышало живым теплом, было густым, немного странным и необычайно вкусным. Он вспомнил, как завидовал козлятам, и улыбнулся.

Завтракать было уже некогда. Мама Машенька вручила сверток с едой и вышла на крыльцо, провожая.

— Храни тебя Богородица, — она перекрестила Станислава, он коснулся губами ее руки. Петрович попрощаться не вышел.

На берегу, где стояли лодки, Трофим уже гремел цепью, отмыкая замок от большой скобы, врытой в землю. Лагин в брезентовой робе и резиновых сапогах нес весла. Мужчины были хмуры, неразговорчивы, поздоровались небрежным кивком. Но Станислав решил не портить себе настроение из-за мелочей. Он помог выдрать из песка заиленную лодку. Присмивевшая вода ушла далеко, но под напором трех пар сильных рук «дюральяка» легко сползла с мокрой отмели и врезалась в воду, дробя зеркальное отражение малинового неба.

— Дружно — не грузно... — пробормотал Трофим и кивнул Станиславу, отсылая его на нос лодки. Сам сел на весла, Лагин, оттолкнув лодку от берега, примостился на корме.

Досадуя, что приходится ехать вперед спиной, Станислав нехотя поднял глаза на уплывающий берег и — обмер. Клочок земли, выступающий из водной глади, был словно выписан сочными, ядреными красками — густо-золотой берег, изумрудные кусты и сиреневые избы, пылающие стеклами окон. В стороне — монастырь. Сейчас он казался не мертвым, а только раненым. По верхней части строения вилось каменное кружево, в узких, как бойницы, окнах проглядывало лазоревое небо.

Купол напоминал побывавший в сражениях шлем с причудливым пером диковинной птицы.

А рядом скромно невестилась стройная колокольня. Граненый купол ее отливала серебром, крест пылал, словно зажженная свеча. Золотистыми рябушками морщилась вокруг вода — все было неправдоподобно прекрасно. Лишь козье меканье и добродушная переключка собак напоминали, что все это реально и находится на земле.

«И во всем этом я только что был! А теперь... Что я делаю?! Может, это и есть тот единственный шанс для новой жизни, для работы по способностям, которые еще не сумел в себе открыть...» — забила тревожно-наивная мысль.

Воображение, как в детстве, с готовностью перестроило что-то в сознании, и он поразительно ясно представил себя одетым в сапоги и плащ, но не для рыбной ловли. По дну протоки прокладывается электрокабель, тянется линия через лес... Фантазия восстановила монастырь, повесила колокол, затейливой резьбой украсила избы. И сразу же из города на водных «трамвайчиках», с теплоходов потянулись туристы. Баба Зина вынесла на продажу свой пуховый товар, Лагин и деды выставили плетеные и деревянные изделия.

Можно рыбный ресторан открыть, без винных излишеств. Сначала летний павильон построить, потом капитальный. Зимой на снегоходах, а то и на санках под парусом желающих привозить. В монастыре музей открыть — живопись, изделия народных умельцев... И собственные гиды — подростки Аюта, Павлик, близняшки бодро залопочут на иноземных языках, прославляя старую и новую Русь... И деньги для затравки дела в Дядечкином сейфе были... Только достались Бугру.

... Нос лодки ткнулся между корнями деревьев, и Станислав от неожиданности едва не свалился в воду. Выскочив на берег, придержал «дюральку» за цепь. Лагин, передавая беретяной короб, от которого дивно пахло копченой рыбой, спросил Трофима:

— Так мне когда за тобой? Часам к пяти обернешься?

Тот кивнул. Лагин сел на весла, отгреб от берега и поплыл к острову. Станислав помог рыбаку надеть короб на спину.

— Тебе туда, — Трофим показал рукой на уходящую в лес дорогу и зашагал по тропинке в другом направлении. Станислав сунул кулек с едой за пазуху и в последний раз оглянулся на остров.

Вода и небо еще не поблекли, но сияние острова потухло — обычные избы, как серые козы, разбежались по косогору. Мечта всегда прекрасна и несбыточна... А какая мечта была у Петровича? Машенька сказала, он осуществил ее... Наверное, гоняет на моторке за ненадобностью машины с ручным управлением.

Дорога была прямой и лишь иногда огибала овраги, заросшие тем же лиственным лесом. Островками стояли рыжеватые сосны и молодые еловые посадки. Лес давно не спал, щебетал птицами, шуршал и потрескивал невидимыми существами. Умытый, помолодевший, он нежился под лучами солнца. В низинах и там, где тень была еще ночной, окатывало сыростью. Отцовские «швейцарки», отсчитывая на руке хозяина последние часы, показывали начало седьмого.

«А если бы я не слышал того разговора, не полез с гонором на рожон, а просто попросил у мужиков взаймы?..» — от такой простой мысли Станислав даже приостановился. Присев на поваленное дерево, вытащил из-за пазухи сверток с едой, развернул тряпицу. В ней лежали огурцы, вареные яйца и большой кусок ноздреватого хлеба.

«Что же могло так рано выбелить ее голову? — подумал Станислав, вспоминая седую хозяйку. — Муж называет ее только Машенькой. Не Маша, не Мария...» Снова в памяти мелькнуло что-то, показалось, вот-вот озарит догадкой. Но неожиданный громкий шорох заставил резко обернуться: за спиной стоял лось.

Сначала лось показался Станиславу взрослым, и всё замерло в нем, ноги напряглись для прыжка. Но в следующий момент он понял, что это лосенок — пацан. У него даже рогов не было, лишь набухла посреди лба шишка. Широкие ноздри принюхивались к хлебу, губы тянулись доверчиво, и весь он — рыже-серый, был таким естественным и прекрасным порождением утреннего леса, что испуг исчез.

Станислав разломил кусок хлеба, и дыхание лесного принца травяным паром обдало ему щеку. Лось шумно вздохнул у самого плеча, и бархатные губы осторожно забрали оба куска.

— Ах, шельмец, — засмеялся Станислав. Лось настороженно вскинул голову. В огромных карих глазах мелькнул холодок тревоги.

— Ты что? — удивился Станислав, но лосенок рванул в сторону. Затрещали кусты, захлопали низкие ветки деревьев. И, лишь когда стихла лавина шелеста и хруста, вдалеке стал слышен лай собак.

Собаки промчались за поворотом дороги, и Станислав не увидел их. Охотники появились позже, такой же сворой, навеселе. Не заметив Станислава, пробежали, пыхтя и отдуваясь, трое молодых и двое постарше в кожаных куртках. Один из них хромотал. Все держали ружья так, словно шли в штыковую атаку. Даже профану в охотничьих делах было ясно, что они такие же стрелки, как Станислав — сапожник. Но ружья-то заряжены...

Последним на дорогу вышел пожилой егерь. Станислав

сразу понял — это лесной человек. И одет он был соответственно, и ружье плотно висело на плече. Егерь ел с ладони чернику. Заметив Станислава, не торопясь подошел, поздоровался.

— Угощайтесь, — Станислав протянул огурец. Егерь присел рядом на ствол дерева. Откусив огурец, с усмешкой кивнул в сторону еле слышного лая собак и беспорядочных выстрелов:

— Молодцов видел? Все зверье распугали. Даже птица молчит.

— Чего ж вы на такого пацана их пустили? — хмуро спросил Станислав. Егеря вопрос не удивил, он только ухмыльнулся:

— Филька к вам подходил, хлеба клянчил? Своего не упустит, хотя и не у каждого возьмет. Плохого человека за версту обходит.

— Так он что же, ручной? И не жалко — под пули?

— Не дурной он, чтоб под пули... Помотает горе-охотников по лесу, в болото заведет, а оттуда напрямик в лесничество, к Тоське, что его из соски выкормила. В коровнике схоронится. Собаки мои тоже не подведут. А этих, — егерь посмотрел в сторону, где еще слышались хлопки, — я из болота выжужу и к ночи полуживыми, но довольными в машину их вездеходную утрамбую. Дома будут рогами лосиными хватать да говядину с мясной фермы жрать.

— Неужто ничего не поймут? — Станислав недоверчиво посмотрел в глаза егеря, утонувшие в морщинках.

— Для тех, кто поймет, я Фильку не выпущу. На старика сохатого наведу. Здесь ведь ежели без ума да только о «бабках» думать, враз лесное богатство пропуляешь... — егерь неторопливо встал. — Ладно, пойду. Как бы мои снайперы друг дружку не постреляли.

Остаток пути Станислав прошел без приключений. «Лесной уголок» услышал намного раньше, чем увидел: пущенный на полную мощь, грохотал рок. Где-то на все лады орала автосигнализация, и, пытаясь перекричать все это, надрывались молодые голоса — лесная здравница напоминала празднующий дурдом.

Бывший санаторий для партийных работников и рядовых везунчиков окружала прочная кирпичная стена. Дорога кончалась небольшими деревянными воротами, запертыми изнутри. Станислав перелез через них без труда и очутился среди складских построек. Никого, кроме лошади, бродившей по лужайке, вблизи не было, и он без помех пошел к эпицентру культурной жизни.

Капитальное трехэтажное здание с лепными излишествами

напоминало о временах «застоя», стеклобетонный пристрой — бывшая столовая, а ныне ресторан, был порождением не слишком удачного полета архитектурной мысли и вряд ли использовался в зимний период. Но сейчас он сиял бликами, стекла дрожали от безумства ударника — музыка подгоняла шагающих к кормушке людей.

Станислав присел в затейливой беседке и стал наблюдать.

Народ, стекавшийся на пищевую заправку, был разношерстный и делился на две категории: истинно больные тащились по широкой лестнице в три ступеньки к правому крылу «аквариума». В левые двери ломались истинно отдыхающие — откормленные парни с накачанными мускулами и девчата в соблазнительных бикини или в ансамблях с юбками до пола, если на стройные ноги природа поскупилась.

Ни та, ни другая категория Станислава не интересовала. Он ждал избранных. И один такой появился: хорошо сложенный надменно-красивый человек в кремовых джинсах. Ярко-желтая рубашка удачно сочеталась с темными волосами. Ему было не больше тридцати.

Две высокие девицы — длинноногие, длинноволосые, с пустым взглядом обворожительных глаз были достойным ему украшением. За ними шли три фартовых парня, и Станислав невольно сравнил свиту Красавчика со своей хилой семейкой. Нет, это уже другая элитная «полочка», о которой он когда-то мечтал, и даже стоял на краешке. Но краешек был узенький, «полочка» скользкая... Да и вылетели «шурупчики», на которых она держалась в подвешенном состоянии.

Красавчик смеялся, на ходу привлекая к себе и тиская девиц. Судя по всему, его «полочка» держалась пока надежно.

Станислав дал возможность компании уйти в ресторан — бесполезно разговаривать о деле с голодным мужчиной. Он надеялся, что задержатся молодые люди недолго — утро солнечное, и намеченные радости дня впереди. Пересев на лавочку перед входом в «аквариум», он небрежно, с видом сытого и беспечного отдыхающего, закинул ногу на ногу, демонстрируя потрепанные кеды, и начал ждать.

Певица Тони Брекстон отстрадала любовные желания, сексуальная Мадонна выдохнула свое «п-х». Новые безголосые знаменитости попытались испортить настроение, но Демис Руссос успел утешить слух до того, как веселая компания появилась наконец в той же последовательности. Девицы были еще румянее, красивый молодой человек улыбался еще шире — видимо, к завтраку полагалось вино.

Станислав встал и пошел навстречу.

— Привет! — он придал голосу тот оттенок, какой дозво-

лителен только с людьми одного круга. — Есть конфиденциальный разговор.

Красавчик окинул его презрительным взглядом, но остановился. Девицы удивленно приподняли брови. Телохранители, придвинувшись к Станиславу вплотную, ждали приказа: гнать оборванца вшаей или накостылять прямо здесь по полной программе.

Станислава это не смутило. Он не умел разговаривать с мужиками, но, как обращаться с новоиспеченными денди, знал.

— I'm in a great difficulty and I want to offer you to buy my watch (Я попал в затруднительное положение и хочу предложить вам купить мои часы), — сказал он с достоинством.

Ох уж этот иноземный язык! Он годится на все случаи жизни... Телохранители замерли, девицы растерянно заулыбались.

— Are you a foreigner? (Вы — иностранец?) — произношение у Красавчика было скверное, однако смысл сказанного он ухватил, и был не так однозначен, как показалось Станиславу вначале.

— I'm Russian. But I feel uncomfortable before your ladies and friends (Я русский. Но мне неловко перед вашими дамами и друзьями). — Станислав ждал ответа, со злорадством наблюдая, как корчится в тайных муках его жертва. Но он недооценил Красавчика.

— Let us step aside (Отойдем), — Красавчик кивнул в направлении беседки. Терять свое лицо на глазах заинтересованных спутников он не собирался. Девицы присели на лавочку, телохранители пошли за хозяином, настороженно поглядывая по сторонам.

— Что у тебя? — спросил Красавчик, входя в беседку. — Покажи.

Станислав молча снял с руки часы. Ощущение было такое, словно вместе с ними оторвалась лучшая часть его души.

— Сколько хочешь? — боясь показать, что понял их ценность, Красавчик прищурил глаза, но было заметно, как они заблестели.

«А этот Аполлон крут в делах, — подумалось невольно. — Сам заворачивает или у серьезного пахана на подхвате? Мухлюет, скорее всего, с валютой и наркотой не брезгует».

— Часы куплены в Швейцарии. Здесь баксов за двести потянут. Мне нужно «деревянными» три штуки, — слова произносились сами собой, душа, казалось, умерла.

— Одну дам, — лицо Красавчика приобрело хищное выражение.

— Три, — повторил Станислав и, спрятав культики в ладонь, протянул за часами руку. — Мне еще до Москвы добираться надо.

— Лады. Но только две. И я довожу тебя на своей таратайке до... — он назвал областной центр. — Поезда оттуда идут напрямиком на Москву, а отсюда будешь телепать еще на электричке.

Предложение было заманчивым. Настораживало лишь скрыто порочное выражение, которое появлялось моментами в безукоризненных чертах лица Красавчика. Так бывает, когда видишь спелое яблоко, а раскусишь — сердцевину его уже сожрал червяк.

— Когда едем? — Станислав смотрел изучающе, давая понять, что элитные «полочки» их равны и обмана он не потерпит.

— После обеда, часа в три, — Красавчик отсчитал две тысячи из пачки пятисотрублевых. Протягивая деньги, кивнул на «аквариум». — Иди, загрузись. За тугрики там кого хочешь накормят.

— Где встречаемся? — Станислав сунул деньги в карман и, проследив за взглядом Красавчика, понял: тот увидел его культики.

— Где тебя так? — в голосе было любопытство и немного злорадства. Станислав ничего не ответил, но подумал, что его увечье — своего рода тест, который с легкостью определяет, кто есть кто...

— Машина паркуется на стоянке? Марка, цвет? — во взгляде Станислава проступила сталь. Он знал, что Красавчик ее заметит и больше с вопросами не полезет. Его не удивило, что «Вольво» канареечного цвета. Машина выдает характер ее владельца. Следующей у Красавчика будет кармина — красный спортивный «Фиат», если коварная фортуна не пересадит его в подержанную «Ниву»...

— Тебе придется с парнями на «десятке» ехать, она рядом с моей «канарейкой» стоит. Взял бы с собой, да строптивая «козочка» подвернулась. Так что, сам понимаешь... — Красавчик ухмыльнулся.

Станислав слушал рассеянно, следя за тем, как Красавчик снимает свои часы, а вместо них, любуясь, надевает «швейцарки».

«Прости, отец, я и тебя предал», — с горечью думал Станислав. Разве мог он знать, какую сам себе подложил «мину»... Мог ли предположить, что не пройдет и трех дней, как Красавчик, хвастаясь перед своим хозяином и другом господином Бугровым, покажет часы. А на вопрос Кривоноса: «У кого загасил?» с досадой, но, не вдаваясь в подробности, буркнет: «Попался один тухляк беспальный».

— Мартышек, — Красавчик кивнул на девиц, — здесь оставляю. Бери хоть обеих. Побарахтайтесь, пока время есть.

— Чужое не подбираю... — надменно улыбнулся Станислав и, заметив, как побелели губы Красавчика, добавил примиряюще: — Пойду, а то «кормушка», чего доброго, закроется.

Решив, что внешне и внутренне для ресторана он не готов, Станислав капитально пообедал в столовой и, чтобы скоротать время, пошел к спортивной площадке, откуда слышались удары мяча.

Отдыхающие вяло играли в волейбол, никто не ставил блок, не «гасил» удачно поданные мячи, и смотреть было тошно. В школе он больше любил баскетбол, прыгал лучше других и со средней линии попадал в корзину. Любопытно, как получилось бы сейчас?

Станислав попытался представить себе приятную округлость мяча в руках, но выйти из состояния, овладевшего им, как только он оказался на территории санатория, не удавалось.

Сначала он связал появившееся тревожное чувство с необходимостью продать часы, потом приплюсовался голод. Сейчас он был сыт, шанс попасть к вечеру на московский скорый существовал. Никто не выслеживал его, не приставал с вопросами, и можно было расслабиться, тем более что над головой шумели деревья, давая прохладную тень. Музыка стала мелодичнее, но что-то угнетало душу и теребило мысли. Казалось, он забыл о чем-то или еще не вспомнил, а может, не нашел... Но это было рядом и недавно прозвучало намеком.

Душа включилась, уловив еле слышный сигнал поискового маячка, подающего сигналы «SOS». Станислав вспомнил о Фильке, который мог-таки нарваться на пулю браконьера. Потом подумал о Мадлен. А может, беда в семье тетки или у Лизы? Но, скорее всего, это тревога и недоумение Николая Лукича телепатически передались на расстояние — намеченные сроки встречи прошли.

Чтобы избавиться от зудящего нетерпения, подгоняющего куда-то бежать и что-то делать, он встал и пошел по боковой аллее. Путь преградили рулоны стальной сетки и бетонные столбы — новые хозяева собирались строить теннисный корт. Перепрыгнув неглубокий ров, Станислав выбрался на дорожку, ведущую к облупившимся летним домикам. Раньше здесь селили тех, кому в главном корпусе места не хватило. «Лесному уголку» они стали не нужны.

Пахло падалью, похоронно скрипели деревья, было безлюдно и тоскливо, как на кладбище. Кусты и трава глушили шаги, даже убойной музыки, щедро насыщенной металлом, было не так слышно.

Стекла во многих домиках были выбиты, и только решетки на окнах да замки на забитых досками дверях уберегли

кровати и тумбочки от доморощенных и пришлых разбойничков.

Вдалеке заорала сигнализация на машине, и Станислав, испугавшись, что, не зная времени, увидит лишь хвост упорхнувшей «канарейки», решил ждать Красавчика на стоянке. Возвращаться старым путем не хотелось, и он пошел к главным воротам напрямик.

Этот домик был такой же, как все. Но тот самый «приборчик» в душе, что отзывается на чужое страдание, встрепенулся. Его ожившая стрелка указала на запертую дверь.

Станислав обогнул угол дома и заглянул в разбитое окно. Комната была пуста, но соседнее окно громко задребезжало. Он перешел к нему и сквозь блики разглядел приплюснутый к стеклу кончик носа и лоб подростка. Но когда глаза цвета теплого янтаря, увидев его, округлились, Станислав узнал... Нет, не узнал, а ощутил всем своим существом, что это бледное лицо принадлежит Верочке.

Мгновение они с изумлением смотрели друг на друга. Верочка первая пришла в себя. Она что-то крикнула, махнула рукой и исчезла. Это неудивительно — все происходящее не могло быть реальностью. Померещилось, обознался, эмоциональный срыв...

Но из соседнего окна уже доносился Верочкин срывающийся голос:

— Станислав! Как вы меня нашли? Почему так долго искали? — она не плакала, но руки, высунувшиеся между прутьями решетки, дрожали. Станислав коснулся ее ледяных пальцев, и только тогда понял, что все происходит наяву.

— Сейчас открою, — он побежал к двери, но на ней висел замок.

— Разговаривай со мной, — крикнула Верочка умоляюще, — а то, если все окажется сном, я разобью себе голову о стену.

— Как ты здесь очутилась? — Станислав заметался по земле взглядом в поисках железяки или камня. Он боялся отойти далеко.

— Я кричу, но никто не слышит, — она дышала уже за дверью.

Он хотел сбить замок кирпичом, но тот с первого же удара развалился. Попытался открыть толстым кривым гвоздем, с остервенением царапая железные внутренности. Казалось, ржавая головка врастает в культики, он давил на нее, не замечая боли, пока не хрустнуло. Но это сломался гвоздь.

Четкий звук и чертыханье Станислава Верочка услышала и заплакала, всхлипывая под дверью, как ребенок.

— Кто тебя запер? — в бешенстве затряс ручку двери

Станислав. Поняв, что теряет над собой контроль, уже тише: — Что произошло?

— Он рисовать меня заставляет, — Верочка перестала всхлипывать. — Сказал, пока похожим портрет не получится, не отпустит. Я очень старалась. Но ему все равно не нравится...

— Кому ему? — Станислав рванул ручку — она оторвалась.

— Его зовут Роберт. А девушек — Роза и Рита. Они меня ночевать у себя устроили, а утром я здесь оказалась. И он пришел...

— Красивый брюнет, — Станислав сразу поверил своей догадке.

— Да, и еще трое парней. Но они за дверью оставались.

«Так вот какую «козочку» хочет увезти с собой Красавчик!» — мысль была четкой, и суетливость исчезла.

— Верочка, сколько сейчас времени? — спросил он спокойно.

— Часы разбились, когда я пыталась вылезти через окно. Там решетка шатается, — ответила она сдержанно.

Решетка принадлежала окну с выбитым стеклом.

— Шпингалеты не открываются, — предупредила Верочка. — Я о них ногти обломала. Стулом грохнула, а какой толк?

Станислав взялся руками за толстые со следами краски прутья. Тряхнул их с силой, резко дернул. Но культики сорвались, он едва не упал. Снова ухватился, под углом изогнув ладони и рискуя вывихнуть кисти. Как отчаянно, как безнадежно не хватало пальцев, их прежней цепкой силы, уверенного владения каждым суставом — до кончика ногтей! Надо почувствовать сейчас эти прутья так, чтобы все тело могло слиться в мощь рывка.

«Кто есть там, над нами, справедливый? Нельзя же так безразлично взирать с высоты! Кто в этой проклятой жизни мне поможет?» — бешенство и бессилие — это хуже пытки...

— Сейчас помогу, — сказала Верочка, и ее ладони уперлись в решетку. — Раз, два... — они вместе выдохнули: «Три». Станислав с силой рванул. Что-то затрещало, сверху посыпалась мелкая щепка, обозначив слабое место, но решетка с места не сдвинулась.

— Надо иначе, — Станислав потер ладонь о ладонь, пережидая, когда боль утихнет. Поплевав на вспухающую кожу, уцепился за переплетение прутьев так высоко, как только хватило роста.

Музыка внезапно смолкла, и в тишине прозвучали удары гонга.

— Это сигнал на обед, — прошептала Верочка. — Он ско-

ро придет. Принесет всякой вкусной еды, хотя я объявила голодовку и только пью... Будет снова упрекать, что я нарочно его таким рисую, — она умоляюще посмотрела на Станислава. — Уходи. Его друзья убьют тебя. У них револьверы... Умоляю, спрячься. Он уйдет, когда ему надоест позировать и восхвалять себя.

— На этот раз он хочет тебя увезти, — Станислав сцепил зубы так, что они скрипнули. — У нас есть еще почти час.

— Это же целых шестьдесят минут, — погасив в глазах испуг, твердо сказала Верочка, и Станислав подумал, что они, такие разные, в момент опасности становятся похожи.

Взобравшись до верхней части окна, он повис, оттягивая на себя и вниз верхний край решетки. Деревянная рама затрещала. Верочка залезла на подоконник и, помогая ему, просунула руку в разбитое стекло. Станислав подумал, что, если вместе с решеткой вылетит рама, Верочка выпадет из окна. Мысль, что вся эта тяжесть придавит его самого, в голову не приходила.

Выворачивая руки, он уцепился за решетку, раздвинул ноги, упираясь в наличники, и стал тянуть ее на себя. Стопы, икры каменели, кисти пронизывала боль, казалось, что на ладонях слезает кожа. Звенели, осыпаясь, стекла, рама кряхтела, в ней что-то скрипело, медленно поддаваясь. Это вылезали из брусьев гвозди. Но рама была пока сильнее...

Встав на нижнюю часть наличника, Станислав передохнул, поочередно отпуская руки. Культики саднило, краснота переходила в синеву. Верочка сбегала в комнату за полотенцем и, взобравшись на подоконник, обмотала прутья в том месте, где держался Станислав. На это ушло несколько минут, но они помогли собраться с силами.

— Отойди, — приказал Станислав и всей тяжестью тела резко ушел вниз. Культики, казалось, скорее выдернутся из ладони, чем разогнутся. Боль пронзила кисти — решетка казалась раскаленной.

В какой-то момент Станиславу показалось, что было уже подобное, связанное тоже с окном. Еще с дымом и снегом. Воспоминание проскользнуло вместе с другой, уже отжившей болью. И все это было связано с тезкой, с тем светлым и сильным, что исходило тогда от парнишки, не отпустившего его туда, за Грань жизни... На мгновение Стас оказался словно бы рядом и тоже рванул решетку вниз.

Окно не выдержало. Оно сдалось, с визгом и треском выпустив раму с остатками стекла, с решеткой. Все падало, валилось, но ухнуло вниз не сразу, позволив коснуться ногами земли и отпрянуть раньше, чем накрыло убийственной тяжестью. Железный угол все-таки мазнул по коленям, едва не отдавив ступни.

Верочка испуганно вскрикнула.

Станиславу показалось, что звона и грохота было не меньше, чем от взрыва, и сейчас примчатся болящие и отдыхающие. А впереди всех — Красавчик с охраной. Но по-прежнему звучал железный рок.

Верочка стояла в проеме окна, вытянув шею и тревожно озираясь вокруг. Рискавая разрезать кеды о стекло, Станислав шагнул, не глядя под ноги. Он видел только ее небольшую, стройную фигурку на подоконнике: серые джинсы, салатного цвета кофточка, бледное лицо в каштановом ворохе коротко стриженных кудрей. Он сгреб все это дорогое, бесценное в охапку и отпустил, лишь пробежав сотню шагов, когда Верочка начала отчаянно трепыхаться.

— У меня же ноги есть... — тихий смех ее отрезвил мгновенно, словно выдернули из жуткого сна. Он опустил Верочку на землю и огляделся. Инстинкт самосохранения не подвел — они бежали в нужном направлении, к воротам, которые выпустят их в спасительный лес.

Задумчивая Зорька все так же паслась на лужайке. Не переставая жевать, она повернула в их сторону голову и недовольно фыркнула.

— Никому не разболтай... — пробормотал Станислав, чувствуя потребность ослабить сковавший обоих страх погони. Верочка рассмеялась, споткнулась и замерла в растерянности:

— Я забыла этюдник. А там краски, кисти, ватман...

Ворота были заперты, но гладкий деревянный брус легко сдвинулся в железных скобах, и они очутились на дороге.

— Дальше, справа есть толстая береза. Спрячься за нее. Сиди тихо, что бы ни случилось... Не бойся, я тебя найду.

— Я боюсь... за тебя. Ты же не понимаешь...

— Даже лучше, чем ты думаешь... — они говорили быстро и совсем не о том, что обозначали слова. Чувство большое и взаимное охватило их в самое неподходящее время. Это была еще не любовь. Но обостренное обоюдное понимание, страх друг за друга, робкая нежность — все предвещало ее. Вдвоем они могли сделать то, что недоступно поодиночке. Осознание этого обрушилось на них как цунами, сметая другие мысли и чувства, притупляя бдительность.

Сейчас для них были только глаза друг друга. Он чувствовал ее девичью незащищенность. Она ощущала его мужскую силу и доверялась ей. Тянулись друг к другу, сливались в неразрывное Прекрасное еще не тела, даже не сердца, а души.

— Обойдусь без этюдника. Не ходи! — умоляюще шептала Верочка.

— Время есть, я быстро, — он оторвал свои руки от ее пальцев.

— Умоляю, не рискуй... — в янтарных глазах застыла тревога.

— Беги... Ты задерживаешь меня...

Она побежала по дороге, оглядываясь. Ворота бесшумно пропустили его обратно. Он запер их, боясь, что Верочка сунется следом.

Подсобные строения шарахнулись в сторону и остались позади. Он несся напрямик, удивляясь, как это далеко, — когда бежал с Верочкой, расстояния не заметил. Возле домиков-близняшек испугался, что не найдет нужный, но за углом едва не споткнулся о раму.

Верочкины вещи лежали в другой комнате. В глаза бросился прежде всего портрет Красавчика. Мгновения хватило, чтобы понять, почему прекрасно выполненный акварелью рисунок не понравился самой натуре: в глазах, в тонких губах, в каждой линии проступало то, что заметил Станислав, когда Красавчик выторговывал у него часы, — хищное и приторное одновременно.

Впервые в жизни Красавчик увидел себя не в зеркале, а в обнажающем торжестве беспощадного, неподкупного таланта. И не поверил...

Не меньше десятка портретов лежало на тумбочке, на подоконнике — в фас и в профиль, один был сделан, очевидно, в порыве гнева, с затылка. Формат рисунков — небольшой: Верочка сэкономила ватман. Станислав сунул один в карман.

Этюдник был, к счастью, собран и заперт на защелку, словно хозяйка твердо решила больше его не открывать. Зато вся одежда была вытряхнута на кровать, видимо, Верочка что-то искала, когда увидела его в окно. Рюкзак был брошен рядом, на полу валялись кроссовки. Значит, убежала Верочка в домашних шлепанцах.

Он прихватил все, с трудом задержнул «молнию». Перекинул лямки рюкзака через плечо, ремень этюдника — через другое и кинул взгляд в сторону главного корпуса. Все было пока спокойно, но не хватало главного — музыки. Значит, наступил тихий час...

Они шли все четверо. Впереди, сияя белым джинсовым костюмом, сам Красавчик. Свита — за ним, на шаг от него.

«Они идут со стороны двери. Помучаются, открывая замок. Выбитое окно увидят не сразу. Не поймут, в какую сторону ускакала «козочка»... — соображал Станислав, уходя быстрым шагом и не позволяя себе сорваться на бег. Бегущий человек всегда привлекает внимание. — Прибавим время на состояние обалдения и расточительный гнев, когда вместо «козочки» он обнаружит в загоне лишь свое порочное отражение», — Станислав злорадно усмехнулся.

Возможно, Красавчик и стоял истуканом в шоке, но охрану эмоции не парализовали. Парни словно знали, в какой стороне искать.

Станислав не успел завернуть за сарай.

— Он ее вещи тащит!.. — нарушил тишину задремавшего санатория злобный крик, придав Станиславу приличное ускорение. Он вспомнил с досадой, что запер ворота и придется возиться с засовом. Но ворота распахнулись, как только он к ним подбежал. Пропустив Станислава, Верочка ловко подперла створку тонким бревнышком. И они помчались по дороге, надеясь добежать до поворота. Однако ворота вместе с бревнышком и петлями, на которых висели, вылетели с грохотом под напором долбанувших их плеч.

На повороте Станислав обернулся — парней было только двое. Это обнадежило: хоть ненадолго, но удастся их задержать.

— Беги в лес, я — следом... — приказал он.

— Только вместе! — крикнула Верочка, хватая ртом воздух.

Они врезались в гущу кустов, наткнулись на поваленную сосну и, не сговариваясь, забились под нее, как ящерицы. Станислав успел сбросить рюкзак, этюдник охотно спрятал густой папоротник.

Парни промчались мимо. Талантом следопытов они не обладали, иначе заметили бы дрожащую на веточках листву. Но за вторым поворотом начинается прямой участок, и дорога просматривается хорошо. Значит, телохранители Красавчика вернутся и начнут прочесывать планомерно и настойчиво... Но еще безнадежнее бежать.

— Устраивайся удобнее. Сейчас главное — выдержка, — одними губами прошептал Станислав, осматривая низкое длинное убежище без стен. Пятясь, он отполз до груды земли, вывоченной с корнем. Здесь можно было лежать на боку. Верочка подтянула рюкзак, потом этюдник. Она управлялась ловко, бесшумно и напоминала ящерку с золотистыми глазами.

— Пошмонаем за деревьями. Не успели они далече слиться, здесь сховались, — голос был визгливый. Станислав не мог определить, кому из парней он принадлежит. Телохранители, как и девицы, словно штампованные: волосы ершиком, плечи как у грузчиков, челюсти как у боксеров. Это не бойцы-любители вроде Хряка. Здесь все по современным требованиям — с контрольным выстрелом.

— На хрена мотаться, — картавый голос принадлежал, очевидно, тому, кто постарше, со снайперским прищуром маленьких глаз. — И чё наш к ней щемится? Была бы клевая мочалка, а то коза тощая.

Станислав положил руку на пальцы Верочки, сжал их. Она улыбнулась, успокаивая его.

— Это вроде как кобылку строптивную обуздать, — усмехнулся первый. — И по рисованию у него планы... Охмурит, захомутает и заставит на себя пахать.

— Захомутать он мастак, — с завистью проворчал товарищ.

Голоса смещались в сторону ворот, и Верочка зашевелилась, укладываясь поудобнее. Теперь их головы оказались рядом, и стало возможно перешептываться. Но на это уже не было времени: послышался шум мотора. По звуку его Станислав догадался, что это не «Вольво», а «десятка». Машина остановилась на повороте.

— Двое — справа, двое — слева. Прочесывать, будто по грибы пошли. Венька — со мной. Будем колесовать дорогу. Как сыщете — обоих ко мне. Парню накостыляйте, а козочку не трогать... — Красавчик выругался, отводя душу и подстегивая парней.

«Прихватил еще двоих. Сам за рулем. Перекроет дорогу до протоки. А через час там будет Трофим и Лагин с лодкой. Но нам не успеть...» — от досады Станислав сам едва не ругнулся.

Машина покатила по дороге. Шепоток ее мотора заглушался хрустом, треском и отборной бранью. Станиславу хотелось зажать Верочке уши, но он боялся шевельнуть рукой.

Один из парней, вломившись в кусты, налетел на вершину сосны, под которой беглецы лежали. Ствол вздрагивал и трясся все время, пока незадачливый охотник вырывался из переплетения густых хвойных веток. Верочка перестала дышать, Станиславу казалось, что его сердце стучит слишком громко.

«Только не растянись... Иди дальше, не оборачивайся», — мысленно внушал Станислав парню. И тот не упал, не оглянулся. Шел, часто останавливаясь, чтобы сорвать чернику, заполонившую лес.

Верочка стала отряхивать с лица древесный мусор. Под сосной было сыро, пахло прелой корой и мхом. Жучки-пронеры и муравьи-трудоголики торопливо бежали куда-то. У них были свои проблемы и трагедии: в их маленький, отлаженный мир вломились непрошеные гости. В пушистых волосах Верочки запутался паучок. Станислав осторожно стряхнул его. Пошутил:

— Скоротечный радикулит мы здесь себе наверняка обеспечим.

— И долго еще будем лежать? — спросила Верочка. Глаза ее были на уровне его глаз, в янтарной глубине их неярко светились искры. Густые ресницы, мигая, на мгновение гасили их.

— У тебя глаза, как река в ледоход, — снова прошептала Верочка. Станислав хотел ответить, что под лучами ее глаз лед быстро тает. Но его насторожил продолжительный шорох, словно змея ползла по земле. Он повернул голову в сторону дороги, прислушался и понял, что это катится под уклон машина с выключенным двигателем.

Красавчик остановил «десятку» на повороте так, чтобы видеть проем ворот и дорогу. Он был в машине один, а Веньку, видимо, оставил у протоки. Красавчик что-то чувствовал и выжидал, как опытный паук, развесивший паутину.

«А если паутину разорвать — угнать машину? Добраться незаметно до нее несложно. Но надо еще открыть дверцу, чем-то ударить и выкинуть Красавчика из кабины. Однако он парень нехилый, настороже и успеет дать сигнал. Пока будем драться — сбегутся парни. И Верочка останется одна... Нет, это дохлый номер», — Станислав сжал кулаки: лежать, уткнувшись носом в землю, было унижительно.

Тихо щелкнула, приоткрываясь, дверца. Послышался звук льющейся струи. Станислав вздрогнул и смущенно покосился на Верочку. Она кусала губы, сдерживая смех. Он сам почувствовал, что сейчас взорвется хохотом. Рука Верочки доверчиво лежала рядом, и Станислав с силой сжал культиками ее нежный локоть. Улыбка мгновенно сменилась гримасой боли, и обоим расхотелось смеяться.

«Десятка», заурчав, развернулась и снова двинулась в свой добровольный дозор. Стало слышно, как посвистывают птицы и что-то шуршит в траве. Привычным фоном гремела в санатории музыка.

— Здесь могут быть змеи? — Верочка тревожно всматривалась в корни сосны и стебли папоротника.

— Самая большая и ядовитая уползла, но ненадолго.

— Он знает, где меня караулить, — вздохнула Верочка.

— Зато ничего не знаю я, — почему-то начиная сердиться, проворчал Станислав. — Как ты оказалась здесь? Куда ехала?

— На остров...

— Какой остров? — тупо спросил Станислав, как будто поблизости была целая гряда островов.

— Монастырский. Мы его Козлиным называем. К бабе Зине...

— ... и деду Акиму, — мстительно добавил Станислав, наслаждаясь Верочкиным изумлением.

— Откуда ты... — начала было она, но рядом хрустнула ветка. Кто-то приближался осторожно и тяжело. Остановился рядом.

Верочка сжалась в комочек. Станислав повернул голову и первое, что увидел, были массивные копыта и уходящие вверх ноги, покрытые рыжевато-серой шерстью. Трепетные ноздри и

огромный коричневый глаз — знакомая любопытная морда заглядывала под сосну. Увидев людей, лось недоуменно фыркнул.

— Филюшка, голубчик, погоняй их по лесу, — шепнул Станислав.

— Ты и Фильку знаешь, — ахнула Верочка.

Морда лося исчезла так же неожиданно, как и появилась. Сильные ноги сделали скачок в сторону. Филька помчался легко и шумно. Почти сразу же за поворотом отчаянно засигналила машина.

— Они туда побежали! — закричал кому-то Красавчик.

— Уж больно прытко, — ответил картавый голос. — Похоже, лось.

— Да они это, они... — злился Красавчик.

— А мне бается, что зазря вы тут, господа хорошие, шукаете, — новый голос был распевный, немолодой. — Ушли они вдоль забора санаторского. Пока мы тут их сторожим — сели на автобус. Счас на станции электричку дожидаются — вот и вся камедь...

Наступила тишина. Потом все разом заспорили.

— Кончай базарить! — прищикнул Красавчик. — Сейчас заберу Веньку и смотаемся на станцию. А вы двое здесь покантуетесь. Сыщете обоих — получите по сотне баксов. За девчонку две трети, остальное за парня. Живого или «жмуриком» — все равно.

Когда шум мотора «десятки» затих, пожилой проворчал:

— Еще на «мокруху» идти... Тьфу! — он сердито сплюнул.

— Зато «зеленые». Переведи-ка на нашенские — полгода моей зарплухи, — в раздумье протянул тот, что помоложе. — Сколь же он сам-то хапает и каких «баранов» стрижет?

— Не нашенское это дело, — уже тверже сказал пожилой. — Нам бы свое решить: будем искать али наплюем и забудем. Он чегой-то про Козлиный гутарил... Напрошусь завтра вместо деда Ивана на Зорьке за рыбой смотаться. Вот и пошукаем. А одежонку меж бурелома рвать — не пацан, — голоса удалялись. Что ответил молодой, Станислав не услышал. Зато визгливая стариковская ругань возникла внезапно, как летний ливень:

— Кто мои врата содрал? Какой х... тут ... — дальше шло забористо и предельно выразительно — дед Иван отводил душу.

— Ты же должен быть сейчас в Москве, с папой...

— Он же сам тебя, еще до отъезда, куда-то проводил...

Поваленная сосна дрогнула от удара двух голов.

Странное существо человек: в момент опасности он замира-

ет, от радости всплескивает руками. А при удивлении норовит вскочить или сесть где придется. Верочка схватилась за темечко, Станислав заработал еще шишку. Если бы поблизости был кто-нибудь из охотников за беглецами, то подстреленная «дичь» уже жарилась бы на вертеле Красавчика, в огне его мщения.

Но «десятка», забрав Веньку и парней, уже промчалась мимо. Красавчик еще надеялся поймать строптивую козочку и так нахально охмутившего его говнюка, которого он и «с того света достанет». А новоиспеченные местные сыщики устраняли следы чужих проказ — чинили ворота и выслушивали, что думает о «новых» дед Иван.

Верочка переобулась в кроссовки, Станислав вытащил этюдник и рюкзак. Они осторожно выбрались из засады и поспешили в глубь леса. Казалось, ничто не мешало теперь наговориться, и они погрузились в то рискованное состояние, какое губит глухарей, токующих на лугу в момент брачных танцев.

Однако Станислав не был все же глухарем и о брачных танцах пока не думал. А потому одно ухо его принадлежало Верочке, другое, настроенное, как локатор, на тревожные сигналы, слушало лес. Один глаз любовался порозовевшим от ходьбы лицом девушки, а другой следил за положением солнца, уходящего на закат. Еще надо было смотреть под ноги, вдыхать всей грудью аромат свободы и привыкать к поразительному чувству, которое он испытывал лишь во сне, бродя с Верочкой в картинах ее матери.

Все, о чем сбивчиво рассказывала Верочка, казалось обычным течением обстоятельств, возможных лишь в наше непредсказуемое время.

... На другой день после того, как было принято решение на кухне городской квартиры, Николай Лукич и Верочка поехали в речной порт. «Трамвайчики», развозившие когда-то пассажиров по прибрежным деревням, теперь не ходили: последнее суденышко год назад отслужило свой срок. Пришлось искать лодочников — бесчисленных в былые времена любителей водной стихии. Но сейчас лишь смельчаки-одиночки браконьерничали в тайных местах.

У Николая Лукича были знакомые, не раз возившие всю семью на остров. Но по принципу подлости одни владельцы моторок уехали на рыбалку, другие сидели без бензина, и, поскитавшись по причалу и лодочной станции, Николай Лукич скрепя сердце решил на окружной путь.

Они едва успели на дневную электричку и в переполненном вагоне случайно разговорились с двумя девушками: дорожные страдания всегда сближают. Девушки ехали в санаторий «Лесной уголок», откуда за ними должна была прийти машина.

Девушки Николаю Лукичу не понравились, Верочке тоже. Она отказалась от приглашения девушек ехать с ними, тем более что машины на станции еще не было, а санаторский автобус уже стоял. Николай Лукич напомнил Верочке, где найти, что сказать и как расплатиться с дедом Иваном, который доведет ее через лес до протоки. На такой случай в рюкзаке была припрятана бутылка водки — самая расхожая валюта в провинциальной части Руси. Сам Николай Лукич едва успевал на обратную электричку. Утром надо было ехать в Москву.

На полпути старенький автобус сломался. Для немногочисленных пассажиров выбор был невелик: сидеть в автобусе, дожидаясь, когда его починят, или идти пешком оставшиеся километры.

Верочка, нагрузившись своим багажом, уверенно зашагала вперед, решив, что автобус, если починят, все равно ее подберет. Но подобрали знакомые девушки. Посланная за ними «десятка» домчала быстро, и Верочка вышла возле главного корпуса санатория. Она хотела сразу же отправиться искать деда Ивана, но пришлось познакомиться с молодым человеком, встречавшим своих гостей.

— Он назвался Робертом. Увидев этюдник и поняв, что я — художник, был вежлив и корректен, хотя с девушками обращался фривольно. Меня заинтересовало его лицо — ох уж этот творческий поиск, из-за него я частенько попадаю впросак... — Верочка нахмурилась. Помолчав, продолжала: — Лицо красивое, но... с подкладкой. Не актерская маска, а словно на одно лицо спроектировано другое, и то, внутреннее, проглядывает порочно... Конечно, у каждого человека есть внешнее и внутреннее лицо, если он не примитив с душой излишне нараспашку. Но такой поразительный контраст...

— А какое у меня внутреннее лицо? — Станислав думал, что Верочка посмотрит на него и снова в глубине ее удивительных глаз вспыхнут теплые искры. Но она опустила ресницы, сказала смущенно:

— Твое внутреннее лицо гораздо красивее наружного...

И Станислав не понял, радоваться ему или огорчаться.

... Когда Красавчик-Роберт спросил Верочку, почему у нее такой изучающий взгляд, она ответила прямо: « У вас странное двойное лицо». Красавчик пошутил, что хотел бы его увидеть, и попросил сделать портрет, добавив, что хорошо заплатит. Но Верочка сказала, что спешит, что ей надо найти конюха и засветло добраться до острова. Красавчик настаивал. Потом шепнул что-то одному из своих дружков. А когда Верочка пришла наконец в конюшню, дед Иван уже ополовинил бутылку коньяка, подаренную ему щедрым отдыхающим. Ясно было, что даже запречь лошадь он не сможет.

Солнце уже приближалось к закату. Верочка обещала отцу, что лесом одна не пойдет, и все же начала отпирать ворота. Но выйти на дорогу не успела — появился Роберт собственной персоной. Он решительно снял с ее плеча рюкзак, отобрал этюдник и поклялся, что утром лично отвезет ее на машине до протоки. А сейчас просит составить ему и девушкам компанию — поужинать в ресторане.

— Меня насторожило слово «ресторан», потому что трудно оставаться независимой, если за тебя платят. Мама и отец часто об этом говорили... Но мне казалось, что с моим бодливым характером за свою независимость опасаться нечего. Хотя, если честно, я с самого начала побаивалась его... Но была ужасно голодна и устала.

Верочка сглотнула слюну, и оба, вспомнив, что не мешало бы поесть, принялись собирать чернику. Дымчато-черный бисер волнами стелился вокруг. Станислав отламывал веточки и срывал с них губами переспелые ягоды. Верочка клевала, как птичка, по яголке, и рассказывала.

... Чтобы как-то оплатить поедаемые деликатесы, она стала рисовать углем в своей легкой, но требующей точности каждого штриха манере. Портреты девушек Роберту понравились. Разглядывая их, он хмыкал и удивленно приподнимал брови, словно видел то, что до этого не замечал. Но Роза и Рита кривили губы.

— Все, кто позирует мне, почти всегда остаются недовольны, зато другие — в восторге. Поэтому мои работы охотно забирают на выставку, но мало кто покупает их... Себя Роберт рассматривал молча, и рисунок никому не показал. Потом странно, но с уважением поглядел на меня. И, когда я отказалась пить вино, подливал в бокал только соки. К концу вечера я почему-то развеселилась, даже согласилась с ним танцевать, хотя понимала, что рядом с его бархатно-лиловым пиджаком моя клетчатая рубашка и джинсы выглядят нелепо... Потом у меня закружилась голова, затошнило — никогда такого не было. Роза и Рита увели меня к себе, было ужасно стыдно... Они дали таблетки, я уснула, а проснулась уже в домике. Долго ничего не могла понять. Но вот пришел Роберт, принес цветы, много вкусной еды, фрукты и соки. А мне хотелось просто воды... Потом я рисовала его уже акварелью, в классическом стиле. Он позировал терпеливо и даже не пытался приставать. У меня поднялось настроение, все стало казаться милым, забавным приключением. Когда я закончила портрет, он долго изучал его, наконец спросил: «Разве я такой?» Я ответила, что таким его вижу. Уходя, он портрет не забрал, сказал, что придет завтра. Я возмутилась, собрала вещи, пошла к двери и только тогда поняла, что заперта. Разбив окно, я

стала кричать. Но прибежали его дружки и объяснили, что если я буду нарушать покой отдыхающих, им придется связать меня и заклеить рот. А чтобы показать, что не шутят и какие крутые, они застрелили несчастную собаку. Она прибежала на запах еды, которую я выбросила в окно.

Верочка всхлипнула и села на траву. Станислав почувствовал тревогу. Откуда она исходила, было неясно, и он решил, что за ними кто-то следит.

Верочку начало трясти. Она жаловалась, что ей холодно, хотя солнце еще грело и косые лучи его пронизывали лес, словно по золотым струнам волшебной арфы разбежались ноты-листочки.

Но обоим было не до красоты, окружающей их. Станислав распаковал рюкзак, вытащил свитер и ветровку. Она надела на себя все и легла, ежась и странно жмурясь, словно у нее болели глаза.

— Я быстренько обход небольшой сделаю, — Станислав опасался, что Верочка его не отпустит. Но она вслушивалась в себя, пытаясь понять, что с ней происходит. Не открывая глаз, прошептала:

— Иди, я полежу. Только недолго...

Станислав отошел медленно, потом врехался в кусты, производя побольше шума. Неслышно свернул в сторону, где наметился просвет, зорко и быстро оглядываясь. Перебежал к ельничку, замер. Но все было спокойно, и, завершив круг, он вышел на полянку. Возле кривой березы, которую он старался держать в поле зрения, лежали рюкзак, этюдник, но Верочки не было. Только распрямлялась трава...

Холодный пот окатил, сердце бухнуло, остановилось... Станислав, чувствуя, как уходит из-под ног земля, закричал что-то невнятное. Он никогда не испытывал такого ужаса.

— Я здесь... — послышался вздох за кустами.

Он обогнул их одним каким-то звериным рывком и увидел Верочку. Она стояла на коленях. Ее стошнило чем-то лилово-красным, похожим на кровь, но Станислав догадался, что это черника.

— Пить, — прошептала Верочка, когда он вытер листьями ее губы. — Наверное, я чем-то отравилась, хотя почти ничего не ела.

Станислав перенес ее к березе, подложил под голову рюкзак.

«Идиот, — проклинал он себя, — там было столько еды и пакетов с соками. Долго ли было сунуть в рюкзак хоть один?»

— У меня все болит... Ты иди, а я полежу... Так хочется сока. Грейп-фру-го-во-го... — произнесла она по складам и вздрогнула.

— Тебе нужна вода, только во-да... — проговорил Станислав, что-то медленно понимая. Он ненавидел сейчас себя за тугодумство, которым раньше не страдал.

— Просила я воду... Мне не давали. Только сок... Вода в овраге. Чистая, не грейп-фру-то-вая...

«Бредит, — с ужасом подумал Станислав. — Что же делать?»

— Больно везде. Каждая косточка... — она откинулась на спину, потом перевернулась на живот, поджала под себя колени и заплакала.

Какое-то время Станислав стоял истуканом, не слыша ничего, кроме сдержанных всхлипов, чувствуя лишь отголосок ее ломающей, грызущей все тело боли. Потом забросил на спину рюкзак, перекинул через плечо этюдник и, подняв Верочку, пошел в сторону заходящего солнца — там должна быть протока. Верочка казалась не тяжелее своего рюкзака. Она пыталась обнять его за шею, пушистая головка моталась по его плечу. Лицо было иссиня-бледное, на опущенных веках просвечивали голубые жилки. Временами дыхания не было слышно, и Станиславу казалось, что она умирает.

Он шел долго, но лес не кончался. Внезапно глубокий овраг перегородил дорогу. По склонам его, смыкаясь кронами, росли деревья, и внизу лежала уже ночная тень. Но там слышался торопливый говорок водяных струек, и Станислав начал спускаться.

Ключ, родивший широкий ручей, выбивался из склона промытого им оврага. Вода, не успевая нагреться на поверхности земли, была ледяной. В одном месте она прорыла себе большую овальную впадину.

Верочка, почувствовав запах воды, приподняла голову. Он поставил ее на ноги, помог наклониться к ручью, и она стала пить, подставляя ладони под маленький водопад, льющийся с уступа. Станислав тоже припал к воде губами, чувствуя, как ломит зубы, и только сейчас понимая, какая жажда сжигает его.

Верочка, напившись, попросила ее умыть. Станислав, плескав воды ей на лицо, насухо вытер его полотенцем. Заметил в полумраке, как она улыбается. Потная кожа его пылала жаром, соленые ручейки разъедали рубцы. Тело требовало душа, озера, океана воды, и если ему отказать в этом немногом, оно просто откажется дальше служить.

Устроив Верочку поудобнее в стороне, Станислав разделся и плюхнулся в каменистую ванну, вырытую трудами ручья. Вода, казалось, закипела и вышла из берегов. Он едва не завопил от леденящего блаженства. Но радостный вскрик его Верочка услышала. Из темноты раздался ее умоляющий голос:

— Я тоже хочу. Помоги раздеться, — она стала снимать ветровку.

В первый момент Станислав обрадовался, потом пришел в ужас. Но Верочкина голова застряла в горловине свитера. Пришлось спасать ее нос. Потом настала очередь кофточки, салатный цвет ее съедала темнота. Под тонкой тканью больше ничего не было, и маленькая упругая грудь словно светилась на фоне загорелой кожи.

Его охватило смущение, сладкие мурашки побежали по спине, словно он впервые увидел обнаженную грудь и заробел, как зеленый юнец, еще не знавший женщин. Она, уловив в темноте его взгляд, инстинктивно скрестила руки.

— Не смотри... — и тут же: — Помоги... — одной рукой она начала снимать джинсы.

Его, как пацана, била мелкая дрожь, но тело холодили мокрые плавки, и жалости было больше, чем естественного мужского желания, которое он тут же загнал вглубь. И два эти чувства — желание и жалость — соединились в одно: все заливающую, все поглощающую нежность. Она была выше тех совершенно разных «нежностей», которые он испытывал в своей жизни к другим: к отцу, к Ней, Лизе, Мадлен, даже к Тошке. Новая нежность, вобрав все оттенки этого чувства, легко подняла Верочку, пронесла несколько шагов и бережно опустила в ледяную купель.

Верочка не завизжала, а молча взвилась, как ошпаренная, пытаясь ногами поймать дно. Станислав вырвал ее из воды. В темноте он не мог понять выражение ее лица, но услышал счастливый смех.

— Еще! — тараша глаза, выдохнула Верочка, и Станислав еще раз опустил ее в купель, наслаждаясь восторженным визгом.

Он тут же шагнул на берег, не чувствуя одеревеневших в воде ног. Поставил Верочку на свою одежду и принялся растирать ее тело полотенцем, жестко, до жара под руками.

Она стояла не шевелясь, прикрывая ладонями грудь, и лишь покачивалась под натиском его неуклюжих ласковых рук. Ее худенькая, но крепкая фигурка казалась выточенной из светлого янтаря.

Потом он помог ей одеться и еще раз сам окунулся в ручей. Отжал за кустами плавки. Комары осаждали нещадно, хотя сначала их почти не было, теперь же тоненьким звоном наполнился весь овраг.

Станислав перенес Верочку и вещи через ручей, обулся, и они полезли вверх по заросшему травой пологому склону. Часто останавливаясь, Станислав давал Верочке отдохнуть. Она постепенно делалась прежней, только дыхание было еще неустойчивым.

Наверху их встретила не ночь, а поздние сумерки в березовой роще. Стволы деревьев светились, было удивительно тепло — роща весь день вбирала энергию солнца, чтобы позже отдать ее всем, кто прохладной ночью окажется здесь... В траве копошились мелкие зверюшки, под ноги лезли грибы, и, возможно, лось хрустел в кустах, провожая спокойным взглядом тихо идущую пару.

— Здесь уже недалеко, — обрадовалась Верочка, узнавая место. — Мы сюда за грибами ходили. Скоро начнется ельник...

Станислав внимательно наблюдал за ней. На душе было мутно.

— Что было потом? — спросил осторожно. — Красавчик поил тебя этим... грейпфрутовым соком?

— Представь, сок мне даже стал нравиться, хотя и горчил. А вначале казался противным. Роберт говорил, что в нем витамины... — она остановилась. Подняла едва различимое в темноте лицо.

Березы кончились, в сменившем рощу ельнике стояла ночь.

— Я догадываюсь, о чем ты подумал... — ее голос был невероятно спокойным. — Мне тоже пришла в голову эта мысль, когда под сосной лежала. Тогда мне больше всего на свете хотелось выпить этот сок. Так хотелось, что готова была вылезти и попросить Роберта привезти. И если бы тебя не было рядом... — она замолчала.

Станислав тоже молчал, ощущая, как в нем нарастает бешенство, от которого немеет язык, тупеет голова, а мускулы тела сжимаются в неистовом порыве...

— Я убью его, — пробормотал Станислав, и Верочка поняла все.

— Но разве в соке... — ее голос звучал удивленно и умоляюще, — можно растворить наркотик?

— Не знаю, — он понимал, что врать нельзя. — Возможно, что-нибудь из новых, синтетических.

— Неужели за какие-то пять дней?.. И на всю жизнь. Чтобы умереть в муках... — звучало в темноте как эхо.

«Я убью его», — он знал, что сделает это. Он всегда выполнял то, что решал умом, а не скоротечными чувствами.

— Человека убить — это сейчас все равно что муху прихлопнуть, — неожиданно сказала Верочка. — Роберт, конечно, подонок, но ты не станешь из-за него убийцей. Такая месть для тех, кто глуп, нестойк и убог душой. У кого нет других аргументов и средств.

— Думаешь, для таких, как Красавчик, Бугор, Кривоносый, существуют другие аргументы? — устало возразил Станислав.

— Красавчик — это Роберт? Бугор — тот самый Бугров,

из-за которого папа уехал в Москву. А Кривоносый? — Верочка взяла Станислава за руку, переплела свои пальцы с его культиками, и он почувствовал, как остывает злость, исчезает усталость. — Ты же так и не объяснил мне, как попал сюда. И почему на лице синяк? Я сначала вообразила, что ты каким-то чудом узнал и приехал, чтобы меня спасти. Но это просто счастливая случайность...

— Случайности стали для меня закономерностями, — мрачно пошутил Станислав и начал рассказывать. Он был краток, не вдавался в подробности и объяснения, а потому уложился в отрезок пути от ельника до нового оврага. Но Верочкина фантазия дополнила все.

— Сколько же ты успел сделать и пережить, пока я изнывала и бесилась в четырех стенах! — прерывисто вздохнула Верочка, когда он закончил свой рассказ ее приплюснутым к окну носом. — Мне вместо того, чтобы рисовать Красавчика, надо было кистью выколоть ему глаза. Хотя... Я не смогла бы сделать это, а потому готова себя презирать и ненавидеть! — Верочка чуть не плакала.

Реакция была излишне бурной, ненормальной, совершенно не свойственной ей, и Станислав осторожно сказал об этом.

— Думаешь, это от наркотика? — испуганно спросила она. И уже твердо: — Я хочу все знать. Ты не думай, это я с виду немощь. Но если надо... Читала: наркотики парализуют волю, страдает психика. Но ведь ты мне поможешь? — она подняла голову. Он почувствовал ее взгляд. Казалось, в глубине зрачков светилось тихое пламя.

— Помогу... Но тебе сейчас нужен врач, — Станислав обнял ее за плечи. Она ухватила рукой за его ремень. Они шли шаг в шаг и были сейчас совершенно одни в этом прекрасном и страшном мире.

— Не лягу в больницу... И к врачу не пойду — это же стыдно! Кто поверит, что все так по-идиотски получилось? — плечи Верочки вздрагивали. Она беззвучно плакала, и Станиславу казалось, что у него медленно разрывается сердце. — Умоляю, никому ни слова... Даже бабе Зине. Я только папе скажу. Он что-нибудь придумает.

— Я не спец, но мне кажется, все не так страшно. Доза была небольшой, и времени недостаточно, чтобы организм привык... — не зная, кого утешает, себя или Верочку, неуверенно бормотал Станислав. — Насмотрелся я на этих несчастных наркош-дуриков. И тех, кто на травке кайфует или таблетки хавают, и шаровых, кто на игле сидит и уже не думает, чтобы оттащиться, а лишь бы ломку снять... У тебя такого быть не может. Красавчик просто хотел приручить, чтобы ты от него зависела.

— Зачем я ему при таких красавицах-подружках? — фыркнула Верочка, и Станиславу стало обидно.

— Эх ты, не понимаешь, сколько в тебе очарования, — он почувствовал, как Верочка прижалась щекой к его плечу и замурлыкала.

— Чего замолчал? Это так приятно, когда по шерстке гладят, — она засмеялась, словно приглушенно зазвенел колокольчик. Потом вздохнула: — Знаешь, я всегда боялась несвободы. А наркотики — это же рабство! Я даже кофе крепкий не пью, чтобы не страдать, когда его нет. А папа не курит. Говорит: «Не хочу, как другие, бегать и попрошайничать, когда сигареты кончатся». И у мамы «роковых» пристрастий не было. Мы жили дружно, но независимо друг от друга. Никогда не принуждали, старались понять... А этот грейпфрутовый диктатор... Догадываюсь, почему он хотел, чтобы я, как это говорят, «улетной» была: думал, что расстараясь и по-другому его изображу. А получилось наоборот: внутреннее видение под действием этой дряни обостряется. На последнем портрете он как на рентгеновском снимке: вся душонка его в разрезе.

— Вот этого он и добивался, — Станислав осторожно раскручивал мелькнувшую мысль. — Ему не собственный портрет, не ты, а твой талант нужен. Твое умение увидеть и передать подлинную натуру человека. Если довести до совершенства этот дар...

— ... и никаких характеристик с места работы, никаких досье соглядатаев не нужно. Несколько штрихов на листе бумаги и — фоторобот души человека готов. Я так умею. Педагоги предсказывали мне славу карикатуриста. Но увлечение — мама называла это «раздеванием» — у меня давно прошло. Тянет на серьезные психологические портреты. На пейзажи. Не сентиментальные уголки природы, а то, что покидает мир... — Верочка потерлась виском о его плечо. — Знаешь, в предметах, долго служивших людям, особенно в старинных постройках, столько скрытой энергии: все увиденное ими, пережитое за века. Концентрация человеческих жизней, всех эмоций, страстей, любви... Если бы я могла побывать в Италии, в Греции, в Египте!.. А пока брожу по нашим умирающим деревьям и старым улицам. Современные кирпичные и панельные дома, новомодные офисы и магазины инертны, мертвы...

Станислав, уже не задумываясь, куда они идут, наслаждался щебетанием Верочки и полагался только на нее. Но она действительно знала эти места. Вскоре они вышли к протоке. Берег был пустынен и тих. Над деревьями поднимался яркий месяц. Остров лежал за серебристой полосой воды, и на фоне звездного неба казался китом-великаном из сказки о Коньке-Горбунке.

Верочка побоялась остаться в лесу и спряталась в обнаженных корнях склонившейся к воде осины. Чтобы не выдать ее тайник, Станислав отошел в сторону, разделся и поплыл, не погружая головы, чтобы оба уха слушали тишину. Вода была нехолодной, течение менее сильным, чем он предполагал. Он чувствовал Верочкин взгляд, и казалось, что светящийся лучик ведет его к острову, как вела, манила не так давно желтая земная звезда.

Поверхность моря сияла обнажающе ярко, и вспомнилось яростное кипение воды в перекрестье лучей автомобильных фар, бьющих с причала. Показалось, что с обоих берегов протоки вот-вот выстрелит залп огней... Но ступни уже коснулись дна.

Выбравшись из воды, Станислав побежал к крайней избе. Калитка оказалась незапертой, и собаки подняли гвалт, лишь заслышав дребезжание оконного стекла. Примчались, заматались возле плетня. В сарае замекали козы, и только тогда открылась дверь. Седая борода деда Акима забелела в темноте.

— На том берегу Верочка. Нужна лодка, — выпалил Станислав, опасаясь, что старик, узнав его, захлопнет дверь.

— Никак Петровича пльвун? И опять нагишом... Где ж тебе портков напасешься? — сонно пробормотал дед Аким и сладко зевнул.

— Ты, старый козел, разве не слышишь? Про Верочку чегой-то... — старика оттерла от двери худая старуха, шагнула белым привидением через порог. — Где внученька? Где Никулушка? Чего ночью?.. Видать, через протоку плыл. Али стряслось что? Когда Настенька моя померла, так тоже ночью приехали...

Это была не пулеметная дробь, а залп из «катюши», грозящий перейти в артобстрел. Собаки изошлись лаем.

— Да нормально все! Николай Лукич — в Москве, Верочка к вам добиралась. Я ее в санатории встретил, через лес проводил... Вы бы, дед, лучше с лодкой поторопились. Она там одна...

Дед начал натягивать штаны, баба Зина загремела веслами. Но кто-то из соседей уже спешил к калитке.

— Что стряслось? — окликнули из темноты, и по голосу Станислав узнал Лагина. Тот с полуслова понял все, ничему не удивился. Подхватил весла и вслед за Станиславом заспешил к воде.

Сказав, что замерз и хочет согреться, Станислав сел на весла. Ему казалось, что все происходит слишком медленно, и за это бесконечное время разлуки с Верочкой может произойти что угодно.

Лагин не спорил, но хмыкнул, когда весла тяжело заплюхали по воде. Толстые рукоятки выскальзывали из ладоней, но Станислав быстро приноровился, и вскоре нос лодки ткнулся рядом с наклонившейся осиной. Лишь услышав Верочкин голос, он успокоился и разом обессилел. Усталость навалилась, словно на плечи и спину обрушилась гора. Но надо было еще выбраться на берег, одеться...

— Я взяла твои вещи, — Верочка передала ему сверток, потом этюдник, рюкзак и пробралась на корму.

Молча забрав весла, Лагин оттолкнулся ими от упругих корней. Только тогда Станислав понял, что все муки и страхи позади. Он словно возвращался в родную крепость, изгнанный, но восстановивший справедливость и свое доброе имя рыцарь. Правда, Верочку в роли Прекрасной дамы он представить себе не мог. Воображение сбивало на кудрявого, грациозного амурчика, нацелившего в его сердце янтарную стрелу.

— Правда, красиво?.. — уловив его настроение, улыбнулась Верочка. — Но кистью это не передашь: нет на свете таких красок.

Станислав огляделся — блестящая, словно черный атлас, вода растекалась от носа лодки бесконечным веером. Спинки невысоких волн лоснились. На них, словно золотые кувшинки, качались звезды. Весла разбивали их, капли воды, как жемчужины, падали с кромок лопастей. Месяц новогодней игрушкой застрял на пике ели. Золотистая дорожка от него искрилась, переплетая рябь чешуек, и казалось, что на поверхности резвятся стайки золотых рыбок.

На берегу Верочку перехватила баба Зина. Дед Аким забрал вещи и, прихрамывая, помчался следом. Лодку на берег втащили вдвоем, и, пока Лагин возился с замком, Станислав оделся. Усталость не отпускала, он чувствовал себя клячей, груженной мешками с землей.

Присев на нос лодки, он безразлично глядел, как уходит Лагин с веслами. Калитка и дверь за Верочкой захлопнулись, в окне затеплился неяркий свет.

«В лодке лягу, — подумал Станислав. — Утром с Верочкой попрощаюсь и — на станцию».

— Сергей! — окликнул его из темноты Лагин. — Ты чего, уснул там?

«Почему «Сергей»?» — вяло подумал Станислав и побрел к дому. Лагин провел его в комнату, дал кружку молока и еще что-то.

Выпив молоко, Станислав полез на сеновал, упал лицом в колючую траву. Последней мыслью было: «Я уничтожу его...» Последним видением — лицо Верочки. Он уснул, как умер.

Колокол Богородицы

ну, поддай пару! — кричал Лагин и сам выплескивал на раскаленные кирпичи ушат воды. Станислав, уже зная, что за этим последует, шарахался в противоположный от печки угол и закрывал лицо руками.

Взрыв пара обрушивался с шипением и треском. Горячая волна била в спину, поднимала дыбом волосы на затылке. Легкие отказывались дышать, сердце выпрыгивало, и ноги сами несли истерзанное тело к широкой лавке, на которой предстояла очередная экзекуция березовым веником, запаренным с крапивой в чугулке.

Лагин — костлявый и жилистый, красный, как вареный рак, потеряв всю свою солидность, плясал вокруг Станислава, охаживая его веником. Потом Станислав, в порыве мщения, лупил его с оттяжкой по крепкой спине и тощим малиновым ягодицам. Оба хохотали и подвывали так, что приземистая банька, будь у нее ноги, улепетнула бы за леса далекие и моря глубокие. Но стояла она, к счастью, на задах огорода, и только куры, бродившие возле плетня, дружно вздрагивали и неслись с кудахтаньем куда глаза глядят.

— Бытует мнение, — сказал Лагин, когда они в изнеможении опустились на лавку в предбаннике, — что натура человека проявляется в том, когда, сколько и как он пьет спиртное. Это чуть собачья... Темперамент, воля, азарт определяются здесь, в русской баньке. Не в заморских саунах и восточных банях, заметь... Вот в тебе стойкость есть, но азарта мало.

— Действительно мало... — смеялся Станислав, вытираясь вафельным полотенцем с нарядной вышивкой по краям.

— Не знаю, как за кордоном, а на Руси принято начальство — военное ли, партийное — в парилку заманивать. Когда оба в чем мать родила, а значит, на равных, и попросить о чем-нибудь не грех, и удаль свою показать можно. А заодно и о повышении деликатно намекнуть. Сколько я таких подхалимажных бань да саун перевидал, когда в начальниках был... — Лагин хмыкнул и, вытащив из ведра с холодной водой бутылку кваса, налил себе и Станиславу. Выпив кружку залпом и крякнув от удовольствия, продолжал тем же насмешливым с легкой горечью тоном:

— Это потом уж меня в «баньку» по-черному определили за вольнодумство и самоуправство. За что позже чины да награды жаловать стали. Отсидел за решеткой, пока господа не сменили товарищей. Отпустили с извинениями... Сначала я

новым временам обрадовался. А как убедился, что командовать мной будет тот, кто шавкой был и доносы строчил, плюнул на все и на этом острове обосновался. С новой женой — старая, пока сидел, бросила. И детей заново настрогал, и вольным, и при деле себя почувствовал.

Лагин приоткрыл дверь, впуская в предбанник свежую струю воздуха, и разлил по кружкам остатки кваса.

— Сейчас бы не помешало по стопарю долбануть, но... еще успеется. Сегодня день особенный. Его можно назвать Днем свершения обета или исполнения мечты... Вот ведь, никто такие праздники не отмечает, и зря. А мы ждали его, готовились... — он задумался, что-то подсчитывая. — Я тут уже двенадцать лет. Трофим — ему под сорок, здесь с малолетства. А клятва уже витала над островом. И лет ей, наверное, под шестьдесят.

— В секрете держите? — расслабленно улыбнулся Станислав. Такого бездумного блаженства он не испытывал еще никогда.

— Всему свое время. Хотя когда-нибудь это назовут легендой... А пока одевайся быстрее, — Лагин кивнул в угол, где Станислав оставил одежду. Сейчас рубашка была другая — белая. На вычищенных штанах заутюжена стрелка, а в кедах лежала пара новых носков.

— Бриться будешь? — Лагин уже намылил себе щеки и точил о ремень длинное, похожее на кривую саблю лезвие. — Нет, лучше я сам тебя поскребу. Вы, молодежь, «Жиллетт»ами испорчены и об истинных радостях не подозреваете.

Лагин оказался прав: Станислав отсидел всю опасную процедуру, жмурясь от удовольствия. Потом они перекусили наскоро. Как выразилась Галина — толстенная и смешливая жена Лагина: «Лишь бы заморить червячка». И хотя в желудке Станислава обитал, казалось, прожорливый питон, он торопливо проглотил что-то, не поняв вкуса, потому что глаза его все время косились в окно, откуда был виден дом бабы Зины. Но Верочка из него не выходила, лишь близняшки Лагина затеяли на улице «догонялки».

Когда, кому из обитателей острова, в каком объеме и что именно поведала Верочка о своих злоключениях и вчерашнем дне, Станислав не знал. Но, судя по тому, что его больше не называли Сергеем, а величали настоящим именем, разговор состоялся.

Верочку он увидел, лишь выйдя с семейством Лагина на улицу. На ней было белое сильно расклешенное платье ниже колен. Тонкую талию стягивал плетеный поясок, а босоножки на каблуках совсем не подходили для травы и камней. Станиславу захотелось взять ее на руки. Она была из давних времен

и напоминала принцессу из забытого королевства. Держалась хотя и приветливо, но гордо, и он испугался: вдруг заговорит, как в городе, снова на «вы»? А потом забудется, как бежали и прятались под сосной, как шли по лесу обнявшись... Хотя о том, как нес, прижимая к себе, как купал в ледяной купели, — об этом действительно вспоминать не стоило.

Верочка обернулась, приветливо махнула рукой и хотела подождать Станислава. Но старики охраняли ее бдительно. Дед Аким в расшитой косоворотке держал Верочку за руку. Баба Зина — высокая, костлявая старуха в кофте-самовязке и шелковом платочке, вцепилась в другую руку, словно опасаясь, что Верочка сбежит.

«И зачем ее так вырядили? — с досадой и тревогой подумал Станислав. — С того берега все это шествие, как на сцене».

Люди из домов тянулись в сторону монастыря, и Станислав подумал: уж не свадьба ли? Но на роль невесты, кроме Верочки, никого не было, а себя женихом Станислав еще не чувствовал.

Народу оказалось больше, чем он предполагал. В основном старики и ребятишки. Но были и крепкие рыбацкого вида мужики из ближней лесной деревни, многие с женами. Приехал и знакомый егерь Савелий с миловидной немолодой женой. Все одеты по-праздничному.

А Петрович... Станислав не поверил своим глазам: в инвалидной коляске в парадной форме и летной фуражке сидел Герой Советского Союза. Солнце высвечивало на темно-синем кителе Золотую Звезду и ордена. Седовласая Машенька шла рядом, то ли держась за коляску, то ли подталкивая ее. На ней было модное бледно-сиреневое платье, а волосы собраны в высокую, словно корона, прическу.

Развалины монастыря с той стороны, куда все подходили, не выглядели удручающе. Они напоминали стройку, приостановленную в ожидании помощи, — божьей или людской. Кирпичи, очищенные от раствора, были сложены в стопки, мусор сметен в овражек, а разлом в стене казался подготовленной к операции раной. Какая трогательная, но бесполезная попытка поставить на ноги великана...

Купол, под которым произошла нелепая встреча с Существом — дедом Никишей, напоминал искореженный, но исконно русский шлем. Ветряк все так же старательно перемалывал бирюзу неба.

А рядом поднялась красавица колокольня. Как и вчера поутру, граненый шатер ее из оцинкованного железа горел серебром. Крест над ним светился солнечно. Верхний арочный ярус, где должен висеть колокол, наполнился синевой, а нижняя

часть звонницы казалась расклепанным книзу старинным са-
рафаном. Правда, не новым, а залатанным. Но нитки-кирпичи-
ки лежали один к одному, и получался рисунок, как на само-
тканом, еще неотбеленном полотне.

Станислав стоял закинув вверх голову. Пристальный взгляд заставил его обернуться. Верочка и Машенька наблюдали за ним. Одна лукаво щурила глаза, вторая смотрела задумчиво.

Поймав его взгляд, Верочка улыбнулась, а Машенька, толкнув коляску, покатила Петровича в сторону Станислава. И он поспешил навстречу, не избегая пристального взгляда карих глаз.

— Здравствуй, Станислав, — Петрович протянул руку. Большая мозолистая ладонь крепко сжала узкую беспалую кисть, и Станиславу стало ясно, что Петрович знает главное: пред ним не господин Икс из ниоткуда, а вернувшийся по своей воле и не с пустыми руками Добрый молодец. Судя по тому, как Петрович смотрел, Верочка не пожалела красок, расписывая его подвиги. Но понимает ли он, насколько все серьезно? Хотя и самому сейчас все страхи казались в прошлом: остров был крепостью, кряжистые мужики — армией, а праздничный настрой окрашивал все в оптимистические цвета.

— Не исчезай, серьезный разговор есть, — сказал Петрович.

Станислав кивнул и оглянулся, разыскивая Верочку. Но ее рядом уже не было — ушла здороваться со старыми знакомыми. Станиславу явно не было там места, и он снова почувствовал себя чужим.

Тем временем на плоский обломок монастырской стены, как на трибуну, взобрался Лагин, а вслед за ним — незнакомый старикан в черном костюме, на котором сияло два ряда орденов и медалей.

Хозяева и гости примолкли. Потом по толпе пошел шепоток: «Дед Никиша!.. Неужто он?..» И Станислав с недоумением разглядывал подстриженную бороду, короткие волосы одуванчиком вокруг головы.

— Дорогие друзья, — Лагин поднял руку, и все сразу затихли. — Мы привыкли всем миром праздновать радостные события, вместе переживать горькие и помогать в беде. Но сегодня особенный день. День завершения трудов праведных, осуществления Мечты, которую не просто лелеял уважаемый и любимый нами Никодим Васильевич Ивашов. Он своими руками, своей волей и сердцем сотворил ее, доказав нам и детям нашим, что было это не чудачеством, как многим сначала казалось... Мечта — это цель, к которой человек стремится, бывает, целую жизнь. И счастье, что мы это поняли и хоть с опозданием, хоть немного, но вложили свои силы и время, —

у Лагина был хорошо поставленный голос опытного оратора. — А теперь послушаем нашего именинника, — Лагин положил руку на плечо ничуть не оробевшего деда Никиши.

Тот придвинулся к краю и осмотрел всех, словно обнял взглядом.

— И было мне годков... вон как ему, — дед Никиша кивнул на Станислава, и все посмотрели в его сторону, отчего стало неуютно. Но старик уже продолжал: — И был я тогда курсантом артиллерийского училища. Собой пригож, характером лих. Певун, плясун и один из лучших наводчиков — глаз у меня такой прицельный. А выезжали мы в летние лагеря, на стрельбы из областного города сюда. Большая река тогда своим малым руслом бежала, вокруг — луга сенокосные. Раздолье... Мишени нам ставили на косогоре, под горушкой, где сейчас мы с вами живем, — голос у деда был не по-стариковски звонкий. Привык из-за глухоты своей говорить громко, так что все хорошо его слышали.

— Монастырь этот в то время уже брошенный стоял, — продолжал дед. — В гражданскую войну здесь беляки оборону держали, вот красные гаубицы его и покорежили. Да курсанты-мазилы нет-нет да и лупанут по нему. А колокольня как была, так и стояла, словно заговоренная... И пошел меж нами, нехристями, спор: кто ее порушить сумеет?..

Дед вздохнул. Было видно, что говорить ему нелегко. По лицу, коричневому от загара, пошли темные пятна, но он продолжал:

— Я в спор не лез: не по себе было, хоть в бога не верил и в церковь — ни ногой. Уж такое время было... Но взводный наш на новые часы с другим взводным поспорил: есть, мол, у него наводчик — самый из самых, — это я, значит... Ну, начали другие стрелять, а все мимо, словно снаряды от колокольни кто рукой отводил...

Дед Никиша присел на край плиты, спустил вниз ноги. Расстегнул для удобства пуговицы на пиджаке, позванивая наградами. Все придвинулись к нему и тоже начали садиться — кто на кирпичи, кто на траву. Старик обвел всех тоскливым взглядом:

— Загнал я, значит, колоколенку эту в окуляр прицела, навел на нее перекрестье и — жажнул... Секунду назад стояла звонница невестой, вся белая, словно в платье подвенечном. А тут надломилась, сначала вроде бы беззвучно. Из нутра кирпичная труха пошла, как кровь брызнула... И как уж так одним снарядом я ее срезать сумел, не знаю. Только рухнула ниже пояса, как на колени упала, и головой с крестом — в землю... Грохот от выстрела оборвался, а тут словно ее крик донесся — застонало по всей округе, — дед Никиша замолчал,

поискал глазами курящих. К нему тут же потянулись с сигарками. Он взял ближнюю, задымил. Заговорил снова:

— Припал я к лафету, а встать не могу. Меня товарищи по плечам хлопают, поздравляют. Взводный увольнительную сулит... А я еле ночи дождался и мимо дозорных — к горушке. Только по склону начал взбираться, а тут луна из-за тучи выглянула. И поплелся я к моей расстрелянной, бездыханной... А монастырь рядом с ней черный стоит, словно отец али муж горюет. И такая жуть меня взяла, такая жалость, словно и вправду безвинную Красу русскую собственноручно убил... — дед Никиша вытер рукавом глаза. Зашмыгали носами женщины, а мужчины еще яростнее задымили сигарками.

— Провалился я в беспамятстве или в полусне до рассвета, — задумчиво продолжал дед Никиша. — И привиделся мне сон не сон, а будто идет сама Богородица. Одевание у нее по земле туманом стелется, а над головой сияние, но глаза не спит. Идет тихо и смотрит на меня с укором и жалостью, будто это я раненый али больной. Прошла мимо, ничего не сказала, только в голову мне мысль вжилась: «Надругался, испоганил — теперь исправляй что натворил. Иначе не будет тебе самому от себя прощения...» А Богородица меж тем к звоннице подходит, и чем ближе — тем выше становится. Во весь ее рост стала и колокольной обернулась. Ну, точь-в-точь как прежняя была... Я во сне от радости даже заплакал. Но тут слышу, горн к побудке зовет. Глаза открыл — кругом те же развалины... А в лагере меня уже хватились, вот и отсидел на «губе» двое суток. Увольнительную дали — ребята в городок, что за рекой, отправились, а я лопату прихватил и — сюда. Медный колокол еще тем утром в обломках углядел. Бронзовый крест в кустах обнаружил. Выкопал яму, где земля помягче была, столкнул колокол, крест туда же. Засыпал, кирпичами закидал. Отсчитал шаги от угла монастырской стены и от основания звонницы. Клятвы никакой не давал, потому что знал: лежит это теперь на мне как проклятие, а может, покаяние, как обет... А тут — война с Гитлером. Был я на ней с первых дней и до последних. Отступал — наступал, в окружение попадал, партизанил. И, когда рядом товарищей смерть косила, знал, что меня она тронуть не посмеет, потому что сама Богородица мне наказ дала...

Присев на случайный камень, Станислав слушал. Он один не знал этой истории, но понимал, что вся целиком, как на исповеди, она звучит только сейчас. Было бы сложно определить одним словом его чувства, но похожие возникли у всех, награждая людей ощущением духовной близости, тем, о чем забывается в сутолоке городов. В неожиданном и горьком падении нравов, когда любовь покупается за деньги, дружба —

за услуги, а счастьем кажется шмотье и сомнительные радости...

Станислав искал взглядом Верочку. Она сидела в стороне от всех, перед ней лежал этюдник с вертикально закрепленной крышкой. Она рисовала, лицо было сосредоточенным и строгим. Станислав никогда не видел ее такой — словно растворившейся в работе и воспарившей над островом и всем, что на нем есть: водой и небом, невидимым, но ощутимым энергетическим полем, вобравшим мысли людей, их душевные импульсы.

Малышня, устав сидеть на одном месте, бегала вокруг колокольни. Собаки переругивались с козами, пришедшими поглазеть на необычное скопление людей. А дед Никиша рассказывал, как после войны поселился в городке и начал работать на строительстве завода — будущего «Полимера». По воскресным дням и в праздники он приезжал сюда на велосипеде. Даже когда женился. Потом пришла большая вода, разлилось целое море, и пришлось покупать моторку.

Детей бог не дал. Жена умерла. А когда дослужился до пенсии, перебрался сюда. Жил в самой колокольне, сделал временный потолок и сложив печку. Сажал картошку, ловил рыбу, собирал ягоды и грибы, но все время, даже зимой, строил. Научился выковыривать кирпичи из обломков стен. Узнав секрет старинного цемента, развел кур, чтобы иметь для раствора яйца. Он читал Библию и дал зарок не покупать обнов, пока его колокольня не будет одета.

Первые жители из затопленных деревень, поселившиеся здесь, считали его сумасшедшим. Воровали кирпич для печей и доски, что он покупал на свою пенсию в лесничестве... Он болел, падал с высоты, замерзал. Зимой его осаждали волки, иногда били люди.

Дед Никиша говорил обо всем этом просто, то с легкой грустью, то с иронией, подшучивая над собой и другими. Он давно простил и забыл тех вредных людей, хотя кое-кто и сидел сейчас вместе со всеми. Лишь смущенно опущенные глаза выдавали их... Зато тех, кто ему помогал, хоть добрым словом, хоть куском хлеба, помнил. Пошел целоваться с Лагиным, Петровичем, дедом Акимом. Поклонился бабе Зине и Машеньке, а потом горячо и долго доказывал какой-то старухе, что непременно посватался бы к ней, не будь женат уже на своей Колокольне.

Появился священник в праздничном облачении и начал освящать звонницу, читая нараспев молитвы и покачивая кадилом. Наконец, настала очередь поднимать начищенный до блеска медный колокол.

Все было подготовлено заранее и, не снимая праздничных

рубашек, мужчины дружно взялись за работу. Но где-то заело веревку, и Станислав, воспользовавшись суматохой, подошел к Верочке.

Она приподняла голову. На бледном лице ее блуждало отстраненное выражение. Глаза светились скрытой страстью, которую принято называть вдохновением. Когда ее взгляд утонул в зрачках Станислава, лицо начало приобретать земные черты.

— Это ты, — рассеянно, но с оттенком радости сказала она.

— Посмотреть можно? — Станислав зашел за спину Верочки. Он ожидал увидеть колокольню и живописную группу людей или портрет деда Никиши при полном параде. Но на рисунке было другое...

На отсыревшем листе ватмана, словно отделяясь от него, парил в нежной синеве контур колокольни, обозначенный легкими карминовыми мазками, напоминающими кирпичную кладку. Сквозь нее туманно, но поразительно узнаваемо проступали знакомые лица. Даже не много лиц, а словно бы одно с десятком пар глаз: родниково-чистые — деда Никиши, недоверчивые — Лагина и почему-то мечтательные — Петровича. Ласково светились фиалковые Машенькины, настроенно щурился дед Аким. А глаза бабы Зины были янтарными, как у Верочки и ее мамы. Плутовато косился Тихомир, Трофим затаенно улыбался. И чьи-то еще глаза заполняли пространство у самого основания колокольни, плывущей по воздуху. Земля обозначилась выпуклым горизонтом, за обрезаем ватмана мерещился Космос.

Неожиданно взгляд Станислава споткнулся... Он понял, что это его серо-стальные глаза и брови с одинокой морщинкой между ними — таким он видит себя в зеркале. Но почему во взгляде столько робкой нежности? И как удалось вместить ее в те немногие легкие мазки? А может, кистью водила рука самой Богородицы, благословившей все, что происходит вокруг?

«Сейчас я разревусь, как сентиментальная барышня», — подумал Станислав с досадой, и чудное видение исчезло. На листе ватмана осталось лишь странное в пастельных тонах изображение многоглазой звонницы, упорно не отпускающей взгляд.

Внезапная мысль пришла, как озарение: «Но ведь именно это от живописи, от искусства и нужно! Мы стали бояться собственных чувств, стремимся казаться крутыми — все могущими и безразличными. А сила в том, чтобы не бояться быть нежным, если любишь, чудаковатым в стремлении осуществить мечту. Волевой должен быть великодушным, гордый — снис-

ходительным... Надо находить в себе мужество и не губить то лучшее, что подарили Мать-природа и Бог-отец в бескорыстном стремлении своем наградить человечество прекрасными качествами, которые так легко, увы, превратить в пороки, если поменять в оценке желаний и поступков «плюс» на «минус»...»

Возле Станислава остановилась Машенька, за ней потянулись все, кто не был занят подъемом колокола. Сбежались ребятишки.

Станислав шагнул в сторону и стал наблюдать издали.

Люди не разговаривали, ничего не обсуждали. Постояв, тихо отходили, уступая место другим. Кто-то возвращался и вновь приглядывался, стараясь удержать возникший в их душе образ. А может, прислушиваясь к себе...

Верочка, отодвинувшись от этюдника, приводила в порядок кисти и краски. Лицо осунувшееся, словно рисунок потребовал не только времени и внимания, а забрал энергию жизни, чтобы ожить самому.

— Как называется твоя картина? — Станислав присел рядом.

— А как бы ты назвал? — она улыбнулась, и оба почувствовали, что снова, как в начале узнавания друг друга, затевают игру в вопросы без ответов, которые понятны и так.

— Ты назовешь ее «Богородица», — шепнул Станислав.

— Да, — радостно откликнулась она. В тот же миг раздался несильный пробный звук. И хотя все ждали его, но вздрогнули. Взгляды устремились к колокольне, где в арочных проемах, отражая солнце, сверкал и плавился в собственном огне медный колокол.

Многие начали креститься, а руки Станислава упали вдоль тела.

«Разве главное — соединить пальцы в щепоть? Важно, чтобы душа вознеслась...» — мысль вспыхнула вместе с сиянием колокола и погасла, когда он откачнулся в тень арки. В проеме мелькнула седая борода деда Никиши.

Станислав покосился на Верочку. Она стояла зажмурив глаза, словно сверканье колокола ее ослепило. Потом зашарила руками, отыскивая нужную кисть. Торопливо обмакнула в баночку с водой и замерла, вглядываясь в лежащие перед ней краски.

Второй удар колокола прозвучал как продолжение первого и окутал остров, воду, лес торжественным аккордом. Он был мелодичен, и в удвоенной ноте, как в луче света, таилась семицветная гамма звуков...

Верочкина кисть заметалась, и на овал палитры легла капля крови. В нее упала искра и несколько снежинок. Верочка добавила кармина, чуть-чуть охры и еще белил — она подби-

рала цвет звука. Уловив его, подошла к картине. Точный мазок лег в том месте, где угадывалась арка звонницы, где колокол жил.

Соприкосновение кисти с ватманом совпало с новым ударом, и Станислав ахнул: в задумчиво-пастельных тонах вспыхнула живая, приковавшая взгляды искра, как отражение солнца, как мелодичный и одновременно страстный звук. Его слышала душа, и вся картина преображалась. Теперь было понятно и очевидно в ней все — возвышенно-прекрасное и по-человечески земное.

А реальный колокол на звоннице уже метался непрерывным пламенем, рождая чистые, трепетно призывные звуки. Они разносились окрест, казалось, что их должны слышать и в санатории, и в лесничестве, даже в городе.

«Жи-знь, жи-знь, жи-знь!» — звучало как альтернатива SOS — «Спасите наши души»... Как ответ на крик о помощи: «Иду — идем — идем!» И было это как призыв к Богу, который бессилен, если не возродится совесть в душах землян...

— Теперь поговорим о делах, — отодвинув недопитый стакан и заткнув пробкой бутылку настойки, Петрович сел удобнее, давая понять, что легенда закончилась, а жизнь продолжается.

Но глаза Станислава искали Верочку. Она ушла домой, чтобы унести картину. Он хотел проводить, но баба Зина зыркнула на него угрожающим взглядом и подхватила этюдник. Станислава окликнул Петрович. Машенька, приглашая к своему «котелку», расстелила прямо на траве скатерть. Такие «котелки» с разной снедью уже заполнили лужайку перед колокольней. Получился огромный общий стол. Из одних блюд и мисок в другие перекочевывали угощения. Трофим обносил всех копченой рыбой, жена Лагина раздавала пирожки с грибами и ягодами. Все хвалили разносолы Машеньки и круглые, как белые булжники, сыры бабы Зины.

Дед Никиша ходил именинником от одной стайки людей к другой. Его зазывали, угощали, благодарили. Он был уже пьяненьким, но не от вина, — можно быть пьяным и от счастья.

Собаки терпеливо ожидали подачек. На запах съестного выбралась из развалин Рыжуля. Она вела за собой таких же рыжих кутят, вислоухих и толстопузых. Рыжуля степенно подбирала брошенные ей угощения, искоса наблюдая, как люди ласкают ее детей.

Станиславу послышался тоскливый лай Тошки, и на душе заскребло. Без каких-либо чувств вспомнилась Лиза, ненадолго вернулась тревога за Мад. Тезка и его мама казались те-

перь половинками целого. А все случившееся — поездка с Йосано в Москву, печальные истории Графа и Вадима Вадимовича, все «бугровские» приключения — стало словно событиями из чужой жизни. Он ждал Верочку, а она все не шла.

«Если подойдет сначала к нашему столу, мне суждено прожить здесь еще день. Если к другому — уеду сразу же после праздника», — загадал он. Но пришел дед Аким и сказал, что Верочка устала и отдыхает. Лицо его было сумрачно. Станислав рванулся было с места, но дед отрезвил, словно ушатом воды окатил:

— Бабки Зинаиды хватит. Заварит травку, в баньке попарит внученьку. Хворь и отпустит.

Станислав чуть не застонал. Дед Аким сделал вид, что не заметил выражения его лица. Но Петрович понял, что здесь не только взаимная симпатия молодых людей.

— Что стряслось? Выкладывай, — потребовал он, когда дед Аким ушел выпить с дедом Никишей.

Станислав нахмурился. Ему не понравился командный тон. Петрович это почувствовал и продолжал уже мягче:

— Дед Аким спозаранок прибежал. Сказал, что Верочку кто-то взаперти держал, а ты ее вызволил. Но ему, мол, в это не верится... Расскажи-ка подробнее, если можно.

— Даже нужно, — Станислав понимал: он уедет, а Верочка здесь останется, и надо поручить кому-то ее защищать. Он больше рассчитывал на Лагина, но того избрали тамадой, и начать с ним серьезный разговор не было возможности. А потому Станислав рассказал Петровичу все, что произошло в санатории, начиная с продажи часов. Как взламывал решетку, как прятались под сосной, особо не расписывал. Зато на том, что Красавчик соглядатаев нанял и какое дал им поручение, внимание Петровича заострил.

— Ты думаешь, — Петрович сосредоточенно рассматривал лес и облака над ним, — Красавчик хотел талант Веры Николаевны для своих дел использовать, — значит, рабство? И до этого докатились? — взгляд Петровича стал жестким. — А недомогание ее? Этот тип...

— Нет! — Станислав поспешил рассеять даже мысль о том, что над Верочкой кто-то мог посметь надругаться. — Все дело... в прокисшем соке и голодовке, которую она устроила.

— Хотел бы я взглянуть на мерзавца, — зло усмехнулся Петрович.

— Сколько угодно, — Станислав с трудом вытащил из кармана смятый рисунок. Вылетели и пятисотрублевки. Он зачихнул их обратно, но Петрович заметил. Сказал задумчиво:

— Вот как бывает: не пришлось бы тебе в санатории из-за часов задержаться, и неизвестно, что приключилось бы с Ве-

рочкой... — он развернул листочек ватмана и всмотрелся в самодовольное лицо. А Станислав похолодел при мысли о том, что, приехав в Москву, он рассказал бы о своих злоключениях Николаю Лукичу, и только тогда стало бы ясно, что Верочка до острова не добралась...

Они давно уже были одни. Машенька, давая возможность мужчинам посеCRETничать, ушла к поющим, и ее негромкое сопрано расцвело в хоре голосов, стройно выводящих мелодию незнакомой Станиславу песни. Трофим подыгрывал на баяне, но пришел долговязый паренек, очень на него похожий, и вместо спотыкающихся аккордов полилась, заискрилась в уверенном переборе клавиш задорная мелодия.

— Не возражаешь, если себе на время возьму? — спросил Петрович, аккуратно складывая рисунок. — Соображения кое-какие есть... И поподробнее, как Верочка в лапы мерзавца угодила.

Станислав от разговоров устал. Его взгляд и мысли метались вокруг дома бабы Зины и баньки, которая не дымилась. Значит, Верочку не парили, и есть надежда, что она все-таки придет. А может, ей стало хуже?..

Он никак не мог сосредоточиться, но припомнил все, что знал, с того момента, когда Николай Лукич посадил дочь в автобус, а сам вернулся в город, чтобы утром отбыть в Москву. Сама собой потянулась ниточка — возник вопрос о причине срочной поездки. Пришлось в общих чертах рассказать. Так слово за слово, вопрос за вопросом и выудил Петрович историю «бугровского дела».

Станислав и не сопротивлялся. Внутреннее напряжение, копившееся полгода, перегрузки тела и души последних дней постепенно таяли. Он словно вылезал из тесного скафандра, сбрасывал его, оставаясь в исподнем, не собираясь, однако, раздеваться догола. Умиротворение расслабляло, он даже почувствовал к себе жалость и проговорился о гибели фирмы, своем одиночестве...

— И ты решил, что нет смысла жить. А под рукой — «лимонка»...

— Вам этого не понять... — глухо пробормотал Станислав.

— Ты так думаешь? — Петрович нехорошо улыбнулся. Налив себе и Станиславу, залпом глотнул травяную настойку, хотя до этого почти не пил. — Хочешь, расскажу, как Машенька моя из черноволосой красавицы за несколько минут седой стала?

Станислав торопливо кивнул. А Петрович, откинувшись спиной на траву, заговорил, не спуская взгляда с облаков:

— Я только от наркоза очнулся... Лежу соображаю, насколько короче стал? Что ступни раздробило, когда по верто-

лету из «стрингера» жажнули, — это я помнил. Даже как сгоряча пытался «вертушку» выправить. А дальше — чернота... В общем, лежу на госпитальной койке, размышляю, что уже ни летать, ни плясать, ни с лебедушкой моей не прогуляться — червь червем до конца жизни... А тут она, Машенька моя, как раз в дверь палаты входит. В руке цветы — фиалки лесные, мои любимые... Коса у нее вокруг головы черная, глаза светятся — такая по-колдовски красивая, что жуть взяла...

— Зареванная была... А глаза светились, потому что сказала: жить будешь, — Машенька подошла неслышно, и оба вздрогнули.

Петрович сел, она примостилась сзади него — спиной к спине, и ее лица Станислав видеть не мог. Зато глаза Петровича оказались совсем близко, и он глянул в них с нетерпением.

— Как увидел я жену — так и сиганул прямо с кровати на подоконник. Возле окна койка стояла. Откуда и силы взялись, ведь под наркозом еще был... А с подоконника в открытое окно — головой вниз. И все равно мне было: первый ли этаж, десятый... Не убиться спешил, а сбежать, чтобы укороченным меня не увидела, не пожалела и всю жизнь потом не нянчилась...

— Понянчишься тут с тобой, — отозвалась из-за его спины Машенька. — Только воевать и приходится.

— Этаж оказался вторым, — продолжал Петрович, пропустив мимо ушей ворчание жены, — а внизу — кустарник, вишня в самом цвету. Вот на эти лепесточки... Ладно хоть спиной получилось, а то бы всю свою глупую «будку» разукрасил, и без глаз остаться мог...

— Не люблю я эти воспоминания, — шепнула Машенька, и тут же, вскидываясь голосом: — Но вы представьте себе, Станислав! Узнаю, что он тяжело ранен. Тут же хватаю грудного Андрейку и мчусь на поезде, на самолете, в машине... Потом жду, когда ему операции сделают, — у него же не только ноги, еще ранения были и контузия. Наконец, через сутки дежурства в коридоре и на улице, метания между Андрейкой, которого у добрых людей оставляла, и госпиталем меня пускают к мужу. И на моих глазах он... Я теряла его дважды: сначала, когда совершенно случайно через летчиков узнала, что вертолет упал в горах. Их же двое суток из ущелья не могли вытащить... И вот вижу его живым совсем рядом — и вдруг... Я ведь тоже не сообразила, какой этаж. Поняла только, что потеряла снова и уже — навсегда... В окно за ним прыгнуть мне не дали... Господи, как я бежала по коридору, по какой-то узкой лестнице, билась в запертую дверь запасного выхода. Теряла сознание, думала, схожу с ума. И все это молча, в себе, потому что казалось, никого вокруг нет. Только я и он — рядом умирает.

— Ну, будет, будет... Прости, — Петрович целовал ее руки и волосы. Станислав боялся поднять глаза. Казалось, он видит вновь открывшуюся рану и чувствует боль от нее.

— В общем, когда я пришел в себя, то увидел юную жену свою как лунь белой. Меня снова на беспамятство повело... Она, глупышка моя, плачет, кается: «Покраситься не успела, завтра же в парикмахерскую схожу и хоть блондинкой, хоть снова темной стану». А я говорю ей: «Нет, будь такой, какая сейчас, чтобы всю жизнь моя боль перед твоей болью пустячной казалась».

Они сидели такие непохожие и одинаковые... «Как мы с Верочкой», — подумал Станислав, и взгляд его снова убежал к нерастопленной баньке.

— Пойду, — Машенька встала, — помогу Галине разжечь самовар. Будем всех чаем поить, — и ушла, легкая, в серебряном ореоле волос — обыкновенная земная богиня.

Петрович проводил ее влюбленным взглядом. Помолчав, сказал, возвращаясь к прежнему разговору:

— Так, значит, тебе и Верочке угрожает опасность?

— Я-то завтра уеду. А вот она...

— За дочку Николая Лукича не беспокойся, а насчет тебя подумаем, — Петрович снова уставился взглядом в небо, словно там мог найти ответ на все вопросы. — Мы здесь почти затворниками живем, но то, что в стране происходит, знаем, и на своей шкуре в какой-то мере чувствуем. О делах Приречинска мало наслышаны, но ты ясность внес. Так что переправим тебя на станцию через лесхоз.

— Знать бы, что там у Николая Лукича?.. Может, позарез нужен, а может, и без меня все получается, — Станислав вздохнул. Пошутил: — За один телефонный звонок сейчас бы полжизни отдал.

— Не слишком ли щедро? — Петрович снова улегся на траву и обронил небрежно: — Ты что же думаешь, мы здесь совсем дикарями живем? И такие нищие, что мобильный телефон приобрести не можем?

— У вас есть «сотовый»?! — Станислава как волной подняло на ноги. Он готов был бежать, но не знал, к кому. — Что же раньше...

— А ты спрашивал? Появился нагишом, напустил тумана, разупрямился, словно капризная барышня, и умчался невесть куда, — Петрович засмеялся, но в голосе проскользнуло смущение. — Звонить будем вечером: днем Николай Лукич где-нибудь бегаёт. По той обстановке, что у него сложилась, действовать станем. А вот о безопасности Верочки надо думать уже сейчас.

Петрович поманил пробежавшего мимо пацаненка и велел

позвать Лагина, Трофима, Тихомира и егеря Савелия. Все появились почти одновременно, и хотя были навеселе, но на ногах стояли твердо и взгляды их были осмыслены. Лишь Тихомир чуток осоловел.

— Все, кому положено было, уже слышали, что Веру Николаевну — нашу Красу Ненаглядную по дороге сюда чуть не украли. Да Добрый Молодец появился ко времени и Кошечка Бессмертного перехитрил, — Петрович обвел всех хмурым взглядом, и появившиеся было улыбки на лицах сидящих тут же увяли: сказочный намек был слишком реален. — Теперь мы должны стать стражей, как тридцать три богатыря, что из волн морских... — продолжал Петрович совершенно серьезно.

— А ты, ясно, за дядьку Черномора, — съехидничал невесть откуда появившийся дед Аким. Он бесцеремонно потеснил Тихомира и плюхнулся рядом. — Полюбопытствовать дозволейте, о чем сказ?

— О внучке твоей, а потому посиди молча, — приструнил его Лагин, и дед настороженно затих. А Петрович продолжал:

— Ты, Савелий, скажи жене и всем, кто спросит, что уезжает наша гостья сегодня вечером — моторкой в город отвезем.

Дед Аким подпрыгнул и разинул рот, чтобы выразить свое возмущение. Наткнулся на предостерегающий взгляд Петровича и сник.

— Тебе, Тихомир, поручаю завтра же в санаторий наведаться... Знаю, что день неурочный, и дед Иван на Зорьке не встретит. Ничего, налегке и пешком дойдешь. Скажешь: «За бензином. Накануне последний, отправляя Верочку в город, истратили». Заодно и привезешь лично для меня. А главное, кое о ком от работников санаторских разузнаешь. Станислав тебе разъяснит.

— Бензовоз в лесхоз пришел, — подал голос егерь. — Так что если недорогая горючка нужна...

— Тоже возьмем. Сейчас бензина много понадобится, — кивнул Петрович егерю. Потом обернулся к Лагину: — И тебе придется в санаторий сходить, вроде бы в аптеку. К старшей медсестре заглянешь да осторожно об одном типе расспросишь. Но об этом — позже.

— Отпустит его Галинка, как бы не так!.. — хихикнул Тихомир с двусмысленной улыбочкой. Лагин дернулся было в сторону болтуна.

— Спокойно! — осадил Петрович обоих. — Дрянной у тебя язык, Тиша, когда голова в хмелю... — и уже Лагину: — Галину с собой возьми. Может, купит себе что-нибудь или прическу сделает. При случае пусть и про Верочкин отъезд скажет.

Петрович дал указание Трофиму с утра пораньше съездить в город и разузнать на пристани, кому принадлежит красный катер. И что в народе об упавшем с причала «Жигуленке» поговаривают.

Станислав насторожился, боясь, как бы Петрович не ляпнул лишнего, но тот слова подбирал умело, и никто ничего сверх дозволенного не понял. О чем шел разговор дальше, Станислав уже не слышал, потому что со стороны домов к ним приближалась Верочка.

Она была не одна. Задрав бороденку, за ней вышагивал Чертяка. Торжественно-надменный вид ему придавала чалма из проткнутой рогами большой тряпки, затвердевшей от грязи. Она-то и отгибала голову козла назад. Бедняга то вскидывал тряпку себе на спину, то волочил ее по земле, но, когда Верочка протягивала руку, пытаясь вызволить бедолагу, Чертяка отпрыгивал и грозил кончиками рогов прихватить еще и подол ее платья.

— Вот глупый, — сказала Верочка, подходя к компании Петровича, но глядя только на Станислава, — с утра таскает, а снять не дает. Раньше только полиэтиленовые бутылки в заводи бодал... Теперь до вечера, пока домой не придет, помучается.

Станислав искал на лице Верочки следы ломки, подобные вчерашней. В груди сжималось от жалости, и на козла-баряхольщика он не взглянул. Выскочил из круга мужчин, поспешил навстречу, усадил Верочку на свое место. Он видел только янтарные глаза и губы-вишенки. Каштановые волосы золотило солнце, но не было прежней бархатистости кожи, так поразившей его при первой встрече в городе.

«Как ты себя чувствуешь?» — спросил его взгляд. «Разве по моему настроению не видно?» — улыбнулись ему ее глаза. В ней было все так естественно, мило, словно не в каменном мешке городского дома выросла, а здесь, на заповедном острове стройным подберезовиком с шоколадной шапочкой.

— Я боялась, что праздник кончится без меня. И так хочу есть, — Верочка взглянула на скатерть, и сразу же к ней потянулись руки с пирожками, ломтями сыра. Она, смеясь, обещала съесть все.

— Лапушка ты наша, — бормотал дед Аким и от полноты чувств прикладывался к стакану с настойкой, недопитой Станиславом.

Чертяка тоже решил напомнить о себе. Украшенная чалмой голова его просунулась между Станиславом и Верочкой. Козел стащил огурец, схрумкал его за их спинами. Решив оттереть чужака, которого, как и дед Аким, признать не торопился, ткнул рогом Станислава под локоть. Тот, не глядя,

долбанул козла кулаком в прикрытый тряпкой лоб. Руку что-то царапнуло. Станислав обернулся и ахнул.

— Отдай! — заорал он, увидев замызанную фирменную нашивку. Тут же понял, что поступил опрометчиво: Чертяка отпрыгнул. Но Станислав уже ухватил штанину им собственноручно утопленных брюк.

Сначала никто ничего не понял. Почтенный гость — Добрый Молодец, спасший Красу Ненаглядную, наподобие тореадора, затеял сражение с козлом. Однако оружием обладал только Чертяка, и спасти Станислава могла лишь ловкость. А потому все наблюдали за поединком настороженно. Верочка даже побледнела.

Еще никогда Станислав не бегал так резво, не взлетал так высоко, а падая, не вскакивал, едва касаясь земли. Но брюк не выпускал, хотя назвать то, что было в его руках, частью замшевого костюма было невозможно.

Чертяка, мотая головой, то отступал, то бил противника прямой наводкой, норовя садануть в живот или чуть ниже, и сдернуть брюки с рогов не удавалось.

Тогда Станислав решился на опасный трюк. Козлиный вожак уже подустал, потому что был далеко не молод, а Добрый Молодец — в расцвете сил и в пылу азарта. Он так рискованно-беспечно наматывал штанину на руку, подбираясь к устрашающим рогам, что стоило лишь чуток выждать, и удалось бы насадить нахала одним ударом сразу на двузубец. Козел косил глаза, делая передышку. И прозевал то мгновение, когда Станислав с боевым кличем прыгнул ему на спину и вцепился в ремень, застрявший у основания рогов.

Козел дернулся вперед, не понимая, что тем самым помогает обидчику. Раскисший ремень лопнул, брюки с треском сорвались с рогов, а Станислав, потеряв равновесие, соскользнул с козлиного зада и шлепнулся на траву.

Дружный хохот слился с возмущенным возгласом бабы Зины, обиженным меканьем ее питомца и испуганным вскриком Верочки.

— Ты не ушибся? — только это и расслышал Станислав, однако на девушку не взглянул. Его культики шарили по задубевшей от воды и грязи замше, отыскивая «молнию» на кармане.

Карманов и дыр — много, но Верочка была уже рядом. Их руки соприкоснулись. Тускло блеснули зубчики «молнии», Верочка потянула замочек. Он покапризничал и нехотя открылся.

— Достань... — Станислав не спускал взгляда с ее рук.

То, что вытащили Верочкины пальцы, мало походило на паспорт и водительское удостоверение. Можно было подумать, что козел, таская брюки, заодно жевал карман. Но целлофаново-

вая пленка сберегла фамилию владельца и фото с расплывшимся до неузнаваемости лицом.

— И не такие документы восстанавливать приходилось, — Лагин забрал у Верочки то, что было когда-то паспортом.

Снова руку Станислава что-то задело, порезав в кровь. Еще не веря своим глазам, заметившим блеск стального острья, он нащупал костяную рукоятку и вытащил кинжальчик Степана.

— Неплохо сработано, — сказал Петрович. — Где раздобыл?

— Товарищ пытался меня выручить. Свой отдал.

— Ну и как, пригодился? — Петрович осторожно тронул пальцем лезвие и поднял на Станислава испытующий взгляд.

— Конечно... — кивнул тот, но, заметив, как помрачнело лицо «афганца», пояснил: — Когда плыл, пришлось шнурки разрезать. А такие клевые десантные ботинки были...

Грохнул взрыв смеха. Станислав только сейчас заметил, что козлиная коррида собрала весь празднующий люд. И, поддаваясь общему настроению, он шутливо раскланялся, прижимая руку к сердцу и поглядывая на хмурого Чертяку. Тот уводил с лужайки коз.

Потом Станислав помчался на берег. Опасаясь выронить из неглубокого кармана штанов кинжал и не зная, куда его деть, завернул в лист лопуха и спрятал в кустах. Раздевшись, обнаружил несколько новых синяков и торопливо нырнул в воду.

Он плыл, размышляя о том, что неожиданных и странных событий для одного дня слишком много. И не знал, что понастоящему удивляться ему еще предстоит...

— Дядь Петрович! А уже семнадцать часов. Ветер — средний, зюйд-вест и облаков навалом! — ватага пацанов во главе с Леней-гармонистом — сыном Трофима остановилась рядом. И Андрейка смотрел на отца пристально, но не просил — выдерживал характер. И остальная ребятня не галдела — дисциплина. Зато взрослые, услышав разговор, стали уговаривать:

— Соколик ты наш! Уж порадуй для завершения...

— Завершения да напоказ дороже всего обходятся, — хмуря брови, ворчал Петрович.

— А ты аккуратненько... Не шибко да невысоко...

— Тогда как раз и гробанешься, — отбивал атаки Петрович. Но видно было, что сдается. И пацаны, хорошо изучив своего наставника, уже подкатили коляску.

— О чем это они? — спросил Станислав. Верочка хитрово улыбнулась. Хотела ответить, но подошла Машенька.

— Петенька, а ты все учел? Может, лишнего выпил?

— Выпьешь тут с таким компаньоном, — Петрович под-

мигнул Станиславу и, подтянувшись на руках, водрузился на сиденье коляски.

— Включить форсаж! — дал он команду.

— Есть форсаж! — заорали пацаны. Старшие облепили коляску и помчались рысцой. Несмазанные колеса радостно завизжали. Издав воинственный клич, помчалась малышня. За ними с лаем увязались собаки. Все напоминало сценку, разыгравшуюся на глазах у Станислава несколько дней тому назад и так неприятно поразившую его.

Он посмотрел на Машеньку. В глазах ее затаилась тревога, наполнив их цветом поздних сумерек. Заметив внимательный взгляд Станислава, она слабо улыбнулась и начала сворачивать скатерть, откладывая остатки еды для собак и коз, забирая с собой мусор и посуду.

Другие женщины делали то же самое. А на предстоящий пир уже полноправными хозяевами возвращались собаки и, бросив обглаживать кусты, подтянулись козы. Растолстевшая за день Рыжуля торопливо уводила щенков.

— Пойдем, — сказала Верочка, — а то самое интересное пропустим... Нет, нет! Не спрашивай, все увидишь сам, — она пошла вслед за мужчинами, освобожденными от мелких хозяйских забот.

Станислав сжимал пальцы Верочки, и все казалось как во сне. Даже лучше, потому что кругом было то прекрасное, что может подарить только простор — бескрайнее небо над необъятной землей и безбрежным морем, овеванным ветром. Вчерашний трудный лес издали казался приветливым, а протока — шире и надежнее, чем ночью.

«Завтра я уеду...» — тоскливо сжалось сердце. Захотелось навсегда остаться здесь, вдалеке от воинственной сутолоки города, от назойливых прелестей цивилизации, от своих и общих проблем, навязанных тщеславием, завистью и жадностью, которые будут существовать, пока живет зло в многоликости его проявления.

— У меня сегодня странный день: живу как живется, — Станислав вскинул руки и вздохнул так глубоко, что запершило в горле. — Тебе хотелось бы здесь поселиться навсегда? Со всеми удобствами, с восстановленным монастырем и небольшим туристским бизнесом?

— В новой части города?.. Тогда тем, кто нашел здесь уединение, придется снова искать необитаемый остров. Это несправедливо, — впервые не сумела понять его Верочка.

Станислав начал доказывать, что можно сделать все, не ущемляя прав и свобод островитян, давая им твердый заработок, но путь закончился. Верочка остановилась возле длинного сарая-мастерской. Широоченная дверь, устроенная наподобие

складной ширмы, была распахнута. Пацаны выкатывали... самолет. Тот самый, что пикировал, когда Станислав лежал на козлином пляже. И хотя плоскость была сейчас ниже уровня глаз и то, что на ней написано, не видно, но Станислав помнил: «М-а-р-и-я». Петрович нес на крыльях имя своей любви... Так вот из какого гнезда вылетел соколик!

Крылатое изделие было похоже на современный самолет так же, как велосипед с моторчиком на комфортабельный лимузин. Если бы Станислав своими глазами не видел его в полете, никакие доводы не убедили бы, что на этой грациозно-хрупкой стрекозе кто-нибудь рискнет подняться в воздух. Но именно этим собирался заняться сейчас Петрович. Он выкатился из сарая следом, подгоняя ребят.

— Кто выкладывает сегодня старт? Где оцепление? Почему не установлен «колдун»?

Тотчас над сараем-ангаром надулся, показывая направление ветра, бело-оранжевый конус. Олег и Вовка с ворохом красных флажков побежали расставлять их вдоль широкой полосы на берегу. А малышня во главе с Анютой, забрав прутья, встала на охране летного поля — на случай, если козы или собаки проявят излишний интерес к людским затеям.

— Мотопланер — на старт! — приказал Петрович, и Андрейка с Леней взяли за подкосы возле кабины.

— Давай поможем, — Верочка побежала к концу левого крыла, и Станиславу ничего не оставалось, как взяться за правое. Он еще не свыкся с мыслью, что безногий Петрович летает... Так вот о какой исполнившейся мечте начала говорить тогда Машенька!

«Мария» легко сдвинулась с места и покатила к дальнему концу линии из флажков, где Митяй и Павлик выложили на траве два белых полотнища буквой «Т». Петрович, перебирая руками колеса коляски, ехал следом. На коленях у него лежал самодельный рупор, на шее висел полевой бинокль, а на площадке под сиденьем были нагромождены какие-то железяки.

Крыло, за которое осторожно держался Станислав, казалось трепетным, но плотным. Под туго натянутой тканью, покрытой белой эмалью, чувствовался прочный скелет. Вспомнился настоящий Ан-2, на котором он так позорно прокатился... Потом — незнакомый пацан-очкарик и отобранная у него Братухой модель планера. Корешам так и не удалось увидеть, как она летает: хитрюга тезка увел-таки всех от пацана с «Прозрачным»...

Дед Аким, прикрыв ворота, заковылял рядом с коляской Петровича. Слышно было, как он укорял его писклявым голосом:

— Чегой-то сегодня не по торжественной форме летать начинаем? Уж можно бы ради праздника... Не хошь сам, так я заместо тебя объявление сделаю, — он отобрал у Петровича рупор и остановился напротив возвышенности, где, как на трибуне стадиона, расположились зрители. Возвестил:

— Дорогие, значит, наши односельчане и гости, — он явно подражал Лагину. Но голос его дребезжал, приобретая в рупоре металлический оттенок. — Любительский авиационный клуб «Мечта» начинает полеты... Как будем лететь? — так же в рупор спросил он, обернувшись к Петровичу. — В зону аль по кругу?

Петрович, не останавливаясь, сделал круговое движение рукой.

— Только по кругу седня, потому как дело к вечеру. Это и краше — лучше видать. А то мотанет Петрович куда под облака, и словно жаворонок в поднебесье — не сыщешь... — дед замолчал, думая, чего бы еще сказать. — Чуть не запомнил: пилоты-летчики у нас, окромя командира — Героя Союза, майора и вертолетчика первого класса Петровича, еще учлеты: сын его Андрейка и Ленька — Трофима сын. А как у Олежки с Вовкой ноги до педалей дорастут и у Митяя мандраж кончится — Петрович их тоже обучит. И мелюзгу всю енту, — дед кивнул в сторону Павлика и вооруженных прутьями ребятишек. — Потому как всем охота на землю с неба, будто ангел, глядеть. Еще и дисциплина на пользу. И на дурное дело того, кто как птица божья летает, не собьешь. Потому никакая скверна да зараза воровская не пристанет. А уж эта наркотика и, как его... секса — подавно.

Последние слова деда Акима заглушил такой хохот, что появившиеся было за спиной зрителей козы шаракнулись назад, и охранники с прутьями понеслись с визгом вдогонку.

— Аким, а при чем здесь «секса»? — слышались голоса мужиков.

— А сам-то чего в летчики не зачислишься? — ехидничали женщины. — Ноги-то вон какие длинные.

— Годы у меня длинные, — вздохнул дед, и в рупоре его вздох прозвучал так тоскливо, что на холме притихли. Старик больше ничего не сказал и побрел в сторону старта.

Тем временем мотопланер развернули и поставили возле «Т» носом по линии флажков, похожих на строй дружно распустившихся маков. Петрович объехал вокруг «Марии», внимательно приглядываясь к крыльям и оперению на хвосте.

Андрейка уже сидел в кабине, покачивая ручкой управления, отчего на крыльях отклонялась задняя часть, а на хвосте — небольшая горизонтальная плоскость.

«Элероны и руль высоты», — вспомнил Станислав, ожидая,

когда от движения педалями шевельнется на хвостовом оперении вертикальный руль направления. Ясно представилось, как при подготовке к парашютным прыжкам он сдавал Глебу зачет по матчасти самолета.

В памяти осталось все, даже сдержанная похвала инструктора. Тогда он не придал ей значения. А теперь совсем иначе вспомнилось: задумчивый «Антон» на талом снегу, уют заполненной приборами кабины, строгая таинственность чужого мира, и он сам — в командирском кресле. Дыхание тезки на своем затылке, восторженное пыхтение Сынка и ворчание Братухи, робкие вопросы Зятка — все вернуло тот червячок досады, который вырос позже в скрытую неприязнь, а может, зависть к инструктору...

И другая картинка, которую он так старательно гнал из памяти, нарисовалась четко: фюзеляж самолета, распахнутая в небо дверь, жуть километрового провала, куда уже шагнули все. Лишь он, парализованный страхом, впервые в жизни не может сделать то, что надо, что хочет, и не в состоянии понять, почему не может... Тезка говорил, что боязнь высоты — болезнь врожденная, неподсудная. Поэтому не презирал — только жалел. И Глеб жалел, упорно передавая приветы. И в семейке каждый по-своему оправдал, но не забыл...

«Хватит, Сергеич, — прищикнул на себя Станислав. — Кому в небе дела вершить, кому — на земле. Мне бы Бугра, Кривоносого и всех «хряков» за решетку посадить. С Красавчиком рассчитаться и... — он вдруг почувствовал, что больше ему ничего не надо. Даже чудо-Верочки... — И зачарованный этот остров — на фига его благоустраивать, если и так радостей выше крыши? На кой черт я здесь, в чужой жизни, на чужом празднике, как прихлебатель?»

— Что с тобой? — тихий голос Верочки был напряжен, как будто она шла по тонкой струне, натянутой между ними.

— Что-то с головой... Очевидно, с похмелья, — отшутился Станислав, понимая, что она не поверит. — Пойду искупаюсь, — хотелось рвануться к протоке и в чем есть нырнуть в воду.

— Давай сначала посидим, — Верочка отошла к подножию холма и опустилась на траву. В лице ее было что-то непреклонное, и Станислав присел рядом. Теперь они были вне старта и в стороне от зрителей — удобная позиция, чтобы немного погода сбегать.

Тем временем Леонид засунул под колесики мотопланера колодки.

— Запустить двигатель! — скомандовал Петрович.

— От винта! — откликнулся сын. Мотор затарахтел, взвиваясь постепенно до высоких нот. Белые лопасти с красными

кончиками, образуя сплошной круг, словно распустились. Так же, как на «Антоне», когда Глеб опробовал двигатель, в душе нарастало непонятное чувство радостной тревоги, и слышался чей-то зов. Может, это звало небо?..

— Визжит, как на моторной лодке, — обрывая вспышку ненужной романтики, проворчал Станислав.

— Неудивительно, — Верочка сорвала розовый клевер и начала выгрызать из него сладкие лепестки. — Это же лодочный мотор «Вихрь», только переделанный на воздушное охлаждение.

Невозмутимый тон и техническая информированность Верочки показались так нелепы, что Станислав разом очнулся:

— Ты-то откуда знаешь? Может, тоже, как дед Аким?..

— Может, тоже... Я и первый самолет — он с ручным управлением был — видела. Как Петрович летать на нем начал и однажды из обломков вылез... Машеньке сказал: «Для малой авиации, что для большой, законы Неба одни... Летчик я хоть и классный, а конструктор из меня — никакой». И в город поехал, к знакомому авиатору. Сюда прилетел на планере с опытным спортсменом. Из этого планера в основном «Марию-2» и делали. Пилот несколько дней у Петровича жил. Они что-то рассчитывали, изобретали. Потом еще летчик был — наши за ним на моторке ездили. Он у парашютистов инструктором. Жил здесь почти месяц, помогал «Марию» строить и испытывать. Ребяшня — это лишь второй год, как мальчишки подросли. Мне тоже хотелось, и Петрович согласился, но мама сказала: «Только через мой труп...». Ее уже нет, а все равно не могу послушаться, — Верочка печально улыбнулась.

— Зачем тебе это? — Станислав глядел, как бежит параллельно флажкам, набирая скорость, мотопланер, как плавно отделяется от земли, уходя в небо. Сначала скользит на фоне воды, потом — белым на белом, наложившись на облака. Наконец, синева принимает «Марию» в нежные, но коварные объятия. Предзакатное небо румянит плоскости. Они кренятся в развороте, алым вспыхивает фонарь кабины. Но мотопланер уже выровнял крылья и летит над зрителями. Напевно гудит мотор. Люди запрокидывают лица, их взгляды скрещиваются на «Марии» — восхищенные, по-доброму завистливые.

— Ты спрашиваешь, зачем? — Верочка ложится на спину: так удобнее смотреть ввысь. — Хочу увидеть море с Большой рекой и берегами в лесном безбрежье. Город — скопление судеб: жилки-улицы пульсируют, дома, как пчелиные соты, провалы площадей — это же все живет. Хочу понять лик Земли... Господи, да после даже одного полета, одного взгляда на эту нерукотворную красоту и...

— И рукотворное уродство, которое может сотворить толь-

ко варвар-человек, — Станислав чувствовал нарастающее раздражение.

— Даже на уродство! — Верочка нахмурилась. — Чтобы потом люди его тоже увидели и ужаснулись... Это все должно быть у меня здесь, — она стукнула кулачком себя в грудь. — А пока не знаю, как выразить, какие положить на холст краски... Вот закончит Петрович двухместный мотопланер и прокатит. Сначала деда Акима, потом деда Никишу, а потом — меня. Нет, первой с ним полетит Машенька.

«Мария» сделала еще один круг, похожий на прямоугольник с зализанными углами, и начала снижаться. Звук мотора смолк, но дед Аким объявил, что так положено, и зрители не затревожились.

Солнце било сзади, и «Мария» казалась тенью в ореоле оранжево-золотых лучей. Возле «Т» колесики мотопланера коснулись земли, взмыли вверх, но тут же плавно припечатались, зашуршали песком и травой. Зрители на «трибунах» захлопали.

Андрейка включил двигатель и порулил к старту. Развернувшись, остановился возле «Т». Из мотопланера вылез красный от волнения.

— Ошибку понял? — у Петровича было недовольное лицо.

— Понял, — разом сник Андрейка. — Скорость на выравнивании была чуть выше, чем надо. Вот и «козел»...

— А исправил его хорошо, — отец легонько хлопнул сына по плечу и кивнул Леониду. Тот занял сиденье пилота. Темные, как у Трофима, глаза смотрели на приборную доску сосредоточенно. На скуластом лице застыло выражение, с каким он, отобрав у отца гармонь, пробежал пальцами по клавишам.

— Учти ошибку Андрея... На солнце не смотри — слепит, — сказал Петрович и отъехал в сторону. — К взлету готов?

— Готов, — в голосе Леонида лишь сосредоточенность.

— Давай! — Петрович махнул рукой в направлении взлета. Губы его шевельнулись, и Станислав по движению их понял: «С богом!».

Снова разбег, и паренек, сверстники которого футболеют пивные бутылки, лазают в дачные домики или тузят кого-нибудь в подворотне, ушел в большое, взрослое небо. Петрович и Андрейка не спускали с «Марии» внимательно-настороженных глаз.

Станислав поискал взглядом Трофима. Глаза отца сияли гордостью. А женщина рядом с ним нервно покусывала кончик косынки.

«Ясно, мать. Для всех полеты — забава, а для нее и Машеньки — мучение. Одно и то же событие рождает разные

чувства, и лишь исключительное объединяет всех», — мысли бродили бесцельно, пока не вернулись к тому, о чем недавно говорила Верочка.

— Парашютиста-инструктора Глебом зовут?

— Ты его знаешь? — янтарные глаза ожили радостью.

— В это время ты тоже здесь была? — голос прозвучал сумрачно.

— Ну и что? — Верочка посмотрела лукаво. — Может, ревнуешь?

— А есть причина? — Станислав пытался превратить все в шутку, но не мог справиться с голосом, и Верочка рассмеялась.

«Если она снова отделается вопросом, я уйду», — Станислав приподнялся, собираясь встать, но Верочка примиряюще улыбнулась.

— Глеб приезжал в отпуск осенью, когда меня не было. И потом у него есть девушка, она его навещала. Но главное, — Верочка притворно вздохнула, — он не в моем вкусе.

— Такой мужественный и статный, — Станислав забыл о полетах, о том, что сидят они у всех на виду и дед Аким давно косится в их сторону. Он видел только Верочку, похожую на полевой цветок.

— Глеб... — девушка задумалась. — Он какой-то слишком правильный. Всегда знает, чего хочет, что можно и нельзя, и планомерно своего добивается. Он надежен и обязателен. На таких добросовестных работагах держится земля. Но... — Верочка посмотрела на небо, но не на «Марию», летящую над ними. Она разглядывала облака. — Глеб несколько раз приходил к папе, уже в городе. Они писали статью в защиту аэроклуба, когда чиновники из мэрии хотели помещение и аэродром сдать предпринимателям. Я попыталась украдкой сделать наброски к его портрету — одни прямые линии...

— Разве это так плохо? — Станислав уловил ее мысль.

— Прекрасно! Но... не для меня.

— Тебе нужны высокие идеалы или темная, с просветами душа?

— Мне нужно, чтобы в душе были поиск, борьба и несбыточная мечта, которую человек пытается превратить в реальность... Как дед Никиша, Петрович... Тот, кто, идя через страдания, не сгибается. Калека — это не тогда, когда изуродовано тело... Лишь бы осталась прекрасной преображенная душа. Она в человеке живет — растет, взрослеет, а к старости дряхлеет или становится мудрой. Испытания ей устраивает жизнь. Одни от них становятся сильнее, другие — скатываются до ничтожества. Я поняла это, когда погибла мама, — Верочка сморгнула слезу.

— А если человек в смятении, если мечется? Хочет одно, а жизнь подставляет другое, и он уже не знает, что для него хорошо, что плохо? — Станислав не мог сформулировать мысль, и это его злило.

— Это значит, он ищет себя. И Петрович искал, но ему помогала верность Машеньки. И отец метался, пока не появился ты... Знаешь, что он сказал после твоего первого визита к нам? — Верочка блестящими от непролитых слез глазами взглянула на Станислава. — Он сказал: «Этот парень спасает меня. И даже не подозревает об этом». В последнее время он сдался, перестал писать. Его раздавила ужасная смерть мамы. Он остро переживал падение страны, в которой вырос и возмужал. Не самого строя — он по натуре демократ. Не бытовой экономики — у нас небольшие запросы. А крах нравственности, которая в его роду потомственных интеллигентов ставилась превыше всего. Ты вдохнул надежду в его замороженную, отчаявшуюся душу. И сделал то, что не могла сделать даже я...

Станислав слушал и не слышал... Казалось, прекрасные, нужные слова относятся не к нему, а к другому, хотя и близкому, человеку, которому почему-то все время плохо и лишь моментами хорошо.

«А мне можешь ты?» — подумал он. И Верочкина душа услышала, откликнулась, переводя чувства и мысли в слова.

— Мне кажется, — зашептала она загадочно и странно, словно ясновидящая, вглядываясь и пророча будущее, — можешь и спасешь себя ты сам. Не знаю как, но это будет очень скоро.

... Леонид, закончив полет, уже выпрыгнул из мотопланера. На его место, скинув на коляску китель и фуражку, теперь сажился Петрович. Он ловко забросил ноги и всего себя через низкий борт кабины и, пригнувшись, прикрепил протезы к педалям. Потом сцепил привязные ремни и подвигал ручкой управления, шевельнул ногами, отчего «Мария» словно встряхнулась. Так птица расправляет перья.

— От винта! — бросил скороговоркой и врубил движок.

Взлет, совсем не похожий на взлеты мальчишек, был стремителен. «Мария» резко ушла от земли, из стрекозы превращаясь в ласточку.

Петрович развернулся на небольшой высоте и выписал над водой аккуратную «восьмерку», словно выложил два скрепленных друг с другом кольца. Крылья то румянились закатом, то отливали синевой, то на них ложились лиловые тени. И тут же, напорвшись на острие солнечного луча, взрывался светом фонарь кабины.

Мотопланер сместился к центру острова, где еще дрожало

легкое марево от нагретых камней, и звук мотора оборвался. Внутри у Станислава тоже все оборвалось, а по рядам зрителей прошел тревожный ропот. Дед Аким поспешно схватил рупор:

— Не пужайтесь, дорогие гости. Это положено, потому как... — он замялся, вспоминая специальное слово, — ежели объяснить: воздух паркий от земли прет, аки столб незримый. Вот на ем, на «термике», мотоплан и взбирается, как по лесенке крученой.

«Мария», выписывая спираль, быстро набирала высоту. Плоскости и оперение на хвосте сверкали белизной, фонарь кабины жил бликами и вспышками искр. Крылья плавно разрезали воздух, и он то расступался с шорохом, то пел, — неживое казалось живым.

Станислав подошел к коляске и, взяв бинокль, навел его на «Марию». Бинокль был военный, с премудростями, и потому сначала потаскал взгляд по простору неба. А когда наткнулся на обод фонаря, Станислав едва не отпрянул — все было ближе, чем рядом. Лицо Петровича будто столкнулось с его лицом, и он увидел распахнутые, сияющие глаза, какие бывают у людей только в момент их наивысшего счастья. Захотелось туда, в мир облаков и птиц, чтобы почувствовать, чем пахнет и как пьянит свобода. Увидеть лик Земли, Богом данную красоту природы и даже раны, нанесенные ей людьми.

Мысль была не его, но она пришла и застряла. Станиславу стало не по себе, и он поспешно опустил окуляры бинокля вниз. Взгляд наткнулся на ветряк, лопасти его крутились бодро, казалось, старик монастырь тоже не прочь взлететь. Помолодевшая колокольня поблескивала присмирившим в ожидании колоколом.

Потом бинокль, опустившись ниже, выхватил Чертяку и несколько коз. Взгляд Станислава скользнул по воде протоки, по стволам деревьев и уперся в склоненную над водой осину... В том месте, где ночью, ожидая лодку, сидела Верочка, примостились двое.

Один был молодой, с носатым и губастым лицом. Массивные плечи обтягивала бордовая рубашка. Второй сидел, привалившись спиной к дереву. Он был постарше, узкоплеч и неприметен. Вытянутое лицо казалось высохшим, но на щеках тлел румянец, зажженный тем, что плескалось в бутылке, которую он держал в руке. Отхлебнув, мужик протянул водку молодому, сказал что-то. Оба засмеялись.

— Что ты там увидел? — спросила Верочка. Она протянула руку к биноклю, и Станислав торопливо перевел его на мотопланер.

Петрович уже закончил восходящую спираль и начал сни-

жаться, стремительно ускользая из окуляров. Верочка, пытаюсь поймать его, смеялась. Лишь забрав бинокль, Станислав успокоился.

С разнотональным посвистом скользнув к земле, Петрович с ходу коснулся колесами возле «Т» — словно притер «Марию» к земле. Не пробежав и половины полосы, остановился. Заруливая на старт, скрестил над головой руки. Дед Аким поднес рупор к губам:

— Дорогие, уважаемые наши зрители! Полеты и выступления подошли к концу. Значит, всем расходиться, а кому и разъезжаться по домам пора. Счастливого всем пути! — Старик низко поклонился.

Зрители похлопали и стали растекаться говорливыми ручейками — кто к домам, кто к лодкам. К Петровичу, вылезавшему из кабины, подошла Машенька. Он что-то сказал ей, она ответила сердито:

— Опоздаете к ужину — поколочу. Только уже не полотенцем, а скалкой. И при всех, чтобы стыдно было.

— Тогда придется заранее дать сдачу, — засмеялся Петрович и, медвежисто заграбастав Машенькины плечи, крепко прижал к себе.

— Ладно уж, — отдышавшись от долгого поцелуя, Машенька смущенно оглянулась по сторонам. Увидев Анюту и Павлика, крикнула, чтобы загоняли коз, и сама заспешила домой.

Петрович кивнул Станиславу, подзывая к себе. Взяв бинокль, направил его на противоположный берег. Сказал:

— Недавно пришли. Когда ребята летали — не было. Это они?

— Мы же их не видели, — сразу все поняв, тихо ответила Верочка.

Петрович метнул на нее сочувственный взгляд и засмеялся:

— Сейчас разыграем спектакль... — он окликнул Трофима и велел принести мотор. Андрейке и Леониду приказал спустить на воду лодку. А Верочку попросил сбегать домой за рюкзаком и этюдником.

Станислав заикнулся было, что не прочь прокатиться тоже и, обогнув остров, вылезти на другой стороне. Но Петрович возразил:

— Тебе завтра через лесхоз выбирать. А пока садись на пилотское место и порули, чтобы шалопаи раньше времени не смотались.

«Ни к чему мне это...» — хотел сказать Станислав, но довод был логичен — парни могли уйти раньше, чем Верочка отчалит от берега.

Он залез в кабину и плюхнулся на сиденье, явно не мерсе-

десовское, но удобное. Повинуясь привычке водителя, потянулся к привязным ремням, но здесь их было четыре, как на парашютном ранце. С трудом защелкнув замок, Станислав почувствовал возрастающую неприязнь к Петровичу и затравленно огляделся в надежде увидеть стадо коз на взлетно-посадочной полосе, трещину в земной коре или зарождающийся на водной глади цунами — что угодно, лишь бы не делать то, от чего Верочка пришла бы в восторг.

Петрович, не подозревая о смятении в душе нового учлета, подкатился в коляске вплотную к кабине. Его сильное, еще не остывшее после непростой работы плечо коснулось понуро опущенной руки Станислава.

— Посмотри на панель с приборами. Их — минимум. Какие знакомы?

«Все», — чуть не ляпнул Станислав, припомнив заселенную приборами кабину «Антоня». Но тогда прозвучит вопрос: «Где видел?» Ответ приведет к парашютному звену, а значит, к Глебу, и упрется в несостоявшийся прыжок.

— На машине указатель скорости — спидометр есть. Топливомер. Здесь вижу компас, — не скрывая раздражения, буркнул Станислав.

— Не густо, но с машиной, как я понял, справляешься. Если не считать купания... — съязвил Петрович. — Так вот, автомобильные навыки забудь: направление движения здесь педалями выдерживается. Есть указатели высоты, крена, скольжения. Сектор газа — у левого борта. Правая рука — на ручке управления. Держать надо...

— А чем мне держать?... — со злорадством и досадой Станислав раскрыл ладонь, впервые с удовольствием демонстрируя свои культики. Но сбить с толку Петровича было не так-то просто.

— Большой палец и мизинец есть. Остальные помогут. Ручка управления здесь тонкая, не то что на вертолете или истребителе, где и кнопки связи, и гашетка, и пуск ракет... Сейчас, на рулении, и так обойдешься. Потом что-нибудь придумаем.

«Еще и «потом» будет? — ужаснулся Станислав. — Ну уж нет...»

Петрович рассказывал, какую скорость надо держать на рулении и пробежке, на что обратить внимание и чего опасаться, но в это время подошла Верочка. Несколько минут девушка стояла за спиной Петровича.

Станиславу так нравились ее распахнутые от удивления глаза, что он молчал, изображая на лице внимание. Наконец Петрович, заметив его необычный взгляд, обернулся.

— Какой счастливчик!.. — вздохнула Верочка. — Надеюсь, без меня сегодня не взлетите?.. Тогда я поехала.

— Скажи Трофиму, пусть курс на город возьмет, да так, чтобы потом островом прикрыться. У меня в бухточке тебя высадит и лодку пока там оставит. Будешь, Верочка, сегодня у нас с Анютой ночевать. Машеньке все объясни. Мы немного задержимся, — Петрович кинул внимательный взгляд на лес — по ту сторону протоки все еще маячила стоп-сигналом бордовая рубашка.

Верочка, перехватив этот взгляд, сникла и заторопилась к лодке, а Петрович продолжал объяснять, и Станиславу пришлось снова вернуться мыслями в кабину. Он надеялся, что с отъездом Верочки тренировочная затея закончится сама собой. Но Петрович сказал:

— Порули, освойся с педалями. Потом выбери ориентир — сосны за протокой, и сделай пару-тройку пробежек параллельно линии флажков, — и отъехал в сторону.

Станислав большим пальцем перещелкнул тумблер, потом нажал кнопку стартера. Двигатель откликнулся мгновенно. Чуткое ухо автомобилиста улавливало все, что происходит в цилиндрах, но работали они безукоризненно. И хотя душа продолжала бунтовать, Станислав, ощутив ровную дрожь мотопланера, как-то сразу проникся доверием к ладно скроенной и прочно состыкованной машине. Чувство радости движения пришло как в тот момент, когда сел за руль «Рено» и понял: ничего не утрачено, он — водитель, что потом и доказала жизнь.

Сейчас все было иначе, но инерция неподвижности преодолена: «Мария» бежит, а не едет. Станислав чувствовал, как оживает ручка управления, зажата в кулаке, как колышутся, погромыхая, плоскости. И все тело вздрагивает вместе с «Марией», когда колесики попадают на мелкие неровности почвы.

До воды было еще далеко, но он приостановился и «дал» левую педаль — мотопланер начал послушно разворачиваться влево. Завершив круг, Станислав, не выпуская из поля зрения протоку, ангар и Петровича с кучкой пацанов, змейкой поехал к ним, проверяя, как отзывается «Мария» на ход педалей. Развернувшись на старте, нацелил нос мотопланера на сосны и дал газу, отжав ручку управления от себя. Показалось, что уже делал когда-то такое движение — в прошлой жизни или во сне. Он сразу уловил и парировал легкий крен. Вовремя вспомнил строжайший наказ Петровича держать нужную скорость — «а то взлетишь», и прибрал обороты двигателя.

Сделав две пробежки, Станислав зарулил на старт и хотел начать третью, но Петрович скрестил руки над головой. Выключая двигатель, Станислав предварительно поддал газу, как делал это всегда на машине, чтобы прожечь свечи. Петрович довольно хмыкнул:

— Лады... По земле у тебя хорошо. Вопросы есть? Завтра подлетнуть попробуешь. А пока отрули-ка мотопланер к ангару.

«Где я буду завтра? Только не здесь», — подумал Станислав со смешанным чувством облегчения и грусти. Пробормотав: «От винта», включил двигатель.

Близняшки и Митяй помчались к сараю. Когда Станислав подрулил, ворота были уже распахнуты. Вскоре подъехал Петрович. Андрей и Леня притащили флажки, полотнища. Мотопланер протерли, заправили, дружно вкатили в его земное убежище, и почти забытое чувство команды приятно охватило Станислава.

Как всегда неожиданно, появился дед Аким. Доложив, что Верочка с младшенькими ребятами ужинает у Машеньки, начал жаловаться:

— Как был дед Никишка упрямым, так и остался: опять залег в своей «Богородице». И страсть переживает, потому как, провожая попа из Залесной, запомнил спросить, когда надо бить в колокол да какой музыкой. Частить али в задумчивости.

— Скажи деду, пусть звонит, когда солнце встает, на закате и в полдень — не ошибется. И той музыкой, какая к настроению подойдет, — успокоил его Петрович.

Солнце село, но было еще светло от неба с высокими розовыми облаками, от малиновой глади воды, от креста, золотистой свечой горящего на маковке. По-вечернему негромкий звон колокола казался тоже светлым, слегка печальным.

— Завтра будет отличный летный день, — мечтательно сказал Петрович.

Трубка мобильного телефона лежала в ладони Лагина, и через сотни километров земли и космоса шел торопливый сигнал. Наконец в Москве ответили.

— Вас слушают, — прозвучал ровный голос Николая Лукича, и Лагин, обменявшись приветствиями, протянул мобильный Верочке.

— Папа, это я... У меня все хорошо. Сейчас будет говорить Станислав, — она передала трубку, прижала к горящим щекам ладони, и все вопросы отца достались уже Станиславу.

— Да, я на острове. Так получилось... Все расскажу при встрече. Завтра выезжаю в Москву.

— Ни в коем случае! Я на днях возвращаюсь. После моей статьи такое заварилось... Жаль, телевизора у вас нет, но я привезу газеты: вся пресса поднялась, правосудие зашевелилось. Тебя наши «подопечные» еще не прижали? Мы влезли в осиное гнездо... Не сегодня-завтра Его арестуют, так что могут

напоследок ужалить. Сиди на Козлином и носа не высовывай. Как только смогу — сразу к вам, — радостный голос журналиста был слышен так хорошо, словно разговаривали в одной комнате. — Петрович там далеко?

Станислав передал трубку, испытывая радость и тревогу, но больше всего разочарование: он столько сделал, пережил, отстрадал, а признание, утверждение себя в глазах людей не состоялось. Он то бежал, то прятался, теперь снова должен скрываться, отсиживаться и ждать, когда приедут и расскажут, как все было... А хотелось схватки, открытого, честного боя.

«И один на кодлу найдется...» — припомнились Дядечкины слова. Ну вот, он нашелся, но один все равно ничего не смог.

— ... Не беспокойся, Лукич, — басил Петрович. — Все будет в норме, — он оторвал трубку от уха, отключил мобильный и пристальным взглядом обвел сидящих за столом.

— Значит, так: Вера Николаевна поживет пока у нас. И не спорь, дед Аким, так надо. Кстати, тебе и бабе Зине от зятя привет... И без провожатых, — Петрович строго посмотрел на Верочку, — никуда ни шагу. Оденем тебя пацаном, при кепочке.

Верочка начала было возражать, но Петрович уже обернулся к Лагину: — Задание по санаторию не отменяется. И ты, Трофим, — в город, как договорились. Деда Акима возьми, по глазам вижу, сейчас попросится. Заодно соль купите, сахар — ты завхоз, тебе видней. Женщин спросите, может, кому что надо....

— И мне, пожалуйста... — Станислав вытащил пятисотрублевую. Попросив карандаш и клочок бумаги, написал: «Три большие коробки конфет и бутылку хорошего коньяка».

Трофим, прочитав, усмехнулся, но ничего не сказал.

— Ребятам наказ, — продолжал Петрович, — поодиночке не болтаться. За водой и берегом следить. Если кто чужой причалит или заметят подозрительное — бегом ко мне либо к деду Никише — пусть в колокол потревожнее бьет. И еще... Ты, Лагин, как из санатория вернешься, мобильный при себе держи. Если что неладное — вызывай милицию. Хотя пока сообразят, что да где и служебный катер искать будут... — Петрович безнадежно махнул рукой.

Наконец, попив чай с оладьями из кабачков, все разошлись по домам. Павлик с Андрейкой легли в большой комнате. Сонную Верочку Машенька увела в комнату Анюты, потом принялась мыть посуду. А Петрович и Станислав вышли в огород. Сели на лавку.

Ночь стояла удивительно теплая, небо глазело на землю огромными мерцающими звездами и казалось сказочным шат-

ром. На невидимой черной воде призрачно качались блики. Город на горизонте пылал искусственными огнями, рождая тревожное зарево, как от пожара, пока еще далекого и чужого.

Медленно проплыл, весь в иллюминации, попсовой музыке и взрывах смеха, трехпалубный теплоход. Невидимые волны запоздало заплюхали в притопленных кустах — казалось, что кто-то крадучись пробирается под крутым берегом.

Петрович расспрашивал о жизни, учебе, ничего не обсуждал, с советами не лез, а потому Станислав незаметно для себя выложил все, кроме сугубо личного. Рассказал об отце, о «семейке» и подробно о Дядечке, его гибели. И как выкапывал с Тошкой сейф.

— Дядьков... Так вот как сложилась твоя судьба, несгибаемый майор, — в раздумье проговорил Петрович и, вытащив из-под крыши навеса коробочку, начал на ощупь скручивать сигарку. — Слышал я о нем много, а видел только раз... Мы тогда звеном должны были десантников из его батальона в горы забросить, чтобы с тыла душманов атаковать. А майор заявил командиру полка, что без разведки своих ребят десантировать не даст. Командир полка — мужик крутой. У них еще до этого стычки были. А тут, видно, до мата дело дошло. Майора — под арест, десантников его — в вертолеты. Ребята молодые, с хорошей подготовкой, чувствовалось, но необстрелянные еще... У меня на душе скребло, никогда еще не было, чтобы так не хотелось лететь. И на подходе к месту высадки... Что дальше было, ты уже знаешь. «Вертушки», которые за мной шли, стрелка, ясно, залпом накрыли, десант выбросили где надо. Бой с «духами» сложился трудно... Уже в госпитале слышал, что майора судили, хотя на деле прав оказался он, — Петрович чиркнул спичкой, огонек опалил кончик сигарки.

— Видно, тяжело Дядькову в тюрьме пришлось: таких, как он, всегда сломать пытаются, — Петрович глубоко затянулся. — Душой он не дрогнул, а кривой тропки не избежал и к нормальной жизни не сумел вернуться... Хотя где она сейчас, эта нормальная жизнь? Разве что у нас на Козлином острове... Судя по тому, что ты рассказал, он бы здесь прижился. И ведь недалеко друг от друга были, а «встретились» только сейчас, — Петрович яростно курил, чего при Машеньке никогда не делал.

Дым от самосада был ядреный, запах пряный, мужской. Наставник тоже курил только то, что попроще. Станислав чувствовал себя сейчас так же надежно, как в тот момент, когда плечо Дядечки загородило его от лихой беды в подворотне.

Местные чудеса и события не могли закончиться просто так — Станислав это понимал. В нем самом что-то происходи-

ло. Он не смог бы определить, хорошо или плохо все обернется... Но грядущее чуял, как растущий на опушке молодой дубок ощущает приближение грозы. Страшась и желая ее, еще не зная, что, кроме живительной влаги, она принесет, какие ветры и молнии его исхлещут. Но надеясь и веря, — выстоит.

... Проснулся Станислав от бодрого перезвона колокола. Ясные звуки плыли над островом, мелодично вплетая меканье коз, дзиньканье посуды, хлопанье калиток и голоса. Потом зачавкала ручная помпа — Андрейка с отцом качали воду из моря, не разрешая Машеньке ведрами поливать огород.

Станислав понимал, что надо встать и помочь, но глаза не открывались, от сена шел сонный дух, и успокоенная душа блаженно проваливалась в неясные, но приятные сновидения. Окончательно он проснулся, когда Машенька зазвенела в кухне посудой.

— Все ушли, — без тени упрёка сказала она. — Петрович — в мастерской, Андрейка с мальчишками сено косит, Анюта с малышкой грибы собирает. В тальнике после дождей грузди пошли, а по лужайкам — шампиньоны. Верочка пусть поспит. Что-то плохо она выглядит. Как после похорон матери, когда ненадолго приезжала. Не плачет, даже улыбается, а вся — в себе.

Наскоро поев, Станислав торопливо зашагал на звук удара молотка о железо. Мотопланер уже выкатили из ангара, но Петрович был один. Он расположился за массивным столом возле единственного окна и сгибал стальную полосу, зажав ее в тисках.

— Телевизор хочу вместо лампы-маячка пустить. Динамо-машинка есть, аккумулятор в лесхозе обещали. Так что скоро будет малышня мультики смотреть, а мы — «Вести» слушать. Не думаю, что здоровья или радости нам от этого прибавится. Но и страусами жить нельзя. Теперь, кажется, все мы это поняли. Хотя что толку...

— Я могу помочь? — Станислав сообразил, что совсем недавно уже произносил эту фразу. Петрович тоже вспомнил и усмехнулся.

— Еще успеешь. А пока примерь-ка... В планере лежит.

На сиденье «Марии» Станислав увидел кожаную перчатку на правую руку. Кончики пальцев, набитые поролоном, пружинили: металлические пластинки заставляли их держаться полусогнутыми. Перчатка села плотно, и рука запросила какую-то новую, особую работу. Станислав поспешно сбросил обновку и вернулся, в сарай-ангар. Сказал с плохо скрытым раздражением:

— У меня все равно ничего не получится.

Петрович с любопытством посмотрел на него. Во взгляде не было ни осуждения, ни разочарования. Только сожаление.

— Знаю летчика, который, лишившись кисти правой руки, сделал специальный протез и продолжает летать на спортивных самолетах. Даже высший пилотаж выполняет. А тут — покладистый летучий мотопланер. Пацаны в два счета освоили... Впрочем, в таком деле неволить негоже, — последние слова Петрович произнес холодно, уже отвернувшись к верстаку, и начал что-то стругать.

Верочка ворвалась в сарай, как вихрь.

— Почему не разбудили?! — крикнула, задыхаясь от бега. — Хотели снова без меня, как вчера?.. А что с моей спаркой? — она исчезла в глубине сарая, чем-то загремела, поздоровалась, потом крикнула Станиславу: — Посмотри, уже двойная кабина готова!.. А плоскости где? «Марию», надеюсь, расстыковать не будете?

Она ахала, возбужденно щебетала, ойкнула, когда что-то на нее упало. Пришлось лезть ее вызволять. В глубине сарая было полутемно, но Станислав хорошо видел Верочку в мальчишеской рубашке. Пышные волосы были убраны под светлую кепку — настоящий пацан, только очень хорошенький, с такими соблазнительными губами и бархатистыми щеками, что Станислава пронизало сладким ознобом, а в груди стало тесно от затаенного вздоха.

Они стояли близко. И хотя в лесу на его руках она была еще ближе, но тогда он не испытывал и доли того мучительно-жаркого томления, какое охватило его сейчас.

— Какой ты счастливый, — прерывисто вздохнула Верочка. Она не могла не чувствовать его волнения и с опаской вслушивалась в смятение, родившееся в собственной душе, по-девичьи стыдливо пряча его. — Тебя будут учить летать. Я бы полжизни...

— Не слишком ли щедро... — вспомнив, как осадил его накануне Петрович, буркнул Станислав и передвинул несколько досок, чтобы Верочке было удобнее пройти.

Когда они выбрались наконец из ангара, Петрович в раздумье стоял возле мотопланера. На Станислава взглянул вопросительно, но ничего не сказал.

— Едем, что ли, на старт? — Станислав, хмурясь, отвел взгляд.

— Не едем, а летим, — повеселел Петрович и легко, лишь цокнув протезами о низкий борт, уселся в кабине. — Заприте ангар и заберите коляску. Еще бинокль и рупор.

— А флажки, полотнище? — всполошилась Верочка.

— Пока обойдемся... От винта! — Петрович включил двигатель.

Станислав думал, что он подрулит к месту старта, но мотопланер рванулся поперек береговой полосы. Казалось, что ширины ее не хватит. Однако «Мария», не пробежав и половины, круто ушла в вышину. Развернулась над водой и заскользила в синеву так свободно, легко, что в душе Станислава плеснулась зависть.

— Надо «колдун» укрепить, — напомнила Верочка.

Тело было ловким и быстрым. Подняв на шесте указатель направления ветра, Станислав по-мальчишески легкомысленно спрыгнул с крыши сарая, заставив Верочку ахнуть. Она уже нагрузила коляску Петровича и заперла ворота. Они двинулись к плешине, выбитой в траве в том месте, где обычно приземляется мотопланер.

Душа Станислава томилась тревогой, радостным предчувствием и новыми неземными страхами.

... — Подлет — это совмещенные взлет и посадка, то есть самые трудные элементы полета. И надо уловить, когда ручку управления взять «на себя», задержать нейтрально или «отдать», не допуская крена, совмещая с точной работой сектором газа, — Петрович говорил еще о скоростях, об ощущениях. Все запоминалось легко, но это были всего лишь слова. А когда Станислав на нужной скорости потянул ручку управления и почувствовал, как тело его взмывает и перестает ощущать твердь земли, все в нем напряглось и замерло.

Раньше ему нравилось предстартовое состояние — несколько секунд до того, как взлетал на турнике, прыгал на водную дорожку или отражал первый удар в драке. Возбуждало состояние на грани действия. Сейчас было совсем другое, но он успел глянуть на стрелки высотомера и указателя скорости на приборной доске. Немного пролетев по прямой, вовремя прибрал газ, выровнял «Марию» и выдержал над землей, пока она не коснулась почвы. Показалось, он сел собственной «пятой точкой» на твердый песок.

Новое скоротечное чувство полета он уловил сразу всем нутром и не удивился. Станным показалось, что культрики, как и на руле машины, превращались в пальцы, и он чувствовал ими всеми рычаг газа и ручку управления, которая трепетала в его кулаке.

Мысль отвлекла, но Станислав тотчас понял, что зазевался: «Мария» прокатилась лишнего и замерла в нескольких метрах от воды. На разворот места уже не было, но подоспевшие пацаны занесли хвост «Марии». Станислав, включив двигатель, порулил к старту, считая, что Петрович вправе отстранить его от дальнейших, в общем-то бестолковых, попыток.

«И бензина на меня не жалко?» — иронизировал он, но душа затосковала. Что если, не сбросив газ, дать «Марии» и

себе возможность уйти в высоту? Чтобы промелькнула внизу кромка берега и заблестела вода, потом проплыл лес и снова вода, монастырь, колокольня и взлетно-посадочная полоса на острове...

— Надеюсь, ты не остановишься на том, что получилось недостаточно хорошо? — вопреки ожиданию, Петрович лишь ехидничал.

— То есть плохо, — в тон ему ответил Станислав и начал перечислять свои ошибки, одновременно радуясь и злясь.

— Еще три подлета и — шабаш. А то ребята до обеда не успеют... — Петрович взглянул на массивные «командирские» часы.

Все повторилось. Разбег... Потом замирает сердце и затихает дыхание. Тело взмывает, каждая клеточка его ощущает странное взвешенное состояние. Ладонь на ручке управления даже через перчатку чувствует, как уплотняется при скорости воздух под крыльями «Марии». Мозг успевает это оценить, рука делает инстинктивное движение — колеса касаются земли. И — вздох облегчения, смешанный с грустью, будто поманили конфеткой, а когда развернул, красивый фантик оказался пустым.

— Ближе к вечеру сделаешь полет. Да не бледней. Мотопланер не истребитель и даже не спортивный самолет. «Мария» сама летает, ей бы только не мешать и чуток подправлять когда надо, — Петрович не шутил. Но неожиданно запротестовали учлеты:

— А теория? Мы сколько всего зубрили! И зачеты он разве не будет сдавать? — возмущались Лёня и Андрейка.

— Цыц! — шикнул на них Петрович. — Вам еще три года расти надо до официального разрешения. И не мешало бы вспомнить, сколько вам рулежек и подлетов понадобилось... А у него — летные способности. Тьфу-тьфу, как бы не сглазить.

Под ложечкой засосало: игры кончились, теперь все — всерьез.

«На фига мне это... Да, боюсь. В бугровском подвале было не так страшно. Даже в наручниках возле могилы и когда плыл, знал, что надо делать, чтобы остаться в живых. А сейчас... если меня в полете от высоты заклинит? Ведь гробанусь и всех подведу», — он повернулся к Петровичу, чтобы поставить точку на всей этой авантюре, но взгляд его споткнулся о сияние Верочкиных глаз.

— Как здорово все получается! — она дождалась, когда Станислав вылезет из кабины, и потащила его к склону.

— Здесь учат не столько летать, сколько преодолевать себя, — устало проворчал Станислав и повалился лицом в траву.

Верочка помолчала, переваривая услышанное. Сказала осторожно, словно боясь открыть в нем что-то новое и разочаровать себя:

— Преодолевают, когда трудно или не хочется. Тебе не хочется?

Надо одним ударом рассеять все ее иллюзии и надежды свои...

— Я боюсь высоты, — он рывком сел. Думал, что увидит в Верочкиных глазах разочарование, презрение, сочувствие. Но в них было ожидание исповеди, готовность простить все слабости и грехи.

Со стороны казалось, что двое внимательно следят за тем, как выписывает виражи и спирали грациозный самодельный аппарат. Но они были сейчас на заснеженном аэродроме, и Верочка пригибалась, как будто за ее спиной громоздился ранец с парашютом. Гулко бился рокот в похожем на промерзший автобус фюзеляже. Резко звучал зуммер на переборке, один за другим уходили в бездну неба парни.

— ... А меня охватила жуть, — Станислав чувствовал, как садится, хрипнет голос. — Расстояние не до земли — до конца Вселенной. Казалось, шагну за борт, и сердце разорвется раньше, чем откроется купол... Так и сидел в углу, пока самолет не приземлился. Еле вылез, и тут же стошнило... Не помню, что говорил Глеб, не глядел, как парни спускаются на парашютах. Видел только свои «Жигули», словно лужицу крови. Заполз в машину, как в раковину. Лишь когда включил мотор, понял, что сердце стучит и могу думать.

Станислав блуждал взглядом по небу, следя за «Марией» и не видя ее. Лишь услышав всхлипы, опустил голову.

— Не надо... Я прошу тебя, не лети, — Верочка прижала кулаки к подбородку. Распахнутые глаза ее казались огромными. Из них крупными каплями текли на побледневшие щеки слезы. — Хочешь, я скажу Петровичу, что взяла с тебя слово, как мама — с меня?..

— Только посмей! — Станислав взвился и так взглянул на Верочку, что слезы ее тут же высохли, а губы задрожали. Он опомнился: — Прости... Нельзя было рассказывать. Раскис как слюняй... А насчет полетов — ты же слышала: Петрович сказал, что способности есть. И мужик я, в конце концов, или...

— Ты мужчина... Самый лучший, и я тебя люблю, — прошептала Верочка. И в этот момент ударил колокол. Горячий полуденный звук совпал со словами любви, слился с ними, то ли скрывая тайну, то ли оповещающая о ней всех. Станиславу казалось, что ее полусшепот, полувздых только почудился ему. Но янтарные глаза смущенно сияли, и он зажал ее ладони в своих.

— Тили-тили тесто, жених и невеста... — пропел тоненький голосок Аниюты. Девочка словно выросла из травы. — Мама Машенька обедать зовет. Она не любит, когда опаздывают, потому что еще раз согретое не так вкусно и газ зря тратится.

Станислав огляделся — небо и земля были пустынно, словно они оказались в другом времени или параллельном мире.

— Пойдем, — сказала Верочка, и все встало на свои места.

ГЛАВА 15

И один в поле воин

ишь взлетов, Станислав понял, что высоты, которой он так страшился, не существует. Есть расстояние до земли — видимое и в метрах на приборе. Есть стрелка указателя скорости, которую надо выдерживать, и маленький «Пионер» — его лопаточка и темный шарик в изогнутой трубочке подсказывают величину крена и скольжение. А вариометр говорит о наборе высоты или о снижении.

И есть сама земля. Она состоит из ориентиров, над которыми надо начинать разворот, чтобы выйти точненько на очередную сторону невидимой прямоугольной «коробочки», окольцевавшей воздушное пространство летного поля. С высоты ста метров игрушечными казались и белая заглавная «Т» на зелено-желтом фоне, и вереница красных запятых — флажки слегка раздувал ветер.

Станислав был так поглощен процессом движения в необычном взвешенном состоянии, что не вспоминал о своем одиночестве в небе. Он старался точно выполнить то, что говорил Петрович, и, хотя поток воздуха трепал одежду, ворошил волосы и охлаждал лицо, полет казался просто кропотливой, довольно сложной, но совсем не опасной работой. Руки послушно делали то, что надо, и пальцев хватало. А вот пары глаз, чтобы следить за приборами и землей, было явно недостаточно, и ускользало все, что могло отвлечь, — жестко нацелить себя на задание Станислав умел. Ему казалось, что к телу, всегда послушно выполнявшему его приказания, прибавились еще крылья. Они плыли, опираясь о потоки воздуха, то устойчиво плотные, то рыхлые, то неровные, как на ухабистой дороге.

После четвертого разворота Станислав выключил двигатель, вывел нос мотоплана на посадочный знак и заскользил по невидимой горке. «Мария» коснулась земли на облысевшем «пяточке». Но, только закончив пробег, Станислав понял, что существует он сам, посторонние мысли и самые разные чувства. Все это стало немного другим, как будто сместился в сознании эпицентр собственного Я. А сам полет, длившийся, судя по стрелке часов, несколько минут, показался одной растянувшейся единицей времени.

Размышлять обо всем этом было некогда. Рука рефлекторно включила двигатель, нога выжала педаль — «Мария» развернулась и бодро побегала к старту. Только тогда Станислав почувствовал, что рубашка, мокрая от пота, липнет к телу.

— С первым полетом... — изучающий взгляд Петровича скользнул по лицу новоиспеченного пилота. — Ну и как?..

— Нормально, — сдержанно улыбнулся Станислав, но заметив, как разочарованно вытянулись лица близняшек и Митяя, как Андрейка прищурился, а Леня даже сплюнул с досады, добавил поспешно: — Впечатляет, конечно... — ему не хотелось обижать пацанов.

Выслушав отчет о полете и поперчив его замечаниями, Петрович напомнил про интерцепторы — воздушные тормоза, которыми Станислав может воспользоваться, и дал «добро» на второй полет.

Станислав включил двигатель и лишь тогда понял, что Верочка не подошла поздравить. Он оглянулся, но рука уже сдвинула рычаг газа на взлетный режим, и мотопланер начал разбег. Станислав успел заметить скорчившуюся фигурку девушки на их любимом месте у подножия холма, и тут же почувствовал, как «Марию» повело в сторону. «Дав ногу», он выровнял направление. Но нацеленность движения смазалась, и мотопланер оторвался от земли позже, чем надо.

Длинное, мучительное мгновение Станиславу казалось, что двигатель не вытянет, но «Мария» полого прошла над водой и вскарабкалась на нужную высоту. Когда Станислав, прибрав обороты, оторвал взгляд от приборов и осмотрелся, под ним была не знакомая отмель возле соснового мыса, а водное безбрежье. Мерцающие полосы чередовались с глянцевою гладью, ее разрезал похожий на лодку «Метеор», и только веером распутившийся след на воде напоминал о его движении.

Чувствуя, как опасно каменеют руки, Станислав подавил в себе мгновенную панику и заложил крен больше положенного, стремясь выйти на угол лесного массива, где надо было сделать второй разворот. Но выскочил над незнакомым оврагом. Промелькнула дорога в санаторий, много ближе, чем в предыдущий раз, блеснул оцинкованной крышей главный корпус «Лесного уголка».

Третий разворот необходимо выписать над изгибом протоки, чтобы выйти на заключительный — четвертый и начать снижение. Но все на земле сдвинулось, нарушилось. Стрелки приборов метались. Постоянно приходилось убирать крен — одна ошибка тянула за собой другую. И в самом Станиславе словно нарушился музыкальный ряд, казалось, он играет фальшивые ноты на расстроенном инструменте.

На посадочную прямую Станислав выскочил ближе и выше положенного. Под ним светилась вода. Он выключил двигатель не там, где надо. И покатый спуск-глиссада был теперь слишком крутой. Садиться на повышенной скорости — явный «козел», какой был у Андрейки. А если с перелетом — хватит ли

полосы для пробега? Он вспомнил про воздушные тормоза, но не рискнул ими воспользоваться...

На старте-финише Леня и Андрейка торопливо переключали полотно, изменяя «Т» на запрещающий посадку крест. И Петрович, прижав ко рту рупор, приказывал уходить на второй круг.

Станислав с облегчением врубил движок, возвращая ему жизнь, и торопливо отстранился от земли. Сразу же понял, что сделал это слишком резко: перегрузка, заметно большая, чем была до сих пор, вжала его в сиденье. И словно исчезли наручники, упали кандалы: он ощутил, как два тела — живое и неживое, крылатое на мгновение слились в одно. «Мария» стремительно пронеслась над головами Петровича и ребят.

Маленькая фигурка уже не сидела в стороне — Верочка застыла рядом с остальными, но Станислав не позволил себе задержать на ней взгляд. «Мария», добрав высоту, выскочила над отмелью возле золотисто-солнечных сосен, сделала в нужном месте разворот и, как по ниточке, прошла параллельно взлетно-посадочной полосе, показавшейся Станиславу самым уютным и родным местом на всей планете.

Мотопланер был послушен. Теперь он прощал мелкие погрешности и на развороте не затягивал в глубокий крен.

«Петрович был прав, когда говорил, что «Мария» сама летает, если ей не мешать», — осторожно, еще не слишком доверяя себе, подумал Станислав и в точку, мысленно обозначенную в воздухе, вышел уже спокойно. Фонарь мотопланера уверенно нацелился на принявший свои очертания посадочный знак. Темно-синяя тень «Марии» неслась рядом, уже по земле, он ощущал ее присутствие не глядя. И место посадки выдилось совсем иным, словно переключившимся на другой регистр, взглядом.

Не колесики шасси, а он сам коснулся земли напрягшимся, как в момент прыжка, телом. Колыхнулись плоскости, захрустел песок и мелкая галька. Удары сердца и дыхание выровнялись. Он слышал, как лопотал, останавливаясь, пропеллер за спиной — все было еще ново, но уже осознанно и прекрасно.

Когда Станислав, закончив пробег, подрулил к старту, Верочка стояла впереди всех. Ее измученный взгляд тянулся к нему, лицо было бледным, но губы, искусанные от волнения, улыбались.

Он улыбнулся только ей. Петровичу сказал:

— Я все понял. Могу объяснить причины всех ошибок, — увидев, как недоверчиво прищурился летчик, умоляюще попросил: — Разрешите еще... — и начал перечислять свои провинности.

Станислав, прокручивая полет в памяти, сам удивлялся,

сколько увидел и запомнил. Он чувствовал себя до неприличия счастливым мальчишкой, не старше тех, что, разинув рты, стояли рядом.

Петрович внимательно слушал, задумчиво потирая подбородок.

— Добре. Слетаешь еще, — в его глазах плясали смешинки, но голос был привычно строг. — Но сначала — ребята. Истомились...

... — Ты какой-то новый, словно помолодел. — Верочка прищурилась, присматриваясь к Станиславу.

— Это я раньше был старым, — он положил руки на ее плечи и с тревогой заглянул в ожидающие глаза. Они сидели далеко от старта, и обоим казалось, что никому до них нет никакого дела.

— А как же высота? — напомнила она робко и в то же время ехидно.

— От страха о ней забыл, — засмеялся Станислав. — И сто метров — не тысяча.

Счастье эгоистично. Когда эйфория самолюбования кружит голову, кажется, что у всех должно быть только радужное настроение.

Верочка слушала смесь летных терминов и впечатлений, старательно улыбалась, но янтарь ее потемневших глаз не жил. Станислав заметил это не сразу, а приглядевшись, ужаснулся:

— Тебе плохо? Опять так же?..

— Просто хочется спать, — у Верочки был несчастный голос. Она встала, опираясь о его плечо. — Пойду домой. Баба Зина ждалась.

— Ты перестала рисовать. Почему? — спросил Станислав, когда они обогнули сарай-ангар и вышли на улицу.

— Не хочется. И «Богородица», мне кажется, не получилась... Такое чувство, что там, взаперти, когда рисовала по принуждению, из меня что-то высосали. А теперь все усыхает само собой...

— Это пройдет, — чувствуя, как немеет горло, и злясь на свою неуверенность, пробормотал Станислав. Но Верочка поняла только слова и посмотрела на него с надеждой:

— Ты думаешь?.. После смерти мамы даже в пейзажах я видела ее лицо. Оно жило во всем, и даже в карикатурах появлялось что-то грустно-лирическое. А сейчас все мертво.

— Хорошая, родная, я помогу... Моя любовь поможет, — он целовал ее руки и щеки, не решаясь прикоснуться к губам. Опасаясь, что его нежность, такая нужная ей сейчас, взорвется в нем самой страстью и напугает их чувство, еще такое юное и ранимое.

Они стояли у калитки под кустом боярышника, и баба Зина уже стучала в окно. Потом хлопнула дверь, и старческие шаги сердито пересчитали ступеньки.

— Иди... — Верочка прижалась к нему, такая хрупкая, желанная. — А то влетит сейчас обоим.

— Ты ей скажи: когда Николай Лукич приедет, я приду к ним свататься... Вместе с Петровичем.

— Ах! Как несовременно, — вспыхнув неожиданным, преобразившим ее лицо румянцем, Верочка рассмеялась.

— Современное будет тоже... — шутливо-угрожающим шепотом многозначительно пообещал Станислав. Она поняла и смущенно потупилась. Рассердившись, отшатнулась и тут же прильнула к нему.

— Иди летай! Только не пижонь, пожалуйста. Дай слово!.. И пусть каждый следующий полет будет лучше, чем предыдущий.

Милая пророчица, если бы ты знала, как вовремя прозвучало твоё пожелание!

... На берегу уже не летали. Леонид, перегнав лодку на лесную сторону, возвращался с ходоками-разведчиками из санатория. На голове у Галины было свито из волос что-то вроде гнезда, сдобренного солидной порцией лака. Миловидное конопатое личико ее напоминало яичко куропатки.

Лагин галантно подал руку жене, помогая сойти на берег, и протянул подбежавшим близняшкам пакет с гостинцами. Те тут же помчались делиться сладостями с малышкой, стайкой усевшейся на бревнышке, где недавно коротал свое одиночество Станислав.

Андрейка помог Леониду вытащить из лодки канистру с бензином, Тихомир взял вторую и замер, прислушиваясь к звенящему звуку мотора. Это Трофим и дед Аким возвращались из города.

— Шабаш... Все полеты — на завтра, — увидев расстроенное лицо Станислава, Петрович понимающе улыбнулся. — Хотя никогда не знаешь, что будет завтра... А пока отрули-ка «Марию» к ангару.

«Еще летаем...» — прислушиваясь к недовольному ворчанию двигателя на малых оборотах, подумал Станислав, лоя себя на том, что испытывает к «Марии» почти такое же чувство, как к «Вишенке».

Руление не полет, но настроение улучшилось, и, когда мотопланер был водворен в ангар, Станислав наперегонки с ребятами помчался к обрыву, где было самое удобное «нырьяльное» место.

Соскучившееся по движениям тело гнулось, кувыркалось, ходило колесом. Пацаны схватывали все, как обезьянки. Близ-

няшки были на удивление гибкими, Андрейка и Леня — старательными. Расшевелился даже неуклюжий Митяй, а Павлик придумывал смешные прыжки, и малышня крутилась под ногами. Невольно пришла мысль поучить ребят азам акробатики, используя те дни, что отведены ему для жизни на острове, и хоть что-то полезное оставить после себя.

В разноликой сутолоке дня он совсем забыл, зачем ездили гонцы. Вернее, помнил, но на фоне полетов и тревоги за Верочку все остальное казалось несущественным, а после разговора с Николаем Лукичом — благополучно завершённым. Здесь, на острове, был свой мир, так непохожий на все другие. В этом мире не может случиться ничего плохого, тем более когда все заботы взвалил на себя Петрович... И Станислав беспечно плавал с пацанами наперегонки, а потом лежал на воде и с новым чувством удивления и восторга разглядывал огненно-розовое закатное небо.

Потом примчалась Анюта: мама Машенька и Петрович напоминали, что все в сборе и Станислава ждут.

Лазутчики из санатория и из города привезли ворох новостей — это стало ясно, как только Станислав увидел таинственное выражение в плутоватых глазах деда Акима. Расположившись на крыльце, он смолил на пару с Трофимом сигареты, держа их как сигарки и ругая на все лады. Петрович, сидя в коляске, курил, поглядывая на окна дома. Лагин стоял, облокотившись на резной столбик, отворачивая лицо от дыма и красноречиво давая понять, что только ради серьезной беседы разрешает травить себя импортной дрянью.

Из разговора, начатого не так давно, Станислав понял: в речном порту и на ближнем базаре только и пересудов, что о разборках — то ли мафиозных, то ли ОМОНовцы нездешние нагрянули, и своя милиция зашевелилась. Главарь банды, по заверениям одних, «убег», по мнению других, еще раньше «потоп», и труп его все еще ищут. Машину, что он угнал и утопил, из воды выволокли и законному владельцу «возвернули». А была это «дорогущая» иномарка, и хозяин ее по случаю такой радости напоил портовых грузчиков и матросов, поставив им то ли дюжину водки, то ли ящик коньяка — каждый фантазировал на свой вкус.

В забавном винегрете фактов и вымыслов была одна серьезная новость. Ее сказал по секрету знакомый Трофиму охранник: красный катер с двумя моторами, принадлежавший одному из начальников порта, на днях купил какой-то блатняга-толстосум, отвалив «зелененькими». Еще он подрядил рискованных рыбаков для тайной переброски груза на лесной берег, потому как на железнодорожной станции — патруль, а на шоссе — заслон, и все машины проверяют.

Но главное выведаль дед Аким. Он собственными глазами видел, как «очень даже благонравные люди — один при шляпе, галстуке и очках» сдирали со стены магазина портрет мордастого дядьки. И все это снимал парень с «бандурой» на плече.

— А голенастая девчонка верещала что-то в черную коробочку, чуть не жевала ее. — О чем шла речь, дед Аким не понял, потому что милиция на сей раз была бдительной и близко «людев» не подпускала, чтобы не мешали зеваки ответственным людям работать.

— В народе сказывают, что ентого, кто на заглавного в городе метил, ночью на бронированной «милицейке» увезли. Вроде бы и перестрелка вышла. Кого с кем — сплошь туман, — дед Аким, перейдя на самосад, затянулся так рьяно, что сизый дым закрыл его лицо.

На фоне таких событий спросить про свой заказ Станислав забыл. Приближалась развязка и конец его заточения на острове. Но торопить события не хотелось: самое важное, что касалось лично его, уже произошло, и главное место в мыслях занимала сейчас Верочка.

Даже сообщение Лагина он выслушал вполуха, думая о ней. А Лагин вернулся тоже не с пустыми руками. Удалось узнать фамилию Красавчика — Сотников Роман, а не Роберт, как он представился девушкам и Верочке. Он — один из совладельцев «Лесного уголка», не самый главный, но самый «шебаршистый», как выразилась медсестра, которая к Лагину, по мнению Галины, «жуть неравнодушна».

О парне в бордовой рубаше — Власе выведаль Тихомир. Подтвердилось, что на руку он нечист, водит дружбу с приезжей шантрапой, и, похоже, это на его совести дело с электропроводами. Мужик постарше — Игнат, зимой при котельной, а летом на подсобных работах. Семья его живет в деревне, есть дети. Осторожный, с ленцой, и непонятно, что связывало его с Власом и кодлой добытчиков, своими набегам опустошавшими санаторий и деревни окрест в поисках цветного металла и всего, что плохо лежит или ненадежно спрятано.

— Чуть не запамятовал: тебе, Добрый Молодец, особый привет, — дед Аким посмотрел на Станислава с привычной ехидцей. — Видать, дружок твой доходящий, в тельняшке... «С острова, папаша? — спрашивает, а глазенками так и зыркает. — Не у вас ли обосновался Стальной?» Я чой-то сразу и понял, что о тебе речь. Но с умом отвечаю: «Ни стальных, ни железных нет, все люди как люди — кости да мясо». Он свое гнет: «Передай ему, чтоб поостерегся. А ежели чего надо будет — корабль мой в порту ночует». И на «Метеор» взбег — видать, матросит.

— Спасибо, дед, — Станислава всколыхнуло радостью: Зятек объявился. И все у него так, как хотел... И рисковать готов...

— Может, Станислав, в лесничество тебя отвезем? День два переждешь, пока страсти улягутся, — предложил Лагин.

— И в погреб посадим, — в тон ему откликнулся Петрович, — потому как народ там толчется разный и с оружием...

«Если в погребе с Верочкой, то я — «за», — подумал Станислав.

— Пусть при нас будет. Я перед Лукичом за обоих в ответе.

— Мы все в ответе, — напомнил Трофим.

Наконец открылась дверь и на пороге появилась Верочка в том самом нарядном платье, что было на ней вчера. Лукаво глянув на Станислава, от имени хозяйки пригласила мужчин к столу. В горнице уже суетились Галина и Анфиса — высокая, статная жена Трофима. Баба Зина возилась во дворе, выдаивая заждавшихся хозяйку коз. В кухне слышался голос Машеньки и чей-то еще, очевидно, жены Тихомира.

Стол ломился от свежей зелени и разной снеди. Видимо, накрыли на скорую руку в складчину — кто что принес. А несли лучшее, соревнуясь в щедрости и немудреном кулинарном искусстве.

Алый закатный свет, косо освещая комнату, играл на столе, и более красочный натюрморт трудно было себе представить. Густой и тоже алый звук колокола придавал происходящему особенно торжественный оттенок.

— По какому случаю снова пиршество? — шепнул Станислав, когда Верочка усадила его напротив Петровича, занявшего место хозяина.

— Все узнаешь, — загадочно улыбнулась она и, высвободив из его рук свои пальцы, села рядом с бабой Зиной. Все остальные заняли места, какие кому приглянулись, — мужчины поближе к Петровичу и знакомой бутылки с «Монастырской», как здесь называли настоящий на травах самогон. Женщины — со стороны Станислава, где горделиво возвышалась над луком и помидорами, сверкая наклейками, бутылка коньяка. Уж чего-чего, а ее-то дед Аким забыть не мог, и уже тянул свой стакан: надо же узнать, чем эта «звездочная» шибает, ежели за нее такую цену дерут...

Пришлось Станиславу стать виночерпием. Женщины принохивались к малости, налитой в рюмки, посмеивались. Станислав, отшучиваясь, плеснул и Верочке. Она не возражала — видимо, предстоящий тост был достоин того.

— Дорогие друзья, — Петрович звякнул ложкой о стакан, привлекая внимание всех. Но тут появился дед Никиша, в костюме и при наградах. Мужчины потеснились. Петрович

налил ему и, подняв свой стакан, продолжил: — Все знают нового жителя нашего чудо-острова Станислава Сергеевича Любочкина. И он уже знает всех нас. Только не знает, какое сегодня число...

Начиная что-то соображать, Станислав оторопело посмотрел на Петровича. А тот, любясь его растерянным видом, продолжал:

— Судя по календарю и восстановленному паспорту российского гражданина, сегодня — День его рождения. Двадцать лет...

Станислав привстал было, но плюхнулся опять на табурет. К нему потянулись стаканы и рюмки. Ближние чокались с коротким звоном, дальние образовали стеклянный частокол.

— Обойди всех, — шепнула Верочка, и Станислав поднялся, чувствуя, как от волнения немеют руки, а в горле застревает ком. Знакомые лица расплывались, он не понимал, кто хлопает его по плечам, а кто целует в щеки. Лишь ощущал волны доброй энергии, которую обычно получал редко и малыми порциями. А здесь она лилась щедрым, нескончаемым потоком. Он купался в ней, и без вина сладко и пьяно шла кругом голова.

Наконец круг радостных мучений закончился. Станислав очутился снова на своем месте, и Верочкина рюмка коснулась его стакана.

— Пей! Наверное, я умру, но обязательно выпью тоже, — она мужественно потянулась губами к адовой жидкости. Глотнула, ахнула, закашлялась. Станислав протянул ей ломоть брынзы, она угостила его малосольным огурцом. Занятые собой, они не замечали ревнивых взглядов бабы Зины и добрую грусть, какая появляется в глазах умудренных жизнью людей при виде зарождающейся любви.

Вручение подарков началось после того, как яств на столе поубавилось. Машенька унесла опустевшие тарелки и миски, убрала все лишнее. Часть стола перед Станиславом была вытерта насухо, и на доски легли паспорт и водительское удостоверение законного жителя многоликой, безбрежной России, где он едва не потерялся.

Каким чудом удалось Лагину распрямить корочки, высушить странички и усилить цвет размытых водой цифр и букв — останется тайной бывшего начальника отдела кадров при учреждении с зашифрованным названием. Но все получилось как надо.

Станислав бережно спрятал документы в карман брюк, для надежности застегнул булавкой, которую дала Верочка, и внезапно вспомнил о кинжале. Настало время вытащить его из куста, куда вчера припрятал и напрочь забыл...

Петрович снял свои «командирские», и часы поплыли из рук в руки над столом, пока не опустились перед Станиславом.

— И не возражай — носи! — прищыкнул Петрович, видя, как Станислав смущенно вскинул голову. Успокоил: — У меня еще есть.

Баба Зина преподнесла носки и варежки из козьего пуха. Здесь, конечно, не обошлось без Верочкиной просьбы. Галина подарила импортную бритву, обмолвившись, что ее упрямый муж бреется только своей «секирой». Трофим вытащил из корзины, припрятанной в сенах, солидных размеров копченую стерлядь, сказав, что за месяц хранения ручается. Так что можно будет отведать деликатес в кругу городских друзей. Тихомир, пошептавшись с женой, пообещал ближе к осени откатать для Станислава банку цветочного меда. А Верочка сказала смущенно, что пишет его портрет. Но портрет не совсем закончен, и подарит она его только завтра.

Начало темнеть, и Машенька поставила на стол две лампы.

Последним подошел к Станиславу дед Никиша. Молча растегнув ворот рубашки, он вытащил что-то, подвешенное на истершемся шнурке. Через голову шнурок не пролезал, и дед Никиша чиркнул его ножом. Поймав в ладонь тускло блеснувший старым золотом маленький образок, протянул его Станиславу:

— Ничего дороже этого у меня нет, — голос у деда Никиши был тихий, но разговоры смолкли, и стало слышно тяжелое стариковское дыхание. — Не хочу с собой в могилу брать. Для живых это было безымянным мастером сделано... А получил я образок от монаха, что приходил, когда я колокольную отстраивать только начал. Появился невесть откуда и ушел незнамо куда. Отдавая, сказал, что помогает Пречистая Богородица в делах праведных и хранит от злобы людской и несчастий разных... Всю жизнь образок меня берег, а я — его: от глаз и рук нечистых... Хотел внуку отдать, да детей бог не послал — на то его воля. А ты... — бледно-голубые глаза ясно и пристально заглянули не в зрачки, а в душу Станислава. — Судьба в смертельный час твой занесла тебя на островок наш. Я был первым, кто встретился, и вместо утешения нанес обиду. За что каялся уже перед Богородицей, а теперь у тебя прощения прошу, — дед Никиша наклонил голову с непривычно короткими волосами и лысиной на макушке.

— Это я сам как черт из преисподней... — растерянно забормотал Станислав. — Меня простите, что ударил, не в себе был...

Старик поднял на него родниковые глаза:

— Видел я, как ты молился там, сам не зная, что молишь-

ся. Вот и понял про тебя все... И дурное в памяти держать — себя самого калечить. Потому дарю я тебе в совершеннолетии твоём взрослом благословение монаха и мое. Чтоб в жизни своей — а сложится она, видать, непросто, ты к людям шел, и они — к тебе. Чтоб звучал в тебе колокол нашей Богородицы.

Кто-то из женщин всхлипнул, Петрович закашлялся. Верочкин взгляд жег, парализуя движения. Станиславу казалось, что вокруг него образуется поле энергии — не доброй, не злой, лишь мобилизующей. А каким по знаку будет — зависит от него самого.

Образок невесомо лег в ладонь. Он сиял тонко выписанными на золотой пластиночке чертами горестного и нежного женского лица. Культики пальцев сами собой сжались, боясь уронить подарок. Тепло стариковской мудрости растеклось по чутко настроенным нервам, и только тогда Станислав словно очнулся.

— Спасибо, дед Никиша... Неловко даже... — Станислав понимал ненужность, никчемность своих слов и в смятении искал другие. Но они не рождались. Лишь душа очищалась, перестраиваясь, не давая возможности теперь уже никогда празднично расслабиться.

— Неловко только лаптем щи хлебать, — уловив состояние парня, заулыбался дед Никиша. — А ну-ка, хозяйюшка, налей чая горяченького. Самовар, поди, совсем исфырчался.

Все радостно зашумели, образок пошел по рукам, и Станиславу стало неприятно, словно рассматривали его сердце. Дед Никиша шепнул Верочке, та поспешила к Машеньке. Нашелся шелковый шнурок, и старик, вызволив из чужих рук образок, повесил его на шею Станислава.

На столе появился самовар, банки с вареньем и медом. Среди сладкого изобилия золоченые импортные коробки со скудным количеством конфет чувствовали себя как чахоточные барышни на сельском празднике среди розовощеких девчат и крепких парней.

Потом прибежали дети, накормленные до гостей, но уже снова голодные. Родители освободили им места. Конфеты миготом исчезли, а из коробок были сделаны короны для Анюты и двух ее подружек.

Мужчины ушли на крыльцо курить, и Станислав двинулся было следом, но его перехватила Верочка.

— Сейчас будут обсуждать, стоит ли корчевать старый сад. Или почему щука в протоке перестала ловиться. А мне образок не терпится рассмотреть. От него такой странный свет исходит, — она придвинула к Станиславу лампу и пригнулась к его груди.

Ее лицо было так близко, что пушистые волосы защекота-

ли кончик носа. Он, не выдержав, чихнул, и лбы их стукнулись, под неописуемый восторг малышни и многозначительные улыбки женщин.

— Давай удерем, — Станислав кивнул на дверь, ведущую во двор.

— Ты иди, а я загляну к Машеньке на кухню.

Станислав подождал Верочку в сенях. Они прошли в огород и сели на лавку. Вокруг разливался тонкий аромат, но не цветов. Душистым был сам вечер.

Тревожно алела полоса на закате, и небо еще синело остатками уходящего дня, самого необычного в жизни Станислава. Соперничая с небом, набирал сияние город. Где-то там скучала без хозяина шкура медведя, и отец взирал с портрета на опустевшую комнату. Захотелось очутиться там вместе с Верочкой. Но он тут же представил себе, как звонит в дверь тетя Катя или Лиза, и торопливо переключился на верного тезку и мудрую Любовь Ивановну. Вспомнился Тошка и невольно — Лиля, их последний разговор.

— Знаешь, а я оказался клятвопреступником, — рука Станислава решительно обняла Верочку за плечи, почувствовала, как они вздрогнули и напряглись. — Тебе не холодно?

— Что же такое ужасное ты совершил? — она прижалась к его плечу.

— Неосторожно поклялся одной барышне, что встречу с ней в День своего рождения, — беспечно улыбнулся Станислав.

— Она хорошенькая? — в тон ему небрежно спросила Верочка, но голова ее слегка отстранилась от его плеча.

— Сплошное очарование: глаза — незабудки, золото кудрей... Мой гордый тезка Стас — ее верный рыцарь. Так что это не моя Дульцинея, — Станислав осторожно поцеловал Верочкины волосы, потом нежное ухо. Робость прикосновения рождала волнение. Ему казалось, что он не целовал еще никого. Он желал и боялся ее жарких губ, а добираясь до них, старался продлить наслаждение, не вспугнув ответное чувство. И словно не было разговора у калитки бабы Зины, не было слов о любви, сказанных Верочкой. И леса, купания в черной воде ледяной купели — не было прошлого. Только то, что сейчас. И чувство это было сильнее, прекраснее, чем дружба или страсть...

Верочка сидела напряженно. Какие-то ненужные мысли бродили в ее голове, и Станислав усилием воли отвел свои губы от ее лица.

— Почему иногда хорошие и любящие друг друга люди в семейной жизни придираются к мелочам? — вздохнула Верочка. — Не умеют великодушно прощать маленькие провиннос-

ти или привычки. Пустяки возводят в трагедию и делают несчастными самых близких и — себя.

Она говорила очень тихо. Он чувствовал, как шевелятся ее губы возле его губ, угадывал нежную впадинку там, где кончается округлость щеки и начинается шея. Ее легкое дыхание замерло...

Внезапно он вспомнил, что пил коньяк, а запах спиртного неприятен. Он не любил его сам, и Верочке близость его губ, видимо, противна. Станислав поднял голову, вздохнул:

— Мы не станем возводить пустяки в трагедию. А все непонятное будем разъяснять. Вот сейчас, например, тебе был противен запах коньяка, — он постарался придать словам ироничный оттенок.

— Я его не заметила, — серьезно ответила Верочка.

— Значит, я — круглый дурак, — пробормотал Станислав. — И ты согласишься за такого идиота выйти замуж?

— Будешь свататься — узнаешь... — Верочка сбросила босоножки и, подсунув ноги под себя, пристроилась у него под рукой. Станислав обнял крепче, не решаясь посадить ее себе на колени. Но она взобралась сама, как котенок в поисках тепла, прижалась к его груди. Съехидничала, немного смущаясь:

— Ты хоть узнай, как это делают. А то ведь не сватался никогда.

— Сва-тал-ся... — у Станислава немел язык. Верочка вскинула голову, молча задавая вопрос, на который было сложно ответить. — Она меня не любила. Я — тоже. Ей просто нужен был ребенок.

Верочка все еще сидела на его коленях. Он чувствовал ее теплую тяжесть, и кольцо его рук еще не разорвалось, но они словно обнимали пустоту...

Сейчас Верочка тихо, без упреков сползет с его коленей и уйдет навсегда... Но пусть это случится сейчас, когда он еще в состоянии отпустить ее без жалких слов и унижительных объяснений.

— Наверное, она очень несчастная и... гордая, если сумела отказать тебе, — Верочка была еще здесь, но как воздушный шарик: стоит разжать руки, и он улетит. — Наверное, она никому не верила и ни на что не надеялась... Некрасивая или калека?..

— Нормальная девушка, но в нашей сегодняшней ненормальной жизни... — подбирать слова было трудно, но их понадобилось немного, чтобы рассказать историю маленькой совершенно чужой семьи, в жизнь которой он оказался вплетен неожиданно и навсегда.

— Это хорошо, что у тебя будет ребенок. Потому что... Я

боюсь, что теперь... Что мне нельзя будет иметь детей, — Верочка тихо заплакала. Он не сразу понял это, лишь почувствовал, как намочла рубашка на груди. Стало нестерпимо, мучительно больно, словно это были не ее слезы, а его кровь, вытекающая из открытой раны.

— Глупенькая, все будет хорошо... Это была пустячная доза, и недолго, — бормотал Станислав, не зная, как унять ее беззвучные, сотрясающие тело рыдания. — Тебя вылечат. Вот только вернемся в город. Ты не знаешь, каких жутких наркоманов спасают...

— И не хочу знать! Во мне все рушится... Я уже не Я, и даже думаю по-другому. Жизнь чувствую иначе, людей не ощущаю... И каждый раз в то самое время, когда он приносил эту дрянь, бывает так плохо, что не хочется жить... Я пыталась нарисовать тебя, но ничего не получается. Во мне уже умерло что-то.

— Это я во всем виноват, — сказал Станислав с мрачным отчаянием. — Если бы не встретился случайно с твоим отцом, если бы не пришел потом в ваш дом со своей разрушительной тайной, тебе не пришлось бы ехать сюда, и ты не попала бы в санаторий...

— Но если бы ты не пришел к нам, мы никогда не узнали бы о существовании друг друга... Нет, это ужасно! — Верочка взвилась всем телом так неожиданно, что Станислав едва не выронил ее. Подхватив на лету, испуганно прижал так крепко, что почувствовал, как прогнулась ее спина, хрустнули кости.

— Это было бы ужасно, — задыхаясь, повторила она и засмеялась, все еще всхлипывая.

Он целовал ее припухшие от слез глаза, соленые щеки и еще неумелые твердые губы. Она откидывала назад голову, доверчиво обнажая шею с бархатистой кожей и клинышек в вырезе платья, куда он зарывался губами, всем лицом, вдыхая аромат ее тела, шепча:

— У нас будут дети. Много детей, сколько ты захочешь.

Она пугливо прижималась к нему, ища от него самого защиты.

Это было совсем не так, как в лесу, и Станислав чувствовал, что теряет голову, что никогда еще волна страсти не захлестывала его таким шквалом, и уже невозможно держать в узде свои руки и тело.

И Верочке его тело было безразлично. Ее руки обвивали его шею, губы скользили по его щекам и уже не твердели, натываясь на его рот, а распахивались, как цветок. Их обоим охватывало желанно-сладкой болью, которая струилась по груди, спине, ногам.

«Здесь, сейчас... На этой скамейке... Пользуясь ее слабос-

тью...» — мысль обожгла. Он замер, и она, что-то почувствовав, замерла. Они оба словно споткнулись, останавливаясь возле обрыва, бросившись в который, можно испытать лишь секунды сладостного падения... А им нужен был долгий и надежный полет.

— Пойду искупаюсь, — чувствуя, как стучат зубы, сказал Станислав. Она поняла. Быстро прижалась к нему, сползла с колен и застыла на скамейке, откинувшись спиной к стене сарая.

Он побежал по дощатой тропинке, скатился с обрыва, на ходу сдирая рубашку и брюки. Торопливо скинул кеды и бросился в воду, вновь спасаясь в ее глубине.

... Когда Станислав вернулся, на лавочке сидел Петрович. Огонек его сигарки был хорошо заметен в темноте. Верочки рядом с ним не было, и Станислав хотел пройти в дом, но Петрович остановил:

— Вера Николаевна легла спать. А ты сядь, поговорить надо, — и, когда Станислав опустился на лавку, напрямую спросил: — Это все у тебя с Верочкой... серьезно?

— Более чем...

— Не понял. Надеюсь, не..?

— «Надеюсь, не...» — передразнил Станислав, еле сдерживая раздражение: какого черта лезет в душу? Еще нравоучения начнет читать...

— Извини, если обидел. Трудно вас, молодых, сейчас понять. Жизнь всех круто ломает. У нас, старших, хоть устои нравственные есть, еще от дедовских времен остались. А вы — между соблазнами и совестью, между огнем, водой и медными трубами. Ложные импортные ценности в российском варианте — круче не придумаешь. Слабого это подомнет, и лужицы не останется, один срамной запах...

— А сильный, разумеется, станет сильнее, — еще не остыв, оборвал Станислав, — но в двух вариантах: Иван-царевичем или Соловьем-разбойником. Есть и третий — ярмарочным Петрушкой-неудачником. Как показала жизнь, самый распространенный ныне тип.

— К кому же ты причисляешь себя? И нас всех? — Петрович затаился глубоко, с кончика сигарки посыпались искры.

— Вы — естественное приложение к развалинам монастыря и возрожденной колокольне. Что-то патриархально-общинное. Сумели выжить, как реликтовые существа, лишь на Зачарованном острове. А я в Иван-царевичах уже побывал, Соловей-разбойник из меня не получился. Остается смесь Петрушки с мудрецом, который никак не оформится в довольного собой человека.

— Довольного собой... — хмыкнул Петрович. — Это что-то

новое. Мне всегда казалось, что довольным собой бывает лишь круглый дурак. А вот если о самоуважении говорить... Впрочем, я искал тебя не для того, чтобы дискуссировать.

— Давайте о другом... Слушаю, — Станислав покорно вздохнул.

— Я вот подумал, что учлеты мои правы: без теории летная практика — опасная забава. Способности способностями, хоть они у тебя и есть, а нужно земному человеку небесные законы знать и понимать. Честно говоря, я и не думал, что расшевелю тебя... — он добродушно усмехнулся. — Авиация, что бы там ни говорили сейчас о материальных стимулах, дело для романтиков и одержимых. Хотя, конечно, и деньги нужны, и чины, и власть — все, как у обычных людей. Но Небо выявляет в человеке его лучшие качества, которые он, возможно, в себе даже не подозревает. И романтика...

— А Хиросима, Нагасаки, Вьетнам? Или сейчас — Косово... Там бомбили тоже романтики? — назидательный тон Петровича раздражал.

— Это — политика... Военный человек подневолен. Но если цель и любовь — полеты, им подчинена вся жизнь. И зависит она слишком от многих причин: от настроения перед полетом, от состояния души летчика, от отношения к нему командиров, сослуживцев, родных. Я уж не касаюсь технической стороны вопроса и подготовки.

Станислав смотрел в черный провал, отделяющий остров от мерцающих огней города. По невидимой воде плыл огонек на носу самоходной баржи. Потом тянулась длинная темнота и на высоте — бело-зеленая кучка топовых огней. Замыкали на корме гаковые в трогательном содружестве.

«Без Верочки я как этот носовой огонек на постоянной жесткой дистанции», — думал Станислав, краем уха слушая, что говорит Петрович. Наверное, все это было мудро и важно, но не созвучно с его настроением. Петрович это понял.

— Давай-ка займемся теорией полета и навигацией.

— Я кое-что знаю... Так что лучше задавайте вопросы, — Станислав мысленно похвалил себя за любознательность. Учебные пособия — те, что брал у Глеба, наконец-то пригодились.

Вопросы и ответы затянулись за полночь. Петрович вслепую чертил палочкой на земле и посвечивал на рисунок горящей спичкой.

Его белеющая в темноте кисть руки то закручивала виражи с разным креном, то в боевом развороте уходила вверх, то спиралью набирала высоту, а потом пикировала вниз с резким выводом.

— В нижней точке, на изломе траектории, самолет обязательно просядет, какой бы мощности ни был двигатель. На

этом даже опытные летчики «покупались»... Наша «птичка» летуча, многие ошибки простит, но не эту. Еще запомни, что...

Этих «еще запомни», «имей в виду», «учти», «в случае чего» было много. На фоне засыпающих на горизонте огней скользящее движение руки приобретало какой-то колдовской, немного устрашающий оттенок. Иногда Станиславу казалось, что со стороны города за ним наблюдают мстительно-ненавидящие глаза, и где-то на полпути, над морем их взгляды, как и судьбы, незримо пересекаются...

Пугливо вскрикнула, распахиваясь, дверь. Невесть откуда взявшийся ветер по-собачьи ласково облизал лицо. Станислав с хрустом, от кончиков пальцев босых ног до самой крохотной косточки вскинутых вверх рук потянулся, даже в позвоночнике что-то щелкнуло и отозвалось во всей спине приятной болью, а плечи ощутили смутную силу, и голова пошла кругом. Он с наслаждением, до ломоты в скулах, зевнул и, лишь окончательно проснувшись, побежал к воде, освобождаясь от лоскутков сна, длинного, на всю ночь полета.

Он вместе с Верочкой летел на двухместном мотопланере, всем нутром своим ощущая скорость, высоту и крен. Они то поднимались к облакам, то проваливались в воздушные ямы, то воспаряли на «термиках», рожденных влюбленной парой, — солнцем и землей.

Потом рядом с ними оказался дед Никиша. Он был совсем молодым, черноволосым и с усами.

«Выше, еще выше!» — сверкая синевой глаз, ликующе требовал он. Станислав накручивал воздушные спирали вокруг колокольни. «Мария» была уже высоко, и звонница казалась маленьким шатром с черточкой. Потом — пуговкой с точкой. А дед Никиша просил уже умоляюще: «Еще выше, а то не долечу...» И вдруг исчез в поднебесье, растворившись в облаках.

Прохладная вода смыла остатки сна. Станислав хотел поплавать, но заметил в огороде Андрейку и выскочил на берег. Они стали качать помпой воду, приводя в действие мудреную вязь канавок и ямок оросительной системы, придуманной практичной Машенькой. Петрович, выглянув в огород и увидев, что его место у помпы занято, напомнил сыну, что надо еще скосить у дома траву.

— А после обеда можно и полетать, — добавил он и принялся чинить во дворе переборку, разбитую козами.

Потом Машенька позвала завтракать. Солнце уже всю румянило колокольню, а звона, возвещающего о начале нового дня, не было. Но вскоре прибежал Митяй и сообщил, что дед Никиша ночью умер.

Это было так неожиданно, невероятно, что в первый момент никто не поверил. Дед Никиша был всегда. Он был вечен, как колокольня и монастырь, как сам остров. Он был олицетворением долготерпения и долголетия. Он был хранителем покоя зачарованного мира.

— Свое дело на земле исполнил, вот и кончился отпущенный ему срок, — сдержанно сказала баба Настя, когда все — от мала до велика — прибежали к колокольне, где на своем топчане, на матрасе, набитом сеном, лежал, словно спал в неурочный час, бывший артиллерист, рабочий завода и добровольный каменщик — никому не родной, но самый близкий всем человек.

Мужчины хмуро смолили сигарки, еще не осмыслив событие и соображая, что надо делать в первую очередь. Женщины плакали и выполняли распоряжения бабы Насти. Сама она не уронила ни слезинки, хотя ближе его не было у нее человека.

— Настин муж — уж лет двадцать как покойник — с Никишей, тогда еще «молодым» пенсионером из города, «на ножах» был, — рассказывала Станиславу и Верочке словоохотливая жена Тихомира — одна из тех востроглазых женщин, которые знают все и про всех. — Всякие пакости ему подстраивал: то свежую часть стены ночью обрушит, то инструмент утащит, то доски, на леса приготовленные, себе к сараю приберет. К жене своей — еще пригожей, но бездетной, ревновал. И хотя повода к тому вроде бы не было, но для острастки поколачивал то одного, то другого... А утонул на глазах у всех. Переправлялся на лесной берег через протоку по мартовскому, уже нестойкому льду. Так, вместе с лыжами, и ухнул, хотя незадолго до него этим же местом Трофим без опаски прошел. Лишь после половодья труп нашли и на монастырском кладбище похоронили.

— Она б и замуж за Никишу пошла, как одна осталась, — вмещалась жена Трофима, — да он сказал: «Прости, Настюша, только повенчан я уже с самой колокольней Богородицы». Так и не перебрался в избу, хоть и звала. Только в последние зимы, как ревматизм прихватил, на ее печке отогревался... И кормила она его, и лохмотья стирала да незаметно мужнино подсовывала. Пенсию-то всю, что через лесхоз шла, на строительные разности он тратил.

Среди мужчин вел первую скрипку о покойном дед Аким. Теперь он был на острове старейшим, а потому держал себя с достоинством и с соответствующей такому событию печалью.

— ... Он и мне сказывал: на тот случай, коли зимой Богу душу отдаст, могилку себе за колокольней выкопал да крышу над ей сделал, чтоб не свалился кто. А там уж и сарайчик для разного хранения надстроил. Так что надо, мужики, енту над-

стройку снять, да завтра поутру Никишу и схоронить. Он и гроб себе из сосновых досок сбил, а крест вытесал дубовый, навечный.

Тихомира снарядили в деревню за священником. Хоть и не уважал покойный попов, обижался за то, что монастырь забросили, но надо христианскую душу как положено проводить.

— Он и пост не держал, но Иисуса Христа почитал за доброту и терпение, — неожиданно разговорилась набожная Дарья — жена деда Василия. — А молитвы сам себе придумывал и, работу делая, бормотал, словно со святым семейством разговаривал.

Еще о многих странностях и чудачествах деда Никиши вспоминали. Наверное, так, из ручейков памяти, обрастая подробностями и придумками, появляются сказания и легенды. Станислав, испытывая неясное чувство вины, прислушивался, но никто не обмолвился о золотом образочке, словно даже свидетели трогательной сцены дарения забыли о нем. И если бы невесомая пластиночка не прощупывалась под рубашкой, он и сам бы решил, что все это было лишь частью ночного сна. Его мучила мысль, что, подарив образок, дед Никиша лишил себя божественной защиты и отдал ему остаток своей жизни...

К обеду все, кроме бабы Насти, бабы Зины и бабы Дарьи, разошлись по домам, торопясь наверстать упущенное время и освободить завтрашний день, готовиться к которому надо было уже сегодня.

Верочка сказала, что хочет поспать дома, и ушла под несыпной охраной деда Акима. За все утро Станиславу удалось перекинуться с ней лишь общими фразами. Но они научились разговаривать взглядами, и никакая толпа, никакие события не могли заслонить вчерашнего вечера и того оглушительного чувства, которое потрясло их.

Станислав собрался пойти с Андрейкой косить сено, хотя и понимал, что в таком деле толку от него будет мало. Но Петрович попросил Машеньку накормить его и Станислава обедом пораньше.

— Ребята пусть трудятся — их полеты впереди. А мы — на аэродром. Надо снять напряжение и по-своему деда Никишу помянуть. Не успел я его просьбу выполнить: дать рукой облако потрогать...

Андрейка принял такое решение о полетах спокойно, понимая, что гость скоро уедет, а мотопланер и отец останутся с ним. Машенька бросила на мужа тревожный взгляд, но ничего не сказала.

... Петрович взлетел, как и в прошлый раз, сразу от ворот ангара. Уже другим, заинтересованно-цепким, взглядом Станислав приметил, как плавно, но энергично вышел движок на

взлетный режим, как стремительно бежала «Мария», в каком месте оторвались от земли колесики. И как, наращивая скорость, Петрович прижал стремящийся задраться нос мотоплана.

Он пытался с земли определить величину крена на виражах, рука чувствовала само движение, а тело словно испытывало скоротечные перегрузки — разнообразную, многоликую гамму ощущений, говорящих мозгу не меньше, чем стрелки приборов и созерцание земли.

Вместе с Петровичем мысленно Станислав сделал несколько витков вокруг колокольни, окольцевал остров, присматриваясь к его берегам. Прошел над лесом, спикировал на подозрительную точку на воде и решительно вывел «Марию» снова на высоту. При этом было заметно, как на выводе мотопланер слегка просел «животом» — это то самое, на чем, как сказал Петрович, «купились» немало даже опытных летчиков... Потом была выполнена показательная «коробочка» и классическая посадка, настолько идеальная, что Станиславу стало тоскливо: никогда так у него не получится.

Засмотревшись, Станислав забыл, что надо поднять на шесте «колдун» и выложить «Т». Торопливо захлопнув ворота, он подхватил коляску, но подбежал к мотопланеру, когда тот уже зарулил на место старта. Хотел вернуться в ангар, но Петрович сказал:

— Возвращаться — плохая примета, а в летном деле разные мелочи имеют странный тайный смысл. Но дело даже не в этом: надо учиться определять направление и силу ветра по отклонению веток и рисунку волн. А место посадки и так очевидно. И «Мария»...

— ... прощает все, — засмеялся Станислав, забираясь в кабину. Заметив, как сползли на переносице Петровича брови, добавил поспешно: — Опытному летчику, а не такому желторотику, как я.

— Небо не Матушка-земля, на которой можно творить что вздумается. Там — естественный отбор: неумелый, слабый — погибает, если вовремя не отступится. А волевой, тренированный выигрывает бой. Иногда — со смертью, но чаще — с собой.

«С собой и на земле воевать приходится», — мысленно ошетинился Станислав, но терять время на философские рассуждения не стал, опасаясь, что какая-нибудь случайность помешает подняться в небо.

В тот момент, когда сцеплял замок привязных ремней, он вдруг отчетливо понял, что знаний в нем — до макушки, а опыта — на грош. И в душе раздрай: все забылось, он ничего не умеет...

Станислав уронил перчатку за борт кабины. Петрович поднял ее, помог надеть. От сильных, умелых рук его исходила уверенность.

— Скоро перчатка станет не нужна, — Петрович улыбнулся.

«Все решится в этом полете», — подумал Станислав. Но что именно, он понял, лишь взлетев и начав знакомый маршрут по кругу.

Вот оно, это чувство полета! Тело тонко ощущало устойчивую шаткость трехмерного пространства. Ручка управления, как продолжение его руки, уже непроизвольно подправляла высоту и крен не «Марии», а его собственного тела. Ступни-педали инстинктивно нацеливали нос мотопланера, помогали на развороте. И незакрепощенный взгляд наконец-то увидел землю.

Без напряжения, праздно Станислав рассматривал ее — всю целиком, по кругу горизонта. Водную гладь, обрезанную спокойной синевой неба с хлопьями и сугробами пушистых облаков. Лес с оазисами построек и трещинами-дорогами.

Если подняться выше — будет виден железнодорожный мост в самом узком месте Большой реки, ленты рельс и станция. А город кажется нагромождением кубиков и коробочек в решетке прямолинейных улиц. Рядом с ним — завод с трубой-цигаркой, тлеющей желтым дымом.

Но главным открытием стал остров. Песчаная кромка береговой линии похожа на девичий профиль. Монастырь — словно выброшенный на сушу корабль с гребным винтом. Сарафан колокольни подновлен солнцем, и маковка сияет, точно кокошник, расшитый самоцветами. Избы пестреют разномастными крышами, и зелень огородов ласкает взгляд. Козы, как белые и черные жуки, — все будто на лубочной картинке: нереально и очаровательно.

Здесь, в Небе, в необходимости движения, в желании неземных познаний, он по-другому ощущал себя, всю совокупность нервов, мозга, мышц. И души. Она словно просочилась в конструкцию из дерева, металла, ткани, наполнив мертвую плоть «Марии» собственным Я, загруженным, как компьютер, «байтами» новой информации.

... Лишь к вечеру, после пятого полета, открутив в зоне над языком отмели выражи с разным креном, выполнив «горки», змейки и спикировав, согласно заданию, на Петровича, сидящего в коляске, Станислав почувствовал, что сыт по горло, до смерти устал и до обалдения счастлив, хотя особых причин для радости нет: Верочка на полеты не пришла, дед Никиша из гроба не поднялся и никаких вестей от Николая Лукича нет.

Но счастье выпирало из него до неприличия заметно. Станислав сам чувствовал, как сияют его глаза и растягиваются в глупой улыбке губы. Он бы еще покрутился в небе, но Петрович, вовремя заметив опасные признаки дурманящей удали, быстренько прикрыл полеты, сославшись на то, что дневная норма бензина исчерпана, да и «Мария» — не скаковая лошадь.

Когда мотопланер был заправлен, протерт ветошью и водворен в свое гнездо, Станислав заметил на холме Верочку. Словно на крыльях взлетев по склону, он хотел схватить ее в охапку и закружить. Но Верочка оказалась прикованной к мольберту той же силой творческого вдохновения. Она совершила свой «полет», ничего не замечая вокруг.

Станислав тихо примостился за ее спиной, не решаясь заглянуть через плечо и увидеть то, что рождалось на ватмане при слиянии Верочкиной души, руки и кисти.

— Я сейчас... Не уходи, — рассеянно пробормотала она.

Станислав вытянулся на траве, чувствуя, как устало пропахшее потом тело. Ужасно хотелось искупаться, но Верочка отложила кисть и вытащила из папки довольно большой рисунок.

— Это то, что мне не удалось. Поэтому вчера не подарила.

На Станислава смотрел элегантно одетый молодой человек с интеллигентной, чуть снисходительной улыбкой и стальным блеском в глазах. Таким он нравился себе, когда стоял перед зеркалом. Но где и когда могла видеть его таким Верочка? При каждой встрече он был в чужой одежде и в самом неприглядном виде.

Станислав не успел ее спросить, потому что рассмотрел: за яркой металлической точкой в глубине глаз была такая смертельная тоска, что мороз пробежал по спине. То было лицо еще молодого, но все изведавшего и ничего не получившего от жизни человека.

— Это все неправда... — Верочка попыталась вытащить рисунок из его рук, но культики держали ватман крепко. — Я и показывать не хотела, знала, расстроишься. Да и был ты таким только в ту ночь, когда на остров вернулись... А сейчас — совсем другой.

Верочка отодвинулась от еще влажного рисунка, приколотого кнопками на крышке мольберта, и Станислав увидел облака. Вернее, одно сложное облако, состоящее из других, затейливой формы и странного освещения изнутри. И, как бывает на голографических картинках: чуть повернешь — мерцает в зернистом многоцветье заяц, а чуть наклонишь — ясно видится волк...

Но никаких оптических фокусов здесь, естественно, не было. На плоском рисунке, выполненном гуашью в пастельных то-

нах, парило не облако, а он сам — его душа, настроение, его явные и смутные желания. И через все это просматривалось его настоящее, сегодняшнее лицо. Оно сияло, хотя губы не улыбались, и в серых глазах плескалась синева.

— Я знала, что ты все поймешь, — радостно сказала Верочка. — В живописи каждый видит то, что способен почувствовать. Для многих это будут только странные облака с неестественным освещением... Мама меня понимала. Папа — не всегда. Машенька обязательно все увидит. Насчет Петровича не знаю. А дед Никиша — он первый необычные свойства моих рисунков почувствовал. Он и в гробу как ребенок... — из Верочкиных глаз капнула слеза, и на портрете Станислава расплылось еще одно непонятное облачко.

— Ой! Я исправлю, когда подсохнет, — виновато вздохнула она.

— Зачем? Стало правдоподобнее, — Станислав поцеловал ее пальцы, испачканные краской. — Разве бывает одно только счастье?

Подошла баба Зина, и Верочка сникла. Собрала этюдник и безропотно разрешила старухе увести себя домой. Значит, вечер был потерян, а день — испорчен...

Станислав побрел к тому месту, где купался после корриды с Чертяжкой, и разыскал спрятанный в кустах кинжальчик. Потренировался с ним, приспособивая культики к рукоятке. Убедившись, что в крайнем случае применить сумеет, поспешил в мастерскую. Петрович еще был там. Не прошло и получаса, как подарок Степана оделся в кожаные ножны, которые крепились на поясе и были неприметны, если носить рубашку навыпуск.

Дед Никиша, совсем как живой, лежал в тени колокольни в гробу, стоящем на чурбаках и прикрытом белой тканью, спадающей до земли. Священник только приехал из деревни и готовился к панихиде. Он что-то говорил бабе Дарье, читавшей над покойным всю ночь псалтырь. Еле слышно потрескивали свечи, и на изголовье стекали прозрачные капли воска. Безголосо дзинькал колокол: кто-то из мужчин пытался заметить ушедшего на покой звонаря.

Молчаливые люди тихо стекались от домов, от берега, где причалили лодки из лесничества и деревни. Не слышно было даже привычной перебранки коз и собак. Рыжуля привела щенков. Говорили, что в ту ночь она тоскливо выла.

Станислав и Верочка подошли одновременно. Она — из дома. Он вылез из овражка, где сгребал в мешки траву, накошенную вчера Андрейкой, и таскал на крышу сарая, наслаждаясь запахом луга.

Он не сразу заметил Верочку, потому что вспомнил другие похороны и покойника, лежавшего в гробу с рюшками, пришитыми руками Лизы и тети Кати. Та — бестолково прожитая жизнь, ни в радость себе, ни на пользу людям, оставившая лишь горечь в сердцах... И эта — сплотившая людей, подарившая им память о «чокнутом» или святом Никише, которая сохранится, пока существует остров и стоит колокольня, доказывая, что невозможного не существует.

— Ты о чем задумался? — Верочка подошла неслышно.

— Потом расскажу. И еще о многом... Раньше потребности такой не было, а сейчас воспаряюсь, как твои облака, — Станислав заметил, как Верочка слабо улыбнулась. И тут же нахмурилась:

— Никто не принес цветов... На огородах только овощи, по склонам все скосили. Но я знаю, где есть колокольчики, синие и белые. Пойдем, — она побежала за колокольню, по тропинке, огибающей позеленевшие от времени плиты и заросшие холмики с полусгнившими крестами. Но виднелись и ухоженные могилы.

Там, куда вела Верочка, Станислав еще не был, но, пролетая, видел старые деревья. Они спускались по каменистым террасам прямо к воде. Казалось, что сад должен быть полон тени, плодов, птиц, и Станислав с любопытством спешил за Верочкой. Она ловко сбежала по изъеденным водяными потоками каменистым ступеням, вырубленным еще монахами. Сад, заложенный ими, позже обновлялся, увеличивался, сползая в низину, пока не было большой воды. Урожай, наверное, телегами увозили в город или лесом — на станцию.

Сейчас сад напоминал труп. Лишь вершины деревьев были еще зелеными, а все, что ниже, топорщилось сухими ветками, оплетенными паутиной с клубками гусениц. Но давно одичавшие, уродливые яблони сопротивлялись стойко. На одной даже розовел одинокий плод, и Станислав, подпрыгнув, ухватился за высоко вздернутый сук. Тот предостерегающе затрещал, но ноги уже уперлись в ствол. Культики пальцев напряглись, ладони, подстраховав, не дали сорваться, и Станислав ловким броском переместил тело на трухлявую развилку.

— Иди сюда, — он свесился, протягивая Верочке руку.

— Я боюсь. И ты слезай — вдруг дерево сломается. У меня плохое предчувствие... Ночью проснулась от мысли, что случится беда. Потом вспомнила, что несчастье уже случилось — с дедом Никишей. А сейчас снова сердце ноет.

Станислав потянулся за яблоком. Срывая румяный плод, глянул из-за ветвей — на воде померещилось что-то красное и тут же исчезло. Он прислушался, но звука мотора не было.

Яблоко оказалось с червоточиной, но Верочка обгрызла все,

что удалось, и на щеки ее слабым отсветом лег румянец. А может, он появился от духоты, — солнце уже припекало.

Стараясь не задевать низких, покрытых лишаем веток, Станислав пригибал голову. Верочке это было не нужно, она шла, размахивая руками и рассуждая о том, какой прекрасный сад можно разбить здесь, в защищенном от злых северных ветров месте. Ей было неловко, что притащила его в такое гиблое место, но возвращаться без цветов не хотелось, и она упрямо спускалась к воде.

Станиславу было все равно куда идти. Как только они зашли за колокольню, ему безумно захотелось поцеловать Верочку. Но только не среди такого убожества.

Лишь ближе к воде все цело, и Станислав с иронией подумал, что это, наверное, и есть граница между царствами смерти и жизни. Крупные белые и лиловые колокольчики на высоких ножках горделиво покачивались в высокой сочной траве. Верочка начала торопливо рвать их. А Станислав, перешагнув на плоский камень, выступающий из воды, раздвинул ветки притопленного ивняка, но не успел окинуть взглядом поверхность уходящей за горизонт воды: в глаза бросилась корма красного катера с двумя моторами. Она находилась совсем рядом — стоило лишь протянуть руку. Нос катера был вытасен на низкий песчаный берег заливчика, отделенного от сада каменной грядой, уходящей вверх, к монастырю.

Станислав отпрянул, и тут же услышал голоса — кто-то шел с дальней стороны бухточки. Говорили двое... Не вслушиваясь, он метнулся назад, к Верочке, боясь, что она скажет что-нибудь громко. Но девушка застыла настороженно, глядя в сторону камней. Руки сжимали охапку колокольчиков, потемневшие глаза были неподвижны, а не покрытые кепочкой волосы золотились вызывающе ярко.

— Беги к Петровичу. Предупреди, что причалил красный катер. Красный! Он поймет... А кепка где? Почему в кармане? — Станислав уже тащил Верочку вверх, ему казалось, что его шепот, ударяясь о стволы сухих деревьев, стелется над водой.

— А ты? — закричала она шепотом. — Без тебя не пойду...

— Послежу за ними. Может, тревога ложная, и все обойдется. Если Петровича нет, скажи Лагину. Больше никому. И оставайся там. Сюда — не смей! — говорить на подъеме было тяжело, дыхание сбивалось.

На крутых ступенях Верочку приходилось подтягивать. Рубашка уже липла к спине, но под ней, плотно прилегая к бедру, ощущалась твердость кинжала. Сознание того, что руки не стянуты за спиной наручниками и даже есть чем защитить Верочку, возбуждало. Он не боялся схватки, от которой все время был вынужден уходить.

— Дай слово, что... не покажешься им... на глаза, — голос Верочки захлебывался.

— Я что — дурак? — он вытолкнул ее из умирающего сада на последний уступ. Она побежала к колокольне, поминутно оглядываясь, а Станислав окинул взглядом берег острова и поверхность воды в протоке. Прислушался. Но все тонуло в грустном покое.

«Может, обычные туристы или чужие рыбаки, и я зря забил тревогу?» Но в это не верилось. Он не пошел назад, а стал пробираться вдоль монастырской стены. Отсюда было хорошо видно, как в просветах между сучьями и стволами вьется лестница-тропинка.

Он добрался до круглой части монастыря. Чуть поскрипывал и вздыхал, медленно вращаясь, ветряк. Это был единственный отчетливый звук, и Станислав успокоился. Здесь, за стеной он встретился с дедом Никишей. Отсюда можно выбраться через собачий лаз на берег, куда он выполз полуживым. За каменным выступом бухточка, где причалил катер. Несложно проплыть под водой, выбраться в кустах и последить за неожиданными гостями.

Станислав шагнул к разлому в стене и замер: кто-то шел по тропинке, тяжело и дружно бухая по камням. У туристов — кроссовки, у рыбаков — сапоги. Такой грузный шаг может быть лишь у людей, обутых в десантные ботинки.

Осторожно пробираясь между камней, Станислав спустился к краю уступа. Лег и глянул вниз. В этом месте деревьев было меньше, и сквозь паутину сухих ветвей от увидел троих: впереди шел кто-то в черной рубашке с непокрытой темно-волосой головой. За ним поднимались двое в камуфляжной форме. Большие козырьки защитного цвета кепок закрывали лица. За плечами обоих стволами вниз болтались автоматы.

Один что-то сказал, второй засмеялся. Тот, что в черной рубашке, прицкнул на них вполголоса, но выругался громко. Станислав узнал гнусавый голос, который невозможно спутать или забыть.

«Кривоносый! Нашел-таки... Выбрал время! Что делать? На катере остался Хряк. Что толку, если даже удастся угнать посудину?... Надо остановить их... Но как?» — мысли метались. Их забивала та, что уже приходила, вылезая то одним краешком, то другим. А теперь всплыла во всей своей ужасающей простоте: «Это я привел их сюда. Притащил, как заразу, как все убивающий вирус... Лучше бы отдал Богу душу тогда, когда хотел этого осознанно, беря в руку гранату. Тогда не было бы борьбы с Бугром, бульдожьей ненависти Кривоносого... И Верочка сидела бы дома с Николаем Лукичом. И не грозило бы то страшное, что может произойти сейчас на этом зачарованном острове...»

Вместе с обрывками бесполезных мыслей сначала пугливо, потом все более четко, настойчиво пробивалось решение. Он вновь ощутил себя человеком с оружием, пусть жалким по сравнению с автоматами. Но только одно можно было сделать сейчас — пойти этим троим навстречу.

«Я все исправлю... — Станислав хотел спрыгнуть на тропу, но склон был слишком крутой и высокий. — Господи, до чего обидно умирать, когда так нестерпимо хочется жить... Но надо скорее покончить со всем, пока нет Петровича, Верочки. Пока никто еще ничего до конца не понял... Надо просто сказать: «Тебе, Кривоносый, нужен я?.. Все равно с Бугром покончено. А ты, удирая, заглянул отдать должок? Честной драки, знаю, не будет. Только уедем отсюда, пока никто не пришел...» — Станислав отполз от края и, стараясь не наступать на шаткие камни, побежал к началу тропы.

Он был уже у размытого ливнями спуска, когда его тихо окликнула Верочка. Обернувшись, он не успел стереть с лица выражение отчаянной решимости, и она поняла все.

— Не смей!.. Не пушу! Или вместе... — она рванулась к тропинке.

Станислав успел отдернуть Верочку, оттащить в сторону монастыря и повалить — ее голова была опять без кепочки и на фоне замшелой стены сияла каштановым пламенем.

— Люди с оружием. Их нельзя пускать наверх, — прошептал он.

— Видишь глыбу? Ее можно столкнуть, — Верочка, пригибаясь, стала пробираться по склону. Станислав бежал на четвереньках. Внизу уже отчетливо слышался топот ботинок. Кривоносый был уверен, что поблизости никого нет.

Глыба — обломок стены из спекшихся за века кирпичей, стояла на самом краю подмытого ливнями склона. Казалось, дунь ветер, и она рухнет вниз, подминая кусты, ломая деревья, и весь этот склон сползет, закупорив проход. Но когда Станислав уперся плечом, глыба даже не шелохнулась. Верочка пристроилась рядом, как Мышка возле Деда с репкой, и он не решился ее прогнать.

Они навалились разом. Станиславу казалось, что тело его становится таким же монолитом: мускулы вздулись буграми, сухожилия напряглись, словно канаты. Но это было все равно что муравью сдвинуть булыжник. Глыба стояла прочно, как сам монастырь.

Верочка без сил уткнулась лицом в землю. Станислав яростно саданул глыбу кулаком. Почувствовав боль, успокоился и стал наблюдать, как неторопливо, с ленцой поднимались охранники, а Кривоносый, подгоняя их, оборачивался и матерился вполголоса.

Но видно было из-за кирпичной глыбы и другое: от лесного берега в сторону острова бесшумно двигались три лодки. Моторы были подняты, шли на веслах. Людей было по трое в каждой.

— Это не рыбаки и не лесхозовские, — Верочка выглянула из-за спины Станислава. Тот, кто остался сторожить катер, свистнул. С лодок послышался ответный свист, и Кривоносый остановился.

«Повернут назад, чтобы посоветоваться, или все у них уже оговорено?» — Станислав старался не смотреть на Кривоносого, опасаясь, что тот почувствует его взгляд и поднимет голову. Но Кирюха что-то сказал охранникам, и все снова зашагали по ступенькам вверх.

Из-под ноги у Верочки сорвался камень и с грохотом покатился. Трое внизу замерли, завертели головами, пытаясь понять причину шума. Один из охранников сбросил с плеча автомат.

— Ложись... — Станислав прижал Верочку к склону, растянулся сам и стал сбивать ногами камни и кирпичи. Подмытая недавними ливнями потревоженная часть склона зашуршала, загремела и начала сползать вместе с пучками полуживой травы и сухого мха. Снизу послышались крики, ругань. Ударила автоматная очередь. Пули зацокали по гранитному основанию монастыря.

Станислав понимал, что пущенная почти вверх, наугад очередь их не заденет, но инстинктивно прикрыл Верочку. В ее глазах, огромных и желтых, как у совы, мелькнул страх.

— Стреляют? — словно не веря своим ушам, испуганно спросила она. — И ты меня опять спасаешь... — иронии в голосе не было, и Станиславу захотелось полежать еще хоть немного, ощущая хрупкую фигурку в панцире своих мышц. Но он отполз и заглянул вниз.

Там, где только что стояли трое, клубилась пыль. По свежему оползнию струйками стекал песок, сыпалась глина и мелкие камни. Но поверженных тел, увы, не было. Лишь цокот подковок и злые выкрики слышались почти у самой воды — бежать вниз оказалось проще, чем лезть наверх, да еще в неизвестность.

Из-за колокольной показался Петрович в коляске. Трофим сдерживал Андрейку, Леню и пацанов. Станислав схватил за руку Верочку, и они побежали навстречу, опасаясь, что Петрович сгоряча поедет к ним, а уклон кладбищенской тропинки не для колес...

— Что там? — лицо Петровича окаменело. Он стал чем-то похож на Дядечку в те моменты, когда степень риска становилась ощутимой и надо было мгновенно принимать решение.

— Кривоносый и два охранника с автоматами. Четвертый — на катере. И еще... — Станислав кивнул в сторону протоки, где плюхали дюралевые лодки. Впрочем, уже не плюхали. Взыли моторы: на лодках услышали выстрелы или получили сигнал.

— А мы на этих вояк целый обвал устроили, — лицо Верочки сияло. — Они сразу же убежали...

«Еще вернутся», — хотел сказать Станислав, но Петрович так все понял. Он мельком глянул на него и обернулся к Верочке:

— Вера Николаевна, пожалуйста, соберите всех детей... Андрей, проследи, чтобы пацаны не артачились, — он кинул выразительный взгляд на сына. — Через пять минут все должны быть на колокольне. Малышей наверх не пускать. Дверь — на засов. Сидеть тихо. За детей отвечаете оба. Леонид, а ты Лагина сюда позови, быстро! И тоже — на колокольню.

Верочка недовольно дернула плечом, просяще посмотрела на Станислава, но, напорвшись на его непреклонный взгляд, круто развернулась и, подхватив сунувшуюся было к отцу Анюту, увела детей с кладбища. Андрей, насупившись, плелся сзади.

— Значит, их минимум тринадцать, — проводив сына взглядом, в раздумье сказал Петрович. — Два автомата, определенно есть пистолеты и ножи. Многовато... Что будем делать? — он посмотрел на Трофима, но тот был растерян и бледен.

— Думаю, мне надо с ними встретиться наедине, — Станислав старался говорить небрежно. Пошутил: — Выйду с белым флагом и бутылью самогона. В конце концов, это же мои гости...

— Отставить! — резко перебил Петрович. — Вздумал героя из себя разыгрывать? — он был сосредоточен и зол.

— При чем тут «герой»? Им нужен я. Зачем же всем рисковать? — Станислав чувствовал себя невероятно спокойным и абсолютно правым. — Даже если спрячусь, они перероют весь остров. Могут поставить ультиматум.

Петрович, заметив стальной блеск в его глазах, только взглядом полыхнул. Губы шевельнулись: «... мать твою». Вслух сказал:

— Если прятаться, то так, чтобы искать смысла не было... А ультиматумы бандитам ставить должны мы, — он резко развернул коляску навстречу Лагину. — Как там?

— Пацаны и дети с Верочкой на колокольне. Женщины — возле деда Никиши. Мужики — поближе к вилам и косам. У деда Акима — «мелкашка», но патронов нет. Савелий с берданкой. У меня — двустволка, заряжена дробью, — Лагин качнул плечом, на котором висело охотничье ружье.

— Мобильный при тебе? По ноль-два звони... Трофим, разьяс-

ни ему обстановку и — к деду Никише. Ружья пока припрятать, за вилы сразу не хвататься: бандиты все ж люди, должны понять, что похороны... А мы, — Петрович кивнул на Станислава, — к ангару. Если придут раньше, чем вернусь, скажите: «Был, мол, такой, да в небо испарился...» — Петрович хмыкнул и, обогнув колокольню, покотил через поляну. Сильные руки его закрутили колеса с такой яростью, что коляска неслась по рытвинам, опасно кренясь, а на спуске Станислав едва поспевал за ней.

— Слушай и запоминай, — Петрович сбавил скорость и заговорил с придыханием: — Сразу после взлета развернешься в сторону города. Высоту держи сто, курс — двести десять и визуально, глазами зорче смотри. Скорость не больше ста двадцати. Ты это все знаешь... Новый город — многоэтажки обойдешь над водоемом. Над домами — ни в коем случае... Выйдешь на шоссе — не снижайся, не дергайся. Помни про электропровода. По трассе — до леса. А там увидишь спортивный аэродром. Кирпичное здание СКП со стеклянным пристроением на крыше. Эллинг, сарай. Про «колдуна» не забудь... По нечетным дням летают планеристы — сегодня парашютные прыжки. С ходу не садись. Круг сделай или два — по обстановке. Надо, чтобы тебя увидели. Следи за горючим. Помни — на сорок минут, хотя лета здесь не больше пятнадцати... Если Ан-2 в воздухе, после приземления сразу срули с полосы. Встань ближе к постройкам, чтобы парашютистам не мешать.

Они были в тени ангара, когда по протоке пронесся красный катер. Минуту спустя звук мотора заглох напротив колокольни.

«Если милиция даже примет вызов, пока плавсредства будут искать и добираться — час пройдет. «Под занавес» и то не успеют. А я опять вынужден бежать...» — еще не веря в реальность происходящего, с тоской и бессильной злостью подумал Станислав.

Ворота распахнулись, испуганно взвизгнув. Станислав уперся плечом в подкос. Петрович сполз с коляски и, тяжело ступая протезами, подошел с другой стороны. «Мария» выкатилась послушно. Но прежде чем сесть в кабину, Станислав сдернул с ремня ножны с кинжальчиком, протянул Петровичу:

— Мне ни к чему, а вам пригодиться может... — он юркнул на сиденье, щелкнул замком привязных ремней, натянул перчатку. Злость, тоска неожиданно улеглись. Он почувствовал волнение и радость, как в том полете, когда понял, что крылатая машина послушна, что можно превозмочь себя. И небо, казавшееся всегда таким недоступным, всего лишь новый, еще мало изведанный им путь.

— Встретимся — кинжал верну... — голос у Петровича

был хриплый. — Ты сумеешь, у тебя есть летный дух. Перелет — дело обычное, двадцать километров по прямой. Будь внимателен. «Мария» не истребитель, даже не вертолет, дает время подумать... Быстро думать! Глебу привет. С Богом... — Петрович отступил к коляске.

— От винта! — уже привычно бросил Станислав.

— Прогрей! — голос Петровича пробился сквозь нарастающий рев двигателя. — Ветер боковой — упреди снос...

«Мария» рвалась в синее, с сугробами облаков небо, и Станислав сразу ощутил то счастливое согласие, какое возникло между ним и мотопланером в предыдущих полетах. Нарастание скорости, бросок в высоту — все было продолжением бега через поляну, а до этого — по каменистым ступеням с Верочкой. Внутри все дрожало от нетерпения и нового осознания себя над разноликой землей. О ней были сейчас все мысли, и, вместо того, чтобы набрать нужную высоту и лететь через море, Станислав развернул «Марию» в сторону острова.

«Я должен знать, что там происходит, — представляя, как будет взбешен Петрович и чувствуя свою вину перед ним, подумал Станислав. — Всего кружок, ведь горючки — с запасом».

Колокольня... К ней нельзя подлетать близко. Но она притягивает. Глаза всматриваются в фигурки и лица живых людей, тесно стоящих возле мертвого. Гроб деда Никиши, прикрытый белым, словно кусочек льда на бурой траве.

Господи, как понятно, как предсказуемо видно все с высоты! Очевидное лишь тем, кто много летает, открылось для Станислава только сейчас: высота — не просто расстояние до земли, не только способ созерцать ее под широким углом зрения по окружности. Это возможность предвидеть то, о чем еще не подозревает Петрович, быстро для него и ужасающе медленно для Станислава пересекающий поляну. К нему навстречу бежит Машенька, ее седая голова светится, как серебряная монетка. Оба еще не видят, что с красного катера, причалившего напротив колокольни, на берег сошли трое. Четвертый, и в самом деле Хряк, занес через борт ногу. Навстречу чужакам, почуяв недоброе, несется стая собак. Только старая Рыжуля, напряженно вытянув шею, гавкает издалека.

Все уплыло назад. Станислав с неглубоким креном — «блинчиком» окольцевал остров, окруженный странным мерцанием воды.

Две моторки причалили к козлиному пляжу, поближе к домам. Третья, огибая крутой берег, идет к отмели. Бандиты хотят попасть на улицу с двух сторон. Расчет верный: хозяев нет, двери незаперты, даже собаки у колокольни. Грабь сколько влезет...

Пятеро в робах и штормовках карабкаются по откосу вверх, от них врассыпную бегут козы. Лишь Чертяка стоит, набычив в сторону прищельцев рога... Станислав ушел в сияющее солнцем море. Развернулся, снизился и понесся над водой, ощущая ее коварную близость.

Мерцание волн было так близко, что казалось, он мчится на катере, хотя высотомер показывал десять метров, — водная гладь съедала расстояние. Лодки, уткнувшиеся в песок, фигуры людей, уже стоящих на обрывистом склоне, — все выросло перед глазами слишком быстро. Колесики шасси едва не чиркнули по бросившейся навстречу земле. Сердце замерло, но рука не дрогнула.

«Как на посадке. Только скорость — чтобы убиться...» — мелькнула мысль. Станислав успел увидеть, как шарахнулись бандиты. Один упал, прикрыв голову руками. Но мотопланер уже вырвался на улицу, похожую на ущелье с плетнями по обе стороны.

Хотелось дернуть ручку управления на себя, лишь бы выскочить из этого жутковатого коридора, но Станислав сцепил зубы и плавно отвел мотопланер от светлой дорожки, вбегающей на пологий склон.

Лишь пройдя над «языком» и выскочив над протокой, он позволил себе подумать: «Господи, пронесло...» Запоздалый испуг окатил мгновенным потом. Ветер остудил, успокоил. Потенно, не решаясь обозначиться, трепыхнулось гордое чувство.

«Спокойнее, Сергеич, не пижонь...» — он заставил себя набрать высоту побольше, хотя понятие «больше — меньше» сместилось. Взгляд прощупывал, позволяя чувствовать расстояние до земли.

Третья лодка входила в протоку. Станислав сделал над ней резкий разворот, торопясь лечь на обратный курс. Ужасающе близко промелькнули кроны сосен на мысу, предостерегающе напряглись крылья. Но впереди уже снова маячили избы.

Станислав вернулся к козлиному пляжу и заложил глубокий вираж. Ощувив, как незнакомо и неприятно засасывает, словно в водовороте, уменьшил крен и начал накручивать кольца, не сомневаясь, что Петрович заметит и поймет сигнал.

Один бандит все еще топтался у лодок, двое уже подходили к избе Петровича, а шустрая парочка подбиралась к дому напротив. Заметив «Марию», все задрали головы, пытаются рассмотреть напугавшую их штуковину. Шестому было не до того: на него наступал Чертяка, и бандит шарил рукой по плетню, пытаясь выдернуть кол. А со стороны звонницы уже бежали с вилами и косами мужики, спешил Лагин с двустволкой. Все двигались ужасающе медленно: искажение земной скорости — это тоже особенность ясновидящей высоты.

Теперь можно вернуться к гробу деда Никиши и красному катеру, так странно и страшно соединившим живых.

Кривоносый и его телохранители уже подходили к женщинам, столпившимся возле гроба. Они не ожидали, что встретят на захудалом острове столько народа, да еще при таких обстоятельствах. Парни шли неуверенно, Кривоносый, оборачиваясь, подгонял их.

Священник, стоя спиной к идущим, продолжал читать молитвы. Петрович выехал вперед, словно был в состоянии заслонить собой женщин и Машеньку, застывшую возле него, — все промелькнуло стоп-кадром. На одной высоте с «Марией» на голубовато светящейся маковке свечой вспыхнул крест. Плечами, раздавшимися до размеров крыльев, Станислав чувствовал близость звонницы и громаду монастыря с лениво крутящимся ветряком.

Сделав круг, он начал второй. Скованность движений исчезла, и подконтрольную холодную ненависть, которую до этого с трудом удавалось обуздать в себе, сменило странное успокоение. Казалось, что кто-то незримый, могущественный заботливо прикрыл доброй ладонью всех, кто там, под сенью звонницы, и его самого, отгородив от зла, пришедшего извне.

Это было лишь долгое радостное мгновение. Когда «Мария» снова выскользнула из-за колокольни и устремилась к ее полуденной тени, картина внизу сменилась: Кривоносый стоял перед Петровичем и, очевидно, орал, угрожающе размахивая руками. Телохранители отбивались от собак. Один вскинул автомат и, не целясь, пустил перед собой очередь.

Собачий визг перекрыл тарахтенье двигателя. Станислав увидел, как упала Рыжуля, заслонив собой щенят. Что стало с остальными, заметить не успел — мотопланер выскочил над морем.

Сейчас надо сделать то единственное, что он может, что должен... Станислав отчетливо понимал это. Боясь ошибиться, аккуратно развернулся с набором высоты, и начал снижаться, как над козлиным пляжем, но выключив двигатель.

Скорость нарастала. Свистящий напев крыльев вплетался в лай, визг собак и возмущенные крики женщин. Но видел Станислав лишь Кривоносого. Выражение злости на лице Кириухи внезапно сменилось удивлением и тут же исказилось страхом. Глаза дико расширились, рука с зажатым в ней пистолетом метнулась прикрыть голову.

— Кривоносая сво-лочь!.. — заорал Станислав, напрягаясь и телом чувствуя те три-четыре метра высоты, которые разделяли их. — Я — здесь! Зде-е-сь!.. — последнее слово он докричал, врубая тумблер, не сомневаясь, что двигатель не чихнет, не заартачится и вытащит над водой, расплавленной солнцем.

Набор высоты в развороте теперь отдаленно напоминал боевой, а тридцать метров воспринимались как вполне безопасные.

Станислав заставил себя успокоиться и осмыслить ошибки, которые были, очевидно, не так велики, если он еще жив, если Небо их благосклонно простило. Он старался не думать о Петровиче, хотя в глазах еще стояло его смертельно бледное застывшее лицо.

Внезапно Станислав сообразил, что в любой момент «Марию» может прошить автоматная очередь. И стоит пуле попасть в бак с горючим... Вот будет подарочек Кривоносому!

«Если суждено, то только не здесь, не на глазах у близких», — и, словно отвечая на его мысль, на звоннице ударил колокол.

Частый, тревожный голос его пробился сквозь гул мотора, поплыл над водой, над лесом. Его отчаянный, набатный призыв должны услышать и понять в лесхозе, в деревне, в лесничестве. Он звучал как крик о помощи и как предостережение: «Мы — всем миром!..»

Станислав пересек остров, но уже на достаточной высоте и в стороне, хотя понимал, что автоматная очередь и здесь его достанет. Над красным катером снизился, дразня сидящего на носу Хряка. Кривоносый и охранники еще топтались возле колокольни. Что там происходило, Станислав понять не мог. Заметил только, что женщины стеной придвинулись к Петровичу. Кривоносый грозил пистолетом, и охранники вскинули автоматы. Одна только очередь, одно длинное мгновение, наполненное грохотом, — и пули скосят всех...

Станислав, врубив движок на «максимал», пронесся уже выше, над колокольней, пытаясь отвлечь охранников и разрядить их злость на себя. Свиста пуль не услышал, лишь почувствовал двойной удар — одна расщепила дно кабины возле ноги, другая чиркнула по борту снаружи. Ожидая второй очереди, Станислав спиной ощущал уязвимость бензобака, хрупкость крыльев и самого себя, такого ранимого и смертного. Внезапный страх щекотнул холодом грудь, сосулькой сполз в живот и стал разрастаться там ледяной глыбой.

Но в арочных просветах звонницы по-прежнему метался колокол. Звук его казался таким же ярким, как каштановое пламя Верочкиных волос, таким же страдающим и непреклонным, как ее лицо.

Станислав вернулся к протоке, еще чувствуя ненавидящий, бешенством налитый взгляд Кривоносого. Успокаивая себя, сделал широкий круг, стараясь трезво оценить обстановку.

Кривоносый и охранники торопливо сели в катер. Хряк запустил моторы — белые бурунчики вскипели за кормой. Значит, можно теперь снова вернуться к избам.

Здесь назревали драматические события: третья лодка уже причалила к песчаной отмели. Двое шли к сараю-ангару. Навстречу им выставил свою незаряженную «мелкашку» дед Аким. Хромоногий дед Василий, вооруженный вилами, то ли подпирал ворота, то ли они помогали стоять ему самому. Но по поляне уже катился Петрович, за ним с вилами и косами спешили женщины, доверив тело деда Никиши священнику, а его душу — Богу. И хранитель острова лежал тихий, безразличный, впервые отстранившись от суеты мирской.

Станислав устрашающе спикировал на бандитов. Перегрузки, ставшие привычными, необходимыми, даже нравились. На выводе замирала душа, тяжесть на ручке управления напрягла мышцы. Мотопланер кряхтел, но возникающие в каждой клеточке тела усилия бодрили. Он понимал — этой бодрости и следует остерегаться больше всего.

На другом конце улицы уже разыгралось сражение: Трофим прижимал косою к плетню бандита, к ним бежал Тихомир, волоча за собой кнут вместо веревки. Лагин держал под прицелом двустволки здорового парня, словно скроенного из троих. Егерь Савелий, грозя берданкой, отеснял к воде «лысика», вооруженного обрезом.

Прячась за плетень, пробирался еще один в зеленой штормовке. А по улице в сторону протоки несея кто-то, и очень прытко, потому что за ним гнался Чертыка. Черный, взбешенный — само исчадие ада. Длинные рога настигали коричневые штаны, бандит что-то орал, махал дружкам у ангара.

За Чертыкой бежали несколько коз. Остальные столпились возле лодок, загромоздивших пляж, и мешали парню в пятнистом комбинезоне столкнуть «дюральки» на воду. Он так и стоял на корме, словно пришипленный со всех сторон рогами.

Солнце слепило, вода сияла алмазной рябью, на нее трудно было смотреть. Но то, что катер, застыв посреди протоки, собирается причалить к берегу, Станислав понял, как только сделал разворот.

На борту спорили: Хряк, сидя за рулем, махал рукой в сторону изб, телохранители показывали на лесной берег. Кривоносый стоял запрокинув голову. Заслонив глаза рукой, он выискивал на фоне облаков ускользнувшую цель. Выручать корешей-грабителей он, похоже, не собирался, но, взбешенный до предела, мог в отместку пойти с автоматом против вил и кос, против стариков, женщин и Петровича, уже обогнувшего угол ангара. Всего лишь одна очередь...

«Гранату бы сюда... Ту самую, что так бездарно потратил на себя». Станислав развернул «Марию» в сторону катера, вызываясь качнул крыльями. Увидел, как один из охранников

вскинул автомат, и уже отработанным маневром ушел в высоту. Пули, предназначенные «Марии», изрешетили небо.

Снова потеряв мотопланер на фоне кучевых облаков, Кривоносый завертел головой, но Станислав уже летел над лесом. Прикинув расстояние и высоту, он выключил двигатель, и «Мария» бесшумно заскользила вниз. Хряк и телохранители сидели в катере спиной к нему и смотрели на остров.

Кривоносый все еще стоял и тоже глядел в сторону ангара, где женщины окружили троих бандитов. Но, словно услышав шорох крыльев о воздух или почувствовав испепеляющий взгляд, обернулся. Лицо его побледнело, глаза расширились, как там, у колокольни. Он выхватил у телохранителя автомат, и дуло темным зрачком уставилось на Станислава. Сейчас очередь полоснет, разрезая « Марию»... Но Кривоносый то ли забыл снять автомат с предохранителя, то ли понял, что обломки мотопланера рухнут на катер, и замешкался, решив ударить в хвост.

«Милая, хорошая, только не подведи...» — Станислав выждал, когда катер станет размером почти во все лобовое стекло, и потянул смертельно тяжелую ручку управления. «Мария», задрал нос в синеву, просела, едва не царапнув катер, и со стоном взмыла вверх.

Станислава прижало к спинке сиденья, в руках и ногах — свинец, голову вдавило в плечи, но мозг работал как никогда быстро и слаженно. Левая рука вовремя «врубила» движок и не слишком резко, чтобы не захлебнулся, двинула вперед рычаг газа.

Ожидая пуль вдогонку и опасаясь, что может рухнуть на избы, Станислав отвернул, теряя спасительную скорость, в сторону моря. Сразу почувствовал, как стали дряблы потоки воздуха под крыльями и на рулях. Мотопланер «посыпался», казалось, хвостом вниз, и звук двигателя словно скис...

Это было незнакомо и страшно. Хотелось, как сделало бы это его тело, толкнуть себя в высоту. Но Станислав заставил мотопланер опустить нос, не допуская крена, не позволяя «Марии» сорваться в штопор... Он сразу почувствовал нарастание скорости. Воздушная струя под плоскостями стала упругой, рули послушными. Станислав уже спокойно вывел мотопланер, едва не задев хвостовым колесиком мелкие волны. Двигатель, набравший обороты, вытащил на безопасную высоту.

Быстротечное невероятное напряжение уходило. Он едва разжал окаменевшие челюсти. Но вместо облегчения зрела ненависть, которую до этого удавалось сдерживать, спасаясь от шквала губительных эмоций. Сейчас плотину прорвало: «Если катер причалит к берегу, я врежусь в него...»

Страх не было. Ему просто негде было вместиться в сли-

том волей и желанием Я. Оно впитало еще какое-то новое силовое поле, которое шло из окружающего пространства, концентрируясь в нем и утверждаясь, как повеление Свыше. А может, это его душа, выросшая до размеров Вселенной, давала возможность в самоотверженном порыве слиться с ней?..

Спиной, затылком Станислав все еще ожидал очереди, пущенной вслед. Но ее не было. Он увидел катер, когда, набрав высоту, развернулся. Хряк по-прежнему сидел за рулем, а теплохранители вытаскивали из воды Кривоносого. Автомата у него в руках уже не было — утопил. Его ругань слышали не только на острове. Казалось, она заглушала даже рокот мотора.

Тотчас за кормой вскипели бурунчики, и катер, отойдя от берега, выскочил из протоки в море, распутив павлиний хвост рождающихся волн. Станислав чувствовал, как бешеный взгляд Кривоносого прожигает расстояние между ними. Бульдожий нрав сработал окончательно: Кривоносый будет гнать катер, вцепившись в «Марию» мертвой хваткой. И она уводила его, как птица, рискуя жизнью, уводит хищника от своего гнезда. Потому что, вопреки инстинкту самосохранения, существует чувство самоотречения — то главное, что движет жизнью, что выше самой жизни. То, чего никогда не понять расчетливым себялюбцам...

Станислав, держась достаточно далеко и мозоля глаза, дразнил. Надо быть идиотом, чтобы пытаться догнать на катере даже такой примитивный летательный аппарат. Но Кривоносый идиотом не был. Он прекрасно понимал, что запас топлива у «Марии» невелик, и наступит момент, когда самолетик вынужден будет вернуться на остров или сесть на воду. Тогда можно запросто расстрелять «воздушного наездника», если он захочет снова улизнуть в водную стихию. Бульдог не знал только, когда это случится, и гнался за врагом, которого видел, но не мог вцепиться зубами.

Топлива оставалось минут на пятнадцать полета. До спортивного аэродрома дотянуть удастся. Еще есть шоссе, поля, луговины, где можно в крайнем случае приземлиться. Но если бросить катер сейчас, Кривоносый вернется на остров. Что будет дальше — догадаться нетрудно... Значит, надо дотащить его до причала. А может, команда взбунтуется и заставит Кирюху уйти по реке в леса.

Экономя горючее, Станислав часто выключал двигатель — надеялся почувствовать восходящие потоки, но водная гладь не «дышала». Она была холодной и блестяще-тяжелой, как ртуть.

Торопливая очередь прошла рядом с опущенным крылом и испорола бы «Марию», не будь она на вираже. Но следующая...

Станислав резко изменил направление. Захотелось сжать

плечи и, сложив, как бабочка, крылья, слиться с облаками, поплыть вместе с ними. Запоздало сомлело в груди, ознобом прихватило тело. Ветер стал холодным, дуло даже из дырочки в полу.

«Уже вторая пуля... — вспомнилось московское шоссе, пробитое стекло кабины «Рено». — А третья...»

Издали на зеркальной воде красный катер напоминал игрушку. Таковую лодочку, только синюю, он таскал пятилетним пацаном на веревочке по лужам, радуясь вееру брызг, летящих из-под сапожек. Сейчас веревочка — автоматная очередь...

Станислав растянул дугу, уходя на безопасное расстояние. Хотя какое оно безопасное, если бьют из современного оружия? Но, оставшись с одним автоматом, Кривоносый вынужден беречь патроны.

Чувство неуязвимости и сверхсилы, сверхвозможностей и сверхудачи присуще юности, когда она вступает в период мужания, и оборачивается потом высоким или безрассудным порывом, значимость которого определяет цель: ради и во имя чего он?..

Станислав не задумывался, безумством или подвигом выглядит его поступок, кто и как расценит его действия потом. Он знал, что надо делать и зачем... Ему помогало еще нестойкое состояние птичьего полета, которое дает только Небо — не безразличное, как казалось раньше с земли, а строгое в своей доброте...

... Большую самоходную баржу, груженную углем, Станислав заметил давно. Глубоко осев, она не спеша утюжила гладь воды по середине фарватера. Волны за ней разбегались широким лоснящимся шлейфом, отсвечивая сталью на голубом.

Выключив двигатель, Станислав подошел к катеру со стороны солнца. Кривоносый с пистолетом в руке сидел на носу, упершись ногами в сиденье и задрав голову вверх: он снова потерял из виду «Марию». Хряк — на месте рулевого, теплохранители сзади. Один возился с автоматом, очевидно, менял рожок.

«Сколько у них там в запасе?» — с тоской подумал Станислав.

Низко пролетев над катером, он запустил двигатель и, с набором высоты, пересек путь барже в расчете, что в сторону судна стрелять не рискнут, но обязательно пойдут следом.

На ходовом мостике кто-то стоял. Станислав заметил солнечную вспышку наведенного на него бинокля. Он прошел параллельным курсом и, приветливо качнув крыльями, махнул рукой в сторону катера: человек с биноклем должен разглядеть оружие.

Город был теперь намного ближе, чем остров. Отчетливо видны заводские постройки и кварталы многоэтажных домов. Дамба, пересекающая водоем, напоминает уснувшего питона. У речного вокзала толпятся люди, осаждая причаливший «Метеор». В стороне пришвартовался комфортабельный теплоход. У въезда в порт застыла бело-синяя милицейская машина. Около грузового причала — вторая. Город, окутанный легкой дымкой, живет своей привычной жизнью, не подозревая о том, что происходит рядом с ним, на его глазах...

Обстановку на земле он оценил одним цепким взглядом, и мысль оформилась четко: надо выманить катер на эту сторону баржи... Но захочет ли Кривоносый так явно себя обозначить?

Станислав ввел «Марию» в неглубокий вираж, гадая, что решат предпринять на катере, чтобы не упустить добычу: отважат от самоходки в сторону и переждут, когда бесконечно длинный борт проползет мимо; обогнут с кормы или проскочат напрямую перед носом баржи, нависающей над водой, как утес?

Кривоносый сначала дал очередь из автомата. Станислав видел, как он, не решаясь встать во весь рост, полоснул над горой антрацита в его сторону, но взял чуть ниже, чем надо, и с неровного угольного гребня выбились черные фонтанчики. Самоходка сердито рывкнула гудком, на капитанский мостик высыпала команда.

Переместившись вперед, Станислав закрутился возле баржи, не пересекая ей путь. Седые усы пушисто взбитой пены начали опадать — самоходка сбавляла ход. Кривоносый тоже это заметил.

Катер метнулся вперед, наперерез громаде судна, норovia проскочить перед ним. И проскочил... почти...

То ли заглох мотор, а мощности второго не хватило, то ли Хряк — человек сухопутный — не рассчитал, или при виде неуязвимой дразнящей «Марии» слепая ярость лишила Кривоноса рассудка и он заставил гнать катер... А может, произошло то же, что и много лет назад возле острова, на замерзшей протоке: там, где спокойно прошел один, ухнул под лед другой — человек дурной и грешный.

Многотонный нос баржи ударил катер, подминая его под себя.

Станислав видел, как за секунду до этого оба телохранителя прыгнули с кормы в воду. Их проглотила волна. Хряка и Кривоносого накрыло расплюснутым красным днищем, как крышкой гроба.

Мгновение Станислав испытывал чувства дичи, внезапно волей рока ставшей охотником. Ни тени жалости, лишь злорадовство: «Вот вам! Доигрались?.. Туда и дорога!..» — все его

существо затопило облегчение, удовлетворение от хорошо выполненной трудной работы.

— Больше эти гады никому не сделают зла, — уже спокойно пробормотал Станислав, набирая высоту, чтобы взять курс на...

Додумать он не успел: двигатель чихнул и смолк — как умер. Взгляд Станислава метнулся к часам — с момента, когда он крикнул: «От винта!» и включил двигатель, прошла сорок одна минута.

«Я же сэкономил, выключал тебя!» — едва не закричал Станислав. «А как насилывал на предельных режимах!» — возмутился тот. Диалог оборвался. Мотопланер снижался, он не мог жить в небе без скорости, без высоты. Его притягивали к воде нисходящие потоки.

Садиться на воду — даже если удастся не зарыться в глубину, все равно погубить «Марию». И это сейчас, когда она стала такой родной, когда все беды позади, когда победа...

Вокруг — нестерпимо сияющая гладь... Почему мотопланер не гидроплан? Надо будет подсказать Петровичу... Причал забит людьми, на улице — машины... Рядом — только баржа.

Гора антрацита отлиывает черным серебром и жадно впитывает лучи солнца. Она вся насыщена солнцем. Загустевший воздух над ней морщится и дрожит, горячие потоки его поднимаются вверх, словно с хорошо прогретого каменного пригорка.

Высоты едва хватило, чтобы скользнуть в теплое марево. «Мария» радостно взмыла и сразу же вывалилась из потока: вираж не вписывался в ширину баржи, и Станислав начал ходить по овалу, стараясь уместиться над горой черного золота.

Вариометр показывал небольшой, но устойчивый набор высоты. Станислав чувствовал, как приподнимаются, всплывают плоскости, и воспаряет он сам. Мотопланер слегка покряхтывал, принимая мощь потока, и можно было не торопясь оглядеться.

Станиславу казалось, что на все его действия ушло много времени. Но часы показывали минуты. Только теперь он услышал крики о помощи и команды капитана самоходки. На воде уже плавали спасательные круги. Оба охранника пытались до них добраться.

Зато Хряк явно тонул. Похожая на теннисный мячик голова его то всплывала над поверхностью, то снова уходила под воду. Возможно, его оглушило. С борта самоходки уже спускали лодку.

Когда лысая голова дернулась в последний раз и волна накрыла ее окончательно, в душе у Станислава неприятно

дрогнуло... Он перевел взгляд на воду за кормой самоходки, но даже красных обломков не увидел — все спрятало, похоронило море.

«Жаль, Красавчика на катере не было... Но я еще до него доберусь...» — чувство ненависти было спокойным и стойким.

Взвыв сиреной, от грузового причала отвалил большой патрульный катер. Станислав думал, что он развернется в их сторону, но катер взял курс на Козлиный. Как Петрович и предполагал, помощь запоздала, и рассчитывать островитянам пришлось только на себя.

После напряжения, какого Станислав еще ни разу не испытывал, он чувствовал себя словно выжатым. Туманилось в глазах, обожженных нестерпимым блеском. Все предметы радужно расплывались. От круговых движений к горлу подкатывала тошнота. Он сменил направление витков — стало легче. Высота уже двести метров. А надо...

Припомнилось, как ночью, сидя на лавочке, Петрович рассчитывал дальность полета мотопланера с выключенным двигателем. Станислав слушал тогда невнимательно. Мысли были заняты Верочкой. Но привычка запоминать все, что надо, не подвела:

«С высоты тысяча метров «Мария» может пролететь пятнадцать километров — это ее аэродинамическое качество», — голос Петровича прокручивался в ушах, как на магнитофонной ленте.

«До острова — километров восемь, до спортивного аэродрома — двенадцать, — прикинул Станислав. — Значит, надо набрать высоту максимум восемьсот, если с запасом. При моей скорости подъема понадобится... десять минут, для подстраховки — пятнадцать... Не слишком ли все быстро и гладко? Посмотрим...»

Матросы уже подняли на борт самоходки охранников. Ощупали их карманы, что-то нашли и понесли показывать капитану. Хряка еще втаскивали из воды в лодку. Большое, неподвижное тело его напоминало тушу тюленя — живого или мертвого?..

Настало время решать: надо ли теперь лететь на спортивный аэродром, где, ничего не подозревая, штурмуют мирное небо парашютисты? Станислав представил себе, как изумленно вскинет брови Глеб и вытаращит глаза тезка, когда из одноместного мотопланера вылезет бывший «отказник», неудавшийся парашютист, и скромно доложит инструктору о совершенном им перелете. Сентиментальная картина, как из приключенческого фильма для подростков... Щекотнула недолгая радость самолюбования. Мелькнула озорная мысль: «Со временем и с парашютом прыгну...»

Станислав улыбнулся и перевел взгляд на остров. Там — его дом. Там ждет его любовь... Там за него волнуются самые дорогие сердцу люди, и предстоит пережить негромкую, для «внутреннего потребления», славу, которую он заслужил. И выволочку за излишний риск и лихачество, хотя Петрович, конечно, все понял и... оценил. Если его не хватил инфаркт при виде ошибок на пилотаже... Но победителей не судят.

Вот только бы не кончился тепловой поток от солнечного камня, только бы гряда облаков, ползущая с севера, не заслонила солнце. Только бы сам мотопланер не развалился — отверстие от пули в кабине пустило тонкие усики, а левая часть плоскости поет совсем другим, хрипловатым, голосом, стоит поглубже заложить крен.

Станислав вывернул шею сначала в одну, потом в другую сторону, пытаясь увидеть часть плоскости за спиной, но ничего опасного не заметил. Монотонно лопотал безработный пропеллер, вращаясь от набегающего потока воздуха.

И вспомнился сон: как летел с Верочкой, а потом и с дедом Никишей. Показалось, что старик сидит за спиной и что-то нашептывает о земле, о небе, о своем покаянии. О Богородице, дающей каждому шанс... Теплой каплей обозначился на груди образок.

Глубоко вздохнув, Станислав окинул небо долгим благодарным взглядом. Ослепительно сияли в бирюзовой бесконечности облака. Их белизна отражалась в море. Казалось, целая флотилия парусников неспешно плывет по воде, то лоснящейся, то матовой, то с рябью там, где просвечивают отмели. Возле берегов застыли зеленоватые с белым кружевом пены волны; узкие песчаные пляжи лентами вплелись в кудри кустов. Кроны деревьев напоминают ворсистый палас с хаотичным рисунком. Даже город, освобожденный от «грызунов» и «хищников», пытит, корежится старыми и новыми заботами не так очевидно. Высота приглушила, стерла все некрасивое, грязное, как старательная хозяйка, наводя в доме порядок и уют.

Все было гармонично и прекрасно в поднебесном мире, и в душе Станислава разливалась благодать. Он еще не догадался, что темный червячок, вылезавший из тела острова, — это дым от занявшегося пламенем ангара. Женщины, встав цепочкой от протоки до сарая, передают ведра с водой, пытаясь залить огонь.

Он не знал, что в этот самый момент Машенька бинтует Петровичу задетое пулей плечо. Тот шутит, надеясь ее успокоить, и с тревогой поглядывает в сторону города. Опытный взгляд его давно приметил и самоходную баржу, и «стрекозу», вьющуюся над ней. Он все понимает и, морщась от боли, восхищается, злится...

Баба Зина приводит в чувство Верочку, сомлевшую на звоннице. Но колокол «Богородицы» продолжает звучать — Андрейку сменяет Леонид, потом близняшки, Митяй. И, слыша тревожный набат, спешит к протоке народ из деревни и лесничества. Кутята тычутся в соски еще теплой Рыжули, собаки зализывают свои раны. А дед Аким, сидя на песке, гладит умирающего Чертяку. Трофим с подоспевшими рыбаками вылавливает последних бандитов, засевших в развалинах монастыря... А Лагин названивает в город, прося забрать «тех паразитов, что уже повязаны и сидят в леднике, пока совсем на снегу не окоचурились».

Станислав и предположить не мог, что на патрульном катере, спешившем к острову, торопил капитана и наставлял парней из спецназа Николай Лукич. У ног его, на правах давнего знакомого, крутился сообразительный Тошка, невероятно грязный и счастливый.

А дед Никиша все так же лежал у колокольни. Но священник читал молитвы уже не за упокой усопшего, а за здоровье живых... Баба Настя заговаривала малышню, и они все вместе сочиняли сказку-быль про белую птицу, которая у них на глазах увела хищную рыбину в даль безбрежную...

«Как странно, — бродили в голове Станислава непонятно кем навеянные мысли, — я сейчас совершенно не чувствую себя одиноким... Почему говорят, что человек рождается и умирает один, а потому одиночество — удел его жизни? Неправда! Человек рождается в любви и муках матери, а умирает с мыслью о тех, кого любил. И память любящих будет сопровождать его там, за Гранью, пока они сами живы. Пока не стерты, не забыты понятия «благодарность», «верность», «любовь»... Одиночества не существует, если сам не ищешь его, если идешь на помощь к людям, если они идут к тебе», — светлые чувства переполняли, возвышали его душу.

Станислав не мог знать, что облака быстрее, чем он рассчитывал, заслонят солнце, и высоты, которую удастся набрать, не хватит всего на чуть-чуть... «Мария» затонет возле берега, а сам он будет мучительно долго, захлебываясь, выбираться из кабины, царапая культиками замок привязных ремней.

И будет у него еще трудная жизнь, наполненная радостями, страданиями... и борьбой за возрождение Отечества.

А пока — небом и счастьем полнилась душа. Он набирал Высоту.

Ноябрь 2000 — январь 2002 гг.

Литературно-художественное издание

ОРЕШИНА НОННА НИКОЛАЕВНА

МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Остросюжетный психологический роман

Редактор *Г.М.Хасанова*

Художник *Н.С.Воропаева*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Компьютерная верстка *Н.П.Клиповой*

Корректоры *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 от 6 марта 2001 года.

Оригинал-макет подписан в печать 24.04.2003. Формат 84×108¹/₃₂.

Печать офсетная. Гарнитура «Антиква». Бумага офсетная.

Усл.печ.л. 28,56+форз. 0,21. Усл.кр.-отг. 29,82. Уч.-изд.л. 35,32+форз. 0,36.

Тираж 3000. Заказ Я-155.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Государственное унитарное предприятие издательско-полиграфический комплекс «Идел-Пресс». 420066. Казань, ул. Декабристов, 2.